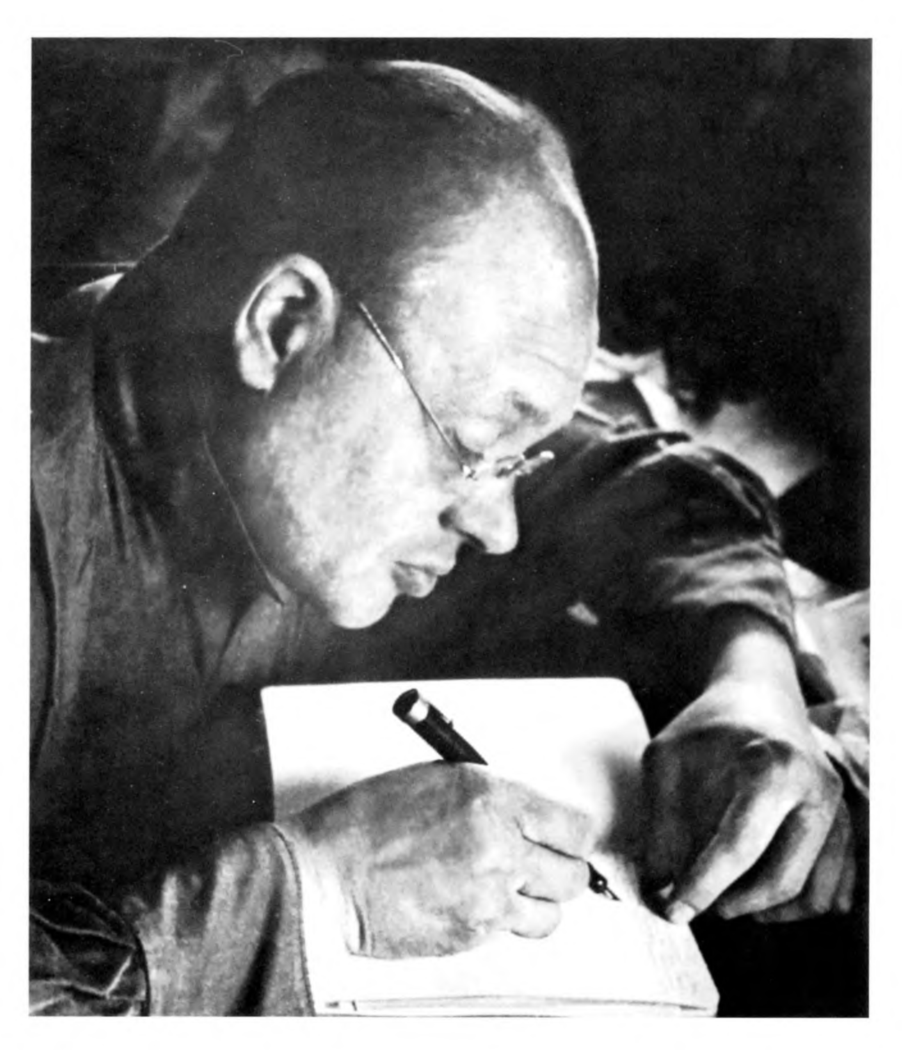
И. БАБЕЛЬ

Конармия

КОНАРМИЯ
И. БАБЕЛЬ

Исаак Эммануилович Бабель
Начало 1930-х годов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

И. БАБЕЛЬ

Конармия

Издание подготовила
Е.И. ПОГОРЕЛЬСКАЯ

МОСКВА НАУКА 2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2 Рос=Рус)6
Б12

Ответственный редактор
Н.В. КОРНИЕНКО

Серия основана
академиком С.И. ВАВИЛОВЫМ

По сети «Академкнига»
ISBN 978-5-02-040097-9

Конармия

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЗБРУЧ

Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынск взят сегодня на рассвете[1]. Штаб выступил из Крапивно[2], и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, по неувядаемому шоссе, идущему от Бреста до Варшавы[3] и построенному на мужичьих костях Николаем Первым[4].

Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, полуденный ветер играет в желтеющей ржи, девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря. Тихая Волынь изгибается, Волынь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля. Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, и штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу. Почерневший Збруч[5] шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд[6]. Величавая луна лежит на волнах. Лошади по спину уходят в воду, звучные потоки сочатся между сотнями лошадиных ног. Кто-то тонет и звонко порочит богородицу. Река усеяна черными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям.

Поздней ночью приезжаем мы в Новоград. Я нахожу беременную женщину на отведенной мне квартире и двух рыжих евреев с тонкими шеями; третий спит уже, укрывшись с головой и приткнувшись к стене[7]. Я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году – на Пасху[8].

– Уберите, – говорю я женщине, – как вы грязно живете, хозяева…

Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают обломки с полу, они прыгают в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке, их шеи пухнут и вертятся. Они кладут мне распоротую перину, и я ложусь к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем. Пугливая нищета смыкается тотчас над моим ложем.

Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном.

Я разминаю затекшие ноги, я лежу на распоротой перине и засыпаю. Начдив шесть снится мне. Он гонится на тяжелом жеребце за комбригом и всаживает ему две пули в глаза. Пули пробивают голову комбрига, и оба глаза его падают наземь.

– Зачем ты поворотил бригаду? – кричит раненому Савицкий, начдив шесть[9], – и тут я просыпаюсь, потому что беременная женщина шарит пальцами по моему лицу.

– Пане, – говорит она мне, – вы кричите со сна, и вы бросаетесь. Я постелю вам в другом углу, потому что вы толкаете моего папашу...

Она поднимает с полу худые ноги и круглый живот и снимает одеяло с заснувшего человека. Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь. Глотка его вырвана, лицо разрублено пополам, синяя кровь лежит в его бороде, как кусок свинца.

– Пане, – говорит еврейка и встряхивает перину, – поляки резали его, и он молился им: убейте меня на черном дворе, чтобы моя дочь не видела, как я умру. Но они сделали так, как им было удобнее, – он кончался в этой комнате и думал обо мне. И теперь я хочу знать, – сказала вдруг женщина с ужасной силой, – я хочу знать, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...

Новоград-Волынск,
июль 1920.

КОСТЕЛ В НОВОГРАДЕ

Я отправился вчера с докладом к военкому[1], остановившемуся в доме бежавшего ксендза. На кухне встретила меня пани Элиза, экономка иезуита[2]. Она дала мне янтарного чаю с бисквитами. Бисквиты ее пахли, как распятие. Лукавый сок был заключен в них и благовонная ярость Ватикана.

Рядом с домом в костеле ревели колокола, заведенные обезумевшим звонарем. Был вечер, полный июльских звезд. Пани Элиза, тряся внимательными сединами, подсыпала мне печенья, и я насладился пищей иезуитов.

Старая полька называла меня паном, у порога стояли навытяжку серые старики с окостеневшими ушами, и где-то в змеином сумраке извивалась сутана монаха. Патер бежал, но он оставил помощника – пана Ромуальда.

Гнусавый скопец с телом исполина, Ромуальд величал нас товарищами. Желтым пальцем водил он по карте, указывая круги польского разгрома. Охваченный хриплым восторгом, пересчитывал он раны своей родины. Пусть кроткое забвенье поглотит память о Ромуальде, предавшем нас без сожаления и расстрелянном мимоходом. Но в тот вечер его узкая сутана шевелилась у всех портьер, яростно мела все дороги и усмехалась всем, кто хотел пить водку. В тот вечер тень монаха кралась за мной неотступно. Он стал бы епископом – пан Ромуальд, – если бы он не был шпионом.

Я пил с ним ром, дыхание невиданного уклада мерцало под развалинами дома ксендза, и вкрадчивые его соблазны обессилили меня. О распятия, крохотные, как талисманы куртизанки, пергамент папских булл[3] и атлас женских писем, истлевших в синем шелку жилетов!..

Я вижу тебя отсюда, неверный монах в лиловой рясе, припухлость твоих рук, твою душу, нежную и безжалостную, как душа кошки, я вижу раны твоего бога, сочащиеся семенем, благоуханным ядом, опьяняющим девственниц.

Мы пили ром, дожидаясь военкома, но он все не возвращался из штаба. Ромуальд упал в углу и заснул. Он спит и трепещет, а за окном в саду под черной страстью неба переливается аллея. Жаждущие розы колышутся во тьме. Зеленые молнии пылают в куполах. Раздетый труп валяется под откосом. И лунный блеск струится по мертвым ногам, торчащим врозь.

Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой[4]! Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослу-

жителем, подкладываю под голову фолианты, в которых напечатана осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику Панства Иозефу Пильсудскому[5].

Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая, горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега[6], вставшие на час!..

Все нет моего военкома. Я ищу его в штабе, в саду, в костеле. Ворота костела раскрыты, я вхожу, и мне навстречу два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. В испуге я бросаюсь вниз, в подземелье. Дубовая лестница ведет оттуда к алтарю. И я вижу множество огней, бегущих в высоте у самого купола. Я вижу военкома, начальника особого отдела и казаков со свечами в руках. Они отзываются на слабый мой крик и выводят меня из подвала.

Черепа, оказавшиеся резьбой церковного катафалка, не пугают меня больше, и все вместе мы продолжаем обыск, потому что это был обыск, начатый после того как в квартире ксендза были найдены груды военного обмундирования.

Сверкая расшитыми конскими мордами наших обшлагов, перешептываясь и гремя шпорами, мы кружимся по гулкому зданию с оплывающим воском в руках. Богоматери, унизанные драгоценными камнями, следят наш путь розовыми, как у мышей, зрачками, пламя бьется в наших пальцах, и квадратные тени корчатся на статуях святого Петра, святого Франциска, святого Винцента[7], на их румяных щечках и курчавых бородах, раскрашенных кармином.

Мы кружимся и ищем. Под нашими пальцами прыгают костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая подземелья и зацветающие плесенью пещеры. Храм этот древен и полон тайны. Он скрывает в своих глянцевитых стенах потайные ходы, ниши и створки, распахивающиеся бесшумно.

О, глупый ксендз, развесивший на гвоздях Спасителя лифчики своих прихожанок! За царскими вратами мы нашли чемодан с золотыми монетами, сафьяновый мешок с кредитками и футляры парижских ювелиров с изумрудными перстнями.

А потом мы считали деньги в комнате военкома. Столбы золота, ковры из денег, порывистый ветер, дующий на пламя свечей, воронье безумье в глазах пани Элизы, громовый хохот Ромуальда и нескончаемый рев колоколов, заведенных паном Робацким, обезумевшим звонарем.

«Прочь, – сказал я себе, – прочь от этих подмигивающих мадонн, обманутых солдатами…»

ПИСЬМО

Вот письмо на родину, продиктованное мне мальчиком нашей экспедиции Курдюковым. Оно не заслуживает забвения. Я переписал его, не приукрашивая, и передаю дословно, в согласии с истиной.

«Любезная мама Евдокия Федоровна. В первых строках сего письма спешу вас уведомить, что, благодаря господа, я есть жив и здоров, чего желаю от вас слыхать то же самое. А также нижающе вам кланяюсь от бела лица до сырой земли… (следует перечисление родственников, крестных, кумовьев. Опустим это. Перейдем ко второму абзацу).

Любезная мама Евдокия Федоровна Курдюкова. Спешу вам писать, что я нахожусь в красной Конной армии товарища Буденного, а также тут находится ваш кум Никон Васильич, который есть в настоящее время красный герой. Они взяли меня к себе, в экспедицию Политотдела, где мы развозим на позиции литературу и газеты – Московские Известия Цик[1], Московская Правда[2] и родную беспощадную газету Красный Кавалерист[3], которую всякий боец на передовой позиции желает прочитать, и опосля этого он с геройским духом рубает подлую шляхту, и я живу при Никон Васильиче очень великолепно.

Любезная мама Евдокия Федоровна. Пришлите чего можете от вашей силы-возможности. Просю вас заколоть рябого кабанчика и сделать мне посылку в Политотдел товарища Буденного, получить Василию Курдюкову. Кажные сутки я ложуся отдыхать не евши и безо всякой одежи, так что дюже холодно. Напишите мне письмо за моего Степу, живой он или нет, просю вас, досматривайте до него и напишите мне за него – засекается он еще или перестал, а также насчет чесотки в передних ногах, подковали его или нет? Просю вас, любезная мама Евдокия Федоровна, обмывайте ему беспременно передние ноги с мылом, которое я оставил за образами, а если папаша мыло истребили, так купите в Краснодаре, и бог вас не оставит. Могу вам писать также, что здеся страна совсем бедная, мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам, пшеницы видать мало и она ужасно мелкая, мы с нее смеемся. Хозяева сеют рожь и то же самое овес. На палках здеся растет хмель, так что выходит очень аккуратно; из него гонют самогон.

Во вторых строках сего письма спешу вам описать за папашу, что они порубали брата Федора Тимофеича Курдюкова тому назад с год времени. Наша красная

бригада товарища Павличенки наступала на город Ростов[4], когда в наших рядах произошла измена. А папаша были в тое время у Деникина[5] за командира роты. Которые люди их видали, – то говорили, что они носили на себе медали, как при старом режиме. И по случа́ю той измены всех нас побрали в плен, и брат Федор Тимофеич попались папаше на глаза. И папаша начали Федю резать, говоря – шкура, красная собака, сукин сын и разно, и резали до темноты, пока брат Федор Тимофеич не кончился. Я написал тогда до вас письмо, как ваш Федя лежит без креста. Но папаша пымали меня с письмом и говорили: вы материны дети, вы ейный корень, потаскухин, я вашу матку брюхатил и буду брюхатить, моя жизнь погибшая, изведу я за правду свое семя, и еще разно. Я принимал от них страдания, как спаситель Исус Христос. Только вскорости я от папаши убег и прибился до своей части товарища Павличенки. И наша бригада получила приказание идти в город Воронеж пополняться[6], и мы получили там пополнение, а также коней, сумки, наганы и все, что до нас принадлежало. За Воронеж могу вам описать, любезная мама Евдокия Федоровна, что это городок очень великолепный[7], будет поболе Краснодара, люди в ем очень красивые, речка способная до купанья. Давали нам хлеба по два фунта в день, мяса полфунта и сахару подходяще, так что вставши пили сладкий чай, то же самое вечеряли и про голод забыли, а в обед я ходил к брату Семен Тимофеичу за блинами или гусятиной и опосля этого лягал отдыхать. В тое время Семен Тимофеича за его отчаянность весь полк желал иметь за командира и от товарища Буденного вышло такое приказание, и он получил двух коней, справную одежу, телегу для барахла отдельно и орден Красного Знамени, а я при ем считался братом. Таперича какой сосед вас начнет забижать – то Семен Тимофеич может его вполне зарезать. Потом мы начали гнать генерала Деникина, порезали их тыщи и загнали в Черное море[8], но только папаши нигде не было видать, и Семен Тимофеич их разыскивали по всех позициях, потому что они очень скучали за братом Федей. Но только, любезная мама, как вы знаете за папашу и за его упорный характер, так он что сделал – нахально покрасил себе бороду с рыжей на вороную и находился в городе Майкопе[9] в вольной одеже, так что никто из жителей не знал, что он есть самый что ни на есть стражник при старом режиме. Но только правда – она себя окажет, кум ваш Никон Васильич случа́ем увидал его в хате у жителя и написал до Семен Тимофеича письмо. Мы посидали на коней и пробегли двести верст – я, брат Сенька и желающие ребята из станицы.

И что же мы увидали в городе Майкопе? Мы увидали, что тыл никак не сочувствует фронту и в ем повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме. И Семен Тимофеич в городе Майкопе с жидами здорово спорился, которые не выпущали от себя папашу и засадили его в тюрьму под замок, говоря – пришел приказ товарища Троцкого не рубать пленных[10], мы сами его будем судить, не серчайте, он свое получит. Но только Семен Тимофеич свое взял и доказал, то он есть командир полка и имеет от товарища Буденного все ордена Красного Знамени, и грозился всех порубать, которые спорятся за папашину личность

и не выдают ее, и также грозились ребята со станицы. Но только Семен Тимофеич папашу получили, и они стали папашу плетить и выстроили во дворе всех бойцов, как принадлежит к военному порядку. И тогда Сенька плеснул папаше Тимофей Родионычу воды на бороду, и с бороды потекла краска. И Сенька спросил Тимофей Родионыча:

– Хорошо вам, папаша, в моих руках?

– Нет, – сказали папаша, – худо мне.

Тогда Сенька спросил:

– А Феде, когда вы его резали, хорошо было в ваших руках?

– Нет, – сказали папаша, – худо было Феде.

Тогда Сенька спросил:

– А думали вы, папаша, что и вам худо будет?

– Нет, – сказали папаша, – не думал я, что мне худо будет.

Тогда Сенька поворотился к народу и сказал:

– А я так думаю, что если попадусь я к вашим, то не будет мне пощады. А теперь, папаша, мы будем вас кончать…

И Тимофей Родионыч зачал нахально ругать Сеньку по матушке и в богородицу и бить Сеньку по морде, и Семен Тимофеич услали меня со двора, так что я не могу, любезная мама Евдокия Федоровна, описать вам за то, как кончали папашу, потому я был усланный со двора.

Опосля этого мы получили стоянку в городе в Новороссийском[11]. За этот город можно рассказать, что за ним никакой суши больше нет, а одна вода, Черное море, и мы там оставалися до самого мая, когда выступили на польский фронт[12] и треплем шляхту почем зря…

Остаюсь ваш любезный сын Василий Тимофеич Курдюков. Мамка, доглядайте до Степки, и бог вас не оставит…»

Вот письмо Курдюкова, ни в одном слове не измененное. Когда я кончил, он взял исписанный листок и спрятал его за пазуху, на голое тело.

– Курдюков, – спросил я мальчика, – злой у тебя был отец?

– Отец у меня был кобель, – ответил он угрюмо.

– А мать лучше?

– Мать подходящая. Если желаешь – вот наша фамилия…

Он протянул мне сломанную фотографию. На ней был изображен Тимофей Курдюков, плечистый стражник в форменном картузе и с расчесанной бородой, недвижный, скуластый, с сверкающим взглядом бесцветных и бессмысленных глаз. Рядом с ним, в бамбуковом креслице, мерцала крохотная крестьянка в выпущенной кофте, с чахлыми светлыми и застенчивыми чертами лица. А у стены, у этого жалкого провинциального фотографического фона с цветами и голубями, высились два парня – чудовищно огромные, тупые, широколицые, лупоглазые, застывшие, как на ученье, два брата Курдюковых – Федор и Семен.

НАЧАЛЬНИК КОНЗАПАСА

На деревне стон стоит. Конница травит хлеба и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Бранить тут некого. Без лошади нет армии.

Но крестьянам не легче от этого сознания. Крестьяне неотступно толпятся у здания штаба.

Они тащут на веревках упирающихся, скользящих от слабости одров[1]. Лишенные кормильцев, мужики – чувствуя в себе прилив горькой храбрости и зная, что храбрости ненадолго хватит, – спешат, безо всякой надежды, надерзить начальству, богу и своей жалкой доле.

Начальник штаба Ж[2]. в полной форме стоит на крыльце. Прикрыв воспаленные веки, он с видимым вниманием слушает мужичьи жалобы. Но внимание его не более как прием. Как и всякий вышколенный и переутомившийся работник, он умеет в пустые минуты существования полностью прекратить мозговую работу. В эти немногие минуты коровьего блаженного бессмыслия начальник нашего штаба встряхивает изношенную машину.

Так и на этот раз с мужиками.

Под успокоительный аккомпанемент их бессвязного и отчаянного гула Ж. следит со стороны за той мягкой толкотней в мозгу, которая предвещает чистоту и энергию мысли. Дождавшись нужного перебоя, он ухватывает последнюю мужичью слезу, начальственно огрызается и уходит к себе в штаб работать.

На этот раз и огрызнуться не пришлось. На огненном своем англо-арабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса – краснорожий, седоусый, в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар.

– Честным стервам игуменье благословенье, – прокричал он, осаживая коня на карьере, и в то же мгновение к нему под стремя подвалилась облезлая лошаденка, одна из обмененных казаками.

– Вон, товарищ начальник, – завопил мужик, хлопая себя по штанам, – вон чего ваш брат дает нашему брату… Видал, чего дают? Хозяйствуй на ей…

– А за этого коня, – раздельно и веско начал тогда Дьяков, – за этого коня, почтенный друг, ты в полном своем праве получить в конском запасе пятнадцать тысяч рублей, а ежели этот конь был бы повеселее, то в ефтим случае ты

получил бы, желанный друг, в конском запасе двадцать тысяч рублей. Но, однако, что конь упал – это не хвакт. Ежели конь упал и поднимется, то это – конь; ежели он, обратно сказать, не подымется, тогда это не конь. Но, между прочим, эта справная кобылка у меня подымется…

– О, господи, мамуня же ты моя всемилостивая, – взмахнул руками мужик, – где ей, сироте, подняться… Она, сирота, подохнет…

– Обижаешь коня, кум, – с глубоким убеждением ответил Дьяков, – прямо-таки богохульствуешь, кум, – и он ловко снял с седла свое статное тело атлета. Расправляя прекрасные ноги, схваченные в коленях ремешком, пышный и ловкий, как на сцене, он двинулся к издыхающему животному. Оно уныло уставилось на Дьякова своим крутым глубоким глазом, слизнуло с его малиновой ладони невидимое какое-то повеление, и тотчас же обессиленная лошадь почувствовала умелую силу, истекавшую от этого седого цветущего и молодцеватого Ромео. Поводя мордой и скользя подламывающимися ногами, ощущая нетерпеливое и властное щекотание хлыста под брюхом, кляча медленно внимательно становилась на ноги. И вот все мы увидели, как тонкая кисть в развевающемся рукаве потрепала грязную гриву и хлыст со стоном прильнул к кровоточащим бокам. Дрожа всем телом, кляча стояла на своих на четырех и не сводила с Дьякова собачьих, боязливых, влюбляющихся глаз.

– Значит, что конь, – сказал Дьяков мужику и добавил мягко, – а ты жалился, желанный друг…

Бросив ординарцу поводья, начальник конзапаса взял с маху четыре ступеньки и, взметнув оперным плащом, исчез в здании штаба.

Белев,
июль 1920 г.

ПАН АПОЛЕК

Прелестная и мудрая жизнь пана Аполека ударила мне в голову, как старое вино. В Новоград-Волынске, в наспех смятом городе, среди скрюченных развалин, судьба бросила мне под ноги укрытое от мира евангелие. Окруженный простодушным сиянием нимбов, я дал тогда обет следовать примеру пана Аполека. И сладость мечтательной злобы, горькое презрение к псам и свиньям человечества, огонь молчаливого и упоительного мщения – я принес их в жертву новому обету.

*

В квартире бежавшего новоградского ксендза висела высоко на стене икона. На ней была надпись: «Смерть Крестителя»[1]. Не колеблясь, признал я в Иоанне изображение человека, мною виденного когда-то.

Я помню: между прямых и светлых стен стояла паутинная тишина летнего утра. У подножья картины был положен солнцем прямой луч. В нем роилась блещущая пыль. Прямо на меня из синей глубины ниши спускалась длинная фигура Иоанна. Черный плащ торжественно висел на этом неумолимом теле, отвратительно худом. Капли крови блистали в круглых застежках плаща. Голова Иоанна была косо срезана с ободранной шеи. Она лежала на глиняном блюде, крепко взятом большими желтыми пальцами воина. Лицо мертвеца показалось мне знакомым. Предвестие тайны коснулось меня. На глиняном блюде лежала мертвая голова, списанная с пана Ромуальда, помощника бежавшего ксендза. Из оскаленного рта его, цветисто сияя чешуей, свисало крохотное туловище змеи. Ее головка, нежно-розовая, полная оживления, могущественно оттеняла глубокий фон плаща[2].

Я подивился искусству живописца, мрачной его выдумке. Тем удивительнее показалась мне на следующий день краснощекая богоматерь, висевшая над супружеской кроватью пани Элизы, экономки старого ксендза. На обоих полотнах лежала печать одной кисти. Мясистое лицо богоматери – это был портрет с пани Элизы. И тут я приблизился к разгадке новоградских икон. Разгадка вела на кухню к пани Элизе, где душистыми вечерами собирались тени старой холопской Польши с юродивым художником во главе. Но был ли юродивым пан

Аполек, населивший ангелами пригородные села и произведший в святые хромого выкреста Янека?

Он пришел сюда с слепым Готфридом тридцать лет тому назад в невидный летний день. Приятели – Аполек и Готфрид – подошли к корчме Шмереля, что стоит на Ровненском шоссе, в двух верстах от городской черты. В правой руке у Аполека был ящик с красками, левой он вел слепого гармониста. Певучий шаг их немецких башмаков, окованных гвоздями, звучал спокойствием и надеждой. С тонкой шеи Аполека свисал канареечный шарф, три шоколадных перышка покачивались на тирольской шляпе слепого.

В корчме на подоконнике пришельцы разложили краски и гармонику. Художник размотал свой шарф, нескончаемый, как лента ярмарочного фокусника. Потом он вышел во двор, разделся донага и облил студеною водой свое розовое узкое хилое тело. Жена Шмереля принесла гостям изюмной водки и миску благовонной зразы. Насытившись, Готфрид положил гармонию на острые свои колени. Он вздохнул, откинул голову и пошевелил худыми пальцами. Звуки гейдельбергских песен[3] огласили прокопченные стены еврейского шинка. Аполек подпевал слепцу дребезжащим голосом. Все это выглядело так, как будто из костела святой Индегильды[4] принесли к Шмерелю орган и на органе рядышком уселись музы в пестрых ватных шарфах и подкованных немецких башмаках.

Гости пели до заката, потом они уложили в холщовые мешки гармонику и краски, и пан Аполек с низким поклоном передал Брайне, жене корчмаря, лист бумаги.

– Милостивая пани Брайна, – сказал он, – примите от бродячего художника, крещенного христианским именем Аполлинария, этот ваш портрет – как знак холопской нашей признательности, как свидетельство роскошного вашего гостеприимства. Если бог Исус продлит мои дни и укрепит мое искусство, я вернусь, чтобы переписать красками этот портрет. К волосам вашим подойдут жемчуга, а на груди мы припишем изумрудное ожерелье…

На небольшом листе бумаги красным карандашом, карандашом красным и мягким, как глина, было изображено смеющееся лицо пани Брайны, обведенное медными кудрями.

– Мои деньги! – вскричал Шмерель, увидев портрет жены. Он схватил палку и пустился за постояльцами в погоню. Но по дороге Шмерель вспомнил розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце на своем дворике, и тихий звон гармоники. Корчмарь смутился духом и, отложив палку, вернулся домой.

На следующее утро Аполек представил новоградскому ксендзу диплом об окончании мюнхенской академии и разложил перед ним двенадцать картин на темы из Священного писания. Картины эти были написаны маслом на тонких пластинках кипарисного дерева. Патер увидал на своем столе горящий пурпур мантий, блеск смарагдовых полей и цветистые покрывала, накинутые на равнины Палестины.

Святые пана Аполека, весь этот набор ликующих и простоватых старцев, седобородых, краснолицых – был втиснут в потоки шелка и могучих вечеров.

В тот же день пан Аполек получил заказ на роспись нового костела. И за бенедиктином патер сказал художнику:

– Санта-Мария, – сказал он, – желанный пан Аполлинарий, из каких чудесных областей снизошла к нам ваша столь радостная благодать?..

Аполек работал с усердием, и уже через месяц новый храм был полон блеяния стад, пыльного золота закатов и палевых коровьих сосцов. Буйволы с истертой кожей влеклись в упряжке, собаки с розовыми мордами бежали впереди отары, и в колыбелях, подвешенных к прямым стволам пальм, качались тучные младенцы. Коричневые рубища францисканцев[5] окружали колыбель. Толпа волхвов была изрезана сверкающими лысинами и морщинами, кровавыми, как раны. В толпе волхвов мерцало лисьей усмешкой старушечье личико Льва XIII[6], и сам новоградский ксендз, перебирая одной рукой китайские резные четки, благословлял другой, свободной, новорожденного Исуса.

Пять месяцев ползал Аполек, заключенный в свое деревянное сиденье, вдоль стен, вдоль купола и на хорах.

– У вас пристрастие к знакомым лицам, желанный пан Аполек, – сказал однажды ксендз, узнав себя в одном из волхвов и пана Ромуальда – в отрубленной голове Иоанна. Он улыбнулся, старый патер, и послал бокал коньяку художнику, работавшему под куполом.

Потом Аполек закончил Тайную вечерю и Побиение камнями Марии из Магдалы[7]. В одно из воскресений он открыл расписанные стены. Именитые граждане, приглашенные ксендзом, узнали в апостоле Павле Янека, хромого выкреста, и в Марии Магдалине – еврейскую девушку Эльку, дочь неведомых родителей и мать многих подзаборных детей[8]. Именитые граждане приказали закрыть кощунственные изображения. Ксендз обрушил угрозы на богохульника. Но Аполек не закрыл расписанных стен.

Так началась неслыханная война между могущественным телом католической церкви, с одной стороны, и беспечным богомазом – с другой. Она длилась три десятилетия – война безжалостная, как страсть иезуита. Случай едва не возвел кроткого гуляку в основатели новой ереси. И тогда это был бы самый замысловатый и смехотворный боец из всех, каких знала уклончивая и мятежная история римской церкви. Боец, в блаженном хмелю обходивший землю с двумя белыми мышами за пазухой и с набором тончайших кисточек в кармане.

– Пятнадцать злотых за Богоматерь, двадцать пять злотых за Святое семейство и пятьдесят злотых за Тайную вечерю с изображением всех родственников заказчика. Враг заказчика может быть изображен в образе Иуды Искариота[9], и за это добавляется лишних десять злотых, – так объявил Аполек окрестным крестьянам после того как его выгнали из строящегося храма.

В заказах он не знал недостатка. И когда через год, вызванная исступленными посланиями новоградского ксендза, прибыла комиссия от епископа в Житомире, она нашла в самых захудалых и зловонных хатах эти чудовищные семейные портреты, святотатственные, наивные и живописные, как цветение тропического сада. Иосифы с расчесанной надвое сивой головой, напомаженные Исусы, многорожавшие деревенские Марии с поставленными врозь коленями – эти иконы висели в красных углах, окруженные венцами из бумажных цветов.

– Он произвел вас при жизни в святые, – воскликнул викарий[10] дубенский и новоконстантиновский, отвечая толпе, защищавшей Аполека, – он окружил вас неизреченными принадлежностями святыни, вас, трижды впадавших в грех ослушания, тайных винокуров, безжалостных заимодавцев, делателей фальшивых весов и продавцов невинности собственных дочерей.

– Ваше священство, – сказал тогда викарию колченогий Витольд, скупщик краденого и кладбищенский сторож, – в чем видит правду всемилостивейший пан бог, кто скажет об этом темному народу? И не больше ли истины в картинах пана Аполека, угодившего нашей гордости, чем в ваших словах, полных хулы и барского гнева…

Возгласы толпы обратили викария в бегство. Состояние умов в пригородах угрожало безопасности служителей церкви. Художник, приглашенный на место Аполека, не решался замазать Эльку и хромого Янека. Их можно видеть и сейчас в боковом приделе новоградского костела: Янека – апостола Павла, – боязливого хромца с черной клочковатой бородой деревенского отщепенца, и ее, блудницу из Магдалы, хилую и безумную, с танцующим телом и впалыми щеками.

Борьба с ксендзом длилась три десятилетия. Потом казацкий разлив изгнал старого монаха из его каменного и пахучего гнезда, и Аполек – о, превратности судьбы – водворился в кухне пани Элизы. И вот я, мгновенный гость, пью по вечерам вино его беседы.

Беседы – о чем? О романтических временах шляхетства, о ярости бабьего фанатизма, о художнике Луке дель-Роббио[11] и о семье плотника из Вифлеема[12].

– Имею сказать пану писарю[13]… – таинственно сообщает мне Аполек перед ужином.

– Да, – отвечаю я, – да, Аполек, я слушаю вас…

Но костельный служка, пан Робацкий, суровый и серый, костлявый и ушастый, сидит слишком близко от нас. Он развешивает перед нами поблекшие полотна молчания и неприязни.

– Имею сказать пану, – шепчет Аполек и уводит меня в сторону, – что Исус, сын Марии, был женат на Деборе, иерусалимской девице незнатного рода…

– О, тен чло́век, – кричит в отчаянии пан Робацкий, – тен чло́век не умрет на своей постели… Тего чловека забиют людове…

– После ужина, – упавшим голосом шелестит Аполек, – после ужина, если пану писарю будет угодно…

Мне угодно. Зажженный началом Аполековой истории, я расхаживаю по кухне и жду заветного часа. А за окном стоит ночь, как черная колонна. За окном окоченел живой и темный сад. Млечным и блещущим потоком льется под луной дорога к костелу. Земля выложена сумрачным сиянием, ожерелья светящихся плодов повисли на кустах. Запах лилий чист и крепок, как спирт. Этот свежий яд впивается в жирное бурливое дыхание плиты и мертвит смолистую духоту ели, разбросанной по кухне.

Аполек в розовом банте и истертых розовых штанах копошится в своем углу, как доброе и грациозное животное. Стол его измазан клеем и красками. Старик работает мелкими и частыми движениями, тишайшая мелодическая дробь доносится из его угла.

Старый Готфрид выбивает ее своими трепещущими пальцами. Слепец сидит недвижимо в желтом и масляном блеске лампы. Склонив лысый лоб, он слушает нескончаемую музыку своей слепоты и бормотание Аполека, вечного друга.

– ...И то, что говорят пану попы и евангелист Марк, и евангелист Матфей[14], – то не есть правда... Но правду можно открыть пану писарю, которому за пятьдесят марок я готов сделать портрет под видом блаженного Франциска[15] на фоне зелени и неба. То был совсем простой святой, пан Франциск. И если у пана писаря есть в России невеста... Женщины любят блаженного Франциска, хотя не все женщины, пан...

Так началась в углу, пахнувшем елью, история о браке Исуса и Деборы[16]. Эта девушка имела жениха, по словам Аполека. Ее жених был молодой израильтянин, торговавший слоновыми бивнями[17]. Но брачная ночь Деборы кончилась недоумением и слезами. Женщиной овладел страх, когда она увидела мужа, приблизившегося к ее ложу. Невыносимая икотка раздула ее глотку. Она изрыгнула все съеденное ею за свадебной трапезой. Позор пал на Дебору, на отца ее, на мать ее и на весь род ее. Жених оставил ее, глумясь, и созвал всех гостей. Тогда Исус, видя необыкновенное томление женщины, жаждавшей мужа и боявшейся его, возложил на себя одежду новобрачного и, полный сострадания, соединился с Деборой, лежавшей в блевотине. Потом она вышла к гостям, шумно торжествуя и лукаво отводя взоры, как женщина, которая гордится своим падением. И только Исус стоял в стороне. Смертельная испарина выступила на его теле, и пчела скорби укусила его в сердце. Никем не замеченный, он вышел из пиршественного зала и удалился в пустынную страну, на восток от Иудеи, где ждал его Иоанн[18]. И родился у Деборы первенец...

– Где же он? – вскричал я, смеясь и ужасаясь.

– Его скрыли попы, – произнес Аполек с важностью и приблизил легкий и зябкий палец к своему носу пьяницы.

– Пан художник, – вскричал вдруг Робацкий, поднимаясь из тьмы, и серые уши его задвигались, – цо вы мувите? То же есть немыслимо...

– Так, так, – съежился Аполек и схватил Готфрида, – так, так, пане...

Он потащил слепца к выходу, но на пороге помедлил и поманил меня пальцем.

– Блаженный Франциск, – прошептал он, мигая глазами, – с птицей на рукаве, с голубем или щеглом, как пану писарю будет угодно…

И он исчез с слепым и вечным своим другом.

– О, дурацтво, – произнес тогда Робацкий, костельный служка, – тен члóвек не умрет на своей постели…

Пан Робацкий широко раскрыл рот и зевнул, как кошка. Я распрощался и ушел ночевать к себе домой, к моим обворованным евреям.

По городу слонялась бездомная луна. И я шел с ней вместе, отогревая в себе неисполнимые мечты и нестройные песни.

СОЛНЦЕ ИТАЛИИ

Я снова сидел вчера в людской у пани Элизы под нагретым венцом из зеленых ветвей ели. Я сидел у теплой живой ворчливой печи и потом возвращался к себе глубокой ночью. Внизу у обрыва бесшумный Збруч катил стеклянную темную волну[1]. Душа, налитая томительным хмелем мечты, улыбалась неведомо кому, и воображение, слепая счастливая баба, клубилось впереди июльским туманом.

Обгорелый город – переломленные колонны и врытые в землю крючки злых старушечьих мизинцев – он казался мне поднятым на воздух, удобным и небывалым, как сновиденье. Голый блеск луны лился на него с неиссякаемой силой. Сырая плесень развалин цвела, как мрамор оперной скамьи. И я ждал потревоженной душой выхода Ромео из-за туч, атласного Ромео, поющего о любви, в то время как за кулисами понурый электротехник держит палец на выключателе луны.

Голубые дороги текли мимо меня, как струи молока, брызнувшие из многих грудей. Возвращаясь домой, я страшился встречи с Сидоровым, моим соседом, опускавшим на меня по ночам волосатую лапу своей тоски. По счастью, в эту ночь, растерзанную молоком луны, Сидоров не проронил ни слова. Обложившись книгами, он писал. На столе дымилась горбатая свеча – зловещий костер мечтателей. Я сидел в стороне, дремал, сны прыгали вокруг меня, как котята. И только поздней ночью меня разбудил ординарец, вызвавший Сидорова в штаб. Они ушли вместе. Я подбежал тогда к столу, на котором писал Сидоров, и перелистал его книги. Это был самоучитель итальянского языка, изображение римского форума и план города Рима. План был весь размечен крестиками и точками. Неясный хмель спал с меня. Я наклонился над исписанным листом и с замирающим сердцем, ломая пальцы, прочитал чужое письмо. Сидоров, тоскующий убийца, изорвал в клочья розовую вату моего воображения и потащил меня в коридоры здравомыслящего своего безумия. Письмо начиналось со второй страницы, я не осмелился искать начала:

«…Пробито легкое и маленько рехнулся или, как говорит Сергей, с ума слетел. Не сходить же с него, в самом деле, с дурака с этого, с ума. Впрочем, хвост набок и шутки в сторону… Обратимся к повестке дня, друг мой Виктория…

Я проделал трехмесячный махновский поход[2] – утомительное жульничество, и ничего более… И только Волин все еще там. Волин рядится в апостольские ризы и карабкается в Ленины от анархизма[3]. Ужасно. А батько слушает его, поглаживает пыльную проволоку своих кудрей и пропускает сквозь гнилые зубы длинную змею мужицкой своей усмешки. И я теперь не знаю, есть ли во всем этом не сорное зерно анархии и утрем ли мы вам ваши благополучные носы, самодельные цекисты из самодельного Цека made in Харьков, в самодельной столице[4]. Ваши рубахи-парни не любят теперь вспоминать грехи анархической их юности и смеются над нами с высоты государственной мудрости, – черт с ними…

А потом я попал в Москву. Как попал я в Москву? Ребята кого-то обижали в смысле реквизиционном и ином. Я, слюнтяй, вступился. Меня расчесали – и за дело. Рана была пустяковая, но в Москве, ах, Виктория, в Москве я онемел от несчастий. Каждый день госпитальные сиделки приносили мне крупицу каши. Взнузданные благоговением, они тащили ее на большом подносе, и я возненавидел эту ударную кашу, внеплановое снабжение и плановую Москву. В Совете встретился потом с горсточкой анархистов[5]. Они пижоны или полупомешанные старички. Сунулся в Кремль с планом настоящей работы. Меня погладили по головке и обещали сделать замом, если исправлюсь. Я не исправился. Что было дальше? Дальше был фронт, Конармия и солдатня, пахнущая сырой кровью и человеческим прахом.

Спасите меня, Виктория. Государственная мудрость сводит меня с ума, скука пьянит. Вы не поможете – и я издохну безо всякого плана. Кто же захочет, чтобы работник подох столь неорганизованно, не вы ведь, Виктория, невеста, которая никогда не будет женой[6]. Вот и сантиментальность, ну ее к распроэтакой матери…

Теперь будем говорить дело. В армии мне скучно. Ездить верхом из-за раны я не могу, значит, не могу и драться. Употребите ваше влияние, Виктория, – пусть отправят меня в Италию. Язык я изучаю, и через два месяца буду на нем говорить. В Италии земля тлеет. Многое там готово. Недостает пары выстрелов. Один из них я произведу. Там нужно отправить короля к праотцам. Это очень важно. Король у них славный дядя, он играет в популярность и снимается с ручными социалистами для воспроизведения в журналах семейного чтения.

В Цека, в Наркоминделе вы не говорите о выстрелах, о королях. Вас погладят по головке и промямлят: "романтик". Скажите просто – он болен, зол, пьян от тоски, он хочет солнца Италии и бананов. Заслужил ведь или, может, не заслужил? Лечиться – и баста. А если нет – пусть отправят в одесское Чека… Оно очень толковое и…

Как глупо, как незаслуженно и глупо пишу я, друг мой Виктория…

Италия, она вошла в сердце как наваждение. Мысль об этой стране, никогда не виданной, сладка мне, как имя женщины, как ваше имя, Виктория…»

Я прочитал письмо и стал укладываться на моем продавленном, нечистом ложе, но сон не шел. За стеной искренно плакала беременная еврейка, ей отвечало стонущее бормотанье долговязого мужа. Они вспоминали об ограбленных вещах и злобствовали друг на друга за незадачливость. Потом, перед рассветом, вернулся Сидоров. На столе задыхалась догоревшая свеча. Сидоров вынул из сапога другой огарок и с необыкновенной задумчивостью придавил им оплывший фитилек. Наша комната была темна, мрачна, все дышало в ней ночной сырой вонью, и только окно, заполненное лунным огнем, сияло как избавление.

Он пришел и спрятал письмо, мой томительный сосед. Сутулясь, сел он за стол и раскрыл альбом города Рима. Пышная книга с золотым обрезом стояла перед его оливковым невыразительным лицом. Над круглой его спиной блестели зубчатые развалины Капитолия и арена цирка, освещенная закатом. Снимок королевской семьи был заложен тут же, между большими глянцевитыми листами. На клочке бумаги, вырванном из календаря, был изображен приветливый тщедушный король Виктор-Эммануил[7] с своей черноволосой женой, с наследным принцем Умберто[8] и с целым выводком принцесс.

...И вот ночь, полная далеких и тягостных звонов, квадрат света в сырой тьме и в нем мертвенное лицо Сидорова, безжизненная маска, повисшая над желтым пламенем свечи.

ГЕДАЛИ

В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний. Когда-то в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзра[1]. Старуха моя в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала[2]. Детское сердце раскачивалось в эти вечера, как кораблик на заколдованных волнах[3]. О, истлевшие талмуды моего детства[4]! О, густая печаль воспоминаний!

Я кружу по Житомиру и ищу робкой звезды. У древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен старые евреи продают мел, синьку, фитили, – евреи с бородами пророков, с страстными лохмотьями на впалой груди…

Вот предо мною базар и смерть базара. Убита жирная душа изобилия. Немые замки висят на лотках, и гранит мостовой чист, как лысина мертвеца. Она мигает и гаснет – робкая звезда…

Удача пришла ко мне позже, удача пришла перед самым заходом солнца. Лавка Гедали спряталась в наглухо закрытых торговых рядах. Диккенс, где была в тот день твоя ласковая тень? Ты увидел бы в этой лавке древностей[5] золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер с выгравированной датой 1810 и сломанную кастрюлю.

Старый Гедали расхаживает вокруг своих сокровищ в розовой пустоте вечера – маленький хозяин в дымчатых очках и в зеленом сюртуке до полу. Он потирает белые ручки, он щиплет сивую бороденку и, склонив голову, слушает невидимые голоса, слетевшиеся к нему.

Эта лавка, как коробочка любознательного и важного мальчика, из которого выйдет профессор ботаники. В этой лавке есть и пуговицы, и мертвая бабочка, и маленького хозяина ее зовут Гедали. Все ушли с базара, Гедали остался. И он вьется в лабиринте из глобусов, черепов и мертвых цветов, помахивает пестрой метелкой из петушиных перьев и сдувает пыль с умерших цветов.

И вот мы сидим на бочонках из-под пива. Гедали свертывает и разматывает узкую бороду. Его цилиндр покачивается над нами, как черная башенка. Теплый воздух течет мимо нас. Небо меняет цвета. Нежная кровь льется из опрокинутой бутылки там вверху, и меня обволакивает легкий запах тления.

– Революция – скажем ей «да», но разве субботе мы скажем «нет»? – так начинает Гедали и обвивает меня шелковыми ремнями своих дымчатых глаз[6]. – «Да», кричу я революции, «да», кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед одну только стрельбу…

– В закрывшиеся глаза не входит солнце, – отвечаю я старику, – но мы распорем закрывшиеся глаза…

– Поляк закрыл мне глаза, – шепчет старик чуть слышно, – поляк, злая собака. Он берет еврея и вырывает ему бороду[7], ах, пес! И вот его бьют, злую собаку. Это замечательно, это – революция. И потом тот, который бил поляка, говорит мне: отдай на учет твой граммофон, Гедали… – Я люблю музыку, пани, – отвечаю я революции. – Ты не знаешь, что ты любишь, Гедали, я стрелять в тебя буду, тогда ты это узнаешь, и я не могу не стрелять, потому что я – революция…

– Она не может не стрелять, Гедали, – говорю я старику, – потому что она – революция…

– Но поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он – контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы – революция. А революция – это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция – это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция? Я учил когда-то Талмуд, я люблю комментарии Раше и книги Маймонида[8]. И еще другие понимающие люди есть в Житомире. И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на голос[9]: горе нам, где сладкая революция?..

Старик умолк. И мы увидели первую звезду, пробивавшуюся вдоль Млечного Пути.

– Заходит суббота, – с важностью произнес Гедали, – евреям надо в синагогу… Пане товарищ, – сказал он, вставая, и цилиндр, как черная башенка, закачался на его голове, – привезите в Житомир немножко хороших людей. Ай, в нашем городе недостача, ай, недостача! Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны. Мы не невежды. Интернационал – мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни свое удовольствие. Интернационал, пане товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают…

– Его кушают с порохом, – ответил я старику, – и приправляют лучшей кровью…

И вот она взошла на свое кресло из синей тьмы, юная суббота[10].

– Гедали, – говорю я, – сегодня пятница и уже настал вечер. Где можно достать еврейский коржик, еврейский стакан чаю и немножко этого отставного бога в стакане чаю?..

– Нету, – отвечает мне Гедали, навешивая замок на свою коробочку, – нету. Есть рядом харчевня, и хорошие люди торговали в ней, но там уже не кушают, там плачут…

Он застегнул свой зеленый сюртук на три костяные пуговицы. Он обмахал себя петушиными перьями, поплескал водицы на мягкие ладони[11] и удалился – крохотный, одинокий, мечтательный, в черном цилиндре и с большим молитвенником под мышкой.

Заходит суббота. Гедали – основатель несбыточного Интернационала – ушел в синагогу молиться.

МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ

Савицкий, начдив шесть, встал, завидев меня, и я удивился красоте гигантского его тела[1]. Он встал и пурпуром своих рейтуз, малиновой шапчонкой, сбитой набок, орденами, вколоченными в грудь, разрезал избу пополам, как штандарт разрезает небо. От него пахло недосягаемыми духами и приторной прохладой мыла. Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных до плеч в блестящие ботфорты.

Он улыбнулся мне, ударил хлыстом по столу и потянул к себе приказ, только что отдиктованный начальником штаба. Это был приказ Ивану Чеснокову выступить с вверенным ему полком в направлении Чугунов–Добрыводка[2] и, войдя в соприкосновение с неприятелем, такового уничтожить…

«…Каковое уничтожение, – стал писать начдив и измазал весь лист, – возлагаю на ответственность того же Чеснокова вплоть до высшей меры, которого и шлепну на месте[3], в чем вы, товарищ Чесноков, работая со мною на фронтах не первый месяц, не можете сомневаться…»

Начдив шесть подписал приказ с завитушкой, бросил его ординарцам и повернул ко мне серые глаза, в которых танцевало веселье.

– Сказывай! – крикнул он и рассек воздух хлыстом. Потом он прочитал бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии[4].

– Провести приказом, – сказал начдив, – провести приказом и зачислить на всякое удовольствие, кроме переднего. Ты грамотный?

– Грамотный, – ответил я, завидуя железу и цветам этой юности, – кандидат прав петербургского университета[5]…

– Ты из киндербальзамов[6], – закричал он, смеясь, – и очки на носу, какой паршивенькой… Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки. Поживешь с нами, што ль?

– Поживу, – ответил я и пошел с квартирьером на село искать ночлега. Квартирьер нес на плечах мой котелок, деревенская улица лежала перед нами, круглая и желтая, как тыква, умирающее солнце испускало на небе свой розовый дух.

Мы подошли к хате с расписными венцами, квартирьер остановился и сказал вдруг с виноватой улыбкой:

– Канитель тута у нас с очками и унять нельзя. Человек высшего отличия – из него здесь душа вон. А испорть вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка…

Он помялся с моим сундучком на плечах, подошел ко мне совсем близко, потом отскочил, полный отчаяния, и побежал в первый двор. Казаки сидели там на сене и брили друг друга.

– Вот, бойцы, – сказал квартирьер и поставил на землю мой сундучок. – Согласно приказания товарища Савицкого, обязаны вы принять этого человека к себе в помещение и без глупостев, потому этот человек пострадавший по ученой части…

Квартирьер побагровел и ушел, не оборачиваясь. Я приложил руку к козырьку и отдал честь казакам. Молодой парень с льняным висячим волосом и с прекрасным рязанским лицом подошел к моему сундучку и выбросил его за ворота. Потом он повернулся ко мне задом и с особенной сноровкой стал издавать постыдные звуки.

– Орудия номер два нуля, – крикнул ему казак постарше и засмеялся, – крой беглым…

Парень истощил нехитрое свое умение и отошел. Тогда, ползая по земле, я стал собирать рукописи и дырявые мои обноски, вывалившиеся из сундучка. Я собрал их и отнес на другой конец двора. У хаты на кирпичиках стоял котел, в нем варилась свинина, она дымилась, как дымится издалека родной дом в деревне, и путала во мне голод с одиночеством без примера. Я покрыл сеном разбитый мой сундучок, сделал из него изголовье и лег на землю, чтобы прочесть в «Правде» речь Ленина на Втором конгрессе Коминтерна[7]. Солнце падало на меня из-за зубчатых пригорков, казаки ходили по моим ногам, парень потешался надо мной без устали, и излюбленные строчки шли ко мне тернистою дорогой и не могли дойти. Тогда я отложил газету и пошел к хозяйке, сучившей пряжу на крыльце.

– Хозяйка, – сказал я, – мне жрать надо.

Старуха подняла на меня разлившиеся белки полуослепших глаз и опустила их снова.

– Товарищ, – сказала она, помолчав, – от этих дел я желаю повеситься.

– Господа бога душу мать, – пробормотал я тогда с досадой и толкнул старуху кулаком в грудь, – толковать тут мне с вами…

И, отвернувшись, я увидел чужую саблю, валявшуюся неподалеку. Строгий гусь шатался по двору и безмятежно чистил перья. Я догнал его и пригнул к земле, гусиная голова треснула под моим сапогом, треснула и потекла. Белая шея была разостлана в навозе, и крылья заходили над убитой птицей[8].

– Господа бога душу мать, – сказал я, копаясь в гусе саблей, – изжарь мне его, хозяйка.

Старуха, блестя слепотой и очками, подняла птицу, завернула ее в передник и потащила к кухне.

– Товарищ, – сказала она, помолчав, – я желаю повеситься, – и закрыла за собою дверь.

А на дворе казаки сидели уже вокруг своего котелка. Они сидели недвижимо, прямые, как жрецы, и не смотрели на гуся.

– Парень нам подходящий, – сказал обо мне один из них, мигнул и зачерпнул ложкой щи.

Казаки стали ужинать с сдержанным изяществом мужиков, уважающих друг друга, а я вытер саблю песком, вышел за ворота и вернулся снова, томясь. Луна висела уже над двором, как дешевая серьга.

– Братишка, – сказал мне вдруг Суровков, старший из казаков, – садись с нами снедать, покеле твой гусь доспеет…

Он вынул из сапога запасную ложку и подал ее мне. Мы похлебали самодельных щей и съели свинину.

– В газете-то что пишут? – спросил парень с льняным волосом и опростал мне место.

– В газете Ленин пишет, – сказал я, вытаскивая «Правду», – Ленин пишет, что во всем у нас недостача…[9]

И громко, как торжествующий глухой, я прочитал казакам ленинскую речь.

Вечер завернул меня в живительную влагу сумеречных своих простынь, вечер приложил материнские ладони к пылающему моему лбу.

Я читал и ликовал и подстерегал, ликуя, таинственную кривую ленинской прямой[10].

– Правда всякую ноздрю щекочет, – сказал Суровков, когда я кончил, – да как ее из кучи вытащить, а он бьет сразу, как курица по зерну…

Это сказал о Ленине Суровков, взводный штабного эскадрона, и потом мы пошли спать на сеновал[11]. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга, с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звезды[12]. Я видел сны и женщин во сне, и только сердце мое, обагренное убийством, скрипело и текло.

РАББИ[1]

– …Все смертно. Вечная жизнь суждена только матери. И когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание, которое никто еще не решился осквернить. Память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие вселенную…

Слова эти принадлежали Гедали. Он произнес их с важностью. Угасающий вечер окружил его розовым дымом своей печали. Старик сказал:

– В страстном здании хасидизма[2] вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери… С вытекшими глазницами хасидизм все еще стоит на перекрестке яростных ветров истории.

Так сказал Гедали и, помолившись в синагоге, он повел меня к рабби Моталэ, к последнему рабби из Чернобыльской династии[3].

Мы поднялись с Гедали вверх по главной улице. Белые костелы блеснули вдали, как гречишные поля. Орудийное колесо простонало за углом. Две беременных хохлушки вышли из ворот, зазвенели монистами и сели на скамью. Робкая звезда зажглась в оранжевых боях заката, и покой, субботний покой сел на кривые крыши житомирского гетто.

– Здесь, – прошептал Гедали и указал мне на длинный дом с разбитым фронтоном.

Мы вошли в комнату – каменную и пустую, как морг. Рабби Моталэ сидел у стола, окруженный бесноватыми и лжецами. На нем была соболья шапка и белый халат, стянутый веревкой[4]. Рабби сидел с закрытыми глазами и рылся худыми пальцами в желтом пухе своей бороды.

– Откуда приехал еврей?[5] – спросил он и приподнял веки.

– Из Одессы, – ответил я.

– Благочестивый город[6], – сказал вдруг рабби с необыкновенной силой, – звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий!.. Чем занимается еврей?

– Я перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя[7].

– Великий труд, – прошептал рабби и сомкнул веки, – шакал стонет, когда он голоден, у каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздирает смехом завесу бытия… Чему учился еврей?

– Библии.

– Чего ищет еврей?

– Веселья.

– Реб Мордхэ, – сказал цадик[8] и затряс бородой, – пусть молодой человек займет место за столом, пусть он ест в этот субботний вечер вместе с остальными евреями, пусть он радуется тому, что он жив, а не мертв, пусть он хлопает в ладоши, когда его соседи танцуют, пусть он пьет вино, если ему дадут вина...

И ко мне подскочил реб Мордхэ, давнишний шут с вывороченными веками, горбатый старикашка, ростом не выше десятилетнего мальчика.

– Ах, мой дорогой и такой молодой человек, – сказал оборванный реб Мордхэ и подмигнул мне. – Ах, сколько богатых дураков знал я в Одессе, сколько нищих мудрецов знал я в Одессе. Садитесь же за стол, молодой человек, и пейте вино, которого вам не дадут...

Мы уселись все рядом – бесноватые, лжецы и ротозеи. В углу стонали над молитвенниками плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов. Гедали в зеленом сюртуке дремал у стены, как пестрая птичка. И вдруг я увидел юношу за спиной Гедали, юношу с лицом Спинозы[9], с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини. Он курил и вздрагивал[10], как беглец, приведенный в тюрьму после погони. Оборванный Мордхэ подкрался к нему сзади, вырвал папиросу изо рта и отбежал ко мне.

– Это – сын равви Илья, – прохрипел Мордхэ и придвинул ко мне кровоточащее мясо развороченных век, – проклятый сын, последний сын, непокорный сын...

И Мордхэ погрозил юноше кулачком и плюнул ему в лицо.

– Благословен господь, – раздался тогда голос рабби Моталэ Брацлавского, и он переломил хлеб своими монашескими пальцами, – благословен бог Израиля, избравший нас между всеми народами земли...

Рабби благословил пищу, и мы сели за трапезу. За окном ржали кони и вскрикивали казаки. Пустыня войны зевала за окном. Сын рабби курил одну папиросу за другой среди молчания и молитвы. Когда кончился ужин, я поднялся первый.

– Мой дорогой и такой молодой человек, – забормотал Мордхэ за моей спиной и дернул меня за пояс, – если бы на свете не было никого, кроме злых богачей и нищих бродяг, как жили бы тогда святые люди?

Я дал старику денег[11] и вышел на улицу. Мы расстались с Гедали, я ушел к себе на вокзал. Там, на вокзале, в агитпоезде 1-й Конной армии меня ждало сияние сотен огней, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин в типографии и недописанная статья в газету «Красный Кавалерист»[12].

ПУТЬ В БРОДЫ

Я скорблю о пчелах. Они истерзаны враждующими армиями. На Волыни нет больше пчел.

Мы осквернили неописуемые ульи. Мы морили их серой и взрывали порохом. Чадившее тряпье издавало зловонье в священных республиках пчелы. Умирая, они летали медленно и жужжали чуть слышно. Лишенные хлеба, мы саблями добывали мед. На Волыни нет больше пчел.

Летопись будничных злодеяний теснит меня неутомимо, как порок сердца. Вчера был день первого побоища под Бродами. Заблудившись на голубой земле, мы не подозревали об этом – ни я, ни Афонька Бида, мой друг. Лошади получили с утра зерно. Рожь была высока, солнце было прекрасно, и душа, не заслужившая этих сияющих и улетающих небес, жаждала неторопливых болей. Поэтому я заставил непоколебимые уста Афоньки наклониться к моим печалям.

– …За пчелу и ее душевность рассказывают бабы по станицах, – ответил взводный, мой друг, – рассказывают всяко. Обидели люди Христа или не было такой обиды, – об этом все прочие дознаются по прошествии времени. Но вот, – рассказывают бабы по станицах, – скучает Христос на кресте. И подлетает к Христу всякая мошка, чтобы его тиранить. И он глядит на нее глазами и падает духом. Но только неисчислимой мошке не видно евоных глаз. И то же самое летает вокруг Христа пчела[1].

– Бей его, – кричит мошка пчеле, – бей его на наш ответ!..

– Не умею, – говорит пчела, поднимая крылья над Христом, – не умею, он плотницкого классу…

Пчелу понимать надо, – заключает Афонька, мой взводный. – Нехай пчела перетерпит. И для нее, небось, ковыряемся…

И, махнув руками, Афонька затянул песню. Это была песня о соловом жеребчике. Восемь казаков – Афонькин взвод – стали ему подпевать.

Соловый жеребчик, по имени Джигит, принадлежал подъесаулу, упившемуся водкой в день Усекновения главы[2]. Так пел Афонька, вытягивая голос, как струну, и засыпая. Джигит был верный конь, а подъесаул по праздникам не знал предела своим желаниям. Было пять штофов в день Усекновения главы. После четвертого подъесаул сел на коня и стал править в небо. Подъем был долог, но Джигит был верный конь. Они приехали на небо, и подъесаул хватился пя-

того штофа. Но он был оставлен на земле – последний штоф. Тогда подъесаул заплакал о тщете своих усилий. Он плакал, и Джигит прядал ушами, глядя на хозяина…

Так пел Афонька, звеня и засыпая. Песня плыла, как дым. И мы двигались навстречу героическому закату.

Его кипящие реки стекали по расшитым полотенцам крестьянских полей. Тишина розовела. Земля лежала, как кошачья спина, поросшая мерцающим мехом хлебов. На пригорке сутулилась мазаная деревушка Клекотов. За перевалом нас ждало видение мертвенных и зубчатых Брод[3]. Но у Клекотова нам в лицо звучно лопнул выстрел[4]. Из-за хаты выглянули два польских солдата. Их кони были привязаны к столбам. На пригорок деловито въезжала легкая батарея неприятеля. Пули нитями протянулись по дороге.

– Ходу! – сказал Афонька.

И мы бежали.

О Броды! Мумии твоих раздавленных страстей дышали на меня непреоборимым ядом. Я ощущал уже смертельный холод глазниц, налитых стынувшей слезой. И вот – трясущийся галоп уносит меня от выщербленного камня твоих синагог…

Броды,
август 1920 г.

УЧЕНИЕ О ТАЧАНКЕ

Мне прислали из штаба кучера, или, как принято у нас говорить, повозочного. Фамилия его Грищук. Ему тридцать девять лет. История его ужасна[1].

Пять лет пробыл Грищук в германском плену, несколько месяцев тому назад бежал, прошел Литву, северо-запад России, достиг Волыни и в Белеве был пойман самой безмозглой в мире мобилизационной комиссией и водворен на военную службу. До Кременецкого уезда, откуда Грищук родом, ему осталось пятьдесят верст. В Кременецком уезде у него жена и дети. Он не был дома пять лет и два месяца. Мобилизационная комиссия сделала его моим повозочным, и я перестал быть парией среди казаков.

Я – обладатель тачанки и кучера к ней. Тачанка! Это слово сделалось основой треугольника, на котором зиждется наш обычай: рубить – тачанка – конь…

Поповская, заседательская, ординарнейшая бричка по капризу гражданской распри вошла в случай, сделалась грозным и подвижным боевым средством, создала новую стратегию и новую тактику, исказила привычное лицо войны, родила героев и гениев от тачанки. Таков задушенный нами Махно, сделавший тачанку осью своей таинственной и лукавой стратегии. Таков Махно, упразднивший пехоту, артиллерию и даже конницу и взамен этих неуклюжих громад привинтивший к бричкам триста пулеметов[2]. Таков Махно, многообразный, как природа. Возы с сеном, построившись в боевой порядок, овладевают городами. Свадебный кортеж, подъезжая к волостному исполкому, без потери времени открывает сосредоточенный огонь, и чахлый попик, развеяв над собою черное знамя анархии, требует от властей выдачи буржуев, выдачи пролетариев, вина и музыки.

Армия из тачанок обладает неслыханной маневренной способностью.

Буденный показал это не хуже Махно. Рубить эту армию трудно, выловить – немыслимо. Пулемет, закопанный под скирдой, тачанка, отведенная в крестьянскую клуню[3], – они перестают быть боевыми единицами. Эти схоронившиеся точки, предполагаемые, но не ощутимые слагаемые, дают в сумме строение недавнего украинского села – свирепого, мятежного и корыстолюбивого. Такую армию, с растыканной по углам амуницией, Махно в один час приводит в боевое состояние; еще меньше времени требуется, чтобы демобилизовать ее.

У нас, в регулярной коннице Буденного, тачанка не властвует столь исключительно. Однако все наши пулеметные команды разъезжают только на бричках. Казачья выдумка различает два вида тачанок: колонистскую и заседательскую. Да это и не выдумка, а разделение, истинно существующее.

На заседательских бричках, на этих расхлябанных, без любви и изобретательности сделанных возках, тряслось по кубанским пшеничным степям убогое красноносое чиновничество, невыспавшаяся куча людей, спешивших на вскрытия и на следствия, а колонистские тачанки пришли к нам из самарских и уральских приволжских урочищ, из тучных немецких колоний. На дубовых просторных спинках колонистской тачанки рассыпана домовитая живопись – пухлые гирлянды розовых немецких цветов. Крепкие днища окованы железом. Ход поставлен на незабываемые рессоры. Жар многих поколений чувствую я в этих рессорах, бьющихся теперь по развороченному волынскому шляху[4].

Я испытываю восторг первого обладания. Каждый день после обеда мы запрягаем. Грищук выводит из конюшни лошадей. Они поправляются день ото дня. Я нахожу уже с гордой радостью тусклый блеск на их начищенных боках. Мы растираем коням припухшие ноги, стрижем гривы, накидываем на спины казацкую упряжь – запутанную ссохшуюся сеть из тонких ремней – и выезжаем со двора рысью. Грищук боком сидит на козлах; мое сиденье устлано цветистым рядном и сеном, пахнущим духами и безмятежностью. Высокие колеса скрипят в зернистом белом песке. Квадраты цветущего мака раскрашивают землю, разрушенные костелы светятся на пригорках. Высоко над дорогой, в разбитой ядром нише стоит коричневая статуя святой Урсулы[5] с обнаженными круглыми руками. И узкие древние буквы вяжут неровную цепь на почерневшем золоте фронтона… «Во славу Исуса и его божественной матери…»

Безжизненные еврейские местечки лепятся у подножия панских фольварков[6]. На кирпичных заборах мерцает вещий павлин, бесстрастное видение в голубых просторах. Прикрытая раскидистыми хибарками, присела к нищей земле синагога, безглазая, щербатая, круглая, как хасидская шляпа. Узкоплечие евреи грустно торчат на перекрестках. И в памяти зажигается образ южных евреев, жовиальных, пузатых, пузырящихся, как дешевое вино. Несравнима с ними горькая надменность этих длинных и костлявых спин, этих желтых и трагических бород[7]. В страстных чертах, вырезанных мучительно, нет жира и теплого биения крови. Движения галицийского и волынского еврея несдержанны, порывисты, оскорбительны для вкуса, но сила их скорби полна сумрачного величия, и тайное презрение к пану безгранично. Глядя на них, я понял жгучую историю этой окраины, повествование о талмудистах, державших на откупу кабаки, о раввинах, занимавшихся ростовщичеством, о девушках, которых насиловали польские жолнеры[8] и из-за которых стрелялись польские магнаты.

СМЕРТЬ ДОЛГУШОВА

Завесы боя продвигались к городу. В полдень пролетел мимо нас Корочаев в черной бурке – опальный начдив четыре[1], сражающийся в одиночку и ищущий смерти. Он крикнул мне на бегу:

– Коммуникации наши порваны, Радзивиллов и Броды в огне!..[2]

И ускакал – развевающийся, весь черный, с угольными зрачками.

На равнине, гладкой, как доска, перестраивались бригады. Солнце катилось в багровой пыли. Раненые закусывали в канавах. Сестры милосердия лежали на траве и вполголоса пели. Афонькины разведчики рыскали по полю, выискивая мертвецов и обмундирование. Афонька проехал в двух шагах от меня и сказал, не поворачивая головы:

– Набили нам ряжку[3]. Дважды два. Есть думка за начдива, смещают[4]. Сомневаются бойцы…

Поляки подошли к лесу, верстах в трех от нас, и поставили пулеметы где-то близко. Пули скулят и взвизгивают. Жалоба их нарастает невыносимо. Пули подстреливают землю и роются в ней, дрожа от нетерпения. Вытягайченко, командир полка, храпевший на солнцепеке, закричал во сне и проснулся. Он сел на коня и поехал к головному эскадрону. Лицо его было мятое, в красных полосах от неудобного сна, а карманы полны слив.

– Сукиного сына, – сказал он сердито и выплюнул изо рта косточки, – вот гадкая канитель. Тимошка, выкидай флаг!

– Пойдем, што ль? – спросил Тимошка, вынимая древко из стремян, и размотал знамя, на котором была нарисована звезда и написано про III Интернационал.

– Там видать будет, – сказал Вытягайченко и вдруг закричал дико: – Девки, сидай на коников! Скликай людей, эскадронные!..

Трубачи проиграли тревогу. Эскадроны построились в колонну. Из канавы вылез раненый и, прикрываясь ладонью, сказал Вытягайченке:

– Тарас Григорьевич, я есть делегат. Видать, вроде того, что останемся мы…[5]

– Отобьетесь… – пробормотал Вытягайченко и поднял коня на дыбы.

– Есть такая надея у нас, Тарас Григорьевич, что не отобьемся, – сказал раненый ему вслед.

– Не канючь, – обернулся Вытягайченко, – небось не оставлю, и скомандовал повод.

И тотчас же зазвенел плачущий и бабий голос Афоньки Биды, моего друга:

– Не переводи ты с места на рыся, Тарас Григорьевич, до его пять верст бежать; как будешь рубать, когда у нас лошади заморенные... Хапать нечего – поспеешь к богородице груши околачивать...

– Шагом! – скомандовал Вытягайченко, не поднимая глаз.

Полк ушел.

– Если думка за начдива правильная, – прошептал Афонька, задерживаясь, – если смещают, тогда мыли холку и выбивай подпорки. Точка.

Слезы потекли у него из глаз. Я уставился на Афоньку в несказанном изумлении. Он закрутился волчком, схватился за шапку, захрипел, гикнул и умчался.

Грищук со своей глупой тачанкой да я – мы остались одни и до вечера мотались между огненных стен[6]. Штаб дивизии исчез. Чужие части не принимали нас. Поляки вошли в Броды и были выбиты контратакой[7]. Мы подъехали к городскому кладбищу. Из-за могил выскочил польский разъезд и, вскинув винтовки, стал бить по нас. Грищук повернул. Тачанка его вопила всеми четырьмя своими колесами.

– Грищук! – крикнул я сквозь свист и ветер.

– Баловство, – ответил он печально.

– Пропадаем! – воскликнул я, охваченный гибельным восторгом, – пропадаем, отец![8]

– Зачем бабы трудаются, – ответил он еще печальнее, – зачем сватання, венчання, зачем кумы на свадьбах гуляют...

В небе засиял розовый хвост и погас. Млечный Путь проступил между звездами.

– Смеха́ мне, – сказал Грищук горестно и показал кнутом на человека, сидевшего при дороге, – смеха́ мне, зачем бабы трудаются...

Человек, сидевший при дороге, был Долгушов, телефонист. Разбросав ноги, он смотрел на нас в упор.

– Я вот что, – сказал Долгушов, когда мы подъехали, – я кончусь... Понятно?

– Понятно, – ответил Грищук, останавливая лошадей.

– Патрон на меня надо стратить, – сказал Долгушов строго.

Он сидел, прислонившись к дереву. Сапоги его торчали врозь. Не спуская с меня глаз, он бережно отвернул рубаху. Живот у него был вырван, кишки ползли на колени, и удары сердца были видны.

– Наскочит шляхта – насмешку сделает. Вот документ, матери отпишешь, как и что...

– Нет, – ответил я глухо и дал коню шпоры.

Долгушов разложил по земле синие ладони и осмотрел их недоверчиво.

– Бежишь, – пробормотал он, сползая, – беги, гад…

Испарина ползла по моему телу. Пулеметы отстукивали все быстрее, с истерическим упрямством. Обведенный нимбом заката, к нам скакал Афонька Бида.

– По малости чешем, – закричал он весело. – Что у вас тут за ярмарка?

Я показал ему на Долгушова и отъехал.

Они говорили коротко, – я не слышал слов. Долгушов протянул взводному свою книжку. Афонька спрятал ее в сапог и выстрелил Долгушову в рот.

– Афоня, – сказал я с жалкой улыбкой и подъехал к казаку, – а я вот не смог.

– Уйди, – ответил он, бледнея, – убью. Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку…

И взвел курок.

Я поехал шагом, не оборачиваясь, чувствуя спиной холод и смерть.

– Вона, – закричал сзади Грищук, – не дури! – и схватил Афоньку за руку.

– Холуйская кровь, – крикнул Афонька, – он от моей руки не уйдет…

Грищук нагнал меня у поворота. Афоньки не было. Он уехал в другую сторону.

– Вот видишь, Грищук, – сказал я, – сегодня я потерял Афоньку, первого моего друга…

Грищук вынул из сиденья сморщенное яблоко.

– Кушай, – сказал он мне, – кушай, пожалуйста.

И я принял милостыню от Грищука и съел его яблоко с грустью и благоговением.

Броды,
август 1920 г.

КОМБРИГ 2

Буденный в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева. Только что убили комбрига 2. На его место командарм назначил Колесникова.

Час тому назад Колесников был командиром полка. Неделю тому назад Колесников был командиром эскадрона.

Нового бригадного вызвали к Буденному. Командарм ждал его, стоя у дерева. Колесников приехал с Алмазовым, своим комиссаром.

– Жмет нас гад, – сказал командарм с ослепительной своей усмешкой. – Победим или подохнем. Иначе – никак. Понял?

– Понял, – ответил Колесников, выпучив глаза.

– А побежишь – расстреляю, – сказал командарм, улыбнулся и отвел глаза в сторону начальника особого отдела.

– Слушаю, – сказал начальник особого отдела.

– Катись, Колесо, – бодро крикнул какой-то казак со стороны.

Буденный стремительно повернулся на каблуках и отдал честь новому комбригу. Тот растопырил у козырька пять красных юношеских пальцев[1], вспотел и ушел по распаханной меже. Лошади ждали его в ста саженях. Он шел, опустив голову, и с томительной медленностью перебирал кривыми и длинными ногами. Пылание заката разлилось над ним, малиновое и неправдоподобное, как надвигающаяся смерть.

И вдруг – на распростершейся земле, на развороченной и желтой наготе полей мы увидели ее одну – узкую спину Колесникова с болтающимися руками и упавшей головой в сером картузе.

Ординарец подвел ему коня.

Он вскочил в седло и поскакал к своей бригаде, не оборачиваясь. Эскадроны ждали его у большой дороги, у Бродского шляха.

Стонущее «ура», разорванное ветром, донеслось до нас.

Наведя бинокль, я увидел комбрига, вертевшегося на лошади в столбах голубой пыли.

– Колесников повел бригаду, – сказал наблюдатель, сидевший над нашими головами на дереве.

– Есть, – ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза.

«Ура» смолкло. Канонада задохлась. Ненужная шрапнель лопнула над лесом. И мы услышали великое безмолвие рубки.

– Душевный малый, – сказал командарм, вставая. – Ищет чести. Надо полагать – вытянет.

И, потребовав лошадей, Буденный уехал к месту боя. Штаб двинулся за ним.

Колесникова мне довелось увидеть в тот же вечер, через час после того как поляки были уничтожены. Он ехал впереди своей бригады – один – на буланом жеребце невиданной красоты и дремал. Правая рука его висела на перевязи. В десяти шагах от него конный казак вез развернутое знамя. Головной эскадрон лениво запевал похабные куплеты. Бригада тянулась пыльная и бесконечная, как крестьянские возы на ярмарку. В хвосте пыхтели усталые оркестры.

В тот вечер в посадке Колесникова я увидел властительное равнодушие татарского хана и распознал выучку прославленного Книги[2], своевольного Павличенки, пленительного Савицкого.

Броды,
август 1920 г.

САШКА ХРИСТОС

Сашка – это было его имя, а Христом прозвали его за кротость. Он был общественный пастух в станице и не работал тяжелой работы с четырнадцати лет, с той поры, когда заболел дурной болезнью. Это все так было.

Тараканыч, Сашкин отчим, ушел на зиму в город Грозный и пристал там к артели. Артель сбилась успешная, из рязанских мужиков. Тараканыч делал для них плотницкую работу, и достатку у него прибывало. Он не управлялся с делами и выписал к себе мальчика подручным: зимой станица и без Сашки проживет. Сашка поработал при отчиме неделю. Потом настала суббота, они пошабашили и сели чай пить. На дворе стоял октябрь, но воздух был легкий. Они открыли окно и согрели второй самовар. Под окнами шлялась побирушка. Она стукнула в раму и сказала:

– Здравствуйте, иногородние крестьяне. Обратите внимание на мое положение.

– Какое там положение? – сказал Тараканыч. – Заходи, калечка.

Побирушка завозилась за стеной и потом вскочила в комнату. Она прошла к столу и поклонилась в пояс. Тараканыч схватил ее за косынку, кинул косынку долой и почесал в волосах. У побирушки волосы были серые, седые, в клочьях и в пыли.

– Фу-ты, какой мужик занозистый и стройный, – сказала она, – чистый цирк с тобой…

– Пожалуйста, не побрезгайте мной, старушкой, – прошептала она с поспешностью и вскарабкалась на лавку. Тараканыч лег с ней и набаловался, сколько мог. Побирушка закидывала голову набок и смеялась.

– Дождик на старуху, – смеялась она, – двести пудов с десятины дам…

И сказавши это, она увидала Сашу, который пил чай у стола и не поднимал глаз на божий мир.

– Твой хлопец? – спросила она Тараканыча.

– Вроде моего, – ответил Тараканыч, – женин.

– Вот, деточка, глазенапы выкатил, – сказала баба. – Ну, иди сюда.

Сашка подошел к ней – и захватил дурную болезнь. Но об дурной болезни в тот час никто не думал. Тараканыч дал побирушке костей с обеда и серебряный пятачок, очень блесткий.

– Начисть его, молитвенница, песком, – сказал Тараканыч, – он еще более вида получит. В темную ночь ссудишь его господу богу, пятачок заместо луны светить будет…

Калечка обвязалась косынкой, забрала кости и ушла. А через две недели все сделалось для мужиков явно. Они много страдали от дурной болезни, перемогались всю зиму и лечились травами. А весной уехали в станицу на свою крестьянскую работу.

Станица отстояла от железной дороги на девять верст. Тараканыч и Сашка шли полями. Земля лежала в апрельской сырости. В черных ямах блистали изумруды. Зеленая поросль прошивала землю хитрой строчкой. И от земли пахло кисло, как от солдатки на рассвете. Первые стада стекали с курганов, жеребята играли в голубых просторах горизонта.

Тараканыч и Сашка шли тропками, чуть заметными.

– Отпусти меня, Тараканыч, к обществу в пастухи, – сказал Сашка.

– Что так?

– Не могу я терпеть, что у пастухов такая жизнь великолепная.

– Я не согласен, – сказал Тараканыч.

– Отпусти меня, ради бога, Тараканыч, – повторил Сашка, – все святители из пастухов вышли.

– Сашка святитель, – захохотал отчим, – у богородицы сифилис захватил...

Они прошли перегиб у Красного моста, миновали рощицу и потом выгон и увидели крест на станичной церкви. Бабы ковырялись еще на огородах, а казаки, рассевшись в сирени, пили водку и пели. До Таракановой избы было с полверсты ходу.

– Давай бог, чтобы благополучно, – сказал он и перекрестился.

Они подошли к хате и заглянули в окошко. Никого в хате не было. Сашкина мать доила корову на конюшне. Мужики подкрались неслышно. Тараканыч засмеялся и закричал у бабы за спиной:

– Мотя, ваше высокоблагородие, собирай гостям ужинать…

Баба обернулась, затрепетала, побежала из конюшни и закружилась по двору. Потом она вернулась к своему месту, кинулась к Тараканычу на грудь и забилась.

– Вот какая ты дурная и незаманчивая, – сказал Тараканыч и отстранил ее ласково. – Кажи детей…

– Ушли дети со двора, – сказала баба, вся белая, снова побежала по двору и упала на землю. – Ах, Алешенька, – закричала она дико, – ушли наши детки ногами вперед…

Тараканыч махнул рукой и пошел к соседям. Соседи рассказали, что мальчика и девочку бог прибрал на прошлой неделе в тифу. Мотя писала ему, но он, верно, не успел получить письма. Тараканыч вернулся в хату. Баба его растапливала печь.

– Отделалась ты, Мотя, вчистую, – сказал Тараканыч, – терзать тебя надо.

Он сел к столу и затосковал, – и тосковал до самого сна, ел мясо и пил водку и не пошел по хозяйству. Он храпел у стола и просыпался и снова храпел. Мотя постелила себе и мужу на кровати, а Сашке в стороне. Она задула лампу и легла с мужем. Сашка ворочался на сене в своем углу, глаза его были раскрыты, он не спал и видел, как бы во сне, хату, звезду в окне и край стола, и хомуты под материной кроватью. Насильственное видение побеждало его, он поддавался мечтам и радовался своему сну наяву. Ему чудилось, что с неба свешиваются два серебряных шнура, крученых в толстую нитку, к ним приделана колыска[1], колыска из розового дерева, с разводами. Она качается высоко над землей и далеко от неба, и серебряные шнуры движутся и блестят. Сашка лежит в колыске, и воздух его обвевает. Воздух, громкий, как музыка, идет с полей, и радуга цветет на незрелых хлебах.

Сашка радовался своему сну наяву и закрывал глаза, чтобы не видеть хомутов под материной кроватью. Потом он услышал сопение на Мотиной лежанке и подумал о том, что Тараканыч мнет мать.

– Тараканыч, – сказал он громко, – до тебя дело есть.

– Какие дела ночью? – сердито отозвался Тараканыч. – Спи, стервяга…

– Я крест приму, что дело есть, – ответил Сашка, – выдь во двор.

И во дворе, под немеркнущей звездой, Сашка сказал отчиму:

– Не обижай мать, Тараканыч, ты порченый.

– А ты мой характер знаешь? – спросил Тараканыч.

– Я твой характер знаю, но только ты видал мать, при каком она теле? У нее и ноги чистые и грудь чистая. Не обижай ее, Тараканыч. Мы порченые.

– Мил человек, – ответил отчим, – уйди от крови и от моего характера. На́ вот двугривенный, проспи ночь, вытрезвись…

– Мне двугривенный без пользы, – пробормотал Сашка, – отпусти меня к обществу в пастухи…

– С этим я не согласен, – сказал Тараканыч…

– Отпусти меня в пастухи, – пробормотал Сашка, – а то я матери откроюсь, какие мы. За что ей страдать при таком теле…

Тараканыч отвернулся, пошел в сарай и принес топор.

– Святитель Сашка, – сказал он шепотом, – вот и вся недолга, я порубаю тебя, святитель…

– Ты не станешь меня рубить за бабу, – сказал мальчик чуть слышно и наклонился к отчиму, – ты меня жалеешь, отпусти меня в пастухи…

– Шут с тобой, – сказал Тараканыч и кинул топор, – иди в пастухи.

И он вернулся в хату и переспал со своей женой.

В то же утро Сашка пошел к казакам наниматься и с той поры стал жить у общества в пастухах. Он прославился на весь округ простодушием, получил от станичников прозвище «Сашка Христос» и прожил в пастухах бессменно

до призыва. Старые мужики, какие поплоше, приходили к нему на выгон чесать языки, бабы прибегали к Сашке опоминаться от безумных мужичьих повадок и не сердились на Сашку за его любовь и за его болезнь. С призывом своим Сашка угодил в первый год войны. Он пробыл на войне четыре года и вернулся в станицу, когда там своевольничали белые. Сашку подбили идти в станицу Платовскую[2], где собирался отряд против белых. Выслужившийся вахмистр – Семен Михайлович Буденный[3] заправлял делами в этом отряде, и при нем были три брата: Емельян, Лукьян и Денис[4]. Сашка пошел в Платовскую, и там решилась его судьба. Он был в полку Буденного, в бригаде его, в дивизии и в 1-й Конной армии. Он ходил выручать героический Царицын[5], соединялся с десятой армией Ворошилова[6], бился под Воронежем, под Касторной и у Генеральского моста на Донце[7]. В польскую кампанию Сашка вступил обозным, потому что он был поранен и считался инвалидом.

Вот как все это было. С недавних пор стал я водить знакомство с Сашкой Христом и переложил свой сундучок на его телегу. Нередко встречали мы утреннюю зорю[8] и сопутствовали закатам. И когда своевольное хотение боя соединяло нас – мы садились по вечерам у блещущей завалинки, или кипятили в лесах чай в закопченном котелке, или спали рядом на скошенных полях, привязав к ноге голодного коня.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАВЛИЧЕНКИ, МАТВЕЙ РОДИОНЫЧА

Земляки, товарищи, рóдные мои братья! Так осознайте же во имя человечества жизнеописание красного генерала Матвея Павличенки. Он был пастух, тот генерал, пастух в усадьбе Лидино, у барина Никитинского, и пас барину свиней, пока не вышла ему от жизни нашивка на погоны, и тогда с нашивкой этой стал Матюшка пасти рогатую скотину. И кто его знает, – уродись он в Австралии, Матвей наш, свет Родионыч, то, возможная вещь, друзья, он и до слонов возвысился бы, слонов стал бы пасти Матюшка, кабы не это мое горе, что неоткуда взяться слонам в Ставропольской нашей губернии. Крупнее буйвола, откровенно вам выскажу, нет у нас животной в Ставропольской, раскидистой нашей стороне. А от буйвола бедняк утехи себе не добудет, русскому человеку над буйволами издеваться скучно; нам, сиротам, лошадку на вечный суд подай, лошадку, чтоб душа у нее на меже с боками бы повылазила…

И вот пасу я рогатую мою скотину, коровами со всех сторон обставился, молоком меня навылет прохватило, воняю я, как разрезанное вымя, бычки вокруг меня для порядку ходят, мышастые бычки серого цвета. Воля кругом меня полегла на поля, трава во всем мире хрустит, небеса надо мной разворачиваются, как многорядная гармонь, а небеса, ребяты, бывают в Ставропольской губернии очень синие. И пасу я этаким манером, с ветрами от нечего делать на дудках переигрываюсь, покеда один старец не говорит мне:

– Явись, – говорит, – Матвей, к Насте.

– Зачем, – говорю, – или вы, старец, надо мной надсмехаетесь?..

– Явись, – говорит, – она желает.

И вот являюсь.

– Настя, – говорю и всей моей кровью чернею, – Настя, – говорю, – или вы надо мной надсмехаетесь?..

Но она не дает мне себя слыхать, а пускается от меня бегом и бежит из последних силов, и мы бежим с нею вместе, пока не стали на выгоне, мертвые, красные и без дыхания.

– Матвей, – говорит мне тут Настя, – третье воскресенье от этого, когда весенняя путина была и рыбалки к берегу шли, – вы то же самое с ними шли

и голову опустили. Зачем же вы голову опускали, Матвей, или вам какая думка сердце жмет, отвечайте мне…

И я отвечаю ей:

– Настя, – отвечаю, – мне отвечать вам нечего, голова моя не ружье, на ней мушки нету и прицельной камеры нету, а сердце мое вам известно, Настя, оно от всего пустое, оно небось молоком прохвачено, это ужасное дело, как я молоком воняю…

И Настя, вижу, заходится от этих моих слов.

– Я крест приму, – заходится она, смеется напропалую, смеется во весь голос, на всю степь, как будто на барабане играет, – я крест приму, вы с барышнями перемаргиваетесь…

И поговоривши короткое время глупости, мы с ней вскорости женились. И стали мы жить с Настей, как умели, а уметь мы умели. Всю ночь нам жарко было, зимой нам жарко было, всю долгу ночь мы голые ходили и шкуру друг с дружки обрывали. Хорошо жили, как черти, и все до той поры, пока не заявляется ко мне старец во второй раз.

– Матвей, – говорит он, – барин давеча твою жену за все места трогал, он ее достигнет, барин…

А я:

– Нет, – говорю, – нет, и простите меня, старец, или я пришью вас на этом месте...

И старец, безусловно, пустился от меня ходом, а я обошел в тот день моими ногами двадцать верст земли, большой кусок земли обошел я в тот день моими ногами и вечером вырос в усадьбе Лидино, у веселого барина моего Никитинского. Он сидел в горнице, старый старик, и разбирал три седла: английское, драгунское и казацкое, – а я рос у его дверей, как лопух, цельный час рос, и все без последствий. Но потом он кинул на меня глаза.

– Чего ты желаешь? – говорит.

– Желаю расчета.

– Умысел на меня имеешь?

– Умысла не имею, но желаю чистосердечно…

Тут он свернул глаза на сторону, свернул с большака в переулочек, настелил на пол малиновых потничков[1], они малиновей царских флагов были, потнички его, встал над ними старикашка и запетушился.

– Вольному воля, – говорит он мне и петушится, – я мамашей ваших, православные христиане, всех тараканил, расчет можешь получить, но только не должен ли ты мне, дружок мой Матюша, какой-нибудь пустяковины?

– Хи-хи, – отвечаю, – вот затейники вы, в сам-деле, убей меня бог, вот затейники, мне небось с вас зажитое следует…

– Зажитое, – скрыгочет тут мой барин и кидает меня на колюшки, и сучит ногами, и лепит мне в ухо отца и сына и святого духа, – зажитое тебе, а ярмо забыл, в прошлом годе ты мне ярмо от быков сломал, – где оно, мое ярмо?

– Ярмо я тебе отдам, – отвечаю я моему барину и возвожу к нему простые мои глаза и стою перед ним на колюшках ниже всякой земной низины, – отдам тебе ярмо, но ты не тесни меня с долгами, старый человек, а подожди на мне малость…

И что же, ребята вы ставропольские, земляки мои, товарищи, рóдные мои братья, ведь барин пять годов на мне долги ждал, пять пропащих годов пропадал я, покуда ко мне, к пропащему, не прибыл в гости восемнадцатый годок. На веселых жеребцах прибыл он, на кабардинских своих лошадках. Большой обоз вел он за собой и всякие песни. И эх, люба ж ты моя, восемнадцатый годок! И неужели не погулять нам с тобой еще разок, кровиночка ты моя, восемнадцатый годок? Расточили мы твои песни, выпили твое вино, постановили твою правду, одни писаря нам от тебя остались. И эх, люба моя! Не писаря летели в те дни по Кубани и выпущали на воздух генеральскую душу с одного шагу дистанции, Матвей Родионыч лежал тогда на крови под Прикумском[2], и оставалось от Матвей Родионыча до усадьбы Лидино пять верст последнего перехода. Я и поехал туда один, без отряда, и, взойдя в горницу, взошел в нее смирно. Земельная власть сидела там, в горнице, Никитинский чаем ее обносил и ласкался до людей, но, увидев меня, сошел с своего лица, а я кубанку перед ним снял.

– Здравствуйте, – сказал я людям, – здравствуйте, пожалуйста. Принимаете, барин, гостя или как там у нас будет?

– Будет у нас тихо, благородно, – отвечает мне тут один человек, по выговору, замечаю, землемер, – будет у нас тихо, благородно, но ты, товарищ Павличенко, скакал, видать, издалека, грязь пересекает твой образ, мы, земельная власть, ужасаемся такого образа, почему это такое?

– Потому это, – отвечаю, – земельная вы и холоднокровная власть, потому оно, что в образе моем щека одна пять годков горит, в окопе горит, в походе горит, при бабе горит, на последнем суде гореть будет. На последнем суде, – говорю и смотрю на Никитинского вроде как весело, а у него уже и глаз нету, только шары посреди лица стоят, как будто вкатили ему шары под лоб на позицию, и он хрустальными этими шарами мне примаргивает тоже вроде как весело, но очень ужасно.

– Матюша, – говорит он мне, – мы ведь знавались когда-то, и вот супруга моя, Надежда Васильевна, по причине происходящих времен рассудку лишившись, она ведь к тебе хороша была, Надежда Васильевна, ты ее, Матюша, больше всех уважал, неужели ты не пожелаешь ее видеть, когда она свету лишилась?

– Можно, – говорю, и мы входим с ним в другую комнату, и там он руки стал у меня трогать, правую руку, потом левую.

– Матюша, – говорит, – ты судьба моя или нет?

– Нет, – говорю, – и брось эти слова. Бог от нас, холуев, ушился, судьба наша индейка, жисть наша копейка, брось эти слова и послушай, коли хочешь, письмо Ленина…

– Мне письмо, Никитинскому?

– Тебе, – и вынимаю я книгу приказов, раскрываю на чистом листе и читаю, хотя сам неграмотный до глубины души.

– Именем народа, – читаю, – и для основания будущей светлой жизни, приказываю Павличенке, Матвею Родионычу, лишать разных людей жизни согласно его усмотрения… Вот, – говорю, – это оно и есть, ленинское к тебе письмо…

А он мне: Нет!

– Нет, – говорит, – Матюша, хоть жизнь наша на чертову сторону схилилась и кровь в Российской равноапостольной державе дешева стала, но тебе сколько крови полагается, – ты ее все равно достанешь и мои смертные взоры все равно забудешь, и не лучше ли будет, если я тебе половицу одну покажу?

– Кажи, – говорю, – может, оно лучше будет…

И опять мы с ним по комнатам пошли, в винный погреб спустились, там он кирпич один отвалил и нашел шкатулку за этим кирпичиком. В ней были перстни, в шкатулке, ожерелья, ордена и жемчужная святыня. Он кинул ее мне и обомлел.

– Твое, – говорит, – владей никитинской святыней и шагай прочь, Матвей, в Прикумское твое логово…

И тут я взял его за тело, за глотку, за волосы.

– С щекой-то что мне делать, – говорю, – с щекой как мне быть, люди-братья?..

И тогда он сам с себя посмеялся слишком громко и вырываться не стал.

– Шакалья совесть, – говорит и не вырывается, – я с тобой, как с Российской империи офицером, говорю, а вы, хамы, волчицу сосали, стреляй в меня, сукин сын…

Но я стрелять в него не стал, стрельбы я ему не должен был никак, а только потащил наверх в залу. Там в зале Надежда Васильевна, совершенно сумасшедшие, сидели, они с шашкой наголо по зале прохаживались и в зеркало гляделись. А когда я Никитинского в залу притащил, Надежда Васильевна побежали в кресло садиться, на них бархатная корона перьями убрана была, они в кресла бойко сели и шашкой мне на караул сделали. И тогда я потоптал барина моего Никитинского. Я час его топтал или более часу, и за это время я жизнь сполна узнал. Стрельбой, – я так выскажу, – от человека только отделаться можно, стрельба – это ему помилование, а себе гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть…

КЛАДБИЩЕ В КОЗИНЕ

Кладбище в еврейском местечке. Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном волынских полях.

Обточенные серые камни с трехсотлетними письменами. Грубое тиснение горельефов, высеченных на граните. Изображение рыбы[1] и овцы над мертвой человеческой головой. Изображения раввинов в меховых шапках. Раввины подпоясаны ремнем на узких чреслах[2]. И под безглазыми лицами волнистая каменная линия завитых бород. В стороне, под дубом, размозженным молнией, стоит склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана Хмельницкого[3]. Четыре поколения лежат в этой усыпальнице, нищей, как жилище водоноса, и скрижали, зазеленевшие скрижали, поют о них[4] витиеватой молитвой бедуина:

«Азриил, сын Анании, уста Еговы.

Илия, сын Азриила, мозг, вступивший в единоборство с забвением.

Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне.

Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский.

О, смерть, о, корыстолюбец, о, жадный вор, отчего ты не пожалел нас, хотя бы однажды?»

ПРИЩЕПА

Пробираюсь в Лешнюв, где расположился штаб дивизии. Попутчик мой по-прежнему Прищепа – молодой кубанец, неутомительный хам, вычищенный коммунист, будущий барахольщик, беспечный сифилитик, неторопливый враль. На нем малиновая черкеска из тонкого сукна и пуховый башлык, закинутый за спину. По дороге он рассказывал о себе. Мне не забыть его рассказа.

Год тому назад Прищепа бежал от белых. В отместку они взяли заложниками его родителей и убили их в контрразведке. Имущество расхитили соседи. Когда белых прогнали с Кубани, Прищепа вернулся в родную станицу.

Было утро, рассвет, мужичий сон вздыхал в прокисшей духоте. Прищепа подрядил казенную телегу и пошел по станице собирать свои граммофоны, жбаны для кваса и расшитые матерью полотенца. Он вышел на улицу в черной бурке с кривым кинжалом за поясом, телега плелась сзади. Прищепа ходил от одного соседа к другому, и кровавая печать его подошв тянулась за ним следом. В тех хатах, где казак находил вещи матери или чубук отца, он оставлял подколотых старух, собак, повешенных над колодцем, и иконы, загаженные пометом. Станичники, раскуривая трубки, угрюмо следили его путь. Молодые казаки рассыпались в степи и вели счет. Счет разбухал, и станица молчала. Кончив, Прищепа вернулся в опустошенный отчий дом. Отбитую мебель он расставил в порядке, который был ему памятен с детства, и послал за водкой. Запершись в хате, он пил двое суток, пел, плакал и рубил шашкой столы. На третью ночь станица увидела дым над избой Прищепы. Опаленный и рваный, виляя ногами, он вывел из стойла корову, вложил ей в рот револьвер и выстрелил. Земля курилась под ним, голубое кольцо пламени вылетело из трубы и растаяло, в конюшне зарыдал оставленный бычок. Пожар сиял, как воскресенье. Прищепа отвязал коня, прыгнул в седло, бросил в огонь прядь своих волос и сгинул.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Савицкий, наш начдив, забрал когда-то у Хлебникова, командира первого эскадрона, белого жеребца. Это была лошадь пышного экстерьера, но с сырыми формами, которые мне всегда казались тяжеловатыми. Хлебников получил взамен вороную кобыленку неплохих кровей, с гладкой рысью. Но он держал кобыленку в черном теле и жаждал мести и ждал своего часу, и он дождался его.

После июльских неудачных боев, когда Савицкого сместили и заслали в резерв чинов командного запаса[1], Хлебников написал в штаб армии прошение о возвращении ему лошади. Начальник штаба наложил на прошение резолюцию: «Возворотить изложенного жеребца в первобытное состояние», и Хлебников, ликуя, сделал сто верст для того, чтобы найти Савицкого, жившего тогда в Радзивиллове, в изувеченном городишке, похожем на оборванную салопницу. Он жил один, смещенный начдив, и лизуны из штабов не узнавали его больше. Лизуны из штабов удили жареных куриц в улыбках командарма, и, холопствуя, они отвернулись от прославленного начдива[2].

Облитый духами и похожий на Петра Великого, он жил в опале, с казачкой Павлой, отбитой им у еврея интенданта[3], и с двадцатью кровными лошадьми, которых мы все считали его собственностью. Солнце на его дворе напрягалось и томилось слепотой своих лучей, жеребята на его дворе бурно сосали маток, конюхи с взмокшими спинами просеивали овес на выцветших веялках, и только Хлебников, израненный истиной и ведомый местью, шел напрямик к забаррикадированному двору.

– Личность моя вам знакомая? – спросил он у Савицкого, лежавшего на сене.

– Видал я тебя как будто, – ответил Савицкий и зевнул.

– Тогда получайте резолюцию начштаба, – сказал Хлебников твердо, – и прошу вас, товарищ из резерва, смотреть на меня официальным глазом…

– Можно, – примирительно пробормотал Савицкий, взял бумагу и стал читать ее необыкновенно долго. Потом он позвал вдруг казачку, чесавшую себе волосы в холодку, под навесом.

– Павла, – сказал он, – с утра, слава те господи, чешемся, направила бы самоварчик…

Казачка отложила гребень и, взяв в руки волосы, перебросила их за спину.

– Цельный день сегодня, Константин Васильевич, цепляемся, – сказала она с ленивой и повелительной усмешкой, – то того вам, то другого…

И она пошла к начдиву, неся грудь на высоких башмаках, грудь, шевелившуюся, как животное в мешке.

– Цельный день цепляемся, – повторила женщина, сияя, и застегнула начдиву рубаху на груди.

– То этого мне, а то того, – засмеялся начдив, вставая, обнял Павлины отдавшиеся плечи и обернул вдруг к Хлебникову помертвевшее лицо.

– Я еще живой, Хлебников, – сказал он, обнимаясь с казачкой, – еще ноги мои ходют, еще кони мои скачут, еще руки мои тебя достанут, и пушка моя греется около моего тела…

Он вынул револьвер, лежавший у него на голом животе, и подступил к командиру первого эскадрона.

Тот повернулся на каблуках, шпоры его застонали, он вышел со двора, как ординарец, получивший эстафету, и снова сделал сто верст для того, чтобы найти начальника штаба, но тот прогнал от себя Хлебникова.

– Твое дело, командир, решенное, – сказал начальник штаба, – жеребец тебе мною возворочен, а докуки мне без тебя хватает…

Он не стал слушать Хлебникова и возвратил наконец первому эскадрону сбежавшего командира. Хлебников целую неделю был в отлучке. За это время нас перегнали на стоянку в Дубенские леса. Мы разбили там палатки и жили хорошо[4]. Хлебников вернулся, я помню, в воскресенье утром, двенадцатого числа. Он потребовал у меня бумаги больше дести и чернил. Казаки обстругали ему пень, он положил на пень револьвер и бумагу и писал до вечера, перемарывая множество листов.

– Чистый Карл Маркс, – сказал ему вечером военком эскадрона. – Чего ты пишешь, хрен с тобой?..

– Описываю разные мысли согласно присяге, – ответил Хлебников и подал военкому заявление о выходе из коммунистической партии большевиков.

«Коммунистическая партия, – было сказано в этом заявлении, – основана, полагаю, для радости и твердой правды без предела и должна также осматриваться на малых. Теперь коснусь до белого жеребца, которого я отбил у неимоверных по своей контре крестьян, имевший захудалый вид, и многие товарищи беззастенчиво надсмехались над этим видом, но я имел силы выдержать тот резкий смех и, сжав зубы за общее дело, выхолил жеребца до желаемой перемены, потому я есть, товарищи, до белых коней охотник и положил на них силы, в малом количестве оставшиеся мне от империалистской и гражданской войны, и таковые жеребцы чувствуют мою руку, и я также могу чувствовать его бессловесную нужду и что ему требуется, но несправедливая вороная кобылица мне без надобности, я не могу ее чувствовать и не могу ее переносить, что все товарищи могут подтвердить, как бы не дошло до беды. И вот партия не может

мне возворотить, согласно резолюции, мое кровное, то я не имею выхода, как писать это заявление со слезами, которые не подобают бойцу, но текут беспеременно и секут сердце, засекая сердце в кровь...»

Вот это и еще много другого было написано в заявлении Хлебникова, потому что он писал его целый день, и оно было очень длинно. Мы с военкомом бились над ним с час и разобрали до конца.

– Вот и дурак, – сказал военком, разрывая бумагу, – приходи после ужина, будешь иметь беседу со мной.

– Не надо мне твоей беседы, – ответил Хлебников, вздрагивая, – проиграл ты меня, военком.

Он стоял, сложив руки по швам, дрожал, не сходя с места, и озирался по сторонам, как будто примериваясь, по какой дороге бежать. Военком подошел к нему вплотную, но не доглядел. Хлебников рванулся и побежал изо всех сил.

– Проиграл! – закричал он дико и влез на пень и стал обрывать на себе куртку и царапать грудь.

– Бей, Савицкий, – закричал он, падая на землю, – бей враз!

Тогда мы потащили его в палатку, и казаки нам помогли. Мы вскипятили ему чай и набили папирос. Он курил и все дрожал. И только к вечеру успокоился наш командир. Он не заговаривал больше о сумасбродном своем заявлении, но через неделю поехал в Ровно, освидетельствовался во врачебной комиссии и был демобилизован как инвалид, имеющий шесть поранений.

Так лишились мы Хлебникова. Я ужасно был этим опечален, потому что Хлебников был тихий человек, похожий на меня характером. У него одного в эскадроне был самовар. В дни затишья мы пили с ним горячий чай. И он рассказывал мне о женщинах так подробно, что мне было стыдно и приятно слушать. Это, я думаю, потому, что нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони.

Радзивиллов,
июль 1920 г.

КОНКИН

Крошили мы шляхту по-за Белой Церковью. Крошили вдосталь, аж деревья гнулись. Я с утра отметину получил, но выкомаривал ничего себе, подходяще. Денек, помню, уже к вечеру пригибался. От комбрига я отбился, пролетариату всего казачишек пяток за мной увязалось. Кругом в обнимку рубаются, как поп с попадьей, юшка из меня помаленьку капает, конь мой передом мочится… Одним словом – два слова…

Вынеслись мы со Спиркой Забутым подальше от леска, глядим – подходящая арифметика… Сажнях в трехстах, ну, не более, не то штаб пылит, не то обоз. Штаб хорошо, обоз – того лучше. Барахло у ребятишек пооборвалось, рубашонки такие, что половой зрелости не достигают.

– Забутый, – говорю я Спирьке, – мать твою и так, и этак, и всяко, предоставляю тебе слово, как записавшемуся оратору – ведь это штаб ихний уходит…

– Свободная вещь, что штаб, – говорит Спирька, – но только – нас двое, а их восемь…

– Дуй ветер, Спирька, – говорю, – все равно я им ризы испачкаю… Помрем за кислый огурец и мировую революцию…

И пустились. Было их восемь сабель. Двоих сняли мы винтами на корню. Третьего, вижу, Спирька ведет в штаб Духонина для проверки документов[1]. А я в туза целюсь. Малиновый, ребята, туз, при цепке и золотых часах. Прижал я его к хуторку. Хуторок там был весь в яблоне и вишне. Конь под моим тузом, как купцова дочка, но пристал. Бросает тогда пан генерал поводья, примеряется ко мне маузером и делает мне в ноге дырку.

«Ладно, – думаю, – будешь моя, раскинешь ноги».

Нажал я колеса и вкладываю в коника два заряда. Жалко было жеребца. Большевичок был жеребец, чистый большевичок. Сам рыжий, как монета, хвост пулей, нога струной. Думал, живую Ленину свезу, ан не вышло. Ликвидировал я эту лошадку. Рухнула она, как невеста, и туз мой с седла снялся. Подорвал он в сторону, потом еще разок обернулся и еще один сквозняк мне в фигуре сделал. Имею я, значит, при себе три отличия в делах против неприятеля.

«Исусе, – думаю, – он, чего доброго, убьет меня нечаянным порядком…»

Подскакал я к нему, а он уже шашку выхватил, и по щекам его слезы текут, белые слезы, человечье молоко.

– Даешь орден Красного Знамени, – кричу. – Сдавайся, ясновельможный, покуда я жив…

– Не моге, пан, – отвечает старик, – ты зарежешь меня…

А тут Спиридон передо мной, как лист перед травой. Личность его в мыле, глаза от морды на нитках висят.

– Вася, – кричит он мне, – страсть сказать, сколько я людей кончил! А ведь это генерал у тебя, на нем шитье, мне желательно его кончить.

– Иди к турку, – говорю я Забутому и серчаю, – мне шитье его крови стоит.

И кобылой моей загоняю я генерала в клуню, сено там было или так. Тишина там была, темнота, прохлада.

– Пан, – говорю, – утихомирь свою старость, сдайся мне за ради бога, и мы отдохнем с тобой, пан…

А он дышит у стенки грудью и трет лоб красным пальцем.

– Не моге, – говорит, – ты зарежешь меня, только Буденному отдам я мою саблю…

Буденного ему подай. Эх, горе ты мое! И вижу – пропадает старый.

– Пан, – кричу я и плачу и зубами скрегочу, – слово пролетария, я сам высший начальник. Ты шитья на мне не ищи, а титул есть. Титул, вон он – музыкальный эксцентрик и салонный чревовещатель из города Нижнего… Нижний город на Волге-реке…

И бес меня взмыл. Генеральские глаза передо мной, как фонари, мигнули. Красное море передо мной открылось. Обида солью вошла мне в рану, потому, вижу, не верит мне дед. Замкнул я тогда рот, ребяты, поджал брюхо, взял воздуху и понес по старинке, по-нашенскому, по-бойцовски, по-нижегородски и доказал шляхте мое чревовещание.

Побелел тут старик, взялся за сердце и сел на землю.

– Веришь теперь Ваське-эксцентрику, третьей непобедимой кавбригады комиссару?..[2]

– Комиссар? – кричит он.

– Комиссар, – говорю я.

– Коммунист? – кричит он.

– Коммунист, – говорю я.

– В смертельный мой час, – кричит он, – в последнее мое воздыхание скажи мне, друг мой казак, – коммунист ты или врешь?

– Коммунист, – говорю.

Садится тут мой дед на землю, целует какую-то ладанку, ломает надвое саблю и зажигает две плошки в своих глазах, два фонаря над темной степью.

– Прости, – говорит, – не могу сдаться коммунисту, – и здоровается со мной за руку. – Прости, – говорит, – и руби меня по-солдатски…

Эту историю со всегдашним своим шутовством рассказал нам однажды на привале Конкин, политический комиссар N...ской кавбригады и троекратный кавалер ордена Красного Знамени.

– И до чего же ты, Васька, с паном договорился?

– Договоришься ли с ним... Гоноровый выдался. Покланялся я ему еще, а он упирается. Бумаги мы тогда у него взяли, какие были, маузер взяли, седелка его, чудака, и посейчас подо мной. А потом, вижу, каплет из меня все сильней, ужасный сон на меня нападает, сапоги мои полны крови, не до него...

– Облегчили, значит, старика?

– Был грех...

БЕРЕСТЕЧКО

Мы делали переход из Хотина в Берестечко. Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелетних курганах. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами. Бурка начдива Павличенки веяла над штабом, как мрачный флаг. Пуховый башлык его был перекинут через бурку, и кривая сабля лежала сбоку, как приклеенная.

Мы проехали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого[1]. Из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел нам про былую казачью славу. Мы прослушали песню молча, потом развернули штандарты и под звуки гремящего марша ворвались в Берестечко. Жители заложили ставни железными палками, и тишина, полновластная тишина взошла на местечковый свой трон.

Квартира мне попалась у рыжей вдовы, пропахшей вдовьим горем[2]. Я умылся с дороги и вышел на улицу. На столбах висели уже объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о Втором конгрессе Коминтерна[3]. Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышками. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом он стукнул в закрытую раму.

– Если кто интересуется, – сказал он, – нехай приберет. Это свободно…

И казаки завернули за угол. Я пошел за ними следом и стал бродить по Берестечку. Больше всего здесь евреев, а на окраинах расселились русские мещане-кожевники. Они живут чисто, в белых домиках за зелеными ставнями. Вместо водки мещане пьют пиво или мед, разводят табак в палисадничках и курят его из длинных гнутых чубуков, как галицийские крестьяне. Соседство трех племен, деятельных и деловитых, разбудило в них упрямое трудолюбие, свойственное иногда русскому человеку, когда он еще не обовшивел, не отчаялся и не упился.

Быт выветрился в Берестечке, а он был прочен здесь. Отростки, которым перевалило за три столетия, все еще зеленели на Волыни теплой гнилью старины.

Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским паном, чешского колониста с лодзинской фабрикой. Это были контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда воители за веру. Хасидизм держал в удушливом плену это суетливое население из корчмарей, разносчиков и маклеров. Мальчики в капотиках все еще топтали вековую дорогу к хасидскому хедеру[4], и старухи по-прежнему возили невесток к цадику с яростной мольбой о плодородии.

Евреи живут здесь в просторных домах, вымазанных белой или водянисто-голубой краской. Традиционное убожество этой архитектуры насчитывает столетия. За домом тянется всегда сарай в два, иногда в три этажа. В нем никогда не бывает солнца. Сараи эти, неописуемо мрачные, заменяют наши дворы. Потайные ходы ведут в подвалы и в конюшни. Во время войны в этих катакомбах спасаются от пуль и грабежей. Здесь скопляются за много дней человечьи отбросы и навоз скотины. Уныние и ужас заполняют катакомбы едкой вонью и протухшей кислотой испражнений.

Берестечко нерушимо воняет и до сих пор, от всех людей шибет запахом гнилой селедки. Местечко смердит в ожидании новой эры, и вместо людей по нему ходят слинявшие схемы пограничных несчастий. Они надоели мне к концу дня, я ушел за городскую черту, поднялся в гору и проник в опустошенный замок графов Рациборских, недавних владетелей Берестечка.

Спокойствие заката сделало траву у замка голубой. Над прудом взошла луна, зеленая, как ящерица. Из окна мне видно поместье графов Рациборских – луга и плантации из хмеля, скрытые муаровыми лентами сумерек.

В замке жила раньше помешанная девяностолетняя графиня с сыном. Она глумилась над сыном за то, что он не дал наследников угасающему роду, и – мужики божились мне – графиня била сына кучерским кнутом.

Внизу на площадке собрался митинг. Пришли крестьяне, евреи и кожевники из предместья. Над ними разгорелся восторженный голос Виноградова и нежный звон его шпор. Он говорил о Втором конгрессе Коминтерна, а я бродил вдоль стен, где нимфы с выколотыми глазами водят старинный хоровод. Потом в углу на затоптанном полу я нашел обрывок пожелтевшего письма. На нем вылинявшими чернилами было написано:

«Berestetchko, 1820. Paul, mon bien aimé, on dit que l'empereur Napoléon est mort, est-ce vrai? Moi, je me sens bien, les couches ont été faciles, notre petit héros achève sept semaines…»*

А внизу не умолкает голос военкомдива. Он страстно убеждает озадаченных мещан и обворованных евреев:

– Вы – власть. Все что здесь – ваше. Нет панов. Приступаю к выборам Ревкома…

---

* Берестечко, 1820. Поль, мой любимый, говорят, что император Наполеон умер, правда ли это? Я чувствую себя хорошо, роды были легкие, нашему маленькому герою исполнилось уже семь недель… (*примеч. автора*).

СОЛЬ

Дорогой товарищ редактор. Хочу описать вам за несознательных женщин, которые нам вредные. Надеюся на вас, что вы, объезжая гражданские фронты, которые брали под заметку, не миновали закоренелую станцию Фастов, находящуюся за тридевять земель, в некотором государстве, на неведомом пространстве, я там, конешно, был, самогон-пиво пил, усы обмочило, в рот не заскочило. Про эту вышеизложенную станцию есть много кой-чего писать, но, как говорится, в нашем простом быту – господнего дерьма не перетаскать. Поэтому опишу вам только за то, что мои глаза собственноручно видели.

Была тихая славная ночка семь ден тому назад, когда наш заслуженный поезд Конармии остановился там, груженный бойцами. Все мы горели способствовать общему делу и имели направление на Бердичев. Но только замечаем, что поезд наш никак не отваливает, Гаврилка наш не крутит, и бойцы стали сомневаться, переговариваясь между собой – в чем тут остановка? И действительно, остановка для общего дела вышла громадная по случаю того, что мешочники, эти злые враги, среди которых находилась также несметная сила женского полу, нахальным образом поступали с железнодорожной властью. Безбоязненно ухватились они за поручни, эти злые враги, на рысях пробегали по железных крышах, коловоротили, мутили, и в каждых руках фигурировала небезызвестная соль, доходя до пяти пудов в мешке. Но недолго длилось торжество капитала мешочников. Инициатива бойцов, повылазивших из вагона, дала возможность поруганной власти железнодорожников вздохнуть грудью. Один только женский пол со своими торбами остался в окрестностях. Имея сожаление, бойцы которых женщин посадили по теплушкам, а которых не посадили. Также и в нашем вагоне второго взвода оказались налицо две девицы, а пробивши первый звонок, подходит к нам представительная женщина с дитем, говоря:

– Пустите меня, любезные казачки, всю войну я страдаю по вокзалах с грудным дитем на руках и теперь хочу иметь свидание с мужем, но по причине железной дороги ехать никак невозможно, неужели я у вас, казачки, не заслужила?

– Между прочим, женщина, – говорю я ей, – какое будет согласие у взвода, такая получится ваша судьба. – И, обратившись к взводу, я им доказываю, что представительная женщина просится ехать к мужу на место назначения и дите действительно при ней находится и какое будет ваше согласие – пускать ее или нет?

– Пускай ее, – кричат ребята, – опосля нас она и мужа не захочет…

– Нет, – говорю я ребятам довольно вежливо, – кланяюсь вам, взвод, но только удивляет меня слышать от вас такую жеребятину, вспомните, взвод, вашу жизнь и как вы сами были детями при ваших матерях, и получается вроде того, что не годится так говорить…

И казаки, проговоривши между собой, какой он, стало быть, Балмашев, убедительный, начали пускать женщину в вагон, и она с благодарностью лезет. И кажный, раскипятившись моей правдой, подсаживает ее, говоря наперебой:

– Садитесь, женщина, в куток, ласкайте ваше дитя, как водится с матерями, никто вас в кутке не тронет, и приедете вы, нетронутая, к вашему мужу, как это вам желательно, и надеемся на вашу совесть, что вы вырастите нам смену, потому что старое старится, а молодняка, видать, мало. Горя мы видели, женщина, и на действительной и на сверхсрочной, голодом нас давнуло, холодом обожгло. А вы сидите здесь, женщина, без сомнения…

И пробивши третий звонок, поезд двинулся. И славная ночка раскинулась шатром. И в том шатре были звезды-каганцы[1]. И бойцы вспомнили кубанскую ночь и зеленую кубанскую звезду. И думка пролетела, как птица. А колеса тарахтят, тарахтят…

По прошествии времен, когда ночь сменилась с своего поста и красные барабанщики заиграли зорю[2] на своих красных барабанах, тогда подступили ко мне казаки, видя, что я сижу без сна и скучаю до последнего.

– Балмашев, – говорят мне казаки, – отчего ты ужасно скучный и сидишь без сна?

– Низко кланяюсь вам, бойцы, и прошу маленького прощения, но только дозвольте мне переговорить с этой гражданкой пару слов…

И, задрожав всем корпусом, я поднимаюсь со своей лежанки, от которой сон бежал, как волк от своры злодейских псов, и подхожу до нее, и беру у ней с рук дите, и рву с него пеленки и тряпье, и вижу по-за пеленками добрый пудовик соли.

– Вот антиресное дите, товарищи, которое титек не просит, на подол не мочится и людей со сна не беспокоит…

– Простите, любезные казачки, – встревает женщина в наш разговор очень хладнокровно, – не я обманула, лихо мое обмануло…

– Балмашев простит твоему лиху, – отвечаю я женщине, – Балмашеву оно немногого стоит, Балмашев за что купил, за то и продает. Но оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили как трудящуюся мать в Республике. Оборотись на этих двух девиц, которые плачут в настоящее время, как пострадавшие от нас этой ночью. Оборотись на жен наших на пшеничной Кубани, которые исходят женской силой без мужей, и те, то же самое одинокие, по злой неволе насильничают проходящих в их жизни девушек… А тебя не трогали,

хотя тебя, неподобную, только и трогать. Оборотись на Расею, задавленную болью…

А она мне:

– Я соли своей решилась, я правды не боюсь. Вы за Расею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого[3] спасаете…

– За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются. Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя и другого звания, за трудящийся класс[4]. Как присужденные каторжане вытягают они нас – Ленин и Троцкий – на вольную дорогу жизни, а вы, гнусная гражданка, есть более контрреволюционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозится нам на своем тысячном коне… Его видать, того генерала, со всех дорог, и трудящийся имеет свою думку-мечту его порезать, а вас, несчетная гражданка[5], с вашими антиресными детками, которые хлеба не просют и до ветра не бегают, – вас не видать, как блоху, и вы точите, точите, точите…

И я действительно признаю, что выбросил эту гражданку на ходу под откос, но она, как очень грубая, посидела, махнула юбками и пошла своей подлой дорожкой. И, увидев эту невредимую женщину и несказанную Расею вокруг нее, и крестьянские поля без колоса, и поруганных девиц, и товарищей, которые много ездют на фронт, но мало возвращаются, я захотел спрыгнуть с вагона и себе кончить или ее кончить. Но казаки имели ко мне сожаление и сказали:

– Ударь ее из винта.

И, сняв со стенки верного винта, я смыл этот позор с лица трудовой земли и Республики.

И мы, бойцы второго взвода, клянемся перед вами, дорогой товарищ редактор, и перед вами, дорогие товарищи из редакции, беспощадно поступать со всеми изменниками, которые тащут нас в яму и хотят повернуть речку обратно и выстелить Расею трупами и мертвою травой.

За всех бойцов второго взвода – Никита Балмашев, солдат революции.

ВЕЧЕР

О, устав РКП! Сквозь кислое тесто русских повестей ты проложил стремительные рельсы. Три холостые сердца с страстями рязанских Иисусов ты обратил в сотрудников газеты «Красный Кавалерист», ты обратил их для того, чтобы каждый день могли они сочинять залихватскую газету, полную мужества и грубого веселья.

Галин с бельмом, чахоточный Слинкин, Сычев с объеденными кишками – они бредут в бесплодной пыли тыла и продирают бунт и огонь своих листовок сквозь строй молодцеватых казаков на покое, резервных жуликов, числящихся польскими переводчиками, и девиц, присланных к нам в поезд политотдела на поправку из Москвы.

Только к ночи бывает готова газета – динамитный шнур, подкладываемый под армию. На небе гаснет косоглазый фонарь провинциального солнца, огни типографии, разлетаясь, пылают неудержимо, как страсть машины. И тогда, к полуночи, из вагона выходит Галин для того, чтобы содрогнуться от укусов неразделенной любви к поездной нашей прачке Ирине.

– В прошлый раз, – говорит Галин, узкий в плечах, бледный и слепой, – в прошлый раз мы рассмотрели, Ирина, расстрел Николая Кровавого, казненного екатеринбургским пролетариатом[1]. Теперь перейдем к другим тиранам, умершим собачьей смертью. Петра Третьего задушил Орлов, любовник его жены[2], Павла растерзали придворные и собственный сын[3]. Николай Палкин отравился[4], его сын пал 1-го марта[5], его внук умер от пьянства[6]… Об этом вам надо знать, Ирина…

И, подняв на прачку голый глаз, полный обожания, Галин неутомимо ворошит склепы погибших императоров. Сутулый – он облит луной, торчащей там, вверху, как дерзкая заноза, типографские станки стучат от него где-то близко, и чистым светом сияет радиостанция. Притираясь к плечу повара Василия, Ирина слушает глухое и нелепое бормотание любви, над ней в черных водорослях неба тащатся звезды, прачка дремлет, крестит запухший рот и смотрит на Галина во все глаза. Так смотрит на профессора, преданного науке, девушка, жаждущая неудобств зачатия.

И рядом с Ириной зевает мордатый Василий, пренебрегающий человечеством, как и все повара. Повара – они имеют много дела с мясом мертвых жи-

вотных и с жадностью живых, поэтому в политике повара ищут вещей, их не касающихся. Так и Василий, мордатый победитель. Подтягивая штаны к соскам, он спрашивает Галина о цивильном листе разных королей[7], о приданом для царских дочерей и потом говорит, зевая:

– Ночное время, Ариша, – говорит он. – И завтра у людей день. Айда блох давить…

И они закрыли дверь кухни, оставив Галина наедине с луной, торчавшей там, вверху, как дерзкая заноза… А против луны, на откосе, у заснувшего пруда сидел я в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами. Смутными поэтическими мозгами переваривал я борьбу классов, когда ко мне подошел Галин в блистающих бельмах.

– Галин, – сказал я, пораженный жалостью и одиночеством, – я болен, мне, видно, конец пришел, Галин, и я устал жить в нашей Конармии…

– Вы слюнтяй, – ответил Галин, и часы на тощей его кисти показали час ночи, – вы слюнтяй, и нам суждено терпеть вас, слюнтяев… Вся партия ходит в передниках, измазанных кровью и калом, мы чистим для вас ядро от скорлупы; пройдет немного времени, вы увидите очищенное это ядро, вы выймете тогда палец из носу и воспоете новую жизнь необыкновенной прозой, а пока сидите тихо, слюнтяй, и не скулите нам под руку…

Он придвинулся ко мне ближе, поправил бинты, распустившиеся на чесоточных моих язвах, и опустил голову на цыплячью грудь. Ночь утешала нас в наших печалях, легкий ветер обвевал нас, как юбка матери, и травы внизу блестели свежестью и влагой.

Машины, гремевшие в поездной типографии, заскрипели и умолкли, рассвет провел черту у края земли, дверь в кухне свистнула и приоткрылась. Четыре ноги с толстыми пятками высунулись в прохладу, и мы увидели любящие икры Ирины и большой палец Василия[8] с кривым и черным ногтем.

– Василек, – прошептала баба русским тесным замирающим голосом, – уйдитя с моей лежанки, баламут…

Но Василий только дернул пяткой и придвинулся ближе.

– Конармия, – сказал мне тогда Галин, – Конармия есть социальный фокус, производимый ЦК нашей партии. Кривая революции бросила в первый ряд казачью вольницу, пропитанную многими предрассудками[9], но ЦК, маневрируя, продерет их железною щеткою…

И Галин заговорил о политическом воспитании Первой Конной. Он говорил долго, глухо, с полной ясностью. Веко его билось над бельмом, и кровь текла из разодранных ладоней.

Ковель,
1920.

И.Э. Бабель с отцом Э.И. Бабелем. Николаев, 1904 г.

И.Э. Бабель с бабушкой, М.А. Бабель, и сестрой Мери. Одесса, 1912 г.

И.Э. Бабель. Одесса, 1914–1915 гг.

И.Э. Бабель. 1920 г.

И.Э. Бабель. Начало 1920-х годов

Перевод статьи/из англ. газеты

Советский поезд захвачен Американским летчиком.

Варшава 18-го iюля. Поляки сообщают о захвате в районе Чернобыля на берегу Припети и о разгроме сильных большевитских частей, пытавшихся окружить польские войска, находящиеся еще в Киевском секторе. Поляки заявляют, что их новое продвижение заставит красную армию быстро отступить к югу и принудить таким образом конницу Буденнаго оставить територию занятою ею в недавних рейдах. Лейтенант Корси, Американец служащий в воздухоплавательном отряде имени Костюшки несколько дней тому назад взорвал полотно желдороги позади большевитскаго бронепоезда и таким образом дал возможность полякам захватить поезд и его экипаж, как сообщают Американцы совершили 79 бомбометаний в Киевском районе. 20 поездов с 17 тысячь беженцев из Киева прибыли вчера после 7 дневнаго путишествия. В течении 4-х дней о них небыло никаких сведений и опасались что они захвачены большевиками.

Переводил с Английскаго Военкор Штадива 6

«Советский поезд захвачен американским летчиком».
Перевод заметки из английской газеты, выполненный К. Лютовым. 1920 г.

Р.С.Ф.С.Р.
СЕКРЕТАРИАТ
РЕВВОЕНСОВЕТА
1-ой Конной Армии
26 Июня дня 1920 г.
№ 2813
г. Фастов

Заведывающему столовой Штарма 1й Конной.

Прошу исключить с довольствия тов. БАБЕЛЯ /ЛЮТОВА/, при столовой Штаба с 24 сего Июня.

Замсекретаря Реввоенсовета

Справка секретариата Реввоенсовета Первой конной армии о снятии с довольствия в столовой Штаба армии Бабеля (Лютова). Фастов, 26 июня 1920 г.

10

ИНСТРУКЦИЯ

Чтобы создать историю Военнаго Искуства Красно Конницы которая явится ценным источником знани форм, способов и приемов конницы для целых поколений необходимо вести в каждом штабе начиная от полковаго журналы военных действия по следующему плану.

ПЛАН ВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕ СТВИЙ В ШТАБАХ ЧАСТЕ КОННО АРМИИ.

1/ Выписка из директив.
2/ Выписка из разведсводок.
3/ Выписка из оперсводок, с кратким описание боев по следующей форме:
а/ О месте боя с обозначением рубежей.
б/ Статестическое описание местности хода боя с критикой для противни и для нас.
в/ Кто правее или левее нас.
г/ Время начала и конца боя.
д/ Силы наших частей подробно.
е/ Какие части противника участвовали в бою и сколько их было.
ж/ Сколько было потерь с нашей стороны и противника /обяз.точно/
з/ Какие взяты трофеи.
и/ Результат боя.
к/ Стратегический и тактический разбор хода дела.
4/ Разведка охранение и связи.
5/ Выписка из приказа по части.
6/ О работе и настроение реввоенсовта.
7/ О деятельности Штаба.
8/ Об организации и формировании части.
9/ О революционной дисциплине.
10/ О агитации и работе в тылу противника.
11/ О жизни фронта конармии и населения.
12/ Об отношении кавалеристов к пленным, лошадям и военному имуществу
13/ О работе ком"ячеек, комиссаров, Политработников, командиров и красноармейцев агитаторов.
14 О красных курсантах и генштабистах.
15/ О Политправлении, Просвещении, театрах и спартивных играх.
16/ О продовольствии людей и лошадей.
17/ Об интендантском снабжении.
18/ О работе артиллерии и Артиллерийском снабжении.
19/ О санитарном снабжении работе лазаретов и госпиталей.
20/ Об инженерном снабжении и деятельности Инженерных частей.
21/ О воздухплавании.
22/ О работе революционнаго требунала.

ПРИМЕЧАНИЕ: Писать ответы на все вопросы инструкции следует логично краткое просто и понятно чтобы легко было разобратся при составлении очерка ИСТОРИИ ПЕРВО КОННО АРМИИ.
2/ Для ведения журнала военных действий назначить людей толков
3/ Начиная с пункта 10 и до конца можно, запросив сведения от ... тей и учреждений, записывать периодически через каждую нед
4/ Присылать копии журнала военных действий дивизии к 5-му ч каждаго месяца за истекший ~~прош~~ месяц.
5/ Инструкцию ввести в жизнь НЕМЕДЛЕННО.

Подпис. Начполештарм ЗОТОВ, Военком /подпись неразборчиво/ Военкореспон /неразборчиво/.-

Верно: [подпись]

Инструкция по ведению журнала военных действий в Первой конной армии. Копия, заверенная К. Лютовым. До 12 июля 1920 г.

Житомир. 3.6.20. Поезд. (69)

Утром в поезде, приехал за гимнастеркой и сапогами. Сплю с Жуковым, Топольником, грязно, утром солнце в глаза, вагонная грязь. Длинный Жуков, прожорливый Топольник, вся редакционная коммуна — невообразимо грязные человеки. — Дрянной чай в одолженных котелках. Письма домой, пакеты в Югросту, интервью с Палоком, операция по овладению Новоградом, дисциплина в польской армии слабеет, польская белогвардейская литература, книжечки папиросной бумаги, спички, бывшие украинцы, гнусные комиссары, пишут по-русски, бездарно и удивительно неубедительно. Выставка плакатов у польских газет — Кухня в поезде, толстые солдаты с напудренными [illegible] лицами, серые души, удушливый жар в кухне, какие-то [illegible], оборванные бабы — сцены — описать солдат и баб, толстых, сытых, сонных. — Любовь на кухне. После обеда в Житомир. Белый, — не сонный, а подбитый, притихший город. Ищу следов польской культуры. Женщины хорошо одеты, белые чулки. Костел. — Купаюсь у Нусбойма в Тетереве, скверная речонка, старые евреи в купальне с длинными тощими ногами, обросшими седыми волосами. Молодые евреи. Бабы на Тетереве полощут белье. Семья, красивая жена, ребенок у мужа! Базар в Житомире, старый сапожник

Страница дневника И.Э. Бабеля 1920 года. Автограф

Страница дневника И.Э. Бабеля 1920 года. Автограф

Шумный юноша с телом гиспанца – пан Ромуальд
величал нас товарищами. Желтым пальцем
он водил по карте, указывая кровавый путь
отступления польской армии. ~~И пересчитывал~~
~~раны своей родины пан Ромуальд~~ Хрипло хо-
хоча он пересчитывал раны своей родины и
все это была ложь. Юноша в черной рясе был
предатель, гордец, иезуит, палач и патриот. Все
это я понял после – и пусть кроткое забвение
поглотит память о пане Ромуальде, предавшем
нас и расстрелянном мимоходом. Но в тот вечер
его узкая сутана шевелилась у всех портьер,
яростно мела все дороги и улыбалась всем,
кто хотел пить водку. Он был бы епископом, пан
Ромуальд, если бы он не был героем. 2 Охвачен-
ный [illegible] печалью я бродил по комнатам
в [illegible] и его прирученная тень, поникнув го-
ловой, неотступно следовала за мной. Но мне
было все равно, потому что я не таил в себе
злых помыслов. Под развалинами мерцало зд-
ание невиданного уклада и его вкрадчивые со-
блазны ошеломили меня. О эти черные распятия
из слоновой кости, крохотные как талисманы
куртизанки, и рваные портреты монсиньо-
ров, и папские буллы на желтом перга-
менте и эти письма женщин, [illegible]
на голубом атласе и спрятанные в [illegible]
карманах шелковых жилетов. 2 Я вижу
тебя отсюда, неверный монах в лиловой рясе,
твои синеватые руки, твои сухие и гладкие
щеки, твою душу нежную и безжалостную,
как душа кошки. Я вижу раны твоего бога
сочащиеся семенем, этим благовонным ядом
опьяняющим девственниц. 2 Никого в доме. Я один.
Пан Ромуальд упал в угол и спит. Под звездным
небом в саду переливается аллея, усыпанная
гравием. Прямая как нить она стремится к храму
и цветущие кусты роз несут ее на блистающем
подносе. На куполе бьются зеленые маятники,
они бегут, ломаются и пропадают. Тонкий

Бабель И.Э. Костел в Новограде. Черновой набросок. 1922 – начало 1923 г.

Из книги „Конармия“.

Костел в Новограде

Военком штаба остановился в доме бежавшего ксендза. Я отправился с докладом к военкому штаба. На кухне встретила меня пани Элиза, экономка иезуита. Она дала мне янтарного чаю с бисквитами. Бисквиты пахли, как распятие. Лукавый сок был заключен в них и благовонная ярость Ватикана.

В костеле рядом выли колокола, заведенные обезумевшим звонарем. Был вечер, полный июльских звезд. Пани Элиза, тряся внимательными сединами, подсыпала мне печения. И я насладился пищей иезуитов.

Старая полька называла меня паном, у порога стояли навытяжку серые старики с окостеневшими ушами и где-то в змеином сумраке шуршала сутана монаха. Патер бежал, но он оставил помощника — пана Ромуальда.

Гнусавый скопец с телом исполина — Ромуальд величал нас товарищами. Желтым пальцем он водил по карте, указывая окружности польского разгрома. Охваченный хриплым восторгом, пересчитывал он раны своей родины. Пусть кроткое забвение поглотит память о Ромуальде, предавшем нас без сожаления и расстрелянном мимоходом. Но в тот вечер его узкая сутана шевелилась у всех портьер, яростно мела все дороги и усмехалась всем, кто хотел пить водку. В тот вечер тень монаха кралась за мною неотступно. Он стал бы епископом — пан Ромуальд — если бы не был шпионом.

Под развалинами мерцало дыхание невиданного уклада. Его вкрадчивые соблазны обессилили меня. О, распятия, крохотные, как талисманы куртизанки, и расшитые портреты монсиньоров, и пергамент папских булл, надушенный атлас женских писем, истлевших в малиновом шелку жилетов...

Я вижу тебя отсюда, неверный монах, в лиловой рясе, голубую припухлость твоих рук, твою душу, безжалостную, как душа кошки, я вижу раны твоего бога, сочащиеся семенем, благоуханным ядом, опьяняющим девственниц...

Военком не вернулся еще из штаба. Я один. Ромуальд уснул в углу и стонет и трепещет. За окном в саду, под черной страстью неба, переливается аллея. Жаждущие розы колышутся во тьме. Зеленые молнии пылают в куполах. Раздетый труп валяется под откосом. И лунный блеск струится по мертвым ногам, торчащим врозь.

Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой. В отлакированных и серебряных шкалах я вижу золотое тиснение фолиантов: Краков, 1920. В них певучие повести о Болеславе Храбром, могучем вожде старой Польши, и гимны последнему ее воскресенью и осанна ясновельможному и пресветлому начальнику панства Иосифу Пилсудскому, многие хвалы, напечатанные на шуршащей, на свежей, как сливочное масло, бумаге.

И вот ночь, и я расхаживаю вечерней походкой в храме, оставленном священнослужителем.

Но над нищими ордами, катящимися на твои древние города, о, Польша, гремит песнь об единении всех холопов. Горе тебе, Речь Посполитая, горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега, вставшие на час...

Все нет военкома. В глубине сада зияют раскрытые ворота костела. Я колеблюсь, задыхаюсь и вхожу. Запах ладана впивается в мой мозг. Два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. Их безглазые орбиты налиты дрожащей тьмой. Полный ужаса и усталости я бросаюсь вниз, в какое-то подземелье. Дубовая лестница ведет оттуда прямо к алтарю. И я вижу множество огней, бегущих в высоту, до самого купола. Я вижу военкома, и начальника оперативного отдела, и начальника особого отдела, со свечами в руках. Они отзываются на слабый мой крик и выносят меня из подвала.

Черепа, оказавшиеся резьбой церковного катафалка, не пугают меня больше и все вместе мы продолжаем обыск, потому что это был обыск и обшаривание мощей, предпринятое после того, как в квартире ксендза были найдены груды зимнего обмундирования.

Сверкая расшитыми конскими мордами наших обшлагов, перешептываясь и гремя шпорами, мы кружимся по гулкому зданию с оплывающим воском в руках. Богоматери, унизанные драгоценными камнями, следят наш путь розовыми, как у мышей, зрачками. Пламя бьется в наших пальцах. Квадратные тени корчатся на статуях святого Петра, святого Франциска, святого Винцента, на их румяных щечках и курчавых бородах, раскрашенных кармином.

Храм древен, полон тайны. Он стоит на перекрестных подземельях. Он открывает в своих выпуклых блестящих стенах — потайные ходы, скрытые ниши, беззвучно распахивающиеся створки. Под нашими пальцами прыгают какие-то костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая сырые, зацветающие плесенью пещеры.

Ах, глупый ксендз, развесивший на плечах Спасителя кружевные лифчики своих прихожанок. За царскими вратами мы нашли чемодан с золотыми монетами и сундуки с соболями, мы нашли сафьяновый мешок с кредитками и футляры, футляры варшавских ювелиров с изумрудными перстнями...

А потом — подсчет денег у военкома. Столбы золота, ковры из денег, порывистый ветер, дующий на пламя свечей, вороное безумие в глазах пани Элизы, громовый хохот Ромуальда и нескончаемый рев колоколов, зарезанных в часовне паном Робацким, обезумевшим звонарем.

— Прочь, — сказал я себе, — прочь от этих подмигивающих Мадонн, изнасилованных солдатами...

И. БАБЕЛЬ.

Новоград-Волынск.

Бабель И.Э. Костел в Новограде. Вырезка из газеты «Известия Одесского губисполкома...» (1923. 18 февраля) с авторской правкой

Из книги
Конармия 11.

Мой первый гусь.

Тимошенко начдив шесть встал,
завидев меня и я несказанно уди-
вился красоте гигантского его те-
ла. Он встал и пурпуром своих
рейтуз, малиновой шапочкой,
сбитой на бок, орденами вколо-
ченными в грудь разрезал избу по-
полам, как штандарт разрезает
небо. От него пахло невозмутимы-
ми духами и приторной прохла-
дой мыла. Длинные ноги его были
похожи на девушек, закованных
до плеч в блестящие ботфорты. 2
Он улыбнулся мне, ударил хлыс-
том по столу и вдруг потянул
к себе приказ, только что отдик-
тованный начальником штаба. A.
Это был приказ Ивану Чеснокову
выступить с вверенным ему пол-
ком в направлении Чугунов-
Добрыводка и войдя в соприкос-
новение с неприятелем таковое
уничтожить. 2 ... каковое унич-
тожение — стал писать нач-
див и измазал весь лист — возла-
гаю на ответственность того же
Чеснокова вплоть до высшей

Бабель И.Э. Мой первый гусь. 1924 г. Автограф

Д.А. Фурманов
Начало 1920-х годов

№4 4

Дорогой дядя Митяй. Посылаю Конармию в исправленном виде. Я перегруппировал главы и изменил названия некоторых рассказов. Все твои указания принял к руководству и исполнению, изменения не коснулись только Павличенки и Истории одной лошади. Мне не приходит в голову чем можно заменить „обвинительные" другие. Хорошо бы оставить их в „первоначальном состоянии". Уверяю тебя, Дмитрий Андреич, никто за это к нам не придерется. Опасные места я выбросил даже сверх нормы напр. в Чесниках и проч. — Затем, если это тебя не затруднит передай Ивану Вас. мои пожелания касательно внешности книги. Мне очень нравится как издан Сиверко. Был бы очень рад если бы Конармию удалось издать в небольшом формате обязательно небольшом, шрифт порезче поля побольше и каждый рассказ с новой страницы. —

Анне Никитишне мой исключительный пламенный

Письмо И.Э. Бабеля Д.А. Фурманову. 4 февраля 1926 г. Автограф

И.Э. Бабель с сыном Михаилом.
Москва, май-июнь 1927 г.

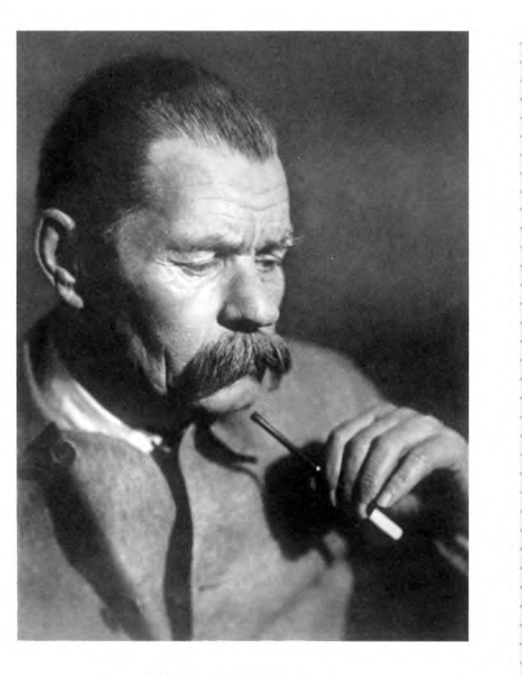
И.Э. Бабель. Москва, 1930 г.
Фотография Т.Н. Тэсс

Е.Б. Бабель. Сергиев Посад, 1924 г.

Мать писателя Ф.А. Бабель с внучкой Натальей. Париж, 1930 г.

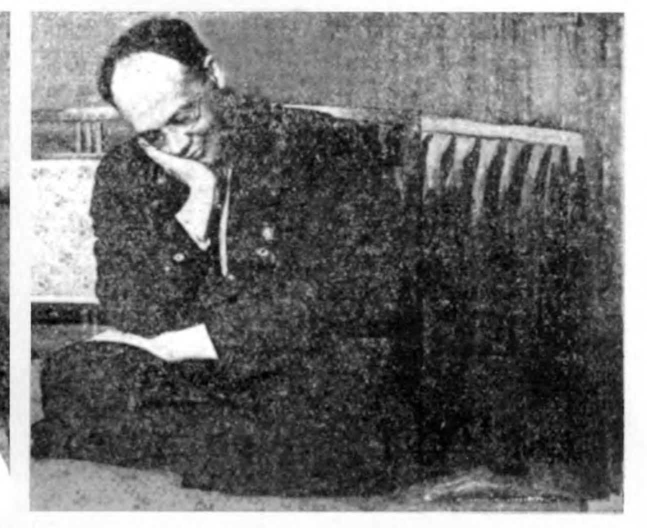

М. Горький. 1928 г.

Горький М. Ответ С. Буденному. Черновик. Ноябрь 1928 г. Автограф

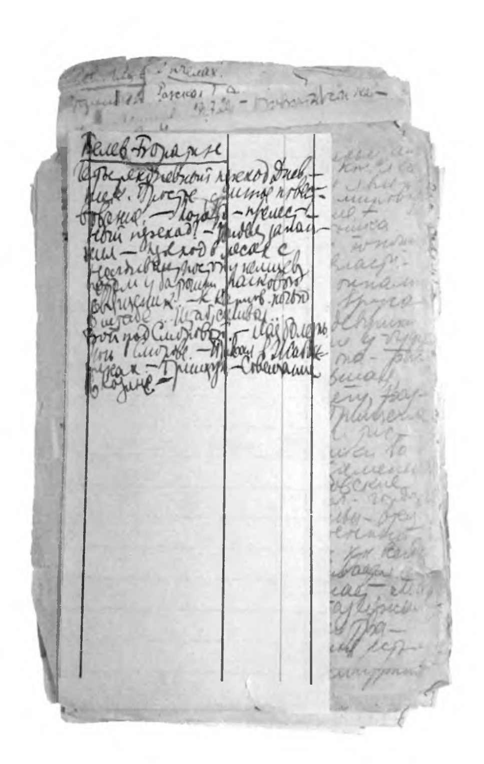
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Газетная полемика о «Конармии», повидимому, не будет продолжена. Тем не менее ЧУДАК счел необходимым заснять участников полемики в моменты, характеризующие их настроения: бодро-боевое (у С. М. Буденного) и упадочническое (у И. Э. Бабеля).

С.М. Буденный, И.Э. Бабель. Фотографии из журнала «Чудак». 1928. № 1 (декабрь)

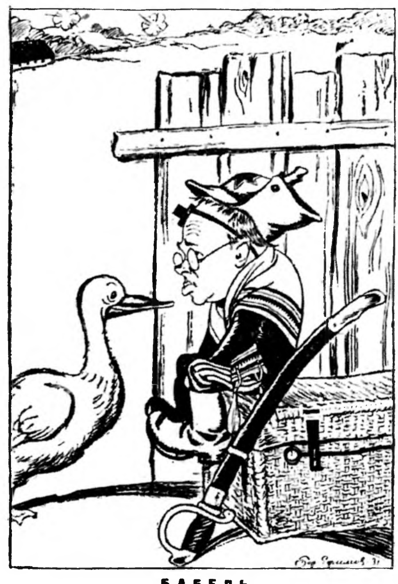

Бабель И.Э. Планы и наброски к «Конармии».
1921–1922 гг.

Алякринский П.А.
Обложка первого издания «Конармии». 1926 г.

Ефимов Б.Е. Шарж на И.Э. Бабеля.
Литературная газета. 1932. 11 ноября

И. Бабель

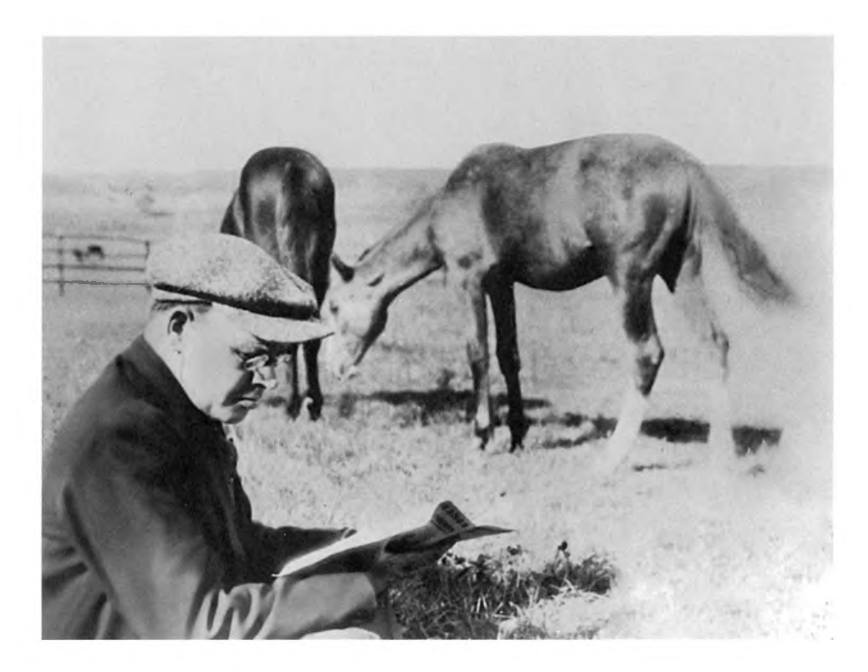
Кукрыниксы. Шарж на И.Э. Бабеля.
Литературная газета. 1929. 7 мая

И.Э. Бабель и А.Н. Пирожкова во время поездки по Киевщине. 1935 г.

И.Э. Бабель с дочерью Лидией. Москва, 1937 г.

И.Э. Бабель на конном заводе. Начало 1930-х годов

И.Э. Бабель. Горки, май 1937 г.

И.Э. Бабель. 1929 или начало 1930-х годов

АФОНЬКА БИДА

Мы дрались под Лешнювом. Стена неприятельской кавалерии появлялась всюду. Пружина окрепшей польской стратегии вытягивалась с зловещим свистом. Нас теснили. Впервые за всю кампанию мы испытали на своей спине дьявольскую остроту прорывов тыла и фланговых ударов – безжалостные укусы того самого оружия, которое так долго и счастливо служило нам.

Фронт под Лешнювом держала пехота[1]. Вдоль криво накопанных ямок слонялось белесое босое волынское мужичье. Пехоту эту взяли вчера от сохи для того, чтобы образовать при Конармии пехотный резерв. Крестьяне пошли с охотою. Они дрались с величайшей старательностью. Их сопящая мужицкая свирепость изумила даже буденновцев. Ненависть их к польскому помещику была построена из невидного, но добротного материала.

Во второй период войны, когда гиканье перестало действовать на воображение неприятеля и конные атаки на окопавшегося противника сделались невозможными, – эта самодельная пехота принесла бы Конармии величайшую пользу. Но нищета наша превозмогла. Мужикам дали по одному ружью на троих и патроны, которые не подходили к винтовкам. Затею пришлось оставить, и подлинное это народное ополчение распустили по домам.

Теперь обратимся к лешнювским боям. Пешка окопалась в трех верстах от местечка. Впереди их фронта расхаживал сутулый юноша в очках. Сбоку у него волочилась сабля. Он передвигался вприпрыжку, с недовольным видом, как будто ему жали сапоги. Этот мужицкий атаман, выбранный ими и любимый, был еврей, подслеповатый еврейский юноша, с чахлым и сосредоточенным лицом талмудиста[2]. В бою он выказывал осмотрительное мужество и хладнокровие, которое походило на рассеянность мечтателя.

Шел третий час июльского просторного дня. В воздухе сияла радужная паутина зноя. За холмами сверкнула праздничная полоска мундиров и гривы лошадей, заплетенные лентами. Юноша дал знак приготовиться. Мужики, шлепая лаптями, побежали по местам и взяли наизготовку. Но тревога оказалась ложной. На лешнювское шоссе выходили цветистые эскадроны Маслака[3]. Их отощавшие, но бодрые кони шли крупным шагом. На золоченых древках, отягощенных бархатными кистями, в огненных столбах пыли колебались пышные знамена. Всадники ехали с величественной и дерзкой холодностью. Лохматая

пешка вылезла из своих ям и, разинув рты, следила упругое изящество этого небыстрого потока.

Впереди полка на степной раскоряченной лошаденке ехал комбриг Маслак*, налитый пьяной кровью и гнилью жирных своих соков. Живот его, как большой кот, лежал на луке, окованной серебром. Завидев пешку, он весело побагровел и поманил к себе взводного Афоньку Биду. Взводный носил у нас прозвище «Махно» за сходство свое с прославленным батьком. Они пошептались с минуту – командир и Афонька. Потом взводный обернулся к первому эскадрону, наклонился и скомандовал негромко: «Повод!» Казаки повзводно перешли на рысь. Они горячили лошадей и мчались на окопы, из которых глазела обрадованная зрелищем пешка.

– К бою готовьсь! – пропел заунывный и как бы отдаленный Афонькин голос.

Маслак, хрипя, кашляя и наслаждаясь, отъехал в сторону, казаки бросились в атаку. Бедная пешка побежала, но поздно[4]. Казацкие плети прошлись уже по их драным свиткам. Всадники кружились по полю и с необыкновенным искусством вертели в руках нагайки.

– Зачем балуетесь? – крикнул я Афоньке.

– Для смеху, – ответил он мне, ерзая в седле и доставая из кустов схоронившегося парня.

– Для смеху! – прокричал он, ковыряясь в обеспамятевшем парне.

Потеха кончилась, когда Маслак, размякший и величавый, махнул своей пухлой рукой.

– Пешка, не зевай! – прокричал Афонька и надменно выпрямил тщедушное тело. – Пошла блох ловить, пешка…

Казаки, пересмеиваясь, съезжались в ряды. Пешки след простыл. Окопы были пусты. И только сутулый еврей стоял на прежнем месте и сквозь очки всматривался в казаков внимательно и высокомерно.

Со стороны Лешнюва не утихала перестрелка. Поляки охватывали нас. В бинокль были видны отдельные фигуры конных разведчиков. Они выскакивали из местечка и проваливались, как ваньки-встаньки. Маслак построил эскадрон и рассыпал их по обе стороны шоссе. Над Лешнювом встало блещущее небо, невыразимо пустое, как всегда в часы опасности. Еврей, закинув голову, горестно и сильно свистел в металлическую дудку. И пешка, эта неповторимая, высеченная пешка, возвращалась на свои места.

Пули густо летели в нашу сторону. Штаб бригады попал в полосу пулеметного обстрела. Мы бросились в лес и стали продираться сквозь кустарник, что по правую сторону шоссе. Расстрелянные ветви суетливо кряхтели

---

* Маслаков – командир 1-й бригады 4-й дивизии, неисправимый партизан, изменивший вскоре Советской власти (*примеч. автора*).

над нами. Когда мы выбрались из кустов – казаков уже не было на прежнем месте. По приказанию начдива, они отходили к Бродам. Только мужики огрызались из своих окопов редкими ружейными выстрелами да отставший Афонька догонял свой взвод.

Он ехал на самой обочине дороги, оглядываясь и обнюхивая воздух. Стрельба на мгновенье ослабела. Казак вздумал воспользоваться передышкой и двинулся карьером. В это мгновенье пуля пробила шею его лошади. Афонька проехал еще шагов сто, и здесь, в наших рядах, конь кротко согнул передние ноги повалился на землю.

Афонька не спеша вынул из стремени подмятую ногу. Он сел на корточки и поковырял в ране медным пальцем. Потом Бида выпрямился и обвел блистающий горизонт томительным взглядом.

– Прощай, Степан, – сказал он деревянным голосом, отступил от издыхающего животного и поклонился ему в пояс, – как ворочуся без тебя в тихую станицу?.. Куда подеваю с-под тебя расшитое седелко? Прощай, Степан, – повторил он сильнее, задохся, пискнул, как пойманная мышь, и завыл. Клокочущий вой достиг нашего слуха, и мы увидели Афоньку, бьющего поклоны, как кликуша в церкви. – Ну, не покорюсь же судьбе-шкуре, – закричал он, отнимая руки от помертвевшего лица, – ну, беспощадно же буду рубать несказанную шляхту! До сердечного вздоха дойду, до вздоха ейного и богоматериной крови… При станичниках, дорогих братьях, обещаюся тебе, Степан…

Афонька лег лицом в рану и затих. Устремив на хозяина сияющий глубокий фиолетовый глаз, конь слушал рвущееся Афонькино хрипенье. Он в нежном забытьи поводил по земле упавшей мордой, и струи крови, как две рубиновые шлеи, стекали по его груди, выложенной белыми мускулами.

Афонька лежал, не шевелясь. Мелко перебирая толстыми ногами, к лошади подошел Маслак, вставил револьвер ей в ухо и выстрелил. Афонька вскочил и повернул к Маслаку рябое ужасное лицо.

– Сбирай сбрую, Афанасий, – сказал Маслак ласково, – иди до части…

И мы с пригорка увидели, как Афонька, согбенный под тяжестью седла, с лицом сырым и красным, как рассеченное мясо, брел к своему эскадрону, беспредельно одинокий в пыльной, пылающей пустыне полей.

Поздним вечером я встретил его в обозе. Он спал на возу, хранившем его добро – сабли, френчи и золотые проколотые монеты. Запекшаяся голова взводного с перекошенным мертвым ртом валялась, как распятая, на сгибе седла. Рядом была положена сбруя убитой лошади, затейливая и вычурная одежда казацкого скакуна – нагрудники с черными кистями, гибкие ремни нахвостников, унизанные цветными камнями, и уздечка с серебряным тиснением.

Тьма надвигалась на нас все гуще. Обоз тягуче кружился по Бродскому шляху; простенькие звезды катились по млечным путям неба, и дальние деревни горели в прохладной глубине ночи. Помощник эскадронного

Орлов и длинноусый Биценко сидели тут же на Афонькином возу и обсуждали Афонькино горе.

– С дому коня ведет, – сказал длинноусый Биценко, – такого коня, где его найдешь?

– Конь – он друг, – ответил Орлов.

– Конь – он отец, – вздохнул Биценко, – бесчисленно раз жизню спасает. Пропасть Биде без коня…

А наутро Афонька исчез. Начались и кончились бои под Бродами. Поражение сменилось временной победой, мы пережили смену начдива, а Афоньки все не было. И только грозный ропот на деревнях, злой и хищный след Афонькиного разбоя, указывал нам трудный его путь.

– Добывает коня, – говорили о взводном в эскадроне, и в необозримые вечера наших скитаний я немало наслушался историй о глухой этой, свирепой добыче.

Бойцы из других частей натыкались на Афоньку в десятках верст от нашего расположения. Он сидел в засаде на отставших польских кавалеристов или рыскал по лесам, отыскивая схороненные крестьянские табуны. Он поджигал деревни и расстреливал польских старост за укрывательство. До восхищенного нашего слуха доносились отголоски этого яростного единоборства, отголоски отчаянного и воровского нападения одинокого волка на громаду.

Прошла еще неделя. Горькая злоба дня выжгла из нашего обихода рассказы о мрачном Афонькином удальстве, и «Махно» стали забывать. Потом пронесся слух, что где-то в лесах его закололи галицийские крестьяне. И в день вступления нашего в Берестечко Емельян Будяк из первого эскадрона пошел уже к начдиву выпрашивать Афонькино седло с желтым потником. Емельян хотел выехать на парад с новым седлом, но не пришлось ему.

Мы вступили в Берестечко 6 августа[5]. Впереди нашей дивизии двигался азиатский бешмет и красный казакин нового начдива[6]. Левка, бешеный холуй, вел за начдивом заводскую кобылицу. Боевой марш, полный протяжной угрозы, летел вдоль вычурных и нищих улиц. Ветхие тупики, расписной лес дряхлых и судорожных перекладин пролегал по местечку. Сердцевина его, выеденная временем, дышала на нас грустным тленом. Контрабандисты и ханжи укрылись в своих просторных сумрачных избах. Один только пан Людомирский, звонарь в зеленом сюртуке, встретил нас у костела.

Мы перешли реку и углубились в мещанскую слободу. Мы приближались к дому ксендза, когда из-за поворота на рослом сером жеребце выехал Афонька.

– Почтение, – произнес он лающим голосом и, расталкивая бойцов, занял в рядах свое место.

Маслак уставился в бесцветную даль и прохрипел, не оборачиваясь:

– Откуда коня взял?

– Собственный, – ответил Афонька, свернул папиросу и коротким движением языка заслюнил ее.

Казаки подъезжали к нему один за другим и здоровались. Вместо левого глаза на его обуглившемся лице отвратительно сияла чудовищная розовая опухоль.

А на другое утро Бида гулял. Он разбил в костеле раку святого Валента и пытался играть на органе. На нем была выкроенная из голубого ковра куртка с вышитой на спине лилией, и потный чуб его был расчесан поверх вытекшего глаза.

После обеда он заседлал коня и стрелял из винтовки в выбитые окна замка графов Рациборских. Казаки полукругом стояли вокруг него. Они задирали жеребцу хвост, щупали ноги и считали зубы.

– Фигуральный конь, – сказал Орлов, помощник эскадронного.

– Лошадь справная, – подтвердил длинноусый Биценко.

У СВЯТОГО ВАЛЕНТА

Дивизия наша заняла Берестечко вчера вечером. Штаб остановился в доме ксендза Тузинкевича. Переодевшись бабой, Тузинкевич бежал из Берестечка перед вступлением наших войск. О нем я знаю, что он сорок пять лет возился с богом в Берестечке и был хорошим ксендзом. Когда жители хотят, чтобы мы это поняли, они говорят – его любили евреи. При Тузинкевиче обновили древний костел. Ремонт кончили в день трехсотлетия храма. Из Житомира приехал тогда епископ. Прелаты[1] в шелковых рясах служили перед костелом молебен. Пузатые и благостные – они стояли, как колокола в росистой траве. Из окрестных сел текли покорствующие реки. Мужичье преклоняло колена, целовало руки, и на небесах в тот день пламенели невиданные облака. Небесные флаги веяли в честь старого костела. Сам епископ поцеловал Тузинкевича в лоб и назвал его отцом Берестечка, pater Bérestetchka.

Эту историю я узнал утром в штабе, где разбирал донесение обходной колонны нашей, ведшей разведку на Львов в районе Радзихова[2]. Я читал бумаги, и храп вестовых за моей спиной говорил о нескончаемой нашей бездомности. Писаря, отсыревшие от бессонницы, писали приказы по дивизии, ели огурцы и чихали. Только к полудню я освободился, подошел к окну и увидел храм Берестечка – могущественный и белый. Он светился в нежарком солнце, как фаянсовая башня. Молнии полудня блистали в его глянцевитых боках. Выпуклая их линия начиналась у древней зелени куполов и легко сбегала книзу. Розовые жилы тлели в белом камне фронтона, а на вершине были колонны, тонкие, как свечи.

Потом пение органа поразило мой слух, и тотчас же в дверях штаба появилась старуха с распущенными желтыми волосами. Она двигалась, как собака с перебитой лапой, кружась и припадая к земле. Зрачки ее были налиты белой влагой слепоты и брызгали слезами. Звуки органа, то тягостные, то поспешные, подплывали к нам. Полет их был труден, след их звенел жалобно и долго. Старуха вытерла слезы желтыми своими волосами, села на землю и стала целовать сапоги мои у колена. Орган умолк и потом захохотал на басовых нотах. Я схватил старуху за руку и оглянулся. Писаря стучали на машинках, вестовые храпели все заливистей, шпоры их резали войлок под бархатной обивкой диванов. Старуха целовала мои сапоги с нежностью, обняв их, как младенца. Я потащил

ее к выходу и запер за собой дверь. Костел встал перед нами ослепительный, как декорация. Боковые ворота его были раскрыты, и на могилах польских офицеров валялись конские черепа.

Мы вбежали во двор, прошли сумрачный коридор и попали в квадратную комнату, пристроенную к алтарю. Там хозяйничала Сашка, сестра 31-го полка. Она копалась в шелках, брошенных кем-то на пол[3]. Мертвенный аромат парчи, рассыпавшихся цветов, душистого тления лился в ее трепещущие ноздри, щекоча и отравляя. Потом в комнату вошли казаки. Они захохотали, схватили Сашку за руки и кинули с размаху на гору материй и книг. Тело Сашки, цветущее и вонючее, как мясо только что зарезанной коровы, заголилось, поднявшиеся юбки открыли ее ноги эскадронной дамы, чугунные стройные ноги, и Курдюков, придурковатый малый, усевшись на Сашке верхом и трясясь, как в седле, притворился объятым страстью. Она сбросила его и кинулась к дверям. И только тогда, пройдя алтарь, мы проникли в костел.

Он был полон света, этот костел, он был полон танцующих лучей, воздушных столбов, какого-то прохладного веселья. Как забыть мне картину, висевшую у правого придела и написанную Аполеком? На этой картине двенадцать розовых патеров качали в люльке, перевитой лентами, пухлого младенца Исуса. Пальцы ног его оттопырены, тело отлакировано утренним жарким потом. Дитя барахтается на жирной спинке, собранной в складки, двенадцать апостолов в кардинальских тиарах[4] склонились над колыбелью. Их лица выбриты до синевы, пламенные плащи оттопыриваются на животах. Глаза апостолов сверкают мудростью, решимостью, весельем, в углах их ртов бродит тонкая усмешка, на двойные подбородки посажены огненные бородавки, малиновые бородавки, как редиска в мае.

В этом храме Берестечка была своя, была обольстительная точка зрения на смертные страдания сынов человеческих. В этом храме святые шли на казнь с картинностью итальянских певцов, и черные волосы палачей лоснились, как борода Олоферна[5]. Тут же над царскими вратами я увидел кощунственное изображение Иоанна, принадлежащее еретической и упоительной кисти Аполека. На изображении этом Креститель был красив той двусмысленной и недоговоренной красотой, ради которой наложницы королей теряют свою наполовину потерянную честь и расцветающую жизнь.

Сведенный с ума воспоминанием о мечте моей, об Аполеке, я не заметил следов разрушения в храме, или они показались мне невелики. Была сломана только рака святого Валента. Куски истлевшей ваты валялись под ней и смехотворные кости святого, похожие больше всего на кости курицы. Да Афонька Бида играл еще на органе. Он был пьян, Афонька, дик и изрублен. Только вчера вернулся он к нам с отбитым у мужиков конем. Афонька упрямо пытался подобрать на органе марш, и кто-то уговаривал его сонным голосом: «Брось, Афоня, идем снедать». Но казак не бросал, и их было множество – Афонькиных песен.

Каждый звук был песня, и все звуки были оторваны друг от друга. Песня – ее густой напев – длилась мгновение и переходила в другую… Я слушал, озирался, и следы разрушения казались мне невелики. Но не так думал пан Людомирский, звонарь церкви святого Валента и муж слепой старухи.

Людомирский выполз неизвестно откуда. Он вошел в костел ровным шагом с опущенной головой. Старик не решился накинуть покрывала на выброшенные мощи, потому что человеку простого звания не дозволено касаться святыни. Звонарь упал на голубые плиты пола, поднял голову, и синий нос его стал над ним, как флаг над мертвецом. Синий нос трепетал над ним, и в это мгновение у алтаря заколебалась бархатная завеса и, трепеща, отползла в сторону. В глубине открывшейся ниши, на фоне неба, изборожденного тучами, бежала бородатая фигурка в оранжевом кунтуше[6] – босая, с разодранным и кровоточащим ртом. Хриплый вой разорвал тогда наш слух. Мы недоверчиво отступали перед лицом ужаса, ужас настигал нас и щупал мертвыми пальцами наши сердца. Я видел: человека в оранжевом кунтуше преследовала ненависть и настигала погоня. Он выгнул руку, чтобы отвести занесенный удар, и из руки пурпурным током вылилась кровь. Казачонок, стоявший со мной рядом, закричал и, опустив голову, бросился бежать, хотя бежать было не от чего, потому что фигура в нише была всего только Исус Христос – самое необыкновенное изображение бога изо всех виденных мною в жизни.

Спаситель пана Людомирского был курчавый жиденок с клочковатой бородкой и низким, сморщенным лбом. Впалые щеки его были накрашены кармином, и над закрывшимися от боли глазами выгнулись тонкие рыжие брови.

Рот его был разодран, как губа лошади, польский кунтуш его был охвачен драгоценным поясом, и под кафтаном корчились фарфоровые ножки, накрашенные, босые, изрезанные серебряными гвоздями.

Пан Людомирский в зеленом сюртуке стоял под статуей. Он простер над нами иссохшую руку и проклял нас. Казаки выпучили глаза и развесили соломенные чубы. Громовым голосом звонарь церкви святого Валента предал нас анафеме на чистейшей латыни. Потом он отвернулся, упал на колени и обнял ноги Спасителя.

Придя к себе в штаб, я написал рапорт начальнику дивизии об оскорблении религиозного чувства местного населения. Костел было приказано закрыть, а виновных, подвергнув дисциплинарному взысканию, предать суду военного трибунала.

Берестечко,
август 1920 г.

ЭСКАДРОННЫЙ ТРУНОВ

В полдень мы привезли в Сокаль простреленное тело Трунова, эскадронного нашего командира. Он был убит утром в бою с неприятельскими аэропланами. Все попадания у Трунова были в лицо, щеки его были усеяны ранами, язык вырван. Мы обмыли, как умели, лицо мертвеца для того, чтобы вид его был менее ужасен, мы положили кавказское седло у изголовья гроба и вырыли Трунову могилу[1] на торжественном месте, в общественном саду, посреди города, у самого собора. Туда явился наш эскадрон на конях, штаб полка и военком дивизии. И в два часа по соборным часам дряхлая наша пушчонка дала первый выстрел. Она салютовала мертвому командиру во все старые свои три дюйма, она сделала полный салют, и мы поднесли гроб к открытой яме. Крышка гроба была открыта, полуденное чистое солнце освещало длинный труп и рот его, набитый разломанными зубами, и вычищенные сапоги, сложенные в пятках, как на ученье.

– Бойцы, – сказал тогда, глядя на покойника, Пугачев, командир полка, и стал у края ямы, – бойцы, – сказал он, дрожа и вытягиваясь по швам, – хороним Пашу Трунова, всемирного героя, отдаем Паше последнюю честь…

И, подняв к небу глаза, раскаленные бессонницей, Пугачев прокричал речь о мертвых бойцах из Первой Конной, об гордой этой фаланге, бьющей молотом истории по наковальне будущих веков. Пугачев громко прокричал свою речь, он сжимал рукоять кривой чеченской шашки и рыл землю ободранными ногами в серебряных шпорах. Оркестр после его речи сыграл Интернационал, и казаки простились с Пашкой Труновым. Весь эскадрон вскочил на коней и дал залп в воздух, трехдюймовка наша прошамкала во второй раз, и мы послали трех казаков за венком. Они помчались, стреляя на карьере, выпадая из седел и джигитуя, и привезли красных цветов целые пригоршни. Пугачев рассыпал эти цветы у могилы, мы стали подходить к Трунову с последним целованием. Я стоял в задних рядах, я тронул губами прояснившийся лоб, обложенный седлом, и ушел в город, в готический Сокаль, лежавший в синей пыли и непобедимом галицийском унынии.

Большая площадь простиралась налево от сада, площадь, застроенная древними синагогами. Евреи в рваных лапсердаках бранились на этой площади и в непонятном ослеплении таскали друг друга[2]. Одни из них – ортодоксы, пре-

возносили учение Адасии, раввина из Белза[3]; за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, ученики гусятинского раввина Иуды[4]. Евреи спорили о Каббале[5] и поминали в своих спорах имя Илии, виленского гаона, гонителя хасидов[6]...

– Илия! – кричали они, извиваясь, и разевали заросшие рты.

Забыв войну и залпы, хасиды поносили самое имя Илии, виленского первосвященника[7], и я, томясь печалью по Трунову, я тоже толкался среди них и для облегчения моего горланил вместе с ними, пока не увидел перед собой галичанина, мертвенного и длинного, как Дон-Кихот.

Галичанин этот был одет в белую холщовую рубаху до пят. Он был одет как бы для погребения или для причастия и вел на веревке взлохмаченную коровенку. На гигантское его туловище была посажена подвижная крохотная пробритая головка змеи, она была прикрыта широкополой шляпой из деревенской соломы и пошатывалась. Жалкая коровенка шла за галичанином на поводу; он вел ее с важностью и виселицей длинных своих костей пересекал горячий блеск небес.

Торжественным шагом миновал он площадь и вошел в кривой переулок, обкуренный тошнотворными густыми дымами. В обугленных домишках, в нищих кухнях возились еврейки, похожие на старых негритянок, еврейки с непомерными грудями. Галичанин прошел мимо них и остановился в конце переулка у фронтона разбитого здания. Там, у фронтона, у белой покоробленной колонны сидел цыган-кузнец и ковал лошадей. Цыган бил молотом по копытам, потряхивал жирными волосами, свистел и улыбался. Несколько казаков с лошадьми стояли вокруг него. Мой галичанин подошел к кузнецу, безмолвно отдал ему с дюжину печеных картофелин и, ни на кого не глядя, повернул назад. Я зашагал было за ним, потому что мне не понять было, какой он человек и какова жизнь его здесь, в Сокале, но тут меня остановил казак, державший наготове некованую лошадь. Фамилия этому казаку была Селиверстов. Он ушел от Махно когда-то и служил в 33-м кавполку.

– Лютов, – сказал он, поздоровавшись со мной за руку, – ты всех людей задираешь, в тебе черт сидит, Лютов, зачем ты Трунова покалечил сегодняшнее утро?..

И с глупых чужих слов Селиверстов закричал мне сущую нелепицу о том, будто я в нынешнее утро побил Трунова, моего эскадронного. Селиверстов укорял меня всячески за это, он укорял меня при всех казаках, но в истории его не было ничего верного. Мы побранились, правда, в это утро с Труновым, потому что Трунов заводил всегда с пленными нескончаемую канитель, мы побранились с ним, но он умер, Пашка, ему нет больше судей в мире, и я ему последний судья из всех. У нас вот почему вышла ссора.

Сегодняшних пленных мы взяли на рассвете у станции Завады. Их было десять человек. Они были в нижнем белье, когда мы их брали. Куча одежды валялась возле поляков, это была их уловка для того, чтобы мы не отличили

по обмундированию офицеров от рядовых. Они сами бросали свою одежду, но на этот раз Трунов решил добыть истину.

– Офицера, выходи, – скомандовал он, подходя к пленным, и вытащил револьвер.

Трунов был уже ранен в голову в это утро, голова его была обмотана тряпкой, кровь стекала с нее, как дождь со скирды.

– Офицера, сознавайся, – повторил он и стал толкать поляков рукояткой револьвера.

Тогда из толпы выступил худой и старый человек, с большими голыми костями на спине, с желтыми скулами и висячими усами.

– ...Край той войне, – сказал старик с непонятным восторгом, – вси официр утик, край той войне...

И поляк протянул эскадронному синие руки.

– Пять пальцев, – сказал он, рыдая и вертя вялой громадной рукой, – цими пятью пальцами я выховал мою семейству...

Старик задохся, закачался, истек восторженными слезами и упал перед Труновым на колени, но Трунов отвел его саблей.

– Офицера ваши гады, – сказал эскадронный, – офицера ваши побросали здеся одежу... На кого придется – тому крышка, я пробу сделаю...

И тут же эскадронный выбрал из кучи тряпья фуражку с кантом и надвинул ее на старого.

– Впору, – пробормотал Трунов, придвигаясь и пришепетывая, – впору, – и всунул пленному саблю в глотку. Старик упал, повел ногами, и из горла его вылился пенистый коралловый ручей. Тогда к нему подобрался, блестя серьгой и круглой деревенской шеей, Андрюшка Восьмилетов. Андрюшка расстегнул у поляка пуговицы, встряхнул его легонько и стал стаскивать с умирающего штаны. Он перебросил их к себе на седло, взял еще два мундира из кучи, потом отъехал от нас и заиграл плетью. Солнце в это мгновение вышло из туч. Оно стремительно окружило Андрюшкину лошадь, веселый ее бег, беспечные качанья ее куцего хвоста. Андрюшка ехал по тропинке к лесу, в лесу стоял наш обоз, кучера из обоза бесновались, свистели и делали Восьмилетову знаки, как немому.

Казак доехал уже до середины пути, но тут Трунов, упавший вдруг на колена, прохрипел ему вслед:

– Андрей, – сказал эскадронный, глядя в землю, – Андрей, – повторил он, не поднимая глаз от земли, – республика наша советская живая еще, рано дележку ей делать, скидай барахло, Андрей...

Но Восьмилетов не обернулся даже. Он ехал казацкой удивительной своей рысью, лошаденка его бойко выкидывала из-под себя хвост, точно отмахивалась от нас.

– Измена, – пробормотал тогда Трунов и удивился, – измена, – сказал он, торопливо вскинул карабин на плечо, выстрелил и промахнулся второпях.

Но Андрей остановился на этот раз. Он повернул к нам коня, запрыгал в седле по-бабьи, лицо его стало красно и сердито, он задрыгал ногами.

– Слышь, земляк, – закричал он, подъезжая, и тут же успокоился от звука глубокого и сильного своего голоса, – как бы я не стукнул тебя, земляк, к такой-то свет матери… Тебе десяток шляхты прибрать – ты вона каку панику делашь, мы по сотне прибирали – тебя не звали… Рабочий ты если – так сполняй свое дело…

И, выбросив из седла штаны и два мундира, Андрюшка засопел носом и, отворачиваясь от эскадронного, взялся помогать мне составлять список на оставшихся пленных. Он терся возле меня, сопел необыкновенно шумно, и эта суета его была мне в тягость. Пленные выли и бежали от Андрюшки, он гнался за ними и брал их в охапку, как охотник берет в охапку камыши для того, чтобы рассмотреть стаю, тянущуюся к речке на заре.

Возясь с пленными, я истощил все проклятия и кое-как записал восемь человек, номера их частей, род оружия и перешел к девятому. Девятый этот был юноша, похожий на немецкого гимнаста из хорошего цирка, юноша с гордой немецкой грудью и с бачками, в триковой фуфайке и в егеревских кальсонах. Он повернул ко мне два соска на высокой груди, откинул вспотевшие белые волосы и назвал свою часть. Тогда Андрюшка схватил его за кальсоны и спросил строго:

– Откуда сподники достал?

– Матка вязала, – ответил пленный и покачнулся.

– Фабричная у тебя матка, – сказал Андрюшка, все приглядываясь, и подушечками пальцев потрогал у поляка холеные ногти, – фабричная у тебя матка, наш брат таких не нашивал…

Он еще раз пощупал егеревские кальсоны и взял за руку девятого для того, чтобы отвести его к остальным пленным, уже записанным. Но в это мгновение я увидел Трунова, вылезающего из-за бугра. Кровь стекала с головы эскадронного, как дождь со скирды, грязная тряпка его размоталась и повисла, он полз на животе и держал карабин в руках. Это был японский карабин, отлакированный и с сильным боем. С двадцати шагов Пашка разнес юноше череп, и мозги поляка посыпались мне на руки. Тогда Трунов выбросил гильзы из ружья и подошел ко мне.

– Вымарай одного, – сказал он, указывая на список.

– Не стану вымарывать, – ответил я, содрогаясь, – Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет[8], Павел…

– Вымарай одного, – повторил Трунов и ткнул в бумажку черным пальцем.

– Не стану вымарывать, – закричал я изо всех сил. – Было десять, стало восемь, в штабе не посмотрят на тебя, Пашка…

– В штабе через несчастную нашу жизнь посмотрят, – ответил Трунов и стал подвигаться ко мне, весь разодранный, охрипший и в дыму, но потом остановился, поднял к небесам окровавленную голову и сказал с горьким упреком: – Гуди, гуди, – сказал он, – эвон еще и другой гудит…

И эскадронный показал нам четыре точки в небе, четыре бомбовоза, заплывавшие за сияющие лебединые облака. Это были машины из воздушной эскадрильи майора Фаунт-Ле-Ро, просторные бронированные машины[9].

– По коням, – закричали взводные, увидев их, и на рысях отвели эскадрон к лесу, но Трунов не поехал со своим эскадроном. Он остался у станционного здания, прижался к стене и затих. Андрюшка Восьмилетов и два пулеметчика, два босых парня в малиновых рейтузах, стояли возле него и тревожились.

– Нарезай винта, ребята, – сказал им Трунов, и кровь стала уходить из его лица, – вот донесение Пугачу от меня…

И гигантскими мужицкими буквами Трунов написал на косо выдранном листке бумаги:

«Имея погибнуть сего числа, – написал он, – нахожу долгом приставить двух номеров к возможному сбитию неприятеля и в тое же время отдаю командование Семену Голову, взводному[10]…»

Он запечатал письмо, сел на землю и, понатужившись, стянул с себя сапоги.

– Пользовайся, – сказал он, отдавая пулеметчикам донесение и сапоги, – пользовайся, сапоги новые…

– Счастливо вам, командир, – пробормотали ему в ответ пулеметчики, переступили с ноги на ногу и мешкали уходить.

– И вам счастливо, – сказал Трунов, – как-нибудь, ребята, – и пошел к пулемету, стоявшему на холмике у станционной будки. Там ждал его Андрюшка Восьмилетов, барахольщик.

– Как-нибудь, – сказал ему Трунов и взялся наводить пулемет. – Ты со мной, што ль, побудешь, Андрей?..

– Господа Исуса, – испуганно ответил Андрюшка, всхлипнул, побелел и засмеялся, – Господа Исуса хоругву мать!..

И стал наводить на аэропланы второй пулемет.

А аэропланы залетали над станцией все круче, они хлопотливо трещали в вышине, снижались, описывали дуги, и солнце розовым лучом ложилось на желтый блеск их крыльев.

В это время мы, четвертый эскадрон, сидели в лесу. Там, в лесу, мы дождались неравного боя между Пашкой Труновым и майором американской службы Реджинальдом Фаунт-Ле-Ро. Майор и три его бомбометчика выказали уменье в этом бою. Они снизились на триста метров и расстреляли из пулеметов сначала Андрюшку, потом Трунова. Все ленты, выпущенные нашими, не причинили американцам вреда, они улетели в сторону, не заметив эскадрона, спрятанного в лесу. И поэтому, выждав с полчаса, мы смогли поехать за трупами. Тело Андрюшки Восьмилетова забрали два его родича, служившие в нашем эскадроне, а Трунова, покойного нашего командира, мы отвезли в готический Сокаль и похоронили его там на торжественном месте, в общественном саду, в цветнике, посредине города.

ИВАНЫ

Дьякон Агеев бежал с фронта дважды. Его отдали за это в Московский клейменый полк. Главком Каменев[1], Сергей Сергеич, смотрел этот полк в Можайске перед отправкой на позиции.

– Не надо их мне, – сказал главком, – обратно их в Москву, отхожие чистить…

В Москве кое-как сбили из клейменых маршевую роту[2]. В числе других попал дьякон. Он прибыл на польский фронт и сказался там глухим. Лекпом Барсуцкий из перевязочного отряда, провозившись с ним неделю, подивился упорству дьякона.

– Шут с ним, с глухарем, – сказал Барсуцкий санитару Сойченке, – подыщи в обозе телегу, отправим дьякона в Ровно на испытание…

Сойченко ушел в обоз и добыл три телеги: на первой из них сидел кучером Акинфиев.

– Иван, – сказал ему Сойченко, – отвезешь глухаря в Ровно.

– Отвезти можно, – ответил Акинфиев.

– И расписку мне доставишь в получении…

– Ясно, – сказал Акинфиев, – а какая в ней причина, в глухоте его?..

– Своя рогожа чужой рожи дороже[3], – сказал Сойченко, санитар. – Тут вся причина. Фармазонщик он, а не глухарь…

– Отвезти можно, – повторил Акинфиев и поехал следом за другими подводами.

Всего собралось у перевязочного пункта три телеги. На первую посадили сестру, откомандированную в тыл, вторую отвели для казака, больного воспалением почек, на третью сел Иван Агеев, дьякон.

Исполнив все дела, Сойченко позвал лекпома.

– Поехал наш фармазонщик, – сказал он, – погрузил на ревтрибунальских под расписку. Сейчас трогают…

Барсуцкий выглянул в окошко, увидел телеги и кинулся из дому, весь красный и без шапки.

– Ох, да ты его зарежешь, – закричал он Акинфиеву, – пересадить надо дьякона.

– Куды его пересадишь, – ответили казаки, стоявшие поблизости, и засмеялись, – Ваня наш везде достанет…

Акинфиев с кнутом в руках стоял тут же, возле своих лошадей. Он снял шапку и сказал вежливо:

– Здравствуйте, товарищ лекпом.

– Здравствуй, друг, – ответил Барсуцкий, – ты ведь зверь, пересадить надо дьякона…

– Поинтересуюсь узнать, – визгливо сказал тогда казак, и верхняя губа его вздрогнула, поползла и затрепетала над ослепительными зубами, – поинтересуюсь узнать, подходяще ли оно нам или неподходяще, что когда враг тиранит нас невыразимо, когда враг бьет нас под самый вздох, когда он виснет грузом на ногах и вяжет змеями наши руки, подходяще ли оно нам законопачивать уши в смертельный этот час?

– Стоит Ваня за комиссариков, – прокричал Коротков, кучер с первой телеги, – ох, стоит…

– Чего там стоит, – пробормотал Барсуцкий и отвернулся. – Все мы стоим. Только дела надо делать форменно…

– А ведь он слышит, глухарь-то наш, – перебил вдруг Акинфиев, повертел кнут в толстых пальцах, засмеялся и подмигнул дьякону. Тот сидел на возу, опустив громадные плечи, и двигал головой.

– Ну, трогай с богом, – закричал лекарь с отчаянием. – Ты мне за все ответчик, Иван…

– Ответить я согласен, – задумчиво произнес Акинфиев и наклонил голову. – Сидай удобне́й, – сказал он дьякону, не оборачиваясь, – еще удобне́й сидай, – повторил казак и собрал в руке вожжи.

Телеги выстроились в ряд и одна за другой помчались по шоссе. Впереди ехал Коротков, Акинфиев был третьим. Он свистел песню и помахивал вожжой. Так отъехали они верст пятнадцать и к вечеру были опрокинуты внезапным разливом неприятеля.

В этот день, двадцать второго июля, поляки быстрым маневром исковеркали тыл нашей армии, они ворвались с налета в местечко Козин и пленили многих бойцов из состава одиннадцатой дивизии[4]. Эскадроны шестой дивизии были брошены в район Козина для противодействия противнику. Молниеносное маневрирование частей искромсало движение обозов, ревтрибунальские телеги двое суток блуждали по кипящим выступам боя, и только на третью ночь они выбились на дорогу, по которой уходили тыловые штабы. На этой дороге в полночь я и встретил их.

Окоченевший от отчаяния, я встретил их после боя под Хотином[5]. В бою под Хотином убили моего коня, Лаврика, утешение мое на земле. Потеряв его, я пересел на санитарную линейку и до вечера подбирал раненых. Потом здоровых сбросили с линейки, и я остался один у развалившейся халупы. Ночь летела ко мне на резвых лошадях. Вопль обозов оглашал вселенную. На земле, опоясанной визгом, потухали дороги. Звезды выползали из прохладного брюха

ночи, и брошенные села воспламенялись над горизонтом. Взвалив на себя седло, я пошел по развороченной меже и у поворота остановился по своей нужде. Облегчившись, я застегнулся и почувствовал брызги на моей руке. Я зажег фонарик, обернулся и увидел на земле труп поляка, залитый моей мочой[6]. Она выливалась у него изо рта, брызгала между зубов и стояла в пустых глазницах. Записная книжка и обрывки воззваний Пильсудского валялись рядом с трупом[7]. В тетрадке поляка были записаны карманные расходы, порядок спектаклей в краковском драматическом театре и день рождения женщины по имени Мария-Луиза. Воззванием Пильсудского, маршала и главнокомандующего, я стер вонючую жидкость с черепа неведомого моего брата и ушел, сгибаясь под тяжестью седла.

В это время где-то близко простонали колеса.

– Стой, – закричал я, цепенея, – кто идет?

Ночь летела ко мне на резвых лошадях, пожары извивались на горизонте.

– Ревтрибунальские, – ответил голос, задавленный тьмой.

Я побежал вперед и наткнулся на телегу.

– Коня у меня убили, – сказал я необыкновенно громко, – Лавриком коня звали…

Никто не ответил мне. Я взобрался на телегу, подложил седло под голову, заснул и проспал до рассвета, согреваемый прелым сеном и телом Ивана Акинфиева, случайного моего соседа.

Утром казак проснулся позже меня.

– Развиднялось, богу слава, – сказал он, вытащил из-под сундучка револьвер и выстрелил над ухом дьякона. Тот сидел прямо перед нами и правил лошадьми. Над громадой лысеющего его черепа летал легкий серый волос.

Акинфиев выстрелил еще раз над другим ухом и спрятал револьвер в кобуру.

– С добрым утром, Ваня, – сказал он дьякону, кряхтя и обуваясь, – снедать будем, что ли?

– Парень, – закричал я, опоминаясь, – чего ты делаешь?

– Чего делаю, все мало, – ответил Акинфиев, доставая пищу, – он симулирует надо мною третьи сутки…

И тогда с первой телеги отозвался Коротков, знакомый мне по 31-му полку, и рассказал всю историю дьякона с начала. Акинфиев слушал его внимательно, отогнув ухо, потом вытащил из-под седла жареную воловью ногу. Она была прикрыта рядном и обвалялась в соломе. Дьякон перелез к нам с козел, подрезал ножичком зеленое мясо и роздал всем по куску. Кончив завтрак, Акинфиев завязал воловью ногу в мешок и сунул его в сено.

– Ваня, – сказал он Агееву, – айда беса выгонять. Стоянка все равно, коней напувают…

Он вынул из кармана пузырек с лекарством, шприц Тарновского[8] и передал их дьякону. Они слезли с телеги и отошли в поле шагов на двадцать.

– Сестра, – закричал Коротков на первой телеге, – переставь очи на дальнюю дистанцию, ослепнешь от Акинфиевых достатков...

– Положила я на вас с прибором, – пробормотала женщина и отвернулась.

Акинфиев завернул тогда рубаху. Дьякон стал перед ним на колени и сделал спринцевание. Потом он вытер спринцовку тряпкой и посмотрел ее на свет. Акинфиев подтянул штаны; улучив минуту, он зашел дьякону за спину и снова выстрелил у него над самым ухом.

– Наше вам, Ваня, – сказал он, застегиваясь.

Дьякон отложил пузырек на траву и встал с колен. Легкий волос его взлетел кверху.

– Меня высший суд судить будет, – сказал он глухо, – ты надо мною, Иван, не поставлен…

– Таперя кажный кажного судит, – перебил кучер со второй телеги, похожий на бойкого горбуна. – И смерть присуждает, очень просто…

– Или того лучше, – произнес Агеев и выпрямился, – убей меня, Иван…

– Не балуй, дьякон, – подошел к нему Коротков, знакомый мне по прежним временам, – ты понимай, с каким человеком едешь. Другой пришил бы тебя, как утку, и не крякнул, а он правду из тебя удит и учит тебя, расстригу…

– Или того лучше, – упрямо повторил дьякон и выступил вперед, – убей меня, Иван.

– Ты сам себя убьешь, стерва, – ответил Акинфиев, бледнея и шепелявя, – ты сам яму себе выроешь, сам себя в нее закопаешь…

Он взмахнул руками, разорвал на себе ворот и повалился на землю в припадке.

– Эх, кровиночка ты моя, – закричал он дико и стал засыпать себе песком лицо, – эх, кровиночка ты моя горькая, власть ты моя совецкая…

– Вань, – подошел к нему Коротков и с нежностью положил ему руку на плечо, – не бейся, милый друг, не скучай. Ехать надо, Вань…

Коротков набрал в рот воды и прыснул ею на Акинфиева, потом он перенес его на подводу. Дьякон снова сел на козлы, и мы поехали.

До местечка Вербы оставалось нам не более двух верст. В местечке сгрудились в то утро неисчислимые обозы. Тут была одиннадцатая дивизия и четырнадцатая, и четвертая. Евреи в жилетках с поднятыми плечами стояли у своих порогов, как ободранные птицы. Казаки ходили по дворам, собирали полотенца и ели неспелые сливы[9]. Акинфиев, как только приехали, забрался в сено и заснул, а я взял одеяло с его телеги и пошел искать места в тени. Но поле по обе стороны дороги было усеяно испражнениями. Бородатый мужик в медных очках и в тирольской шляпке, читавший в сторонке газету, перехватил мой взгляд и сказал:

– Человеки зовемся, а гадим хуже шакалов. Земли стыдно…

И, отвернувшись, он снова стал читать газету через большие очки.

Я взял тогда к леску влево и увидел дьякона, подходившего ко мне все ближе.

– Куды котишься, земляк? – кричал ему Коротков с первой телеги.

– Оправиться, – пробормотал дьякон, схватил мою руку и поцеловал ее. – Вы славный господин, – прошептал он, гримасничая, дрожа и хватая воздух. – Прошу вас свободною минутой отписать в город Касимов, пущай моя супруга плачет обо мне…

– Вы глухи, отец дьякон, – закричал я в упор, – или нет?

– Виноват, – сказал он, – виноват, – и наставил ухо.

– Вы глухи, Агеев, или нет?

– Так точно, глух, – сказал он поспешно. – Третьего дня я имел слух в совершенстве, но товарищ Акинфиев стрельбою покалечил мой слух. Они в Ровно обязаны были меня предоставить, товарищ Акинфиев, но полагаю, что они вряд ли меня доставят…

И, упав на колени, дьякон пополз между телегами головою вперед, весь опутанный поповским всклокоченным волосом. Потом он поднялся с колен, вывернулся между возами и подошел к Короткову. Тот отсыпал ему табаку, они скрутили папиросы и закурили друг у друга.

– Так-то вернее, – сказал Коротков и опростал возле себя место. Дьякон сел с ним рядом, и они замолчали.

Потом проснулся Акинфиев. Он вывалил воловью ногу из мешка, подрезал ножиком зеленое мясо и роздал всем по куску. Увидев загнившую эту ногу, я почувствовал слабость и отчаяние и отдал обратно свое мясо.

– Прощайте, ребята, – сказал я, – счастливо вам…

– Прощай, – ответил Коротков.

Я взял седло с телеги и ушел и уходя слышал нескончаемое бормотание Ивана Акинфиева.

– Вань, – говорил он дьякону, – большую ты, Вань, промашку дал. Тебе бы имени моего ужаснуться, а ты в мою телегу сел. Ну, если мог ты еще прыгать, покеле меня не встренул, так теперь надругаюсь я над тобой, Вань, как пить дам, надругаюсь…

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Четыре месяца тому назад Савицкий, бывший наш начдив, забрал у Хлебникова, командира первого эскадрона, белого жеребца. Хлебников ушел тогда из армии, а сегодня Савицкий получил от него письмо.

Хлебников – Савицкому:

«…И никакой злобы на Буденную армию больше иметь не могу, страдания мои посередь той армии понимаю[1] и содержу их в сердце чище святыни. А вам, товарищ Савицкий, как всемирному герою, трудящая масса Витебщины, где нахожусь председателем уревкома[2], шлет пролетарский клич – “Даешь мировую революцию” – и желает, чтобы тот белый жеребец ходил под вами долгие годы по мягким тропкам для пользы всеми любимой свободы и братских республик, в которых особенный глаз должны мы иметь за властью на местах и за волостными единицами в административном отношении…»

Савицкий – Хлебникову:

«Неизменный товарищ Хлебников! Которое письмо ты написал до меня, то оно очень похвально для общего дела, тем более сказать, после твоей дурости, когда ты застелил глаза собственною шкурою и выступил из коммунистической нашей партии большевиков. Коммунистическая наша партия есть, товарищ Хлебников, железная шеренга бойцов, отдающих кровь в первом ряду, и когда из железа вытекает кровь, то это вам, товарищи, не шутки, а победа или смерть[3]. То же самое относительно общего дела, которого не дожидаю увидеть расцвет, так как бои тяжелые и командный состав сменяю в две недели раз. Тридцатые сутки бьюсь арьергардом, заграждая непобедимую Первую Конную и находясь под действительным ружейным, артиллерийским и аэропланным огнем неприятеля. Убит Тардый, убит Лухмаников, убит Лыкошенко, убит Гулевой, убит Трунов[4], и белого жеребца нет подо мной, так что, согласно перемене военного счастья, не дожидай увидеть любимого начдива Савицкого, товарищ Хлебников, а увидимся, прямо сказать, в царствии небесном, но, как по слухам, у старика на небесах не царствие, а бордель по всей форме, а трипперов и на земле хватает, то, может, и не увидимся. С тем прощай, товарищ Хлебников».

Галиция,
сентябрь 1920.

ВДОВА

На санитарной линейке умирает Шевелев, полковой командир. Женщина сидит у его ног. Ночь, пронзенная отблесками канонады, выгнулась над умирающим. Левка, кучер начдива, подогревает в котелке пищу. Левкин чуб висит над костром, стреноженные кони хрустят в кустах. Левка размешивает веткой в котелке и говорит Шевелеву, вытянувшемуся на санитарной линейке:

– Работал я, товарищок, в Темрюке, в городе, работал парфорсную езду[1], а также атлет легкого веса. Городок, конечно, для женщины утомительный, завидели меня дамочки, стены рушат… Лев Гаврилыч, не откажите принять закуску по карте, не пожалеете безвозвратно потерянного времени… Подались мы с одной в трактир. Требуем телятины две порции, требуем полштофа, сидим с ней совершенно тихо, выпиваем… Гляжу – суется ко мне некоторый господин, одет ничего, чисто, но в личности его я замечаю большое воображение, и сам он под мухой.

– Извиняюсь, – говорит, – какая у вас, между прочим, национальность?

– По какой причине, – спрашиваю, – вы меня, господин, за национальность трогаете, когда я тем более нахожусь в дамском обществе?

А он:

– Какой вы, – говорит, – есть атлет… Во французской борьбе из таких бессрочную подкладку делают. Докажите мне свою нацию…

Ну, однако, еще не рубаю.

– Зачем вы, – говорю, – не знаю вашего имени-отчества, – такое недоразумение вызываете, что здесь обязательно должен кто-нибудь в настоящее время погибнуть, иначе говоря, лечь до последнего издыхания? До последнего лечь, – повторяет Левка с восторгом и протягивает руки к небу, окружая себя ночью, как нимбом.

Неутомимый ветер, чистый ветер ночи поет, наливается звоном и колышет души. Звезды пылают во тьме, как обручальные кольца, они падают на Левку, путаются в волосах и гаснут в лохматой его голове.

– Лев, – шепчет ему вдруг Шевелев синими губами, – иди сюда. Золото, какое есть, – Сашке, – говорит раненый, – кольца, сбрую – все ей. Жили, как умели, вознагражу. Одежду, сподники, орден за беззаветное геройство – матери на Терек. Отошли с письмом и напиши в письме – кланялся командир, и не плачь.

Хата тебе, старуха, живи. Кто тронет, скачи к Буденному: я – Шевелева матка. Коня Абрамку жертвую полку, коня жертвую на помин моей души…

– Понял про коня, – бормочет Левка и взмахивает руками. – Саш, – кричит он женщине, – слыхала, чего говорит?.. При ем сознавайся – отдашь старухе ейное аль не отдашь?..

– Мать вашу в пять, – отвечает Сашка и отходит в кусты, прямая, как слепец.

– Отдашь сиротскую долю? – догоняет ее Левка и хватает за горло. – При ем говори…

– Отдам. Пусти.

И тогда, вынудив признание, Левка снял котелок с огня и стал лить варево умирающему в окостеневший рот. Щи стекали с Шевелева, ложка гремела в его сверкающих мертвых зубах, и пули все тоскливее, все сильнее пели в густых просторах ночи.

– Винтовками бьет, гад, – сказал Левка.

– Вот холуйское знатье, – ответил Шевелев. – Пулеметами вскрывает нас на правом фланге…

И, закрыв глаза, торжественный, как мертвец на столе, Шевелев стал слушать бой большими восковыми своими ушами. Рядом с ним Левка жевал мясо, хрустя и задыхаясь. Кончив мясо, Левка облизал губы и потащил Сашку в ложбинку.

– Саш, – сказал он, дрожа, отрыгиваясь и вертя руками, – Саш, как перед богом, все одно в грехах, как в репьях…[2] Раз жить, раз подыхать. Поддайся, Саш, отслужу хучь бы кровью… Век его прошел, Саш, а дней у бога не убыло…

Они сели на высокую траву. Медлительная луна выползла из-за туч и остановилась на обнаженном Сашкином колене.

– Греетесь, – пробормотал Шевелев, – а он, гляди, четырнадцатую дивизию погнал…[3]

Левка хрустел и задыхался в кустах. Мглистая луна шлялась по небу, как побирушка. Далекая пальба плыла в воздухе. Ковыль шелестел на потревоженной земле, и в траву падали августовские звезды.

Потом Сашка вернулась на прежнее место. Она стала менять раненому бинты и подняла фонарик над загнивающей раной.

– К завтрему уйдешь, – сказала Сашка, обтирая Шевелева, вспотевшего прохладным потом. – К завтрему уйдешь, она в кишках у тебя, смерть…

И в это мгновение многоголосый плотный удар повалился на землю. Четыре свежие бригады, введенные в бой объединенным командованием неприятеля, выпустили по Буску первый снаряд и, разрывая наши коммуникации, зажгли водораздел Буга. Послушные пожары встали на горизонте, тяжелые птицы канонады вылетели из огня. Буск горел[4], и Левка, обеспамятевший холуй, полетел по лесу в качающемся экипаже начдива шесть. Он натянул малиновые вожжи и бился о пни лакированными колесами. Шевелевская линейка неслась за ним, внимательная Сашка правила лошадьми, прыгавшими из упряжки.

Так приехали они к опушке, где стоял перевязочный пункт. Левка выпряг лошадей и пошел к заведующему просить попону. Он пошел по лесу, заставленному телегами. Тела санитаров торчали под телегами, несмелая заря билась над солдатскими овчинами. Сапоги спящих были брошены врозь, зрачки их заведены к небу, черные ямы ртов перекошены.

Попона нашлась у заведующего; Левка вернулся к Шевелеву, поцеловал его в лоб и покрыл с головой. Тогда к линейке приблизилась Сашка. Она вывязала себе платок под подбородком и отряхнула платье от соломы.

– Павлик, – сказала она. – Исус Христос мой, – и легла на мертвеца боком и прикрыла его своим непомерным телом.

– Убивается, – сказал тогда Левка, – ничего не скажешь, хорошо жили. Теперь ей снова под всем эскадроном хлопотать. Не сладко…

И он проехал дальше в Буск, где расположился штаб 6-й кавдивизии.

Там, в десяти верстах от города, шел бой с савинковскими казаками[5]. Предатели сражались под командой есаула Яковлева, передавшегося полякам[6]. Они сражались мужественно. Начдив вторые сутки был с войсками, и Левка, не найдя его в штабе, вернулся к себе в хату, почистил лошадей, облил водой колеса экипажа и лег спать в клуне. Сарай был набит свежим сеном, зажигательным, как духи. Левка выспался и сел обедать. Хозяйка сварила ему картошки, залила ее простоквашей. Левка сидел уже у стола, когда на улице раздался траурный вопль труб и топот многих копыт. Эскадрон с трубачами и штандартами проходил по извилистой галицийской улице. Тело Шевелева, положенное на лафет, было перекрыто знаменами. Сашка ехала за гробом на шевелевском жеребце, казацкая песня сочилась из задних рядов.

Эскадрон прошел по главной улице и повернул к реке. Тогда Левка, босой, без шапки, пустился бегом за уходящим отрядом и схватил за поводья лошадь командира эскадрона.

Ни начдив, остановившийся у перекрестка и отдававший честь мертвому командиру, ни штаб его не слышали, что сказал Левка эскадронному.

– …Сподники… – донес к нам ветер обрывки слов, – …мать на Тереке… – услышали мы Левкины бессвязные крики. Эскадронный, не дослушав до конца, высвободил свои поводья и показал рукой на Сашку. Женщина помотала головой и проехала дальше. Тогда Левка вскочил к ней на седло, схватил за волосы, отогнул голову и разбил ей кулаком лицо. Сашка вытерла подолом кровь и поехала дальше. Левка слез с седла, откинул чуб и завязал на бедрах красный шарф. И завывающие трубачи повели эскадрон дальше, к сияющей линии Буга.

Он скоро вернулся к нам, Левка, холуй начдива, и закричал, блестя глазами:

– Распатронил ее вчистую… Отошлю, говорит, матери, когда нужно. Евоную память, говорит, сама помню. А помнишь, так не забывай, гадючья кость… А забудешь – мы еще разок напомним. Второй раз забудешь – второй раз напомним…

Галиция,
август 1920.

ЗАМОСТЬЕ

Начдив и штаб его лежали на скошенном поле в трех верстах от Замостья. Войскам предстояла ночная атака города. Приказ по армии требовал, чтобы мы ночевали в Замостье, и начдив ждал донесений о победе[1].

Шел дождь. Над залитой землей летели ветер и тьма. Все звезды были задушены раздувшимися чернилами туч. Изнеможенные лошади вздыхали и переминались во мраке. Им нечего было дать. Я привязал повод коня к моей ноге, завернулся в плащ и лег в яму, полную воды. Размокшая земля открыла мне успокоительные объятия могилы. Лошадь натянула повод и потащила меня за ногу. Она нашла пучок травы и стала щипать его. Тогда я заснул и увидел во сне клуню, засыпанную сеном. Над клуней гудело пыльное золото молотьбы. Снопы пшеницы летали по небу, июльский день переходил в вечер, и чащи заката запрокидывались над селом.

Я был простерт на безмолвном ложе, и ласка сена под затылком сводила меня с ума. Потом двери сарая разошлись со свистом. Женщина, одетая для бала, приблизилась ко мне. Она вынула грудь из черных кружев корсажа и понесла ее мне с осторожностью, как кормилица пищу. Она приложила свою грудь к моей. Томительная теплота потрясла основы моей души, и капли пота, живого, движущегося пота, закипели между нашими сосками.

– Марго, – хотел я крикнуть, – земля тащит меня на веревке своих бедствий, как упирающегося пса, но все же я увидел вас, Марго…

Я хотел это крикнуть, но челюсти мои, сведенные внезапным холодом, не разжимались. Тогда женщина отстранилась от меня и упала на колени.

– Иисусе, – сказала она, – прими душу усопшего раба твоего…

Она укрепила два истертых пятака на моих веках и забила благовонным сеном отверстие рта. Вопль тщетно метался по кругу закованных моих челюстей, потухающие зрачки медленно повернулись под медяками, я не мог разомкнуть моих рук и… проснулся.

Мужик с свалявшейся бородой лежал передо мной. Он держал в руках ружье. Спина лошади черной перекладиной резала небо. Повод тугой петлей сжимал мою ногу, торчавшую кверху.

– Заснул, земляк, – сказал мужик и улыбнулся ночными, бессонными глазами, – лошадь тебя с полверсты протащила…

Я распутал ремень и встал. По моему лицу, разодранному бурьяном, лилась кровь.

Тут же, в двух шагах от нас, лежала передовая цепь. Мне видны были трубы Замостья, вороватые огни в теснинах его гетто и каланча с разбитым фонарем. Сырой рассвет стекал на нас, как волны хлороформа. Зеленые ракеты взвивались над польским лагерем. Они трепетали в воздухе, осыпались, как розы под луной, и угасали.

И в тишине я услышал отдаленное дуновение стона. Дым потаенного убийства бродил вокруг нас.

– Бьют кого-то, – сказал я, – кого это бьют?..

– Поляк, тревожится, – ответил мне мужик, – поляк жидов режет…

Мужик переложил ружье из правой руки в левую. Борода его свернулась совсем набок, он посмотрел на меня с любовью и сказал:

– Длинные эти ночи в цепу, конца этим ночам нет. И вот приходит человеку охота поговорить с другим человеком, а где его возьмешь, другого человека-то?..

Мужик заставил меня прикурить от его огонька.

– Жид всякому виноват, – сказал он, – и нашему и вашему. Их после войны самое малое количество останется. Сколько в свете жидов считается?

– Десять миллионов, – ответил я и стал взнуздывать коня.

– Их двести тысяч останется, – вскричал мужик и тронул меня за руку, боясь, что я уйду. Но я взобрался на седло и поскакал к тому месту, где был штаб.

Начдив готовился уже уезжать. Ординарцы стояли перед ним навытяжку и спали стоя. Спешенные эскадроны ползли по мокрым буграм.

– Прижалась наша гайка, – прошептал начдив и уехал.

Мы последовали за ним по дороге в Ситанец.

Снова пошел дождь. Мертвые мыши поплыли по дорогам. Осень окружила засадой наши сердца, и деревья, голые мертвецы, поставленные на обе ноги, закачались на перекрестках.

Мы приехали в Ситанец утром. Я был с Волковым, квартирьером штаба. Он нашел для нас свободную хату у края деревни.

– Вина, – сказал я хозяйке, – вина, мяса и хлеба!

Старуха сидела на полу и кормила из рук спрятанную под кроватью телку.

– Ниц нема*, – ответила она равнодушно. – И того времени не упомню, когда было…

Я сел за стол, снял с себя револьвер и заснул. Через четверть часа я открыл глаза и увидел Волкова, согнувшегося над подоконником. Он писал письмо к невесте.

«Многоуважаемая Валя, – писал он, – помните ли вы меня?»

---

* ничего нет (*польск.* nic nie ma).

Я прочитал первую строчку, потом вынул спички из кармана и поджег кучу соломы на полу. Освобожденное пламя заблестело и кинулось ко мне. Старуха легла на огонь грудью и затушила его.

– Что ты делаешь, пан? – сказала старуха и отступила в ужасе.

Волков обернулся, устремил на хозяйку пустые глаза и снова принялся за письмо.

– Я спалю тебя, старая, – пробормотал я, засыпая, – тебя спалю и твою краденую телку[2].

– Чекай*, – закричала хозяйка высоким голосом. Она побежала в сени и вернулась с кувшином молока и хлебом.

Мы не успели съесть и половины, как во дворе застучали выстрелы. Их было множество. Они стучали долго и надоели нам. Мы кончили молоко, и Волков ушел во двор для того, чтобы узнать, в чем дело.

– Я заседлал твоего коня, – сказал он мне в окошко, – моего прострочили, лучше не надо. Поляки ставят пулеметы в ста шагах.

И вот на двоих у нас осталась одна лошадь. Она едва вынесла нас из Ситанца. Я сел в седло, Волков пристроился сзади.

Обозы бежали, ревели и тонули в грязи. Утро сочилось на нас, как хлороформ сочится на госпитальный стол.

– Вы женаты, Лютов? – сказал вдруг Волков, сидевший сзади.

– Меня бросила жена, – ответил я, задремал на несколько мгновений, и мне приснилось, что я сплю на кровати.

Молчание.

Лошадь наша шатается.

– Кобыла пристанет через две версты, – говорит Волков, сидящий сзади.

Молчание.

– Мы проиграли кампанию[3], – бормочет Волков и всхрапывает.

– Да, – говорю я.

Сокаль,
сентябрь 1920.

---

* подожди (*польск.* czekaj).

ИЗМЕНА

Товарищ следователь Бурденко[1]. На вопрос ваш отвечаю, что партийность имею номер двадцать четыре два нуля, выданную Никите Балмашеву Краснодарским комитетом партии. Жизнеописание мое до 1914 года объясняю как домашнее, где занимался при родителях хлебопашеством и перешел от хлебопашества в ряды империалистов защищать гражданина Пуанкаре[2] и палача германской революции Эберта-Носке[3], которые, надо думать, спали и во сне видали, как бы дать подмогу урожденной моей станице Иван Святой Кубанской области. И так вилась веревочка до тех пор, пока товарищ Ленин совместно с товарищем Троцким не отворотили озверелый мой штык и не указали ему предназначенную кишку и новый сальник поудобнее. С того времени я ношу номер двадцать четыре два нуля на конце зрячего моего штыка, и довольно оно стыдно и слишком мне смешно слыхать теперь от вас, товарищ следователь Бурденко, неподобную эту липу про неизвестный N…ский госпиталь. На госпиталь этот я положил с походом, а не чуть ли стрелял и нападал, чего и не могло быть. Будучи ранены, мы все трое, а именно боец Головицын, боец Кустов и я, имели жар в костях и не нападали, а только плакали, стоя в больничных халатах на площади посреди вольного населения по национальности евреев. А коснувшись повреждения трех стекол, которые мы повредили из офицерского нагана, то скажу от всей души, что стекла не соответствовали своему назначению, как будучи в кладовке, которой они без надобности. И доктор Явейн, видя горькую эту нашу стрельбу, только насмехался разными улыбками, стоя в окошке своего госпиталя, что также могут подтвердить вышеизложенные вольные евреи местечка Козин. На доктора Явейна даю еще, товарищ следователь, тот материал, что он надсмехался, когда мы трое раненых, а именно: боец Головицын, боец Кустов и я, первоначально поступали на излечение, и с первых слов он заявил нам слишком грубо: вы, бойцы, искупаетесь каждый в ванной, ваше оружие и вашу одежду скидайте этой же минутой, я опасаюсь от них заразы, они пойдут у меня обязательно в цейхгауз[4]… И тогда, видя перед собою зверя, а не человека, боец Кустов выступил вперед своею перебитою ногой и выразился, что какая в ней может быть зараза, в кубанской вострой шашке, кроме как для врагов нашей революции, и также поинтересовался узнать об цейхгаузе, действительно ли там при вещах находится партийный боец или же, напро-

тив, один из беспартийной массы. И тут доктор Явейн, видно, заметил, что мы можем хорошо понимать измену. Он оборотился спиной и без другого слова отослал нас в палату и опять с разными улыбками, куда мы и пошли, ковыляя разбитыми ногами, махая калеченными руками и держась друг за друга, так как мы трое есть земляки из станицы Иван Святой, а именно: товарищ Головицын, товарищ Кустов и я, мы есть земляки с одной судьбой, и у кого разорвана нога, тот держит товарища за руку, а у кого недостает руки, тот опирается на товарищево плечо. Согласно отданного приказания, пошли мы в палату, где ожидали увидеть культработу и преданность делу, но интересно узнать, что же мы увидели, взойдя в палату? Мы увидели красноармейцев, исключительную пехоту, сидящих на устланных постелях, играющих в шашки, и при них сестер высокого росту, вполне гладких, стоящих у окошек и разводящих симпатию. Увидев это, мы остановились как громом пораженные.

– Отвоевались, ребята, – восклицаю я раненым.

– Отвоевались, – отвечают раненые и двигают шашками, поделанными из хлеба.

– Рано, – говорю я раненым, – рано ты отвоевалась, пехота, когда враг на мягких лапах ходит в пятнадцати верстах от местечка и когда в газете «Красный Кавалерист» можно читать про наше международное положение, что это одна ужасть и на горизонте полно туч.

Но слова мои отскочили от геройской пехоты, как овечий помет от полкового барабана, и заместо всего разговора получилось у нас, что милосердные сестры подвели нас к лежанкам и снова начали тереть волынку про сдачу оружия, как будто мы уже были побежденные. Они растревожили этим Кустова нельзя сказать как, и тот стал обрывать свою рану, помещавшуюся у него на левом плече, над кровавым сердцем бойца и пролетария. Видя эту натугу, сиделки поутихли, но только поутихли они на самое малое время, а потом опять завели свое издевательство беспартийной массы и стали подсылать охотников повытаскивать из-под нас сонных одежду или заставляли для культработы играть театральную ролю в женском платье, что не подобает.

Немилосердные сиделки. Не однажды примерялись они к нам ради одежи сонным порошком, так что отдыхать мы стали в очередь, имея один глаз раскрывши, и в отхожее даже по малой нужде ходили в полной форме с наганами. И отстрадавши так неделю с одним днем, мы стали заговариваться, получили видения и, наконец, проснувшись в обвиняемое утро, 4 августа, заметили в себе ту перемену, что лежим в халатах под номерами, как каторжники, без оружия и без одежи, вытканной матерями нашими, слабосильными старушками с Кубани… И солнышко, видим, великолепно светит, а окопная пехота, среди которой страдало три красных конника, фулиганит над нами и с ней немилосердные сиделки, которые, всыпавши нам накануне сонного порошку, трясут теперь молодыми грудями и несут нам на блюдах какаву, а молока в этом какаве хоть

залейся! От развеселой этой карусели пехота стучит костылями громко до ужасти и щиплет нам бока, как купленным девкам, дескать, отвоевалась и она, Первая Конная Буденная армия. Но нет, раскудрявые товарищи, которые наели очень чудные пуза, что ночью играют, как на пулеметах, не отвоевалась она, а только, отпросившись вроде как по надобности, сошли мы трое во двор и со двора пустились мы в жару в синих язвах к гражданину Бойдерману, к предуревкома[5], без которого, товарищ следователь Бурденко, этого недоразумения со стрельбой, возможная вещь, и не существовало бы, т.е. без того предуревкома, от которого совершенно мы потерялись. И хотя мы не можем дать твердого материала на гражданина Бойдермана, но только, зайдя к предуревкома, мы обратили внимание на гражданина пожилых лет, в тулупе, по национальности еврея, который сидит за столом, стол его набит бумагами, что это некрасота смотреть... Гражданин Бойдерман кидает глазами то туда, то сюда, и видно, что он ничего не может понимать в этих бумагах, ему горе с этими бумагами, тем более сказать, что неизвестные, но заслуженные бойцы грозно подступают к гражданину Бойдерману за продовольствием, вперебивку с ними местные работники указывают на контру в окрестных селах, и тут же являются рядовые работники центра, которые желают венчаться в уревкоме в самой скорости и без волокиты... Также и мы возвышенным голосом изложили случай с изменой в госпитале, но гражданин Бойдерман только пучил на нас глаза и опять кидал их то туда, то сюда и ласкал нам плечи, что уже не есть власть и недостойно власти, резолюции никак не давал, а только заявлял: товарищи бойцы, если вы жалеете Советскую власть, то оставьте это помещение, на что мы не могли согласиться, т.е. оставить помещение, а потребовали поголовное удостоверение личности, не получив какового, потеряли сознание. И, находясь без сознания, мы вышли на площадь, перед госпиталем, где обезоружили милицию в составе одного человека кавалерии и нарушили со слезами три незавидных стекла в вышеописанной кладовке. Доктор Явейн при этом недопустимом факте делал фигуры и смешки, и это в такой момент, когда товарищ Кустов должен был через четыре дня скончаться от своей болезни!

В короткой красной своей жизни товарищ Кустов без края тревожился об измене, которая вот она мигает нам из окошка, вот она насмешничает над грубым пролетариатом, но пролетариат, товарищи, сам знает, что он грубый, нам больно от этого, душа горит и рвет огнем тюрьму тела и острог постылых ребер...

Измена, говорю я вам, товарищ следователь Бурденко, смеется нам из окошка, измена ходит, разувшись, в нашем дому, измена закинула за спину штиблеты, чтобы не скрипели половицы в обворовываемом дому...

ЧЕСНИКИ

Шестая дивизия скопилась в лесу, что у деревни Чесники, и ждала сигнала к атаке. Но Павличенко, начдив шесть, поджидал вторую бригаду и не давал сигнала. Тогда к начдиву подъехал Ворошилов. Он толкнул его мордой лошади в грудь и сказал:

– Волыним, начдив шесть, волыним.

– Вторая бригада, – ответил Павличенко глухо, – согласно вашего приказания идет на рысях к месту происшествия.

– Волыним, начдив шесть, волыним, – сказал Ворошилов и рванул на себе ремни. Павличенко отступил от него на шаг.

– Во имя совести, – закричал он и стал ломать сырые пальцы, – во имя совести, не торопить меня, товарищ Ворошилов…

– Не торопить, – прошептал Клим Ворошилов, член Реввоенсовета, и закрыл глаза. Он сидел на лошади, глаза его были прикрыты, он молчал и шевелил губами. Казак в лаптях и в котелке смотрел на него с недоумением. Штаб армии, рослые генштабисты в штанах, краснее, чем человеческая кровь, делали гимнастику за его спиной и пересмеивались. Скачущие эскадроны шумели в лесу, как шумит ветер, и ломали ветви. Ворошилов расчесывал маузером гриву своей лошади.

– Командарм, – закричал он, оборачиваясь к Буденному, – скажи войскам напутственное слово. Вот он стоит на холмике, поляк, стоит, как картина, и смеется над тобой…

Поляки в самом деле были видны в бинокль. Штаб армии вскочил на коней, и казаки стали стекаться к нему со всех сторон.

Иван Акинфиев, бывший повозочный Ревтрибунала, проехал мимо и толкнул меня стременем.

– Ты в строю, Иван? – сказал я ему. – Ведь у тебя ребер нету?..

– Положил я на эти ребра, – ответил Акинфиев, сидевший на лошади бочком, – дай послухать, что человек рассказывает.

Он проехал вперед и притиснулся к Буденному в упор.

Тот вздрогнул и сказал тихо:

– Ребята, – сказал Буденный, – у нас плохая положения, веселей надо, ребята…

– Даешь Варшаву! – закричал казак в лаптях и в котелке, выкатил глаза и рассек саблей воздух.

– Даешь Варшаву! – закричал Ворошилов, поднял коня на дыбы и влетел в середину эскадронов.

– Бойцы и командиры, – сказал он со страстью, – в Москве, в древней столице, борется небывалая власть. Рабоче-крестьянское правительство, первое в мире, приказывает вам, бойцы и командиры, атаковать неприятеля и привезти победу.

– Сабли к бою, – отдаленно запел Павличенко за спиной командарма, и вывороченные малиновые его губы с пеной заблестели в рядах. Красный казакин начдива был оборван, мясистое, омерзительное его лицо искажено. Клинком неоценимой сабли он отдал честь Ворошилову.

– Согласно долгу революционной присяги, – сказал начдив шесть, хрипя и озираясь, – докладаю Реввоенсовету Первой Конной: вторая непобедимая кавбригада на рысях подходит к месту происшествия.

– Делай, – ответил Ворошилов и махнул рукой. Он тронул повод, Буденный поехал с ним рядом. Они ехали рядом на длинных рыжих кобылах, в одинаковых кителях и в сияющих штанах, расшитых серебром. Бойцы, подвывая, двигались за ними, и бледная сталь мерцала в сукровице осеннего солнца. Но я не услышал единодушия в казацком вое, и, дожидаясь атаки, я ушел в лес, в глубь его, к стоянке питпункта.

Две пухлых сестры в передничках укладывались там на траве. Они толкались молодыми грудями и отпихивались друг от дружки. Они смеялись замирающим бабьим смешком и подмигивали мне снизу, не мигая. Так подмигивают пересыхающему парню деревенские девки с голыми ногами, деревенские девки, взвизгивающие, как обласканные щенята, и ночующие на дворе в томительных подушках скирды. Подальше от сестер лежал в бреду раненый красноармеец, и Степка Дуплищев, вздорный казачонок, чистил скребницей Урагана, кровного жеребца, принадлежавшего начдиву и происходившего от Люлюши, ростовской рекордистки. Раненый скороговоркой вспоминал о Шуе, о нетели[1] и о каких-то оческах[2] льна, а Дуплищев, заглушая его жалкое бормотанье, пел песню о денщике и толстой генеральше, пел все громче, взмахивал скребницей и гладил коня. Но его прервала Сашка, опухшая Сашка, дама всех эскадронов. Она подъехала к мальчику и прыгнула на землю.

– Сделаемся, што ль? – сказала Сашка.

– Отваливай, – ответил Дуплищев, повернулся к ней спиной и стал заплетать ленточки в гриву Урагану.

– Своему слову ты хозяин, Степка, – сказала тогда Сашка, – или ты вакса?

– Отваливай, – ответил Степка, – своему слову я хозяин.

Он вплел все ленточки в гриву и вдруг закричал мне с отчаянием:

– Вот, Кирилл Васильич, обратите маленькое внимание, какое надругание она надо мной делает. Это цельный месяц я от нее вытерпляю несказанно што. Куды ни повернусь – она тут, куды ни кинусь – она загородка путя моего, спусти ей жеребца да спусти ей жеребца. Ну, когда начдив каждодневно мне наказывает: «К тебе, – говорит, – Степа, при таком жеребце многие проситься будут, но не моги ты пускать его по четвертому году…»

– Вас небось по пятнадцатому году пускаешь, – пробормотала Сашка и отвернулась. – По пятнадцатому небось, и ничего, молчишь, только пузыри пускаешь…

Она отошла к своей кобыле, укрепила подпруги и изготовилась ехать. Шпоры на ее туфлях гремели, ажурные чулки были забрызганы грязью и убраны сеном, чудовищная грудь ее закидывалась за спину.

– Целковый-то я привезла, – сказала Сашка в сторону и поставила туфлю с шпорой в стремя. – Привезла, да вот отвозить надо.

Женщина вынула два новеньких полтинника, поиграла ими на ладони и спрятала опять за пазуху.

– Сделаемся, што ль? – сказал тогда Дуплищев, не спуская глаз с серебра, и повел жеребца. Сашка выбрала покатое место на полянке и поставила кобылу.

– Ты один, видно, на земле с жеребцом ходишь, – сказала она Степке и стала направлять Урагана, – да только кобыленка у меня позиционная, два года не покрыта, дай, думаю, хороших кровей добуду…

Сашка справилась с жеребцом и потом отвела в сторонку свою лошадь.

– Вот мы и с начинкой, девочка, – прошептала она, поцеловала свою кобылу в лошадиные пегие мокрые губы с нависшими палочками слюны, потерлась о лошадиную морду и стала вслушиваться в шум, топавший по лесу.

– Вторая бригада бежит, – сказала Сашка строго и обернулась ко мне. – Ехать надо, Лютыч…

– Бежит, не бежит, – закричал Дуплищев, и у него перехватило в горле, – ставь, дьякон, деньги на кон…

– С деньгами я вся тут, – пробормотала Сашка и вскочила на кобылу.

Я бросился за ней, и мы двинулись галопом. Вопль Дуплищева раздался за нами и легкий стук выстрела.

– Обратите маленькое внимание! – кричал казачонок и изо всех сил бежал по лесу.

Ветер прыгал между ветвями, как обезумевший заяц, вторая бригада летела сквозь галицийские дубы, безмятежная пыль канонады восходила над землей, как над мирной хатой. И по знаку начдива мы пошли в атаку, незабываемую атаку при Чесниках.

ПОСЛЕ БОЯ

История распри моей с Акинфиевым такова.

Тридцать первого числа случилась атака при Чесниках[1]. Эскадроны скопились в лесу возле деревни и в шестом часу вечера кинулись на неприятеля. Он ждал нас на возвышенности, до которой было три версты ходу. Мы проскакали три версты на лошадях, беспредельно утомленных, и, вскочив на холм, увидели мертвенную стену из черных мундиров и бледных лиц. Это были казаки, изменившие нам в начале польских боев и сведенные в бригаду есаулом Яковлевым[2]. Построив всадников в каре, есаул ждал нас с шашкой наголо. Во рту его блестел золотой зуб, черная борода лежала на его груди, как икона на мертвеце. Пулеметы противника палили с двадцати шагов, раненые упали в наших рядах. Мы растоптали их и ударились об неприятеля, но каре его не дрогнуло, тогда мы бежали.

Так была одержана савинковцами недолговременная победа над шестой дивизией. Она была одержана потому, что атакуемый не отвратил лица перед лавой налетающих эскадронов. Есаул устоял на этот раз, и мы бежали, не обагрив сабель жалкой кровью изменников.

Пять тысяч человек, вся дивизия наша неслась по склонам, никем не преследуемая. Неприятель остался на холме. Он не поверил неправдоподобной своей победе и не решился на погоню. Поэтому мы остались живы и скатились без ущерба в долину, где встретил нас Виноградов, начподив шесть[3]. Виноградов метался на взбесившемся скакуне и возвращал в бой бегущих казаков.

– Лютов, – крикнул он, завидев меня, – завороти мне бойцов, душа из тебя вон…

Виноградов колотил рукояткой маузера качавшегося жеребца, он взвизгивал и сзывал людей. Я освободился от него и подъехал к киргизу Гулимову, скакавшему неподалеку:

– Наверх, Гулимов, – сказал я, – завороти коня…

– Кобылячий хвост завороти, – ответил Гулимов и оглянулся. Он оглянулся воровато, выстрелил и опалил мне волосы над ухом.

– Твоя завороти, – прошептал Гулимов, взял меня за плечи и стал вытаскивать саблю другой рукой. Сабля туго сидела в ножнах, киргиз дрожал и озирался. Он обнимал мое плечо и наклонял глаза все ближе.

– Твоя вперед, – повторил он чуть слышно, – моя за тобой следом… – и легонько стукнул меня в грудь клинком подавшейся сабли. Мне сделалось тошно от близости смерти и от тесноты ее, я отвел ладонью лицо киргиза, горячее, как камень под солнцем, и расцарапал его так глубоко, как только мог. Теплая кровь зашевелилась под моими ногтями, защекотала их, я отъехал от Гулимова, задыхаясь, как после долгого пути. Истерзанный друг мой, лошадь, шла шагом. Я ехал, не видя пути, я ехал, не оборачиваясь, пока не встретил Воробьева, командира первого эскадрона[4]. Воробьев искал своих квартирьеров и не находил их. Мы добрались с ним до деревни Чесники и сели там на лавочку вместе с Акинфиевым, бывшим повозочным ревтрибунала. Мимо нас прошла Сашка, сестра 31-го кавполка, и два командира подсели на лавочку. Командиры эти задремывали и молчали, один из них, контуженный, неудержимо качал головой и подмигивал выкатившимся глазом. Сашка пошла сказать об нем в госпиталь и потом вернулась к нам, таща лошадь на поводу. Кобыла ее упиралась и скользила ногами в мокрой глине.

– Куда паруса надула? – сказал сестре Воробьев. – Посиди с нами, Саш…

– Не сяду я с вами, – ответила Сашка и ударила кобылу в живот, – не сяду…

– Что так? – закричал Воробьев, смеясь. – Али ты, Саш, передумала с мужчинами чай пить?..

– С тобой передумала, – обернулась баба к командиру и бросила повод далеко от себя, – передумала я, Воробьев, с тобой чай пить, потому видала я вас сегодня, герои, и твою некрасоту видала, командир…

– А когда видала, – пробормотал Воробьев, – так и стрелять было впору…

– Стрелять, – с отчаянием сказала Сашка и сорвала с рукава госпитальную повязку, – этим, что ли, стрелять мне?[5]

И тут придвинулся к нам Акинфиев, бывший повозочный ревтрибунала, с которым не сведены были у меня давние счеты.

– Стрелять тебе нечем, Сашок, – сказал он успокоительно, – тебя ефтим никто не виноватит, но только виноватить я желаю тех, кто в драке путается, а патронов в наган не залаживает… Ты в атаку шел, – закричал мне вдруг Акинфиев, и судорога облетела его лицо, – ты шел и патронов не залаживал, где тому причина?..

– Отвяжись, Иван, – сказал я Акинфиеву, но он не отставал и подступал ближе, весь кособокий, припадочный и без ребер.

– Поляк тебя да, а ты его нет, – бормотал казак, вертясь и ворочая разбитым бедром, – где тому причина?..

– Поляк меня да, – ответил я дерзко, – а я поляка нет…

– Значит, ты молокан[6]? – прошептал Акинфиев, отступая.

– Значит, молокан, – сказал я громче прежнего. – Чего тебе надо, Иван?..

– Мне того надо, что ты при сознании, – закричал Иван с диким торжеством, – ты при сознании, а у меня про молокан есть закон писан, их в расход пускать можно, они бога почитают…

Собирая толпу, казак кричал про молокан не переставая. Я стал уходить от него, но он догнал меня и, догнав, ударил по спине кулаком.

– Ты патронов не залаживал, – с замиранием прошептал Акинфиев над самым моим ухом и завозился, пытаясь большими пальцами разодрать мне рот, – ты бога почитаешь, изменник…

Он дергал и рвал мой рот, я отталкивал припадочного и бил его по лицу. Акинфиев боком повалился на землю и, падая, расшибся в кровь.

Тогда к нему подошла Сашка с болтающимися грудями. Женщина облила Ивана водой и вынула у него изо рта длинный зуб, качавшийся в черном рту, как береза на голом большаке.

– У петухов одна забота, – сказала Сашка, – друг дружке в морды стучаться, а мне от делов от этих от сегодняшних глаза прикрыть хочется…

Она сказала это с горестью и увела к себе разбитого Акинфиева, а я поплелся в деревню Чесники, поскользнувшуюся на неутомимом галицийском дожде.

Деревня плыла и распухала, багровая глина текла из ее скучных ран. Первая звезда блеснула надо мной и упала в тучи. Дождь стегнул ветлы и обессилел. Вечер взлетел к небу, как стая птиц, и тьма надела на меня мокрый свой венец. Я изнемог и, согбенный под могильною короной, пошел вперед, вымаливая у судьбы простейшее из умений – уменье убить человека.

Галиция,
сентябрь 1920 г.

ПЕСНЯ

На постое в сельце Будятичах мне пала на долю злая хозяйка. Она была вдова, она была бедна; я отбил много замков у ее чуланов, но не нашел в них живности.

Мне оставалось исхитриться, и вот однажды, вернувшись домой рано, до сумерек, я увидел, как хозяйка приставляла заслонку к неостывшей печи. В хате пахло щами, и, может быть, в этих щах было мясо. Я услышал мясо в ее щах и положил револьвер на стол, но старуха отпиралась, у нее показались судороги в лице и в черных пальцах, она темнела и смотрела на меня с испугом и удивительной ненавистью. Но ничто не спасло бы ее, я донял бы ее револьвером, кабы мне не помешал в этом Сашка Коняев, или, иначе, Сашка Христос.

Он вошел в избу с гармоникой под мышкой, прекрасные его ноги болтались в растоптанных сапогах.

– Поиграем песни, – сказал он и поднял на меня глаза, заваленные синими сонными льдами. – Поиграем песни, – сказал Сашка, присаживаясь на лавочку, и проиграл вступление.

Задумчивое это вступление шло как бы издалека, казак оборвал его и заскучал синими глазами. Он ото всех отвернулся и, зная, чем угодить мне, начал кубанскую песню.

«Звезда полей, – запел он, – звезда полей над отчим домом, и матери моей печальная рука…»[1]

Я любил эту песню, в любви к ней я доходил до возвышенного сердечного восторга. Сашка знал об этом, потому что мы оба – он и я – услышали ее в первый раз в девятнадцатом году в гирлах Дона, у станицы Кагальницкой[2].

Один охотник, промышлявший в заповедных водах, научил нас этой песне. Там, в заповедных водах, мечет икру рыба и водятся несметные стаи птиц. Рыба плодится в гирлах в непередаваемом изобилии, ее можно брать ковшами или просто руками, и если поставить в воду весло, то оно будет стоять стоймя – рыба держит весло и несет его с собой. Мы видели это сами, мы не забудем никогда заповедных вод у Кагальницкой. Все власти запрещали там охоту, – это правильное запрещение, но в девятнадцатом году в гирлах была жестокая война, и охотник Яков, промышлявший у нас на виду неправильный свой промысел, подарил для отвода глаз гармонику эскадронному нашему певцу Сашке

Христу. Он научил Сашку своим песням; из них многие были душевного старинного распева. За это мы всё простили лукавому охотнику, потому что песни его были нужны нам: никто не видел тогда конца войне, и один Сашка устилал звоном и слезой утомительные наши пути. Кровавый след шел по этому пути. Песня летела над нашим следом. Так было на Кубани и в зеленых походах[3], так было на Уральске и в Кавказских предгорьях, и вот до сегодняшнего дня. Песни нужны нам, никто не видит конца войне, и Сашка Христос, эскадронный певец, не дозрел еще, чтобы умереть…

Вот и в этот вечер, когда я обманулся в хозяйских щах, Сашка усмирил меня полузадушенным и качающимся своим голосом.

«Звезда полей, – пел он, – звезда полей над отчим домом, и матери моей печальная рука…»

И я слушал его, растянувшись в углу на прелой подстилке. Мечта ломала мне кости, мечта трясла подо мной истлевшее сено, сквозь горячий ее ливень я едва различал старуху, подпершую рукой увядшую щеку. Уронив искусанную голову, она стояла у стены не шевелясь и не тронулась с места после того, как Сашка кончил играть. Сашка кончил и отложил гармонику в сторону, он зевнул и засмеялся, как после долгого сна, и потом, видя запустение вдовьей нашей хижины, смахнул сор с лавки и притащил ведро воды в хату.

– Вишь, сердце мое, – сказала ему хозяйка, поскреблась спиной у двери и показала на меня, – вот начальник твой пришел давеча, накричал на меня, натопал, отнял замки у моего хозяйства и оружию мне выложил… Это грех от бога – мне оружию выкладывать, ведь я женщина…

Она снова поскреблась о дверь и стала набрасывать кожухи[4] на сына. Сын ее храпел под иконой на большой кровати, засыпанной тряпьем. Он был немой мальчик с оплывшей, раздувшейся белой головой и с гигантскими ступнями, как у взрослого мужика. Мать вытерла ему нечистый нос и вернулась к столу.

– Хозяюшка, – сказал ей тогда Сашка и тронул ее плечо, – ежели желаете, я вам внимание окажу…

Но баба как будто не слыхала его слов.

– Никаких щей я не видала, – сказала она, подпирая щеку, – ушли они, мои щи, мне люди одну оружию показывают, а и попадется хороший человек и посластиться бы с ним впору, да вот такая я тошная стала, что и греху не обрадуюсь…

Она тянула унылые свои жалобы и, бормоча, отодвинула к стене немого мальчика; Сашка лег с ней на тряпичную постель, а я попытался заснуть и стал придумывать себе сны, чтобы мне заснуть с хорошими мыслями.

СЫН РАББИ

…Помнишь ли ты Житомир, Василий? Помнишь ли ты Тетерев, Василий, и ту ночь, когда суббота, юная суббота кралась вдоль заката, придавливая звезды красным каблучком?

Тонкий рог луны купал свои стрелы в черной воде Тетерева. Смешной Гедали, основатель IV Интернационала[1], вел нас к рабби Моталэ Брацлавскому на вечернюю молитву. Смешной Гедали раскачивал петушиные перышки своего цилиндра в красном дыму вечера. Хищные зрачки свечей мигали в комнате рабби. Склонившись над молитвенниками, глухо стонали плечистые евреи, и старый шут чернобыльских цадиков звякал медяшками в изодранном кармане[2]…

…Помнишь ли ты эту ночь, Василий?.. За окном ржали кони и вскрикивали казаки. Пустыня войны зевала за окном, и рабби Моталэ Брацлавский, вцепившись в талес[3] истлевшими пальцами, молился у восточной стены. Потом раздвинулась завеса шкапа, и в похоронном блеске свечей мы увидели свитки Торы, завороченные в рубашки из пурпурного бархата и голубого шелка[4], и повисшее над торами безжизненное покорное прекрасное лицо Ильи, сына рабби, последнего принца в династии[5]…

И вот третьего дня, Василий, полки двенадцатой армии открыли фронт у Ковеля[6]. В городе загремела пренебрежительная канонада победителей. Войска наши дрогнули и перемешались. Поезд политотдела стал уползать по мертвой спине полей. И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичье катило перед собой привычный горб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое ударами прикладов. Оно сопело, скреблось, летело вперед и молчало. А на двенадцатой версте, когда у меня не стало картошки, я швырнул в них грудой листовок Троцкого[7]. Но только один из них протянул за листовкой грязную мертвую руку. И я узнал Илью, сына житомирского рабби. Я узнал его тотчас, Василий. И так томительно было видеть принца, потерявшего штаны, переломленного надвое солдатской котомкой, что мы, преступив правила, втащили его к себе в вагон. Голые колени, неумелые, как у старухи, стукались о ржавое железо ступенек, две толстогрудые машинистки в матросках волочили по полу длинное застенчивое тело умирающего. Мы

положили его в углу редакции, на полу. Казаки в красных шароварах поправили на нем упавшую одежду. Девицы, уперши в пол кривые ноги незатейливых самок, сухо наблюдали его половые части, эту чахлую нежную курчавую мужественность исчахшего семита. А я, видевший его в одну из скитальческих моих ночей, я стал складывать в сундучок рассыпавшиеся вещи красноармейца Брацлавского.

Здесь все было свалено вместе – мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида[8] лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии[9], и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали они на меня – страницы Песни песней[10] и револьверные патроны. Печальный дождь заката обмыл пыль моих волос, и я сказал юноше, умиравшему в углу на драном тюфяке:

– Четыре месяца тому назад, в пятницу вечером, старьевщик Гедали привел меня к вашему отцу[11], рабби Моталэ, но вы не были тогда в партии, Брацлавский…

– Я был тогда в партии, – ответил мальчик, царапая грудь и корчась в жару, – но я не мог оставить мою мать…

– А теперь, Илья?

– Мать в революции – эпизод, – прошептал он, затихая. – Пришла моя буква, буква Б, и организация услала меня на фронт…

– И вы попали в Ковель, Илья?

– Я попал в Ковель, – закричал он с отчаянием. – Кулачье открыло фронт. Я принял сводный полк, но поздно. У меня не хватило артиллерии…

*

Он умер, не доезжая Ровно. Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий[12] и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата.

Дополнения

РАССКАЗЫ

ГРИЩУК

Вторая поездка в местечко окончилась худо. Мы отправились добывать фуражу, возвращались к полудню. Спина Грищука мирно тряслась перед моими глазами. Не доезжая села, он аккуратно сложил вожжи, вздохнул и стал сползать с сиденья. Он сполз ко мне на колени и вытянулся поперек брички. Его стынущая голова покачивалась, лошади шли шагом, и желтеющая ткань покоя оседала на лице Грищука, как саван.

– Не емши, – вежливо ответил он на мой испуганный крик и утомленно опустил веки.

Так мы въехали в село, с кучером, растянувшимся во всю длину экипажа.

Дома я накормил его хлебом и картошкой. Он ел вяло, задремывал и раскачивался. Потом вышел на середину двора и, разбросав руки, лег на землю – лицом кверху.

– Ты все молчишь, Грищук, – сказал я ему, задыхаясь, – как я пойму тебя, томительный Грищук?..

Он смолчал и отвернулся. И только ночью, когда мы, согревая друг друга, лежали на сене, я узнал одну главу из его немой повести.

Русские пленные работали по укреплению сооружений на берегу Северного моря. На время полевых работ их угнали в глубь Германии. Грищука взял к себе одинокий и умалишенный фермер. Безумие его состояло в том, что он молчал. Побоями и голодовкой он выучил Грищука объясняться с ним знаками. Четыре года они молчали и жили мирно. Грищук не выучился языку потому, что не слышал его. После германской революции[1] он пошел в Россию. Хозяин проводил его до края деревни. У большой дороги они остановились. Немец показал на церковь, на свое сердце, на безграничную и пустую синеву горизонта. Он прислонился своей седой взъерошенной безумной головой к плечу Грищука. Они постояли так в безмолвном объятии. И потом немец, взмахнув руками, быстрым, немощным и путаным шагом побежал назад, к себе.

16.7.20

ИХ БЫЛО ДЕВЯТЬ

Десяти пленных нет в живых[1]. Я знаю это сердцем. Когда Голов, взводный командир, из сормовских рабочих, убил длинного поляка, я сказал начальнику штаба: пример взводного развращает бойцов. Надо составить сопроводительную записку на пленных и отправить их в штаб для опроса.

Начальник штаба разрешил. Я вынул из сумки карандаш и бумагу и вызвал Голова.

– Ты через очки смотришь на свет, – сказал он, глядя на меня с ненавистью.

– [Да] Через очки, – ответил я. – А ты как смотришь на свет, Голов?

– Я смотрю [– сказал он –] через несчастную нашу рабочую жизнь, – сказал он и отошел к пленному, держа в руках польский мундир с болтающимися рукавами. Мундир не пришелся по мерке. Рукава едва достигали локтей. Тогда Голов прощупал пальцами егеревские кальсоны пленного.

– Ты офицер, – сказал Голов, закрываясь рукой от солнца.

– Нет, – услышали мы твердый ответ.

– Наш брат таких не носит, – пробормотал Голов и замолчал. Он молчал, вздрагивал, смотрел на пленного, глаза его белели и расширялись.

– Матка вязала, – сказал пленный с твердостью.

Я обернулся и взглянул на него. Это был юноша с тонкой талией. На желтых щеках его вились баки.

– Матка вязала, – повторил он и опустил глаза.

– Фабричная [матка] у тебя матка, – подхватил Андрюшка Бурак, румяный козачок с шелковыми волосами, тот самый, который стаскивал штаны с умирающего поляка. Штаны эти были переброшены через его седло. [он начал осторожно вытянул Он] Смеясь, Андрюшка подъехал к Голову, осторожно снял у него с руки мундир, кинул к себе на седло поверх штанов и, легонько взмахнув плетью, отъехал от нас.

Солнце вылилось в это мгновение из-за туч. Оно ослепительно окружило [удалявшуюся] Андрюшкину лошадь, веселый ее бег, беспечные качания ее куцего хвоста. Голов с недоумением посмотрел вслед удалявшемуся козаку. Он обернулся и увидел меня, составлявшего пленным список. Потом он увидел юношу с вьющимися баками. Тот поднял на него [небрежные глаза] спокойные глаза снисходительной юности и улыбнулся его растерянности. Тогда Голов сложил руки трубкой и крикнул:

– Республика наша живая еще, Андрей. Рано дележку делать. Скидай барахло.

Андрей и ухом не повел. Он ехал рысью, и лошаденка его бойко выкидывала из-под себя хвост, точно отмахивалась от нас.

– Измена, – [прошептал] произнес тогда Голов, произнося [это слово] по буквам, и стал жалок, и цепенел. Он [стал] опустился на колено, взял прицел

и выстрелил, и промахнулся. Андрей немедля повернул коня и поскакал к [Голову] взводному в упор. Румяное цветущее лицо его было сердито.

– Слышь, земляк, – закричал он звонко и вдруг обрадовался звуку своего сильного голоса, – как бы я не стукнул тебя, взводный, к такой-то свет матери. Тебе десяток шляхты прибрать – ты вон каку суету поднял. По сотне прибирали, тебя в подмогу не звали... Рабочий ты если – так сполняй свое дело...

И победоносно поглядев на нас, Андрюшка отъехал галопом. Взводный не поднял на него глаз. Он взялся рукой за лоб. Кровь [из головы] лилась с него, как дождь со скирды. Он лег на живот, пополз к ручью и надолго всунул в пересыхающую воду разбитую свою окровавленную голову...

Десяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сидя на коне, я составил им список, аккуратно разграфленный. В одной, первой, графе были номера по порядку, в другой – имя и фамилия и в третьей – наименование части. Всего вышло девять номеров, и четвертым из них был Адольф Шульмейстер, лодзинский приказчик, еврей. Он притирался все время к моему коню и гладил мой сапог трепещущими [разнеженным] нежащими пальцами. [Он хром] Нога его была перебита прикладом. От нее тянулся тонкий след, как от раненой охромевшей собаки, и на щербатой, оранжевой лысине Шульмейстера закипал сияющий на солнце пот.

– Вы Jude*, пане, – шептал он, судорожно лаская мое стремя. Вы – Jude, – визжал он, брызгая слюной и корчась от радости.

– Стать в ряды, Шульмейстер, – крикнул я еврею, и вдруг, охваченный смертоносной слабостью, я стал ползти с седла и [прошептал] сказал, задыхаясь: – Почем вы знаете?

– Еврейский сладкий взгляд, – взвизгнул он, прыгая на одной ноге и волоча за собой собачий тонкий след. – Сладкий взгляд ваш, пане...

Я едва оторвался от предсмертной его суетливости. Я опоминался медленно, как после контузии. Начальник штаба приказал мне распорядиться [пулеметами] и уехал к частям.

Пулеметы втаскивали на пригорок, как телят на веревках. Они двигались рядком, как дружное стадо, и успокоительно лязгали. Солнце заиграло на их пыльных дулах. И я увидел радугу на железе. Поляк, юноша с вьющимися баками, смотрел на них с деревенским любопытством. Он подался [мне] всем корпусом вперед и открыл мне Голова, выползавшего из канавы, внимательного и бледного, с разбитой головой и винтовкой наотвес. Я протянул к Голову руки и крикнул, но звук задохся и разбух в моей гортани. Голов поспешно выстрелил пленному в затылок и вскочил на ноги. Удивленный поляк повернулся к нему, сделав полный круг, как на ученье. Медленным движением отдающейся женщины поднял он обе руки к затылку, рухнул на землю и умер мгновенно.

---

* еврей (*нем.*).

Улыбка облегчения и [торжества] покоя заиграла тогда на лице Голова. К нему легко вернулся румянец.

– Нашему брату матка таких исподников не вяжет, – сказал он мне лукаво. – Вымарай одного, давай записку на восемь штук…

Я отдал ему записку и произнес с отчаянием:

– Ты за все ответишь, Голов.

– Я отвечу, – закричал он с невыразимым торжеством. – Не тебе, очкастому, а своему брату, сормовскому… Свой брат разберет…

Десяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сегодня утром я решил отслужить панихиду по убитым. В Конармии некому это сделать, кроме меня. [Мы стали остановились] Отряд наш сделал привал в разрушенном фольварке. Я взял [вестник] дневник и пошел в цветник, еще уцелевший. Там росли гиацинты и голубые розы.

Я стал записывать о взводном и десяти покойниках[2], но шум, знакомый шум прервал меня тотчас. Черкашин, штабной холуй, шел в поход против ульев. Митя, [беспечный орловец] румяный орловец, следовал за ним с чадящим факелом в руках. Головы их были замотаны шинелями. Щелки их глаз горели. Мириады пчел отбивали победителей и умирали у ульев. И я отложил перо. Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне.

Гликсталь, [9] 4.8.23

АРГАМАК

Я решил перейти в строй. Начдив поморщился, услышав об этом.

– Куда ты прешься?.. Развесишь губы – тебя враз уконтрапупят…

Я настоял на своем. Этого мало. Выбор мой пал на самую боевую дивизию – шестую[1]. Меня определили в 4-й эскадрон 23 кавполка. Эскадроном командовал слесарь Брянского завода Баулин, по годам мальчик[2]. Для острастки он запустил себе бороду. Пепельные клоки закручивались у него на подбородке. В двадцать два свои года Баулин не знал никакой суеты. Это качество, свойственное тысячам Баулиных, вошло важным слагаемым в победу революции. Баулин был тверд, немногословен, упрям. Путь его жизни был решен. Сомнений в правильности этого пути он не знал. Лишения были ему легки. Он умел спать сидя. Спал он, сжимая одну руку другой, и просыпался так, что незаметен был переход от забытья к бодрствованию.

Ждать себе пощады под командой Баулина нельзя было. Служба моя началась редким предзнаменованием удачи – мне дали лошадь. Лошадей не было ни в конском запасе, ни у крестьян. Помог случай. Казак Тихомолов убил без спросу двух пленных офицеров. Ему поручили сопровождать их до штаба бригады, офицеры

могли сообщить важные сведения. Тихомолов не довел их до места. Казака решили судить в ревтрибунале, потом раздумали. Эскадронный Баулин наложил кару страшнее трибунала – он забрал у Тихомолова жеребца по прозвищу Аргамак[3], а самого заслал в обоз.

Мука, которую я вынес с Аргамаком, едва ли не превосходила меру человеческих сил. Тихомолов вел лошадь с Терека, из дому. Она была обучена на казацкую рысь, на особый казацкий карьер – сухой, бешеный, внезапный. Шаг Аргамака был длинен, растянут, упрям. Этим дьявольским шагом он выносил меня из рядов, я отбивался от эскадрона и, лишенный чувства ориентировки, блуждал потом по суткам в поисках своей части, попадал в расположение неприятеля, ночевал в оврагах, прибивался к чужим полкам и бывал гоним ими. Кавалерийское мое умение ограничивалось тем, что в германскую войну я служил в артдивизионе при 15-й пехотной дивизии. Больше всего приходилось восседать на зарядном ящике, изредка мы ездили в орудийной запряжке. Мне негде было привыкнуть к жесткой, в раскачку, рыси Аргамака. Тихомолов оставил в наследство коню всех дьяволов своего падения. Я трясся, как мешок, на длинной сухой спине жеребца. Я сбил ему спину. По ней пошли язвы. Металлические мухи разъедали эти язвы. Обручи запекшейся черной крови опоясали брюхо лошади. От неумелой ковки Аргамак начал засекаться, задние ноги его распухли в путовом суставе и стали слоновыми. Аргамак отощал. Глаза его налились особым огнем мучимой лошади, огнем истерии и упорства. Он не давался седлать.

– Аннулировал ты коня, четырехглазый, – сказал взводный.

При мне казаки молчали, за моей спиной они готовились, как готовятся хищники, в сонливой и вероломной неподвижности. Даже писем не просили меня писать…

Конная армия овладела Новоград-Волынском. В сутки нам приходилось делать по шестьдесят, по восемьдесят верст. Мы приближались к Ровно. Дневки были ничтожны. Из ночи в ночь мне снился тот же сон. Я рысью мчусь на Аргамаке. У дороги горят костры. Казаки варят себе пищу. Я еду мимо них, они не поднимают на меня глаз. Одни здороваются, другие не смотрят, им не до меня. Что это значит? Равнодушие их обозначает, что ничего особенного нет в моей посадке, я езжу, как все, нечего на меня смотреть. Я скачу своей дорогой и счастлив. Жажда покоя и счастья не утолялась наяву, от этого снились мне сны.

Тихомолова не было видно. Он сторожил меня где-то на краях похода, в неповоротливых хвостах телег, забитых тряпьем.

Взводный как-то сказал мне:

– Пашка все домогается, каков ты есть…

– А зачем я ему нужен?

– Видно, нужен…

– Он небось думает, что я его обидел?..

– А неужели ж нет, не обидел…

Пашкина ненависть шла ко мне через леса и реки. Я чувствовал ее кожей и ежился. Глаза, налитые кровью, привязаны были к моему пути.

– Зачем ты меня врагом наделил? – спросил я Баулина.

Эскадронный проехал мимо и зевнул.

– Это не моя печаль, – ответил он, не оборачиваясь, – это твоя печаль…

Спина Аргамака подсыхала, потом открывалась снова. Я подкладывал под седло по три потника, но езды правильной не было, рубцы не затягивались. От сознания, что я сижу на открытой ране, меня всего зудило.

Один казак из нашего взвода, Бизюков по фамилии, был земляк Тихомолову, он знал Пашкиного отца там, на Тереке.

– Евоный отец, Пашкин, – сказал мне однажды Бизюков, – коней по охоте разводит… Боевитый ездок, дебелый… В табун приедет – ему сейчас коня выбирать… Приводят. Он станет против коня, ноги расставит, смотрит… Чего тебе надо?.. А ему вот чего надо: махнет кулачищем, даст раз промежду глаз – коня и нету. Ты зачем, Калистрат, животную решил?.. По моей, говорит, страшенной охоте мне на этом коне не ездить… Меня этот конь не заохотил… У меня, говорит, охота смертельная… Боевитый ездок, это нечего сказать.

И вот Аргамак, оставленный в живых Пашкиным отцом, выбранный им, достался мне. Как быть дальше? Я прикидывал в уме множество планов. Война избавила меня от забот.

Конная армия атаковала Ровно. Город был взят. Мы пробыли в нем двое суток. На следующую ночь поляки оттеснили нас[4]. Они дали бой для того, чтобы провести отступающие свои части. Маневр удался. Прикрытием для поляков послужил ураган, секущий дождь, летняя тяжелая гроза, опрокинувшаяся на мир в потоках черной воды. Мы очистили город на сутки. В ночном этом бою пал серб Дундич, храбрейший из людей[5]. В этом бою дрался и Пашка Тихомолов. Поляки налетели на его обоз. Место было равнинное, без прикрытия. Пашка построил свои телеги боевым порядком, ему одному ведомым. Так, верно, строили римляне свои колесницы. У Пашки оказался пулемет. Надо думать, он украл его и спрятал на случай. Этим пулеметом Тихомолов отбился от нападения, спас имущество и вывел весь обоз, за исключением двух подвод, у которых застрелены были лошади.

– Ты что бойцов маринуешь, – сказали Баулину в штабе бригады через несколько дней после этого боя.

– Верно, надо, если мариную…

– Смотри, нарвешься…

Амнистии Пашке объявлено не было, но мы знали, что он придет. Он пришел в калошах на босу ногу. Пальцы его были обрублены, с них свисали ленты черной марли. Они волочились за ним, как мантия. Пашка пришел в село Будятичи на площадь перед костелом, где у коновязи поставлены были наши кони. Баулин сидел на ступенях костела и парил себе в лохани ноги. Пальцы ног у него подгнили. Они были розоватые, как бывает розовым железо в начале закалки. Клочья

юношеских соломенных волос налипли Баулину на лоб. Солнце горело на кирпичах и черепице костела. Бизюков, стоявший рядом с эскадронным, сунул ему в рот папиросу и зажег. Тихомолов, волоча рваную свою мантию, прошел к коновязи. Калоши его шлепали. Аргамак вытянул длинную шею и заржал навстречу хозяину, заржал негромко и визгливо, как конь в пустыне. На его спине сукровица загибалась кружевом между полосами рваного мяса. Паша стал рядом с конем. Грязные ленты лежали на земле неподвижно.

– Знатьця так, – произнес казак едва слышно.

Я выступил вперед.

– Помиримся, Паша. Я рад, что конь идет к тебе. Мне с ним не сладить… Помиримся, что ли?..

– Еще пасхи нет, чтобы мириться, – взводный закручивал папиросу за моей спиной. Шаровары его были распущены, рубаха расстегнута на медной груди, он отдыхал на ступеньках костела.

– Похристосуйся с ним, Пашка, – пробормотал Бизюков, тихомоловский земляк, знавший Калистрата, Пашкиного отца, – ему желательно с тобой христосоваться…

Я был один среди этих людей, дружбы которых мне не удалось добиться.

Пашка как вкопанный стоял перед лошадью. Аргамак, сильно и свободно дыша, протягивал ему морду.

– Знатьця так, – повторил казак, резко ко мне повернулся и сказал в упор, – я не стану с тобой мириться.

Шаркая калошами, он стал уходить по известковой, выжженной зноем дороге, заметая бинтами пыль деревенской площади. Аргамак пошел за ним, как собака. Повод покачивался под его мордой, длинная шея лежала низко. Баулин все тер в лохани железную красноватую гниль своих ног.

– Ты меня врагом наделил, – сказал я ему, – а чем я тут виноват?

Эскадронный поднял голову.

– Еще что-нибудь скажи.

– Еще скажу…

– Я тебя вижу, – прервал меня командир, – я тебя всего вижу… Ты без врагов жить норовишь… Ты к этому все ладишь – без врагов…

– Похристосуйся с ним, – пробормотал Бизюков, отворачиваясь.

На лбу у Баулина отпечаталось огненное пятно. Он задергал щекой.

– Ты знаешь, что это получается? – сказал он, не управляясь с своим дыханием. – Это скука получается… Пошел от нас к трепаной матери…

Мне пришлось уйти. Я перевелся в 6 эскадрон. Там дела пошли лучше. Как бы то ни было, Аргамак научил меня тихомоловской посадке. Прошли месяцы. Сон мой исполнился. Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь.

ПОЦЕЛУЙ

В начале августа штаб армии отправил нас для переформирования в Будятичи[1]. Захваченное поляками в начале войны – оно вскоре было отбито нами. Бригада втянулась в местечко на рассвете, я приехал днем. Лучшие квартиры были заняты, мне достался школьный учитель. В низкой комнате, среди кадок с плодоносящими лимонными деревьями, сидел в кресле парализованный старик. На нем была тирольская шляпа с перышком; серая борода спускалась на грудь, осыпанную пеплом. Моргая глазами, он пролепетал какую-то просьбу. Умывшись, я ушел в штаб и вернулся ночью. Мишка Суровцев, ординарец, оренбургский лукавый казак, доложил мне обстановку: кроме парализованного старика в наличности оказалась дочь его, Томилина Елизавета Алексеевна, и пятилетний сынок Миша, тезка Суровцева; дочь вдовеет после офицера, убитого в германскую войну, ведет себя исправно, но хорошему человеку, по сведениям Суровцева, может себя предоставить.

– Обладим, – сказал он, удалился на кухню и загремел там посудой; учительская дочка помогала ему. Куховаря, Суровцев рассказал о моей храбрости, о том, как я ссадил в бою двух польских офицеров и как уважает меня советская власть. Ему отвечал сдержанный негромкий голос Томилиной.

– Ты где отдыхаешь? – спросил ее Суровцев на прощанье. – Ты поближе к нам лягай, мы люди живые…

Он внес в комнату яичницу на гигантской сковороде и поставил ее на стол.

– Согласная, – сказал он, усаживаясь, – только не высказывает…

И в то же мгновение сдавленный шепот, шуршанье, тяжелая осторожная беготня поднялись в доме. Мы не успели съесть нашего блюда войны, как в дом потянулись старики на костылях, старухи, с головой закутанные в шали. Кровать маленького Миши перетащили в столовую, в лимонную чащу, рядом с креслом деда. Немощные гости, приготовившиеся защитить честь Елизаветы Алексеевны, сбились в кучу, как овцы в непогоду, и, забаррикадировав дверь, всю ночь бесшумно играли в карты, шепотом называя ремизы[2] и замирая при каждом шорохе. За этой дверью я не мог заснуть от неловкости, от смущения и едва дождался света.

– К вашему сведению, – сказал я, встретив Томилину в коридоре, – к вашему сведению должен сообщить, что я окончил юридический факультет[3] и принадлежу к так называемым интеллигентным людям…

Оцепенев, она стояла, опустив руки, в старомодной тальме, словно вылитой на тонкой ее фигуре. Не мигая, прямо на меня смотрели расширившиеся, сиявшие в слезах голубые глаза.

Через два дня мы стали друзьями. Страх и неведение, в котором жила семья учителя, семья добрых и слабых людей, были безграничны. Польские чиновники внушили им, что в дыму и варварстве кончилась Россия, как ког-

да-то кончился Рим. Детская боязливая радость овладела ими, когда я рассказал о Ленине, о Москве, в которой бушует будущее, о Художественном театре. По вечерам к нам приходили двадцатидвухлетние большевистские генералы со спутанными рыжеватыми бородами. Мы курили московские папиросы, мы съедали ужин, приготовленный Елизаветой Алексеевной из армейских продуктов, и пели студенческие песни. Перегнувшись в кресле, парализованный слушал с жадностью, и тирольская шляпа тряслась в такт нашей песне. Старик жил все эти дни, отдавшись бурной, внезапной, неясной надежде, и, чтобы ничем не омрачить своего счастья, старался не замечать в нас некоторого щегольства кровожадностью и громогласной простоты, с какой мы решали к тому времени все мировые вопросы.

После победы над поляками – так постановлено было на семейном совете – Томилины переедут в Москву: старика мы вылечим у знаменитого профессора, Елизавета Алексеевна поступит учиться на курсы, а Мишку мы отдадим в ту самую школу на Патриарших прудах, где когда-то училась его мать. Будущее казалось никем не оспариваемой нашей собственностью, война – бурной подготовкой к счастью и самое счастье – свойством нашего характера. Не решенными были только его подробности, и в обсуждении их проходили ночи – могучие ночи, когда огарок свечи отражался в мутной бутыли самогона. Расцветшая Елизавета Алексеевна была безмолвной нашей слушательницей. Никогда не видел я существа более порывистого, свободного и боязливого. По вечерам лукавый Суровцев отвозил нас в реквизированном еще на Кубани плетеном шарабане к холму, где светился в огне заката брошенный дом князей Гонсиоровских. Худые, но длинные и породистые лошади дружно бежали на красных вожжах; беспечная серьга колыхалась в ухе Суровцева, круглые башни вырастали изо рва, заросшего желтой скатертью цветов. Обломанные стены чертили в небе кривую, набухшую рубиновой кровью линию, куст шиповника прятал ягоды, и голубая ступень, остаток лестницы, по которой поднимались когда-то польские короли, блестела в кустарнике. Сидя на ней, я притянул к себе однажды голову Елизаветы Алексеевны и поцеловал ее. Она медленно отстранилась, выпрямилась и, ухватив руками стену, прислонилась к ней. Она стояла неподвижно, вокруг ослепшей ее головы бурлил огненный пыльный луч, потом, вздрогнув и словно вслушиваясь во что-то, Томилина подняла голову; пальцы ее оттолкнулись от стены; путаясь и ускоряя шаги – она побежала вниз. Я окликнул ее, мне не ответили. Внизу, разбросавшись в плетеном шарабане, спал румяный Суровцев. Ночью, когда все уснули, я прокрался в комнату Елизаветы Алексеевны. Она читала, далеко отставив от себя книгу: упавшая на стол рука казалась неживой. Обернувшись на стук, Елизавета Алексеевна поднялась с места.

– Нет, – сказала она, вглядываясь в меня, – нет, дорогой мой, – и, обхватив мое лицо голыми длинными руками, поцеловала меня все усиливавшимся,

нескончаемым, безмолвным поцелуем. Треск телефона в соседней комнате оттолкнул нас друг от друга. Вызывал адъютант штаба.

– Выступаем, – сказал он в телефон, – приказание явиться к командиру бригады…

Я побежал без шапки, на ходу рассовывая бумаги. Из дворов выводили лошадей, во тьме, крича, мчались всадники. У комбрига, стоя завязывавшего на себе бурку, мы узнали, что поляки прорвали фронт под Люблином и что нам поручена обходная операция[4]. Оба полка выступали через час. Разбуженный старик беспокойно следил за мной из-под листвы лимонного дерева.

– Скажите, что вы вернетесь, – повторял он и тряс головой.

Елизавета Алексеевна, накинув полушубок поверх батистовой ночной кофты, вышла провожать нас на улицу. Во мраке бешено промчался невидимый эскадрон. У поворота в поле я оглянулся – Томилина, наклонившись, поправляла куртку на мальчике, стоявшем впереди нее, и прерывистый свет лампы, горевшей на подоконнике, тек по нежному костлявому ее затылку…

Пройдя без дневок сто километров, мы соединились с 14-й кавдивизией и, отбиваясь, стали уходить. Мы спали в седлах. На привалах, сраженные сном, мы падали на землю, и лошади, натягивая повод, тащили нас, спящих, по скошенному полю. Начиналась осень и неслышно сыплющиеся галицийские дожди. Сбившись в молчащее взъерошенное тело, мы петляли и описывали круги, ныряли в мешок, завязанный поляками, и выходили из него. Сознание времени оставило нас. Располагаясь на ночлег в Гощенской церкви, я и не подумал, что мы находимся в девяти верстах от Будятичей[5]. Напомнил Суровцев, мы переглянулись.

– Главное, что кони пристали, – сказал он весело, – а то съездили бы…

– Нельзя, – ответил я, – хватятся ночью…

И мы поехали. К седлам нашим были приторочены гостинцы – голова сахару, ротонда на рыжем меху и живой двухнедельный козленок. Дорога шла качающимся промокшим лесом, стальная звезда плутала в кронах дубов. Меньше чем в час мы доехали до местечка, выгоревшего в центре, заваленного побелевшими от мучной пыли грузовиками, орудийными упряжками и ломаными дышлами. Не слезая с лошади, я стукнул в знакомое окно – белое облако пронеслось по комнате. Все в той же батистовой кофте с обвислым кружевом – Томилина выбежала на крыльцо. Горячей рукой она взяла мою руку и ввела в дом. В большой комнате на сломанных лимонных деревьях сушилось мужское белье, незнакомые люди спали на койках, поставленных без промежутков, как в госпитале. Высовывая грязные ступни, с криво окостеневшими ртами, они хрипло кричали со сна и жадно и шумно дышали. Дом был занят нашей трофейной комиссией, Томилины загнаны в одну комнату.

– Когда вы нас увезете отсюда? – стискивая мою руку, спросила Елизавета Алексеевна.

Старик, проснувшись, тряс головой. Маленький Миша, прижимая к себе козленка, заливался счастливым беззвучным смехом. Над ним, надувшись, стоял Суровцев и вытряхивал из карманов казацких шаровар шпоры, пробитые монеты, свисток на желтом витом шнуре. В этом доме, занятом трофейной комиссией, скрыться было негде, и мы ушли с Томилиной в дощатую пристройку, где на зиму складывали картофель и рамки от ульев. Там, в чулане, я увидел, какой неотвратимый губительный путь – был путь поцелуя, начатого у замка князей Гонсиоровских…

Незадолго до рассвета к нам постучался Суровцев.

– Когда вы увезете нас? – глядя в сторону, сказала Елизавета Алексеевна.

Промолчав, я направился в дом проститься со стариком.

– Главное, что время нет, – загородил мне дорогу Суровцев, – сидайте, поедем…

Он вытолкал меня на улицу и подвел лошадь. Томилина подала мне похолодевшую руку. Как всегда, она прямо держала голову.

Лошади, отдохнув за ночь, понесли рысью. В черном сплетении дубов поднималось огнистое солнце. Ликование утра переполняло мое существо.

В лесу открылась прогалина, я пустил лошадь и, обернувшись, крикнул Суровцеву:

– Что бы еще побыть… Рано вспугнул…

– И то не рано, – ответил он, подравниваясь и разнимая рукой мокрые, сыплющие искры ветви, – кабы не старик, я и раньше бы вспугнул… А то разговорился старый, разнервничался, крякает и на сторону валиться стал… Я подскочил к нему, смотрю – мертвый, испекся…

Лес кончился. Мы выехали на вспаханное поле без дороги. Привстав, поглядывая по сторонам, подсвистывая, Суровцев вынюхивал правильное направление и, втянув его с воздухом, пригнулся и поскакал.

Мы приехали вовремя. В эскадроне поднимали людей. Обещая жаркий день, пригревало солнце. В это утро наша бригада прошла бывшую государственную границу Царства Польского[6].

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ»

ПОБОЛЬШЕ ТАКИХ ТРУНОВЫХ!

В наши героические, кровавые и скорбные списки надо внести еще одно имя – незабвенное для 6 дивизии – имя командира 34 кавполка Константина Трунова, убитого 3.VIII в бою под К. Еще одна могила спрячется в тени густых Волынских лесов, еще одна известная жизнь, полная самоотвержения и верности долгу, отдана за дело угнетенных, еще одно пролетарское сердце разбилось для того, чтобы и своей горячей кровью окрасить красные знамена революции. История последних лет жизни тов. Трунова связана неразрывно титанической борьбой Красной Армии. Чаша им испита до дна – проделаны все походы от Царицына до Воронежа, от Воронежа до берегов Черного моря. В прошлом – голод, лишения, раны, непосильная борьба рядом с первыми и в первых рядах и, наконец, офицерская панская пуля, сразившая Ставропольского крестьянина, из далеких степей принесшего чуждым ему людям весть об освобождении.

С первых дней революции т. Трунов, ни минуту не колеблясь, занял свое настоящее место. Мы находили его в числе организаторов первых отрядов ставропольских войск. В регулярной Красной Армии он последовательно занимал должности командира 4 Ставропольского полка, к-ра 1 бриг. 32 дивизии, к-ра 34 кавполка 6 дивизии.

Память о нем не заглохнет в наших боевых рядах. В самых тяжелых условиях он вырывал победу у врага своим исключительным беззаветным мужеством, непреклонной настойчивостью, никогда не изменявшим ему хладнокровием, огромным влиянием на родную ему красноармейскую массу. – Побольше нам Труновых – тогда крышка панам всего мира.

Военный корреспондент
6 Кавдивизии К. Лютов

РЫЦАРИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Польская армия обезумела. Смертельно укушенные паны, издыхая, мечутся в предсмертной тоске, нагромождая преступление на глупость, погибают, бесславно сходя в могилу под проклятия и своих и чужих. Чувствуя, что все

пропало, – они идут напролом, не заботясь о будущем, основательно забыв, что, по мысли антантовских гувернанток, они, рыцари европейской культуры, являются стражами «порядка и законности», барьером против большевистского варварства.

Вот как охраняет «цивилизацию» польский барьер.

Жил-был в Берестечке скромный труженик-аптекарь, организовавший насущно нужное населению дело, работавший не покладая рук, занятый своими больными, пробирками да рецептами, – и никакого отношения к политике не имел и, может быть, и сам думал, что у большевиков уши над глазами растут.

Аптекарь этот еврей. Для поляка все ясно – скотина безответная, вали почем зря – режь, насилуй, истязай. Демонстрация была приготовлена вмиг. Мирного аптекаря, благополучно нажившего геморрой у своих бутылочек, обвинили в том, что он где-то, когда-то, зачем-то убил польского офицера, и выходит он поэтому пособником большевикам.

То, что последовало за этим, относит нас к самым удушливым эпохам испанской инквизиции. Если бы я не видел собственными глазами это истерзанное лицо, это раздробленное, исковерканное тело – никогда бы не поверил в то, что в наше, хотя бы жестокое, хотя бы кровавое время возможно на земле такое неожиданное злодейство. Аптекарю прижигали тело калеными железными палками, выжгли лампасы (ты, мол, заодно с казаками-большевиками!), загоняли под ногти раскаленные иголки, вырезали на груди красноармейскую звезду, выдергивали по одному волосу с головы.

Все это делалось не спеша, сопровождалось шуточками насчет коммунизма и жидовских комиссаров.

Это не все – и озверевшими панами была до основания разгромлена аптека, все лекарства растоптали, не оставили нетронутым ни одного пакетика, и вот – местечко погибает без медицинской помощи. Вы не найдете в Берестечке порошка против зубной боли. Двадцатитысячное население отдано на съедение эпидемиям и болезням.

Так погибает шляхта. Так издыхает злобный бешеный пес. Добейте его, красные бойцы, добейте его во что бы то ни стало, добейте его сейчас, сегодня! Не теряя ни минуты.

К. Л.

ГЕРОИНЯ-САНИТАРКА

Санитарка 5 эскадрона 19 кавполка 4 кавдивизии в течение целого года, исполняя должность сестры в эскадроне, принимала участие во всех боях, находясь постоянно в передовой позиции.

Под огнем она делала перевязки раненым героям.

В бою под станицей Егорлыкской, когда три сотни кадет прорвались в тыл наших цепей, она храбро бросилась в атаку на зарвавшуюся банду, и метким выстрелом из револьвера она уложила белогвардейского офицера[1].

Увлеченные ее примером, бойцы с новой силой бросились в атаку и совершенно уничтожили зарвавшийся полк противника.

За все ее подвиги Реввоенсовет I Конной Армии в своем заседании 9 августа 1920 года постановил:

Наградить санитарку Плотникову орденом «Красного Знамени» и золотыми дамскими часами[2].

Красные сестры, берите пример с этой героини.

Л-в

НЕДОБИТЫЕ УБИЙЦЫ

Они истязали рабочих в 1905 году. Они шли в карательные отряды для того, чтобы расстреливать и душить наши рабские темные деревни, над которыми пронеслось недолгое дыхание свободы.

В октябре 1917 года они сбросили маску и огнем и мечом пошли против российского пролетариата. Почти три года терзали они и без того истерзанную страну. Казалось, что с ними покончено. Мы предоставили им умереть естественной смертью, а они умереть не захотели.

Теперь мы платимся за наши ошибки. Сиятельный Врангель пыжится в Крыму, жалкие остатки черносотенных русских деникинских банд объявились в рядах культурнейших польских ясновельможных войск. Эта недорезанная шваль пришла помочь графам Потоцким и Таращицким спасти от варваров культуру и законность. Вот как была спасена культура в м. Комаров, занятом 28 августа частями 6 кавдивизии.

Накануне в местечке ночевали молодцы есаула Яковлева, того самого, который звал нас к сладкой и мирной жизни в родных станицах, усеянных трупами комиссаров, жидов и красноармейцев.

При приближении наших эскадронов эти рыцари рассеялись как дым. Они успели, однако, исполнить свое дело…

Мы застали еврейское население местечка ограбленным дочиста, зарубленным, израненным. Бойцы наши, видавшие виды, отрубившие не одну голову, отступали в ужасе перед картиной, представшей их глазам. В жалких, разбитых до основания лачугах валялись в лужах крови голые семидесятилетние старики с разрубленными черепами, часто еще живые крошечные дети с обрубленными пальцами, изнасилованные старухи с распоротыми животами – скрючившиеся

в углах, с лицами, на которых застыло дикое невыносимое отчаяние. Рядом с мертвыми копошились живые, толкались об изрезанные трупы, мочили руки и лица в липкой зловонной крови, боясь выползти из домов, думая, что не все еще кончено.

По улицам омертвевшего местечка бродили какие-то приниженные испуганные тени, вздрагивавшие от человеческого голоса, начинавшие вопить о пощаде при каждом окрике. Мы натыкались на квартиры, объятые страшной тишиной, – рядом со стариком дедом валялось все его семейство. Отец, внуки, все в изломанных, нечеловеческих позах.

Всего убиты свыше 30, ранены около 60 человек. Изнасиловано 200 женщин, из них много замучено. Спасаясь от насильников, женщины прыгали со 2-го, 3-го этажей, ломая себе руки, головы.

Наши медицинские силы работали весь день не покладая рук и не могли хотя бы в полной мере удовлетворить потребность в помощи. Ужасы средневековые меркнут перед зверствами Яковлевских бандитов.

Погром, конечно, был произведен по всем правилам. Офицеры потребовали сначала у еврейского населения плату за безопасность – 50 тысяч рублей. Деньги и водка были внесены немедленно, тем не менее офицеры шли в первых рядах погромщиков и усиленно искали у напуганных насмерть евреев стариков – бомбы и пулеметы.

Вот наш ответ на вопли польского Красного Креста о русских зверствах. Вот факт из тысячи фактов более ужасных.

Недорезанные собаки испустили свой хриплый лай. Недобитые убийцы вылезли из гробов.

Добейте их, бойцы Конармии! Заколотите крепче приподнявшиеся крышки их смердящих могил!

Военный корреспондент
6 кавдивизии К. Лютов

ЕЕ ДЕНЬ

Я заболел горлом. Пошел к сестре 1⟨-го⟩ штабного эскадрона N⟨-й⟩ дивизии. Дымная изба, полная чаду и вони. Бойцы развалились на лавках, курят, почесываются и неистово сквернословят. В уголку приютилась сестра. Одного за другим без шума и лишней суеты она перевязывает раненых.

Несколько озорников мешают ей всячески. Все изощряются в самой неестественной кощунственной брани.

В это время – тревога. Приказ по коням. Эскадрон выстроился. Выступаем.

Сестра сама взнуздала своего коня, завязала мешочек с овсом, собрала свою сумочку и поехала. Ее жалкое холодное платьице треплется по ветру, сквозь дыры худых башмаков виднеются красные иззябшие пальцы.

Идет дождь. Изнемогающие лошади едва вытаскивают копыта из этой страшной, засасывающей, липкой волынской грязи. Сырость пронизывает до костей. У сестры – ни плаща, ни шинели.

Рядом загремела похабная песня. Сестра тихонько замурлыкала свою песню – о смерти за революцию, о лучшей нашей будущей доле. Несколько человек потянулось за ней, и полилась в дождливые осенние сумерки наша песня, наш неумолкающий призыв к воле.

А вечером – атака. С мягким зловещим шумом лопаются снаряды, пулеметы строчат все быстрее, с лихорадочной тревогой.

Под самым ужасным обстрелом сестра с презрительным хладнокровием перевязывала раненых, тащила их на своих плечах из боя.

Атака кончилась. Опять томительный переход. Ночь, дождь. Бойцы сумрачно молчат, и только слышен горячий шепот сестры, утешающей раненых. Через час – обычная картина – грязная, темная изба, в которой разместился взвод, и в углу при жалком огарке сестра все перевязывает, перевязывает, перевязывает…

Брань густо висит в воздухе. Сестра, не выдержав, огрызнется, тогда над ней долго хохочут. Никто не поможет, никто не подстелет соломы на ночь, не приладит подушки.

Вот они, наши героические сестры.

Шапку долой перед сестрами!

Бойцы и командиры, уважайте сестер. Надо наконец сделать различие между обозными феями, позорящими нашу армию, и мученицами, сестрами, украшающими ее.

К. Лютов

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ»

11 сентября 1920 г.

Уважаемый т. Зданевич.

Беспрерывные бои последнего месяца выбили нас из колеи.

Живем в тяжкой обстановке – бесконечные переходы, наступления, отходы. От того, что называется культурной жизнью, – отрезаны совершенно. Ни одной газеты за последний месяц не видали, что делается на белом свете – не знаем. Живем как в лесу. Да оно, собственно, так и есть, по лесам и мыкаемся.

Доходят ли мои корреспонденции – неизвестно. При таких условиях руки опускаются. Среди бойцов, живущих в полном неведении того, что происходит, – самые нелепые слухи. Вред от этого неисчислимый. Необходимо принять срочные меры к тому, чтобы самая многочисленная наша 6-я дивизия снабжалась нашей и иногородними газетами.

Лично для меня умоляю вас сделать следующее: отдайте распоряжение по экспедиции: 1) прислать мне комплект газеты минимум за 3 недели, прибавьте к ним все иногородние, какие есть, 2) присылать мне ежедневно не менее 5 экземпляров нашей газеты – по следующему адресу: Штаб 6 дивизии, Воен. корреспонденту К. Лютову. Сделать это совершенно необходимо для того, чтобы хоть кое-как меня ориентировать.

Как дела в редакции? Работа моя не могла протекать хоть сколько-нибудь правильно. Мы измучены вконец. За неделю бывало не урвешь получаса, чтобы написать несколько слов.

Надеюсь, что теперь можно будет внести в дело больше порядка.

Напишите мне о ваших предположениях, планах и требованиях, свяжите меня таким образом с внешним миром.

С товарищеским приветом

К. Лютов

ДНЕВНИК 1920 ГОДА

55 Житомир. 3.6[1].20 Поезд

Утром в поезд⟨е⟩, приехал за гимнастеркой и сапогами[2]. Сплю с Жуковым, Топольником[3], грязно, утром солнце в глаза, вагонная грязь. Длинный Жуков, прожорливый Топольник, вся редакционная коллегия – невообразимо грязные человеки. – Дрянной чай в одолженных котелках. Письма домой, пакеты в Югроста[4], интервью с Поллаком[5], операция по овладению Новоградом[6], дисциплина в польской армии – слабеет, польская белогвардейская литература, [по] книжечки папиросной бумаги, спички, доукраинские жиды, комиссары, глупо, зло, бессильно, бездарно и удивительно неубедительно. Выписка Михайлова из польских газет. – Кухня в поезде, толстые солдаты с налитыми кровью лицами, сырые туши, удушливый зной в кухне, каша, полдень, пот, прачки толстоногие, апатичные бабы-станки – описать солдат и баб, толстых, сытых, сонных. – Любовь на кухне. – После обеда в Житомир. Белый, не сонный, а подбитый, притихший город. Ищу следов польской культуры. Женщ⟨ины⟩ хорошо одеты, белые чулки. Костел. – Купаюсь у Нуськи в Тетереве, скверная речонка, старые евреи в купальне с длинными тощими нога⟨ми⟩, обросшими седым волосом. Молодые евреи. Бабы на Тетереве полощут белье. Семья, красивая жена, ребенок у мужа. – Ба-
56 зар в Житомире, старый сапож⟨ник,⟩|| синька, мел, шнурки. Здания синагог, старинная архитектура, к⟨а⟩к все это берет меня за душу. – Стекло к часам 1200 р⟨ублей⟩. Рынок. Маленький еврей философ. Невообразимая лавка – Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия⟨:⟩ все говорят, что они воюют за правду и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе. Замечател⟨ьные⟩ слова, бороденка, разговариваем, чай и три пирожка с яблоками – 750 р⟨ублей⟩. Интересная старуха, злая, толковая, неторопливая. К⟨а⟩к они все жадны к деньгам. Описать базар, корзины с фруктами вишень, внутренность харчевни. Разговор с русской, пришедшей одолжить лоханку. Пот, чахлый [зной] чай, въедаюсь в жизнь, прощайте, мертвецы. –

Зять Подольский, заморенный интелли⟨гент⟩ что-то о Профсоюзах, [рас] о службе у Буденного, я, конечно, русский, мать еврейка, зачем? – Житомирский погром, устроен⟨ный⟩ поляками[7], по⟨том⟩, конечно, ка-
57 заками[8]. – После появления наших передовых частей|| поляки вошли

в город на 3 дня, евр⟨ейский⟩ погром, резали бороды, это обычно[9], собрали на [бан] рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли 6 домов, дом Конюховского на Кафедральной – осматриваю, кто спасал – из пулеметов, дворнику⟨,⟩ на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца, – прикололи, ксендз приставил к задней стене – лестницу, таким способом спасались[10]. – Заходит суббота. От тестя идем к цадику. Имени не разобрал. Потрясающая для меня картина, хотя совершенно ясно видно умирание и полный декаданс. Сам цадик⟨,⟩ его широкоплечая, тощая фигурка. Сын – благородный мальчик в капотике, видны мещанские, но просторные комнаты. Все чинно, жена – обыкновенная еврейка, даже типа модерн. – Лица старых евреев. – Разговоры в углу о дороговизне. – Я путаюсь в молитвеннике. Подольский поправляет. – Вместо свечи – коптилка. – Я счастлив, огромные лица, горбатые носы, черные с проседью бороды, о многом думаю, до свиданья, мертвецы, лицо цадика, никелевое пенсне, откуда вы, молодой человек. Из Одессы. К⟨а⟩к там живут. Там люди живы. – А здесь ужас. – Короткий разговор. – Ухожу потрясенный. – Подольский бледный и печальный, дает мне свой адрес,
чудесный вечер. Иду, думаю обо всем, тихие,|| чужие улицы. Кондратьев 58
с черненькой еврейкой, бедный комендант в папахе, он не имеет успеха. – А потом ночь, поезд, разрисованные лозунги коммунизма (контраст с тем, что я видел у старых евреев). Стук машин, своя электрическая станция, свои газеты, идет сеанс синематографа, поезд сияет, грохочет, толстомордые солдаты стоят в хвост у прачек. – (на два дня).

Житомир, 4.6.20 Утром – пакеты в Югроста, сообщение о жит⟨омирском⟩ погроме[1], домой, Орешникову, Нарбуту[2]. – Читаю Гамсуна[3]. Собельман рассказывает мне сюжет своего романа. – Новая рукопись Іова[4], старик живший в столетиях, отсюда унесли ученики, чтобы симулировать вознесение, пресыщенный иностранец, русск⟨ая⟩ революция. – Шульц, вот главное, сластолюбие, коммунизм, к⟨а⟩к мы берем у хозяев яблоки, Шульц разговаривает, его лысина, яблоки за пазухой, коммунизм, фигура Достоевского, тут что-то есть, тут надо выдумать, это неистощимое любострастие, Шульц на улицах Бердичева. – Хилемская[5], у которой был плеврит, понос, пожелтела, грязный капот, яблочный мусс. Зачем ты здесь, Хилемская? Тебе надо выйти замуж, муж – техн⟨ическая⟩ контора, инженер, аборт, или первый ребенок, вот какова|| была твоя жизнь, 59
твоя мать, ты брала раз в неделю ванну, твой роман⟨,⟩ Хилем⟨ская⟩, и вот к⟨а⟩к тебе надо жить⟨,⟩ и ты приспособишься к революции. –

Открытие ком⟨мунистического⟩ клуба в редакции. Вот он пролетариат – эти вылезшие из подполья невероятно чахлые еврейки и евреи.

Жалкое, страшное племя, иди вперед. Описать пот⟨ом⟩ концерт, бляд. женщины поют малорос⟨сийские⟩ песни. – Купанье в Тетереве. Киперман, к⟨а⟩к мы ищем пищу. Что такое Киперман? Какой я дурак. Замотал деньги. Он колеблется как тростина, у него большой нос⟨,⟩ и он нервен, м⟨ожет⟩ б⟨ыть,⟩ сумасшедший, однако обжулил, к⟨а⟩к он оттягивает уплату, завед⟨ует⟩ клубом. Описать его штаны, нос и неторопливый говор, мучения в тюрьме, страшный человек Киперман. –

Ночь на бульваре. Погоня за женщинами. 4 аллеи, 4 стадии, знакомство, беседа, возникнов⟨ение⟩ желания, удовлетвор⟨ение⟩ желания, внизу Тетерев, лекпом старый, кот⟨орый⟩ говорит, что у комиссаров все есть, и вино, но он благожелателен. – Я и укр⟨аинская⟩ редакция. – Гужин, на которого сегодня пожаловалась Хелемская, ищут чего-нибудь получше. Я устал. И вдруг одиночество, течет передо мною жизнь, а что она обозначает. –||

60 Житомир. 5.6.20 Получил в поезде – сапоги, гимнастерку. Еду на рассвете в Новоград. Машина Thornicroft[1]. Все взято у Деникина. Рассвет на монастырском или школьном дворе. Спал на машине. В 11 ч⟨асов⟩ в Новограде. Дальше на другом Thornicrofte. Обходной мост. Город живее, развалины кажутся обычными. Беру мой чемодан. Штаб уехал на Корец[2]. Одна из евреек родила, в лечебнице, конечно. Длинный и горбоносый просит службу, бегает за мной с чемоданом. Обещаю завтра вернуться. Новоград–Звягель. – На грузовике снабженец в белой папахе, еврей и сутуловатый Морган. Ждем Моргана, он в аптеке, у братишки триппер. Машина идет из-под Фастова. Два толстых шофера. Летим, настоящий русский шофер, вытрясло все внутренности. Поспевает рожь, скачут ординарцы, несчастные, огромные запыленные грузовики, раздетые поль-
61 ские пухлые беловолосые мальчики,|| пленные, польские носы. – Корец, описать, евреи у большого дома, ешиве бохер[3] в очках, о чем они говорят. Старики с желтыми бородами, сутуловатые коммерсанты, хилые, одинокие. Хочу остаться, но телефонисты сворачивают провода. Конечно – Штаб уехал. Рвем яблоки и вишни. С бешен⟨ой⟩ скоростью дальше. Пот, шофер, красный кушак, ест хлеб пальцами, запачканными машин⟨ным⟩ маслом. Не доезжая 6 верст – магнето[4] залито маслом. Починка под [открытым] палящим солнцем, пот и шоферы. Доезжаю на телеге с сеном – (забыл – инспектор [кав] артиллерии Тимошенко (?) осматривает орудия в Кореце. Наши генералы). Вечер. Ночь. Парк в Гоще. Мчится Зотов[5] с штабом, скачут обозы, штаб уехал на Ровно, тьфу ты, пропасть. Евреи, решаю остаться у Дувид Ученик, солдаты отговаривают, евреи просят.
62 Умываюсь, блаженство, много евреев. Братья Ученика – близнецы?|| Раненые зовут знакомиться. Здоровые⟨,⟩ черти, ранены в мякоть ноги, сами

передвигаются. Настоящий чай, ужинаю. Дети Ученика, маленькая, но
многоопытная девочка с прищуренным глазом, трепещущая девушка
6 лет, толстая жена с золотыми зубами. Сидят вокруг меня, в доме тре-
вога. Ученик рассказ⟨ывает⟩ – ограбили поляки, пот⟨ом⟩ эти налетели,
с гиканьем и шумом, все разнесли, вещи жены. – Девочка – вы не еврей?
Ученик сидит и смотрит, к⟨а⟩к я ем, на его коленях дрожит девочка. Она
напугана, погреба и стрельба и ваши. Я говорю – будет хорошо, [и раз]
что такое революция, говорю от избытка. С нами плохо, нас будут гра-
бить, [– Ночь] не ложитесь спать. – Ночь, фонарь перед окном, еврей-
ская грамматика, болит душа, волосы у меня свежие, свежая тоска. Пот
от чаю. Подмога – Цукерман с винтовкой. Радиотелеграфист. Солдаты
во дворе, гонят спать, хихикают.|| Подслушиваю: предчувствуют, стано- 63
вись, скошу косой. – Лови арестованную. Звезды, ночь над местечком.
Казак высокий, с серьгой, с белым донышком шапки. Арестовали сума-
сшедшую⟨,⟩ Соловой ⟨?⟩ – тюфяк, [по] поманила пальцем, идем, я тебе дам,
у меня бы всю ночь работала, вилась, скакала бы да не бегала. Солдаты
гонят спать. Ужинают – яичница, чай, жаркое, невообразимая грубость,
развалясь у стола, хозяйка, дай. Ученик перед своим домом, выставили
дежурного, комедия, иди спать, я сторожу свой дом. Страшная история
с арест⟨ованной⟩ сумасшедшей. Ищут – убьют. – Не сплю. Я помешал,
они сказали – все пропало. – Тяжелая ночь, дурачок с поросячьим те-
лом – радиотелеграфист. Грязные ногти и деликатное обхождение. Беседа
о евр⟨ейском⟩ вопр⟨осе⟩. Раненый в черной рубашке – молокосос и хам,
старые евреи бегают, женщины в разгоне. Никто не спит. Какие-то де-
вушки на крылечке, какой-то солдат спит на диване. Пишу дневник. Есть
лампа. Парк перед|| окном, проезжает обоз. Никто не ложится спать. 64
Приехала машина. Морган ищет священника, я веду его к евреям.

Горынь, евреи и старухи у крылечек. Гоща ограблена, в Гоще чисто.
Гоща молчит. Чистая работа. Шепотом – все забрали и даже не плачут,
специалисты. Горынь, сеть озер и притоков, вечерний свет, здесь был бой
перед Ровно[6]. Разговоры с евреями, мое родное, они думают, что я рус-
ский, и у меня душа раскрывается. Сидим на высоком берегу. Покой
и тихие [сте] вздохи за спиной. Иду защищать Ученика. Я им сказал, что
у меня мать еврейка, история, Б⟨елая⟩ Церковь, раввин[7]. –

Ровно. 6.6.20 Спал тревожно, несколько часов. Просыпаюсь, солнце,
мухи, постель хорошая, еврейск⟨ие⟩ розовые подушки, пух. Солдаты сту-
чат костылями. Снова – дай, хозяйка. Жареное мясо, сахар из граненой
стопочки, сидят развалясь, чубы свисают, одеты по-походному, красные
штаны, папахи,|| обрубки ног висят молодцевато. У женщин кирпичные 65
лица, бегают, все не спали. Дувид Ученик бледен, в жилетке. Мне –

не уезжайте до [до] того, к⟨а⟩к они здесь. [Пр] Забирает фура. Солнце,
напротив парк, фура ждет, уехали. Конец. Спас. – Вчера вечером прибыла
машина. В 1 час едем из Гощи на Ровно. Горынь на солнце сияет. Гуляю
утром. Оказывается, хозяйка не ночевала дома, прислуга с подругами си-
дела с солдатами, хотевшими ее изнасиловать, всю ночь до рассвета, кор-
мила их беспрерывно яблоками, степенные разговоры, надоело воевать,
хотим жениться, идите спать. Девочка кривоглазая разговорилась, Дувид
одел жилет, талес, степенно молится, благодарит, на кухне мука, месят,
зашевелились, прислуга толстоногая, босая, толстая евр⟨ейка⟩ с мягкой
грудью убирает и беспрерывно рассказывает. Речи хозяйки – она за то,
66 чтобы было хорошо. Дом оживает. – Еду на Thornicrofte в|| Ровно. Две
павших лошади. Сломанные мосты, автомобиль на мостках, все трещит,
бесконечные обозы, скопления, ругань, описать обоз в полдень перед сло-
манным мостом, всадники, грузовики, двуколки со снарядами. Наш гру-
зовик мчится бешено, хотя он весь изломан, пыль. – Не доезжая 8 верст –
стал. Вишни, сплю, потею на солнце. Кузицкий, потешная фигурка,
моментально гадает, раскладывает карты, фельдшер из Бородяниц, бабы
платили за лечение натурой, жареными курицами и собой, все тревожит-
ся – отпустит ли его начсанчасти, [говорит] показывает действительные
[по или на] раны, когда сходит⟨,⟩ хромает, бросил девицу [в 4] на дороге
в 40 верстах от Жит⟨омира⟩, иди, еиб, она говорила, что за ней ухаживает
наштадив[1]. Теряет хлыстик, сидит полуголый, болтает, врет без удержу,
карточка брата, б⟨ывшего⟩ шт⟨аб⟩-ротмистра, теперь начдива, женатого
на польск⟨ой⟩ княгине, расстрелян деникинцами. – Я медик. – В Ровно
пыль, пыльное золото расплавленное течет над скучными домишками. –
67 Проходит бригада, Зотов в окне,|| ровенцы, вид казаков, изумительное
спокойное, уверенное войско. Евр⟨ейские⟩ девицы и юноши следят с вос-
хищением, старые евреи смотрят равнодушно. Дать воздух Ровно, что-
то раздерганное, неустойчивое и есть быт и польские вывески. – [Хо]
Описать вечер. – Хасты, черноволосая и хитрая девица, приехавшая из
Варшавы, ведет, фельдшер, злое словесное зловоние, кокетство, вы у нас
будете есть, умываюсь в проходной комнате, все неудобно, блаженство,
я грязен и потен, пот⟨ом⟩ горячий чай с моим сахаром. Описать тот Хаст,
сложная фурия, невыносимый голос, думают, что я не понимаю по-ев-
рейски, ссорятся беспрерывно, животный страх, отец – не простая вещь,
улыбающийся фельдшер, лечит от трипперов (?), улыбается, невидим,
но кажется вспыльчив, мать – мы интеллигенты, у нас ничего нет, он же
фельдшер, работник, пусть будут эти, но тихо, мы измучены, явление
ошеломляющее – круглый сын с хитрой и идиотской улыбкой за стекла-
68 ми круглых очков,|| вкрадчивая беседа, за мной ухаживают, масса сестер,
все сволочи (?). Зубной врач, какой-то внук, с которым все разговарива-

ют так же визгливо и истерически, как со стариками, приходят молодые евреи – Ровенцы с плоскими и пожелтевшими от страха лицами и рыбьими глазами рассказывают о польских издевательствах, показывают паспорта, был торжественный декрет о присоединении к Польше и Волыни, вспоминаю польскую культуру, Сенкевича[2], женщин, великодержавие, опоздали родиться, теперь классовое самосознание. – Даю стирать белье. Пью чай беспрерывно и потею зверски, и всматриваюсь в Хастов, внимательно, пристально. Ночь на диване. В первый раз со дня выезда разделся. Закрывают все ставни, горит электричество, духота страшная, там спит масса людей, рассказы о грабежах буденновцев, трепет и ужас, за окном фыркают лошади, по Школьной улице обозы, ночь,||

⟨*чистая страница*⟩ 89

5 верст от Клевани 90

Белев. 11.7.20 Ночевал с солдатами штабного эскадрона, на сене. Спал плохо, думаю о рукописях. Тоска, упадок энергии, знаю, что превозмогу, когда это будет? Думаю о Хастах, гниды, вспоминаю все ⟨–⟩ и эти вонючие души, и бараньи глаза, и высокие скрипучие неожиданные голоса, и улыбающийся отец. Главное – улыбка⟨,⟩ и он вспыльчивый, и много тайн, смердящих воспоминаний о скандалах. Огромная фигура – мать, она зла, труслива, [м] обжорлива, отвратительна, остановившийся, ожидающий взор. Гнусная и подробная ложь дочери, смеющиеся глаза сына из-под очков. –

Слоняюсь по селу. Еду в Клевань, местечко взято вчера 3⟨-й⟩ кавбригадой 6⟨-й⟩ дивизии. Наши разъезды появились на линии – шоссе
Ровно⟨–⟩Луцк,|| в ⟨*оставлено место*⟩ Луцк эвакуируется. – 8–12⟨-го⟩ тя- 91
желые бои[1], убит Дундич, убит Щадилов, команд⟨ир⟩ 36⟨-го⟩ полка, пало много лошадей, завтра будем знать точно. – Приказы Буденного об отобрании у нас Ровно, о неимоверной усталости частей, о том, что яростные атаки наших бригад не дают прежних результатов, беспрерывные бои с 27/V, если не дадут передышки – армия сделается небоеспособной. – Не рано ли издавать такой приказ? Разумно, будят тыл – Клевань. Похороны 6 или 7 красноармейцев. Поехал за тачанкой. Похоронный марш, на обратном пути с кладбища – походный бравурный марш, процессии не видно. Столяр – бородатый еврей – бегает по местечку, он сколачивает гробы. – Главная улица – тоже Schossowa. – Моя первая реквизиция – записная
книга. Со мной|| ходит служка Менаше. Обедаю у Мудрика, старая песня, 92
евреи разграблены, недоумение, ждали Сов⟨етскую⟩ власть как избавителей, вдруг крики, нагайки, жиды. Меня обступил целый круг, я им рассказываю о ноте Вильсону[2], об армиях труда, еврейчики слушают, [но]

хитрые и сочувственные улыбки, еврей в белых штанах лечился в сосновом лесу, хочет домой. Евреи сидят на завалинках, девицы и старики, мертво, знойно, пыльно, крестьянин (Парфентий Мельников, тот самый, что служил на военной службе в Елисаветполе) жалуется, что лошадь распухла от молока, забрали от жеребенка, тоска, рукописи, рукописи, вот что туманит душу. – Полковник Горов выбран населением, – войт[3]– 60 лет, дореформенная благородная крыса. Говорим об армии, о Бруси-
93 лове, если Брусилов пошел,|| чего же нам думать[4]. Седые усы, шамкает, бывший человек, курит самодельный табак, живет в управлении, старика жалко. – Писарь в Волостном управлении, красивый хохол, идеал⟨ьный⟩ порядок, переучивался по-польски, показывает мне книги, статистику в волости – 18600 ч⟨еловек⟩, из них 800 чел⟨овек⟩ поляков, хотели присоединить к Польше, торжественный акт о присоединении к польскому государству. – Писарь тоже дореформенный в бархатных штанах, с хохлацкой мовой, тронутый новым временем, усики. – Клевань, его дороги, улицы, крестьяне и коммунизм далеко друг от друга. – Хмелеводство, много рассадников, четырехугольные зеленые стены, сложная культура. – У полковника – голубые глаза, у писаря – шелковистые усы. –

Ночь, работа штаба в Белеве. Что такое Жолнеркевич? Поляк?[5] Его
94 чувства?|| Трогательная дружба двух братьев. Константин и Михайло. – Ж. – старый служака, точный, работоспособный без надрыва, энергичный без шума, польские усы, польские тонкие ноги. Штаб – это Ж.⟨,⟩ еще 3 писаря, заматывающихся к ночи. – Колоссальное дело, расположение бригад, нет припасов, самое главное – операционные направления, делается незаметно. Ординарцы спят на земле у штаба. Горят тонкие свечки, наштадив в шапке отирает лоб и диктует, диктует беспрерывно – оперсводки, приказания, Артдивизиону, Плетарму[6], держим направление на Луцк. – Ночь, сплю на сене рядом с Лепиным, латышом[7], бродят оторвавшиеся кони, выхватывают сено из-под головы.||

95 Белев. 12.7.20 Утром – начал журнал воен⟨ных⟩ дейст⟨вий⟩. Разбираю оперсводки. Журнал – будет интересная штука[1]. – После обеда еду верхом на лошади ординарца Соколова[2] (больного возвратным тифом[3], он лежит рядом на земле в кожаной куртке, худой и породистый, с плетью в исхудавшей руке, ушел из госпиталя, не кормили и было скучно, лежал больной в эту страшную ночь оставления Ровно, весь был залит водой[4], длинный, шатается, любопытно разговаривает с хозяевами, но и повелительно, точно все мужики его враги). Шпаков[5], чешская колония. Богатый край, много овса и пшеницы, еду через деревни – Пересопница, Милостово, Плоски, Шпаково. Есть льнянка, из нее подсолнечное масло, и много гречихи. – Богатые деревни, жаркий полдень, пыльные дороги,

прозрачное небо без облака, лошадь ленивая, хлещу – бежит. Первая моя
поездка верхом. В Милостове – беру подводу, Шпаково – еду за тачан-
кой и лошадьми с предписанием от штаба дивизии. –|| Мягкосердечие. 96
С восхищением вглядываюсь в нерусскую, чистую, крепкую жизнь че-
хов. Хороший староста, по всем направлениям скачут всадники, каждый
раз новые требования, сорок подвод сена, 10 свиней, агенты Опродко-
ма[6] – хлеба, квитанция у старосты – овес получили – спасибо. Разведком
34 к⟨ав⟩полка.

Крепкие избы сияют на солнце, черепица, железо, камень, яблони, ка-
менное здание школы, полугородского типа женщины, яркие передники.
Идем к мельнику Юрипову, самый богатый и интеллигентный, высокий,
красивый типичный чех с з⟨ападно⟩евр⟨опейскими⟩ усами. Прекрасный
двор, голубятня, это умиляет меня, новые мельничные машины, былое
благосостояние, белые стены, обширный двор, одноэтажный просторный
светлый дом и комната – хорошая, вероятно, семья у этого чеха, отец –
жилистый бедняк – все добыл, крепкий сын с золотыми зубами, стройный
и широкоплечий. Хорошая, наверное, молодая жена и дети. – Усовершен-
ствованная, конечно,|| мельница. – Чех набит квитанциями. Забрали четы- 97
рех лошадей и дали записки в Ровенский уездн⟨ый⟩ комиссариат, забрали
фаэтон, дали взамен разломанную тачанку, квитанции три на муку и овес.
[У] Приходит бригада, красные знамена, мощное спаянное тело, уверен-
ные командиры, опытные, спокойные глаза чубатых бойцов, пыль, тиши-
на, порядок, оркестр, рассасываются по квартирам, комбриг кричит мне –
ничего не брать отсюда, здесь наш район. Чех беспокойными глазами
следит за мотающимся в отдалении молодым ловким комбригом, вежливо
разговаривает со мной, отдает сломанную тачанку, но она рассып⟨а⟩ется.
Я не проявляю энергии. Идем во второй, в третий дом. Староста ука-
зывает, где можно взять. У старика, действительно, фаэтон, сын жуж-
жит над ухом, сломано, передок плохой, думаю – есть у тебя невеста или
едете по воскресеньям в церковь, жарко, лень, жалко,|| всадники рыщут, 98
т⟨а⟩к выглядит сначала свобода. Ничего не взял, хотя и мог, плохой
из меня буденновец.

Обратно, вечер, во ржи поймали поляка, к⟨а⟩к на зверя охотятся, ши-
рокие поля, алое солнце, золотой туман, колышутся хлеба, в деревне
гонят скот, розовые пыльные дороги, необычайной нежной формы, из
краев жемчужных облаков – пламенные языки, оранжевое пламя, телеги
поднимают пыль. – Работаю в штабе (лошадь скакала здорово), иду спать
рядом с Лепиным. Он латыш, морда туповатая, [она] поросячья[7], очки,
кажется, добр. Генштабист. – Острит тупо и неожиданно. Бабка, когда ты
умрешь, и вцепился. – В штабе нет керосина. Он говорит – мы стремимся
к свету, у нас нет [керосину] освещения, буду играть с дерев⟨енскими⟩

девушками, протянул руку, не пускает, морда напряженная, свинячья губа вздрагивает, очки шевелятся.||

99 Белев. 13.7.20

Я именинник. 26 лет[1]. Думаю о доме, о своей работе, летит моя жизнь. Нет рукописей. Тупая тоска, буду превозмогать. Веду свой журнал, будет интересная вещь. – Писаря красивые молодые, штабные русские молодые [крис] люди поют арии из опереток, развращены немного штабной работой. Описать ординарцев – наштадива и прочих – Черкашин, Тарасов, – барахольщики, лизоблюды, льстецы, обжоры, лентяи, наследие старого, знают господина. – Работа шт⟨аба⟩ в Белеве. Хорошо налаженная машина, прекрасный нач⟨альник⟩ штаба, машинная работа и живой человек. Открытие – поляк, [что он] убрали его, по требованию Начдива вернули, любим всеми, хорошо живет с начдивом, что он чувствует. И не коммунист, и поляк, и служит верно, как цепная собака, разбери. – Об операциях. – Где стоят наши части. – Операция на Луцк. – Со-
100 став дивизии, комбриги. – К⟨а⟩к протекает работа шта-||ба – директива, потом приказ, по⟨том⟩ о⟨пер⟩св⟨одка⟩, пот⟨ом⟩ разведсв⟨одка⟩, тащим политотдел, ревтрибунал, конск⟨ий⟩ запас. –

Еду в Ясиневичи обменять экипаж на тачанку и лошадей. Пыль невероятная, жара. Едем через Пересопницу, отрада в полях, 27-й год, думаю, готова рожь, ячмень, местами очень хорош овес, мак отцветает, вишень нет, яблоки неспелые, много льнянки, гречихи, много вытоптанных полей, хмель. – Богатая, но в меру, земля. – Начальник конского запаса Дьяков – феерическая картина, кр⟨асные⟩ штаны с серебр⟨яными⟩ лампасами, пояс с насечкой, ставрополец, фигура Аполлона, короткие седые усы, 45 лет, есть сын и племянник, ругань фантастична, привозят из отд⟨ела⟩ снабж⟨ения⟩, разломал стол, но достал. Дьяков, его любит команда, командир у нас геройский, был атлетом, полуграмотен, теперь
101 «я инспектор кавалерии», генерал, Дьяков – коммунист, смелый|| старый буденновец. Встретился с миллионером, дама под ручкой, что господин Дьяков, не встречался ли я с вами в клубе? Был в 8 государствах, выйду на сцену, моргну. – Танцор, гармонист, хитрец, враль, живописнейшая фигура. С трудом читает бумажки, кажд⟨ый⟩ раз теряет их, одолела, говорит, канцелярщина, откажусь, что без меня делать будут, ругань, разговор с мужиками, те разинули рты. – Тачанка и пара тощих лошадей, о лошадях. – К Дьякову с требованиями, уф, заморился, раздавать белье, все в затылок, отношения отеческие, «ты будешь (больному) старшим гуртовщиком⟨»⟩. Домой. Ночь. Штабная работа. – [О] Живем в доме матери старосты. Веселая хозяйка⟨,⟩ говорит скороговоркой, подол подоткнут, работает к⟨а⟩к муравей на своих, да еще на 7 человек. Черкашин

(ординарец Лепина), наглый и надоедливый, не дает покоя, все мы тре-
буем, какие-то дети шляются,|| сено забираем, в хате, полной мух, детей, 102
стариков, невеста, толкутся солдаты и горланят. Старуха больна. Старики
приходят в гости и горестно молчат, лампочка. – Ночь, штаб, выспрен-
ний телефонист, К⟨онстантин⟩ Карлыч пишет донесения, ординарцы, де-
журные писаря спят, на деревне ни зги, сонный писарь стучит приказ,
К⟨онстантин⟩ Карл⟨ович⟩ точный, как часы, молчаливо приходят орди-
нарцы. – Операция на Луцк. Ведет 2-я бригада, пока не взяли[2]. Где наши
передовые части. –

<u>Белев. 14.7.20</u>

С нами живет Соколов. Лежит на сене, длинный, русский, в кожаных
сапогах. Румяный орловец, безобидный парень Миша. Лепин, когда ни-
кто не видит, заигрывает с наймичкой, тупое, напряженное лицо, наша
хозяйка говорит скороговоркой, присказки, работает без устали, старуха
свекровь – высохшая ста-||рушонка⟨,⟩ любит ее, Черкашин, ординарец Ле- 103
пина, понукает, сыпет не замолкая. – Лепин заснул в штабе, совершенно
идиотское лицо, никак не может проснуться. На деревне стон, меняют
лошадей, дают одров, травят хлеба, забирают скот, жалобы начальнику
штаба. Черкашина арестовывают, избил плетью мужика. Лепин 3 часа
пишет письмо в Трибунал, Черкашин⟨,⟩ мол⟨,⟩ находился под влиянием
возмутительно провокационных выходок красного офицера Соколова. Не
советую – 7 солдат в одной хате. – Злой и тощий Соколов говорит мне –
мы всё уничтожаем, ненавижу войну. – Почему все они – Жолнаркевич,
Соколов здесь на войне? Все это бессознательно, инертно, недуманье.
Хороша система. –

Франк Мошер. Сбитый лет-||чик американец[1], босой, но элегантен, 104
шея, к⟨а⟩к колонна, ослепителен, белые зубы, костюм в масле и грязи.
С тревогой спрашивает меня, неужели я совершил преступление, воюя
с Сов⟨етской⟩ Россией. Сильно наше дело. Ах, как запахло Европой,
кафе, цивилизацией, силой, старой культурой, много мыслей, смотрю,
не отпускаю. Письмо майора Фонт-Ле-Ро – в Польше плохо, нет кон-
ституции, большевики сильны, социалисты в центре внимания, но не
у власти. Надо учиться новым способам войны. Что говорят з⟨ападно⟩-
евр⟨опейским⟩ солдатам? Русский империализм, хотят уничтожить нацио-
нальности, обычаи – вот главное, захватить все славянские земли, какие
старые слова. Нескончаемый разговор с Мошером, погружаюсь в старое,
растрясут тебя, Мошер, эх, Конан Дойль,|| письма в Нью-Йорк. Лукавит 105
Мошер или нет – судорожно добивается, что такое большевизм. Грустное
и сладостное впечатление. – Свыкаюсь со штабом, у меня повозочный

39-летн⟨ий⟩ Гришчук, 6 лет в плену в Германии, 50 верст от дому (он из Кременецкого у⟨езда⟩) не пускают, молчит.

Начдив Тимошенко[2] в штабе. Колоритная фигура. Колосс, красные полукожаные штаны, красная фуражка, строен, из взводных, был пулеметчиком, арт⟨иллерийский⟩ прапорщик в прошлом. Легендарные рассказы. [1 бриг] Комиссар 1⟨-й⟩ бриг⟨ады⟩ испугался огня, ребята на коней; начал бить плетью всех начальников, Книгу, полковых, стреляет в комиссара, на коней, суки, гонится, 5 выстрелов, товарищи, помогите, я тебе дам, помогите, прострелил руку, глаз, осечку револьвер, а я [р] комиссара отчитал, электризует казаков, буденновец, с ним ехать на позиции, или поляки убьют или он убьет. – 2 бригада атакует Луцк, к вечеру
106 отошла, пр⟨отив⟩н⟨ик⟩ контр-||атакует, большие силы, хочет пробиться на Дубно. Дубно занято нами[3]. – Сводка – взят Минск, Бобруйск, Молодечно, Проскуров, Свенцяны, Сарны, Старо-Константинов, подходят к Галиции, где будет к⟨авалерийский⟩ маневр – на Стыри или [на] Буге. Ковель эвакуируется, большие силы во Львове, показание Мошера. Будет удар. – Благодарность начдива за бои перед Ровно. Привести приказ. – Деревня, глухо, огонь в штабе, арестованные евреи – Буденновцы несут коммунизм, бабка плачет. Эх, тускло живут россияне. Где украинская веселость. Начинается жатва. Поспевает мак, где бы взять зерно для лошадей и вареники с вишнями. – Какие дивизии левее – Мошер босой, полдень, тупой Лепин. –||

107 Белев. 15.7.20

Допрос перебежчиков. Показывают наши листовки. Велика их сила, листовки помогают козакам. – Любопытный у нас комиссар – Бахтуров[1], боевой, толстый, ругатель, всегда на позициях. – Описать должность военного кор⟨респондента⟩, что такое военный корреспондент. – Надо брать оперативные сводки у Лепина, это – мука. Штаб помещается в доме крещен⟨ого⟩ еврея. – Ординарцы стоят ночью у здания штаба. – Начинают косить. Я учусь распознавать растения. Завтра именины сестры[2]. – Описание Волыни. Гнусно живут мужики, грязно, едим, лирический Матящ, бабник, даже когда со старухой говорит, и то протяжнее. – Лепин ухаживает за наймичкой.

Наши части в 1½ верстах от Луцка[3]. Арм⟨ия⟩ готовится к к⟨авалерийскому⟩ наступлению – сосредоточивает силы во Львове, подвозит к Луцку. – Взяли воззвание Пильсудского – Воины Речи Посполитой. Трогательное воззвание. Могилы наши белеют костьми пяти поколе-
108 ний борцов, наши идеалы, наша Польша, наш светлый дом,|| ваша родина смотрит на вас, трепещет, наша молодая свобода, еще одно усилие, мы помним о вас, все для вас, солдаты Речи Посполитой. – Трогательно,

грустно, нету железных большевистских доводов – нет посулов, и слова – порядок, идеалы, свободная жизнь. Наша берет!

Новоселки. 16.7.20

Получен приказ армии – захватить переправы на р. Стыри на участке Рожище⟨–⟩Яловичи[1]. – Штаб переходит в Новоселки, 25 верст. Еду с начдивом, штабной эскадрон, скачут кони, леса, дубы, тропинки, красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон – одно тело. – Квартира, молодые хозяева и богатые довольно, есть свиньи, корова, одно слово – немае. –

Рассказ Жолнаркевича о хитром фельдшере. Две женщины, надо справиться. [От к] Дал одной касторки, когда ее схватило – направился к другой. –|| Страшный случай, солдатская любовь, двое здоровых ко- 109
заков сторговались с одной – выдержишь, выдержу, один три раза, другой полез – она завертелась по комнате и загадила весь пол, ее выгнали, денег не заплатили, слишком была старательная[2]. – О буденновских начальниках – кондотьеры[3] или будущие узурпаторы? Вышли из среды козаков, вот главное – описать происхождение этих отрядов, все эти Тимошенки, Буденные сами набирали отряды, главным образом – соседи из станицы, теперь отряды получили организацию от Соввласти. – Приказ по [Армии] дивизии выполняется, сильная колонна двигается из Луцка на Дубно, эвакуация Луцка, очевидно, отменяется, туда прибывают войска и техника[4]. – У молодых хозяев – она высокая, со следами деревенской красоты, копается среди 5 детей, валяющихся на лавке. Любопытно – каждый ребенок ухаживает за другим, мама, дай ему цицки. Мать – стройная и красная, лежит строго среди этих копошащихся детей. Муж добр. Соколов: этих щенят надо перестрелять, зачем плодить. Муж: из маленьких будут большие. – Описать наших солдат – Черкашина (сегодня явился маленько ущемленный из Трибунала) – наглого, длинного, испорченного, какой он житель коммунистической России, Матяш, хохол, беспредельно ленивый, охочий до баб, всегда в какой-то истоме, с расшнурованными сапогами, ленивые движения, ординарец Соколова – Миша, был в Италии, красивый, неряшливый.|| Описать – поездка с начди- 110
вом, небольшой эскадрон, свита начдива, Бахтуров, старые Буденновцы, при выступлении – марш. –

Наштадив сидит на лавке – крестьянин захлебывается от негодования, показывает полумертвого одра, которого ему дали взамен хорошей лошади. Приезжает Дьяков, разговор короток, за такую-то лошадь можешь получить 15 тысяч, за такую – 20 тысяч. Ежели поднимется, значит⟨,⟩ это лошадь. – Берут свиней, кур, деревня стонет. Описать наше снабжение. – Сплю в хате. Ужас их жизни. Мухи. Исследование о мухах,

мириады. Пятеро маленьких, кричащих, несчастных. – Продовольствие от нас скрывают.

Новоселки. 17.7.20 – Начинаю военный журнал с 16/VII. [По] Еду в Полжу – Политотдел, там едят огурцы, солнце, спят босые за стогами сена. Яковлев[1] обещает содействие. День проходит в работе. У Лепина вспухла губа. У него покатые плечи. Тяжело с ним. Новая страница – изучаю оперативную науку. – Возле одной из хат – зарезанная теля. Голубоватые соски [Буду] на земле, кожа только. Неописуемая жалость – убитая молодая мать. –||

111 Новоселки–Мал. Дорогостай. 18.7.20

Польская армия сосредоточивается в районе Дубно–Кременец для решит⟨ельного⟩ наступления. Мы парализуем маневр, предупредим[1]. Армия переходит в наступл⟨ение⟩ на южном участке, наша дивизия в арм⟨ейском⟩ резерве. Наша задача – захватывать переправы через Стырь в районе Луцка[2]. – Выступаем утром в М. Дорогостай (сев⟨ернее⟩ Млынова), обоз оставляем, больных и административный штаб тоже, очевидно, предстоит операция. – Получен приказ из югзапфронта, когда будем идти в Галицию – в 1⟨-й⟩ раз Сов⟨етские⟩ войска переступают рубеж, – обращаться с населением хорошо. Мы идем не в завоеванную страну, [а как] страна принадлежит галицийским рабочим и крестьянам, и только им, мы идем им помогать установить Сов⟨етскую⟩ власть. Приказ важный и разумный, выполнят ли его барахольщики? Нет. –

Выступаем. Трубачи. Сверкает фуражка начдива. Разговор с начдивом о том, что мне нужна лошадь. Едем⟨,⟩ леса, пашни жнут, но мало, убого, кое-где по две бабы и 2 старика. Волынские столетние леса – величественные зеленые дубы и грабы, понятно, почему дуб – царит. – Едем тропинками с двумя штабными эскадронами, они всегда с начдивом, это отборные войска. Описать – убранство их коней, сабли в красном барха-
112 те, кривые сабли, жилетки, ковры|| на седлах. Одеты убого, хотя у каждого по 10 френчей, такой шик, вероятно. – Пашни, дороги, солнце, созревает пшеница, топчем поля, урожай слабый, хлеба низкорослые, здесь много чешских, [и] немецких и польских колоний. Другие люди, благосостояние, чистота, великолепные сады, объедаем несозревшие яблоки и груши, все хотят на постой к иностранцам, ловлю и себя на этом желании, иностранцы запуганы. – Еврейское кладбище за Малиным, сотни лет, камни повалились, почти все одной формы, [закр] овальные сверху, кладбище заросло травой, оно видело Хмельницкого, теперь Буденного, несчастное евр⟨ейское⟩ население, все повторяется, теперь эта история – поляки – казаки – евреи – с поразительной точностью повторяется, новое – коммунизм.

Все чаще и чаще встречаются окопы старой войны, везде проволока,
ее хватит для заборов еще лет на 10, разоренные деревни, везде строятся,
но слабо, нет ничего, никаких материалов. ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ На привалах с ко-
заками, сено лошадям, у всех длинная история – Деникин, свои хутора,
свои предводители, Буденные и Книги, походы по 200 чел⟨овек⟩, разбой-
ничьи налеты, богатая казацкая|| вольница, сколько офицерских голов по- 113
рублено. Газету читают, но к⟨а⟩к слабо западают имена, как легко все по-
вернуть. – Великолепное товарищество, спаянность, любовь к лошадям,
лошадь занимает ¼ дня, бесконечные мены и разговоры. Роль и жизнь
лошади. – Совершенно своеобразное отношение к начальству – просто,
на ты. – М. Дорогостай разрушен было совершенно, строится. – Въез-
жаем в сад к батюшке. Берем сено, едим фрукты, тенистый, солнечный
прекрасный сад, белая церковка, были коровы, лошади, попик в косич-
ке растерянно ходит и собирает квитанции. Бахтуров лежит на животе,
ест простоквашу с вишнями, дам тебе квитанции, право⟨,⟩ дам. – У попа
объели на целый год. Погибает, говорят, он просится на службу, есть
у вас полковые священники? – Вечером на квартире. Опять немае – все
врут, пишу журнал, дают картошку с маслом. Ночь в деревне, огромный
багровый пламенный круг перед глазами, из разоренного села сбегают
желтые пашни. Ночь. Огоньки в штабе. Всегда огоньки в штабе. Ко⟨н⟩-
ст⟨антин⟩ Карлович диктует приказание наизусть, никогда ничего не за-
бывает, понурив головы, сидят телефонисты. К.К. служил в Варшаве[3]. –||

<u>М. Дорогостай–Смордва–Береж⟨цы⟩.</u> 19.7.20 114

Ночь спал плохо. Рези в желудке. Вчера ели зеленые груши. Чувствую себя скверно. Выезжаем на рассвете. –

Пр⟨о⟩т⟨ивник⟩ атакует на уч⟨астке⟩ Млынов–Дубно. Мы ворвались в Радзивилов. – Сегодня на рассвете решительное наступление всех дивизий – от Луцка до Кременца. [весь] 5-я, 6⟨-я⟩ див⟨изии⟩ – сосредоточены в Смордве, [и] достигнуто Козино. – Берем, значит, на юг[1]. –

Выступаем из М. Дорогостай. Начдив здоровается с эскадронами, ло-
шадь трепещет. Музыка. Вытягиваемся по дороге. Невыносимая. Идем че-
рез Млынов–Береж⟨цы⟩, в Млынов нельзя заехать, а это еврейское местеч-
ко. Подъезжаем к Береж⟨цам⟩, канонада, канцелярия поворачивает назад,
пахнет мазутом, по откосам ползут отряды кавалерии. Смордва, дом свя-
щенника, заплаканные [барь] провинциальные барышни в белых чулках,
давно таких не видел, раненая попадья, хромая, жилистый поп, крепкий
дом, штадив и начдив 14, ждем прибытия бригад, наш штаб на возвышен-
ности, поистине большевистский штаб – начдив, Бахтуров, военкомы. Нас
обстреливают, начдив|| молодец – умен, напорист, франтоват, уверен в себе, 115
сообразил обходное движение на Бокунин, наступление задерживается,

распоряжения бригадам. Прискакали Колесов[2] и Книга (знаменитый Книга, чем он знаменит). Великолепная лошадь Колесова, у Книги лицо хлебн⟨ого⟩ приказчика, деловитый хохол. Приказания быстры, все советуются, обстрел увеличивается, снаряды падают в 100 шагах. – Начдив 14 пожиже[3], глуп, разговорчив, интеллигент, [или ⟨*1 сл. нрзб.*⟩] работает под буденновца, ругается беспрерывно, я дерусь всю ночь, не прочь прихвастнуть. [При] Длинными лентами извиваются на противоположном берегу бригады, обстрел обозов, столбы пыли. Буденновские полки с обозами, с коврами по седлам. – Мне все хуже. У меня 39 и 8. Приезжают Буденный и Ворошилов[4]. Совещание. Пролетает начдив. Бой начинается. Лежу в саду у батюшки. Грищук апатичен совершенно. Что такое Грищук, покорность, тишина бесконечная, вялость беспредельная. 50 верст от дому, 6 л⟨ет⟩ не был дома, не убегает. – Знает, что такое начальство, немцы научили. – Начинают прибывать раненые, перевязки, голые животы, долготерпение, нестерпимый
116 зной, обст-||рел с обеих сторон беспрерывный, нельзя забыться. Буденный и Ворошилов на крылечке. Картина боя, возвращаются [из] кавалеристы, запыленные, потные, красные, никаких следов волнения, рубал ⟨?⟩, профессионалы, все протекает в величайшем спокойствии – вот особенность, уверенность в себе, трудная работа, мчатся сестры на лошадях, броневик Жгучий. Против нас – особняк гр⟨афа⟩ Ледоховского, белое здание над озером, невысокое, некричащее, полное благородства, вспоминаю детство, романы, – много еще вспоминаю. У фельдшера – жалкий красивый молодой еврей – м⟨ожет⟩ б⟨ыть,⟩ [пол] получал жалованье у графа, сер от тоски, извините, к⟨а⟩к положение на фронте, поляки издевались и мучили, он думает, что теперь настанет жизнь, между прочим⟨,⟩ казаки не всегда хорошо поступают. – Отзвуки боя – скачущие всадники, донесения, раненые, убитые. – Сплю у церковной [бригады] ограды. Какой-то комбриг спит, положив голову на живот какой-то барышни. – Вспотел, полегчало. Еду в Береж⟨цы⟩, там [Шт] канцелярия, разоренный дом, пью вишневый чай,||
117 ложусь в хозяйкину постель, потею, порошок аспирину. Хорошо бы поспать. Вспоминаю – у меня жар, зной, томит, в батюшкином саду, у церковной ограды солдаты с воем, а другие с хладнокровием припускают жеребцов. –

Береж⟨цы⟩, Сенкевич, пью вишневый чай, лег на пружинный матрац, ребенок какой-то задыхается рядом. Забылся часа на два. Будят. Я пропотел. Едем ночью обратно в [Береж] Смордву, оттуда дальше, опушка леса. Поездка ночью, луна, где-то впереди эскадрон. – Избушка в лесу. Мужики и бабы спят вдоль стен. Конст⟨антин⟩ Карл⟨ович⟩ диктует. [Здесь] Картина редкая – вокруг спит эскадрон, все во тьме, ничего не видно, из лесу тянет холодом, натыкаюсь на лошадей, в штабе – едят, больной ложусь у тачанки на землю, сплю 3 часа, укрытый шалью и шинелью Барсукова, хорошо. –

20.7.20. Высоты у Смордвы. Пелча

Выступаем в 5 ч⟨асов⟩ утра. Дождь, сыро, идем лесами. Опера-
ция идет успешно,|| наш начдив верно указал путь обхода, продол- 118
жаем загибать. Промокли, лесные дорожки. Обход через Бокуйку на
Пелча[1]. Сведения, в 10 ч⟨асов⟩ взята Добрыводка, в 12 ч⟨асов⟩ после
ничтожного сопротивления Козин. Мы преследуем противника, идем
на Пелча. Леса, лесные дорожки, эскадроны вьются впереди. – Здо-
ровье мое лучше, неисповедимыми путями. – Изучаю фауну[2] Волын-
ской губернии, много вырублено, [мал] вырубленные опушки, остат-
ки войны, проволока, белые окопы. Величественные зеленые дубы,
грабы, много сосны, верба – величественное и кроткое дерево, дождь
в лесу, размытые дороги в лесу, ясень. – По лесным тропинкам в Пел-
ча. Приезжаем к 10 ч⟨асам⟩. Опять село, хозяйка длинная, скучно – не-
мае, [мне] очень чисто, сын был в солдатах, дает нам яиц, молока нет,
в хате невыносимо душно, идет дождь, размывает все дороги, чер-
ная глюкающая|| грязь, к штабу не подойти. Целый день сижу в хате, 119
[здесь] тепло, там дождь за окном. К⟨а⟩к скучна и пресна для меня эта
жизнь – цыплята, спрятанная корова, грязь, тупость. Над землей невы-
разимая тоска, все мокро, черно, осень, а у нас в Одессе. –

В Пелче захватили обоз 49 польск⟨ого⟩ пех⟨отного⟩ полка. Дележ
под окном, совершенно идиотская ругань, притом подряд, другие слова
скучны, их не хочется произносить, о ругани, Спаса мать, Гада мать, кре-
стьянки ежатся, Бога мать, дети спрашивают, – солдаты ругаются. Бога
мать. Застрелю, [мне] бей, – мне достается бумажный мешок и сумка
к седлу. Описать эту мутную жизнь. Хлопец не идет работать на поле.
Сплю на хозяйской кровати. – Узнали о том, что Англия предложила мир
Сов. России с Польшей, неужели скоро кончим?[3] –||

21.7.20. Пелча–Боратин 120

Нами взят Дубно. Сопротивление⟨,⟩ несмотря на то что мы гово-
рим⟨,⟩ – ничтожное[1]. В чем дело? Пленные говорят – и видно – рево-
люция маленьких людей. Много об этом можно сказать, [почему] кра-
сота фронтона Польши, есть трогательность, моя графиня. Рок, гонор,
евреи, граф Ледоховский. Пролетарская революция. К⟨а⟩к я вдыхаю
запах Европы – идущий оттуда. –

Выезжаем в Боратин – через Добрыводка, леса, поля, тихие очер-
тания, дубы, опять музыка и начдив, и сбоку – война. Привал в Жабо-
криках, ем белый хлеб. Грищук кажется мне иногда ужасным – забит?
Немцы, эта жующая челюсть. – Описать Грищука. – В Боратине – креп-
кое, солнечное село. Хмиль, смеющийся дочке, молчаливый, но богатый
крестьянин, яичница на масле,|| молоко, белый хлеб, чревоугодие, солнце, 121

чистота, отхожу от болезни, для меня все крестьяне на одно лицо, молодая мать. Грищук сияет, ему дали яичницу с салом, прекрасная, тенистая клуня, клевер. Отчего Грищук не убегает. –

Прекрасный день. Мое интервью с Конст⟨антином⟩ Карл⟨овичем⟩. Что
такое наш козак? Пласты: барахольство, удальство, профессионализм, ре-
волюционность, звериная жестокость. Мы авангард, но чего? Население
ждет избавителей, евреи свободы – приезжают кубанцы. – Командарм
вызывает начдива на совещание в Козин[2]. 7 верст. Еду. Пески. Каждый
дом остался в сердце. Кучки евреев. Лица, вот гетто, и мы старый народ,
122 измученные, [но] есть еще силы, лавка, пью кофе велико-||лепный, лью
бальзам на душу лавочника, прислушивающегося к шуму в лавке. Козаки
кричат, ругаются, лезут на полки, несчастная лавка, потный рыжеборо-
дый еврей… Брожу без конца, не могу оторваться, местечко было разру-
шено, строится, сущ⟨ествует⟩ 400 лет, остатки синагоги, великолепн⟨ый⟩
разруш⟨енный⟩ стар⟨ый⟩ храм⟨,⟩ бывш⟨ий⟩ костел, теперь церковь, очаро-
вательной белизны в три створки, видный издалека, теперь церковь. [Ла-
вочн] Старый еврей – я люблю говорить с нашими – они меня понимают.
Кладбище, разрушенный домик рабби Азриила, три поколения, памят-
ник под выросшим над ним деревом, эти старые камни, все одинаковой
123 формы, одного содержания, этот замучен-||ный еврей – мой проводник,
какая-то семья тупых толстоногих евреев, живущих в деревянном сарае
при кладбище, три гроба евреев солдат, убитых в русско-герм⟨анскую⟩
войну. Абрамовичи из Одессы, хоронить приезжала мать⟨,⟩ и я вижу эту
еврейку, хоронящую сына, [за] погибшего за противное⟨,⟩ ей непонятное,
преступное дело. – Новое и старое кладбище – местечку 400 лет. – Вечер,
хожу между строениями, евреи и еврейки читают афиши и прокламации.
Польша – [жалкая] собака буржуазии и проч⟨ее⟩. Смерть от насекомых⟨,⟩
и не уносите печей из теплушек. – Евреи – портреты, длинные, молчали-
вые, длиннобородые, не наши толстые и jovial*. Высокие старики, ша-
тающиеся без дела. [Ти] Главное – лавка и кладбище. – 7 верст обратно
в Боратин, прекрасный вечер, душа полна, gonflée**⟨,⟩ богатые хозяева,
лукавые девушки, яичница, сало, наши гоняют мух, русско-украинская
душа. Мне, верно, не интересно.||

124 <u>22.7.20. Боратин</u>

До обеда – доклад в Полештарм. Хорошая солнечная погода, богатое, крепкое село, иду на мельницу, что такое водяная мельница, еврей служка, потом купаюсь в холодной мелкой речке под нежарким солнцем

---

* веселый, жизнерадостный (*фр.*).

** наполненная (*фр.*).

Волыни. Две девочки играют в воде, странное, с трудом преодолимое, желание сквернословить, скользкие и грубые слова.

Соколову худо. Даю ему лошадей для отправки в госпиталь. Штаб вы-
езжает в Лешнев[1] (Галиция, в 1⟨-й⟩ раз переходим границу). Я жду лоша-
дей. Хорошо в деревне, светло, сыто. – Выезжаю через два часа на Хотин.
Дорога леском, тревога. Грищук туп и страшен. Я на тяжелой лошади Со-
колова. Я один на дороге. Светло, прозрачно, не жарко, легкая теплота.
Фур-||манка[2] впереди, пять человек, похожих на поляков. Игра, едем, оста- 125
навливаемся, откуда? Взаимный страх и тревога. У Хотина видны наши,
въезжаем, стрельба[3]. Дикая скачка назад, тащу коня на поводу. Пули жуж-
жат, воют. Арт⟨иллерийский⟩ огонь. Грищук то несется с мрачной и мол-
чаливой энергией, то в опасные минуты – непонятен, вял, черен, заросшая
челюсть. В Боратине уже никого нет. Обоз за Боратиным, начинается каша.
Обозная эпопея, отвращение и мерзость. Командует Гусев. Стоим полно-
чи у Козина, стрельба. Высылаем разведку, никто ничего не знают ⟨sic!⟩,
разъезжают верховые, имеющие деловой ⟨вид⟩, высокий немчик – райко-
менданта, ночь, хочется спать, чувство беспомощности – не знаешь, куда
тебя везут, думаю, что это 20–30 человек из загнанных нами в леса, набег.
Но откуда артиллерия.|| Засыпаю на полчаса, говорят⟨,⟩ была перестрел- 126
ка, наши выслали цепь. Двигаемся дальше. Лошади измучены, ужасная
ночь, двигаемся колоссальным обозом в непроглядной тьме, неизвестно⟨,⟩
через какие деревни, пожарище где-то сбоку, пересекают дорогу другие
обозы – потрясен фронт или обозная паника? – Ночь тянется бесконечно,
попадаем в яму. Грищук странно правит, нас бьют сзади дышлом, крики
где-то вдали, останавливаемся через каждые полверсты и стоим томитель-
но, бесцельно, долго. – У нас рвется вожжа, тачанка не повинуется, отъез-
жаем в поле, ночь, у Грищука припадок звериного, тупого, безнадежного
и бесящего меня отчаяния: о, сгорили б те вожжи, о, – сгори, да сгори.
Он слеп, он признается в этом, Грищук, он|| ничего не видит ночью. Обоз 127
нас оставляет, дороги тяжелы, черная грязь, Грищук, хватаясь за обрывок
вожжи⟨,⟩ – неожиданным своим звенящим тенорком – пропадем, поляк до-
гонит, канонада отовсюду, обозные – мы в кругу. Едем на авось с порван-
ной вожжой. [По] Тачанка визжит, тяжелый мутный рассвет вдали, мокрые
поля. Фиолетовые полосы на небе, с черными провалами. На рассвете –
мест⟨ечко⟩ Верба. Ж⟨елезно⟩д⟨орожное⟩ полотно – мертвое, мелкое, пахнет
Галицией. 4 часа утра. –

23.7.20. В Вербе. Евреи, не спавшие ночь, стоят жалкие, к⟨а⟩к птицы, синие, взлохмаченные, в жилетах и без носков. Мокрый безрадостный рассвет, вся Верба забита обозами, тысячи повозок, все возницы на одно лицо, перевязочные отряды, штаб 45⟨-й⟩ дивизии, слухи тяжелые и⟨,⟩ ве-

128 роятно⟨,⟩ нелепые⟨,⟩ и эти слухи – несмотря на цепь наших|| побед[1]. Две
бригады 11⟨-й⟩ дивизии в плену, поляки захватили Козин[2], несчастный
Козин, что там будет. Стратегическое положение любопытное, [они] 6⟨-я⟩
д⟨ивизия⟩ в Лешневе, поляки в Козине, в Боратине, в тылу[3], исковерканные пироги. Ждем на дороге из Вербы. Стоим два часа, Миша в белой
высокой шапке с красной лентой скачет по полю. Все едят – хлеб с соломой, зеленые яблоки, грязными пальцами, вонючими ртами – грязную,
отвратительную пищу. Едем дальше. Изумительно – остановки через
каждые 5 шагов, нескончаемые линии [окопов] обозов 45⟨-й⟩ и 11⟨-й⟩
див⟨изий⟩, мы то теряем наш обоз, то находим его. Поля, потоптанное
жито, [не] объеденные, еще не совсем объеденные деревни, местность
холмистая, когда приедем. Дорога на Дубно. [Остановил] Леса, велико-
129 ко-||лепные старинные тенистые леса. Жара, в лесах тень. Много вырублено для военных надобностей, будь они прокляты, голые опушки
с торчащими пнями. Древние Волынские Дубенские леса, узнать, где-то достают мед, пахучий, черный. – Описать леса. – Кривиха, разоренные чехи, сдобная баба. Следует ужас, она варит на 100 челов⟨ек⟩, мухи,
распаренная и растрясенная комиссарская Шурка, свежина с картошкой,
берут все сено, носят овес, картошка пудами, девочка сбивается с ног,
остатки благоустроенного хозяйства. Жалкий длинный улыбающийся чех, полная⟨,⟩ хорошая, иностранная женщина, жена. – Вакханалия.
Сдобная Гусевская Шурка со свитой, красноармейцы – дрянь, обозники,
все это топчется на кухне, сыплет картошку, ветчину, пекут коржи. Тем-
130 пература|| невыносимая, задыхаешься, тучи мух. Замученные чехи. Крики, грубость, жадность. Все же великолепный у меня обед – жарен⟨ая⟩
свинина с картошкой и великолепное ⟨sic!⟩ кофе. После обеда сплю под
деревьями – тихий [от со] тенистый откос, качели летают перед глазами.
Перед глазами – тихие зеленые [хол] и желтые холмы, облитые солнцем,
и леса, Дубенские леса. Сплю часа три. Потом в Дубно. Еду с Прищепой,
новое знакомство, кафтан, белый башлык, безграмотный коммунист, он
ведет меня к Жене. Муж – а гробер менч* – ездит на лошаденке по деревням и скупает у [муж] крестьян продукты. Жена – сдобная, томная,
хитрая, чувственная молодая еврейка, 5 месяц⟨ев⟩ замужем, не любит
131 мужа, впрочем, чепуха, заигры-||вает с Прищепой. Центр внимания на
меня – er ist ein** ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ – вглядывается, спрашивает фамилию, не отрывает глаз, пьем чай, у меня идиотское положение, я тих, вял, вежлив и за
каждое движение благодарю. Перед глазами – жизнь евр⟨ейской⟩ семьи,
приходит мать, какие-то барышни, Прищепа – ухажер. Дубно переходило

---

* неотесанный человек, грубиян (*идиш*).

** он (есть)… (*нем.*).

неск⟨олько⟩ раз из рук в руки. Наши, кажется, не грабили. И опять все
трепещут, и опять унижение без конца, и ненависть к полякам⟨,⟩ рвав-
шим бороды. Муж – будет ли свобода торговли, немножко купить и сей-
час же продать, не спекулировать. Я говорю – будет, все идет к лучшему,
моя обычная система, в России чудесные дела – экспрессы, бесплатное
питание детей, театры, интернационал. Они слушают с наслаждением
и недоверием. Я думаю – будет вам небо в алмазах, все перевернет, всех
вывернет, в который|| раз⟨,⟩ и жалко. – 132

Дубенские синагоги. Все разгромлено. Осталось два маленьких при-
твора, столетия, две маленькие комнатушки, все полно воспоминаний,
рядом четыре синагоги, а там выгон, поля и заходящее солнце. Синаго-
ги ⟨–⟩ приземистые старинные зеленые и синие домишки, хасидская
внутри – архитектуры никакой. Иду в хасидскую. Пятница. Какие изу-
родованные фигурки, какие изможденные лица, все воскресло для меня,
что было 300 лет, старики бегают по синагоге – воя нет, почему-то все
ходят из угла в угол, молитва самая непринужденная. Вероятно, здесь
скопились самые отвратительные на вид евреи Дубно. Я молюсь, вер-
нее, почти молюсь и думаю о Гершеле[4], вот как бы описать. Тихий ве-
чер в синагоге, это всегда|| неотразимо на меня действует, четыре сина- 133
гожки рядом. Религия? Никаких украшений в здании, все бело и гладко
до аскетизма, все бесплотно, бескровно, до чудовищных размеров, для
того, чтобы уловить, нужно иметь душу еврея. А в чем душа заключа-
ется? Неужто именно в наше столетие они погибают. – Уголок Дубно,
четыре синагоги, вечер пятницы, евреи и еврейки у разрушенных кам-
ней – все памятно. Потом – вечер, селедка, грустный, оттого что не с кем
совокупиться⟨,⟩ Прищепа и дразнящая, раздражающая Женя, ее еврей-
ские и блистающие глаза, толстые ноги и мягкая грудь. Прищепа – руки
грузнут, и ее упорный взгляд, и дурак муж, кормящий в крохотном закут-
ке перемененную лошадь. – Ночуем у др⟨угих⟩ евреев, Прищепа, просит,
чтобы ему играли, толстый мальчик с твердым, тупым лицом, задыхаясь||
от ужаса, говорит, что у него нет настроения. – Лошадь напротив в двори- 134
ке. Грищуку 50 верст от дому. Он не убегает. –

Поляки наступают в районе Козина, Боратино, они у нас в тылу, 6⟨-я⟩
д⟨ивизия⟩ в Лешнюве, Галиция. Идет операция на Броды, Радзивилов
вперед и одной бригадой на тыл. 6⟨-я⟩ див⟨изия⟩ в тяжких боях[5]. –

24.7.20. Утром – в Штарме[1]. 6⟨-я⟩ дивиз⟨ия⟩ ликвидирует пр⟨отивни⟩ка,
напавшего на нас в Хотине, район боев Хотин–Козин[2]⟨,⟩ и я думаю – не-
счастный Козин. – Кладбище, круглые камни. – Из Кривих с Прищепой
еду в Лешнев на Демидовку. Душа Прищепы – безграмотный мальчик,
коммунист, родителей убили кадеты, рассказывает, к⟨а⟩к собирал [хо]

135 свое имущество по станице. Деко-||ративен, башлык, прост к⟨а⟩к трава,
будет барахольщик, презирает Грищука за то, что тот не любит и не по-
нимает лошадей. Едем через Хорупань, Смордву на Демидовку. [В Деми]
Запомнить картину – обозы, всадники, полуразрушенные деревни, поля
и леса, дубы, изредка раненые и моя тачанка. – В Демидовке к вечеру.
Евр⟨ейское⟩ местечко, я настораживаюсь. Евреи по степи, все разрушено.
Мы в доме, где масса женщин. Семья Ляхецких, Швехвелей, нет⟨,⟩ это не
Одесса[3]. Зубной врач – Дора Ароновна, читает Арцыбашева[4], [з] а вокруг
гуляет казачье. Она горда, зла, говорит, что поляки унижали чувство соб-
ств⟨енного⟩ достоинства, презирает за плебейство коммунистов, масса
дочерей в белых чулках, набожные отец и мать. Каждая дочь – индивиду-
136 альность, одна – жалкая, черноволосая, криво-||ногая, другая – пышная,
третья – хозяйственная, и все⟨,⟩ вероятно, старые девы. – Главные раз-
доры – сегодня суббота[5]. Прищепа заставляет жарить картошку, а завтра
пост 9 Аба[6]⟨,⟩ и я молчу, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я русский. Зубной врач, бледная
от гордости и чувства собств⟨енного⟩ достоинства, заявляет⟨,⟩ что никто
не будет копать картошки, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ праздник. Долго мною сдер-
живаемый Прищепа прорывается – жиды, мать, весь арсенал, они все,
ненавидя нас и меня, копают картошку, боятся в чужом огороде, валят
на кресты. Прищепа негодует. К⟨а⟩к все тяжко – и Арцыбашев, и сирота
гимназистка из Ровно⟨,⟩ и Прищепа в башлыке. Мать ломает руки – раз-
вели огонь в субботу, кругом брань. Здесь был Буденный и уехал. Спор
между еврейским юношей и Прищепой. Юноша в очках, черноволос,
нервен, алые воспаленные веки, неправильная русская речь. Он верит
137 в Бога, Бог – это идеал, который мы|| носим в нашей душе, у каждого
человека в душе есть свой Бог, [эти] поступаешь дурно – Бог скорбит,
эти глупости высказываются восторженно и с болью. Прищепа оскорби-
тельно глуп, он разговаривает о религии в древности, путает христ⟨иан-
ство⟩ с язычеством, главное – в древности была коммуна, конечно, плетет
без толку, ваше образование – никакого – и еврей – 6 классов Ровенск⟨ой⟩
гимназии – говорит по Платонову[7] – трогательно и смешно – роды, ста-
рейшины, Перун, язычество. – Мы едим, как волы, [карт] жареный кар-
тофель и по 5 стак⟨анов⟩ кофе. Потеем, все нам подносят, все это ужасно,
я рассказываю небылицы о большевизме, расцвет, экспрессы, моск⟨ов-
ская⟩ мануфактура, у⟨ниверсите⟩ты, бесплатн⟨ое⟩ питание, ревельск⟨ая⟩
делегация[8], венец – рассказ о китайцах[9]⟨,⟩ и я увлекаю всех этих заму-
ченных людей. 9 Аба. Старуха рыдает, сидя на полу, сын ее, кот⟨орый⟩
138 обожает мать и говорит, что верит в Бога для того,|| чтобы сделать ей
приятное⟨,⟩ – приятным тенорком поет и объясняет историю разруше-
ния храма. Страшные слова пророков – едят кал, девушки обесчещены,
мужья убиты, Израиль подбит, гневные и тоскующие слова. Коптит

лампочка, воет старуха, мелодично поет юноша, девушки в белых чулках,
за окном Демидовка, ночь, козаки, все к⟨а⟩к тогда, когда разрушали храм.
Иду спать на дворе, вонючем и мокром. Беда с Грищуком – он в каком-то
остолбенении, ходит, как сомнамбула, лошадей кормит слабо, о бедах за-
являет post-factum*, благоволит к мужикам и детям. Приехали с позиции
пулеметчики, останавливаются в нашем дворе, ночь, они в бурках. При-
щепа ухаживает за еврейкой из Кременца, хорошенькая, полная, в глад-
ком платье. Она нежно краснеет, кри-||вой тесть сидит неподалеку, она 139
цветет, с Прищепой можно поговорить, она цветет и жеманится, [пот]
о чем они беседуют, пот⟨ом⟩ он – спать, провести время, ей мучитель-
но, кому ее душа понятнее, чем мне? Он – [я ее] будем пихать, я думаю
с тоской – неужели она, говорит Прищепа – согласилась (у него все со-
глашаются). Вспоминаю, у него, вероятно, сифилис, вопрос – излечил-
ся. Девушка потом – я буду кричать. Описать их первые деликатные раз-
говоры, о чем же вы думаете – она интеллигентный человек, служила
в Ревкоме. – Боже, думаю я, женщины теперь слышат все ругательства,
живут по-солдатски, где нежность? – Ночью гроза и дождь, бежим в хлев,
грязно, темно, мокро, холодно, пулеметчиков на рассвете гонят на пози-
ции, они собираются под проливным дождем, бурки и иззябшие лошади.
Жалкая Демидовка.||

25.7.20 Утром отъезд из Демидовки. Мучительные два часа, евреек 140
разбудили в 4 часа утра и заставили варить русское мясо⟨,⟩ и это 9 Аба.
Девушки полуголые и встрепанные бегают по мокрым огородам, похоть
владеет Прищепой неотступно, он нападает на невесту сына кривого ста-
рика, в это время забирают подводу, идет ругань невероятная, солдаты едят
из котлов мясо, она – я буду кричать, ее лицо, он прижимает к стене, безо-
бразная сцена. [У ст] Она всячески отбивает подводу, они спрятали ее на
чердаке, будет хорошая еврейка. Она препирается с комиссаром, говоря-
щим о том, что евреи не хотят помогать Красной Армии. – Я потерял порт-
фель, потом нашел его в штабе 14⟨-й⟩ дивизии в Лишня. – Едем на Остров –
15 верст, оттуда дорога на Лешнюв, там опасно, польские разъезды, Ба-
тюшка, его дочь, [несча] похожая на Плевицкую[1] или на [в] весе-||лый ске- 141
лет. Киевская курсистка, все истосковались по вежливости, я рассказываю
небылицы, она не может оторваться. 15 опасных верст, скачут часовые,
проезжаем границу, деревянный [мост] настил. Везде окопы. – Приезжаем
в штаб. Лешнюв. Полуразрушенное местечко. Русские достаточно запас-
кудили. Костел, униатск⟨ая⟩ церковь, синагога, красивые здания, несчаст-
ная жизнь, какие-то призрачные евреи, отвратительная хозяйка, галичанка,

---

* постфактум, задним числом (*лат.*).

мухи и грязь, длинный, одичавший оболтус, славяне второго сорта. Передать дух разрушенного Лешнюва, худосочие и унылая полузаграничная грязь. – Сплю в клуне. Идет бой под Бродами[2] и у переправы – Чуровице. Циркуляры о Советск⟨ой⟩ Галиции. Пасторы. –

Ночь в Лешнюве. Как все это невообразимо грустно, и эти одичалые и жалкие галичане⟨,⟩ и разрушенные синагоги, и мелкая жизнь на фоне страшных событий, до нас доходят только отсветы. – ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ до нас доходят||

142 26.7.20. Лешнюв Украина в огне. Врангель не ликвидирован[1]. Махно делает набеги в Екатеринославской и Полтавск⟨ой⟩ губ⟨ерниях⟩[2]. Появились новые банды, под Херсоном – восстание. Почему они восстают, короток коммунистический пиджак? – Что с Одессой, тоска. –

[Бр] Много работы, восстанавливаю прошлое. Сегодня утром взяты Броды[3], опять окруженный противник ушел, резкий приказ Буденного, 4 раза выпустили, [их] умеем раскачать, но нет сил задержать. – Совещание в Козине, речь Буденного, перестали маневрировать, лобовые удары, теряем связь с пр⟨отивни⟩ком, нет разведки, нет охранения, начдивы не имеют инициативы, мертвые действия.

Разговариваю с евреями, в первый раз – неинтересные евреи. Сбоку разрушенная синагога, рыженький из Броды, земляки из Одессы. –||

143 Переезжаю к безногому еврею, благоденствие, чистота, тишина, великолепный кофе, чистые дети, отец потерял обе ноги на ит⟨альянском⟩ фронте[4], новый дом, строятся, жена корыстолюбива, но прилична, вежлива, маленькая тенистая комнатка, отдыхаю от галичан. – У меня тоска, надо все это обдумать, и Галицию, и мировую войну, и собственную судьбу. –

Жизнь нашей дивизии. – О Бахтурове, о начдиве, о козаках, мародерство, авангард авангарда. Я чужой. – Вечером паника, пр⟨отивни⟩к потеснил нас из Чуровице, был 1½ в ⟨sic!⟩ верстах от Лешнюва[5]. Начдив ускакал и прискакал. И начинается странствие, и снова ночь без сна, обозы, таинственный Грищук, лошади идут бесшумно, брань, леса, звезды,
144 где-то стоим. На рассвете Броды, все это ужасно – везде|| проволока, обгоревшие трубы, малокровный город, пресные дома, говорят, здесь есть товары, наши не преминут[6], здесь были заводы, [мо] русское военное кладбище и поистине – [од] безвестные одинокие кресты у могил – русские солдаты. – [Галича] Белая совсем дорога, вырубленные леса, все исковеркано, галичане на дорогах, австрийск⟨ая⟩ форма, босые с трубками, что в их лицах, какая тайна ничтожества, обыденщины, покорности. –

Радзивилов – хуже Брод, проволока на столбах, красивы здания, рассвет, жалкие фигуры, оборванные фрукты, обтрепанные зевающие евреи,

разбитые дороги, снесенные распятия, бездарная земля, подбитые като-
лические храмы, где ксендзы – а здесь были|| контрабандисты, и я вижу 145
прежнюю жизнь.

<u>Хотин. 27.7.20.</u> От Радзивилова – бесконечные деревни, мчащиеся
вперед всадники, тяжело после бессонной ночи. – Хотин – та самая де-
ревня, где нас обстреляли[1]. Квартира – ужасная – нищета, баня, мухи, сте-
пенный, кроткий, стройный мужик, прожженная баба, ничего не дает, до-
стаю сало, картошку. Живут неле⟨по⟩, дико, комнатенка и мириады мух,
ужасная пища, и не надо ничего лучше – и жадность, и отвратительное
неизменяющееся устройство жилища, и воняющие на солнце шкуры,
грязь без конца раздражает. – Был помещик – Свешников, разбит завод,
разбита усадьба, [Тр] величественный остов завода, красное кирпичное
здание, расшатан-||ные ⟨?⟩ аллеи, уже нет следа, мужики равнодушны. – 146

У нас хромает артснабжение, втягиваюсь в штабную работу – гнусная
работа убийства. Вот заслуга коммунизма – нет хоть проповеди вражды
к врагам, только, впрочем, к польским солдатам[2]. – Привезли пленных,
одного совершенно здорового ранил двумя выстрелами без всякой при-
чины красноармеец. Поляк корчится и стонет, ему подкладывают подуш-
ку. – Убит Зиновьев, молоденький коммунист в красных штанах, хрипы
в горле и синие веки. – Носятся поразительные слухи – 30⟨-го⟩ начинают
переговоры о перемирии[3]. – Ночую в вонючей дыре, называемой двором.
Не сплю поздно,|| захожу в штаб, дела с переправой не блестящи. – Позд- 147
няя ночь, красный флаг, тишина, жаждущие женщин – красноармейцы.

<u>28.7.20. Хотин.</u>

Бой за переправу у Чуровице. 2⟨-я⟩ бригада в присутствии Буден-
ного – истекает кровью. Весь пехотн⟨ый⟩ батальон – ранен, избит поч-
ти весь[1]. Поляки в старых блиндиров⟨анных⟩ окопах. Наши не добились
результата. Крепнет ли у поляков сопротивление? – [Мир] Разложения
перед миром – не видно. – Я живу в бедной хате, где сын с большой голо-
вой играет на скрипке. Терроризирую хозяйку, она ничего не дает. Гри-
щук, окаменелый, плохо ухаживает за конями, оказывается, он приучен
голодом. – Разрушенная экономия, барин Свешников, разбитый вели-
чественный винный завод (символ русского барина?), когда выпустили
спирт – все войска перепились. – Раздраженный – я не перестаю негодо-
вать, грязь, апатия, безнадежность русской жизни невыносимы, здесь ре-
волюция что-то сделает. – Хозяйка|| прячет свиней и корову, ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ 148
говорит быстро, елейно и с бессильной злобой, [не] ленива, и я чув-
ствую, что она разрушает хозяйство, муж верит в власть, очарователен,
кроток, пассивен, [верит] похож на Строева. – Скучно в деревне, жить

здесь – это ужасно. Втягиваюсь в штабную работу. Описать день – отра-
жение боя, идущего в нескольких верстах от нас, ординарцы, у Лепина
вспухла рука. – Красноармейцы ночуют с бабами. – История – к⟨а⟩к поль-
ский полк четыре раза клал оружие и защищался вновь, когда его начи-
нали рубить. – Вечер, тихо, разговор с Матяж, он беспредельно ленив,
томен, соплив и как-то приятно, ласково похотлив. Страшная правда – все
солдаты больны сифилисом. – У Матяж, выздоравливает (почти не лечась
(?⟨)⟩). У него был сифилис, вылечил за две недели, он с кумом заплатил
бы в Ставрополе 10 коп. серебром, кум умер, у Миши есть много раз,
у Сенченки, у Гераси – сиф⟨илис⟩, и все ходят к бабам, а дома невесты.
149 Солдатская язва. Российская язва – страшно. Едят толченый|| хрусталь,
пьют не то карболку, размолоченное стекло. Все бойцы – бархатн⟨ые⟩ фу-
ражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис. Галиция зара-
жена сплошь. – Письмо Жене[2], тоска по ней и по дому. – Надо следить
за особотделом и ревтрибуналом. – Неужели $30^{го}$ переговоры о мире? –
Приказ Буденного. – Мы в четвертый раз выпустили пр⟨отивни⟩ка, под
Бродами был совершенно окружен[3]. – Описать Матяжа, Мишу. Мужики,
в них хочется вникать. – Мы имеем силы маневрировать, окружать по-
ляков, но хватка, в сущности, слабая, они пробиваются. Буденный сер-
дится, выговор начдиву. – Написать биографии начдива, военкома, Книги
и проч. –||

150 29.7.20. [Хотин] Лешнюв

Утром уезжаем в Лешнюв. Снова у [стр] прежнего хозяина – черно-
бородого, безногого Фроима. За время моего отсутствия его ограбили
на 4 тыс⟨ячи⟩ гульденов, забрали сапоги. Жена – льстивая сволочь, холод-
нее ко мне, видит, что поживиться трудно, как они жадны. Я разговариваю
с ней по-немецки. Начинается дурная погода. – У Фроима – дети хромоно-
гие, их много, я их не разбираю, корову и лошадь он прячет. – [Нев] В Гали-
ции невыносимо уныло, разбитые костелы и распятие, хмурое небо, приби-
тое, бездарное, незначительное население, жалкое, приученное к убийству,
солдатам, непорядку, степенные русские, плачущие бабы, взрытые дороги,
151 низкие хлеба, нет солнца, ксендзы в широких шляпах – без костелов.|| Гне-
тущая тоска от всех строящих жизнь. Славяне – навоз истории?[1] – День
протекает тревожно. Поляки прорвали расположение 14⟨-й⟩ див⟨изии⟩ пра-
вее нас, вновь заняли Берестечко. Сведений никаких, кадриль, они заходят
нам в тыл, мы – им[2]. – Настроение в штабе. Конст⟨антин⟩ Карлович молчит.
Писаря – эта откормленная, наглая, венерическая шпанка – тревожится. По-
сле тяжкого однообразного дня – дождливая ночь, грязь – у меня туфли.
Вот и начинается могущественный дождь, истинный победитель. – Шле-
паем по грязи, пронизывающий мелкий дождь. – [Ст] Стрельба орудий-

ная и пулеметная все ближе. Меня клонит ко сну нестерпимо. Лошадям
нечего дать. У меня новый кучер – поляк Говинский, высокий, провор-
ный, говорливый, суетливый и, конечно, наглый парень. – Грищук идет
домой,|| иногда – он прорывается – я замученный, по-немецки он не мог 152
научиться, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ хозяин у него был серьезный, они только ссори-
лись, но никогда не разговаривали. – Оказывается еще – он голодал семь
месяцев, а я [жа] скупо давал ему пищу. – Совершенно босой, с впавши-
ми губами, [голу] синими глазами – поляк. Говорлив и весел, перебежчик,
мне он противен. – Клонит ко сну непреодолимо. Спать опасно. Ложусь
одетый. Рядом со мной две ноги Фроима стоят на стуле. Светит лампочка,
его черная борода, на полу валяются дети. – Десять раз встаю – Говинский
и Грищук спят – злоба. Заснул к четырем часам, стук в дверь – ехать. Па-
ника, неприятель у местечка, стрельба из пулеметов, поляки приближа-
ются. Все скачет. [Ть] Лошадей не могут вывести,|| ломают ворота. Гри- 153
щук с своим отвратительным отчаянием, нас четыре человека, лошади не
кормлены, надо заехать за сестрой, Грищук и Говинский хотят ее бросать,
я кричу не своим голосом – сестра! Я зол – сестра глупа, красива. – Летим
по шоссе на Броды, я покачиваюсь и сплю. Холодно, пронизывает ветер
и дождь. Надо следить за лошадьми, сбруя ненадежна, поляк поет, дрожу
от холода, сестра говорит глупости. Качаюсь и сплю. Новое ощущение – не
могу раскрыть век. Описать – невыразимое желание спать. – Опять бежим
от поляка. Вот она – кав⟨алерийская⟩ война. Просыпаюсь – мы стоим перед
белыми зданиями. Деревня? Нет, Броды. –

⟨*1 сл. нрзб.*⟩||

30.7.20. Броды. 154

Унылый рассвет. Надоела сестра. Где-то бросили Грищука. Дай ему
Бог. – Куда заехать? Усталость гнетет. 6 ч⟨асов⟩ утра. Какой-то галичанин.
К нему. Жена на полу с новорожденным. Он – тихий старичок, дети с го-
лой женой, их трое, четверо. – Еще какая-то женщина. Пыль, прибитая
дождем. Подвал. Распятия. Изображение святой Девы. Униаты[1]⟨,⟩ действи-
тельно, ни то, ни другое. Сильный католический налет. Блаженство – тепло,
какая-то горячая вонь от детей, женщин. Тишина и уныние. Сестра спит,
я не могу, клопы. Нет сена, я кричу на Говинского. У хозяев нет хлеба,
молока. – Город разрушен, ограблен. Город огромного интереса. Польская
культура. Старинное, богатое, своеобразное евр⟨ейское⟩ поселение. Эти
ужасные базары, карлики в|| капотах, капоты и пейсы, древние старики. 155
Школьная улица, 9 синагог, все полуразрушено, осматриваю нов⟨ую⟩ сина-
гогу, архитектура строгая ⟨?⟩⟨,⟩ койдеш[2] ⟨?⟩, шамес[3], бородатый и говорли-
вый еврей – хоть бы мир, к⟨а⟩к будет торговля, рассказывает о разграблении
города козаками, об унижениях, чинимых поляками. Прекрасная синаго-

га, какое счастье, что у нас есть хотя бы старые камни. Это евр. город[4] – это Галиция, описать. Окопы, разбитые фабрики, Бристоль, кельнерши, «зап⟨адно⟩евр⟨опейская⟩» культура⟨,⟩ и как жадно на это бросаешься. Эти жалкие зеркала, бледные австрийские евреи – хозяева. И рассказы – здесь были амер⟨иканские⟩ доллары, апельсины, сукно. – Шоссе, проволока, вырубленные леса, и уныние, уныние без конца. Есть нечего, надеяться не на что, война, все одинаково плохи, одинаково чужие, враждебные, дикие,
⟨156⟩ была тихая и⟨,⟩ главное⟨,⟩ испол-||ненная традиций жизнь. –

Буденновцы на улицах. В магазинах – только ситро, открыты еще парикмахерские. На базаре у мегер – морковь, все время идет дождь, беспрерывный, пронзительный, удушающий. Нестерпимая тоска, люди и души убиты. –

В штабе – красные штаны, самоуверенность, важничают мелкие душонки, масса молодых людей, среди них и евреи, состоят в личном распоряжении командарма и [на] заботятся о пище. – Нельзя забыть Броды и эти жалкие фигуры, и парикмахеров, и евреев, пришедших с того света, и козаков на улицах. – Беда с Говинским, лошадям совершенно нет корма. Одесская гостиница Гальперина[5], в городе голод, есть нече-
157 го, вечером хороший чай, утешаю хозяина,|| бледного и растревоженного, к⟨а⟩к мышь. Говинский нашел поляков, взял у них кепи, кто-то помог и Говинскому. Он нестерпим, лошадей не кормит, где-то шатается, болтает, поет, ничего не может достать, боится, чтобы его не арестовали, а его пытались уже арестовывать, приходили ко мне. –

Ночь в гостинице, рядом супруги и разговоры, и слова и… в устах женщины, о русские люди, к⟨а⟩к отвратительно вы проводите ваши ночи и какие голоса стали у ваших женщин. Я слушаю⟨,⟩ затаив дыхание, и мне тяжко. – Ужасная ночь в этих замученных Бродах. Быть наготове. Я таскаю ночью сено лошадям. В штабе. Можно спать, [хо] пр⟨отивни⟩к наступает[6]. Вернулся домой, спал крепко, с помертвевшим сердцем, разбудил Говинский.||

⟨158⟩ 31. Броды. Лешнюв.

Утром перед отъездом на Золотой улице ждет тачанка, час в книжном магазине, немецкий магазин. Есть все великолепные неразрезанные книги, альбомы. Запад, вот он, Запад, [хре] и рыцарская Польша, хрестоматия, история всех Болеславов[1], и почему-то мне кажется, что это красота, Польша, на ветхое тело набросившая сверкающие одежды. Я роюсь, к⟨а⟩к сумасшедший, перебегаю, темно, [д] идет поток и разграбление канцелярских принадлежностей, противные молодые люди из трофкомиссии архивоенного вида. Отрываюсь от магазина с отчаянием. – Хрестоматии,

Тетмайер[2], новые переводы, масса новой национальной польской лите-
ратуры, учебники. –

Штаб в Станиславчике или Кожошкове. Сестра, [уез] она служила||
по Чрезвычайкам[3], очень русская, нежная и сломанная красота. Жила 159
со всеми комиссарами, так я думаю, и вдруг – альбом Костромской гим-
назии, классные дамы, идеальные сердца, Романовский пансион, тетя
Маня, коньки. –

Снова Лешнюв, и мои хозяева, страшная грязь, налет гостеприим-
ства, уважения к русским⟨,⟩ и по моей доброте сошел, неприветливо
у разоряемых людей. – О лошадях, кормить нечем, худеют, тачанка рас-
сыпается, из-за пустяков, я ненавижу Говинского, какой-то веселый, про-
жорливый неудачник. Кофе мне уже не дают. –

Пр⟨отивни⟩к обошел нас, [Пере] от переправы оттеснил, зловещие
слухи о прорыве в расположении 14⟨-й⟩ дивизии[4], скачут ординарцы.||

К вечеру – в Гржималовку (сев⟨ернее⟩ Чуровице – разоренная дерев- ⟨160⟩
ня⟨)⟩, достали овес, беспрерывный дождь, короткая дорога в штаб для
моих туфель непроходима, мучительное путешествие, позиции надвига-
ется ⟨sic!⟩, [ночь сплю у] пил великолепный чай, горячо, хозяйка притво-
рилась сначала больной, деревня все время находилась в сфере боев за
переправу. Тьма, тревога, поляк шевелится. – К вечеру приехал Начдив,
великолепная фигура, перчатки, всегда с позиции, ночь в штабе, работа
Конст⟨антина⟩ Карлов⟨ича⟩.||

<u>1/Августа. Гржималовка, Лешнюв.</u> 161

Боже, Август, скоро умрем, неистребима людская жестокость. Дела
на фронте ухудшаются. Выстрелы у самой деревни. Нас вытесняют с пе-
реправы[1]. Все уехали, осталось несколько человек штабных, моя тачан-
ка стоит у штаба, я слушаю бой, хорошо мне почему, нас немного, нет
обозов, нет администр⟨ативного⟩ штаба, спокойно, легко, огромное само-
обладание Тимошенки. Книга апатичен, Тим⟨ошенко⟩: если не выбьет –
расстреляю, передай на словах, все же начдив усмехается. Перед нами
дорога, разбухшая от дождя, пулемет вспыхивает в разных местах, неви-
димое присутствие неприятеля в этом сером и легком небе. Неприятель
подошел к деревне. Мы теряем|| переправу через Стырь. Едем в злопо- ⟨162⟩
лучный Лешнюв, в который раз? – Начдив к 1-й бригаде. В Лешнюве –
ужасно, заезжаем на два часа, [ш] адм⟨инистративный⟩ штаб утекает, сте-
на неприятеля вырастает повсюду. – Бой под Лешнювым. Наша пешка
в окопах[2], это замечательно, волынские босые, полуидиотические пар-
ни – русская деревня, и они действительно сражаются против поляков,
против притеснявших панов. [О] Нет ружей, патроны не подходят, эти
мальчики слоняются по облитым зноем окопам, их перемещают с одной

опушки на другую. Хата у опушки, мне делает чай услужливый галича-
нин, лошади стоят в лощинке. – Сходил на батарею, точная, неторопли-
163 вая, техническая|| работа[3]. – Под пулеметным обстрелом, визжание пуль,
скверное ощущение, пробираемся по окопам, какой-то красноармеец
в панике, и, конечно, мы окружены. Говинский был на дороге, хотел бро-
сить лошадей, потом [и] поехал, я нашел его у опушки, тачанка сломана,
перипетии, [какой] ищу, куда бы сесть, пулеметчики сбрасывают, пере-
вязывают раненого мальчика, нога в воздухе, он рычит, с ним приятель,
⟨164⟩ у кото-||рого убили лошадь, подвязываем тачанку, едем, она скрипит, не
вертится. Я чувствую, что Говинский меня погубит, это – судьба, его го-
лый живот, дыры в башмаках, еврейский нос и вечные оправдания. Я пе-
ресаживаюсь в экипаж Мих⟨аила⟩ Карл⟨овича⟩, какое облегчение, я дрем-
лю, вечер, душа потрясена, обоз стоит по дороге к Белавцам, потом мы
по дороге, окаймленной лесом, вечер, прохлада, шоссе, закат – катимся
к позициям, отвозим мясо Конст⟨антину Карловичу⟩.

Я жаден и жалок. Части в лесу, они отошли, обычная картина, эскадрон,
Бахтуров читает сообщение о III Интернац⟨ионале⟩, о том, что съехались
со всего мира, [сест] белая косынка сестры мелькает между деревьями,||
165 зачем она здесь. Едем обратно, что такое Мих⟨аил⟩ Карлович? Говин-
ский удрал, лошадей нет. Ночь, я сплю в экипаже рядом с Мих⟨аилом⟩
К⟨арловичем⟩. Мы под Белавцами. – Описать людей, воздух. – Прошел
день, видел смерть, белые дороги, лошадей между деревьями, восход
и закат. Главное – буденновцы, кони, передвижения и война, [и] между
житом ходят степенные, босые и призрачные галичане. – Ночь на экипа-
же. ([В ла] У леска стоял с тачанкой писарей.)

2 Августа.

Белавцы. История с тачанкой. Говинский прибился к местечку, ко-
нечно, кузнеца не нашел. Мой скандал с кузнецом, толкнул женщину,
визг и слезы. Галичане не хотят починять. Арсенал средств, убеждения,
угрозы, просьбы, больше всего подействовало обещание сахару. Длинная
⟨166⟩ история,|| один кузнец болен, тащу его к другому, плач, его тащут до-
мой. Мне не хотят стирать белья, никакие меры воздействия не помога-
ют. – Наконец починяют. – Устал. В штабе тревога. Уходим. Пр⟨отивни⟩к
нажимает, бегу предупредить Говинского, зной, боюсь опоздать, бегу
по песку, предупредил, догнал штаб за селом, никто не берет меня, ухо-
дят, тоска, еду несколько времени с Барсуковым, двигаемся на Броды. –
Мне дают санитарную тачанку 2⟨-го⟩ эскадрона, подъезжаем к лесу,
стоим с Иваном повозочным. Приезжают Буденный, Ворошилов, будет
решит⟨ельный⟩ бой, ни шагу дальше. Дальше разворачиваются все три
167 бригады,|| говорю с комендантом штаба. Атмосфера начала боя, боль-

шое поле, аэропланы, маневры кавалерии на поле, наша конница вдали,
разрывы, начался бой[1], пулеметы, солнце, где-то сходятся, заглушенное
«ура», мы с Иваном отходим, опасность смертельная, что я чувствую, это
не страх, это пассивность, он, кажется, боится, куда ехать, группа с Коро-
чаевым идет направо, мы почему-то налево, бой кипит, нас догоняют на
лошади – раненые, смертельно бледный – братишка, возьми, штаны окра-
шены кровью, угрожает нам стрелять, если не возьмем, осаживаем, он
страшен, куртку Ивана заливает кровь, козак, остановись, буду перевя-
зывать, у того легкая|| рана, [но] в живот, [бу] кость [ранена,] поврежде- ⟨168⟩
на, везем еще одного, у которого лошадь убили. [В] Описать раненого.
Долго плутаем под огнем по полям, ничего не видать, эти равнодушные
дороги и травка, [выс] посылаем верховых, выехали на шоссе – куда
ехать, Радзивилов или Броды? – В [Бродах] Радзив⟨илове⟩ должен быть
админ⟨истративный⟩ штаб и все обозы, по моему мнению, в Броды ехать
интереснее, бой идет за Броды. Победило мнение Ивана, одни обозники
говорят, что в Бродах – поляки, обозы бегут, Штарм выехал. Едем в Рад-
зивилов. Приезжаем ночью. Все это время ели морковь и горох – сы-
рые, пронзительный голод, грязные, не спали. Я выбрал хату на|| окраине 169
Радзивилова. Угадал, нюх выработался. Старик, девушка. Кислое моло-
ко великолепно, съели, готовится чай с молоком, Иван идет за сахаром,
пул⟨еметная⟩ стрельба, грохот обозов, выскакиваем, лошадь захромала,
т⟨а⟩к уж полагается, убегаем в панике, стреляют по нас, ничего не по-
нимаем, сейчас поймает, мчимся на мост, столпотворение, провалились
в болото, дикая паника, валяется убитый, брошенные подводы, снаряды,
тачанки. [Об] Пробка, ночь, страх, обозы стоят бесконечные, двигаемся,
поле, стали, спим. Звезды. Во всей этой истории мне больше всего жаль
погибшего чая, до странности жаль. Я об этом думаю всю ночь и ненави-
жу войну. – Какая тревожная жизнь – ⟨*2 сл. нрзб. – почти стерты*⟩||

<u>3 Августа</u> ⟨170⟩
Ночь в поле, двигаемся с линейкой в Броды. Город переходит
из рук в руки[1]. Та же ужасная картина, полуразрушено, город ждет снова.
Питпункт, на окраине встречаюсь с Барсуковым. Еду в штаб. Пустын-
но, мертво, уныло. Зотов спит на стульях, как мертвец. Спят Бородулин
и Поллак. Здание Пражского Банка, обобранное и разодранное, клозеты,
[в] эти банковские загородки, зеркальные стекла. – Говорят, что начдив
в Клекотове, пробыли в опустошенных, предчувствующих Бродах часа
два, чай в парикмахерской. Иван стоит у штаба. Ехать или не ехать. Едем
на Клекотов, сворачиваем с|| Лешнювского шоссе, неизвестность, поляки 171
или мы, едем на ощупь, лошади замучены, хромает все сильнее, едим
в селе картошку, показываются бригады, неизъяснимая красота, грозная

сила двигается, бесконечные ряды, фольварк, имение разрушенное, мо-
лотилка, локомобиль Клентона, трактор, локомобиль работал, жарко. –
Поле сражения, встречаю начдива, где штаб, потеряли Жолнаркевича[2].
Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, ре-
шительный бой – остановим польское наступление или нет, Буденный
Колесникову и Гришину – расстреляю, они уходят бледные пешком[3]. – До
этого – страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жесто-
⟨172⟩ кость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые|| белые нагие
тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, сол-
датские книжки, Евангелия, [ж] тела в жите. – Впечатления больше вос-
принимаю умом. Начинается бой, мне дают лошадь. Вижу, к⟨а⟩к строятся
колон⟨ны⟩, цеп⟨и⟩, идут в атаку, жалко этих несчастных, нет людей, есть
колонны, огонь достигает высочайшей силы, в безмолвии происходит
рубка. Я двигаюсь, слухи об отозвании начдива? – Начало моих приклю-
чений, двигаюсь с обозами к шоссе, бой усиливается, нашел питпункт,
на шоссе обстреляли, свист снарядов, разрывы в 20 шагах, чувство без-
⟨173⟩ надежности, обозы скачут,|| я прибился к 20⟨-му⟩ полку 4⟨-й⟩ див⟨изии⟩,
раненые, вздорный командир, нет, говорит, не ранен, ударился, профес-
сионалы, и всё поля, солнце, трупы, сижу у кухни, голод, сырой горох,
лошадь нечем кормить. – Кухня, разговоры, сидим на траве, полк вдруг
выступает, мне нужно к Радзивилову, полк идет к Лешнюву, и я бессилен,
боюсь оторваться. Бесконечное путешествие, пыльные дороги, я переса-
живаюсь на телегу, Квазимодо, два ишака, жестокое зрелище – этот гор-
батый кучер[4], молчаливый, с лицом темным, как Муромские леса. – Едем,
у меня ужасное чувство – я отдаляюсь от дивизии. Теплится надежда –
потом можно будет проводить раненого в Радзивилов, у раненого еврей-
⟨174⟩ ское бледное лицо. – Въезжаем в|| лес, обстрел, снаряды в 100 шагах,
бесконечное кружение по опушкам[5]. – Песок тяжелый, непролазный.
Поэма о лошадях замученных. – Пасека, обыскиваем ульи, четыре хаты
в лесу – ничего нет, все обобрано, я прошу хлеба у красноармейца, он
мне отвечает – с евреями не имею дело, я чужой, в длинных штанах, не
свой, я одинок, едем дальше, от усталости едва сижу на лошади, мне
надо самому за ней ухаживать, въехали в Конюшков, крадем ячмень, мне
говорят – ищите, берите, все берите – я ищу сестру по деревне, истери-
ка у баб, забирают через 5 минут после приезда, какие-то бабы бьются,
⟨175⟩ причи-||тают, рыдают невыносимо, тяжко от непрекращающихся ужасов,
ищу сестру, у меня непреодолимая печаль, похитил кружку молока у ко-
мандира полка, вырвал поляницу из рук сына крестьянки. – Через 10 ми-
нут выезжаем. Вот те и на! Поляки где-то близко. Опять назад, я думаю,
что не выдержу, еще и рысью, [хочу] сначала еду с командиром, потом
пристаю к обозам, [пере] хочу пересесть на телегу, у всех один ответ –

пристали кони, ну, скинь меня и садись сам, сядь, дорогой, только здесь
убитые, я смотрю на рядно, под ним убитые. – Приезжаем в поле, там
много обозов 4⟨-й⟩ дивизии, батарея, опять кухня, ищу сестер, тяжелая
ночь, хочу спать, надо|| кормить лошадь, я лежу, лошади поедают велико- ⟨176⟩
лепную пшеницу, красноармейцы в пшенице – бледные, совсем мертвые.
Лошадь мучает, я гоняюсь за ней, пристал к сестре, спим на тачанке, се-
стра – старая, лысая, вероятно еврейка, мученица, эта невыносимая брань,
повозочный ее сталкивает, лошади путаются, повозочного не разбудишь,
он груб и ругается, она говорит – наши герои – ужасные люди. Она ⟨*нрзб.*⟩
[д] укрывает его, они спят обнявшись, несчастная, старая сестра, хорошо
бы застрелить возницу, брань, ругань, сестра не от мира сего – засыпаем.
Просыпаюсь через два часа – украли уздечку. Отчаяние. Рассвет.||

Мы в 7 верстах от Радзивилова. Еду на ура. Несчастная лошадь, все ⟨177⟩
мы несчастные, полк пойдет дальше. Трогаюсь. – За этот день – главное –
описать красноармейцев и воздух.

<u>4 Августа</u> Двигаюсь один к Радзивилову. Тяжкая дорога. Никого
по пути, лошадь пристала, боюсь на каждом шагу встретить поляков.
Прошло благополучно, в районе Радзивилова никаких частей, в местеч-
ке – смутно, меня посылают на станцию, опустошенное и совершенно
привыкшее к переменам – население. Шеко на автомобиле. Я в квартире
Буденного. Еврейская семья, барышни, группа из гимназии Бухтеевой,
Одесса[1], сердце замерло. – О счастье, дают какао и хлеб. Новости – но-
вый начдив – Апанасенко[2], новый|| наштадив – Шеко[3]. Чудеса. – Приез- ⟨178⟩
жает Жолнеркевич с эскадроном, он жалок. Зотов объявляет, что он сме-
щен, пойду торговать на Сухаревку лепешками, что же новая школа, вы,
говорит, войска расставлять умеете, в старину умел, теперь без резервов
не умею. – [Чт] У него жар, он говорит то, чего говорить не следовало,
перебранка с Шеко, тот сразу поднял тон, нач⟨альник⟩ штаба приказал
вам явиться в штаб, мне сдавать нечего, я не мальчик, чтобы шляться
по штабам, оставил эскадрон и уехал. Уезжает старая гвардия, все ло-
мается, вот и нет Константина Карловича. – Еще впечатление – и тяжкое
и незабываемое – приезд на белой лошади Начдива с ординарцами[4]. Вся
штабная сволочь, бегущая|| с курицами для командарма, относятся по- ⟨179⟩
кровительственно, хамски, Шеко – высокомерен, спрашивает об операци-
ях, тот объясняет, улыбается, великолепная, статная фигура и отчаяние.
Вчерашний бой – блестящий успех 6-й дивизии – 1000 лошадей, 3 полка
загнаны в окопы, пр⟨отивни⟩к разгромлен, отброшен, штаб дивизии в Хо-
тине[5]. Чей это успех – Тимошенки или Апанасенки. Тов. Хмельницкий[6] –
еврей, жрун, трус, нахал, при Командарме – курица, поросенок, кукуруза,
его презирают ординарцы, нахальные ординарцы, единственная забота

ординарцев – курицы, сало, жрут, жирные, шоферы жрут сало, – все на крылечке перед домом. Лошади есть нечего. Настроение совсем другое,
⟨180⟩ поляки|| отступают, Броды хотя ими заняты, снова бьем, вывез Буденный. – Хочу спать, не могу. Перемены в жизни дивизии будут иметь важное значение. Шеко на подводе. Я с эскадроном. Едем на Хотин, опять рысь, 15 верст сделали. Живу у Бахтурова. Он убит, нет начдива, чувствует, что и ему не быть. Дивизия потрясена, бойцы ходят тихие, – нарастает или нет. Наконец-то я поужинал – мясо, мед. Описать Бахтурова, Ивана Ивановича и Петро. Сплю в клуне, наконец-то покой. –

Конец.
Бой за Броды[7]||

⟨181⟩ 5 Августа Хотин

День покоя. Ем, шляюсь по залитой солнцем деревне, отдыхаем, обедал, ужинал – есть мед, молоко. – Главное – внутренние перемены, все перевернуто. – Начдива жалко до боли[1], казачество волнуется, разговоры из-под угла, интересное явление, собираются, шепчутся, Бахтуров подавлен, герой был начдив, теперь командир в комнату не пускает, из 600–6000, тяжкое унижение, в лицо бросили – вы предатель, Т⟨имошенко⟩ засмеялся. – Апанасенко, новая и яркая фигура, некрасив, коряв, страстен, самолюбив, честолюбив, написал воззвание в Ставрополь и на Дон о непорядках тыла, для того, чтобы сообщить в родные места, что он начдив. Т⟨имошенко⟩
⟨182⟩ был легче, веселее, шире и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть,⟩ хуже. Два человека,|| не любили они, верно, друг друга. Шеко разворачивается, невероятно корявые приказы, высокомерие. Совсем другая работа штаба. Обозов и адм⟨инистративного⟩ шт⟨аба⟩ нету. Лепин поднял голову – он зол, туп и возражает Шеко. – Вечером музыка и пляска – Апанасенко ищет популярности, круг шире, Бахтурову выбирает лошадь из польских, нынче все ездят на польских, великолепные кони, узкогрудые, высокие, английские, рыжие кони, этого нельзя забыть. Апанасенко заставляет проводить лошадей. –

Целый день – разговоры об интригах. Письмо в тыл. –

Тоска по Одессе. –

Запомнить – фигура, лицо, радость Апанасенки, его любовь к лоша-
⟨183⟩ дям, к⟨а⟩к проводит лошадей, выби-||рает для Бахтурова. – Об ординарцах, связывающих свою судьбу с «господами». Что будет делать Михеев, хромой Сухоруков, все эти Гребушки, Тарасовы, Иван Иванович с Бахтуровым. Все идут следом. – О польских лошадях, об эскадронах, скачущих в пыли на высоких, золотистых, [польск] узкогрудых польских конях. [За] Чубы, цепочки, костюмы из ковров. – В болоте завязли 600 коней, несчастные поляки.

6 Августа. Хотин.

На том же месте. Приводимся в порядок, куем лошадей, едим, перерыв в операциях. – Моя хозяйка – маленькая, пугливая, хрупкая женщина с измученными и кроткими глазами. Боже, как ее мучают солдаты, это бесконечное варево, крадем мед. Приехал домой хозяин, бомбы с аэроп-||лана ⟨184⟩
угнали у него коней. Старик не ел 5 суток, теперь отправляется по белу свету искать своих коней, эпопея. – Старый старик. – Знойный день, густая, белая тишина, [сы] душа радуется – кони стоят, им молотят овес, возле них целый день спят козаки, кони отдыхают – это на первом плане. – Изредка мелькает фигура Апанасенки, в отличие от замкнутого Тимошенки, он – свой, он – отец-командир. – Утром уезжает Бахтуров, за ним свита, [по] слежу за работой нового военкома, тупой, но обтесавшийся московский рабочий[1], вот в чем сила – шаблонные, но великие пути, три военкома – обязательно описать прихрамывающего|| Губанова, ⟨185⟩
грозу полка, отчаянного рубаку, молодого 23-хлет⟨него⟩ юношу, скромный Ширяев[2], хитрый Гришин[3]. Сидят в садку, военком выспрашивает, сплетничают, высокопарно говорят о мировой революции, хозяйка отряхивает яблоки, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ все объели, секретарь военкома, длинный, с звонким голосом ходит, ищет пищу. –

В штабе новые веяния – Шеко пишет особенные приказы, высокопарные и трескучие, но короткие и энергичные, подает свои мнения Реввоенсовету, действует по собственной инициативе. – Все грустят о Тимошенко, бунта не будет. –

Почему у меня непроходящая тоска? П⟨отому⟩ что далек от дома, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ разрушаем, идем к⟨а⟩к вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде. – Иван Иванович – сидя на скамейке, говорит о|| днях, когда он тратил ⟨186⟩
по 20 т⟨ысяч⟩, по 30 т⟨ысяч⟩. У всех есть золото, все набрали в Ростове[4], перекидывали через [мешок] седло мешок с деньгами и пошел. Иван Иваныч одевал и содержал женщин. Ночь, клуня, душистое сено, но воздух тяжелый, чем-то я придавлен, грустной бездумностью моей жизни. –||

7 Августа, Берестечко ⟨187⟩

Теперь вечер 8⟨-го⟩. Только что зажглись лампы в местечке. В соседней комнате панихида. Много евреев, заунывные родные напевы, покачиваются, сидят по скамьям, две свечи, неугасимая лампочка на подоконнике. Панихида по внучке хозяина, умершей от испуга после грабежей. Мать плачет, под молитву, рассказывает мне, мы стоим у стола, горе молотит меня вот уже два месяца. Мать показывает карточку, истертую от слез, и все говорят – красавица необычайная, какой-то командир

бегал за яром, стук ночью, поднимали с кровати, рылись поляки, потом козаки, беспрерывная рвота, истекла. И главное у евреев – красавица, такой в местечке не было. –||

⟨188⟩ Памятный день. Утром – из Хотина в Берестечко. Еду с секретарем военкома Ивановым, длинный, прожорливый парень без стержня, оборванец – и вот, муж певицы Комаровой, мы концертировали, я ее выпишу. Русский менаде[1]. – Труп убитого поляка, страшный труп, вздутый и голый, чудовищно. – Берестечко переходило несколько раз из рук в руки. Исторические поля под Берестечком, казачьи могилы. И вот главное, все повторяется – козаки против поляков, больше – хлоп* против пана. – Местечко не забуду, дворы крытые, длинные, узкие, вонючие, всему этому 100–200 лет,
⟨189⟩ население крепче, чем в других местах, главное – архи-||тектура, белые водянисто-голубые домики, улички, синагоги, крестьянки. Жизнь едва-едва налаживается. Здесь было здорово жить – ценное еврейство, богатые хохлы, ярмарки по воскресеньям, особый класс русских мещан – кожевников, торговля с Австрией, контрабанда. – Евреи здесь менее фанатичны, более нарядны, ядрены, к⟨а⟩к будто даже веселее, старые старики, капоты, старушки, все дышит стариной, традицией, ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ местечко насыщено кровавой историей еврейско-польского гетто. Ненависть к полякам единодушна. Они грабили, мучили, аптекарю раскаленным железом к телу, иголки под ногти, выщипывали волосы за то, что стреляли в польск⟨ого⟩||
⟨190⟩ офицера – идиотизм. Поляки сошли с ума, они губят себя. –

Древний костел, могилы польских офицеров в ограде, свежие холмы, давность – 10 дней, белые березовые кресты, все это ужасно, дом ксендза уничтожен, я нахожу старинные книги, драгоценнейшие рукописи латинские. Ксендз Тузинкевич – я нахожу его карточку, толстый и короткий, трудился здесь 45 лет, жил на одном месте, схоластик, подбор книг, много латыни, издания 1860 г⟨ода⟩, вот когда жил Тузинкевич, квартира старинная, огромная, темные картины, снимки со съездов прелатов в Житомире,
⟨191⟩ портреты папы|| Пия X[2], хорошее лицо, изумительный портрет Сенкевича – вот он экстракт нации. Над всем этим воняет душонка Сухина. К⟨а⟩к это ново для меня – книги, душа католического патера, иезуита, я ловлю душу и сердце Тузинкевича⟨,⟩ и я ее поймал. Лепин трогательно вдруг играет на пианино. Вообще – он иногда поет по-латышски. Вспомнить его босые ножки – умора. Это очень смешное существо. – Ужасное событие – разграбление костела, рвут ризы, драгоценные сияющие материи разодраны, на полу, сестра милосердия утащила три тюка, рвут подкладку, свечи забраны, ящики выломаны, буллы выкинуты, деньги забраны, великолепный
⟨192⟩ храм – 200 лет,|| что он видел (рукописи Тузинкевича), сколько графов и хло-

---

* холоп, крестьянин (*польск.* chłop).

пов, великолепная ит⟨альянская⟩ живопись, розовые патеры, качающие младенца Христа, великолепный темный Христос, Рембрандт[3], Мадонна под Мурильо, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ Мурильо[4], и главное – эти святые упитанные иезуиты, фигурка китайская жуткая за покрывалом, в малиновом кунтуше, [бо] бородатый еврейчик, лавочка, сломанная рака, фигура св⟨ятого⟩ Валента. Служитель трепещет, к⟨а⟩к птица, корчится; мешает русскую речь с польской, мне нельзя прикоснуться, рыдает. Зверье, они пришли, чтобы грабить, это так ясно, разрушаются старые боги.||

Вечер в местечке. Костел закрыт. Перед вечером иду в замок гра- ⟨193⟩
фов Рациборовских. 70⟨-⟩летний старик и его мать 90 лет. Их было всего двое, сумасшедшие⟨,⟩ говорят в народе. Описать эту пару. Графский, старинный польский дом, наверное б⟨ольше⟩ 100 лет, рога, старинная светлая плафонная живопись, остатки рогов, маленькие комнаты для дворецких вверх, плиты, переходы, экскременты на полу, еврейские мальчишки, рояль Стейнвей[5], диваны вскрыты до пружин, припомнить белые легкие и дубовые двери, французские письма 1820 г⟨ода⟩, notre petit héros achève 7 semaines*[6]. Боже, кто писал, когда писали, растоптанные письма, взял
релик-||вии, столетие, мать – графиня – Рояль Стейнвей, парк, пруд. – ⟨194⟩
Не могу отделаться – вспоминаю Гауптмана, Эльгу[7]. –

Митинг в парке замка, евреи Берестечка, тупой Винокуров, бегает детвора, выбирают Ревком, евреи наматывают бороды, еврейки слушают о российском рае, международном положении, о восстании в Индии[8]. – Тревожная ночь, кто-то сказал быть наготове, наедине с чахлым мешуресом**, неожиданное красноречие, о чем он говорил? –||

8/VIII. Берестечко. ⟨195⟩

Вживаюсь в местечко. Здесь были ярмарки. Крестьянки продают груши. Им платят давно не существующими деньгами. Здесь жизнь била ключом – евреи вывозили хлеб в Австрию, контрабанда товаров и людей, близость заграницы. – Необыкновенные сараи, подземелья. – Живу у содержательницы постоялого двора, [св] рыжая тощая сволочь. Ильченко купил огурцов, читает Журнал для всех[1] и рассуждает об экономической политике, во всем виноваты евреи, тупое, славянское существо, при разграблении Ростова набившее карман. Какие-то приемыши, недавно умершая. История с аптекарем, которому поляки запускали под ногти булавки, обезумевшие люди. – Жаркий день, жители слоняются, начинают||
оживать, будет торговля. – Синагога, Торы, 36 лет т⟨ому⟩ н⟨азад⟩ постро- ⟨196⟩
ил ремесленник из Кременца, ему платили 50 р⟨ублей⟩ в месяц, золотые

---

* нашему маленькому герою исполнилось 7 недель (*фр.*).

** слуга, работник, лакей (*идиш*).

павлины, скрещенные руки, старинные Торы, во всех этих шамесах нет никакого энтузиазма, изжеванные старики, мосты на Берестечко, к⟨а⟩к всколыхнули, поляки придавали всему этому давно утраченный колорит. Старичок, у которого остановился Корочаев, разжалованный Начдив, со своим оруженосцем-евреем. Корочаев был предчека где-то в Астрахани, поковырять его, оттуда посыплется. Дружба с евреем. Пьем чай у старичка. Тишина, благодушие. Слоняюсь по местечку, внутри еврейск⟨их⟩ лачуг идет жалкая, мощная, неумирающая жизнь, барышни в белых чул-
⟨197⟩ ках, капоты,|| как мало толстяков. –

Ведем разведку на Львов[2]. Апанасенко пишет послания Ставропольск⟨ому⟩ Исполкому, будем рубить головы в тылу, он восхищен. Бой у Радзихова[3], Апанасенко ведет себя молодцом – мгновенная распланировка войск, чуть не расстрелял отступившую 14⟨-ю⟩ дивизию. Приближаемся к Радзихову. [Мы] Газеты Московск⟨ие⟩ от 29/VII. Открытие II конгресса III Инт⟨ернационала⟩, наконец осуществленное единение народов, все ясно: два мира и объявлена война[4]. Мы будем воевать бесконечно. Россия бросила вызов. Пойдем в Европу, покорять мир. Красная Армия сделалась мировым фактором. Z[5] Надо приглядеться к Апанасенко. Атаман. – Панихида тихого старика по внучке. – Вечер, спектакль в графском саду, любители из Берестечка, денщик-болван, барышни из Берестечка, затихает, здесь бы пожить, узнать. –||

⟨198⟩ 9/VIII, Лашков

Переезд из Берестечко в Лашков, Галиция. Экипаж Начдива, ординарец начдива Левка – тот самый, что цыганит и гоняет лошадей. Рассказ о том, к⟨а⟩к он плетил соседа Степана, бывшего стражником при Деникине, обижавшего население, возвратившегося в село. [Раз] «Зарезать» не дали, в тюрьме били, разрезали спину, прыгали по нем, танцевали, эпический разговор: хорошо тебе, Степан? Худо. А тем, кого ты обижал – хорошо было? Худо было. А думал ты, что и тебе худо будет. Нет, не думал. А надо было подумать, Степан, вот мы думаем, что ежели попадемся, то зарежете, ну да м.и., а теперь, Степан, будем тебя убивать. Остави-
⟨199⟩ ли чуть теплого. Другой рассказ о сестре милосер-||дия Шурке. Ночь, бой, полки строятся, Левка в фаэтоне, сожитель Шуркин тяжело ранен, отдает Левке лошадь, они отвозят раненого, возвращаются к бою. Ах, Шура, раз жить, раз помирать. Ну да ладно. Она была в заведении в Ростове, скачет в строю на лошади, может отпустить пятнадцать. А теперь, Шурка, поедем, отступаем, лошади запутались в проволоке, проскакал 4 версты, село, сидит, рубит проволоку, проходит полк, Шура выезжает из рядов, Левка готовит ужинать, жрать охота, поужинали, поговорили,

идем, Шура, еще разок. Ну, ладно. А где? – Ускакала за полком, пошел
спать. Если жена приедет – убью. –

Лашков – зеленое, солнечное, тихое, богатое галицийское село. Живу
у дьякона. Жена только что родила. Придавленные люди. Чистая, новая||
хата, а в хате ничего. Рядом типичные галицийские евреи. Думают – не ⟨200⟩
еврей ли? Рассказ – ограбили, обрубил голову двум курицам, нашел вещи
в клуне, выкопал из-под земли, согнал всех в хату, обычная история, [де] за-
помнить мальчика с бакенбардами. Рассказывают мне, что главный раввин
живет в Бельзе, поистребили раввинов. – Отдыхаем, в моем палисадни-
ке 1-й эскадрон. Ночь, у меня на столе лампочка, тихо фыркают лошади,
здесь все кубанцы, вместе едят, спят, варят, великолепное, молчаливое со-
дружество. Все они мужиковаты, по вечерам полными голосами поют пес-
ни, похожие на церковные, преданность коням, небольшие кучки – седло,
уздечка, расписная сабля, шинель, я сплю, окруженный ими. – Сплю днем
на поле. Операций нет,|| какая это прекрасная и нужная вещь – отдых. Ка- ⟨201⟩
валерия, кони отходят от этой нечеловеческой работы, люди отходят от же-
стокости, вместе живут, поют песни тихими голосами, что-то друг дружке
рассказывают. – Штаб в школе. Начдив у священника.

Лашков, 10.8.20.

Отдых продолжается. Разведка на Радзихов, Соколовку, Стоянов, все
к Львову[1]. Получено известие, что взят Александровск[2], в международ-
ном положении гигантские осложнения, неужели будем воевать со всем
светом. –

Пожар в селе. Горит клуня священника. Две лошади, бившиеся что
есть мочи, сгорели. Лошадь из огня не выведешь. Две коровы|| удрали, ⟨202⟩
у одной потрескалась кожа, из трещин – кровь, трогательно и жалко. –
Дым обволакивает все село, яркое пламя, черные пухлые клубы дыма,
масса дерева, жарко лицу, все вещи из поповского дома, из церкви выбра-
сывают в палисадник. Апанасенко в красном казакине, в черной бурке,
гладко выбритое лицо – страшное явление, атаман. – Наши козаки, тяж-
кое зрелище, тащат с заднего крыльца, глаза горят, у всех неловкость,
стеснение, неискоренима эта т⟨ак⟩ наз⟨ываемая⟩ привычка. Все хоругви,
старинные Четьи-Минеи[3], иконы вынесены, странные раскрашенные бе-
ло-розовые, бело-голубые фигурки, уродливые, плосколицые, китайские
или буддийские, масса бумажных цветов, заго-||рится ли церковь, кре- ⟨203⟩
стьянки в молчании ломают руки, население, испуганное и молчаливое,
бегает босичком, каждый садится у своей хаты с ведром. Они апатичны,
прибиты, нечувствительны – необычайно, они бросились бы даже тушить.
С [ут] воровством удалось совладать – солдаты, к⟨а⟩к хищные, затруднен-
ные звери, ходят вокруг батюшкиных чемоданов, говорят, там золото,

у попа можно взять, портрет графа Андрея Шептицкого, митрополита Галицкого[4], мужественный магнат с черным перстнем на большой и породистой ⟨руке⟩. У старого священника⟨,⟩ 35 лет прослужившего в Лашкове⟨,⟩ трепещет все время нижняя губа, он рассказывает мне о Шептицком, тот не «выхован» в польском духе, из русинских вельмож «граф
⟨204⟩ на Шептицах»,|| потом ушли к полякам, брат – главнокомандующий польск⟨ими⟩ войсками, Андрей вернулся к русинам. Своя давняя культура, тихая и прочная. Хороший интеллигентный батюшка, припасший мучку, курицу, хочет поговорить об университетах, о русинах, несчастный, у него живет Апанасенко в красном казакине. – Ночью – необыкновенное зрелище, [дог] ярко догорает шоссе, моя комната освещена, я работаю, горит лампочка, покой, душевно поют кубанцы, их тонкие фигуры у костров, песни совсем украинские, лошади ложатся спать. Иду к Начдиву. Мне о нем рассказывает Винокуров – партизан, атаман, бунтарь, [вот] казац-
⟨205⟩ кая вольница, дикое восстание, идеал – Думенко[5], со-||чащаяся рана, надо подчиняться организации, смертельная ненависть к аристократии, попам и, главное, к интеллигенции, которую он в армии не переваривает. Ин⟨ститут⟩ он кончит – Апанасенко[6], чем не времена Богдана Хмельницкого? – Глубокая ночь. 4 часа. –

Лашков, 11.8.20.

День работы, сидение в штабе, пишу до усталости, день покоя. К вечеру дождь. У меня в комнате – ночуют кубанцы, странно – смирные и воинственные, домовитые и немолодые крестьяне ясного украинского происхождения. – О кубанцах. Содружество, всегда своей компанией[1], под окном ночью и днем фыркают кони, великолепный запах навоза, солнца, спящих козаков, два раза в день варят огромные ведра похлебки и мясо.
⟨206⟩ Ночью кубанцы в гостях. Беспрерывный дождь, они сушатся и|| ужинают у меня в комнате. Религиозный кубанец в мягкой шляпе, бледное лицо, светлые усы. Они истовы, дружественны, дики, но как-то более привлекательны, домовиты, меньше ругатели, спокойнее, серьезнее, чем донцы и ставропольцы. – Сестра приехала, к⟨а⟩к все ясно, это надо описать, она стерта, хочет уезжать, там все были – комендант, эти по крайней мере говорят, Яковлев, и ужас, Гусев. Она жалка, хочет уходить, грустна, говорит непонятно, хочет о чем-то со мною поговорить и смотрит на меня доверчивыми глазами, мол, я друг, а остальные, остальные слезни? Как быстро уничтожили человека, принизили, сделали некрасивым. Она наивна, глупа, восприимчива даже к революционной фразе, и чудачка, много говорит о революции, служила в Культпросвете ЧК, сколько мужских влияний.

Интервью с Апанасенком. Это очень интересно. Это надо запомнить.
⟨207⟩ Его тупое, страшное лицо, крепкая сбитая|| фигура, как у Уточкина[2]. – Его

ординарцы: (Левка), статные золотистые кони, прихлебатели, экипажи,
приемыш Володя – маленький козак с старческим лицом, ругается, как
большой. – Апанасенко – жаден к славе, вот он – новый класс. Несмотря
на все оперативные дела – отрывается и каждый раз возвращается сно-
ва, организатор отрядов, просто против офицерства, 4 Георгия, службист,
унт⟨ер-⟩офицер, прап⟨орщик⟩ при Керенском, председатель полков⟨ого⟩
комитета, срывал погоны у офицеров, длинные месяцы в Астраханских
степях, непререкаемый авторитет, профессионал военный. Об атаманах,
их там много было, доставали пулеметы, дрались с Шкуро[3] и Мамонто-
вым[4], влились в Кр⟨асную⟩ Армию, героич⟨еская⟩ эпопея. Это не марк-
систская революция, это казацкий бунт, котор⟨ый⟩ хочет все выиграть
и ничего не потерять… Ненависть Апанасенки к богатым, к интеллиген-
там, неугасимая ненависть. – Ночь с кубанцами, дождь,|| душно, какая-то ⟨208⟩
странная чесотка у меня. –

Лашков, 12.8.20. Четвертый день в Лашков. Необычайно забитая гали-
цийская деревня. Жили лучше русских, хорошие дома, много добропоря-
дочности, уважение к священникам, честны, но обескровлены, сваренный
ребенок[1] у моих хозяев, как он родился и зачем он родился, в матери ни
кровинки, где-то что-то беспрерывно скрывают, где-то хрюкают свиньи,
где-то, вероятно, спрятано сукно. – Свободный день, хорошее дело – кор-
респондентство, ежели его не запускать. – Надо писать в газету и жизне-
описание Апанасенки. – Дивизия отдыхает – какая-то тишина на сердце
и люди лучше – песни, костры, огонь в ночи, шутки, счастливые, апатич-
ные кони,|| кто-то читает газету, походка вразвалку, куют лошадей. К⟨а⟩к ⟨209⟩
все это выглядит. Уезжает в отпуск Соколов, даю ему письмо домой. –
Пишу – все о трубках, о давно забытых вещах[2], Бог с ней, с революцией,
туда и надо устремиться. – Не забыть бы священника в Лашкове, плохо бри-
тый, добрый, образованный, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ корыстолюбивый, какое там
корыстолюбие – курица, утка, дом его, хорошо жил, смешливые гравюрки. –

Трения военкома с начдивом, тот встал и вышел с Книгой в то вре-
мя, когда Яковлев, начподив, делал доклад, Апанасенко пришел к военко-
му. – Винокуров – типичный военком, гнет свою линию, хочет исправлять
6⟨-ю⟩ дивизию, борьба с партизанщиной, тяжелодум, морит меня речами,
иногда груб, всем на ты.||

Нивица, 13.8.20. Ночью приказ – двигаться на Буск – 35 верст восточнее ⟨210⟩
Львова. – Утром выступаем. Все три бригады сосредоточены в одном ме-
сте[1]. Я на Мишиной лошади, научилась бежать, но шагом не идет, трусит
ужасно. Целый день на коне с Начдивом. Хутор Порады. В лесу 4 неприя-
тельск⟨их⟩ аэроплана, пальба залпами. 3 комбрига – Колесников, Короча-
ев, Книга. Василий Ив⟨анович⟩ хитрит, пошел на Топоров в обход (Чаныз),

нигде не встретил неприятеля. Мы на хуторе Порады, разбитые хаты, извлекаю из люка старуху, голубцы. Вместе с наблюдателем на батарее. Наша атака у леска. – Беда – болото, каналы, негде развернуться кавалерии, атаки в ⟨*нрзб.*⟩ пешем строю, вялость, падает ли мораль? Упорный бой и все же легкий (по сравнению с империал⟨истической⟩ бойней) под Топоровым, берут
⟨211⟩ с трех|| сторон, не могут взять[2], ураганный огонь (?) нашей артиллерии из двух батарей. – Ночь. Все атаки не удались. На ночь – штаб переезжает в Нивица. Густой туман, пронзительный холод, лошадь – дорога лесами, костры и свечи, сестры на тачанках, тяжелый путь после дня тревог и конечной неудачи. – Целый день по полям и лесам. Интереснее всех – начдив, усмешка, ругань, короткие возгласы, хмыканья, пожимает плечами, нервничает, ответственность за все, страстность, если бы он там был, все [око] было бы хорошо. – Что запомнилось? Езда ночью, визг баб в Порадах, когда у них начали [б] (прервал писанье, в 100 шагах разорвались две бомбы, брошенные с аэроплана. Мы у опушки леса с⟨еверо-⟩зап⟨аднее⟩ Майданы ст⟨арые⟩[3]) брать белье, [и что] наша атака, что-то невидное, нестрашное издали, какие цепочки, всадники ездят по лугу, [тревожная] издалека все это совершается неизвестно для чего, все это не страшно. – Когда вплотную подошли
⟨212⟩ к местечку, началась|| горячка, момент атаки, момент, когда берут город, тревожная, лихорадочная, возрастающая, доводящая до отчаяния безнадежности трескотня пулеметов, беспрерывные разрывы и над всем этим – тишина сверху и ничего не видно.

Работа штаба Апанасенко – каждый час донесения Командарму, выслуживается. – Озябшие, усталые приехали в Нивицу. Теплая кухня. Школа. – Пленительная жена учителя, националистка, какое-то внутреннее веселье в ней, расспрашивает, варит нам чай, защищает свою мову, ваша мова хорошая и наша мова, и все смех в глазах. И это в Галиции, хорошо, давно я этого не слышал. Сплю в классе, на соломе рядом с Винокуровым. – Насморк. –||

⟨213⟩ 14.8.20 Центр операций – взятие Буска и переправа через Буг. Целый день атака на Топоров, нет, отставили. Опять нерешительный день. Опушка леса у ст⟨арые⟩ Майданы. Пр⟨отивни⟩ком взят Лопатин. – К вечеру выбили[1]. Снова Нивица. Ночевка у старухи, [на] двор вместе с Штабом.

15 – Утром в Топорове. Бои у Буска. Штаб в Буске. Форсировать Буг. Пожар на той стороне. Буденный в Буске. – Ночевка в Яблоновке с Винокуровым.

16. К Ракобутам, бр⟨игада⟩ переправилась. – Еду опрашивать пленных. – Снова в Яблоновке. Выступаем на Н. Милатин, ст. Милатин, паника, ночевка в странноприимнице. –

17. Бои у железной дороги, у Лисок. – [Ночев] Рубка пленных. – Ночевка в Задвурдзе[1].

18.8.20

Не имел времени писать. Выступили. Выступили 13/8. С тех пор передвижения, бесконечные дороги, флажок эскадрона, лошади Апанасенки, бои, фермы, трупы. Атака на Топоров в лоб, Колесников в атаку, болото, я на наблюдательном пункте, к вечеру ураганный огонь из двух батарей[1]. Польская пехота сидит в окопах, наши идут, возвращаются, коноводы ведут раненых, не любят козаки в лоб, проклятый окоп дымится, ⟨*1 сл. нрзб.*⟩.|| Это было 13⟨-го⟩. День 14⟨-го⟩ – дивизия двигается к Буску, ⟨214⟩
должна достигнуть его во что бы то ни стало, к вечеру подошли верст на десять. Там надо произвести главную операцию – переправиться через Буг[2]. Одновременно ищут брода. – Чешская ферма у Адамы, завтрак в экономии, картошка с молоком, Сухоруков, держащийся при всех режимах, ж-лиз, ему подпевает Суслов, всякие Левки. Главное – темные леса, обозы в лесах, свечи над сестрами, грохот, темпы передвижения. Мы на опушке леса, кони жуют, герои дня аэропланы, авдеятельность все усиливается, атака аэропланов, беспрерывно курсируют по 5–6 шт⟨ук⟩, бомбы в 100 шагах[3], у меня пепельный мерин, отвратительная лошадь. В лесу. Интрига с сестрой. Апан⟨асенко⟩ сделал ей с места в карьер гнусн⟨ое⟩ предл⟨ожение⟩, она, к⟨а⟩к говорят, ночевала, теперь говорит о нем с омерзением, но ей нравится Шеко, а она нравится военкомдиву, который маскирует свой|| интерес к ней тем, что она, мол, беззащитна, нет средств ⟨215⟩
передвижения, нет защитников. Она рассказывает, к⟨а⟩к за ней ухаживал Конст⟨антин⟩ Карлов⟨ич⟩, кормил, запрещал писать ей письма, а писали ей бесконечно. Яковлев ей страшно нравился, начальник регистрационного отдела ([из] белокурый мальчик в красн⟨ой⟩ фуражке⟨)⟩, просил руку и сердце и рыдал, как дитя. [Эт] Была еще какая-то история, но я об ней ничего не узнал. Эпопея с сестрой – и главное, о ней много говорят⟨,⟩ и ее все презирают, собственный кучер не разговаривает с ней, ее ботиночки, переднички, она оделяет⟨,⟩ книжки Бебеля – Женщина и социализм[4]. – О женщинах в Конармии можно написать том. Эскадроны в бой, пыль, грохот, обнаженные шашки, неистовая ругань, они с задравшимися юбками скачут впереди, пыльные, толстогрудые, все бл⟨яди⟩, но товарищи, и бл⟨яди,⟩ п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ товарищи, это самое важное, обслуживают всем⟨,⟩ чем могут, героини, и тут же презрение к ним, поят коней, [ведь] тащут сено, чинят сбрую, крадут в костелах вещи и у населения. –||

Нервность Апанасенки, его ругня, есть ли это сила воли? – Ночь снова ⟨216⟩
в Нивице, сплю где-то на соломе, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ ничего не помню, все на мне порвано, тело болит, СТО верст на лошади. – Ночую с Винокуровым.

Его отношения к Иванову. Что такое этот прожорливый и жалкий высокий
юноша с мягким голосом, увядшей душой, острым умом. [Тот с] Военком
с ним невыносимо груб, беспрерывно матом, ко всему придирается, что же
ты, и мать, не знаешь, не сделал, собирай манатки, выгоню я тебя. – Надо
проникнуть в душу бойца, проникаю, все это ужасно, зверье с принципа-
ми. – [но] За ночь 2⟨-я⟩ бр⟨игада⟩ ночным налетом взяла Топоров. Незабыва-
емое утро. Мы мчимся на рысях. Страшное, жуткое местечко, евреи у две-
рей, к⟨а⟩к трупы, я думаю, что еще с вами будет, черные бороды, согбенные
⟨217⟩ спины, разрушенные дома, тут же ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ остатки немецкой|| благо-
устроенности, какое-то невыразимое привычное и горячее евр⟨ейское⟩
горе. Тут же монастырь. Апанасенко сияет. Проходит вторая бригада. Чубы,
костюмы из ковров, красные кисеты, короткие карабины, начальники на
статных лошадях, буденновская бригада. Смотр, оркестры, здравствуйте,
сыны революции, Апанасенко сияет. – Из Топорова – леса, дороги, штаб
у дороги, ординарцы, комбриги, мы влетаем на рысях в Буск, [Оча] в его
восточную половину[5]. Какое очаровательное место (18⟨-го⟩ летит аэро-
план, сейчас будет бросать бомбы.) Чистые еврейки, сады, полные груш
и слив, сияющий полдень, занавески, в домах остатки мещанской, чистой
и⟨,⟩ м⟨ожет⟩ б⟨ыть,⟩ честной простоты, [зе] зеркала, мы у толстой галичан-
ки, вдовы учителя, широкие диваны, много слив, усталость невыносимая
от перенапряжения [ст.] (снаряд пролетел, не разорвался), не мог уснуть,
⟨218⟩ лежал у стены рядом с|| лошадьми и вспоминал пыль дороги и ужас обоз-
ной толкотни, пыль – величественное явление нашей войны. – Бой в Буске.
Он на той сторон⟨е⟩ моста. Наши раненые. Красота – там горит местеч-
ко. Еду к переправе – острое ощущение боя, надо пробегать кусок доро-
ги, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ он обстреливает, [раз] ночь, пожар сияет, лошади стоят
под хатами, идет совещание с Буденным, выходит Реввоенсовет[6], чувство
опасности. Буск в лоб не взяли[7], прощаемся с толстой галичанкой и едем
в Яблоновк⟨у⟩ глубокой ночью, кони едва идут, ночуем в дыре, на соломе,
начдив уехал, дальше у меня и военкома нету сил. – 1⟨-я⟩ бриг⟨ада⟩ нашла
брод и переправилась через Буг у Поборжаны[8]. Утром с Винокуровым на
переправу. Вот он⟨,⟩ Буг, мелкая речушка, штаб на холме, я измучен доро-
гой, меня отправляют обратно в Яблоновку допрашивать пленных. Беда.
Описать чувство всадника. Усталость, конь не идет, ехать надо далеко,||
⟨219⟩ сил нет, выжженная степь, одиночество, никто не поможет, версты беско-
нечно. – Допрос пленных в Яблоновке. Люди в нижнем белье, есть евреи,
белокурые полячки, истомленные, интеллигентный паренек, [ненависть]
тупая ненависть к ним, залитое кровью белье раненого, воды не дают, один
толстоморденький тычет мне документы. Счастливцы – думаю я, – к⟨а⟩к
вы ушли. Они окружают меня, они рады звуку моего благожелательного
голоса, несчастная пыль, какая разница между козаками и ими, жила тон-

ка. – Из Яблоновки еду обратно на тачанке в штаб. Опять переправа, [обо]
бесконечные переправляющиеся обозы (они не ждут ни минуты, вслед
за наступающими частями) грузнут ⟨в⟩ реке, рвутся постромки, пыль ду-
шит, галицийские деревни, мне дают молоко, в одной деревне – обед, толь-
ко что оттуда ушли поляки, все спокойно, деревня замерла,|| зной, полуден- ⟨220⟩
ная тишина, в деревне никого, изумительно то, что здесь такая ничем не
возмутимая тишина, свет, покой – к⟨а⟩к будто фронта и в 100 верстах нету.
Церкви в деревнях. – Дальше неприятель. Два голых зарезанных поляка
с маленькими лицами порезанными сверкают во ржи на солнце. – Возвра-
щаемся в Яблоновку, чай у Лепина, грязь, Черкашин унижает его и хочет
бросить, если присмотреться, лицо у Черкашина страшное, в его прямой,
высокой⟨,⟩ к⟨а⟩к палка, фигуре угадывается мужик – и пьяница, и вор, и хи-
трец. – Лепин – грязен, туп, обидчив, непонятен. – Длинный нескончаемый
рассказ красивого Барсукова, отец, Нижний Новгород, завед⟨ующий⟩ хим-
отделом, Красная Армия, деникинский плен, биография русского юноши,
отец – купец, был изобретателем, торговал с ресторанами московскими.
В течение всего пути толковал с ним. Это мы едем на Милатин, по доро-
ге – сливы. В ст. Милатине церковь, квартира ксендза, ксендз в роскошной
квартире – это незабываемо – он ежеминутно жмет мне руку, отправляется
хоронить мертвого поляка, приседает, спрашивает – хороший ли началь-
ник, лицо типично – иезуитское, бритое, серые глаза бегают⟨,⟩ и к⟨а⟩к это
хорошо, плачущая полька, племянница, просящая, чтобы|| ей вернули тел- ⟨221⟩
ку, слезы и кокетливая улыбка, совсем по-польски. Квартиру не забыть. Ка-
кие-то безделушки, приятная темнота, иезуитская, католическая культура,
чистые женщины и благовоннейший и растревоженный патер, против него
монастырь. Мне хочется остаться. Ждем решения – где остаться – в Ст⟨а-
ром⟩ или новом Милатине. Ночь. Паника. Какие-то обозы, где-то поля-
ки прорвались, на дороге столпотворение Вавилонское, обозы в три ряда,
я в Милатинской школе, две красивые старые девы, мне стало страшно,
как напомнили они мне сестер Шапиро из Николаева[9], две тихие интел-
лигентные галичанки, патриотки, своя культура, спальня, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩
папильотки, в этом грохочущем, воюющем Милатине, за стенами обозы,
пушки, отцы командиры рассказывают о подвигах, оранжевая пыль, клубы,
монастырь ими заверчен. Сестры угощают меня папиросами, они вдыхают
мои слова о том, что все будет великолепно – к⟨а⟩к бальзам, они расцвели,
и мы по-интеллигентски заговорили о культуре. – Стук в дверь. Комендант
зовет. Испуг. Едем в Н⟨овый⟩ Милатин. –||

Н. Милатин. С военкомом в стран⟨н⟩оприим⟨нице⟩, какое-то подворье, ⟨222⟩
сараи, ночь, своды, прислужница ксендза, мрачно, грязно, мириады мух,
усталость ни с чем не сравнимая, усталость фронта. – Рассвет, [Едем
на Буск, важный пункт] выезжаем, должны прорвать ж⟨елезную⟩ д⟨орогу⟩

(все это происходит 17/VIII), ж⟨елезную⟩ д⟨орогу⟩ Броды⟨–⟩Львов. – Мой первый бой, видел атаку, собираются у кустов, к Апанасенке ездят комбриги – осторожный Книга, хитрит, [описать] приезжает, забросает словами, тычут пальцами в бугры – по⟨-⟩под лесом, по⟨-⟩над лощиной, открыли неприятеля, полки несутся в атаку, шашки на солнце, бледные командиры, твердые ноги Апанасенки, ура.– [С] – Что было? Поле, пыль, штаб у равнины, неистово ругающийся Апанасенко, комбриг – уничтожить эту сволочь в … бандяги. – Настроение перед боем, голод, жара,
⟨223⟩ скачут в атаку|| сестры. – Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы, маленький полячок с полированными ногтями трет себе розовую голову с редкими волосами, отвечает уклончиво, виляя, «мекая» ну, да, Ш⟨еко⟩ воодушевленный и бледный, отвечай, кто ты – я, мнется – вроде прапорщика, мы отъезжаем, его ведут дальше, парень с хорошим лицом за его спиной заряжает, я кричу – Яков Васильевич, он делает вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление.– [Впе] Гонят пленных, их раздевают[10], странная картина – они раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, ма-
⟨224⟩ ленькая неловкость, тут же –|| командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого «вроде» прапорщика, предательски убитого. – Впереди – вещи ужасные. Мы перешли ж⟨елезную⟩ д⟨орогу⟩ у Задвурдзе. Поляки пробиваются по линии ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩ к Львову. Атака вечером у фермы. [Ув] Побоище. Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Ап⟨анасенко⟩ умывает руки. Ш⟨еко⟩ обмолвился – рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, [удер] прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы, атаку произвел наш эскадрон, Ап⟨анасенко⟩ в стороне, эскадрон оделся, к⟨а⟩к следует,
⟨225⟩ у Матусевича убили лошадь, он с страшным, гряз-||ным лицом, бежит, ищет лошадь. Ад. К⟨а⟩к мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Ап⟨анасенко⟩ – не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда – сестру зарезать, поляков зарезать. Ночуем в Задвурдзе, плохая квартира, я у Ш⟨еко⟩, хорошая пища, беспрерывные бои, я веду боевой образ жизни, совершенно измучен, мы стоим в лесах, кушать целый день нечего, приезжает экипаж Ш⟨еко⟩, подвозит. Часто на наблюдательном пункте, работа батарей, опушки, лощины, пулеметы косят, поляки, гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩, защищаются аэропланами, они становятся грозными, описать воздушную атаку, отдаленный и к⟨а⟩к будто медленный стук пулемета, паника в обозах, нервирует, беспрерывно планируют, скрыва-
⟨226⟩ емся от них. Новое при-||менение авиации, вспоминаю Мошера, капитан Фонт-Ле-Ро во Львове[11], наши странствия по бригадам, Книга только

в обход, Колесников в лоб, едем с Ш⟨еко⟩ в разведку, беспрерывные леса,
смертельная опасность, на горках, перед атакой пули жужжат вокруг,
жалкое лицо Сухорукова с саблей, мотаюсь за штабом, мы ждем доне-
сений, а они двигаются, делают обходы. – Бои за Баршовице. После дня
колебаний к вечеру поляки колоннами пробиваются к Львову. Ап⟨анасен-
ко⟩ увидел и сошел с ума, он трепещет, бригады действуют всем, хотя
имеют дело с отступающими, и бригады вытягиваются нескончаемы-
ми лентами, в атаку бросают 3 кавбригады, Ап⟨анасенко⟩ торжествует,||
хмыкает, пускает нового комбрига 3 Литовченко, взамен раненого Колес- ⟨227⟩
никова, видишь, вот они, иди и уничтожь, они бегут, корректирует дей-
ствия артиллерии, вмешивается в приказания комбатареи, лихорадочное
ожидание, думали повторить историю под Задвурдзе, не вышло. Болото
с одной стороны, губительный огонь с другой[12]. Движение на Остров,
6⟨-я⟩ кавдив⟨изия⟩ должна взять Львов с ю⟨го-⟩в⟨осточной⟩ стороны. – Ко-
лоссальные потери в комсоставе: ранен тяжело Корочаев, убит его помощ-
ник – еврей убит, нач⟨альник⟩ 34⟨-го⟩ п⟨олка⟩ ранен, весь комис⟨сарский⟩
состав 31⟨-го⟩ к⟨ав⟩п⟨олка⟩ выбыл из строя, ранены все наштабриги, бу-
денновские начальники впереди. – Раненые ползут на тачанках. Т⟨а⟩к мы
берем Львов, донесения командарму пишутся на траве, бригады скачут,
приказы ночью, снова леса, жужжат пули, нас сгоняет|| с места на место ⟨228⟩
артогонь, тоскливая боязнь [пулеметов] аэропланов, спеши тебя, будет
разрыв, во рту скверное ощущение и бежишь. Лошадей нечем кормить. –
Я понял – что такое лошадь для козака и кавалериста. – Спешенные всад-
ники на пыльных горячих дорогах, седла в руках, спят как убитые на чу-
жих подводах, везде гниют лошади, разговоры только о лошадях, обычай
мены, азарт, лошади мученики, лошади страдальцы, об них – эпопея, сам
проникся этим чувством – каждый переход больно за лошадь. – [Виз]

Визиты Апанасенко со свитой к Буденному. Буд⟨енный⟩ и Ворошилов
на фольварке, сидят у стола. Рапорт Апанасенки, вытянувшись. Неудача
особого полка – проектировали налет на Львов,|| вышли, в особом полку ⟨229⟩
сторожевое охранение, к⟨а⟩к всегда, спало, его сняли, поляки подкатили
пулемет на 100 шагов, [изл] изловили коней, поранили половину полка. –

Праздник Спаса – 19 Авг⟨уста⟩[13] – в Баршовице, убиваемая, но еще
дышащая деревня, покой, луга, масса гусей (с ними потом распоряди-
лись, Сидоренко или Егор рубят шашкой гусей по доске), мы едим варе-
ного гуся, в тот день, белые, они украшают деревню, на зеленых ⟨лугах⟩,
население праздничное, но хилое, призрачное, едва вылезшее из хижин,
молчаливое [и], странное, изумленное и совсем согнутое. – В этом празд-
нике есть что-то тихое и придавленное. – [У]

Униатский священник в Баршовице. Разрушенный, испоганенный
сад, здесь стоял штаб Буденного и сломанный, сожженный улей, это

⟨230⟩ ужасный варварский|| обычай – вспоминаю разломанные рамки, тысячи пчел, жужжащих и бьющихся у разрушенного улья, их тревожные рои. – Священник объясняет мне разницу между униатством и православием. Шептицкий великий человек, ходит в парусиновой рясе. – Толстенький человек, черное, пухлое лицо, бритые щеки, блестящие глазки с ячменем. –

Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе[14]. Малоудачный бой под Островом, но все же поляки уходят. Сведения об обороне Львова – профессора, женщины, подростки. Ап⟨анасенко⟩ будет их резать – он ненавидит [буржуазию] интеллигенцию, это глубоко, он хочет аристокра-
⟨231⟩ тического по-своему, мужицкого, казацкого|| государства. –

Прошла неделя боев – 21 Августа наши части в 4 верст⟨ах⟩ у Львова. Приказ – всей Конармии перейти в распоряжение запфронта. Нас двигают на север – к Люблину. Там наступление. Снимают армию, стоящую в 4 верстах от города, которого добивались столько времени. Нас заменит 14⟨-я⟩ армия[15]. Что это – безумие или невозможность взять город кавалерией? 45⟨-⟩верстный переход из Баршовице в Адамы будет мне памятен всю жизнь. Я на своей пегой лошаденке, Шеко в экипаже, зной и пыль, пыль из Апокалипсиса, удушливые облака, бесконечные обозы, идут все бригады, облака пыли, от которых нет спасения, страшно, задыхаешься, кругом
⟨232⟩ гром, движение, уезжаю с эскадроном по полям, теряем|| Шеко, начинается самое страшное, езда на моем не поспевающем коньке, бесконечно едем и все рысью, я выматываюсь, эскадрон хочет обогнать обозы, обгоняем, боюсь отстать, лошадь идет к⟨а⟩к пух, по инерции, идут все бригады, вся артиллерия, оставили для заслона по одному полку, которые должны присоединиться к дивизии с наступлением темноты. Проезжаем ночью через мертвый, тихий Буск. Что особенного в галицийских городов ⟨sic!⟩. Смешение грязного и тяжелого Востока (Византии и евреев) с немецким пивным Западом. От Буска 15 км. Я не выдержу. Меняюсь лошадьми. Оказывается – нет покрышки на седле. Ехать мучительно. Каждый раз я принимаю
⟨233⟩ другую позу.|| Привал в Козлове. Темная изба, хлеб с молоком. Какой-то крестьянин, мягкий и приветливый человек, был военнопленным в Одессе, я лежу на лавке, заснуть нельзя, на мне чужой френч, лошади во тьме, в избе душно, дети на полу. Приехали в Адамы в 4 ч⟨аса⟩ ночи. Ш⟨еко⟩ спит. Я ставлю где-то лошадь, сено есть, и ложусь спать.

Конец.
Бой под Львов⟨ом⟩

Адамы. 21.8 Испуганные русины[1]. Солнце. Хорошо. Я болен. Отдых. Днем все в клуне, сплю, к вечеру лучше, ломит голова, болит. Я у Шеко живу. Холуй наштадива, Егор. Едим хорошо. К⟨а⟩к мы добываем пищу.

Воробьев принял 2⟨-й⟩ эскадрон. – Солдаты довольны. В Польше, куда мы идем – можно не стесняться, с галичанами ни в чем не повинными, надо было осторожнее, отдыхаю, не сижу на седле. – Разговор с комартдивизионом[2] Максимовым, наша|| армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы. – Это просто средство, которым не брезгует партия. – Два одессита – Мануйлов и Богуславский, опрвоенком[3] авиации, Париж, Лондон, красивый еврей, болтун, статья в евр⟨опейском⟩ журнале, помнаштадив, евреи в Конармии, я ввожу их в корень. Одет во френч – излишки одесской буржуазии, тяжкие сведения об Одессе. Душат. Что отец? Неужели все отобрали?[4] Надо подумать о доме. – Прихлебательствую. – Ап⟨анасенко⟩ написал письмо польским офицерам. Бандяги, прекратите войну, сдайтесь, а то всех порубим, паны. Письмо Ап⟨анасенко⟩ на Дон, Ставрополь, там чинят затруднения бойцам, сыны революции, мы герои, мы неустрашимые, идем вперед. – Описание отдыха эскадрона, визг свиней, тащат курей, агенты, [у] туши на площади. Стирают белье, молотят овес, скачут со снопами, лошади, помахивая ушами, жрут|| овес. Лошадь это все. Имена: Степан, Миша, братишка, старуха. Лошадь – спаситель, это чувствует каждую минуту, однако избить может нечеловечески. За моей лошадью никто не ухаживает. Слабо ухаживают.

⟨234⟩ ⟨235⟩

<u>Адамы. 22.8</u>

У Мануйлова – помнаштадив – болит живот. Конечно. Служил у Муравьева[1], чрезвычайка, что-то военно-следственное, буржуй, женщины, Париж, авиация, что-то с репутацией, и он коммунист. Секретарь Богуславский – испуганно молчит и ест. – Спокойный день. Движение дальше на Север. – Живу с Шеко. – Ничего не могу делать. Устал, разбит. Сплю и ем. К⟨а⟩к мы едим. Система. Каптеры[2], фуражиры[3], ничего не дают. Прибытие красноармейцев в деревню, обшаривают, варят всю ночь, трещат печи, страдают хозяйские дочки, визг свиней, к военкому с квитанциями. Жалкие галичане. – Эпопея – как мы едим. – Хорошо – свиньи, куры,|| гуси.– «Барахольщики», «молошники» те, кот⟨орые⟩ отстают. ⟨236⟩

23–24/VIII <u>Витков</u>

Переезд в Витков на подводе. Институт обывательских подвод, несчастные обыватели, их мотают по две-три недели, [пере] отпускают, дают пропуск, другие солдаты перехватывают, снова мотают. Случай – при нас приехал мальчик из обоза. Ночь. Радость матери. – Идем в район Красностав–Люблин. Взяли армию, находивш⟨уюся⟩ в 4 верстах от Львова[1]. Кавалерия не могла взять. – Дорога в Витков[2]. Солнце. Галицийские

дороги, нескончаемые обозы, заводные лошади, разрушенная Галиция, евреи в местечках, уцелевшая ферма где-нибудь, чешская, предположим, налет на неспелые яблоки, на пасеки. – О пасеках подробно в другой раз. – В дороге, на телеге, думаю, тоскую о судьбах революции. – Местечко особенное, построенное после разрушения по одному плану, белые домики, деревянные высокие крыши, тоска. – Живем с помнаштадивами, Мануйлов ничего не понимает в штабном деле, муки с лошадьми, никто
⟨237⟩ не дает, едем на обывательских подводах,|| у Богуславского сиреневые кальсоны, в Одессе успех у девочек. – Солдаты просят спектакля. Их кормят – Денщик подвел. –

Ночь наштадива – где 33⟨-й⟩ полк, где пошла 2⟨-я⟩ бригада, телефон, армприказ комбригу 1, 2, 3[3]! – Дежурные ординарцы. Устройство эскадронов, командиры эскадронов – Матусевич и бывший комендант Воробьев, [ве] неизменно веселый и, кажется, глупый человек. – Ночь наштадива – Вас просят к начдиву.

Сокаль, 25–[26]/VIII

Наконец город. Проезжаем мест⟨ечко⟩ Тартакув, евреи, развалины, чистота еврейского типа, раса, лавчонки.

Я все еще болен, не могу опомниться от Львовских боев. Какой спертый воздух в этих местечках. В Сокале была пехота, город нетронут, наштадив у евреев. Книги, я увидел книги. Я у галичанки, богатой к тому же, едим здорово, курицу в сметане. – Еду на лошади в центр города, чи-
⟨238⟩ сто, красивые здания, все загажено войной,|| остатки чистоты и своеобразия. – Революционный комитет. Реквизиции и конфискации. Любопытно: крестьянство не трогают совершенно. Все земли в его распоряжении. Крестьянство в стороне. – Объявления рев⟨олюционного⟩ комитета. –

Сын хозяина – сионист и ein ausgesprochener nationalist*. Обычная еврейская жизнь. Они тяготеют к Вене, к Берлину, племянник, молодой юноша, занимается философией и хочет поступить в у⟨ниверсите⟩т. Едим масло и шоколад⟨ные⟩ конфекты. – У Мануйлова трения с наштадивом. Ш⟨еко⟩ посылает его к и м[1] – У меня самолюбие, ему не дают спать, нет лошади, вот тебе Конармия, здесь не отдохнешь. Книги – polnische**, juden***[2]. – Вечером – начдив в новой куртке, упитанный, в разноцветных штанах, красный и тупой, развлекается – музыка ночью, дождь ра-
⟨239⟩ зогнал. Идет дождь, мучительный галицийский дождь, сыпет и|| сыпет,

---

* ярый националист (*нем.*).

** польские (*нем.*).

*** евреи (*нем.*).

бесконечно, безнадежно. – Что делают в городе наши солдаты? Темные слухи. – Богуславский изменил Мануйлову. Богуславский раб.

Сокаль, 26.8

Осмотр города с молодым сионистом. Синагоги – хасидская, потрясающее зрелище, 300 лет т⟨ому⟩ н⟨азад⟩, бледные красивые мальчики с пейсами, синагога, что была 200 лет т⟨ому⟩ назад, те же фигурки в капотах, двигаются, размахивают руками, воют. Это партия ортодоксов – они за Белзского раввина, знаменитый Белзский раввин[1], удравший в [Галицию] Вену. Умеренные за Гусятинского раввина[2]. Их синагога. Красота алтаря, сделанного каким-то ремесленником, великолепие зеленоватых люстр, изъеденные столики, Белзская синагога – видение старины. Евреи просят воздействовать, чтобы их не разоряли, забирают пищу и|| товары. – Жиды все прячут. [А] Сапожник, сокаль- ⟨240⟩
ский сапожник, пролетарий. Фигура подмастерья, рыжий хасид-сапожник. – Сапожник ждал Советскую власть – он видит жидоедов и грабителей⟨,⟩ и не будет заработку, он потрясен и смотрит недоверчиво. Неразбериха с деньгами. Собственно говоря, мы ничего не платим – 15–20 рублей. – Еврейский квартал. Неописуемая бедность, грязь, замкнутость гетто. – Лавчонки, все открыты, мел и смола, солдаты рыщут, ругают жидов, шляются без толку, заходят в квартиры, залезают под стойки, жадные глаза, дрожащие руки, необыкновенная армия. – Организованное ограбление писчебумажной лавки, хозяин в слезах, все рвут, какие-то требования, дочка с западноевропейской выдержкой, но жалкая и красная, отпускает, получает ка-||кие-то деньги и магазинной ⟨241⟩
своей вежливостью хочет доказать, что все идет как следует, только [немного] слишком много покупателей. Хозяйка от отчаяния ничего не соображает. – Ночью будет грабеж города – это все знают. – Вечером музыка – начдив развлекается. Утром он писал письма на Дон и Ставрополь. Фронту невмоготу выносить безобразия тыла. Вот пристал! – Холуи начдива водят взад и вперед статных коней с нагрудниками и нахвостниками. –

Военком и сестра. Русский человек – хитрый мужичок, грубый, иногда наглый и путаный. Он о сестре высокого мнения, выщупывает меня, выспрашивает, он влюблен. – Сестра идет прощаться к начдиву, это после всего, что было. С ней спали все. Хам Суслов в смежной комнате – начдив занят, чистит револьвер. –

Получаю сапоги и белье. Сухоруков получал, сам распределял, [вот он] это обер-холуй, описать. –

Разговор с племянником, который хочет в у⟨ниверсите⟩т. – Сокаль – маклера и ремеслен-||ники, коммунизм, говорят мне, вряд ли здесь при- ⟨242⟩

вьется. – Какие раздерганные, замученные люди. – Несчастная Галиция, несчастные евреи. – У моего хозяина – 8 голубей. – У Мануйлова острый конфликт с Шеко, у него в прошлом много грехов. Киевский авантюрист. Приехал разжалованный из Наштабригов 3. – Лепин. Темная, страшная душа. – Сестра – 26 и 1[3].

27.8.20

Бои у Знятыня, Длужнова. Едем на северо-запад. Полдня в обозе. Движение на Лащов, Комаров. Утром выехали из Сокаля[1]. Обычный день – с эскадронами, начдивом мотаемся по лесам и полянам, приезжают комбриги, солнце, 5 часов не слезал с лошади, проходят бригады. Обозная паника. Оставил обозы у опушки леса, поехал к начдиву. Эскадроны на горе. Донесения командарму, канонада, аэропланов нет, переез-
⟨243⟩ жаем с места на место, обычный|| день. К ночи тяжкая усталость, ночуем в Василов. Назначенного пункта – Лащова не достигли. – В Василове или поблизости 11⟨-я⟩ дивизия, столпотворение, Бахтуров – малюсенькая дивизия, он несколько поблек, 4⟨-я⟩ див⟨изия⟩ ведет успешные бои.

Комаров, 28.8.20. Из Василова выехал на 10 минут позже эскадронов. Еду с 3 всадниками. Бугры, поляны, разрушенные экономии, где-то в зелени красные колонны, сливы. Стрельба, не знаем⟨,⟩ где пр⟨отивни⟩к, вокруг нас никого, пулеметы стучат совсем близко и с разных сторон, сердце сжимается, вот так каждый день отдельные всадники ищут штабы, возят донесения. К полудню нашел в опустошенной деревне, где в льохи[1] спрятались все жители, под деревьями, покрытыми сливами. Еду с эскадроном. Вступаем с начдивом, красный башлык, в Комаров[2]. Недостроенный великолепный красный костел. До того, как вступили в Комаров, после стрель-
⟨244⟩ бы – ехал один – тишина, тепло,|| ясный день, [спо] какое-то [спо] странное прозрачное спокойствие, душа побаливает, один, [⟨*1 сл. нрзб.*⟩ мало] никто не надоедает, поля, леса, волнистые долины, тенистые дороги. –

[Приезд] Стоим против костела. – Приезд Ворошилова и Буденного. Ворошилов разносит при всех, недостаток энергии, горячится, горячий человек, бродило всей армии, ездит и кричит, Буденный молчит, улыбается, белые зубы. Ап⟨анасенко⟩ защищается, зайдем в квартиру, почему кричит, выпускаем противника, нет соприкосновения, нет удара. – Ап⟨анасенко⟩ не годится? –

Аптекарь, предлагающий комнату. Слух об ужасах. Иду в местечко. Невыразимый страх и отчаяние. – Мне рассказывают. Скрытно в хате, боятся, чтобы не вернулись поляки. Здесь вчера были казаки есаула Яковлева. Погром[3]. Семья Давида Зиса, в квартирах, голый, едва дышащий
⟨245⟩ старик-пророк,|| зарубленная старуха, ребенок с отрубленными пальца-

ми, многие еще дышат, смрадный запах крови, все перевернуто, хаос, [все перевернуто] мать над зарубленным сыном, старуха, свернувшаяся калачиком, 4 человека в одной хижине, грязь, кровь под черной бородой, так в крови и лежат. Евреи на площади, измученный еврей, показывающий мне все, его сменяет высокий еврей. Раввин спрятался: у него все разворочено, до вечера не вылез из норы. Убито человек 15 – Хусид Ицка Галер – 70 л⟨ет⟩, Давид Зис – прислужник в синагоге – 45 л⟨ет⟩, жена и дочь – 15 л⟨ет⟩, Давид Трост, жена – резник. – У изнасилованной. – Вечером – у хозяев, казенный дом, суббота вечером, не хотели варить до тех пор, пока не прошла суббота. – Ищу сестер, Суслов смеется. Еврейка докторша. – Мы в странном старинном доме, когда-то здесь все было – масло, молоко. – Ночью – обход местечка. – Луна, за дверьми, их жизнь ночью. Вой за стенами. Будут убирать. Испуг и ужас населения. Главное – наши ходят равнодушно и пограбливают где можно,|| сдирают ⟨246⟩
с изрубленных. – Ненависть одинаковая, казаки те же, жестокость та же, армии разные, какая ерунда. Жизнь местечек. Спасения нет. Все губят – поляки не давали приюту. Все девушки и женщины едва ходят. Вечером – словоохотливый еврей с бороденкой, имел лавку, дочь бросилась от козака со второго этажа, переломала себе руки, таких много. Какая мощная и прелестная жизнь нации здесь была. Судьба еврейства. У нас вечером, ужин, чай, я сижу и пью⟨,⟩ слова еврея с бороденкой, тоскливо спрашивающего – можно ли будет торговать. – Тяжкая беспокойная ночь.||

Комаров, Лабуне, Пневск, 29.8. ⟨247⟩

Выезд из Комарова. Ночью наши грабили, в синагоге выбросили свитки Торы и забрали бархатные мешочки для седел. Ординарец военкома рассматривает тефилин[1]⟨,⟩ хочет забрать ремешки. Евреи угодливо улыбаются. Это – [ремешки] религия. – Все с жадностью смотрят на недобранное, ворошат кости и развалины. Они пришли для того, чтобы заработать. – Захромала моя лошадь, беру лошадь Наштадива, хочу поменять, я слишком мягок, разговор с Солтысом[2], ничего не выходит. – Лабуне. Водочный завод. 8 т⟨ысяч⟩ ведер спирта. Охрана. Идет дождь пронизывающий, беспрерывный. Осень, все к осени. Польская семья управляющего. Лошади под навесом, красноармейцы, несмотря на запрет, пьют. Лабуне – грозная опасность для армии. – Все таинственно и просто.|| Люди молчат и ничего не заметно к⟨а⟩к будто. О, ⟨248⟩
русский человек. Все дышит тайной и грозой. Смирившийся Сидоренко. – Операция на Замостье. Мы в 10 в⟨ерстах⟩ от З⟨амостья⟩[3]. Там спрошу об Р. Ю. – Операция, к⟨а⟩к всегда, несложна, обойти с запада и с севера и взять. Тревожные новости с запфронта. Поляки взяли Белосток[4]. – Дальше едем. Разграбленное поместье Кулачковского

у Лабуньки[5]. Белые колонны. Пленительное, хоть и барское устройство. Разрушение невообразимое. Настоящая Польша – управляющие, старухи, белокурые дети, [ост] богатые, полуевропейские деревни с солтысом, войтом, все католики, красивые женщины. В имении тащут овес. Кони в гостиной, вороные кони. Что же – спрятать от дождя.
⟨249⟩ Дра-||гоценнейшие книги в сундуке, не успели вывезти – конституция, утвержденная сеймом в начале 18 в⟨ека⟩[6], старинные фолианты Николая I⟨,⟩ свод польских законов, драгоценные переплеты, польские манускрипты 16 в⟨ека⟩, записки монахов, старинные французские романы. – Наверху не разрушение, а обыск, все стулья, стены, диваны распороты, пол вывернут, не разрушали, а искали. [Т] Тонкий хрусталь, спальня, дубовые кровати, пудреница, французские романы на столиках, много франц⟨узских⟩ и польских книг о гигиене ребенка, интимные женские принадлежности – разбиты остатки масла в масленице, молодожены? – Отстоявшаяся жизнь, гимнастическ⟨ие⟩ принадлежности, хорошие книги, столы, банки с лекарств⟨ами⟩ – все исковеркано святотатственно. Невыносимое чувство, бежать от вандалов, а они ходят, ищут, передать их поступь, лица, шляпы, ругань –
⟨250⟩ гад, в Бога мать, Спаса мать,|| по непролазной грязи тащут снопы с овсом. –

Подходим к Замостью. Страшный день. Дождь-победитель не затихает ⟨ни⟩ на минуту. Лошади едва вытягивают. Описать этот непереносимый дождь. Мотаемся до глубокой ночи. Промокли, устали до жути, красный башлык Апанасенки. Обходим Замостье, части в 3–4 верстах от него. Не подпускают бронепоезда, кроют нас артогнем. Мы сидим на полях, ждем донесений, несутся мутные потоки. Комбриг Книга в хижине, диктует донесение. Отец командир. Ничего не можем сделать с бронепоездами. Выяснилось, что мы не знали, что здесь есть ж⟨елезная⟩ дорога, на карте не отмечена, конфуз, вот наша разведка. – Мотаемся, все ждем, что возьмут Замостье. Черта с два.
⟨251⟩ Поляки дерутся|| все лучше. Лошади и люди дрожат. Ночуем в Пневске. Польская ладная крестьянская семья. Разница между русскими и поляками разительна. Поляки живут чище, веселее, играют с детьми, красивые иконы, красивые женщины.

30.8.20

Утром выезжаем из Пневска. Операция на Замостье продолжается[1]. Погода по-прежнему ужасная, дождь, слякоть, дороги непроходимы[2], почти не спали, на полу, на соломе, в сапогах, будь готов. – Опять мотня. Едем с Шеко к 3⟨-й⟩ бригаде. Он с револьвером в руках идет в наступление на ст⟨анцию⟩ Завады. Сидим с Лепиным в лесу. Лепин

корчится. Бой у станции. У Шеко обреченное лицо. Описать «частую
перестрелку». Взяли станцию. Едем к полотну ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩.
10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана? Офицер.
Кровь идет из рта. Густая красная кровь в|| комьях, заливает все лицо, ⟨252⟩
оно ужасно, красное, покрыто густым слоем крови. Пленные все раз-
деты. У командира эскадрона через седло перекинуты штаны. Шеко
заставляет отдать. Пленных одевают, ничего не одели. Офицерская
фуражка. «Их было девять». Вокруг них грязные слова. Хотят убить.
Лысый хромающий еврей в кальсонах, не поспевающий за лошадью,
страшное лицо, наверное, офицер, [др] надоедает всем, не может идти,
все они в животном страхе, жалкие, несчастные люди, польские про-
летарии, другой поляк – статный, спокойный, с бачками, в вязаной фу-
файке, держит себя с достоинством, все допытываются – не офицер
ли. Их хотят рубить. Над евреем собирается гроза. Неистовый пути-
ловский рабочий, [бу] рубать их всех надо⟨,⟩ гадов, еврей прыгает за
нами, мы тащим с собой пленных все время, потом отдаем|| на ответ- ⟨253⟩
ственность конвоиров. Что с ними будет. Ярость путиловского рабо-
чего, пена брызжет, шашка, порубаю гадов и отвечать не буду. – Едем
к начдиву, он при 1⟨-й⟩ и 2⟨-й⟩ бригадах. Все время находимся в виду
Замостья, видны его трубы, дома, пытаемся взять его со всех сторон.
Подготовляется ночная атака. Мы в 3 верстах от Замостья, ждем взя-
тия города[3], будем там ночевать. Поле, ночь, дождь, пронизывающий
холод, лежим на мокрой земле, лошадям нечего дать, темно, едут с до-
несениями. Наступление будет вести 1⟨-я⟩ и 3⟨-я⟩ бригады. Обычный
приезд Книги и Левды[4], комбрига 3, малограмотного хохла. Усталость,
апатия, неистребимая жажда сна, почти отчаяние. В темноте идет цепь,
спешена целая бригада. Возле нас – пушка. Через час – пошла потеха.
Наша пушка стреляет беспрерывно, мягкий, лопающийся звук, огни
в ночи, поляки пускают ракеты, ожес-||точеннейшая стрельба, ружей- ⟨254⟩
ная и пулеметная, ад, мы ждем, 3 часа ночи. Бой затихает. Ничего не
вышло. Все чаще и чаще у нас ничего не выходит. Что это? Армия
поддается? – Едем на ночлег верст за 10 в Ситанец. Дождь усиливает-
ся. Усталость непередаваема. Одна мечта ⟨–⟩ квартира. Мечта осущест-
вляется. Старый растерянный поляк со старухой. Солдаты, конечно,
растаскивают его. Испуг чрезвычайный, все сидели в погребах. Масса
молока, масла, лапша, блаженство. Я каждый раз вытаскиваю новую
пищу. Замученная хорошая старушка. Восхитительное топленое масло.
Вдруг обстрел, пули свистят у конюшен, у ног лошадей. Снимаемся.
Отчаяние. Едем в другую [половин] окраину села. Три часа сна, пре-
рываемого донесениями, расспросами, тревогой.||

⟨255⟩ Чесники, 31.8.20.

Совещание с комбригами. Фольварк. Тенистая лужайка. Разрушение полное. Даже вещей не осталось. Овес растаскиваем до основания. Фруктовый сад, пасека, разрушение пчельника, страшно, пчелы жужжат в отчаянии, взрывают порохом, [со] обматываются шинелями и идут в наступление на улей, вакханалия, тащат рамки на саблях, мед стекает на землю, пчелы жалят, их выкуривают смолистыми тряпками, зажженными тряпками. Черкашин. В пасеке – хаос и полное разрушение, дымятся развалины. – Я пишу в саду, лужайка, цветы, больно за все это.

Армприказ – оставить [Ком] Замостье, идти на выручку 14⟨-й⟩ дивизии, теснимой со стороны Комарова[1]. Местечко снова занято поляками. Несчастный Комаров. Езда по флангам и бригадам. Перед нами неприятельская кавалерия – раздолье, кого же рубить, как не их, козаки есаула Яковлева. Предстоит атака. Бригады накапливаются в лесу – версты 2
⟨256⟩ от Чесники[2]. –|| Ворошилов и Буденный все время с нами, [и] Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку, почему не подходит 2⟨-я⟩ бригада. Ждем подхода 2⟨-й⟩ бригады. Время тянется мучительно долго. Не торопить меня, т⟨оварищ⟩ Ворошилов. Ворошилов – все погибло к и м. – Буденный молчит, иногда улыбается, показывая ослепительные белые зубы. Надо сначала пустить бригаду, потом полк. Ворошилову не терпится, он пускает в атаку всех, кто есть под рукой. Полк проходит перед Ворош⟨иловым⟩ и Буд⟨енным⟩. Ворош⟨илов⟩ вытянул огромный револьвер, не давать панам пощады, возглас принимается с удовольствием. Полк вылетает нестройно. Ура, даешь, один скачет, другой задерживает, третий рысью, кони не идут, котелки и ковры. Наш эскадрон идет в атаку.
⟨257⟩ Скачем версты четыре. Они колоннами ждут нас на холме.|| Чудо – никто не пошевелился. Выдержка, дисциплина. Офицер с черной бородой. Я под пулями. Мои ощущения. Бегство. Военкомы заворачивают. Ничего не помогает. К счастью⟨,⟩ они не преследуют, иначе была бы катастрофа. Стараются собрать бригаду для второй атаки, ничего не получается. Мануйлову угрожают наганами. Героини сестры. – Едем обратно. Лошадь Шеко ранена, он контужен, страшное окаменевшее его лицо. [Во] Он ничего не разбирает, плачет, мы ведем лошадь. Она истекает кровью. – Рассказ сестры – есть сестры, которые только симпатию устраивают, мы помогаем бойцу, все тяготы с ним, стреляла бы в таких, да чем стрелять будешь, х-м, да и того нет. – Комсостав подавлен, грозные призраки разложения армии. Веселый дураковатый Воробьев, рассказывает о своих подвигах, подскочил, 4 выстрела в упор. Апанас⟨енко⟩ неожиданно оборачивается, ты сорвал атаку, мерзавец. – Ап⟨анасенко⟩ мрачен, Ш⟨еко⟩
⟨258⟩ жалок. – Разговоры о том, что армия не та, пора на отдых.|| Что дальше.

Ночуем в Чесники – смерзли, устали, молчим, непролазная, засасывающая грязь, осень, дороги разбиты, тоска. Впереди мрачные перспективы.

1.9.20. Теребин

Выступаем из Чесники ночью. Постояли часа два. Ночь, холод, на конях. Трясемся. Армприказ – отступать, мы окружены, потеряли связь с 12⟨-й⟩ армией, связи ни с кем[1]. Шеко плачет, голова трясется, лицо обиженного ребенка, жалкий, разбитый. Люди – хамы. Ему Винокуров не дал прочитать армприказа – он не у дел. Апанас⟨енко⟩ с неохотой дает экипаж – я им не извозчик. – Бесконечные разговоры о вчерашней атаке, вранье, искреннее сожаление, бойцы молчат. Дурак Воробьев звонит. Его
оборвал Нач-||див. – Начало конца 1⟨-й⟩ Конной. Толки об отступлении. – ⟨259⟩
Шеко – человек в несчастье. – У Мануйлова – 40°, лихорадка, его все ненавидят, Шеко преследует, почему? Не умеет себя держать. Хитрый, вкрадчивый, себе на уме, ординарец Борисов, никто не жалеет – вот где ужас. Еврей? – Армию спасает 4⟨-я⟩ див⟨изия⟩. Вот и предатель – Тимошенко[2]. – Приезжаем в Теребин, полуразрушенная деревня, холод. Осень, сплю днем в клуне, ночью вместе с Шеко. – Разговор с Арзамом Слягит ⟨?⟩. Рядом на лошадях, говорим об Тифлисе, фруктах, солнце. Я думаю об Одессе, душа рвется. – Тащим кровоточащего коня Шеко за собой. –||

2.9.20. Теребин–Метелин. ⟨260⟩

Жалкие деревни. Неотстроенные хижины. Полуголое население. Мы разоряем радикально. Начдив на позициях. Армприказ – сдерживать пр⟨отивни⟩ка, стремящегося к Бугу[1], наступать на Вакиево–Гостинное. Толкаемся, но успехов не удерживаем. Толки об ослаблении боеспособности армии все увеличиваются. Бегство из армии. Массовые рапорты об отпусках, болезнях. – Главная болячка дивизии – отсутствие комсостава, все командиры из бойцов, Ап⟨анасенко⟩ ненавидит демократов, ничего не смыслят, некому вести полк в атаку. – Эскадронные командуют полками[2]. – Дни апатии, Шеко поправляется, он угнетен. Тяжело жить в атмосфере армии, давшей трещину. –||

3. 4. 5.– 9.20. Малице. ⟨261⟩

Передвинулись вперед к Малице. – Новый помнаштадив – Орлов[1]. Гоголевская фигура. Патологический враль, язык без костей[2], еврейское лицо, главное – ужасная, если в нее вдуматься, легкость разговора, болтовни, вранья, боль (хромает), партизан, махновец, окончил реальное училище, командовал полком. От легкости этой страшно, что там внутри? – Мануйлов, наконец, хоть и со скандалом, сбежал, были угрозы арестом, какая бестолковость Шеко, направили его в 1⟨-ю⟩ бригаду,

идиотство, Штарм направил в авиацию. – Аминь. – Живу с Шеко. Туп,
добр, если уколоть в нужное место, бездарен, без постоянной воли. Пре-
смыкательствую, зато ем. Томный полуодессит Богуславский, мечтаю-
⟨262⟩ щий об одесских «девочках», нет, нет, а съездит ночью|| за армприказом.
Богусл⟨авский⟩ на казачьем седле. –

1⟨-й⟩ взвод 1⟨-го⟩ эскадрона. Кубанцы. Поют песни. Степенные. Улыбаются. Не шумят. –

Левда подал рапорт о болезни. Хитрый хохол. «У меня ревматизм, не
в силах работать». Три рапорта из бригад, сговорились; если не отвести
на отдых – дивизия погибнет, нет задора, лошади стали, люди апатичны,
3⟨-я⟩ бригада два дня в поле, холод, дождь. – Грустная страна, непролаз-
ная грязь, отсутствующие мужики, прячут лошадей в лесах, тихо плачу-
щие бабы. – Рапорт Книги – не имел сил управляться без комсостава. –
Все лошади в лесах, кр⟨асноармей⟩цы меняют, наука, спорт. – Барсуков
разлагается. Хочет в учебное заведение. – Идут бои. Наши пытаются
⟨263⟩ наступать на Вакиев–Тонятыги. Ничего не|| выходит. Странное бесси-
лие. – Поляк медленно, но верно нас отжимает. Начдив не годится, ни
инициативы, ни нужного упорства. Его гнойное честолюбие, женолюбие,
чревоугодие и, вероятно, лихорадочная деятельность, если это нужно
будет. – Образ жизни. –

Книга пишет – нет прежнего задора, бойцы ходят вялые. –

Все время погода, нагоняющая тоску, дороги разбиты, страшная рос-
сийская деревенская грязь, не вытащишь сапог, солнца нет, дождь, па-
смурно, проклятая страна. – Я болен, ангина, жар, едва передвигаюсь,
страшные ночи в задымленных чадных избах на соломе, все тело рас-
терзано, искусано, чешется, в крови, ничего не могу делать. – Операции
протекают вяло, период равновесия с начинающимся преобладанием||
⟨264⟩ на стороне поляка. – Комсостав пассивен, да его и нет. – Я бегаю к сестре
на перевязки, надо идти огородами, непролазная грязь. Сестра живет
[с со] во взводе. Героиня, хотя и совокупляется. Изба, курят, ругаются,
меняют портянки, солдатская жизнь, еще один человек – сестра. Кто
брезгает из одной чашки – выбрасывается. –

Пр⟨отивни⟩к наступает. Мы взяли Лотов[3], отдаем его, он нас отжимает, ни одно наше наступление не удается, отправляем обозы, я еду в Теребин на подводе Барсукова, дальше – дождь, слякоть, тоска, переезжаем Буг, Будятичи. Итак, решено отдать линию Буга. –||

⟨265⟩ Будятичи. 6.9.20

Будятичи занято 44⟨-й⟩ див⟨изией⟩[1]. Столкновения. Они поражены дикой ордой, накинувшейся на них. Орлов – даешь, катись. – Сестра гордая, туповатая, красивая сестра плачет, д⟨окто⟩р возмущен тем, что

кричат – бей жидов, спасай Россию. Они ошеломлены, начхоза избили нагайкой, лазарет выбрасывают, реквизируют и тянут свиней без всякого учета, а у них есть порядок, всякие уполномоченные с жалобами у Шеко. Вот и буденновцы. – Гордая сестра, каких мы никогда не видали – в белых башмаках и чулках, стройная полная нога, у них организация, уважение человеческого достоинства, быстрая, тщательная работа. – Живем у евреев. – Мысль о доме все настойчивее. Впереди нет исхода. –||

Будятичи. 7.9.20 ⟨266⟩

Мы занимаем две комнаты. Кухня полна евреями. Есть беженцы из Крылова, жалкая куча людей с лицами пророков. Спят вповалку. Целый день варят и пекут, еврейка работает, как каторжная, шьет, стирает. Тут же – молятся. Дети, барышни. Хамы – холуи жрут беспрерывно, пьют водку, хохочут, жиреют, икают от желания женщины. – Едим через каждые два часа. – Часть отведена за Буг, новая фаза операции. – Вот уже две недели к⟨а⟩к все упорнее и упорнее говорят о том, что армию надо отвести на отдых. [От] На отдых – боевой клич! – Наклевывается командировка – в гостях у начдива – всегда едят, его рассказы о Ставрополе, Суслов|| толстеет, густо хам посажен. – ⟨267⟩

Ужасная бестактность – представлены к Ордену Красного Знамени Шеко, Суслов, Сухоруков. –

Пр⟨отивни⟩к пытается перейти на нашу сторону Буга, 14⟨-я⟩ дивизия⟨,⟩ спешившись⟨,⟩ отбила его[1]. – Пишу удостоверения. – Оглох на одно ухо. Последствия простуды? Тело расчесано, все в ранах, недомогаю. Осень, дождь, уныло, грязь тяжелая. –

Владимир-Волынск⟨ий⟩ 8.9.20.

Утром на обыват⟨ельской⟩ подводе в административный штаб. Аттестат, канитель с деньгами. Полутыловая гнусность – [Пом] Гусев, Налетов, деньги в Ревтрибунале. Обед у Горбунова. – На тех же клячах в Владимир. Езда тяжелая, грязь непролазная, дороги непроходимы. Приезжаем ночью. Мотня с квартирой, хо-||лодная комната у вдовы. Евреи – лавочники. Папаша и мамаша – старики. – Где ты, бабушка? Чернобородый, мягкий муж. Рыжая беременная еврейка моет ноги. У девочки – понос. Теснота, но электричество, тепло. – Ужин – клецки с подсолнечным маслом – благодать. Вот она – густота еврейская. Думают, что я не понимаю по[русски]-еврейски, хитрые, к⟨а⟩к мухи. Город – нищ. – Спим с Бородиным на перине. ⟨268⟩

[Вл]

Вл⟨адимир-⟩Волынский 9.9.20.

Город нищ, грязен, голоден, за деньги ничего не купишь, конфетки по 20 р⟨ублей⟩ и папиросы. Тоска. Штарм. Уныло. Совет профессиональн⟨ых⟩ союзов, еврейские молодые люди. Хождение по совнархозам
⟨269⟩ и профкомиссиям, тоска, военные|| требуют, озорничают. Дохлые молодые евреи. – Пышный обед – мясо, каша. – Единственная утеха – пища. – Новый военком штаба – обезьянье лицо. – Хозяева хотят выменять мою шаль. Не дамся. – Мой возница – босой с заплывшими глазами. Рассея. – Синагога. Молюсь, голые стены, какой-то солдат забирает электрические лампочки. – Баня. Будь проклята солдатчина, война, скопление молодых, замученных, одичавших, еще здоровых людей. – Внутренняя жизнь моих хозяев, какие-то дела делаются, завтра пятница, уже готовятся, хорошая старуха, старик с хитринкой, притворяются нищими. Говорят – лучше голодать при большевиках, чем есть булку при поляках.

Вл⟨адимир-⟩В⟨о⟩л⟨ынский⟩.||

⟨270⟩ Ковель, 10.9.20.

Полдня на разбитом, унылом, ужасном вокзале во Влад⟨имире-⟩Волынском. Тоска. Чернобородый еврей работает. В Ковель приезжаем ночью. Неожиданная радость – поезд Поарма[1]. Ужин у Зданевича[2], масло. Ночую в радиостанции. Ослепительный свет. Чудеса. Хелемская сожительств⟨ует⟩. Лимфатические железы. Володя. Она обнажилась. Мое пророчество исполнилось.

Ковель 11.9.20.

Город хранит следы европейско-еврейской культуры. Советских ⟨денег⟩ не берут, стакан кофе без сахару – 50 р⟨ублей⟩, дрянной обедишка на вокзале – 600 р⟨ублей⟩. – Солнце, хожу по д⟨окто⟩рам, лечу ухо, чесотка. –
⟨271⟩ В гости к Яковлеву, тихие домики,|| луга, еврейские улички, тихая жизнь, ядреная, еврейские девушки, юноши, старики у синагоги, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ парики[1], Соввласть к⟨а⟩к будто не возмутила поверхности, эти кварталы за мостом.

В поезде грязно и голодно. Все исхудали, обовшивели, пожелтели, все ненавидят друг друга, сидят запершись в своих кабинках, даже повар исхудал. Разительная перемена. Живут в клетке. Хелемская грязная кухарит, контакт с кухней, она кормит Володю, еврейская жена «из хорошего дома». – Целый день ищу пищу. – Район расположения 12⟨-й⟩ армии. Пышные учреждения – клубы, граммофоны, сознательные красноармейцы, весело, жизнь кипит ключом, газеты 12⟨-й⟩ армии, Армуп-
⟨272⟩ роста[2], командарм|| Кузьмин[3], пишущий статьи, с виду работа Политотдела поставлена хорошо. – Жизнь евреев, толпы на улице, главная улица

Луцкая, хожу с разбитыми ногами, пью неисчислимое количество чаю и кофе. Мороженое – 500 р⟨ублей⟩. Позволяют себе весьма. Суббота, все лавочки закрыты. Лекарство – 5 р⟨ублей⟩. – Ночую в радиостанции. Ослепительный свет, умствующие радиотелеграфисты, один пытается играть на мандолине. Оба читают запоем. –

Киверцы, 12.9.20.

Утром – паника на вокзале. Артстрельба. Поляки в городе. [Необ] Не-
вообразимое жалкое бегство, обозы в пять рядов, жалкая,|| грязная, задыха- ⟨273⟩
ющаяся пехота, пещерные люди, бегут [брос] по лугам, бросают винтовки,
[ка] ординарец Бородин видит уже рубящих поляков. Поезд отправляется
быстро, солдаты и обозы бегут, раненые с искаженными лицами скачут
к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого упали штаны,
еврей с тонким просвечивающим лицом, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ хитрый еврей,
[дезе] вскакивают дезертиры с сломанными руками, больные из санле-
тучки. – Заведение, которое называется 12⟨-й⟩ армией. На одного бойца –
4 тыловика, 2 дамы, 2 сундука с вещами, да и этот единственный боец не
дерется. Двенадцатая армия губит фронт и Конармию, открывает наши
фланги, заставляет затыкать собой все дыры[1]. У них сдался|| в плен, от- ⟨274⟩
крыли фронт, Уральский полк или башкирская бригада. Паника позорная,
армия небоеспособна. Типы солдат. Русский красноармеец пехотинец –
босой, не только не модернизованный, совсем «убогая Русь», странники,
распухшие, обовшивевшие, низкорослые, голодные мужики. – В Голо-
бах выбрасывают всех больных и раненых и дезертиров. Слухи, а потом
факты: захвачено, загнанное в Владимир-Волынский тупик, снабжение
1⟨-й⟩ Конной, наш штаб перешел в Луцк, захвачено у 12⟨-й⟩ арм⟨ии⟩ мас-
са пленных, имущества, армия бежит. – Вечером приезжаем в Киверцы. –
Тяжкая жизнь в вагоне. Радиотелеграфисты все покушаются меня выжить,
[они] у одного по-прежнему расстроен желудок, он играет на мандолине,
другой умничает, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ он дурак. – Вагонная жизнь, грязная, злоб-
ная,|| голодная, враждебная друг к другу, нездоровая. Курящие и жрущие ⟨275⟩
москвички, без обличья, [ж] много жалких людей, кашляющие москвичи,
все хотят есть, все злы, у всех животы расстроены.

Киверцы, 13.9.20.

Ясное утро, лес. Евр⟨ейский⟩ Новый Год[1]. Голодно. Иду в местечко. Мальчики в белых воротничках. Ишас хаил угощает меня хлебом с маслом[2]. Она «сама» зарабатывает, бой⟨-⟩баба, шелковое платье, в доме прибрано. Я растроган до слез, тут помог только язык, мы разговариваем долго, муж в Америке, рассудительная и неторопливая еврейка. – Длинная

стоянка на станции. Тоска по-прежнему. Берем из клуба книжки, читаем запоем.||

⟨276⟩ Клевань, 14.9.20.

Стоим в Клевани сутки, все на станции. Голод, тоска. Не принимает Ровно. Железнодорожный рабочий. Печем у него коржи, карточки. Железнодорожный сторож. Они обедают, говорят ласковые слова, нам ничего не дают. Я с Бородиным, его легкая походка. Целый день добываем пищу, от одной сторожки к другой. Ночевка в радиостанции при ослепительном освещении.

Клевань, 15.9.20.

Начинаются третьи сутки нашего томительного стояния в Клевани, то же хождение за пищей, утром богато пили чай с коржами. Вечером поехал в Ровно на поезде авиации 1⟨-й⟩ Конной. Разговор об нашей авиа-
⟨277⟩ ции, ее нет, все|| аппараты сломаны, летчики не умеют летать, машины старые, латаные, никуда не годные. [Мо] Больной горлом красноармеец – вот он тип. Едва говорит, там⟨,⟩ вероят⟨но,⟩ все заложено, воспалено, лезет пальцем соскребывать в [но или по] глотке пленку, сказали, что помогает соль, сыплет соль, четыре дня не ел, пьет холодную воду, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ никто не дает горячей. Говорит косноязычно о наступлении, о командире, о том, что они босые, одни идут, другие не идут, манит пальцем.

Ужин у Гасниковой[1]. –

ПЛАНЫ И НАБРОСКИ К «КОНАРМИИ»

⟨1⟩ Белев–Боратин

Четырехдневный переход. Дневник. Простое длинное повествование. – Начать – прелестный переход? – Увидел, запомнил – переход в лесах с начдивом[1], постой у немцев, потом у батюшки. – Полковой священник. – К⟨онстантин⟩ Карлов⟨ич⟩. Ночью в штабе... Штаб, символ...

Бой под Смордвой. – Моя болезнь. Ночь в Смордве. – Привал в Жабокриках. – Грищук. – Совещание в Козине.

⟨2⟩ Демидовка

Начало – описание семьи, анализ ее чувств и веры. – К⟨а⟩к я все это знаю? Повсеместное явление. [Их] политическое мировоззрение. – Сирота в доме.

II. Наш приезд. Картошка, кофе. Спор Прищепы с юношей. Мой рассказ о Соввласти. – Вечер. Местечко за окнами. 9 Аба. – Разрушение Ерусалима[1]. – Описание девушки из Кременца[2]. В доме у будущего тестя. Наутро она – распатланная, посеревшая, защищает телегу, разговор с комиссаром. Прищепа ходит вокруг нее и тискает, наши девушки варят свинину, кременецкая шьет. – Демидовские экстерны. – Зубной врач – гордость семьи. – Описание семьи – отец старого закала, почтенный еврей, новые побеги, к⟨а⟩к всегда у евреев – прислушивается к новому, не мешает, – мать посредница, дети разъезжаются, живут, напоенные традицией, есть горбунья, есть гордая (зубной врач), есть пышная (замуж⟨ем⟩), одна ⟨–⟩ посвятившая себя семье и хозяйству, другая акушерка, помогающая бабам, она состарится в Демидовке. – Описать каждую сестру отдельно. (Три сестры – Чехова[3]?) – Лирическое вступление. – В эту-то семью⟨,⟩ все еще [расползающуюся] не раскалывающуюся⟨,⟩ приехали мы с Прищепой. – Нам прислуживает горбунья, потом к утру раскачалась и Дора Ароновна, как тяжело смотреть на сломленную женскую гордость. – Красивая девушка, единственная красивая, поэтому так сложно выйти замуж – в ней смесь местечкового здоровья, евр⟨ейских⟩ влажных, очень черных глаз, польского лукавства и варшавские туфли, ее [эти оз] всегда озабоченные родители зачали в простую веселую минуту, в остальных сложность, самолюбие, – единственный сын, 16 лет, значит⟨,⟩ шесть лет войны, нервен, фантаст, любимый сын матери. – Плач Иеремии[4]. – Сын читает, дочери лежат на кроватях, в белых чулках. – Все нам подносят. – О 9 Аба – построить на соответств⟨ии⟩ молитвы и того, что за стеной. – Выстрелы. – Замок, пулеметчики с позиций, гуляет казачня. – Дора

Ароновна – у нас праздник – бледнеет от гордости. – Прищепа – кровь проливаем. – Я рассказом увлекаю всех – дольше всех сопротивляется Дора Ароновна. –

I. Описание семьи. II. Картошка. Скандал, мы едим, Прищепа с затуманенными от ласки глазами. – Они жалкие. Говорим о поляках, Дора Ароновна мечтает о З⟨ападной⟩ Евр⟨опе⟩, она в Киеве была в кружках, я рассказываю небылицы, Прищепа и гимназист. – Вечер. Погода пасмурная, местечко невыразимо печально, кривой тесть, приходят пулеметчики, Пр⟨ищепа⟩ любезничает с девушкой, будем пихать, гимназист идет в синагогу. – II. 9 аба. – Плач Иеремии.– [Надо] Ночь на дворе. Утро. Пулеметчики уезжают, телега, девушка из Кременца. Гордость Иды Ароновны сломлена[5]. – Что читают 9 Аба? –

Просто. Коротко. – Описание сырого вечера. – Описание местечка. – Испуг в синагоге. – Ухаживание Прищепы. –

⟨3⟩ Демидовка

Коротко. – Обнаженный Прищепа⟨.⟩ – Окровавленная свинья. Барсуков. Синагога. – Изнасилование. – Кухня. –

Едем с Прищепой, рассказ Прищепы, еврейское местечко, настораживаюсь (отец мой в Бродской синагоге, окруженный купцами на хорах[1]. Плачут женщины).

Глухой отец. – Величественный старик. Тревожное величие глухих.

Спор Прищепы с гимназистом или с Идой Ароновной.

Главы: Прищепа. – Старуха, молитва, свинья. – Ида Ароновна. – Изнасилование. – Синагога.

Форма?

⟨4⟩ Демид⟨овка⟩

Центр – синагога, крик в ночи, внутренность синагоги, зеленоватые люстры, белые хитоны, горбатые старики.

Нач⟨ало⟩. Описание сестер, лежащих в разн⟨ых⟩ углах, красивая, шелковые чулки, свесившаяся нога, я как прикованный смотрю, ее мягкий таз. – Зубн⟨ой⟩ врач, гордая, Русс⟨кое⟩ Богатство[1], не верила моему вранью, в награду за ужин, несуществующая делегация. Венские туфли в этой комнате к⟨а⟩к проезжая дорога. – Прищепа и красавица. – Она, утомленная грязью, расцветает женский огонь. Глухой отец. – Будем клепать, согласилась, он ждет, мягко похаживая на своих кавказских подошвах. – Обнаженный Прищепа. – Я смотрю на нее после к⟨а⟩к на женщину. Прищепа спит – в кресле, раздвинув ноги, уронив голову, шпору. – Иду в синагогу – на женщину⟨,⟩ только что видевшую голого мужчину, так гнусно и неотразимо голого. И он ее целовал, жадно, долго, сын Израиля во мне пробудился, я ему завидую. – Синагога, ночь, – местечко, обыск, высокий казак, достающий стоя какую-то бумажку. – Синагога замазана, яркий свет, как приятно. – Все на полу. – Ноги в белых носках, к⟨а⟩к культяпки. – Крик. – Возвращаюсь. Встречаю. [Чувство] – Пулеметчики. [Бар] Чувство ненависти

сменяется тоской за человека. Барсуков, свинья. Иеремия. Горбунья. – Реквизиция телеги, изнасилование. – Грищук? –

Начало рассказа – ночь за окнами, местечко, ⟨*нрзб.*⟩ дождь, обыски, ночь кишит безмолвными убийствами. –

Конец – Грищук, [по]езжай домой, спим обнявшись.

Начало: Сердце мое билось. Будет ли Прищепа обладать этой девушкой. Моя молитва. – Сочинить молитву. –

⟨5⟩ Демид⟨овка⟩ 3

Начало⟨.⟩ – Описание местечка – синагога – Ламберты. – Прихожу – будем спать. Спор Прищепы с гимназистом. Кишат безмолвные убийства. – Сидят в ряд, – курят.

Время действия – продолжение два часа. I. Неудавшееся изнасилование. II. В синагоге. Местечко. – III. Встречаю пулеметчиков, кухня, Грищук, дождь. – Грищук не хочет бежать[1]. –

Тонкий стан Прищепы. – По тылах засели, гады. – Разговор о Ревкоме. – Она согласна. Ночь кишит безмолвными убийствами. Евреи в напряженных позах, к⟨а⟩к будто в фотографии. –

Еврейско-польское-украинское местечко. – Польский замок графа Ледоховского[2]. Дворецкий? – Начало – о замке. – Кругом него бьет эта обычная волынская жизнь – еврейско-польская… Прищепа – квартирьер. –

Грищук не хочет бежать. Голова моя горит – я гублю свою репутацию начальника. –

Он – поймают, голова моя кружится, я говорю торопливо и страстно. –

Нач⟨ало⟩. Завтра 9 Аба. Местечко кишит безмолвными убийствами. Казаки и евреи. – Обыск. Замок графа Ледоховского. – Тьма спускается со стремительной пугающей быстротой. – Синагога. – Мое бегство. – Дождь. – Возвращаются пулеметчики. – Жалость к ним. – Сколько силы нужно иметь – чтобы быть созерцателем в наши дни. – У Ламбертов. – Молитва. – Будем клепать – Барсуков. – Три цитаты из Иеремии. – Под аккомпанемент молитвы. – Неудача Прищепы, рассвет, пулеметчики уезжают со двора, я бросаюсь к Грищуку. – Беги – он отказывается, его теплая тугая спина, раздутое тело, беспредельно печальное небо над нами. –

Рассказ стремителен, быстр. – Ночь переходит в день – они одинаковы. – Синагога – гриб, освещенный, зеленые люстры, знаменитые медные зеленоватые семисвечники[3], драконы, змеи – видение старины. – Строение местечка, впереди богачи – раввины, [мол] описание раввина с вывороченными веками, кантор, молодые ⟨*продолжение на следующей странице*⟩

⟨6⟩ Демид⟨овка⟩ 4

люди ⟨*2 сл. нрзб.*⟩, писцы священных книг, контрабандисты, – водовозы, книгоноши, служки. – Строение местечка – испокон веков. –

Обыск – молодой [и ру] казак, повелительно стоит, выпрямившись и откинув туловище.

[Замок, луна выплывает, мерцают аллеи, сломанные львы, каменная колоннада, блеск тусклой луны в выбитых окнах. –]

Хасидская синагога – мазанка.– [Одесса, другая синагога, детство.]

Порядок. Ночь кишит… Обыск… Евреи у крыльца. [Ночь.] Сумерки. – Синагога. – Будем клепать – Розу? –

Наутро. Отъезд. – Спор Прищепы с гимназистом.

I. Синагога.

II. Спор Прищепы с гимназистом. Роза на кушетке. Глухой. В дворе.

III. 9 Аба.

Короткие главы. У раввина пухлая старческая рука.

⟨7⟩ [I. Переезд к безногому. Приказ Буден⟨ного⟩. К⟨онстантин⟩ К⟨арлович⟩ и Бахтуров. Рассказ К⟨онстантина⟩ К⟨арловича⟩.

II. Паника. – Начдив. – Мои лошади. Ночь. Броды. – Радзивилов. – Хотин. Грищук. – Голод его[1]. – Матяш.

Покушение на сестру. – Перчатка на Тимошенко.]

⟨8⟩ Лешнюв. 29.7.20. Превратности кавкампании. – Дождь-победитель, галиц⟨ийское⟩ местечко – сквозь сетку дождя[1]. – Ночь у Фроима[2]. – Тревожная ночь. – Говинский и Грищук[3]. – Шоссе на Броды.

Просто описать ночь. Начало: ночь будет тревожная. Состояние ожидания и усталости. –

[Броды]

⟨9⟩ его тонкой и невозмутимой усмешки.

Гржималовка, починок из двадцати-тридцати хат[1], была расположена на возвышенности, с которой открывалась отличная перспектива на Стырь и на приснопамятную Чуровицкую переправу[2]. У [бетонного] моста шла беззвучная и томительная возня. С одной стороны [его] стояли поляки, на нашем берегу действовали спешенные эскадроны Книги. Было тихо, изредка с коротким отчаянием вспыхивала пулеметная сухая дробь, вкрадчивое, невидимое присутствие неприятеля чувствовалось в легком сером пустом небе.

⟨10⟩ 3 Августа. Бой под Бр⟨одами⟩

1 Бой под Бродами. – Мое плутанье. – Сестра-еврейка. Что это такое? –

Сплю в поле, привязав стремя к ноге. Хочется убить повозочного! –

Главное – о сестре. –

II. В Радзивилове. – Визит Конст⟨антина⟩ Карл⟨овича⟩ и Тимошенки. Бой кончился сменой комсостава[1].

–

III. [Новые] Отдых. Новые люди. Ночь в поле. Лошади, привязан к стремени. – Ночь, кукуруза, сестра. Рассвет. – Без сюжета.

–

Главу о Бродах – отдельными отрывками – отбился от дивизии, что это значит.

–

Вася Рыбочкин.

–

Стиль – «В Белеве». – Короткие главы, насыщенные содержанием. –

Конкин. Застаю бригаду в ожидании. Представление у батюшки. Чего тебе, Масейка[2]. – Известие за героя Василия Рыбочкина. – Приказ командарма. Другой Рыбочкин. – [Бой] Плетит казака. – Потом из боя, золотые часы, сундуки, конь. – Приеду в Нижний, эх, запылю… Сестра милосердия на лошади, [зара] стерва… – Заработал комиссар. – Карточка клоуна. Привет из Нижнего. – Всемирно знаменитый [кло] чудо-клоун и парфорсный [но] ездок-иностранец. – Шествие отдаляется.

⟨11⟩ Бой под Бр⟨одами⟩.

[Поле] Воззв⟨ания⟩ Пильс⟨удского⟩ 2. Убитые, зарубленные, солнце, пшеница, солдатские книжки, листки Евангелия[1]. – Воззвание Пильсудского?

⟨12⟩ Бой под Бр⟨одами⟩.

Никаких рассуждений – Тщательн⟨ый⟩ выбор слов.

Конкин – пословицы: Бог не захочет, пузырь не вскочит. – По бороде – Аврам, а по делам хам. – В грехах, к⟨а⟩к репьях[1]. – Кусают и комары до поры. – Своя рогожа – чужой рожи дороже[2].

⟨13⟩ Бой под Бр⟨одами⟩.

1. Уход из Белавцев. Бой под Бродами. – Я перевязываю[1]. – Описание боя. Корочаев. Смерть раненого на моих руках. Радзивилов. Иван убивает лошадь, всадник убегает. – На мосту. – Жалко простокваши. –

2. Отъезд из Броды. Нетронутый паровой гарнитур. Экономия. [Буденный и комбриги] Выхожу по естественной нужде… Труп. Блещущий день… Все усеяно трупами, совершенно незаметными среди ржи. – Воззвания Пильсудского. – Бой, рубка в безмолвии. – Начдив. – Отдаляюсь. Почему? Не в силах вынести.

Конкин

3. Плутания. Вначале я попал… Кошкин⟨.⟩ Конюшково. – Антисемиты. – Сестра.

4. Радзивилов.

⟨14⟩ Бой под Бр⟨одами⟩.

1. На Радзивиловском шоссе. Бой. В Радзивилове. Ночь. Передвижение коней – главное.

2. Ночь в Бродах. За стеной синагоги.

3. (Коротко.) Отъезд из Брод. Труп. Поле, усеянное трупами. [Бой] Воззвания Пильсудского[1]. Бой. Колесников и Гришин[2]. Ухожу. – Раненый взводный, – отдельная вставка.

4. Конкин[3]. В плутаниях. – Антисемиты.

5. Сестра. Ночь. Отчаяние. Рассвет. –

Форма эпизодов – в полстраницы.

–

Бой.

1. Раненые на тачанке. Героизм козака. Стрелять буду. Смерть раненого. –

2. Ночь, движущиеся кони. –

3. Броды. За стеной.

4. Отъезд из Брод. Трупы. Воззвание Пильсудского. Начинается бой. Колесников и Гришин. – Начало скитаний.

5. [Левка[4].]

6. [Конкин. –] 7. Сестра. –

⟨15⟩ Бой под Бр⟨одами⟩. II

На тачанке Ивана. Раненые. Левка? – Броды или Радзивилов[1]. Простокваша manque*[2]. –

–

Бой у Клекотова. Буденный с штабом. Отбился от своих. – Плутания с 4⟨-й⟩ дивиз⟨ией⟩[3]. – Сестра. –

–

Конец боя. Ночный начдив с свитой. К⟨онстантин⟩ К⟨арлович⟩ в Радзивилове.

–

Левка

Главки? –

I. На тачанке Ивана. Смерть. – Описать раненых.

–

Буденный, Колесников, Гришин.

–

Плутания. Я с евреем не разговариваю[4]. Т⟨а⟩к далеко от городов.

–

Наши герои – ужасные люди[5].

---

* отсутствует, недостает (*фр.*).

Сразу описание боя – пыль, солнце, детали, картина Буденновского боя. – Подробности – убийство офицера и прочее. – Затем – у нас на тачанке, мертвецы[6]. – Броды или Радзивилов?

II. [Поле. Описание ночлега. Сестра. – Лошади тащут людей. –]

I. Уход из Белавцев. Бой под Бродами. На тачанке Ивана. –

II. Радзивилов.

III. Заезд в Броды. Поле у Клекотова. Экономия. Поле, усеянное убитыми. Воззвания Пильсудского. – Встреча с начдивом.

IV. Бой под Клекотовым. – Конкин. – Смерть польского генерала.

V. Плутания с 4⟨-й⟩ дивизией. Ночь в поле. – Сестра-еврейка.

VI. В Радзивилове. К⟨онстантин⟩ Карлов⟨ич⟩ – Шеко[7]. –

⟨16⟩ Диалоги. Бой под Бродами.

Привалы. Сено. Клуни. Кони.–

Сюжеты? –

Хитрый фельдшер. –

Приезд на ночлег. Уход за лошадьми. Тащим сено у крестьян. – Ночь. – Два часа отдохнули. На кони! – Бой под Бродами. – Украли уздечку[1]. –

⟨17⟩ Броды.

Я не видывал города печальнее. – Истоки еврейства, печать на всю жизнь. Бродская синагога в Одессе[1], аристократия. – Вечер пятницы. – Город – быстро обойти центр, разрушен, окраины, евр⟨ейский⟩ город, – описание синагог – главное. –

I. У галичанина. Вежливая смерть. – II. Синагоги. – III. – Ночь, за стеной. – Талмудисты. – Хасидизм с вытекшими глазницами[2]. – Видение старины – за Белзского раввина и за Гусятинского[3]. – Люстры, старики, дети, талмудисты. – Много я видел ночей, трясся в коридорах, но такой сырой⟨,⟩ скучной, грязной ночи не видел. – Она сестра, он из интендантства. – В щелочку[4]. – Ругань женщины. – История синагоги. – Узнать историю Брод. – Скрывают сухонького старичка – Белзского раввина. – ? – Без сравнений и исторических параллелей. – Просто рассказ.

⟨18⟩ Пожар в Лашкове.

Галицийская культура. – Священ⟨ник⟩, Шептицкий, описание икон, риз, бабье, как хоронят, церковь. – Апанасенко на пожаре, похож на Уточкина[1]. – Казаки рыщут. – Всю ночь комната моя освещена. – Мои хозяева в Лашкове. – Под окном кубанцы. – Тут же – оркестр – сестра? Предложение? – Галичане тушат отвратительно вяло, не умеют. – Сгоревшие лошади, обгоревшие коровы. – Апатия галичан. Апанасенко. –

Коротко. – Сразу пожар, Ап⟨анасенко⟩, галичане, козаки. – Кучка у церкви, разговор с священником, граф на Шептицах. – Митрополит Галицкий.

–

1 страница. Миниатюра.

⟨19⟩ Милятын.

Сразу описание монастыря. – Ксендз. Похороны. – Полька[1]. – Корочаев. – Вспоминание – дни покоя. Жующие лошади, сквозит небо, лежим на сене. – Потом – у еврея, Корочаев держит себя как помещик. – В еврее не было ничего от революционера. – Разжалованный начдив. – Потом звезда Корочаева – еврей, помощн⟨ик⟩ командира эскадрона[2]. – Книга. – Высокий неподвижный человек, грузный, как инспектор у Короленки[3], садится на диван, молчит, водка – немая сцена – фигура за оградой [бернардин] базилианский монастырь[4], монах в серой рясе, высокий, широкоплечий, перебирает четки, стою – заколдованный – потом в шум, грохот обозов. – Поляк, лежащий в гробу. – Два ординарца – один – Борисов, мягко расхаживает по двору, склонив голову, – другой киргиз – изнасилование – лицо ее, искривленное наслаждением, колени торчат. – Срам. – Труп рассечен – раскрывается и собирают вновь. – Мне до того жалко польки – мне хочется быть изящным, галантным.

Возвращаются из боя – особое спокойствие, обычность посадки, профессионализм! – Отдельно: Милятын, Корочаев.– [Сидят] Изнасил⟨ование⟩. – Сидят друг против друга – выпу⟨чив⟩ глаза[5] –

⟨20⟩ Милятын 2.

Прислуга – крохотная, коричневая уродливая полька. – Телочка с сосками, молодая мать. Прохладная роскошь комнаты. – Пустые сжавшиеся соски.

Порядок. Душный, пыльный золотой вечер. – Обозы. – Сразу описание монастыря. Патер и его племянница – дороги в монастыре. – Хоронит тайком… Я пробираюсь в монастырь. Властный голос ксендза. (Не соблюдать непрерывности в рассказе.) Обряд похорон – смена приказа, прибытие казаков, я ухожу. – [II гла] Козаки деловито возвращаются из боя. –

II глава – о Корочаеве.

–

Прислуга у ворот – главное доверенное лицо.

⟨21⟩ Задвурдзе.

[Просто и коротко.

Начало – обычная обстановка атаки. Молодой комбриг перед Апанасенко. Уб⟨ью⟩. Бандягу к такой-то матери. Едет Книга с «детьми». –

Хлопотливость – одного пристреливают, другого прикалывают. Эта корчащаяся, шевелящаяся земля. – Пощады не просят. – Зарежь, поляк сгибается к⟨а⟩к на гимнастике. –

II. Письмо к Шепелеву?[1]

Задвурдзе]

⟨22⟩ Задвурдзе. 17.8.20.

В моей памяти этот день горит, как
щит багровый пламень всходил
нависть без смысла и детская кровь
Мы должны прорвать железну
[нами равнина.] Бой кипит
в атаку на польскую пехот
штабом, стоит в кустах. [Его]
летит по ветру. Начальник д
молодому козаку. Тот слуш
вывает изо рта [выбитые в]
[бою.] Его [рот] губы разорваны штык
пальцем в воздух. Карты у
«Веди полк по под лесом.
Раздери ему, бандяге,
[эту] сволочь к такой то мат
[Полдень. Блистающий зной]
Конница бежит по полю. [не]
Не страшно. Лошади, уме
жутся игрушечными. Согну
таптывают пылящую земл
шутся во все стороны как б
рукой и где-то сыплется нен
Полк свесился над лесом
полей стремглав вынеслась
нами голубая и сияющая
лощиной всадники рубят
[сенко вскочил, Вскочив н]
[вив твердые ноги Апанас]

⟨23⟩ Бой под Львовом

По дням. Коротко. Драматически. – Включить – польская авиация. – Милятын–Задвурдзе.

⟨24⟩ Польская авиация. Бой под Львовом.

Конармия отступает. Перед кем? Перед двадцатью аэропланами. Секрет разгадан, лекарство найдено. Мошер был прав. Аэропланы действуют деморализующе. – Ранение Корочаева. – Письма майора Фон-Ле-Ро в штаб в Нью-Йорке. – В первый раз встреча с зап⟨адно⟩европейской техникой. – Вылетают утром. –

Бой под Львовом. – Описать бой с аэропланами. – Потом рассуждение. – Бой. – Эскадрилья нас мотает, преследует нас, мы мечемся, переезжаем с места

на место. Бой под Львовом. – Описать день. – Рассуждение после рассказа. – Две фазы войны. – Наши победы, бесплодие наших попыток, но неуспеха войны не видно. –

⟨25⟩ Сокаль. 1.

На площади перед синагогой. Споры евреев. Козаки роют могилу. Труп Трунова. Тимошенко. Аэроплан (?) – Евреев разогнал аэроплан, тогда я подошел к Тим⟨ошенко⟩. – Одна фраза из письма Мельникова – и страдания посередь той армии понимаю[1]. –

Порядок: Евреи. Аэроплан. Могила. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют[2]. –

Ортодоксы, раввин из Белза. –

Проиграл я тебя, Саша[3]. –

Религиозное побоище, можно бы подумать⟨,⟩ восемнадцатый век, Илья-Гаон[4], Баал-Шем[5], если бы козаки (описание) не рыли могилы. – Униатский поп, нога дугой. –

Униатский поп, потрава, потрава, говорю я, есть дела поважнее, сейчас аэроплан, точка вдали, козаки – и выходить не надо будет. Помните Мельникова, белый жеребец, прошение в армию. Он кланяется и передает вам свою любовь. Тим⟨ошенко⟩ [взял] пишет на крышке гроба, полевая книжка.

⟨26⟩ Сокаль 2.

Убирайтесь к свиньям с вашей потравой, тут дела поважнее есть. –

Тело Трунова с приставленными ногами, начищенные сапоги. – Голова на седле, стремена вокруг груди, –

Проиграл я тебя, Пава, –

Очень просто, фактическое изложение, без излишних описаний. –

Стать смирно. Хороним Павла Трунова. Военком, скажи слово. И военком произнес речь о власти советов, о конституции СССР[1] и о блокаде. –

Прошедшее время.

Помню, сказал Тимош⟨енко⟩, вот бы он теперь пригодился. –

Хороним Павла Трунова, всемирного героя. – Военком, помяни героя перед бойцами. –

⟨27⟩ Смерть Трунова.

И я поверил бы в воскресенье Илии, если бы не аэроплан, который заплывал и т.д. Он бросал с мягким шумом бомбы, артиллер⟨ийские⟩ запряжки. – [Казак из] Аэроплан, казак из могилы – долаживаю вам, тов. начдив, возможная вещь, что здесь и останемся[1]. Ясно – и пошел оправлять убитого. Седло, стремя, оркестры и делегации от полков. –

Хороним Трунова, всемирного героя, слово для выражения имеет военком. –

Тов⟨арищи⟩, – ком⟨мунистическая⟩ партия есть железная шеренга, бессчетно отдающая свою кровь в первом ряду. И когда из железа течет кровь, то это вам, товарищи, не [шутейное дело] шутки, – а победа или смерть[2]. Сюжет – речь военкома. –

⟨28⟩ Лабуне.

Дисциплина, Кр⟨асная⟩ Армия. – Все пьяные[1]. – Молчат. – Приезжают в молчании. – Сюжет – напились, но безмолвно, приезжают на ночлег в полном молчании. – Вначале о военной обстановке. – Пьяный Ап⟨анасенко⟩ проезжает впереди пьяного эскадрона, друг от друга таятся. – Управитель рослый, серый твердый поляк с большими ушами, молодая жена, очаровательные дети. – Национальный институт, такие пары встречаются часто и дети крепки, рослы. –

II. Усадьба Кулачковских[2]. – Левка прорвался – но как огонь в безвоздушном пространстве – погас. – Мне подносят сумрачно и дружелюбно. – Апанасенке подают лошадь.

⟨29⟩ Теребин.

Обстановка после поражения[1]. Шеко и Винокуров. – Мануйлов… Арзак… Тифлис…

⟨30⟩ Будятичи.

Встреча с 44 див⟨изией⟩[1]. Доктор, сестра, бей жидов, спасай Россию. – Гордая [органи] сестра, хорошая организация медиц⟨инской⟩ помощи, в бригаде порядок. Орлов… Катись, дальше… В это время – элегантный Шеко. – Скандал с Орловым. Сестра, к⟨а⟩к привет из России, там что-то новое, если такие женщины идут в армию. – Новая армия, настоящая. – Характеристика Орлова. Он выбрасывает вещи. – Они пакуют вещи – культура – термос, плед, складные кровати. –

⟨31⟩ Владимир⟨-⟩Вол⟨ынский⟩. –

Копошусь в теплой яме. Горячность еврейской семьи. Сижу, не выхожу в город. Я сплю против беременной женщины. Легкая походка Бородина. –

Баня. Фантастическое зрелище. Жалкое, русское зрелище. –

–

Главное – к⟨а⟩к хорошо ощущать себя в этой горячей потной яме. Даже корысть – не раздражает, она дружная, у них – восторг наживы, пятница, вечер, они мне благодарны. –

–

Заметка психологическая. – У русских есть смерть – здесь нет. Не представишь себе этих лиц в гробу. – После этой призрачной сухой беспощадной жизни, с добротой такой простой и дикостью – бессмысленной – здесь к⟨а⟩к-то распариваешься. – Набираешь сил бессмертия. – Этот таинственный жар семьи. – Описать старика и старуху, корыстных, трудолюбивых, жадных

к жизни без угасания. – Жизнь придушенная, но бьющая, к⟨а⟩к пламень – вверх из ямы. –

–

Рассуждение. Вкрапить события. –

⟨32⟩ [⟨Де⟩емидовку, будь интел-
тистик, будь интеллигентен,
прошу тебя Шевелев[1].]

⟨33⟩ Загладь невольный грех
от плодов Талмуда.
бертами, Шевелев. Я
рядку. –
Мы приехали в Демидо
путником был простой как трава и свир Прищепа
тельный хам, безграмо
ративное пятно, будущи
ный сифилитик и нет
[бел] красную черкеску
[ба] белоснежный
тый за спину. Всю дор
мне о том, как он с
[в родной] по станице
тоин [чт] того, чтобы
Кубань пришли бел
его родители были в контрразведке
щено соседями. У
вернулся в родну
ноармейцем, под

⟨34⟩ полотенца. Он вышел
ной черкеске с кривым
оясом, телега с мебелью
ди. Прищепа ходил от
и кровавый [след] отпечаток его подошв
[путь.] В тех хатах, где
цыплят своей матери
отца – он оставлял
черепа младенцев, повешенных над
иконы загаженные
⟨ч⟩убатые старики, поку-
омо следили его путь,

[ница молчала п.ч.]
казаки рассыпались хал и станица молчала
улся в свой опустошен
[вил отбитую у соседей мебель]

⟨35⟩ Грищук

I. Белев, обморок Грищука. –

–

Две России. Уехал шесть лет тому назад[1]. Приехал – что увидел.

Монолог Грищука. – Стиль.

⟨36⟩ Говинский.

Польский дезертир. Где еще такая армия? Приняли и сейчас же ко мне кучером. Он в потрясении, потом⟨у⟩ [сейч] нахлестывает лошадей и поет во все горло. –

Рев⟨олюционная⟩ глава. – Аф⟨онька⟩ Бида[1].

Поймали, хотели убить, главное, почему не убили? – потом забыли, потом вставили в список на довольствие. Сюжет – к⟨а⟩к Говинский был зачислен на довольствие.

⟨37⟩ Корочаев и еврей.

Гордый еврей. Назначили командиром полка. Не показать виду – перед козаками. Смерть еврея[1]. –

⟨38⟩ Лепин.

Бунт души. Захотел к латышам. – Его прошения[1].

⟨39⟩ Жизнеописание Апанасенки.

Унтер-офицер. 4 Георгия. Сын свинопаса. – Собрал деревню. Действовал на свой страх и риск. – Соединился с Буденным. – Астраханский поход. – Послание к полякам, которое начинается так: Сволочи. Составить послание. –

⟨40⟩ Ап⟨анасенко⟩ и Винокуров.

Случай с Яковлевым[1] – Козаки на поклон. Винокуров гнет свою линию[2]. – Описать трапезу, молодой задор Яковлева…

Инцидент с сестрой[3]. – Книга и еще целый ряд – чувствуют себя к⟨а⟩к дома.

Сестра приехала для Тимошенки.

Дом священника…

Нач⟨альник⟩ регистрода[4] стреляется… Апанасенко приходит извиняться… Винокуров хитрит, хлопает по спине… Разоблачение заврегистрода…

У нее была гадливость, потом к⟨а⟩к изменяется выражение женщины… Под иконой…

⟨41⟩ Тимошенко.

C'est superbe!* – Декоративный начдив. – Переезд, красная фуражка, белый жеребец[1]. – Спокойный, точный, чистоплотный авантюрист. Творец жизни. Кони. Холуи. Автомобиль. – Ремесло начдива. – У батюшки. – Холуи – рабы. – Хороший наштадив.

Биография –

Переезд – День начдива. – Холуи начдива.

⟨42⟩ День начдива.

Собирательный день. Повествование.

I. Француз. II. Торбочка из Совнархоза. – III. Утро начдива. – В штабе. – Холуи начдива.

–

Начало – холуи убирают лошадей, их еда, разговор с козаками, пренебрежительное отношение к другим. – Рассказ – форма.

Утро начдива.

⟨43⟩ Три военкома.

Прощание с Бахт⟨уровым⟩. Губанов, Ширяев, Винокуров… Рассказ о Губанове – прихрамывающий двадцатидвухлетний парень, властелин нехотя, ученик городского училища, мелкий мещанин – вижу, к⟨а⟩к он едет во главе полка…

Ширяев и Книга… – Гришин… Новое поколение – мещане… Гришин – донской казак… Губанов – мельчает порода, ну, кто таких Апанасенко, ухожу, устал, его ординарцы, рисуется, медленно взбирается на лошадь…

Гришин с красными губами… О новой породе мещан. –

⟨44⟩ Порядок. День покоя. Прохожу мимо двора, в котором живет Бахтуров. Жена. – Отступление – о женщинах в Конармии – Шурка Гусевская[1], припускают жеребцов, зарезанная сестра – сестры, которым никто не намолотит овса – ненависть,– «Русская красавица».

–

Отдых. – Бойцы, лошади. – Корочаев и еврей. – Шурка. – Ал⟨ександра⟩ Вас⟨ильевна⟩ – начдив за занавешенным окном, тайна [секр] успеха. – Главное – бойцы, молотят овес. – Кубанцы за котлами. – Белье развеш⟨ено⟩ по всему селу. – Скребет лошадь, потом спит на сене. – Начдив целый день у себя дома – потом в штаб, потом на бел⟨ом⟩ жеребце на позиции. –

Просмотреть Лашков, Хотин. – Экипаж с торчащими дышлами. – Раскрытый мотор в автомобиле.

–

Странствия в обозе – расплата за редкие дни помещичьего покоя.

–

* Это великолепно! (*фр.*).

Отдых. – 1 страница. – Жена Бахтурова, утро начдива. Фигура начдива, несколько строк. –

Жена Бахтурова.

В обозе. Смуглая козачка с бусами. – Сидит неподвижно, жалкая фигура. – На стоянке – семейная обстановка, оба рослые сидят за столом, она готовит, Ив⟨ан⟩ Иваныч, кони, денщики, экипажи, он в красных штанах и в рубашке. –

Начало – о женщинах в Конармии. – Сегодня Бахтуров женат. – Среди села – он как помещик. – Заглядываю внутрь двора. – Ночью – он выходит, почесывается. – Стройная, в шали, – высокие ноги, хозяйство. – Жена или наложница. – О женщинах в Конармии. – Гусев и Шурка. – Его презирают – он труслив, – военком тыла, эта толстая Сашка, со свиным рылом, она с безмятежным видом ест, она знает, зачем она здесь⟨,⟩ и не понимает, почему ей надо заниматься еще всякими другими обязанностями. Рассказ о зарезанной сестре. – Кучер жены Бахтурова. – Она держится особняком. – Белев? – Хотин?

⟨45⟩ Сестра. Ап⟨анасенко⟩.

История русской женщины. История, изложить по дням. – Мораль? –

⟨46⟩ Приез⟨д⟩ жены.

15 строк. – Обедаем. – Хороший, неожиданный обед. – Жена приехала, [а] он бабник и вольный козак. – Подпоясывается. Идет. Она усмехается. – Зачем приехала. Не томи. Злостная, слепая, азартная и мучительная любовь. Убил. – Возвращается обедать. Арест. – Давнишняя семейная история, слепая баба. – Убил – отвечу. –

⟨47⟩ Сын Апанасенки.

О мальчиках в армии. – Сын атамана[1], его лошадь, езда, ординарцы. Покровительство. – Александра Вас⟨ильевна⟩. – Очаровательно. Начать – ее рассказы, история с Ап⟨анасенко⟩ – Глупа. – ЧК и любовь[2]. – Лес, ее напаивают, – причастили, – козаки подсматривают. –

История про бабу[3].

⟨48⟩ За стеной.

Броды. Одесская гостиница. Я сижу и слушаю, к⟨а⟩к совокупл⟨яются⟩. Новое совокупл⟨ение⟩. Он из хоз⟨яйственной⟩ части, она из питпункта. Их разговор. – У нее хриплый голос. – Назар. – Байковое белье. – Грязные. – Диалог? – Она ругается по матушке, пьет водку, оба в мужском костюме, я думаю, что [два муж] оба мужчины. – Она – братва та хули… Начало – к⟨а⟩к скучно, как томительно и длинно совокупляются русские люди. Об этом можно было бы написать трактат. – В юности я простаивал у коридоров, подслушивал, хихиканья, женщины находят слова, переворачивающие душу, а теперь… Черепахи – три года, вот так же и эти… Общественная сторона этого совокупл⟨ения⟩… – Она рассказывает о канцелярских мытарствах, спят на прелом сене…

Он – и опять мне чудится мертвое лицо. – Брезгливое совокупл... Они из хозяйств⟨енной⟩ организ⟨ации⟩ – эти наследники интендантства – их социальная структура. – Она брезгливо курит крученку. – Оба они лежат – к⟨а⟩к мертвые, а за окном тревога, ночь смутная. – Она – выпьем... Оба пьют, к⟨а⟩к двое мужчин из полоскательниц. – Ее торчащие ноги с косточками. – Она в мужских парусиновых кальсонах.

Рыбочкин. – Начало ночи, тревога... Главное – ночь в Бродах, на фоне этой ночи – пара...

⟨49⟩ Молчание.

Получили телеграмму – Красностав, Холм[1]. – Казаки в кругу. Молчание. – С каждым нужно уметь обращаться.

⟨50⟩ Мануйлов и Богусл⟨авский⟩
Рассказать по дням? – Богуславский едет за арм⟨ейским⟩ приказом.

Сиреневые кальсоны, –

Расположить по главам. ⟨*1 сл. нрзб.*⟩ чист.

Человеки

Козицкий. Встреча с женщиной. – Полная русская дама. Игнатий.

Орлов. Его разговоры[1].

⟨51⟩ Вареники с вишнями.

Ивачково. К⟨онстантин⟩ Карлов⟨ич⟩ – Натюрморт. – Холуи насыщаются. – Он рассказывает о хитром фельдшере[1], о Варшаве, водка. –

–

Натюрморт.

Взять из следующих глав.

⟨52⟩ Житом⟨ирский⟩ нарком.

Я видел в Финляндии[1], настоящие пролетарии, здесь – евреи, вылезшие из гробов. Каторжники у стола. Чахлые евреи, гнущиеся под тяжестью оружия, под польским игом, местечковые коммунисты. – Евреи, поющие интерн⟨ационал⟩. – Сюжет для Андреева[2]. – Раса гномов, необыкновенно малые ростом, важные и молчаливые, увешанные оружием, ремнями, один только непомерно длинный и тощий в обмотках сине-рыжий в короткой курточке. – Молодые евреи, ремесленники поляки – в евреях что-то ласковое, к⟨а⟩к в праздник. – Фамилии – Уваров, Бартенев[3]. – Русские извозчики. – Социальное происхождение Жит⟨омирского⟩ наркома.

⟨53⟩ Коммунист и казаки.

Они грабят. Он увещевает. Потом в бешенстве – выбросим вас к... матери. Грязными руками делаем, бриллианты в огне – в перчатках их таскать.

Я с подвязанной щекой и евреи. Вы начальство? – Начальство, стоило кровь проливать[1].

⟨54⟩ Чехи.

Русский чиновник в Финляндии. – Poème en prose*. – Вихрастый полубезумный мужичок. Барин – я там родился, а здесь умру. – Я надел свой имею… Он пашет плугом, детей в школу, старухи почтенной, квас из яблок, моих – мало-мало.

И я вспомнил Финляндию…

Нач⟨ало⟩. Поехал в Шпаков[1]. Увязался мужичонка, тревожится. Я увидел. Описание. Речи мужика. Отъезд, полк, входящий в деревню…

–

Просто. Мне нужны были лошади. [Приехал] Поехал из Белева. Увидел. Благолепие. Проехал по селу. – Плохой из меня козак[2]. – Все. –

Poème en prose. – Главное – благолепие чешского села[3]. Концерт в Катариненштадте[4]. – Центр.– 3 фразы? – В трактире – группа чехов. – Чем занимаются? – Курят.

[Ингулову[5] – Смерть Дол⟨гушова.⟩

Известия – Тракт⟨ат⟩ о трубке[6].]

Спят. – Режут голубей. – Я ушел. –

Две части – первая – поэма в прозе, тишина и благолепие чешской колонии, вторая – встречаю Акинфиева[7] (?) не смог – и.т.м., удар по морде. Ты не можешь, а я могу. Ты зад, а я грабитель… И. т. м… Убить тебя надо – терзать тебя, гадину, на куски…

Комбриг – тут, парень, нечего барахолить, тут наш район…

Его, которого грабят, тебе жаль, а меня, который грабит, тебе не жаль? – Удар по лицу.

[Сердц] С чем ехал, с тем возвращаюсь, сердце не хватило, [Посмот] Жаль… –

Буденновец не получится…

О чем задумался, господин писатель? Не получится из меня буденновец. Что так…

Придурковатый и недавно в партию записался. –

Он окликает – о чем задумался, не выйдет буденновец, что так? Поехал за конями, жалко, шут с ними. – Он потемнел, отъехал. Смотрю на село, куры летают над заборами.

⟨55⟩ Чехи 2.

Тебе его жаль, на двух задницах сидит, а себя тебе, ободранца, не жалко. Жалей за всех [за] вас – сердце разорвется.– [Горю] Жалей вас горюнов. –

В России сколько орлов погибли, а вас [разве] холют, погубите вы нас… –

---

* Поэма в прозе (*фр.*).

Жалетелей на всех вас, на горюнов⟨,⟩ где набрать? – Он задрожал, побледнел и ударил меня по лицу. Мужичонка – жена у него в молчании живет, поп к кажному человеку склоняется. Не за что их бить, а бьют, может за то и бьют, что не за что…

⟨56⟩ О пчелах.
Рассказ? Фигура старика-чеха. Он погиб – искусанный.

⟨57⟩ Сов⟨етские⟩ главы.
Старый еврей – Царствие небесное наступило.

⟨58⟩ Книги.
Стиль, размер. – Кладбище в Козине…
Имение Кулачковского, лошади в гостиной – перечень книг[1] –
Поэма в прозе.

Книги – я захватил сколько мог, [атака] меня каждый раз зовут – не могу оторваться. Скачем – бросаю каждый раз – кусок души – все бросил. – Центр – перечисление книг. –
Книги и бой –
Элоиза и Абеляр[2]. – Пьетро Аретин⟨о⟩[3]. – Наполеон[4]. – Анатоль Франс[5]. –

РАЗНОЧТЕНИЯ В РАССКАЗАХ

КОНАРМИЯ

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЗБРУЧ

С. 7

4 ...по шоссе, по неувядаемому шоссе, идущему от Бреста до Варшавы… / …по шоссе, идущему от Бреста до Варшавы… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

6–7 ...в желтеющей ржи, девственная гречиха… / …в желтеющей ржи, и девственная гречиха… (Правда, *Кр. Н.*)

8 Тихая Волынь изгибается… / Тихая Волынь изгибается, как уснувшая кошка… (Правда)

9 ...вползает в цветистые пригорки... /...вползает на цветистые пригорки… (Правда)

11 ...в ущельях туч, и штандарты заката... / …в ущельях туч, штандарты заката… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

15 ...уходят в воду, звучные потоки... / …уходят в воду, и звучные потоки… (Правда, *Кр. Н.)*

20–21 ...третий спит уже, укрывшись... / …третий спит уже, перекрывшись… (Правда); …третий спит, укрывшись… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

21–22 Я нахожу развороченные шкафы... / Я нахожу еще развороченные шкафы… (Правда, *Кр. Н.*)

23 ...черепки сокровенной посуды... / …черенки сокровенной посуды… (Правда, *Кр. Н.* – ошибочно)

25 ...говорю я женщине... / …говорю я тогда женщине… (Правда)

28 Они кладут мне распоротую перину... / Они кладут на пол распоротую перину… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

28–29 …и я ложусь к стенке... / и я ложусь к стене… (*Рассказы-1935*)

29–30 …смыкается тотчас над моим ложем / смыкается перед моим ложем (*КА-1930*, *КА-1931*, *КА-1933*); ...смыкается над моим ложем (*Рассказы-1934* и последующие издания)

31 …луна, обхватив синими руками... / …луна, подперши синими руками… (Правда)

32 …бродяжит под окном. /…бродяжит под моим окном и шепчется с кем-то, как будто собирает камешки с земли. (Правда)

С. 8

40 – Пане, – говорит она мне… / – Пани, – говорит она мне… (Правда, *Кр. Н.* – ошибочно

42 ...Она поднимает с полу худые ноги... / Она поднимает с полу худые свои ноги… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

44 …лицо разрублено пополам, синяя кровь… / …лицо разрублено пополам, и синяя кровь… (Правда, *Кр. Н.*)

46 – Пане, – говорит еврейка... / – Пани, – говорит мне еврейка… (Правда, *Кр. Н.* – обращение ошибочно)

48 …так, как им было удобнее… / …так, как им было нужно… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

49 …сказала вдруг женщина с ужасной силой... / …прошептала вдруг женщина с ужасной силой… (Правда)

51–52 Новоград-Волынск, // июль 1920 г. / Новоград-Волынск, 1.7.20. (Правда)

КОСТЕЛ В НОВОГРАДЕ

Черновой набросок

Шумный юноша с телом исполина – пан Ромуальд величал нас товарищами. Желтым пальцем он водил по карте, указывая кровавый путь отступления польской армии. [и пересчитывая раны своей родины пан Ромуальд] Хрипло хохоча, он пересчитывал раны своей родины, и все это была ложь. Юноша в черной рясе был предатель, гордец, иезуит, поляк и патриот. Все это я понял позже – и пусть кроткое забвение поглотит память о пане Ромуальде, предавшего нас и расстрелянного ⟨sic!⟩ мимоходом. Но в тот вечер его узкая сутана шевелилась у всех портьер, яростно мела все дороги и усмехалась всем, кто хотел пить водку. Он был бы епископом, пан Ромуальд, если бы он не был героем. Z Охваченный плодородной печалью я бродил из комнаты в комнату, и его измученная тень, поникнув головой, неотступно следовала за мной. Но мне было все равно, потому что я не таил в себе злых помыслов. Под развалинами мерцало дыхание невиданного уклада, и его вкрадчивые соблазны ошеломили меня. О, эти черные Распятья из слоновой кости, крохотные, как талисманы куртизанки, и розовые портреты монсиньоров, и папские буллы на желтом пергаменте, и эти письма женщин, изображенные на голубом атласе и спрятанные в малиновых карманах шелковых жилетов. Z Я вижу тебя отсюда, неверный монах в лиловой рясе, твои синеватые руки, твои сухие и гладкие щеки, твою душу, нежную и безжалостную, как душа

кошки, я вижу раны твоего Бога, сочащиеся семенем, этим благовонным ядом, опьяняющим девственниц. Z Никого в доме. Я один. Пан Ромуальд упал в углу и спит. Под звездным небом в саду переливается аллея, усыпанная гравием. Прямая, как нить, она стремится к Храму⟨,⟩ и цветущие кусты роз несут ее на блистающем подносе. На куполе бьются зеленые молнии. Они бегут, ломаются и пропадают. Тонкий рог луны сияет свежим светом. Костел строит для ночного смотра свои стрельчатые башни. Мир чудес меня объемлет и жаждущие розы колышутся во тьме. Z Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой. В волшебных переплетах окна, в отлакированных и красных шкафах я вижу золотое тиснение элегантных фолиантов с пометкой: Краков, 1920. В них певучие повести о Болеславе Храбром, о пенящемся меде старой Польши, о прелести ее древних городов, и гимны ее последнему [воз] воскресению⟨,⟩ и осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику панства Иозефу Пильсудскому, многие хвалы, напечатанные на шуршащей, на свежей, как сливочное масло, бумаге, присланной из Лондона. Z И вот ночь, и я, насильственный пришелец, пробираюсь в храм, оставленный священнослужителем. Речь Посполитая, как встарь, содрогается под ударом казацкой плети. Богдана Хмельницкого стали звать Буденным⟨,⟩ и кто-то неумирающий рвет с мясом угодливые пейсы [евр] жидовских арендаторов. Все как было. История проделывает свой ослепительнейший фокус. Но над нищими толпами, катящимися на твои древние города, Польша, гремит песнь об единении всех холопов. Горе тебе, Речь Посполитая, горе тебе, князь Радзивил⟨,⟩ и тебе, князь Сапега, рыцари прошлого, восставшие на час. Z Как долго⟨,⟩ однако⟨,⟩ не приходит военком штаба. В глубине сада мирно зияют раскрытые ворота костела. Я колеблюсь, потом вхожу. Запах ладана [входит] впивается в мой мозг. Два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. Их безглазые орбиты налиты движущейся тьмою. Волнения истекшего дня лежат на душе тлеющим пластом. Я не выдерживаю и⟨,⟩ полный ужаса и усталости⟨,⟩ бросаюсь вниз в какое-то подземелье. Дубовая лестница ведет оттуда ⟨*текст обрывается*⟩

С. 9

2–3 Я отправился вчера с докладом к военкому, остановившемуся в доме бежавшего ксендза. / Военком штаба остановился в доме бежавшего ксендза. Я отправился с докладом к военкому штаба. (*ОИ*)

4 Бисквиты ее пахли... / Бисквиты пахли… (*ОИ*)

6 Рядом с домом в костеле ревели колокола... / В костеле ревели колокола… (*ОИ*)

8 …подсыпала мне печенья, и я насладился... / …подсыпала мне печения. И я насладился… (*ОИ*); …подсыпала мне печенья, я насладился… (*КА-1931* и последующие издания)

10–11 …извивалась сутана монаха. / …чувствовалась сутана монаха. (*ОИ*)

13 Желтым пальцем водил он по карте, указывая круги польского разгрома. / Желтым пальцем он водил по карте, указывая кровавые круги польского разгрома. (*ОИ*)

14–15 …кроткое забвенье... / …кроткое забвение… (*ОИ*, *КА-1928* и последующие издания)

18 ...тень монаха кралась за мной... /...тень монаха кралась за мною... (*ОИ*)

20–23 Я пил с ним ром, дыхание невиданного уклада мерцало под развалинами дома ксендза, и вкрадчивые его соблазны обессилили меня. О распятия, крохотные, как талисманы куртизанки, пергамент папских булл и атлас женских писем, истлевших в синем шелку жилетов!.. / Под развалинами мерцало дыхание невиданного уклада. Его вкрадчивые соблазны обессилили меня. О, распятия, крохотные, как талисманы куртизанки, и розовые портьеры ⟨sic!⟩ монсиньоров, и пергамент папских бумаг, надушенный атлас женских писем, истлевших в малиновом шелку жилетов. (*ОИ*)

24–25 …припухлость твоих рук, твою душу, нежную и безжалостную, как душа кошки… / …голубую припухлость твоих рук, твою душу, безжалостную, как душа кошки… (*ОИ*)

27 Мы пили ром, дожидаясь военкома... / Я пил ром, дожидаясь военкома… (*Кр. нива*)

27–28 Мы пили ром, дожидаясь военкома, но он все не возвращался из штаба. Ромуальд упал в углу и заснул. Он спит и трепещет, а за окном в саду… / Военком не вернулся еще из штаба. Я один. Ромуальд упал в углу и спит и трепещет. За окном в саду… (*ОИ*)

С. 9–10

32–35 Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову фолианты, в которых напечатана осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику Панства Иозефу Пильсудскому. / В отлакированных и красных шкапах я вижу золотое тиснение фолиантов: Краков, 1920. В них певучие повести о Болеславе Храбром, о кипучем меде старой Польши, и гимны последнему ее воскресению, и осанна ясновельможному и пресветлому начальнику панства Иозефу Пильсудскому, многие хвалы, напечатанные на шуршащей, на свежей, как сливочное масло, бумаге. // И вот ночь, и я раскидываю вещевой тюфяк в храме, оставленном священнослужителем. (*ОИ*)

С. 10

34 …подкладываю под голову фолианты… / …и подкладываю под голову фолианты… (*Кр. нива*)

35 …Иозефу Пильсудскому. / …Иозефу Пилсудскому. (*Кр. нива*, *КА-1933* и последующие издания)

36–37 Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая... / Но над нищими ордами, катящимися на твои древние города, о Польша, гремит песнь об единении всех холопов. Горе тебе, Речь Посполитая… (*ОИ*)

39–44 Все нет моего военкома. Я ищу его в штабе, в саду, в костеле. Ворота костела раскрыты, я вхожу, и мне навстречу два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. В испуге я бросаюсь вниз, в подземелье. Дубовая лестница ведет оттуда к алтарю. И я вижу множество огней, бегущих в высоте у самого купола. Я вижу военкома, начальника особого отдела и казаков со свечами в руках. Они отзываются на слабый мой крик и выводят меня из подвала. / Все нет военкома. В глубине сада зияют раскрытые ворота костела. Я колеблюсь, задыхаюсь и вхожу. Запах ладана впивается в мой мозг. Два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. Их безглазые орбиты налиты движущейся тьмой. Полный ужаса и усталости я бросаюсь вниз, в какое-то подземелье. Дубовая лестница ведет оттуда прямо к алтарю. И я вижу множество огней, бегущих в высоте самого купола. Я вижу военкома и начальника оперативного отдела, начальника особого отдела, со свечами в руках. Они отзываются на слабый мой крик и выносят меня из подвала. (*ОИ*)

39 Я ищу его в штабе, в саду, в костеле. / Я ищу его в штабе, в саду и потом в костеле. (*Кр. нива*)

40 …я вхожу, и мне навстречу… / …я вхожу, мне навстречу… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

41 В испуге я бросаюсь вниз, в подземелье. / В испуге я бросаюсь вниз, в какое-то подземелье. (*Кр. нива*)

46–47 …потому что это был обыск, начатый после того как в квартире ксендза были найдены груды военного обмундирования. / …потому что это был обыск и обшаривание мощей, предпринятое после того, как в квартире ксендза были найдены груды зимнего военного обмундирования. (*ОИ*)

51 …зрачками, пламя бьется в наших пальцах, и квадратные тени... / …зрачками. Пламя вьется в наших пальцах. Квадратные тени… (*ОИ*)

54–58 Мы кружимся и ищем. Под нашими пальцами прыгают костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая под-

земелья и зацветающие плесенью пещеры. Храм этот древен и полон тайны. Он скрывает в своих глянцевитых стенах потайные ходы, ниши и створки, распахивающиеся бесшумно. / Храм древен, полон тайны. Он стоит на просторных подземельях. Он скрывает в своих выпуклых глянцевитых стенах – потайные ходы, открытые ниши, беззвучно распахивающиеся створки. Под нашими пальцами прыгают какие-то костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая сырые, зацветающие плесенью пещеры. (*ОИ*)

54 Под нашими пальцами прыгают костяные кнопки... / Под нашими пальцами прыгают какие-то костяные кнопки… (*Кр. нива*)

59–60 О, глупый ксендз, развесивший на гвоздях Спасителя лифчики своих прихожанок! / Ах, глупый ксендз, развешавший на гвоздях Спасителя кружевные лифчики своих прихожанок. (*ОИ*); Ах, глупый ксендз, развешавший на гвоздях Спасителя лифчики своих прихожанок. (*Кр. нива*)

60–62 За царскими вратами мы нашли чемодан с золотыми монетами, сафьяновый мешок с кредитками и футляры парижских ювелиров с изумрудными перстнями. / За царскими вратами мы нашли чемодан с золотыми монетами и сундуки с соболями, мы нашли сафьяновый мешок с кредитками и футляры, футляры парижских ювелиров с изумрудными перстнями. (*ОИ*)

61–62 …сафьяновый мешок... / …сафьянный мешок… (*КА-1933*)

63 А потом мы считали деньги в комнате военкома. / А потом – подсчет денег у военкома. (*ОИ*); И потом мы считали деньги в комнате военкома. (*Кр. нива*)

65–66 …рев колоколов, заведенных паном Робацким… / …рев колоколов, заведенных в часовне паном Робацким… (*ОИ*)

67–68 «…прочь от этих подмигивающих мадонн, обманутых солдатами…» / «…прочь от этих подмигивающих Мадонн, изнасилованных солдатами…» (*ОИ*)

ПИСЬМО

С. 11

2–3 …продиктованное мне мальчиком нашей экспедиции Курдюковым. / …продиктованное мне Курдюковым. (*ОИ*, *Машинопись*, Леф); …продиктованное мне Курдюковым, мальчиком из нашей экспедиции. (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

10 Спешу вам писать... / Спешу вам написать… (*КА-1928* и последующие издания)

13 ...мы развозим на позиции... / ...мы развозим на позицию... (*Рассказы-1925(2)*)

20–21 Кажные сутки... / Каждые сутки... (*КА-1928* и последующие издания)

21 ...ложуся отдыхать... / ...ложусь отдыхать... (*КА-1930* и последующие издания)

21 ...и безо всякой одежи... / ...и безо всякой одежды... (*КА-1931* и последующие издания)

27 Могу вам писать также... / Могу вам описать также... (*КА-1933* и последующие издания)

29 ...пшеницы видать мало... / ...пшеницы, видать, мало... (*КА-1931* и последующие издания)

30 На палках здеся растет хмель... / На палках здесь растет хмель... (*КА-1928* и последующие издания)

С. 11–12

33–34 Наша красная бригада товарища Павличенки... / Наша красная бригада товарища Апанасенки... (*ОИ*, *Машинопись*, Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

С. 12

38 И папаша начали Федю резать... / И они начали Федю резать... (*ОИ*)

44 ...как спаситель Исус Христос. / ...как спаситель Иисус Христос. (*КА-1928* и последующие издания)

44–45 ...прибился до своей части товарища Павличенки. / Прибился до своей части товарища Апанасенки. (*ОИ*, *Машинопись*, Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*); ...прибился к своей части товарища Павличенки. (*Рассказы-1935*)

49 ...люди в ем очень красивые... /...люди в ем очень красивы... (*ОИ*, *Машинопись*, Леф)

49–50 Давали нам хлеба по два фунта... / Давали нам хлеб по два фунта... (*Рассказы-1936*)

55 ...справную одежу... / ...справную одежду... (*КА-1930*, *КА-1931*, *Рассказы-1936*)

62 ...находился в городе Майкопе... / ...находился в городе Майкоп... (*ОИ*, *Машинопись*, Леф)

63 ...никто из жителей не знал... / ...никто из жителей не знали... (*КА-1928* и последующие издания, кроме *Рассказы-1935*)

64 ...она себя окажет... / ...она себе окажет... (*КА-1927* и последующие издания)

67–70 ...тыл никак не сочувствует фронту, и в ем повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме. И Семен Тимофеич в городе Майкопе с жидами здорово спорился, которые не выпущали... /...тыл никак не сочувствует фронту. И Семен Тимофеич в городе Майкопе со многими здорово спорился, которые не выпущали... (*ОИ*)

70–71 …пришел приказ товарища Троцкого не рубать пленных… / …пришел приказ не рубать пленных… (*КА-1933* и последующие издания)

72 …Семен Тимофеич свое взял и доказал… / …Семен Тимофеич свое взял и он доказал… (*ОИ*)

73 …то он есть командир полка… / …что он есть командир полка… (*ОИ*, *КА-1930* и последующие издания)

74 …грозился всех порубать… / …грозился всех порубить… (*Рассказы-1927*)

С. 13

75 …грозились ребята со станицы. /…грозились ребята из станицы. (*ОИ*)

81, 84, 87 …сказали папаша… / …сказал папаша… (*КА-1928* и последующие издания)

89 …что если попадусь я к вашим… / …что коли попадусь я к вашим… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

95 …стоянку в городе в Новороссийском. / …стоянку в городе Новороссийском. (*ОИ*, *Машинопись*)

97 …и мы там оставалися до самого мая… / …и мы там оставались до самого мая… (*КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*)

99 …Василий Тимофеич Курдюков. / …Василий Тимофеевич Курдюков. (*ОИ*)

102 …спрятал его за пазуху, на голое тело. / *После этих слов, с абзаца*: Мне нужно было время, чтобы очнуться. Я ушел и вернулся. (*ОИ*)

109 …с сверкающим взглядом… /…со сверкающим взглядом… (*КА-1931* и последующие издания)

110 …в бамбуковом креслице… / …в зеленом бамбуковом креслице… (*ОИ*)

110 …мерцала крохотная крестьянка… / …сидела крохотная крестьянка… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

НАЧАЛЬНИК КОНЗАПАСА

С. 14

1 Начальник конзапаса / Дьяков (Леф)

2 Конница травит хлеба… / Конница травит хлеб… (*КА-1930* и последующие издания)

5–6 Но крестьянам не легче от этого сознания. Крестьяне неотступно толпятся у здания штаба. / У здания штаба неотступно толпятся крестьяне. (*Машинопись*, Леф)

11 Начальник штаба Ж. в полной форме… / Начальник штаба в полной форме… (*Машинопись*, Леф)

13 Как и всякий вышколенный... / Ж., как всякий вышколенный... (*Машинопись*, Леф); Как всякий вышколенный... (*Рассказы-1934* и последующие издания)

15 В эти немногие минуты коровьего блаженного бессмыслия... / В эти немногие минуты блаженного бессмыслия... (*Рассказы-1934* и последующие издания)

20 Дождавшись нужного перебоя... / Дождавшись этого перебоя в темпе... (*Машинопись*, Леф)

22 На огненном своем англо-арабе... / На огненном англо-арабе... (*Рассказы-1934* и последующие издания)

С. 15

27 ...и в то же мгновение... /...и в то же мгновенье... (*КА-1933* и последующие издания)

35 Ежели конь упал и поднимется... / Ежели конь упал и поднимается... (*КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*); Ежели конь упал и подымается... (*КА-1933* и последующие издания)

36 ...ежели он, обратно сказать, не подымется... / ...ежели он, обратно сказать, не подымается... (*КА-1930* и последующие издания)

37 ...справная кобылка у меня подымется... / ...справная кобылка у меня поднимется... (*Машинопись*)

43–44 Оно уныло уставилось на Дьякова... / Оно уныло уставилось в Дьякова... (*Машинопись*, Леф)

45 ...невидимое какое-то повеление... / ...какое-то невидимое повеление... (*Машинопись*, Леф)

48–49 ...кляча медленно, внимательно становилась на ноги. / ...кляча медленно и внимательно становилась на ноги (*Машинопись*, Леф); ...кляча медленно-внимательно становилась на ноги (*КА-1928*, *КА-1930*)

52 ...боязливых, влюбляющихся глаз / ...боязливых и влюбленных глаз (*Машинопись*, Леф)

ПАН АПОЛЕК

С. 16

3–4 ...среди скрюченных развалин... / ...среди скрученных развалин... (*Кр. Н.* – вероятно, ошибочно)

5–6 ...следовать примеру пана Аполека. / ...следовать величественному примеру пана Аполека. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

11 ...На ней была надпись: «Смерть Крестителя». / Под ней была подпись «Смерть Крестителя». (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

19 ...крепко взятом большими желтыми пальцами воина. / ...крепко взятом большими и желтыми пальцами воина. (*Рассказы-1925(1)*)

25 Я подивился искусству живописца, мрачной его выдумке. / Я подивился великолепному искусству мастера и мрачной его выдумке. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

28 …лежала печать одной кисти. / …лежала печать одной и той же кисти. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

28 Мясистое лицо богоматери… / Мясистый лик Богоматери… (*Кр. Н.*); Мясистый лик богоматери… (*Рассказы-1925(1)*)

28–29 …это был портрет с пани Элизы. / …это был портрет пани Элизы. (*КА-1928* и последующие издания)

С. 17

34 Он пришел сюда с слепым Готфридом… / Он пришел сюда со слепым Готфридом… (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*, *КА-1931* и последующие издания)

35 Приятели – Аполек и Готфрид – подошли к корчме Шмереля… / Приятели подошли к корчме Шмереля… (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

40 …на тирольской шляпе слепого. / …на тирольской шляпе слепого Готфрида. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

41 …разложили краски и гармонику. / …разложили краски и гармонии. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

43–44 …свое розовое узкое хилое тело. /…свое розовое узкое и хилое тело. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

44–45 …миску благовонной зразы. / …миску зразы. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

45–46 …гармонию на острые свои колени. / …гармонию на свои острые колени. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

47 …огласили прокопченные стены еврейского шинка. / …огласили стены еврейского шинка. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

51–52 …они уложили в холщовые мешки гармонику и краски… / …они уложили в холщовые мешки гармонию и краски… (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

57 Если бог Исус… / Если бог Иисус… (*КА-1928* и последующие издания)

58–59 К волосам вашим подойдут жемчуга, а на груди… / К волосам вашим подойдут жемчуга, и на груди… (*Рассказы-1925(1)*)

61–62 …смеющееся лицо пани Брайны, обведенное медными кудрями. / …смеющееся лицо пани Брайны, обрамленное медными кудрями. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

63–66 …вскричал Шмерель, увидев портрет жены. Он схватил палку и пустился за постояльцами в погоню. Но по дороге Шмерель вспомнил розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце на своем дворике, и тихий звон гармоники. Корчмарь смутился духом и, отложив палку, вернулся домой. / …вскричал Шмерель, когда увидел портрет

своей жены. Но постояльцы были уже далеко. Шмерель схватил палку и пустился в погоню. Но по дороге он вспомнил вдруг розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце у него на дворике, и тихий звон гармонии. И Шмерель смутился духом и, отложив палку, вернулся к себе домой. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

68–69 ...двенадцать картин на темы из Священного писания. Картины эти были написаны... / ...двенадцать картинок на темы из Священного Писания. Картины были написаны... (*Кр. Н.*); ...двенадцать картинок на темы из священного писания. Картины были написаны... (*Рассказы-1925(1)*)

70 Патер увидал на своем столе... / И патер увидел на своем столе... (*Кр. Н., Рассказы-1925(1)*)

С. 18

73 ...весь этот набор ликующих и простоватых старцев... / ...весь этот несравненный набор ликующих и простоватых старцев... (*Кр. Н., Рассказы-1925(1)*)

87 ...новорожденного Исуса. /...новорожденного Иисуса. (*КА-1928* и последующие издания)

102–103 Она длилась три десятилетия – война безжалостная, как страсть иезуита. / Она длилась три десятилетия (*Рассказы-1934, Рассказы-1936*)

113 ...выгнали из строящегося храма. / ...выгнали из строившегося храма. (*КА-1933* и последующие издания)

С. 19

117–118 ...святотатственные, наивные и живописные, как цветение тропического сада. / ...святотатственные, наивные и живописные. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

118 ...напомаженные Исусы... /...напомаженные Иисусы... (*КА-1928* и последующие издания)

128 ...пан бог... / ...пан Бог... (*Кр. Н.*)

133 ...не решался замазать Эльку и хромого Янека. /...не решился замазать Эльку и хромого Янека. (*Рассказы-1925(1)*)

141–142 ...о ярости бабьего фанатизма... / ...об ярости бабьего фанатизма... (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

149–150 ...Исус, сын Марии... / ...Иисус, сын Марии... (*КА-1930* и последующие издания)

С. 20

158–159 Земля выложена сумрачным сиянием, ожерелья светящихся плодов... / Земля выложена сумрачным сиянием, и ожерелья светящихся плодов... (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

164–165 ...частыми движениями, тишайшая мелодическая дробь... / ...частыми движениями, и тишайшая мелодическая дробь... (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

168 …и бормотание Аполека… / …и бормотанье Аполека… (*Рассказы-1925(1)*)

175 …история о браке Исуса и Деборы. / …история о браке Иисуса и Деборы. (*КА-1930* и последующие издания)

179 Невыносимая икотка раздула ее глотку. / Икотка раздула ее глотку. (*КА-1931*); Икота раздула ее глотку. (*КА-1933* и последующие издания)

181 Жених оставил ее, глумясь, и созвал всех гостей. / Жених оставил ее, глумясь и сзывая своих гостей. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

182 Тогда Исус… / Тогда Иисус… (*КА-1930* и последующие издания)

182 …видя необыкновенное томление женщины… / …видя томление женщины… (*КА-1931* и последующие издания)

184–185 …шумно торжествуя и лукаво отводя взоры, как женщина… / шумно торжествуя, как женщина… (*КА-1931* и последующие издания)

186 И только Исус… / И только Иисус… (*КА-1930* и последующие издания)

186–187 …выступила на его теле, и пчела скорби… / …выступила на его теле, пчела скорби… (*КА-1931* и последующие издания)

189 …где ждал его Иоанн. /…где ждал его непреклонный Иоанн. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(1)*)

190 …вскричал я, смеясь и ужасаясь. / …вскричал я (*КА-1931* и последующие издания)

С. 21

200 …с слепым и вечным своим другом. / …со слепым и вечным своим другом. (*КА-1931* и последующие издания)

СОЛНЦЕ ИТАЛИИ

С. 22

1 Солнце Италии / Сидоров (*Кр. Н.*)

2 …в людской у пани Элизы… / …в людской у панны Элизы… (*Кр. Н.* – ошибочно)

3 …у теплой живой ворчливой печи… / …у теплой, живой, такой ворчливой печки… (*Кр. Н.*)

4–5 …катил стеклянную темную волну. / …катил свою стеклянную и темную волну. (*Кр. Н.*)

5–7 Душа, налитая томительным хмелем мечты, улыбалась неведомо кому, и воображение, слепая счастливая баба, клубилось впереди июльским туманом. / *Этой фразы нет* (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

6 …слепая счастливая баба… /…счастливая, слепая баба… (*Кр. Н.*)

9 …он казался мне… / …казался мне… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

16 Возвращаясь домой… / И, возвращаясь домой… (*Кр. Н.*)

17 По счастью... / По счастию… (*Кр. Н.*)

20 …дремал, сны прыгали... / …дремал, и сны прыгали… (*Кр. Н.*)

24–25 План был весь размечен крестиками и точками. / План был весь размечен крестами и точками. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

25 Неясный хмель спал с меня. / Неясный хмель спал тогда с меня, как чешуя линяющей змеи. (*Кр. Н.*)

28–29 …со второй страницы, я не осмелился… / …со второй страницы, но я не осмелился… (*Кр. Н.*)

31 …с дурака с этого, с ума. / …с дурака этого, с ума. (*КА-1927* и последующие издания)

С. 23

37–38 …пропускает сквозь гнилые зубы длинную змею мужицкой своей усмешки. / …пропускает сквозь гнилые зубы длинную змею мужицкой своей усмешкой. (*КА-1927*, *КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*); …пропускает сквозь гнилые зубы мужицкую свою усмешку. (*КА-1933* и последующие издания)

42 …грехи анархической их юности и смеются над нами… / …грехи анархической их юности и смеются над ними… (*КА-1930* и последующие издания)

58 Вот и сантиментальность… / Вот и сентиментальность… (*КА-1928* и последующие издания)

67 …вы не говорите о выстрелах… / …вы не говорите о выстреле… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

70–71 …в одесское Чека. Оно очень толковое и… /…в одесское Чека. Оно очень толковое и очень убийственное и… (*Кр. Н.*)

73 Италия, она вошла в сердце как наваждение. / Италия вошла в сердце как наваждение (*КА-1931* и последующие издания)

73–74 …об этой стране, никогда не виданной... /…об этой стране, никогда не виденной… (*Кр. Н.*)

С. 24

76–77 …искренно плакала беременная еврейка, ей отвечало... /…искренно плакала беременная еврейка, и ей отвечало… (*Кр. Н.*); …искренне плакала беременная еврейка, ей отвечало… (*КА-1931* и последующие издания)

85 …оливковым невыразительным лицом. /…оливковым и невыразительным лицом. (*Кр. Н.*)

89 …с своей черноволосой женой… /…со своей черноволосой женой… (*КА-1931* и последующие издания)

90 …и с целым выводком принцесс. /…и целым выводком принцесс. (*КА-1931* и последующие издания)

ГЕДАЛИ

С. 25

2–3 Когда-то в эти вечера мой дед... / Мой дед когда-то в эти вечера… (*ОИ*)

3–4 Старуха моя в кружевной наколке... / Старуха в кружевной наколке… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

6–7 О, истлевшие талмуды моего детства! О, густая печаль воспоминаний! / *Этих фраз нет* (*Рассказы-1936*)

9 …продают мел, синьку, фитили… /…продают мел, синьку и фитили… (*ОИ*)

10 …с страстными лохмотьями… / …со страстными лохмотьями… (*КА-1931* и последующие издания)

11 Вот предо мною базар и смерть базара. / Вот он предо мною – базар и смерть базара. (*ОИ*)

15–16 Диккенс, где была в тот день твоя ласковая тень? / Диккенс, где была в этот день твоя величественная и ласковая тень? (*ОИ*, *Кр. Н.*); Диккенс, где была в тот вечер твоя ласковая тень? (*КА-1933*); Диккенс, где была в тот вечер твоя тень? (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

19 Старый Гедали расхаживает вокруг... / Гедали похаживает… (*ОИ*); Старый Гедали похаживает вокруг… (*Кр. Н.*)

22 …слушает невидимые голоса… / …внимательно слушает невидимые голоса… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

24–25 …и мертвая бабочка, и маленького хозяина... / …и мертвая бабочка. Маленького хозяина… (*КА-1931* и последующие издания)

26 И он вьется в лабиринте… / Он вьется в лабиринте… (*КА-1931* и последующие издания)

27 …помахивает пестрой метелкой... /…помахивает над своею коробочкой пестрой метелкой… (*ОИ*); …помахивая над своею коробочкой пестрой метелкой… (*Кр. Н.*)

29 И вот мы сидим… / Мы сидим… (*КА-1931* и последующие издания)

С. 26

36 …но она прячется от Гедали… / …но она прячется от меня… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

37 …высылает вперед одну только стрельбу... / …высылает вперед только стрельбу… (*КА-1931* и последующие издания)

38–39 …но мы распорем закрывшиеся глаза… / …но мы распорем закрывшиеся глаза, Гедали, мы распорем их… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

42 Это замечательно, это революция. / Это революция. Это замечательно. (*ОИ*)

45 …я стрелять в тебя буду, тогда ты это узнаешь, и я не могу не стрелять… / …я стрелять в тебя буду и тогда ты это узнаешь, и я не могу не стрелять, Гедали… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

47 …говорю я старику… /…говорю я и перебиваю старика… (*ОИ*); …говорю я старику, перебивая его… (*Кр. Н.*)

50–53 А революция – это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция – это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. / …а революция это же удовольствие, это же хорошее дело хороших людей; а хорошие люди ведь не убивают… (*ОИ*); А революция, это уже удовольствие (*Кр. Н.*, дальше – как в *КА-1926*)

55–56 …и книги Маймонида. /…и песни Маймонида. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

57–58 …горе нам, где сладкая революция?.. /…горе нам, где она – сладкая революция?.. (*ОИ*)

68 …душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни… /…душа, кушай, пожалуйста, и имей от жизни… (*ОИ*)

72 И вот она взошла на свое кресло... / И, наконец, она взошла на свое кресло… (*ОИ*)

С. 27

79 Он застегнул свой зеленый сюртук... / И он застегнул свой зеленый сюртук… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

80–81 …и удалился – крохотный, одинокий, мечтательный... / …и удалился – крохотным, одиноким, мечтательным… (*КА-1927*, *КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*, *КА-1933*)

84 …ушел в синагогу молиться. /…шел в синагогу молиться. (*Кр. Н.*)

МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ

С. 28

2 Савицкий, начдив шесть, встал, завидев меня, и я удивился красоте... / Тимошенко, начдив шесть, встал, завидев меня, и я несказанно удивился красоте… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

3 …малиновой шапчонкой... /…малиновой шапочкой… (*Рассказы-1936*)

4 …разрезал избу пополам… / …разрезал губу пополам… (Леф – ошибочно)

5 От него пахло недосягаемыми духами... / От него пахло духами… (*КА-1931* и последующие издания)

8 …и потянул к себе приказ… /…и вдруг потянул к себе приказ… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

10–11 …выступить с вверенным ему полком в направлении Чугунов – Добрыводка и, войдя в соприкосновение с неприятелем... / …выступить с вверенным ему полком в соприкосновение с неприятелем… (*Рассказы-1936* – вероятно, ошибочно)

14 …работая со мною на фронтах... / …работая со мною на фронте… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

18–19 – Сказывай! – крикнул он и рассек воздух хлыстом. Потом он прочитал бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии. / Я подал ему бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

24–25 …какой паршивенькой… / Какой паршивенький!.. (*КА-1928* и последующие издания)

27–28 Квартирьер нес на плечах мой котелок… / Квартирьер нес на плечах мой сундучок… (*КА-1933* и последующие издания)

31 …к хате с расписными венцами… / …к хате с расписанными венцами… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

31–32 …квартирьер остановился и сказал вдруг с виноватой улыбкой… / …квартирьер остановился и сказал вдруг с недоумением… (*Автограф*, Леф)

С. 29

33 Канитель тута... / Канитель тут… (*Рассказы-1936*)

34 А испорть вы даму, самую чистенькую даму… / А пограбь вы мало-мало или [ограбь дамочку] испорть даму, самую чистенькую даму… (*Автограф*); А пограбь вы мало-мало или испорть даму, самую чистенькую даму… (Леф)

37 …потом отскочил, полный отчаяния… / …потом отскочил в отчаянии… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

40 Согласно приказания товарища Савицкого… / Согласно приказания товарища Тимошенки… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

41 …к себе в помещение... / …до себя в помещение… (*Автограф*, Леф)

44–45 …с льняным висячим волосом и с прекрасным рязанским лицом... / с льняными висячими волосами и с прекрасным рязанским лицом… (Леф); …с льняным висячим волосом и прекрасным рязанским лицом… (*КА-1931* и последующие издания)

50 …нехитрое свое умение… /…нехитрое свое уменье… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

51 …вывалившиеся из сундучка /…вывалившиеся из чемодана (*Автограф*, Леф)

56 …речь Ленина на Втором конгрессе Коминтерна. / …речь Ленина на 2-м конгрессе Коминтерна. (*ОИ*)

56–57 Солнце падало на меня из-за зубчатых пригорков… / Солнце падало на меня из зубчатых пригорков… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

58 …без устали, и излюбленные строчки... /…без устали, излюбленные строчки… (*КА-1931* и последующие издания)

59 Тогда я отложил газету… / Тогда я отложил газеты… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

61 …разлившиеся белки полуослепших глаз… /…расплывшиеся белки полуослепших глаз… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

65 …толковать тут мне с вами… / …толковать тут с вами… (*Автограф*, Леф)

68 …гусиная голова… / …гусиная головка… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

С. 30

74–75 …закрыла за собою дверь. / …закрыла за собой дверь. (Леф; *КА-1927* и последующие издания)

76 А на дворе казаки сидели уже… / Казаки сидели уже… (*Автограф*, Леф)

76–77 Они сидели недвижимо… / Они сидели недвижимые… (Леф)

78 – Парень нам подходящий, – сказал обо мне один из них, мигнул и… / – Парень нам подходящий, – сказал один из них, мигнул и… (*ОИ*); – Подходяще, – сказал один из них и… (*Автограф*, Леф)

80 Казаки стали ужинать с сдержанным изяществом… / И казаки стали ужинать с сдержанным изяществом… (*ОИ*); И они стали ужинать с сдержанным изяществом… (*Автограф*, Леф); Казаки стали ужинать со сдержанным изяществом… (*КА-1931* и последующие издания)

81 …песком, вышел за ворота… / …песком, и вышел за ворота… (*ОИ*, *Автограф*)

82 Луна висела уже над двором, как дешевая серьга. / Луна висела над двором, как дешевая серьга (*КА-1931* и последующие издания)

87 В газете-то что пишут? / В газете-то што пишут? (*Автограф*, Леф)

91–102 И громко, как торжествующий глухой 〈…〉 сердце мое, обагренное убийством, скрипело и текло. / *Этого фрагмента нет* (*КА-1927(Ф)*)

92 …сумеречных своих простынь… / …сумрачных своих простынь… (*ОИ*, *Автограф*, Леф)

97–98 …да как ее из кучи вытащить… / …да как ее из кучи вытащишь? (*Автограф*, Леф)

РАББИ

С. 31

4 …питает в нас сострадание... / …питает в нас состраданье… (*ОИ*)

6–7 Он произнес их с важностью. Угасающий вечер… / Он произнес их с важностью, и угасающий вечер… (*ОИ*)

8 В страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери… / В страстном здании хасидизма вышиблены уже окна и двери… (*ОИ*)

10 …на перекрестке яростных ветров истории. / …на перекрестке ветров истории. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

16 …в оранжевых боях заката, и покой, субботний покой, сел… / …в оранжевых холмах заката. И субботний покой сел… (*ОИ*); …в оранжевых боях заката. И субботний покой сел… (*Список*, *Кр. Н.*)

22 Рабби сидел… / Он сидел… (*ОИ*, *Список*, *Кр. Н.*)

26 …сказал вдруг рабби с необыкновенной силой… / …сказал рабби… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

С. 32

46 Мы уселись все рядом... / И мы уселись все рядом… (*ОИ*, *Список*, *Кр. Н.*)

46–47 В углу стонали над молитвенниками плечистые евреи… / В углу все еще стонут над молитвенниками плечистые евреи… (*ОИ*, *Список*, *Кр. Н.*)

47–48 Гедали в зеленом сюртуке дремал у стены… / Гедали в зеленом сюртуке дремлет у стены… (*Список*, *Кр. Н.*)

49–50 …лбом Спинозы, с чахлым лицом… / …лбом Спинозы и с чахлым лицом… (*ОИ*)

53 …прохрипел Мордхэ… / …прохрипел старик… (*ОИ*)

53–54 …кровоточащее мясо развороченных век… / …кровоточащее мясо своих развороченных век… (*Кр. Н.*); …кровоточащее мясо разорванных век… (*Рассказы-1936*)

54–55 …проклятый сын, последний сын, непокорный сын… /…непокорный сын, последний сын, проклятый сын… (*ОИ*)

58 …и он переломил хлеб... / …и он переложил хлеб… (*Рассказы-1936* – ошибочно)

61 Сын рабби курил… / И сын рабби курил… (*ОИ*); И сын равви курил… (*Список*, *Кр. Н.*)

64 …забормотал Мордхэ… / …забормотал тогда Мордхэ… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

66 …как жили бы тогда святые люди? / …как жили бы святые люди? (*ОИ*)

67–68 …с Гедали, я ушел к себе… /…с Гедали, и я ушел к себе… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

68–70 …в агитпоезде 1-й Конной армии меня ждало сияние сотен огней, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин в типографии… / …в агитпоезде меня ждало сияние сотен огней в походной типографии, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин… (*ОИ*); …в агитпоезде меня ждало сияние сотен огней в типографии, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин… (*Кр. Н.*)

ПУТЬ В БРОДЫ

С. 33

2 Я скорблю о пчелах. / Скорблю я о пчелах. (Прожектор)

4 Мы осквернили неописуемые ульи. / Мы осквернили ульи. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

4–5 Мы морили их серой и взрывали порохом. / Мы морили их серой и взрывали их порохом. (*ОИ (приложение)*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

5 …издавало зловонье… / …издавало зловоние… (*ОИ (приложение)*)

5 …в священных республиках пчелы. / …в священных республиках пчел. (*Рассказы-1925(1)*)

9 Вчера был день первого побоища под Бродами. / Вчера был клейменный день первого побоища под Бродами. (*ОИ (приложение)*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

13 Поэтому я заставил непоколебимые уста Афоньки наклониться к моим печалям. / *Этой фразы нет* (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

14 …рассказывают бабы по станицах… / …рассказывают бабы по станицам… (*КА-1928*, *КА-1930*)

14–15 …ответил взводный, мой друг… / …начал взводный, мой друг… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

15–16 Обидели люди Христа, или не было такой обиды… / Обидели жиды Христа или не было такой обиды… (*ОИ (приложение)*)

16 …об этом все прочие дознаются по прошествии времени. /…об этом прочие люди дознаются по прошествии времен. (*ОИ (приложение)*); …об этом все прочие дознаются по прошествии времен. (Прожектор)

16–17 Но вот, – рассказывают бабы по станицах… / Но вот, – рассказывают бабы наши по станицах… (*ОИ (приложение)*)

20 …летает вокруг Христа пчела. / …летает вокруг креста пчела (*ОИ (приложение)*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

22 …говорит пчела, поднимая крылья над Христом… / …говорит пчела, поднимая крылья над крестом… (*ОИ (приложение)*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

26 И, махнув руками... / И махнув рукавом… (*ОИ (приложение)*)

27 …стали ему подпевать. / …стали ему подпевать. И даже Грищук, дремавший на козлах, передвинул картуз набок (*ОИ (приложение)*); …стали ему подпевать, и даже Грищук, дремавший на козлах, передвинул картуз набок (Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

С. 34

38 …навстречу героическому закату. / …навстречу закату. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

44 …деловито въезжала легкая батарея… / …деловито выезжала легкая батарея… (*ОИ (приложение)*, Прожектор)

48 Мумии твоих раздавленных страстей дышали на меня… / Мумии твоих раздавленных страстей уже дышали на меня… (*ОИ (приложение)*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

49–50 …налитых стынувшей слезой. / …налитых стынущей слезой. (*ОИ (приложение)*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

УЧЕНИЕ О ТАЧАНКЕ

С. 35

3 История его ужасна. / *Этой фразы нет* (*Рассказы-1934* и последующие издания)

4 Пять лет пробыл Грищук… / Шесть лет пробыл Грищук… (*ОИ*); Пробыл он пять лет…… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

5–6 …и в Белеве был пойман… / …и здесь, в Белеве, был пойман… (*ОИ*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

8–9 В Кременецком уезде у него жена и дети. Он не был дома пять лет и два месяца. / Он не был дома шесть лет и два месяца. В Кременецком уезде у него жена и дети. (*ОИ*)

9–10 Мобилизационная комиссия сделала его моим повозочным, и я перестал быть парией среди казаков. / Я перестал быть парией среди казаков. (*ОИ*)

11–12 …основой треугольника, на котором зиждется наш обычай… / …одной из основ треугольника, на котором зиждется наш быт… (*ОИ*)

12 …рубить – тачанка – конь… / …рубить – тачанка – кровь… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

16–18 Таков задушенный нами Махно, сделавший тачанку осью своей таинственной и лукавой стратегии. Таков Махно, упразднивший пехоту… / Таков Махно, сделавший тачанку осью своей таинственной и лукавой стратегии, упразднивший пехоту… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

19–20 Таков Махно, многообразный, как природа. / Махно многообразен, как природа. (*ОИ*)

20 Возы с сеном, построившись… / Возы с сеном, плетущиеся по базару, построившись… (*ОИ*)

20–21 …в боевой порядок… / …в боевом порядке… (*Рассказы-1936*)

22 …без потери времени открывает сосредоточенный огонь… / …открывает сосредоточенный огонь… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

23 …развеяв над собою… /…развеяв над собой… (*ОИ*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

23 …черное знамя анархии… / …черное знамя… (*ОИ*)

26 Буденный показал это не хуже Махно. / *Этой фразы нет* (*Рассказы-1935*)

28–30 Эти схоронившиеся точки, предполагаемые, но не ощутимые слагаемые, дают в сумме строение недавнего украинского села… / Эти схоронившиеся точки, эти предполагаемые, но неощутимые слагаемые, дают в сумме строение нынешнего украинского села… (*ОИ*)

32 …чтобы демобилизовать ее. /…чтобы ее распустить. (*ОИ*)

С. 36

39 …невыспавшаяся куча людей… /…невыспавшаяся кучка людей… (*Рассказы-1936*)

48–52 Грищук выводит из конюшни лошадей. Они поправляются день ото дня. Я нахожу уже с гордой радостью тусклый блеск на их начищенных боках. Мы растираем коням припухшие ноги, стрижем гривы, накидываем на спины казацкую упряжь – запутанную ссохшуюся сеть из тонких ремней – и выезжаем со двора рысью. / Грищук выводит из конюшни лошадей. Мы растираем им припухшие ноги, стрижем гривы, накидываем на спины казацкую упряжь – запутанную, ссохшуюся сеть из тонких ремней. Кони поправляются день ото дня. Я нахожу уже, с гордой радостью, тусклый блеск на их начищенных боках. Мы выезжаем со двора рысью. (*ОИ*)

54–55 Квадраты цветущего мака раскрашивают землю, разрушенные костелы светятся на пригорках. / Квадраты цветущего мака раскрашивают землю по обе стороны дороги. Разрушенные костелы светятся на пригорках. (*ОИ*)

58 …Во славу Исуса… / …Во славу Иисуса… (*КА-1931* и последующие издания)

65–66 …этих желтых и трагических бород. / …этих взлохмаченных, желтых и трагических бород. (*ОИ*)

68 …порывисты, оскорбительны для вкуса… / …порывисты и оскорбительны для вкуса… (*ОИ*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

70 …повествование о талмудистах… / …пахучее повествование о талмудистах… (*ОИ*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

СМЕРТЬ ДОЛГУШОВА

С. 37

1 Смерть Долгушова / Смерть Долгушева (*КА-1928* – в названии ошибочно)

2 Завесы боя продвигались к городу… / Завесы боя придвигались к городу… (*ОИ*, Огонек, *Машинопись*, Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, *Избранные рассказы*; в *Машинописи* в слове «продвигались» Бабель «о» исправил на «и»)

2 В полдень пролетел мимо нас Корочаев… / В полдень пролетел мимо нас Смышляев… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927* – вероятно, ошибочно)

3 …опальный начдив четыре… / …опальный начдив 4… (*ОИ*, Огонек, *Машинопись*, Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

9 Афонькины разведчики… / Разведчики Афоньки Биды… (*Рассказы-1925(2)*)

18 …поехал к головному эскадрону. / …поехал к главному эскадрону. (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, *Рассказы-1936*)

20 …выплюнул изо рта косточки… / …выплюнул изо рта косточку… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

29–30 …что останемся мы... / …что останёмся мы… (Огонек, *Машинопись*)

С. 38

34–35 …небось не оставлю, и скомандовал повод. / …не оставлю, и скомандовал повод. (Огонек)

36 …плачущий и бабий голос Афоньки Биды… / …плачущий бабий голос Афоньки Биды… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

38 …когда у нас лошади заморенные… / …когда у нас кони заморенные… (*Избранные рассказы*)

42 …прошептал Афонька, задерживаясь... / …прошептал мне Афонька, задерживаясь… (Огонек); …прошептал Афонька, задерживаясь возле меня… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

44–45 Я уставился на Афоньку в несказанном изумлении. / Я уставился на Афоньку в изумлении. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

46 Грищук со своей глупой тачанкой… / Кучер Грищук со своей глупой тачанкой… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

46–47 …мы остались одни и до вечера мотались… / …мы остались одни. До вечера мотались мы… (Огонек)

47 …между огненных стен. / …между огневых стен. (*КА-1927* и последующие издания, кроме *Рассказы-1927*)

48 Поляки вошли в Броды и были выбиты контратакой. / Полки вошли в Броды и были выбиты контратакой. (*КА-1928* и последующие издания – ошибочно)

49–50 …вскинув винтовки... / …вскинув винтовку… (*ОИ* – ошибочно)

56–57 …зачем сватання, венчання… / …зачем сватания, венчаня ⟨sic!⟩ (Огонек); …зачем сватания, венчания… (Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, в *Машинописи* в словах «сватания», «венчания» буква «и» исправлена на «н»)

64–65 …я кончусь… Понятно? / …кончусь… Понятно? (*КА-1931* и последующие издания)

67 …сказал Долгушов строго. / …сказал Долгушов. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

73 …ответил я глухо… / …ответил я протяжно и глухо… (*ОИ*, Огонек, в *Машинописи* зачеркнуты слова «протяжно и»); …ответил я… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

74 Долгушов разложил по земле… / Долгушов разложил тогда по земле… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

С. 39

82 …а я вот не смог. / …а я не смог. (Огонек)

86 …чувствуя спиной холод и смерть. / …чувствуя спиною холод и смерть. (*ОИ*)

87 …не дури! / …ан дури! (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1935*, *Рассказы-1936* – ошибочно)

91 …сегодня я потерял Афоньку... /…я потерял Афоньку… (Огонек)

95–96 И я принял милостыню от Грищука и съел его яблоко с грустью и благоговением. / И я принял милостыню от простого человека, от Грищука, и съел его яблоко с грустью и благоговением. (*ОИ*, Огонек, *Машинопись*); И я принял милостыню от него, от Грищука, и съел его яблоко с грустью и благоговением. (Леф); И я принял милостыню от Грищука, от простого человека, и съел его яблоко с грустью и благоговением. (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*); Я принял милостыню от Грищука и съел его яблоко. (*КА-1931, КА-1933*); *этой фразы нет* (*Рассказы-1934* и последующие издания)

97–98 Броды, // август 1920 г. / *Датировки нет* (*Рассказы-1925(2), Рассказы-1927*)

КОМБРИГ 2

С. 40

1 Комбриг 2 / Колесников (Леф); Комбриг два (*Рассказы-1936*)

7 Колесников приехал с Алмазовым… / Колесников приехал с Гришиным… (*Машинопись*, Леф)

18–19 …перебирал кривыми и длинными ногами. / …перебирал кривыми, длинными ногами. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

22 …мы увидели ее одну… / …мы увидали ее одну… (*Рассказы-1936*)

22–23 …с болтающимися руками и упавшей головой… / …с болтающимися руками и с упавшей головой… (*Машинопись*, Леф)

27 Стонущее «ура», разорванное ветром, донеслось до нас. / Стонущее «ура», разорванное ветром, доносилось до нас. (*КА-1931* и последующие издания)

28–29 …в столбах голубой пыли. / …в столбах густой пыли. (*КА-1930* и последующие издания)

С. 40–41

32–33 – Есть, – ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза. // «Ура» смолкло / – Есть, – ответил Буденный. // И в это мгновение польский снаряд стал чертить над нами свой завывающий полет. // – Идут рысью, – сказал наблюдатель. // – Есть, – ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза. // Ура, едва слышное, удалялось от нас, как нежная песнь. // – Идут карьером, – сказал наблюдатель, пошевелив ветвями. // Буденный курил, не открывая глаз. // Канонада пылила, разрасталась, сияла молниями, заволакивала своды, ковала их ударами и громом. // – Бригада атакует неприятеля, – пропел наблюдатель там вверху. Ура смолкло (*Машинопись*, Леф)

С. 41

41 …на буланом жеребце невиданной красоты и дремал. / …на буланом жеребце и дремал. (*КА-1931* и последующие издания)

47–48 …своевольного Павличенки, пленительного Савицкого / …своевольного Апанасенки, пленительного Тимошенки. (*Машинопись*, Леф)

САШКА ХРИСТОС

С. 42

1 Сашка Христос / Сашка-Христос (в названии и в тексте *Кр. Н.*, *Рассказы-1925(2)*)

8–9 …зимой станица и без Сашки проживет. / Зимой станица и без Сашки не пропадет. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

20–21 …чистый цирк с тобой… / *После этих слов с абзаца:* Тараканыч пригибал побирушкину лохматую голову к столу, все чесал у нее в волосах своими толстыми пальцами. (*ОИ*)

23–24 Тараканыч лег с ней и набаловался, сколько мог. / Тараканыч лег с ней. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

26 …она увидала Сашу… / …она увидела Сашку… (*ОИ*); …она увидала Сашку… (*Кр. Н.*, *КА-1930*); …она увидела Сашку… (*КА-1931* и последующие издания)

С. 43

44–45 …стекали с курганов, жеребята играли… / …стекали с курганов, и жеребята играли… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

56 До Таракановой избы… / До тараканычевой избы… (*КА-1933* и последующие издания)

68 …сказала баба, вся белая... / …сказала баба, все белея… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

69–70 …ушли наши детки ногами вперед… / …ушли наши деточки ногами вперед… (*ОИ*)

С. 44

86–87 …идет с полей, и радуга цветет… / …идет с полей, радуга цветет… (*КА-1931* и последующие издания)

104 – Отпусти меня в пастухи, – пробормотал Сашка… / – Отпусти меня в пастухи, – убедительно повторил Сашка… (*ОИ*); – Отпусти меня в пастухи, – зазвенел Сашка… (*Кр. Н.*)

107–108 – Святитель Сашка ⟨…⟩ я порубаю тебя, святитель… / – Святитель ⟨…⟩ я порубаю тебя, Сашка… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

112 …переспал со своей женой. /…переспал с своей женой. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

С. 45

125 …в 1-й Конной армии. / …в первой Конной армии… (*ОИ*); …в первой конной армии… (*Кр. Н.*); …в Первой конной армии. (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

125–126 …соединялся с десятой армией Ворошилова… / …соединился с 10-й армией Ворошилова… (*КА-1927* и последующие издания)

128 …потому что он был поранен… / …потому что был поранен… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАВЛИЧЕНКИ, МАТВЕЙ РОДИОНЫЧА

С. 46

1–2 Жизнеописание Павличенки, Матвей Родионыча / Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча (Посвящаю Мите Шмидту, начдиву второй червонной) (*Машинопись* – в трех последних словах прописные буквы исправлены на строчные); Жизнеописание Павличенки Матвея Родионыча. Посвящаю Д.А. Шмидту, начдиву Второй Червонной (*Шк.*); Жизнеописание Павличенки Матвея Родионовича. Посвящается Д.А. Шмидту (30 дней); Жизнеописание Павличенки, Матвей Родионыча (Посвящаю Д.А. Шмидту) (*Рассказы-1925(1)*); Жизнеописание Павличенки Матвей Родионыча (*КА-1930*); Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча (*КА-1931* и последующие издания)

3 Земляки, товарищи, ро́дные мои братья! / Земляки, товарищи, ро́дные мои браты! (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

4 …красного генерала Матвея Павличенки. / …красного генерала Матвея Павличенко. (*Шк.*)

4–5 Он был пастух, тот генерал... / Он был пастух, той генерал… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

9 …слонов стал бы пасти… / …слонов стал бы пасть… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

14 …чтоб душа у нее на меже… / …чтобы душа у нее на меже… (*Машинопись*, *Шк.*, *Рассказы-1925(1)*)

17–18 …разрезанное вымя, бычки вокруг меня… / …как разрезанное вымя, и бычки вокруг меня… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней, *Рассказы-1925(1)*)

18–19 Воля кругом меня… / И воля кругом меня… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней, *Рассказы-1925(1)*)

20 …а небеса, ребяты… / …а небеса, ребята… (*Рассказы-1925(1)*, *КА-1927* и последующие издания)

29 Но она не дает мне себя слыхать… / Но она не дает мне себя слышать… (*КА-1931*, *КА-1933*)

29 …а пускается от меня…/ …а пускает от меня… (*Шк.*)

С. 47

42 …заходится она, смеется напропалую… / …заходится она и смеется напропалую… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

43 …на всю степь... / …во всю степь… (*Машинопись*)

45 И поговоривши короткое время глупости… / И проговоривши короткое время глупости… (*Машинопись*)

46 И стали мы жить с Настей, как умели, а уметь мы умели… / И стали жить мы с Настей, как умели, а уметь мы умели… (*Машинопись*); И стали жить мы с Настей, как умели… (*Шк.*); И стали жить мы с Настей, как умели, а уметь мы умели… (*Рассказы-1925(1)*)

47 …всю долгу ночь… / …всю долгую ночь… (*КА-1931* и последующие издания)

47–48 …и шкуру друг с дружки обрывали. / …и друг с дружки шкуру обрывали. (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

50 – Матвей, – говорит он… / – Матвей, – говорит он мне… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней, *Рассказы-1925(1)*)

56 …двадцать верст земли… / …пятьдесят верст земли… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней, *Рассказы-1925(1)*)

59 …а я рос у его дверей… / …а я рос у его двери… (*КА-1927* и последующие издания)

65 – Умысла не имею, но желаю чистосердечно… / – Умысла не имею, но желаю… (*КА-1933* и последующие издания)

68 …встал над ними старикашка и запетушился. / …он встал над ними, старикашка, и запетушился. (*Машинопись*)

70–71 …расчет можешь получить... /…расчет можешь от меня получить… (*Машинопись*, 30 дней)

71 …но только не должен ли ты мне… / …только не должен ли ты мне… (*Рассказы-1936*)

С. 48

75–76 …и сучит ногами… /…и стучит ногами…(*Шк.*)

82–83 …ребята вы ставропольские, земляки мои, товарищи, ро́дные мои братья… / …ребята вы ставропольские, земляки мои, товарищи, ро́дные мои браты… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

83 …ведь барин пять годов на мне долги ждал… / …пять годов барин на мне долги ждал… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

88–91 Расточили мы твои песни, выпили твое вино, постановили твою правду, одни писаря нам от тебя остались. И эх, люба моя! Не писаря летели в те дни по Кубани и выпущали на воздух генеральскую душу с одного шагу дистанции... / Расточили мы твои песни, выпили твое вино, постановили твою правду, и эх, люба моя, в те дни по Кубани выпущали на воздух генеральскую душу с одного шагу дистанции… (*Шк.*)

91 Матвей Родионыч лежал тогда на крови под Прикумском… / *После этих слов зачеркнуто:* …так церковь Спаса лежит на древней крови… (*Машинопись*)

92 …и оставалось от Матвей Родионыча… / …и оставалось тогда от Матвей Родионыча… (*Шк.*)

95 …сошел с своего лица… / …сошел со своего лица… (*КА-1931* и последующие издания)

96–97 Принимаете, барин, гостя… / Принимайте, барин, гостя… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

98 …отвечает мне тут один человек... /…отвечает мне один человек… (*Машинопись, Шк.*)

102–103 …земельная вы и холоднокровная власть, потому оно, что в образе моем… / …земельная вы, холоднокровная власть, потому оно, что в образе моем… (*Машинопись*, 30 дней); …земельная вы, холоднокровная власть, потому что оно, в образе моем… (*Рассказы-1925(1)*)

103 …щека одна пять годков горит... / …щека одна пять годов горит… (*Машинопись, Шк.*, 30 дней)

103–104 …в окопе горит, в походе горит, при бабе горит… / …в окопе горит, при бабе горит… (*Рассказы-1936*)

112 …неужели ты не пожелаешь ее видеть, когда… / …не пожелаешь ее видеть теперь, когда… (*Машинопись*); …неужели ты не пожелаешь ее увидеть, когда… (*КА-1927* и последующие издания)

С. 49

123–124 …согласно его усмотрения… / …согласно его усмотрению… (*КА-1928* и последующие издания)

129 …если я тебе половицу одну покажу? / …если я тебе половицу покажу? (*Рассказы-1934* и последующие издания)

131 …в винный погреб спустились… /…в винный погреб опустились… (*Шк.*, 30 дней)

136 …в Прикумское твое логово… / …в Иркумское твое логово… (*Шк.* – ошибочно)

141–142 …как с Российской империи офицером, говорю… / …как с Российской империи офицером говорил… (*Машинопись* – в слове «говорю» буква «ю» исправлена на «ил», *Шк.*, *Рассказы-1925(1)*)

144 Но я стрелять в него не стал… / Но стрелять я в него не стал… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней)

144–145 …а только потащил наверх в залу. / …а потащил наверх в залу. (в *Машинописи* слово «только» зачеркнуто; *Шк.*, 30 дней)

147 А когда я Никитинского в залу притащил… / А потом, когда я Никитинского в залу притащил… (*Машинопись*, *Шк.*, 30 дней, *Рассказы-1925(1)*)

150 Я час его топтал или более часу… / Я час с ним бился или более часу… (30 дней, *Рассказы-1925(1)*)

150–155 Я час его топтал ⟨…⟩ какая она у нас есть… / *Этого фрагмента нет* (*Рассказы-1935*)

150–151 …и за это время я жизнь сполна узнал. / *Этих слов нет* (*Шк.*)

153–155 Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть… / *Этой фразы нет* (*Шк.*)

154 …я, бывает, врага час топчу или более часу… / …я, бывает, с врагом час бьюсь или более часу… (*Рассказы-1925(1)*)

КЛАДБИЩЕ В КОЗИНЕ

С. 50

5 …высеченных на граните. /…высеченных на обложках гранита. (*ОИ*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

7 И под безглазыми лицами… / Под безглазыми лицами… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

8 В стороне, под дубом, размозженным молнией, стоит… / В стороне, под дубом, размозженный молнией, стоит… (*Рассказы-1925(1)*)

10–11 …скрижали, зазеленевшие скрижали… / И зазеленевшие скрижали… (*ОИ*, Прожектор, *Рассказы-1925(1)*)

11 …поют о них витиеватой молитвой бедуина… / …поют о них витиевато, как молитва бедуина… (*ОИ*); …поют о них молитвой бедуина… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

12 …сын Анании… /…сын Анания… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

ПРИЩЕПА

С. 51

6 Мне не забыть его рассказа. / *Этой фразы нет* (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

14 …одного соседа к другому, и кровавая печать… / …одного соседа к другому, кровавая печать… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

19–20 Отбитую мебель он расставил в порядке... / Он расставил отбитую мебель в порядке… (*КА-1933* и последующие издания)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛОШАДИ

С. 52

1 История одной лошади / Тимошенко и Мельников (*ОИ, Кр. Н.*)

2 Савицкий, наш начдив… / Тимошенко, наш начдив… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

2–3 …у Хлебникова, командира первого эскадрона… / …у Мельникова, командира 1-го эскадрона… (*ОИ*); …у Мельникова, командира первого эскадрона… (*Кр. Н.*)

4–5 Хлебников получил взамен… / Мельников получил взамен… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

5 …неплохих кровей, с гладкой рысью. /…неплохих кровей и с гладкой рысью. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

5–6 Но он держал кобыленку в черном теле и жаждал мести и ждал своего часу, и он дождался его. / Но он держал кобыленку в черном теле, жаждал мести, ждал своего часу и он дождался его. (*КА-1931*, *КА-1933*); Но он держал кобыленку в черном теле, жаждал мести, ждал своего часу и дождался его. (*КА-1934* и последующие издания)

7 После июльских неудачных боев… / После июньских неудачных боев… (*ОИ*, *Кр. Н.* – ошибочно)

7 …когда Савицкого сместили… / …когда Тимошенку сместили… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

8 …Хлебников написал в штаб… /…тогда Мельников написал в штаб… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

9–10 Начальник штаба наложил на прошение резолюцию… / Начальник штаба наложил на прошении резолюцию… (*ОИ*, *КА-1927* и последующие издания)

10–11 …и Хлебников, ликуя, сделал сто верст для того, чтобы найти Савицкого… / …и Мельников, ликуя, сделал 100 верст для того, чтобы найти Тимошенку… (*ОИ*); …и Мельников, ликуя, сделал сто верст для того, чтобы найти Тимошенку… (*Кр. Н.*)

12 …на оборванную салопницу… / …на оборванную сапожницу… (*ОИ* – ошибочно)

13 Он жил один, смещенный начдив, и лизуны из штабов… / Он жил один, смещенный начдив, лизуны из штабов… (*КА-1931* и последующие издания)

16 Облитый духами… / Облитый французскими духами… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

17 …с двадцатью кровными лошадьми… / …с 20 кровными лошадьми… (*ОИ*)

18 …которых мы все считали его собственностью. / …которых мы считали его собственностью. (*КА-1928* и последующие издания)

20 …конюхи с взмокшими спинами… / …конюхи со взмокшими спинами… (*КА-1933*)

20–21 …и только Хлебников... / …и только Мельников… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

20–22 …и только Хлебников, израненный истиной и ведомый местью, шел напрямик к забаррикадированному двору. / Израненный истиной и ведомый местью Хлебников шел напрямик к забаррикадированному двору. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

23–24 …спросил он у Савицкого, лежавшего на сене. /…спросил он у Тимошенки, который лежал на сене и посмеивался и розовел. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

25 …ответил Савицкий и зевнул. / …ответил Тимошенко и зевнул. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

26 …сказал Хлебников твердо… /…сказал Мельников твердо… (*ОИ*)

28 …примирительно пробормотал Савицкий... / …примирительно пробормотал Тимошенко… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

31 …с утра, слава те господи, чешемся… / …с утра, слава тебе господи, чешемся… (*КА-1928* и последующие издания)

С. 53

34 Цельный день сегодня… / Целый день сегодня… (*КА-1928* и последующие издания)

34 …Константин Васильевич... / …Константин Васильич… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

35 …повелительной усмешкой… / …победительной усмешкой… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

36–37 …грудь, шевелившуюся… / …грудь, измятую за ночь и шевелившуюся… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

38 Цельный день цепляемся… / Целый день цепляемся… (*КА-1928* и последующие издания)

41 …обернул вдруг к Хлебникову... /…обернул вдруг к Мельникову… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

42–44 – Я еще живой, Хлебников, – сказал он, обнимаясь с казачкой, – еще ноги мои ходют, еще кони мои скачут, еще руки мои тебя достанут, и пушка моя греется около моего тела… / – Я еще живой, Мельников, – сказал он, обнимаясь с казачкой, – …я… Я еще живой, мать твою и Иисуса Христа распроэтакую мать, еще ноги мои ходят… (*ОИ*); – Я еще живой, Мельников, – сказал он, обнимаясь с казачкой, – …я еще живой, мать твою и Исуса Христа распроэтакую мать, еще ноги мои ходят… (*Кр. Н.*)

45–46 …к командиру первого эскадрона. /…к командиру 1-го эскадрона. (*ОИ*)

49 …прогнал от себя Хлебникова. /…прогнал от себя Мельникова. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

52 Он не стал слушать Хлебникова… / Он не стал слушать Мельникова… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

53 Хлебников целую неделю… / Мельников целую неделю… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

55 Хлебников вернулся… / Мельников вернулся… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

57 …он положил на пень револьвер и бумагу… / …он положил на пень револьвер и бумаги… (*КА-1931* и последующие издания)

61 …ответил Хлебников… / …ответил Мельников… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

68 …выхолил жеребца… / …выходил жеребца… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

69 …до белых коней охотник… / …до серых коней охотник… (*Рассказы-1934* и последующие издания – ошибочно)

70 …от империалистской… / …от империалистической… (*ОИ*, *Рассказы-1934* и последующие издания)

С. 54

78–79 …написано в заявлении Хлебникова, потому что он писал его целый день… / …написано в заявлении Мельникова, потому что он писал его целый день… (*ОИ*, *Кр. Н.*); …написано в заявлении Хлебникова. Он писал его целый день… (*КА-1931* и последующие издания)

81 …сказал военком, разрывая… /…сказал потом военком, разрывая… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

83 …ответил Хлебников, вздрагивая… / …ответил Мельников, вздрагивая… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

87 Хлебников рванулся… / Мельников рванулся… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

88 …закричал он дико и влез на пень… / …закричал он дико, влез на пень… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

90 – Бей, Савицкий… / – Бей, Тимошенко… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

91 Тогда мы потащили его в палатку, и казаки нам помогли. / Тогда мы потащили его в палатку, казаки нам помогли. (*КА-1931*, *КА-1933*); Мы потащили его в палатку, казаки нам помогли. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

96 Так лишились мы Хлебникова. / Так лишились мы Мельникова. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

96 Я ужасно был этим опечален… / Я был этим опечален… (*КА-1931* и последующие издания)

97 …Хлебников был тихий человек… / …Мельников был тихий человек… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

98–100 И он рассказывал мне о женщинах так подробно, что мне было стыдно и приятно слушать. Это, я думаю, потому, что нас потрясали одинаковые страсти. / Нас потрясали одинаковые страсти. (*КА-1931* и последующие издания)

КОНКИН

С. 55

4 Денек, помню, уже к вечеру пригибался. / Денек, помню, к вечеру пригибался. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

12 – Забутый… / – Зубатый… (*ОИ* – ошибочно)

14–15 …но только – нас двое, а их восемь… / …но только ты протекаешь, а мне своя рогожа чужой рожи дороже. Нас двое, их восемь… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

27–28 Ликвидировал я эту лошадку. / Ликвидировал я эту скотину. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

28 Рухнула она, как невеста… / Рухнула лошадка, как невеста… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

32 …Исусе, – думаю… / …Иисусе, – думаю… (*КА-1931* и последующие издания)

С. 56

37 – Не моге, пан… / – Не моге, пане… (*ОИ*)

48–49 …только Буденному отдам я мою саблю… /…я Буденному отдам мою саблю… (*ОИ*)

57 Замкнул я тогда рот, ребяты… / Замкнул я тогда рот, ребята… (*КА-1931* и последующие издания)

69 – Коммунист, – говорю. / *Эта фраза пропущена* (*ОИ*)

72 …не могу сдаться коммунисту… / …не сдамся я тебе… (*ОИ*)

С. 57

75 …Конкин, политический комиссар N…ской кавбригады... / …прославленный Конкин, политический комиссар N… Кавбригады… (*ОИ*); …прославленный Конкин, политический комиссар N…ской кавбригады… (*Кр. Н.*)

БЕРЕСТЕЧКО

С. 58

5 Бурка начдива Павличенки... / Черная бурка начдива Апанасенки… (*Кр. Н.*)

6 Пуховый башлык его был перекинут… / Пуховый башлык был перекинут… (*Кр. Н.*)

6–7 …и кривая сабля лежала сбоку, как приклеенная. / *После этих слов следует фраза:* Ее рукоятка из черной кости оправлена узором,

и футляр хранится у ординарцев, ведущих за начдивом заводных ⟨sic!⟩ коней. (*Кр. Н.*); …кривая сабля лежала сбоку, как приклеенная. (*КА-1931*); …кривая сабля лежала сбоку. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

9 …дед с бандурой и детским голосом… / …дед с бандурой и детским голоском… (*Кр. Н.*)

9–10 …спел нам про былую казачью славу. / …спел про былую казачью славу. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

15–16 На столбах висели уже объявления о том, что военкомдив Виноградов... / На столбах висели уже объявления о том, что военкомдив Винокуров… (*Кр. Н.*); На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

17–24 Прямо перед моими окнами ⟨…⟩ И казаки завернули за угол. / *Этого фрагмента нет* (*Рассказы-1935*)

19–20 …и спрятал ее у себя под мышками. / …и спрятал ее у себя под мышкой. (*КА-1933*, *Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

20–21 Кудря правой рукой вытащил… / Кудря левой рукой вытащил… (*Кр. Н.*)

24–25 Я пошел за ними следом и стал бродить по Берестечку. / Я пошел за ними следом и стал бродить по местечку. (*Кр. Н.*); Я пошел бродить по Берестечку. (*Рассказы-1935*)

25 Больше всего здесь евреев… / В нем больше всего живут евреи… (*Кр. Н.*)

С. 59

42 …тянется всегда сарай… / …тянется сарай… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

48–49 …от всех людей шибет запахом гнилой селедки. / …от всех людей несет запахом гнилой селедки. (*КА-1933* и последующие издания)

50–51 Они надоели мне к концу дня, я ушел за городскую черту... / Они надоели мне к концу дня, и я ушел поэтому за городскую черту… (*Кр. Н.*)

54 …поместье графов Рациборских… / …поместие графов Рациборских… (*Кр. Н.*)

56 В замке жила раньше... / В замке жили раньше… (*Кр. Н.*)

56–57 Она глумилась над сыном за то... / Она досаждала сыну за то… (*КА-1931* и последующие издания)

57–58 …мужики божились мне… / …мужики рассказывали мне… (*КА-1931* и последующие издания)

60 …восторженный голос Виноградова… / …восторженный голос Винокурова… (*Кр. Н.*)

60–61 …и нежный звон его шпор. / …и звон его шпор. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

63 …я нашел обрывок... /…нашел обрывок… (*Кр. Н.*)

Примеч. …исполнилось уже семь недель… / …исполняется семь недель… (*КА-1933* и последующие издания)

68 А внизу не умолкает голос военкомдива. / Внизу не умолкает голос военкомдива. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

СОЛЬ

С. 60

2 Хочу описать вам за несознательных женщин… / Хочу описать вам за несостоятельных женщин (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Хочу описать вам за несознательность женщин… (*КА-1928* и последующие издания)

3 Надеюся на вас… / Надеются на вас… (*КА-1930* и последующие издания)

5–6 …на неведомом пространстве… / *Этих слов нет* (*ОИ (лит.-худ. приложение)*).

6 …усы обмочило… / …усы обмочил… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

9 …опишу вам только за то… / …опишу я только за то… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

13 …поезд наш никак не отваливает… / …поезд наш никак не останавливает… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

13–14 …Гаврилка наш не крутит, и бойцы стали сомневаться, переговариваясь между собой – в чем тут остановка? / …Гаврилка наш не крутит, в чем тут остановка? (*Рассказы-1936*)

18–19 …на рысях пробегали по железных крышах... / …на рысях пробегали по железным крышам… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, *КА-1927* и последующие издания)

21 …повылазивших из вагона... / …повылазивших из вагонов… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

21–22 …дала возможность поруганной власти железнодорожников… / …дала поруганной власти железнодорожников… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

24–25 Также и в нашем вагоне… / Так же и в нашем вагоне… (*КА-1931* и последующие издания)

27 …всю войну я страдаю по вокзалах… / …всю войну страдаю по вокзалах… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); …всю войну я страдаю по вокзалам… (Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, *КА-1930*)

С. 61

35 …говорю я ребятам довольно вежливо... / …говорю я ребятам вежливо… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

35–36 …но только удивляет меня... / …только удивляет мене…(*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

41 И кажный, раскипятившись… / И каждый, раскипятившись… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, *Рассказы-1936*)

45 …а молодняка, видать, мало… /…а молодняка видать мало… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись*, Леф, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*, *КА-1927* и последующие издания)

49 И бойцы вспомнили… / И бойцы вспоминали… (*КА-1927* и последующие издания)

50 И думка пролетела... / И думка полетела… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, машинопись, Леф)

52 По прошествии времен… / Но по прошествии времен… (*Рассказы-1925(2)*); Но по прошествии времени… (*Рассказы-1927*); По прошествии времени… (*Рассказы-1936*)

52 …ночь сменилась с своего поста… / …ночь сменилась со своего поста… (*КА-1931* и последующие издания)

53 …тогда подступили… / …тогда подступилися… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись*)

58 …с этой гражданкой пару слов… / …с гражданкой пару слов… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

60–61 …беру у ней с рук дите… / …беру у ней с рук дитя… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

61 …и рву с него пеленки и тряпье… / …и рву с него пеленки… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

67–68 Балмашеву оно немногого стоит. / Балмашову оно немного стоит. (*Машинопись*)

68 …Балмашев за что купил, за то и продает. / …Балмашов за что купил, за то и продаст. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись* – вставлено от руки); …Балмашев за что купил, за то и продаст. (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

68–69 Но оборотись к казакам... / Но оборотитесь к казакам… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

70 Оборотись на этих двух девиц… / Оборотитесь на этих двух девиц… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

70–71 …как пострадавшие от нас этой ночью. / …как пострадавшие этой ночью. (*КА-1931* и последующие издания)

71 Оборотись на жен наших… / Оборотитесь на жен наших… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

72 …без мужей, и те, то же самое одинокие… / …без мужей, и мужья, то же самое одинокие… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

С. 62

74 Оборотись на Расею… / Оборотись на Рассею… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись*, Леф)

77 Вы за Расею… / Вы за Рассею… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись*, Леф)

77–78 …вы жидов Ленина и Троцкого спасаете… / …вы жидов спасаете… (*КА-1933* и последующие издания)

79–83 Жиды сюда не касаются. Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя и другого звания, за трудящийся класс. Как присужденные каторжане вытягают они нас – Ленин и Троцкий – на вольную дорогу жизни, а вы, гнусная гражданка... / Жиды сюда не касаются. А вы, гнусная гражданка… (*КА-1933* и последующие издания)

81 …хотя и другого звания… / …хотя другого звания… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись*)

86 …а вас, несчетная гражданка… / …а вас, нечестная гражданка… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

87 …которые хлеба не просют… / …которые хлеба не просят… (*КА-1931* и последующие издания)

91 …несказанную Расею… / …несказанную Рассею… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Машинопись*, Леф)

101 …Расею трупами и мертвою травой. / Рассею трупами и мертвой травой. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Рассею трупами и мертвою травой. (*Машинопись*, Леф); …Расею трупами и мертвой травой. (*КА-1930* и последующие издания)

ВЕЧЕР

С. 63

1 Вечер / Галин (*Кр. Н.*)

3 …с страстями рязанских Иисусов… / …со страстями рязанских Иисусов… (*КА-1927* и последующие издания); …со страстями рязанских Исусов… (*КА-1930*)

4 …в сотрудников газеты «Красный Кавалерист»… / …в сотрудников «Красный кавалерист»… (*Рассказы-1934* – ошибочно); …в сотрудников «Красного кавалериста»… (*Рассказы-1936*)

13–14 …провинциального солнца, огни типографии… / …провинциального солнца, и огни типографии… (*Кр. Н.*)

22 …его сын пал 1-го марта… / …его сын пал 1 марта… (*КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*); …его сын пал первого марта… (*КА-1933* и последующие издания)

25–26 …он облит луной, торчащей там, вверху… / …он облит луной, торчащей там, наверху… (*КА-1928* и последующие издания)

30–31 Так смотрит на профессора, преданного науке, девушка, жаждущая неудобств зачатия. / *Этой фразы нет* (*Кр. Н.*, *Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

32 И рядом с Ириной зевает… / Рядом с Ириной зевает… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

С. 64

35 Так и Василий, мордатый победитель. / Так и Василий. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

41 А против луны, на откосе… / Против луны, на откосе… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

45–46 …мне, видно, конец пришел, Галин… / …мне, видно, конец пришел… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

48–49 Вся партия ходит в передниках, измазанных кровью и калом… / *Этих слов нет* (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

50–51 …это ядро, вы выймете тогда… / …это ядро, выймете тогда… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

58–63 Четыре ноги 〈…〉 придвинулся ближе. / *Этого фрагмента нет* (*Кр. Н.*)

61 …прошептала баба русским тесным, замирающим голосом… / …прошептала баба тесным, замирающим голосом… (*КА-1931* и последующие издания)

62 …уйдитя с моей лежанки... / …уйдите с моей лежанки… (*КА-1933* и последующие издания)

69–70 Веко его билось над бельмом, и кровь текла… / Веко его билось над бельмом, кровь текла… (*КА-1931*, *КА-1933*); Веко его билось над бельмом… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

АФОНЬКА БИДА

С. 65

3–4 …вытягивалась с зловещим свистом. / …вытягивалась со зловещим свистом. (*КА-1931* и последующие издания)

5 …дьявольскую остроту прорывов тыла и фланговых ударов… / …дьявольскую остроту фланговых ударов и прорывов тыла… (*КА-1933* и последующие издания)

5–6 …безжалостные укусы того самого оружия… / …укусы того самого оружия… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

6 …которое так долго и счастливо служило нам. / …которое так счастливо служило нам. (*КА-1931* и последующие издания)

7 Фронт под Лешнювом держала пехота. / Фронт под Лешнювом держала пехота. Была у нас и такая. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

7–8 …слонялось белесое босое волынское мужичье. / …склонялось белесое босое волынское мужичье. (*Рассказы-1934* и последующие издания – ошибочно)

8 Пехоту эту взяли вчера… / Их взяли вчера… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

9–10 Крестьяне пошли с охотою. / Они пошли с охотою. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

13 …когда гиканье перестало… / …когда гиканье наше перестало… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

16 Но нищета наша превозмогла. / Но нищета наша и невежественное пренебрежение к «пешке» превозмогли. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

16 Мужикам дали по одному ружью... / Им дали по одному ружью… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

30 …цветистые эскадроны Маслака. / …цветистые эскадроны Книги. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

31 …бодрые кони шли крупным шагом. / …кони шли бодрым шагом. (*ОИ*)

31–32 На золоченых древках, отягощенных бархатными кистями… / На золоченых древках… (*ОИ*)

33 …с величественной и дерзкой холодностью. / …с величественною и дерзкою холодностью. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

С. 66

34–35 …следила упругое изящество этого небыстрого потока. / …следила за упругим изяществом этого небыстрого потока. (*КА-1931* и последующие издания)

36 …ехал комбриг Маслак… / ехал тучный Репак… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

Примеч. Маслаков – командир… / Масляков – командир… (*КА-1931* и последующие издания. В *Рассказах-1934* и последующих изданиях это авторское примечание привязано к словам: «…цветистые эскадроны Маслака…»)

38 Завидев пешку, он весело побагровел… / Завидев пешку, Маслак весело побагровел… (*КА-1933* и последующие издания)

39 …поманил к себе взводного Афоньку Биду. Взводный носил… / …поманил к себе взводного. Афонька Бида, взводный, носил… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

40 …за сходство свое с прославленным батьком. / …за сходство свое с батьком. (*КА-1931* и последующие издания)

41–42 …к первому эскадрону, наклонился… / …к первому эскадрону, нахохлился… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

47 Маслак, хрипя, кашляя и наслаждаясь, отъехал в сторону... / Репак, хрипя, кашляя и наслаждаясь, отъехал в сторону и сложил на животе негнущиеся ручки… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

55–56 …Маслак, размякший и величавый, махнул своей пухлой рукой. / …Репак, размякший и величавый, махнул своей пухлой ручкой. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

64–65 Маслак построил эскадрон и рассыпал их… / Репак построил эскадроны и рассыпал их… (*ОИ*, *Кр. Н.*); Маслак построил эскадрон и рассыпал его… (*КА-1933* и последующие издания)

67–68 И пешка, эта неповторимая, высеченная пешка… / И пешка, неповторимая высеченная пешка… (*ОИ*); И пешка, высеченная пешка… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

69 Штаб бригады попал... / Штаб попал… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

70–71 …стали продираться сквозь кустарник… / …стали продираться сквозь кустарники… (*ОИ*); …стали пробираться сквозь кустарник… (*Рассказы-1935*)

С. 66–67

71–72 Расстрелянные ветви суетливо кряхтели над нами. / Расстрелянные ветви кряхтели над нами. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

С. 67

76 Он ехал на самой обочине дороги… / Он ехал по самой обочине дороги… (*КА-1933* и последующие издания)

77 Казак вздумал воспользоваться… / Казак хотел воспользоваться… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

79–80 …конь кротко согнул передние ноги… / …конь кротко согнул передние колени… (*ОИ*); …конь круто согнул передние ноги… (*КА-1927* и последующие издания)

81 Афонька не спеша… / Бида не спеша… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

82 …медным пальцем. Потом Бида выпрямился... / …кривым медным пальцем. Потом он выпрямился… (*ОИ*)

83 …томительным взглядом. / …томительным и странным взглядом. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

85 …ему в пояс, – как ворочуся… / …в пояс, не видать тебе, Степан, боле ни травки, ни поля. Как ворочуся… (*ОИ*)

87–89 …задохся, пискнул, как пойманная мышь, и завыл. Клокочущий вой достиг нашего слуха, и мы увидели Афоньку, бьющего поклоны, как кликуша в церкви. / …и вдруг задохся и пискнул, как пойманная мышь. Клокочущий вой достиг тогда нашего слуха. Афонька выл и бил поклоны, как кликуша в церкви. (*ОИ*); …и вдруг задохся и пискнул, как пойманная мышь. Клокочущий вой достиг тогда нашего слуха, и мы увидели Афоньку, бьющего поклоны, как кликуша в церкви. (*Кр. Н.*)

90–91 …рубать несказанную шляхту! / …рубать шляхту. (*ОИ*)

92 При станичниках, дорогих братьях… / При станичниках, при дорогих братьях… (*ОИ*)

93 Афонька лег лицом в рану и затих. / Афонька лег лицом в рану и застыл. (*ОИ*)

94 …рвущееся Афонькино хрипенье. /…рвущееся Афонькино хрипение. (*ОИ*)
97–98 …к лошади подошел Маслак, вставил револьвер ей в ухо… / …к лошади подошел тогда Репак, вставил револьвер в ухо… (*ОИ*, *Кр. Н.*)
99 …повернул к Маслаку… / …повернул к Репаку… (*ОИ*, *Кр. Н.*)
99 …рябое ужасное лицо. / …рябое и ужасное лицо. (*ОИ*, *Кр. Н.*); …рябое лицо. (*Рассказы-1934* и последующие издания)
100 …сказал Маслак ласково, – иди до части… /…сказал Репак ласково, – иди до части, Афанасий, не скучай… (*ОИ*); …сказал Репак ласково, – иди до части… (*Кр. Н.*)
103 …в пыльной, пылающей пустыне полей. /…в пыльной и пылающей пустыне полей. (*ОИ*, *Кр. Н.*)
104 Поздним вечером я встретил его в обозе. / Вечером я встретил его в обозе. (*ОИ*, *Кр. Н.*)
105 …сабли, френчи… / …бесчисленные сабли, френчи… (*ОИ*); …неисчислимые сабли, френчи… (*Кр. Н.*)
110 Тьма надвигалась на нас все гуще. / Тьма надвигалась на нас. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

С. 68

117 …ответил Орлов. /…ответил Орлов, помощник эскадронного. (*ОИ*)
118 – Конь – он отец, – вздохнул Биценко… / – Конь – он отец, – возразил Биценко… (*ОИ*)
121 …мы пережили смену начдива… / Шестая дивизия пережила смену начдива… (*ОИ*, *Кр. Н.*)
125 …о глухой этой, свирепой добыче. / …о глухой этой и свирепой добыче. (*ОИ*)
127 Он сидел в засаде… / Он неустанно сидел в засаде… (*ОИ*)
130 До восхищенного нашего слуха… / До нашего слуха… (*КА-1931* и последующие издания)
130 …доносились отголоски… / …докатились отголоски… (*ОИ*); …донеслись отголоски… (*КА-1928*, *КА-1930*)
131 …отголоски отчаянного и воровского нападения… / …отголоски воровского нападения… (*Рассказы-1934* и последующие издания)
133 Прошла еще неделя. Горькая злоба дня… / Прошла еще неделя. Смена начдива заслонила во всех умах чахлую фигурку Афоньки, его плоские семинарские махновские кудри. Горькая злоба дня… (*ОИ*, *Кр. Н.*)
134–135 Потом пронесся слух… / Пронесся слух… (*ОИ*)
138 …но не пришлось ему. / …но Емельяну не пришлось, потому что не все еще было покончено с Афонькой. (*ОИ*)
139 Мы вступили в Берестечко 6 августа. / Мы вступили в Берестечко 8 августа. (*ОИ*)

139–140 Впереди нашей дивизии двигался азиатский бешмет и красный казакин нового начдива. / Впереди дивизии двигался красный казакин нового начдива. (*ОИ*)

143–144 Сердцевина его, выеденная временем… / Сердцевина его, выеденная временами… (*КА-1928* и последующие издания)

145 …в своих просторных сумрачных избах. / …в своих просторных и сумрачных избах. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

146 …звонарь в зеленом сюртуке… / …суровый звонарь в зеленом сюртуке… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

149–150 …занял в рядах свое место. / …занял свое место в рядах. (*ОИ*)

151 Маслак уставился… / Репак уставился… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

152 – Откуда коня взял? / – Откеле коня взял? (*ОИ*)

С. 69

155–156 …и здоровались. Вместо левого глаза… / …и здоровались. Афонька в безмолвии подносил руку к истерзанной шапчонке. Вместо левого глаза… (*ОИ*); …и здоровались. Афонька безмолвно подносил руку к истерзанной шапчонке. Вместо левого глаза… (*Кр. Н.*)

156–157 …отвратительно сияла чудовищная розовая опухоль. / …сияла чудовищная розовая опухоль. (*ОИ*); …отвратительно зияла чудовищная розовая опухоль. (*КА-1927* и последующие издания)

158 А на другое утро Бида гулял. / А наутро Бида гулял. (*ОИ*)

160 …лилией, и потный чуб… /…лилией. Потный чуб… (*ОИ*)

163 …стояли вокруг него. /…стояли возле него. (*ОИ*)

У СВЯТОГО ВАЛЕНТА

С. 70

10 …текли покорствующие реки. / …текли покорные реки. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

10 Мужичье преклоняло колена… / Мужичье преклоняло колени… (*КА-1933* и последующие издания)

14 Эту историю я узнал… / Эту историю узнал я… (*Кр. Н.*)

15–16 Я читал бумаги, и храп вестовых... / Я читал бумаги, храп вестовых… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

18 …я освободился, подошел к окну… / …я освободился и подошел к окну… (*Кр. Н.*)

24 …поразило мой слух, и тотчас же в дверях штаба… / …поразило мой слух, и в дверях штаба… (*Кр. Н.*)

С. 71

34 Костел встал перед нами... / Костел стал передо мной… (*Кр. Н.*)

38–39 Там хозяйничала Сашка, сестра 31-го полка. Она копалась в шелках, брошенных кем-то на пол. / Там хозяйничала Сашка, любовница

Шевелева и сестра 31-го полка. Она разорвала ризы и сорвала шелк с чьих-то одеяний. (*Кр. Н.*)

40–41 …щекоча и отравляя. / …щекоча ее и отравляя. (*Кр. Н.*)

41–45 Они захохотали, схватили Сашку за руки и кинули с размаху на гору материй и книг. Тело Сашки, цветущее и вонючее, как мясо только что зарезанной коровы, заголилось, поднявшиеся юбки открыли ее ноги эскадронной дамы, чугунные стройные ноги, и Курдюков, придурковатый малый... / Они захохотали и схватили ее за грудь и сунули ей под юбки золоченые палки от балдахина. Курдюков, придурковатый малый, ударил ее по носу кадилом, а Биценко кинул с размаху на гору материй и священных книг. Казаки заголили тело Сашки, цветущее и вонючее, как мясо только что зарезанной коровы, они заголили ее ноги эскадронной дамы, чугунные и стройные ноги, и Курдюков, придурковатый малый… (*Кр. Н.*)

41–42 …схватили Сашку за руки... / …схватили Сашку за руку… (*КА-1928* и последующие издания)

46–47 Она сбросила его и кинулась к дверям. И только тогда, пройдя алтарь, мы проникли в костел. / Она сбросила его, разбила ему голову и кинулась к своему мешку. Я и казаки – мы едва отогнали ее от шелков. Направив на нас наган, она уходила, раскачиваясь, ворчала, как рассерженный пес, и тащила за собой мешок. Она унесла мешок с собой, и только тогда, пройдя алтарь, мы проникли в костел. (*Кр. Н.*)

50 …и написанную Аполеком? / …и написанную, я уверен в этом, божественным Аполеком. (*Кр. Н.*)

51 …пухлого младенца Исуса. / …пухлого младенца Иисуса. (*КА-1928* и последующие издания)

52 …оттопырены, тело отлакировано… / …оттопырены и тело отлакировано… (*Кр. Н.*)

54–55 …выбриты до синевы, пламенные плащи… / …выбриты до синевы, и пламенные плащи… (*Кр. Н.*)

56–57 …в углах их ртов бродит тонкая усмешка, на двойные подбородки... / …в углах их рта бродит тонкая усмешка, и на двойные подбородки… (*Кр. Н.*)

57–58 …как редиска в мае. / …как молодая редиска в мае. (*Кр. Н.*)

62 Тут же над царскими вратами... / Тогда же над царскими вратами… (*Кр. Н.*)

62–63 …изображение Иоанна, принадлежащее... / …изображение Иоанна, принадлежащего… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

64–65 …той двусмысленной и недоговоренной красотой... / …той двусмысленной недоговоренной красотой… (*КА-1928*, *КА-1930*); …той

двусмысленной, недоговоренной красотой… (*КА-1931* и последующие издания)

67–68 Сведенный с ума воспоминанием о мечте моей, об Аполеке, я не заметил следов разрушения в храме или они показались мне невелики. / Вначале я не заметил следов разрушения в храме, или они показались мне невелики. (*КА-1931* и последующие издания)

69–70 …и смехотворные кости святого… / …и хорошо вычищенные смехотворные кости святого… (*Кр. Н.*)

72 Афонька упрямо пытался... / Он упрямо пытался… (*Кр. Н.*)

74 Но казак не бросал, и их было множество... / Но казак не бросал: их было множество… (*КА-1931* и последующие издания)

С. 72

76–77 Я слушал, озирался, и следы разрушения… / Я слушал, озирался, следы разрушения… (*КА-1931* и последующие издания)

79–80 Людомирский выполз неизвестно откуда. Он вошел в костел ровным шагом с опущенной головой. Старик не решился... / Он выполз неизвестно откуда и предал нас анафеме. На этом помирились, а могло кончиться хуже. // Пан Людомирский вошел в костел ровным шагом с опущенной головой. Он не решился… (*Кр. Н.*)

83–84 …как флаг над мертвецом. Синий нос трепетал над ним, и в это мгновение у алтаря заколебалась... / …как флаг над мертвецом. В это мгновение над алтарем заколебалась… (*Кр. Н.*)

84–88 В глубине открывшейся ниши, на фоне неба, изборожденного тучами, бежала бородатая фигурка в оранжевом кунтуше – босая, с разодранным и кровоточащим ртом. Хриплый вой разорвал тогда наш слух. Мы недоверчиво отступали перед лицом ужаса, ужас настигал нас и щупал мертвыми пальцами наши сердца. / Хриплый вой разорвал наш слух. Мы недоверчиво отступали перед лицом ужаса, и ужас настигал нас и щупал мертвыми пальцами наши сердца. В глубине открывшейся ниши, на фоне неба, изборожденного тучами, скорчилась бородатая фигурка в оранжевом кунтуше – босая с разодранным и кровоточащим ртом. (*Кр. Н.*)

87–88 Мы недоверчиво отступали перед лицом ужаса, ужас настигал нас и щупал мертвыми пальцами наши сердца. / *Этой фразы нет* (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

89 Я видел: человека в оранжевом кунтуше… / Я видел: этого человека… (*Кр. Н.*); Человека в оранжевом кунтуше… (*КА-1931* и последующие издания)

90–96 Он выгнул руку, чтобы отвести занесенный удар, и из руки пурпурным током вылилась кровь. Казачонок, стоявший со мной рядом, закричал и, опустив голову, бросился бежать, хотя бежать было не от чего, потому что фигура в нише была всего только Исус Христос –

самое необыкновенное изображение бога изо всех виденных мною в жизни. // Спаситель пана Людомирского был курчавый жиденок с клочковатой бородкой и низким, сморщенным лбом. / Он выгнул руку, чтобы отвести занесенный удар. Рядом со мной закричал казачонок и, опустив голову, бросился бежать. // Пан Людомирский, звонарь церкви святого Валента, сыграл над нами злую шутку. Эта фигура была Исус Христос – самое необыкновенное изображение бога изо всех виденных мною в жизни. // Спаситель – курчавый жиденок с клочковатой бороденкой и низким сморщенным лбом. (*Кр. Н.*)

90 …чтобы отвести занесенный удар, и из руки… / …чтобы отвести занесенный удар, из руки… (*КА-1931* и последующие издания)

92–93 …фигура в нише была всего только Исус Христос… /…фигура в нише была всего только Иисус Христос… (*КА-1930* и последующие издания)

94 …изо всех виденных мною в жизни. /…из всех виденных мною в жизни. (*КА-1928* и последующие издания)

95 …был курчавый жиденок… /…был курчавый еврей… (*Рассказы-1934, Рассказы-1936*)

96–97 …накрашены кармином, и над закрывшимися… / …накрашены кармином, над закрывшимися… (*Рассказы-1934, Рассказы-1936*)

101 Пан Людомирский в зеленом сюртуке стоял под статуей. / Под статуей стоял в зеленом сюртуке пан Людомирский. (*Кр. Н.*)

108–109 …подвергнув дисциплинарному взысканию, предать суду военного трибунала. /…подвергнуть дисциплинарному взысканию и предать суду военного трибунала. (*Кр. Н.*)

ЭСКАДРОННЫЙ ТРУНОВ

С. 73

4–5 …были усеяны ранами, язык вырван. / …были усеяны ранами и язык вырван. (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

7–8 …посреди города… /…посредине города… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

9–10 …дала первый выстрел. /…дала первый залп. (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

19 …об гордой этой фаланге… / …о гордой этой фаланге… (*КА-1927* и последующие издания)

20–21 …прокричал свою речь, он сжимал… / …прокричал свою речь, он дрожал все время, когда говорил, сжимал… (*Кр. Н.*); …прокричал свою речь, он дрожал все время, когда говорил, сжимая… (*Шк.*); …прокричал свою речь, он дрожал все время, пока говорил, сжимал… (*ЛК*)

21–22 ...рыл землю ободранными ногами... / ...рыл землю кривыми ободранными ногами... (*Кр. Н., Шк., ЛК*); ...рыл землю ободранными сапогами... (*КА-1927* и последующие издания)

23–24 ...вскочил на коней и дал залп в воздух... / ...вскочил на коней, дал залп в воздух... (*Шк.*)

27 ...эти цветы у могилы, мы стали подходить... / ...эти цветы у могилы, и мы стали подходить... (*Кр. Н., Шк., ЛК*)

28 Я стоял в задних рядах, я тронул губами... / Я тронул губами... (*Рассказы-1934* и последующие издания)

29–30 ...в синей пыли и непобедимом галицийском унынии. / ...в синей пыли в непобедимом галицийском унынии. (*Кр. Н., ЛК*); ...в синей пыли и в непобедимом галицийском унынии. (*Шк.)*; ...в синей пыли и галицийском унынии. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

32–33 ...бранились на этой площади и в непонятном ослеплении таскали друг друга. / ...бранились на этой площади и таскали друг друга. (*КА-1931* и последующие издания)

С. 74

36 ...поминали в своих спорах имя Илии... / ...поминали в своих спорах имя Ильи... (*КА-1928* и последующие издания)

38 – Илия! – кричали они, извиваясь, и разевали заросшие рты. / *Этой фразы нет* (*КА-1934* и последующие издания)

39 ...хасиды поносили самое имя Илии... / ...хасиды поносили самое имя Ильи... (*КА-1928* и последующие издания)

46 ...пробритая головка змеи... / ...пробитая головка змеи... (*КА-1931* и последующие издания – ошибочно)

52–53 ...еврейки, похожие на старых негритянок, еврейки с непомерными грудями. / ...еврейки с непомерными грудями. (*Шк.*)

55–56 ...потряхивал жирными волосами... / ...потряхивая жирными волосами... (*КА-1928* и последующие издания)

58–60 Я зашагал было за ним, потому что мне не понять было, какой он человек и какова жизнь его здесь, в Сокале, но тут меня остановил казак... / Я зашагал было за ним, но тут меня остановил казак... (*КА-1934* и последующие издания)

62 ...в 33-м кавполку. /...в 33 кавполку. (*Кр. Н., Шк., ЛК*)

65 И с глупых чужих слов... / Из глупых чужих слов... (*Кр. Н., Шк., ЛК* – ошибочно)

65–66 ...нелепицу о том, будто я... / ...нелепицу о том, что будто я... (*Кр. Н., Шк., ЛК*)

70–71 ...последний судья из всех. / ...последний судья изо всех. (*Кр. Н., Шк., ЛК*)

72 ...у станции Завады. / ...у станции Заводы. (*Рассказы-1936* – ошибочно)

74 …возле поляков, это была их уловка… /…возле поляков, и это была их уловка… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

С. 75

79–80 …обмотана тряпкой, кровь стекала с нее… / …обмотана тряпкой, и кровь стекала… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

85–86 …вси официр утик… /…вси офицер утик… (*КА-1928* и последующие издания); …всю офицер утик… (*КА-1930* – ошибочно)

88 – Пять пальцев… / – Пять пальцив… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

88 …вертя вялой громадной рукой… / …вертя вялой громадной своей рукой… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

92 – Офицера ваши гады 〈…〉 офицера ваши… / – Офицеры ваши гады 〈…〉 офицеры ваши… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

92–93 …побросали здеся одежу… / …побросали здесь одежу… (*Шк.*); …побросали здесь одежу… (*КА-1930*, *КА-1931*); …побросали здесь одежду… (*КА-1933* и последующие издания)

96 …придвигаясь и пришепетывая… / …придвигаясь и пришептывая… (*Шк.*, *Рассказы-1934* и последующие издания)

97 Старик упал, повел ногами, и из горла его… / Старик упал, повел ногами, из горла его… (*КА-1931* и последующие издания)

101 …из кучи, потом отъехал… / …из кучи, и потом отъехал… (*Шк.*)

103 …беспечные качанья... /…беспечные качания… (*Шк.*)

106–107 …упавший вдруг на колена… /…упавший вдруг на колени… (*Шк.*, *КА-1928* и последующие издания)

С. 76

117 …сердито, он задрыгал ногами. /…сердито, и он задрыгал ногами. (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

120 …ты вона каку панику делашь… / …ты вона каку панику делаешь… (*КА-1928* и последующие издания)

124 Он терся возле меня, сопел… / Он терся возле меня и сопел… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

124–125 …сопел необыкновенно шумно, и эта суета его была мне в тягость. Пленные… / …сопел необыкновенно шумно. Пленные… (*КА-1931* и последующие издания)

125–126 …он гнался за ними и брал их в охапку… / …он гнался за ними и брал в охапку… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

130–131 …юноша с гордой немецкой грудью… / …юноша с белой немецкой грудью… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

134 – Откуда сподники достал? / – Откуда исподники достал? (*Кр. Н.*, *Шк.*)

140 …чтобы отвести его к остальным пленным… / …чтобы отвести к остальным пленным… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

145 …выбросил гильзы из ружья… / …выбросил гильзу из ружья… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

148–149 Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет, Павел… / Видно, не для тебя приказы пишут, Павел… (*Шк.*, *КА-1933* и последующие издания)

153–154 …стал подвигаться ко мне... /…стал продвигаться ко мне… (*Кр. Н.*, *ЛК*)

С. 77

164 Нарезай винта, ребята… / Нарезай винты, ребята… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*, *КА-1931* и последующие издания)

165 …донесение Пугачу… / …донесение Пугачеву… (*КА-1927* и последующие издания)

169–170 …и в тое же время отдаю командование… /…и в то же время отдаю командование… (*КА-1928* и последующие издания)

177–178 Там ждал его Андрюшка Восьмилетов… / Там ждал его уже Андрюшка Восьмилетов… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

181–182 – Господа Исуса 〈…〉 Господа Исуса хоругву мать!.. / …Господа Иисуса 〈…〉 Господа Иисуса хоругву мать!.. (*КА-1931* и последующие издания)

183 …на аэропланы второй пулемет. /…на аэроплан второй пулемет. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

184 А аэропланы залетали над станцией… / А аэропланы залетали уже над станцией… (*ЛК*); Машины залетали над станцией… (*КА-1931* и последующие издания)

185–186 …ложилось на желтый блеск их крыльев. / …ложилось на блеск их крыльев. (*КА-1931* и последующие издания)

190–191 …сначала Андрюшку, потом Трунова. / …сначала Андрюшку и потом Трунова. (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*)

192 …они улетели в сторону… / …и они улетели в сторону… (*Кр. Н.*, *Шк.*, *ЛК*); …аэропланы улетели в сторону… (*КА-1933* и последующие издания)

ИВАНЫ

С. 78

2 Дьякон Агеев… / Дьякон Аггеев… (*РС*, *КА-1931* и последующие издания; далее в этих изданиях: Аггеев)

3 Главком Каменев, Сергей Сергеич... / Главком Каменев, Сергей Сергеевич… (*КА-1931* и последующие издания)

8–9 …подивился упорству дьякона. /…ужаснулся упорству дьякона. (*РС*); …не сломил его упорства. (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

14 …отвезешь глухаря в Ровно. / …отвезешь глухаря в Ровно? (*РС*)

28 Барсуцкий выглянул в окошко… / Барсуцкий взглянул в окошко… (*РС*)

30 – Ох, да ты его зарежешь… / – Э, да ты его зарежешь… (*РС*)

С. 79

37 – Здравствуй, друг… / – Здравствуйте, друг… (*КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*)

39 …визгливо сказал тогда казак... / …вежливо сказал вдруг казак… (*РС*)

43–44 …законопачивать уши в смертельный этот час? / …законопачивать уши в этот несказанный час. (*РС*)

45–48 – Стоит Ваня за комиссариков, – прокричал Коротков, кучер с первой телеги, – ох, стоит… // – Чего там стоит, – пробормотал Барсуцкий и отвернулся. – Все мы стоим. Только дела надо делать форменно… / *Этого фрагмента нет* (*РС*)

49–51 – А ведь он слышит, глухарь-то наш, – перебил вдруг Акинфиев, повертел кнут в толстых пальцах, засмеялся и подмигнул дьякону. Тот сидел на возу, опустив громадные плечи, и двигал головой. / Акинфиев повертел кнут в толстых пальцах, засмеялся и подмигнул дьякону. Тот сидел на возу, опустив громадные плечи и двигая головой. (*РС*)

58 Он свистел песню... /…он высвистывал песню… (*РС*)

61–65 В этот день, двадцать второго июля, поляки быстрым маневром исковеркали тыл нашей армии ⟨…⟩ Эскадроны шестой дивизии были брошены в район Козина для противодействия противнику. Молниеносное маневрирование частей искромсало движение обозов... / *Этого фрагмента нет* (*РС*)

61–62 …исковеркали тыл нашей армии, они ворвались… / …исковеркали тыл нашей армии, ворвались… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

69 Окоченевший от отчаяния, я встретил их после боя под Хотином. / …в полночь я встретил их после боя под Хотиным. (*РС*)

69–70 В бою под Хотином убили моего коня, Лаврика, утешение мое на земле. Потеряв его… / В бою в этом убили Лаврика, моего коня, утешение мое на земле. Потеряв его… (*РС*); В бою под Хотином убили моего коня, потеряв его… (*Рассказы-1934*); В бою под Хотином убили моего коня. Потеряв его… (*Рассказы-1936*)

С. 80

77–78 Облегчившись, я застегнулся и почувствовал брызги на моей руке. Я зажег фонарик, обернулся... / Застегиваясь, я почувствовал брызги на моей руке. Тогда я обернулся, зажег фонарик… (*РС*)

78–79 Она выливалась у него изо рта, брызгала между зубов… / Она выливалась у него изо рта, между зубов… (*РС*)

80 …обрывки воззваний Пильсудского… / …обрывки воззваний… (*РС*); …обрывки воззваний Пилсудского… (*КА-1927* и последующие издания)

81 В тетрадке поляка… / В тетрадке… (*РС*)

83 Воззванием Пильсудского… / Воззванием Пилсудского… (*РС*, *КА-1927* и последующие издания)

86 В это время где-то близко… / В это мгновение где-то близко… (*РС*)

87 – Стой! – закричал я, цепенея… / – Стой! – закричал я. (*КА-1931* и последующие издания)

88 …пожары извивались на горизонте. / Пожары, как танцовщицы, извивались на горизонте. (*РС*)

91–92 Лавриком коня звали… / …вороного мерина, Лавриком звали. (*РС*)

96 Утром казак проснулся… / Утром он проснулся… (*РС*)

97 – Развиднялось, богу слава… / – Развиднелось, богу слава… (*РС*); – Развиднялось, слава богу… (*КА-1928* и последующие издания)

98 …над ухом дьякона. / …над ухом у дьякона. (*РС*)

98 Тот сидел прямо перед нами... / Тот сидел прямо перед ним… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

101 – С добрым утром, Ваня! – сказал он дьякону… / – Наше вам, Ваня! – сказал он… (*РС*)

103 …закричал я, опоминаясь… / …закричал я… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

106 И тогда с первой телеги… / Тогда с первой телеги… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

106–107 …по 31-му полку, и рассказал… /…по 31 полку, и рассказал… (*РС*); …по 31-му полку, рассказал… (*КА-1931* и последующие издания)

107 …всю историю дьякона… / …всю историю с дьяконом… (*РС*)

107–108 Акинфиев слушал его внимательно, отогнув ухо, потом вытащил из-под седла… / Акинфиев слушал про себя, внимательно отогнув ухо, потом вытащил из-под сена… (*РС*)

114 …пузырек с лекарством, шприц Тарновского… / …пузырек с лекарством и шприц Тарновского… (*РС*)

С. 81

118 – Положила я на вас с прибором, – пробормотала женщина и отвернулась. / Женщина отвернулась. (*РС*)

119 Акинфиев завернул тогда рубаху. / Акинфиев поднял рубаху. (*РС*)

120 …тряпкой и посмотрел ее на свет. / …тряпкой и посмотрел на свет. (*Рассказы-1936*)

121–122 …улучив минуту, он зашел дьякону за спину и снова выстрелил у него над самым ухом. / …улучив минуту, зашел дьякону за спину и выстрелил у него над ухом. (*РС*)

123 – Наше вам, Ваня… / – И наше вам, Ваня… (*РС*)

124 Дьякон отложил пузырек... / Дьякон отложил пузырек и тряпочку... (*PC*)

129 И смерть присуждает, очень просто... / И смерть присуждает очень просто... (*КА-1927*, *КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*, *КА-1933*); И на смерть присуждает, очень просто... (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

140–141 – Эх, кровиночка ты моя, – закричал он дико и стал засыпать себе песком лицо, – эх, кровиночка ты моя горькая, власть ты моя совецкая... / – Эх, Матрена ты моя, – закричал он дико и стал засыпать себе песком лицо, – эх, сласть ты моя горькая, власть ты моя, совецкая... (*PC*)

144 ...прыснул ею на Акинфиева... / ...брызнул ею на Акинфиева... (*PC*)

145 Дьякон снова сел на козлы... / Дьякон снова сел за кучера... (*PC*)

148 Евреи в жилетках с поднятыми плечами стояли... / Евреи в жилетках, с поднятыми плечами, стояли... (*КА-1933* и последующие издания)

151 ...а я взял одеяло с его телеги... / Глядя на него, я взял с телеги одеяло... (*PC*)

152 ...было усеяно испражнениями. / ...было усеяно неописуемыми испражнениями. (*PC*)

С. 82

160 – Оправиться, – пробормотал дьякон, схватил мою руку и поцеловал ее. / Дьякон схватил мою руку и поцеловал ее. (*PC*)

165 – Виноват, – сказал он, – виноват, – и наставил ухо. / – Виноват, – сказал он и наставил ухо, – виноват. (*PC*)

171 ...головою вперед... / ...головой вперед... (*КА-1930* и последующие издания)

171–172 ...весь опутанный... /...опутанный... (*PC*)

172 Потом он поднялся с колен... / Потом я видел, как он поднялся с колен... (*PC*)

178–179 Увидев загнившую эту ногу, я почувствовал... / Я почувствовал... (*PC*)

184 ...говорил он дьякону... / ...говорил он убедительно... (*PC*)

185 ...если мог ты еще прыгать... / ...если мог ты еще дезертиром прыгать... (*PC*)

186–187 ...надругаюсь я над тобой, Вань, как пить дам, надругаюсь... /...надругаюсь я над тобой, Вань, как пить дам... (*PC*)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛОШАДИ

С. 83

1 Продолжение истории одной лошади / Тимошенко и Мельников (*ОИ*, *Кр. Н.*)

2 Четыре месяца тому назад... / 4 месяца тому назад... (*ОИ*)

2 Савицкий, бывший наш начдив... / Тимошенко, наш бывший начдив... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

2–3 ...забрал у Хлебникова... / ...забрал у Мельникова... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

3 ...командира первого эскадрона... /...командира 1-го эскадрона... (*ОИ*)

3–4 Хлебников ушел тогда из армии, а сегодня Савицкий получил от него письмо. / Мельников ушел тогда из армии и сегодня Тимошенко получил от него письмо. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

5 Хлебников – Савицкому... / Мельников – Тимошенке... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

7–8 А вам, товарищ Савицкий... / А вам, товарищ Тимошенко... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

8 ...трудящая масса... / ...трудящаяся масса... (*Рассказы-1934* и последующие издания)

14 Савицкий – Хлебникову... / Тимошенко – Мельникову... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

15 Неизменный товарищ Хлебников! / Неизменный товарищ Мельников! (*ОИ*, *Кр. Н.*)

15 ...ты написал до меня... / ...ты написал для меня... (*Рассказы-1936*)

17 ...собственною шкурою... / ...собственною шкурой... (*Рассказы-1936*)

19 ...товарищ Хлебников... /...товарищ Мельников... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

20 ...то это вам, товарищи, не шутки... / ...то это вам, товарищ, не шутки... (*Рассказы-1936*)

21–22 ...увидеть расцвет... / ...увидеть рассвет... (*ОИ*)

27–28 ...любимого начдива Савицкого, товарищ Хлебников... / ...любимого начдива Тимошенку, товарищ Мельников... (*ОИ*, *Кр. Н.*)

30 С тем прощай, товарищ Хлебников. / С тем прощай, товарищ Мельников. (*ОИ*, *Кр. Н.*)

ВДОВА

С. 84

1 Вдова / Шевелев (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Кр. Н.*, *ИМГ*, *КСИ*)

2–4 На санитарной линейке умирает Шевелев, полковой командир. Женщина сидит у его ног. Ночь, пронзенная отблесками канонады, выгнулась над умирающим / Умирает Шевелев, полковой командир. Он лежит на санитарной линейке. Ночь, пронзенная отблесками канонады, выгнулась над ним. Женщина сидит у его ног. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); На санитарной линейке умирает Шевелев, полковой командир. Ночь, пронзенная отблесками канонады, выгнулась над ним, и женщина сидит у его ног. (*Кр. Н.*)

4 Левкин чуб... / Его чуб... (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

6 …в котелке и говорит Шевелеву, вытянувшемуся на санитарной линейке… / …в котелке. Он говорит… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); …в котелке и говорит Шевелеву, умирающему на санитарной линейке… (*Кр. Н.*)

7–8 – Работал я, товарищок, в Темрюке, в городе, работал парфорсную езду, а также атлет легкого веса. / – Приехал я в Темрюк-городок. Местность малоизвестная, братва, вся как есть, незнаемая. Работаю я в цирке, парфорсную езду, а также атлет легкого веса… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

7 …в Темрюке… / …в Тюмреке… (*КА-1931* и последующие издания – ошибочно)

8 …для женщины утомительный… /…для женщин утомительный… (*ИМГ, КСИ*)

17 …нахожусь в дамском обществе? / …нахожусь при дамском обществе?.. (*ОИ (лит.-худ. приложение), Кр. Н.*)

21 Ну, однако, еще не рубаю. / Ну, я, однако, еще не рубаю. (*ИМГ, КСИ*)

24–29 До последнего лечь 〈…〉 в лохматой его голове. / *Этого фрагмента нет; после слов:* до последнего издыхания – *фраза:* Умирает Шевелев, полковой командир. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

25–26 …протягивает руки к небу, окружая себя ночью, как нимбом. / …протягивает руку к небу… (*ИМГ, КСИ*)

28 Звезды пылают во тьме, как обручальные кольца… / Звезды пылают во тьме… (*ИМГ, КСИ*)

30 – Лев, – шепчет ему вдруг Шевелев синими губами, – иди сюда. / – Лев, – шепчет он синими губами, – иди сюда. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

30–31 Золото, какое есть, – Сашке, – говорит раненый, – кольца, сбрую – все ей. / Золото, какое есть, ей, – говорит Шевелев и смотрит в небо, – кольца и сбрую, все ей. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

33 Отошли с письмом и напиши в письме – кланялся командир, и не плачь. / Отошли с письмом. Напиши – кланялся сын, и не плачь. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

С. 85

36–38 – Понял про коня, – бормочет Левка и взмахивает руками. – Саш, – кричит он женщине, – слыхала, чего говорит?.. При ем сознавайся – отдашь старухе ейное аль не отдашь?.. / Левка встает и взмахивает руками. // – Саш, – кричит он, – слыхала, чего говорит?.. При ем сознавайся – отдашь старухе ейное иль не отдашь… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

30–40 – Мать вашу в пять, – отвечает Сашка и отходит в кусты, прямая, как слепец. / – Мать вашу в пять, – отвечает женщина и отходит в кусты,

прямая, как слепец. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Сашка отходит в кусты, прямая, как слепец. (*КСИ*)

41 – Отдашь сиротскую долю? / – Отдашь сиротскую долю, Саш?.. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

44–47 И тогда, вынудив признание, Левка снял котелок с огня и стал лить варево умирающему в окостеневший рот. Щи стекали с Шевелева, ложка гремела в его сверкающих мертвых зубах, и пули все тоскливее, все сильнее пели в густых просторах ночи. / Потом они ужинали. Умирающему долго лили варево в холодеющий рот. В густых просторах ночи все сильнее, все тоскливее пели пули. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

48 – Винтовками бьет, гад… / Винтовками бьет… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

50 …на правом фланге... /…на левом фланге… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

51–53 И, закрыв глаза, торжественный, как мертвец на столе, Шевелев стал слушать бой большими восковыми своими ушами. Рядом с ним Левка жевал мясо, хрустя и задыхаясь. Кончив мясо, Левка облизал губы и потащил Сашку в ложбинку. / Он лежал полумертвый и невыразительный и большими восковыми ушами слушал бой. Кучер доел мясо и потащил Сашку в ложбинку. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

52 …большими восковыми своими ушами. /…большими и восковыми своими ушами. (*Кр. Н.*)

52–57 …хрустя и задыхаясь 〈…〉 Они сели на высокую траву. / *Этого фрагмента нет* (*КА-1931* и последующие издания)

54 …сказал он, дрожа… / …говорил он, дрожа… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

57 …на высокую траву. /…в высокую траву. (*Кр. Н.*)

57 Медлительная луна выползла из-за туч… / Томительная луна выползла из туч… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

57–58 …остановилась на обнаженном Сашкином колене. / …остановилась на Сашкином колене (*Рассказы-1934* и последующие издания)

61 Левка хрустел и задыхался в кустах. / *Этой фразы нет* (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *КА-1931* и последующие издания)

64–65 Потом Сашка вернулась на прежнее место. Она стала менять раненому бинты и подняла фонарик над загнивающей раной. / Сашка вернулась и стала менять раненому бинты. Шевелев прохладно потел. Левка намотал вокруг бедер красный шарф и зажег фонарик. Он поднял его над загнивающей раной. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Сашка встала, принялась менять раненому бинты и подняла фона-

рик над загнивающей раной. (*КА-1931*, *КА-1933*); Сашка принялась менять раненому бинты и подняла фонарик над загнивающей раной. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

66–67 – К завтрему уйдешь, – сказала Сашка, обтирая Шевелева, вспотевшего прохладным потом. – К завтрему уйдешь, она в кишках у тебя, смерть… / – К завтрему уйдешь, – сказал Левка. – Она в кишках у тебя, смерть… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

68 …многоголосый плотный удар… / …многоголосый и плотный удар… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Кр. Н.*, *ИМГ*, *КСИ*)

С. 85–86

68–78 Четыре свежие бригады ⟨…⟩ Тела санитаров торчали под телегами… / Неприятель выпустил первый снаряд. // Скачка длилась затем до рассвета. Впереди, подобрав красные вожжи, стояла Сашка, за нею несся качающийся лакированный экипаж начдива. Они приехали к опушке, где стоял перевязочный пункт. Лес был заставлен телегами. Из-под телег торчали тела санитаров. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

70 …первый снаряд и, разрывая наши коммуникации... / …первый снаряд. Поляки, разрывая наши коммуникации… (*ИМГ*, *КСИ*)

71–72 …пожары встали на горизонте, тяжелые птицы канонады... / …пожары встали на горизонте, и птицы канонады… (*Кр. Н.*, *ИМГ*, *КСИ*)

72–73 …и Левка, обеспамятевший холуй, полетел по лесу… / …и Левка полетел по лесу… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

74–75 …неслась за ним, внимательная Сашка правила… / …неслась за ним, и внимательная Сашка… (*Кр. Н.*); …неслась за ним, и Сашка правила… (*ИМГ*); …неслась за ними, и Сашка правила… (*КСИ*)

С. 86

78–79 …торчали под телегами, несмелая заря билась над солдатскими овчинами. / …торчали под телегами, и несмелая заря билась над солдатскими овчинами. (*Кр. Н.*); …торчали под телегами, несмелая заря билась под солдатскими овчинами. (*КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*, *КА-1933*)

80 …заведены к небу, черные ямы ртов… / …заведены к небу, и черные ямы ртов… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Кр. Н.*)

81–82 Попона нашлась у заведующего; Левка вернулся к Шевелеву, поцеловал его в лоб… / Левка слез с козел и подошел к Шевелеву. Он поцеловал его в лоб… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

84 …Исус Христос мой… /…Иисус Христос мой… (*КА-1931* и последующие издания)

84–85 …и легла на мертвеца боком и прикрыла его своим непомерным телом. / …легла на мертвеца боком, прикрыв его своим непомерным телом. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

88 …штаб 6-й кавдивизии. /…штаб 6 кавдивизии. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*, *Кр. Н.*)

89 Там, в десяти верстах от города, шел бой… / В десяти верстах шел бой… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Под Буском, в десяти верстах от города, шел бой… (*ИМГ*, *КСИ*)

89–90 Предатели сражались… / Они сражались… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

90 …передавшегося полякам. / …предавшегося полякам. (*ИМГ*, *КСИ*)

91–92 Начдив вторые сутки был с войсками, и Левка, не найдя его в штабе, вернулся к себе в хату, почистил лошадей, облил водой… / Начдива вторые сутки не было в штабе. Левка выпряг лошадей, облил водой… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

94 Левка выспался и сел обедать. / Левка выспался и потребовал пищи. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

94–95 …картошки, залила ее… / …картошки и залила ее… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

95 Левка сидел уже… / Он сидел уже… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

96–97 Эскадрон с трубачами и штандартами проходил по извилистой галицийской улице. / Он выскочил во двор. По извилистой галицийской улице проходил эскадрон с трубачами и штандартами. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

98–99 Сашка ехала за гробом на шевелевском жеребце, казацкая песня сочилась из задних рядов. / Сашка ехала за гробом на шевелевском буланом жеребце. Из задних рядов сочилась казацкая песня. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Сашка ехала за гробом на шевелевском жеребце, и казацкая песня сочилась из задних рядов. (*Кр. Н.*)

100–107 Эскадрон прошел по главной улице 〈…〉 Эскадронный, не дослушав до конца, высвободил свои поводья... / Левка, как был босой и без куртки, пустился бегом за уходящим отрядом. // Мы все, собравшиеся у здания штаба, видели, как он остановил командира эскадрона. Слов не было слышно. Командир отвернулся… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

100 …по главной улице и повернул к реке. / …по главной улице и потом повернул к реке. (*Кр. Н.*)

100–101 Тогда Левка, босой, без шапки... / Левка, босой и без шапки… (*ИМГ*, *КСИ*)

100–101 …босой, без шапки… / …босой и без шапки… (*Кр. Н.*)

103 Ни начдив, остановившийся… / Ни командарм, остановившийся… (*Кр. Н.*)

106–107 …Левкины бессвязные крики. Эскадронный, не дослушав до конца, высвободил… / …Левкины бессвязные крики, и потом эскадронный высвободил… (*Кр. Н.*); …Левкины бессвязные крики. Он долго

передавал казакам шевелевское завещание, пока не надоел всем. Эскадронный насилу высвободил… (*ИМГ*, *КСИ*)

107–108 Женщина помотала головой и проехала дальше. / Женщина, помотав головой, проехала дальше. (*ИМГ*, *КСИ*)

110 …откинул чуб и завязал... / …откинул чуб, завязал… (*ИМГ*, *КСИ*)

112 Он скоро вернулся к нам, Левка, холуй начдива… / Потом он вернулся к нам… (*ОИ (лит.-худ. приложение)*); Он скоро вернулся к нам – Левка, кучер начдива… (*Кр. Н.*, *ИМГ*, *КСИ*); Левка скоро вернулся к нам… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

115 Второй раз забудешь – второй раз напомним. / *Этой фразы нет, вместо нее с абзаца:* И Левка ушел к себе в хату. Там ждал его картофель, залитый простоквашей. (*ОИ (лит.-худ. приложение)*)

115 …второй раз напомним. / …мы второй раз напомним… (*ИМГ*, *КСИ*)

ЗАМОСТЬЕ

С. 87

5–6 Все звезды были задушены… / Все звезды были затушены… (*КА-1933*); Звезды были потушены… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

11–12 Снопы пшеницы летали по небу… / Снопы пшеницы летели по небу… (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

12 …переходил в вечер, и чащи заката… / …переходил в вечер, чащи заката… (*КА-1931* и последующие издания)

29 Мужик с свалявшейся бородой… / Мужик со свалявшейся бородой… (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

С. 88

34 По моему лицу, разодранному бурьяном… / По лицу, разодранному бурьяном… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

39 Они трепетали в воздухе… / Они затрепетали в воздухе… (*Кр. Н.*)

40 …и угасали. /…и угасли. (*Кр. Н.*)

41 И в тишине я услышал отдаленное дуновение стона. / И я услышал отдаленное дуновение стона. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

53 – Десять миллионов… / – Десяток миллионов… (*КА-1931* и последующие издания)

67 …спрятанную под кроватью телку. / …спрятанную под кровать телку. (*КА-1928* и последующие издания)

С. 89

90 Я сел в седло, Волков пристроился сзади. / Я сел в седло, а Волков пристроился сзади. (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы 1927*)

91 Утро сочилось на нас… / И утро сочилось на нас… (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

93 – Вы женаты, Лютов? / – Ты женат, Лютов? (*Рассказы-1934* и последующие издания)

94 …ответил я, задремал на несколько мгновений… / …ответил я и задремал на несколько мгновений… (*Кр. Н.*, *Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

102–103 Сокаль, // сентябрь 1920. / *Датировки нет* (*Рассказы-1925(2)*, *Рассказы-1927*)

ИЗМЕНА

С. 90

3 …выданную Никите Балмашеву… / …выданную Никите Балмашову… (*Пролетарий*)

6–7 …палача германской революции Эберта-Носке… / …палача германской революции Эберта Носке… (*Кр. газ.*)

7–8 …и во сне видали... /…и во сне видели… (*КА-1928* и последующие издания)

8 …урожденной моей станице… / …моей урожденной станице… (*Кр. газ.*)

9 И так вилась веревочка до тех пор, пока… / И так вилась веревочка, пока… (*Кр. газ.*)

9–10 …товарищ Ленин совместно с товарищем Троцким не отворотили озверелый мой штык и не указали... / …товарищ Ленин совместно с товарищем Троцким не отворотили наконец озверелый мой штык… (*Пролетарий*); …товарищ Ленин не отворотил озверелый мой штык и не указал… (*КА-1933* и последующие издания)

14 …неподобную эту липу… / …подобную эту липу… (*Рассказы-1935*)

14 …N…ский госпиталь. / …Н-ский госпиталь. (*Кр. газ.*)

14–15 На госпиталь этот я положил с походом, а не чуть ли стрелял и нападал… / На госпиталь этот я положил с походом, а не чуть ли стрелял и попадал… (*Кр. газ.*); В госпиталь этот я не стрелял и не нападал… (*КА-1931* и последующие издания)

21–22 …видя горькую эту нашу стрельбу… /…видя горькую нашу стрельбу на площади… (*Кр. газ.*)

22 …только насмехался разными улыбками… / …только надсмехался разными улыбками… (*Пролетарий*)

25 …что он надсмехался… / …что он насмехался… (*Рассказы-1935*)

27 …искупаетесь каждый в ванной… / …искупайтесь каждый в ванной… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

27–28 …ваше оружие и вашу одежду… / …ваше оружие и вашу одежу… (*Пролетарий*)

29 …видя перед собою… / …видя перед собой… (*Кр. газ.*, *КА-1933* и последующие издания)

30 …своею перебитою ногой... /…своей перебитой ногой… (*Кр. газ.*); …своею перебитой ногой… (*КА-1931* и последующие издания)

С. 91

35 Он оборотился спиной... / Он оборотился к нам спиной… (*Кр. газ.*)

41 Согласно отданного приказания… / И вот, согласно отданного приказания… (*Кр. газ.*)

43 …красноармейцев, исключительную пехоту… / …красноармейцев, исключительно пехоту… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

44–45 …сестер высокого росту, вполне гладких… / …сестер высокого росту, гладких… (*КА-1931* и последующие издания)

55 …заместо всего разговора получилось у нас… / …заместо всего разговор получился у нас… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

57 …как будто мы уже были побежденные. / …как будто мы уже были побеждены. (*КА-1927* и последующие издания)

58 …и тот стал обрывать свою рану… / …и тот стал открывать свою рану… (*Кр. газ.*)

62 …из-под нас, сонных, одежду… / …из-под нас, сонных, одежу… (*Кр. газ.*, *Пролетарий*; *КА-1933* и последующие издания)

67 И отстрадавши так неделю с одним днем… / И отстрадавши так неделю и один день… (*Кр. газ.*, *Пролетарий*)

69 …что лежим в халатах под номерами… / …что в халатах под номерами… (*Кр. газ.*)

74 …а молока в этом какаве… / …и молока в этом какаве… (*Кр. газ.*)

С. 92

76 …как купленным девкам... / …как купленным девам… (*Кр. газ.*)

78 … что ночью играют… / …что ногою играют… (*Пролетарий* – ошибочно)

80 …в жару в синих язвах… / …в жару и синих язвах… (*Кр. газ.*, *Пролетарий*)

95–96 …и недостойно власти… /…и недостаточно власти… (*Кр. газ.* – ошибочно)

102–103 Доктор Явейн при этом недопустимом факте делал фигуры и смешки… / Доктор Явейн при этом недопустимом факте в который раз делал фигуры и смешки… (*Кр. газ.*, *Пролетарий*)

105–106 …товарищ Кустов без края тревожился об измене… / …товарищ Кустов тревожился об измене… (*Кр. газ.*)

106 …которая вот она мигает нам из окошка... /…которая вот она играет нам из окошка… (*Кр. газ.*)

107–108 …но пролетариат, товарищи, сам знает, что он грубый, нам больно от этого, душа горит… / …но пролетариат сам знает, что он грубый,

нам больно от этого, душа наша горит… (*Кр. газ.*); …но пролетариат, товарищи, сам знает, что он грубый, нам больно от этого, мы хотим жить, мы хотим умереть, душа горит… (*Пролетарий*)

108 …и острог постылых ребер… / *Этих слов нет* (*Рассказы-1934* и последующие издания)

109–110 …смеется нам из окошка… / …мигает нам из окошка… (*Кр. газ.*)

111 …в обворовываемом дому… / …в обворовываемом дому. Но мы отдерем половицу, восставшую против невинной грубости нашей, и мы нальем черной крови в сапоги, обученные не скрипеть… (*Пролетарий*)

ЧЕСНИКИ

С. 93

3 Но Павличенко, начдив шесть… / Но Апанасенко, начдив шесть… (*Кр. Н.*)

7 …ответил Павличенко глухо… / …ответил Апанасенко глухо… (*Кр. Н.*)

9–10 …сказал Ворошилов и рванул на себе ремни. Павличенко отступил… / …повторил Ворошилов, захохотал, и разорвал на себе ремни. Апанасенко отступил… (*Кр. Н.*)

14–15 Он сидел на лошади, глаза его были прикрыты, он молчал и шевелил губами. / Он сидел на лошади с прикрытыми глазами и молчал и шевелил губами. (*Кр. Н.*)

15–17 Штаб армии, рослые генштабисты в штанах, краснее, чем человеческая кровь, делали гимнастику за его спиной и пересмеивались. / *Этой фразы нет* (*КА-1931* и последующие издания)

20 …закричал он, оборачиваясь к Буденному… / …закричал он… (*Кр. Н.*)

20–21 …скажи войскам напутственное слово. / …скажите войскам напутственное слово. (*Рассказы-1936*)

21 Вот он стоит на холмике, поляк, стоит, как картина… / Вот он стоит на холмике, поляк, стоит, как картинка… (*КА-1928* и последующие издания)

27 Ведь у тебя ребер нету?.. / Ведь у тебя ребер нету. (*Кр. Н.*); Ведь у тебя ребер нету… (*КА-1927* и последующие издания)

30 Он проехал вперед и притиснулся к Буденному в упор. / И он проехал вперед и протиснулся к Буденному в упор. (*Кр. Н.*)

31 Тот вздрогнул и сказал тихо... / Тот вздрогнул и тихо сказал… (*КА-1927* и последующие издания)

С. 94

36–37 …влетел в середину эскадронов. / …влетел в средину эскадронов. (*Кр. Н.*)

39 …борется небывалая власть. / …основалась небывалая власть. (*Кр. Н.*)

42 …отдаленно запел Павличенко… / …отдаленно запел Апанасенко… (*Кр. Н.*)

44 …был оборван, мясистое… / …был оборван, и мясистое… (*Кр. Н.*)

49 Он тронул повод, Буденный… / Он тронул повод, и Буденный… (*Кр. Н.*)

50 Они ехали рядом на длинных рыжих кобылах… / Они ехали на длинных рыжих кобылах, рядом… (*КА-1933* и последующие издания)

55–61 Две пухлых сестры в передничках укладывались там на траве 〈…〉 Подальше от сестер лежал в бреду раненый красноармеец, и Степка Дуплищев... / Там лежал в бреду раненый красноармеец, и Степка Дуплищев… (*КА-1931* и последующие издания)

64 …о нетели и о каких-то оческах льна… / …о нетели и каких-то оческах льна… (*КА-1931* и последующие издания)

С. 95

79 …К тебе, – говорит, – Степа… / …К тебе, – говорит, – Степка… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

85–86 …убраны сеном, чудовищная грудь… / …убраны сеном, и чудовищная грудь… (*Кр. Н.*)

87–88 …туфлю с шпорой… / …туфлю со шпорой… (*КА-1930* и последующие издания)

89 Женщина вынула… / Она вынула… (*Кр. Н.*)

93 …на земле с жеребцом ходишь… / …по земле с жеребцом ходишь… (*Кр. Н.*)

109–110 …летела сквозь галицийские дубы, безмятежная пыль канонады… / …летела сквозь галицийские дубы, Ворошилов стоял на холмике и стрелял из маузера, безмятежная пыль канонады… (*Кр. Н.*)

ПОСЛЕ БОЯ

С. 96

2 История распри моей с Акинфиевым такова. / Распря моя с Акинфиевым пошла вот откуда. (Прожектор)

3–4 Эскадроны скопились в лесу... / Мы скопились в лесу… (Прожектор, *ОИ*)

4 …и в шестом часу вечера… / …и в шестом часу вечером… (*ОИ*)

6–7 …увидели мертвенную стену… / …увидели мертвую стену… (*ОИ*)

8–9 …есаулом Яковлевым. / …есаулом Яковлевым, подлейшим из предателей. (Прожектор, *ОИ*)

10 …черная борода лежала на его груди… /…и черная борода лежала на его груди… (Прожектор, *ОИ*); …черная борода лежала на груди… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

11 Пулеметы противника палили с двадцати шагов, раненые упали в наших рядах. / Пулеметы его палили в нас с двадцати шагов. Несколько бойцов упало в наших рядах. (Прожектор); Пулеметы противника палили в нас с двадцати шагов. Несколько бойцов упало в наших рядах. (*ОИ*)

12 …ударились об неприятеля… / …ударились о неприятеля… (Прожектор)

14–15 …победа над шестой дивизией. / …победа над буденновской дивизией. (Прожектор); …победа над армией Буденного. (*ОИ*)

15–16 …перед лавой налетающих эскадронов. / …от невыносимой лавы атакующих эскадронов. (Прожектор); …перед невыносимой лавой налетающих эскадронов. (*ОИ*)

16 Есаул устоял на этот раз... / Есаул победил на этот раз… (Прожектор, *ОИ*); Есаул стоял на этот раз… (*КА-1930* и последующие издания)

19 Неприятель остался на холме. / Неприятель остался на своем холме (Прожектор, *ОИ*)

20 …и не решился на погоню. / …и не решался на погоню. (*Рассказы-1934* и последующие издания)

23–24 …крикнул он, завидев меня, – завороти мне бойцов, душа из тебя вон… / …крикнул начподив, завидев меня, – пуля в лоб тебе, Лютов, – завороти мне бойцов, душа из вас вон… (Прожектор); …крикнул он, завидев меня, – пуля в лоб тебе, Лютов, – завороти мне бойцов, душа из вас вон… (*ОИ*)

25–26 …жеребца, он взвизгивал и сзывал людей. / …жеребца. Он плакал и сзывал людей. (Прожектор); …жеребца, он плакал и сзывал людей. (*ОИ*); …жеребца, взвизгивал и сзывал людей. (*КА-1933* и последующие издания)

26–27 Я освободился от него и подъехал к киргизу Гулимову, скакавшему неподалеку… / Я едва высвободился от него и подъехал к киргизу Гулимову, скакавшему недалеко от меня… (Прожектор, *ОИ*)

29 …ответил Гулимов и оглянулся. / …ответил Гулимов, сдержал лошадь и оглянулся. (Прожектор); ...ответил Гулимов, сдерживая коня, и оглянулся. (*ОИ*)

29–30 Он оглянулся вороевато, выстрелил… / Он оглянулся, воровато выстрелил в меня… (Прожектор); Он оглянулся воровато, выстрелил в меня… (*ОИ*)

31 …прошептал Гулимов... / …прошептал Гумилов… (*ОИ* – ошибочно)

31 …взял меня за плечи… / …взял меня за плечо… (Прожектор); …взяв меня за плечи… (*ОИ*)

32–33 …киргиз дрожал и озирался. / …киргиз дрожал и упирался. (*ОИ*)

33 …наклонял глаза все ближе. / …наклонял глаза. (Прожектор, *ОИ*); …наклонял голову все ближе. (*Рассказы-1936*)

С. 97

34 – Твоя вперед, – повторил он чуть слышно, – моя за тобой следом… / – Твоя вперед, – повторил он чуть слышно, – твоя вперед, моя следом… (Прожектор, *ОИ*)

34 …повторил он чуть слышно… / …повторял он чуть слышно… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

34–35 …и легонько стукнул меня в грудь... / …легонько стукнул меня в грудь… (*КА-1931* и последующие издания)

35 Мне сделалось тошно… / Мне сделалось тогда тошно… (Прожектор, *ОИ*)

36–37 ...лицо киргиза, горячее, как камень под солнцем... / ...лицо киргиза, твердое и горячее лицо, как камень под солнцем... (Прожектор, *ОИ*)

37–38 Теплая кровь зашевелилась под моими ногтями, защекотала их, я отъехал от Гулимова... / Теплая кровь зашевелилась у меня под ногтями, защекотала их, и я отъехал от киргиза… (Прожектор); Теплая кровь зашевелилась у меня под ногтями и пощекотала их, и я отъехал потом от Гумилова… (*ОИ* – фамилия киргиза ошибочно)

39 Истерзанный друг мой, лошадь… / Истерзанный друг мой, моя лошадь… (Прожектор, *ОИ*)

40 Я ехал, не видя пути, я ехал, не оборачиваясь… / …я ехал, не оборачиваясь, я ехал, не видя пути… (Прожектор)

43–44 Мимо нас прошла Сашка, сестра 31-го кавполка… / Потом прошла мимо нас Сашка, сестра 31 кавполка… (Прожектор, *ОИ*)

44–45 Командиры эти задремывали и молчали, один из них… / Командиры эти были незнакомы мне, они упрямо молчали, и только один из них… (Прожектор, *ОИ*)

46 Сашка пошла сказать об нем… / Сашка пошла сказать о нем… (Прожектор)

51–52 – Что так? – закричал Воробьев, смеясь. – Али ты, Саш, передумала с мужчинами чай пить?.. / – Тогда ложись, закричал Воробьев, смеясь, – ложись, если не передумала с мужчинами чай пить… (Прожектор, *ОИ*)

59 И тут придвинулся... / И вот тут придвинулся… (Прожектор, *ОИ*)

62 …кто в драке путается… /…кто путаться в драке путается… (Прожектор, *ОИ*)

65–66 Отвяжись, Иван, – сказал я Акинфиеву, но он не отставал и подступал ближе, весь кособокий, припадочный и без ребер. / – Отвяжись от меня, Иван, сказал я Акинфиеву, отвяжись, – но он не отступал и вертелся вокруг меня, весь кособокий и без ребер. (Прожектор); – Отвяжись от меня, Иван, сказал я Акинфиеву, отвяжись от меня, – но он не отставал и подступал ко мне, весь кособокий и без ребер. (*ОИ*); – Отвяжись, Иван, – сказал я Акинфиеву, но он не отставал и подступал все ближе, весь кособокий, припадочный и без ребер. (*КА-1927* и последующие издания)

67–68 …бормотал казак, вертясь и ворочая разбитым бедром… / …бормотал он… (Прожектор); …бормотал он и все вертелся вокруг меня… (*ОИ*)

69 – Поляк меня да, – ответил я дерзко, – а я поляка нет… / – Поляк меня да, а я его нет, чего тебе надо, Иван? (Прожектор, *ОИ*)

70 – Значит, ты молокан? – прошептал Акинфиев, отступая. / – Значит, ты молокан, – сказал он тогда с изумлением и отступил назад. (Прожектор, *ОИ*)

71 – Значит, молокан, – сказал я громче прежнего. / – Значит, молокан, – ответил я, содрогаясь… (Прожектор, *ОИ*)

71 Чего тебе надо, Иван?.. / …чего тебе от меня надо, Иван?.. (*ОИ*); Чего тебе надо? (*КА-1933* и последующие издания)

72–73 …закричал Иван с диким торжеством, – ты при сознании, а у меня про молокан есть закон писан... / …закричал он с диким торжеством и изогнулся всем разломанным своим телом, – ты при сознании, а у меня от советской власти есть про молокан закон писан… (Прожектор); …закричал он с диким торжеством и изогнулся всем разломанным своим телом, – и ты при сознании, а у меня от советской власти есть про молокан закон писан… (*ОИ*)

С. 98

75–76 Собирая толпу, казак кричал про молокан не переставая. Я стал уходить от него, но он догнал меня и, догнав... / Он кричал про молокан, не переставая; я стал уходить от него тогда, но он догнал меня и, догнав… (Прожектор, *ОИ*)

77 Ты патронов не залаживал… / Ты патронов не налаживал… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1935*)

77–79 …над самым моим ухом и завозился, пытаясь большими пальцами разодрать мне рот, – ты бога почитаешь, изменник... / …над самым моим ухом и большими пальцами попытался разорвать мне рот, – ты бога почитаешь… (Прожектор, *ОИ*)

80–81 Он дергал и рвал мой рот, я отталкивал припадочного и бил его по лицу. Акинфиев боком повалился на землю и, падая, расшибся в кровь. / Он возился с моим ртом, я отталкивал его и ударил потом

по лицу, он повалился на землю, как пьяный, и, падая, расшибся в кровь. (Прожектор); Он возился с моим ртом, я отталкивал его и ударил по лицу, он боком повалился на землю и, падая, расшибся в кровь. (*ОИ*)

82 Тогда к нему подошла Сашка с болтающимися грудями. / Тогда к нему подошла Сашка. (Прожектор)

82–83 Женщина облила Ивана водой… / Она облила его водой… (Прожектор, *ОИ*)

83 …вынула у него изо рта… / …вынула у него из рта… (*КА-1927(Ф)*)

85 …друг дружке в морды стучаться… / …друг дружке в морду стучаться… (*ОИ*; *Рассказы-1936*)

89–90 Деревня плыла и распухала, багровая глина текла из ее скучных ран. Первая звезда блеснула надо мной и упала в тучи. / Звезда блеснула надо мной и упала в тучи. (Прожектор, *ОИ*)

90 Дождь стегнул ветлы... / Дождь стегнул меня… (Прожектор, *ОИ*)

91–92 …как стая птиц, и тьма надела на меня мокрый свой венец. / …как стая птиц. Тьма надела на меня мокрый венец. (Прожектор, *ОИ*)

92 …согбенный под могильною короной... / …согбенный под моей могильною короной…(Прожектор); …согбенный под могильною моей короной… (*ОИ*); …согбенный под могильной короной… (*КА-1927* и последующие издания)

92 …пошел вперед... / …я пошел вперед… (Прожектор, *ОИ*)

ПЕСНЯ

С. 99

1 Песня / Вечер (*Кр. Н.*, *Шк.*)

2 На постое в сельце Будятичах… / На постое в сельце N… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

5–6 …и вот однажды, вернувшись домой рано, до сумерек, я увидел... / …и вот однажды я вернулся домой рано, до сумерек, и увидел… (*Кр. Н.*, *Шк.*); …и вот однажды, вернувшись рано домой, до сумерек, я увидел… (*КА-1927* и последующие издания)

6 …как хозяйка приставляла… / …как хозяйка приставляет… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

11 …кабы мне не помешал в этом Сашка Коняев... / …если бы мне не помешал в этом Саша Коняев… (*Кр. Н.*)

14 …и поднял на меня глаза… / …и поднял на нас глаза… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

14–15 …заваленные синими сонными льдами. / …закаленные синими сонными льдами. (*Шк.* – ошибочно)

17–18 …и заскучал синими глазами. / …и заскучал вдруг синими глазами. (*Кр. Н.*, *Шк.*)

18 Он ото всех отвернулся… / Он отвернулся… (*Рассказы-1934* и последующие издания)

22 Я любил эту песню… / Я люблю эту песню… (*КА-1928*, *КА-1930*, *КА-1931*, *КА-1933*)

22–23 …в любви к ней я доходил до возвышенного сердечного восторга. / *Этих слов нет* (*Рассказы-1934* и последующие издания)

23 …восторга. Сашка знал об этом… / …восторга, и Сашка знал об этом… (*Кр. Н.*)

24 …в гирлах Дона, у станицы Кагальницкой. / …в гирлах Дона и станицы Кагальницкой (*Рассказы-1934* и последующие издания – ошибочно)

27–28 …брать ковшами или просто руками… / …брать ковшами и просто руками… (*Шк.*)

29 …рыба держит весло и несет его с собой. / …рыба держит это весло и несет его с собой (*Кр. Н.*); …рыба держит весло, несет его с собой (*Шк.*)

31–32 …была жестокая война… / …шла жестокая война… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

33 …подарил для отвода глаз гармонику… / …подарил для отвода глаз гармонию… (*Шк.*)

С. 100

34–35 …многие были душевного старинного распева. /…многие были старинного душевного распева. (*Шк.*)

35–36 …простили лукавому охотнику, потому что песни его… / …простили лукавому охотнику, песни его… (*Шк.*)

37 Кровавый след шел по этому пути. / Кровавый след шел по этим путям. (*Шк.*)

38–39 …так было на Уральске и в Кавказских предгорьях… / …так было на Уральских и в Кавказских предгорьях… (*Кр. Н.*)

40 …эскадронный певец… /…эскадронный наш певец… (*Шк.*)

42 Сашка усмирил меня… / Сашка смирил меня… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1935*)

47 …истлевшее сено, сквозь горячий ее ливень… / …истлевшее сено, и сквозь горячий ее ливень… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

49 …и не тронулась с места после того... / …и не тронулась с места даже после того… (*Шк.*)

50 …отложил гармонику... / …отложил гармонию… (*Шк.*)

53 …сказала ему хозяйка… / …сказала ему тогда… (*Шк.*)

57 …поскреблась о дверь... / …поскреблась об дверь… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

61–62 …ежели желаете, я вам внимание окажу… / *Этих слов нет* (*Кр. Н.*); …ежели желаете, я… (*Шк.*)

63 Но баба как будто… / Но бабка как будто… (*КА-1928* и последующие издания)

68 Она тянула унылые свои жалобы… / Она долго тянула унылые свои жалобы… (*Кр. Н.*, *Шк.*)

СЫН РАББИ

С. 101

3 …и ту ночь… / …и ночь… (*ОИ*)

6 …основатель IV Интернационала… / …основатель четвертого Интернационала… (*ОИ*)

14–15 Потом раздвинулась завеса шкапа… / Потом раздвинулась завеса шкафа… (*ОИ*)

16 …завороченные в рубашки из пурпурного бархата и голубого шелка... / …завороченные в бархат и голубые шелка… (*ОИ*)

16–17 …и повисшее над торами… /…и повисшее над торой… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

17 …безжизненное покорное прекрасное лицо… / …безжизненное покорное и прекрасное лицо… (*Список*, *Кр. Н.*)

22–23 И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями… / И чудовищная Россия, неправдоподобная, затопала лаптями… (*Кр. Н.*)

23–25 Тифозное мужичье катило перед собой привычный горб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое ударами прикладов. / *Этого фрагмента нет* (*ОИ*)

25–26 Оно сопело, скреблось, летело вперед и молчало. А на двенадцатой версте… / Она сопела, скреблась, летела вперед и молчала. Из окна вагона я бросал в них картофелины, а на двенадцатой версте… (*ОИ*); Оно сопело, скреблось, летело вперед и молчало. Из окна вагона я бросал им картофелины, как собакам. А на двенадцатой версте… (*Список*)

27 …я швырнул в них грудой листовок Троцкого. / …я швырнул в них грудой листовок. (*КА-1933* и последующие издания)

27–28 Но только один из них протянул за листовкой грязную мертвую руку. / Мертвая и грязная рука протянулась за ними (*ОИ*); Но только один из них протянул за листовкой грязную и мертвую руку. (*Список*)

30 …потерявшего штаны, переломленного надвое… / …потерявшего штаны и переломленного надвое… (*ОИ*, *Список*, *Кр. Н.*)

30–31 …мы, преступив правила… / …мы, переступив правила… (*КА-1931* и последующие издания)

32–33 …о ржавое железо ступенек; две толстогрудые машинистки… /…о ржавое железо ступенек, и две толстогрудые машинистки… (*ОИ*, *Кр. Н.*)

33 …длинное застенчивое тело умирающего. / …длинное и застенчивое тело умирающего. (*ОИ*, *Список*, *Кр. Н.*)

С. 102

34–35 Казаки в красных шароварах поправили… / Казаки поправили… (*ОИ*)

36–37 …эту чахлую нежную курчавую мужественность… / …чахлую, нежную и курчавую мужественность… (*ОИ, Список, Кр. Н.*); …эту чахлую, курчавую мужественность… (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*)

40 Здесь все было свалено вместе… / Здесь все было свалено вместе, Василий… (*Кр. Н.*)

43 …шестого съезда партии… / …VII-го съезда партии… (*ОИ*)

57 …закричал он с отчаянием. / …закричал он с отчаяньем. (*Кр. Н.*)

62–63 …моего воображения, – я принял последний вздох моего брата. / …моего воображения, принял последний вздох моего брата. (*Список*, *Кр. Н.*)

ДОПОЛНЕНИЯ

ИХ БЫЛО ДЕВЯТЬ

Вариант «Их было десять»

[Чесники] Их было десять

Станция Завады. Это было вчера. В каменном строении, на перекрестке железнодорожных путей, засело человек тридцать поляков. Начальник штаба ввязался в это нестоящее дело. С револьвером в руках он шел впереди цепи. Я подумал: – как глупо умереть у станции Завады⟨,⟩ и пошел за начальником штаба.

Поляки бежали, завидев первую цепь. Десять человек мы захватили живьем. Их вывели в поле. Издали они похожи были на полосатое одеяло, разостланное по земле. Перед нами на коне стоял Голов, командир взвода.

– Офицера⟨,⟩ сознавайся, – сказал он и тронул поводья. Кровь стекала с его головы, как дождь со скирды. Он был ранен в лоб.

– Офицера⟨,⟩ выходи – повторил он глуше и слез с коня. [Казак стоявший рядом подал ему саблю.] Тогда из толпы пленных выступил длинный человек с обвислыми усами.

– Край той войне, – сказал он с восторгом и заплакал. – Официр утик, край той войне…

И длинный протянул [Голову] взводному синюю руку. На лице его отразилось [жалкий страх и] непонятное блаженство.

– Пять пальцев, – пробормотал он, рыдая, – цими пальцами я выховал мое семейство…

И он медленно с пылающими глазами взмахнул перед нами громадной и вялой своей рукой.

Голов отвел ее саблей.

– Офицера ваши, – закричал он, – бросили тут одежу. Я пробу сделаю. На кого придется – тому крышка.‘

Он выхватил из кучи тряпья фуражку без козырька и надвинул ее на длинного.

– Впору, – прошептал Голов, – придвинулся к пленному ближе, заглянул ему в глаза и всунул ему саблю в глотку. Длинный упал, вздрогнул и в истоме повел ногами. Из горла его забил пенистый кровавый фонтан. Румяный казачок с шелковыми волосами опустился перед умирающим на колени. Он расстегнул ему… ⟨*текст обрывается*⟩

АРГАМАК

С. 108

5 …23 кавполка. /…23-го кавполка. (*КА-1933* и последующие издания)

С. 109

44 …по шестьдесят, по восемьдесят верст. / …по шестьдесят, по восемьдесят километров. (*КА-1933* и последующие издания)

С. 110

81–82 Прикрытием для поляков послужил ураган, секущий дождь, летняя тяжелая гроза… / Прикрытием для поляков послужили ураган, секущий дождь, летняя тяжелая гроза… (*КА-1933* и последующие издания)

96 Они волочились… / Ленты волочились… (*КА-1933* и последующие издания)

97–98 Баулин сидел на ступенях… / Баулин сидел на ступеньках… (*КА-1933* и последующие издания)

С. 111

105 Паша стал рядом с конем. / Пашка стал рядом с конем. (*КА-1933* и последующие издания)

109 – Помиримся, Паша. / – Помиримся, Пашка. (*Рассказы-1936*)

128–129 – Еще что-нибудь скажи. // – Еще скажу. / *Этого фрагмента нет* (*КА-1933* и последующие издания)

130 …прервал меня командир… / …сказал он… (*КА-1933* и последующие издания)

134–135 …с своим дыханием… /…со своим дыханием… (*КА-1933* и последующие издания)

136 …в 6 эскадрон. / …в 6-й эскадрон. (*КА-1933* и последующие издания)

Приложения

Е.И. Погорельская

«КОНАРМИЯ» ИСААКА БАБЕЛЯ

…Последствия великих событий неисчислимы.

В. Гюго
Собор Парижской Богоматери

Сколько силы нужно иметь – чтобы быть созерцателем в наши дни.

И. Бабель
Планы и наброски к «Конармии»

С появлением конармейских рассказов в московской печати имя Исаака Бабеля сразу стало популярным. «В Москве шумит последнее время Бабель, – писал К.А. Федин М. Горькому 16 июля 1924 г. – Этот человек пробыл долгое время в коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге»[1]. Примерно за полтора месяца до выхода отдельного издания «Конармии», 4 марта 1926 г., С.Т. Григорьев извещал того же Горького: «Однажды был у меня Бабель, самый знаменитый писатель в Москве»[2].

В «Автобиографии» Бабель вел отсчет своей литературной работы от публикации в журнале В.В. Маяковского «Леф»[3]. В № 4 за 1923 г. (вышел в первых числах января 1924 г.) были помещены конармейские рассказы «Письмо», «Смерть Долгушова», «Дьяков» (впоследствии «Начальник конзапаса»), «Колесников» (впоследствии «Комбриг 2»)[4], «Прищепа», «Соль»; два рассказа из одесского цикла – «Король» и «Как это делалось в Одессе». «Леф» был не первым столичным журналом, напечатавшим Бабеля: 27 мая 1923 г. в «Огоньке» (№ 9) появилась новелла «Смерть Долгушова», 16 декабря в «Прожекторе» (№ 21) – «Путь в Броды», «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине». В декабре 1923-го Бабеля начала печатать «Красная новь»: в № 7, под рубрикой «Миниатюры», появились две новеллы, которые привычно рассматриваются как его эстетические декларации, – «Линия и цвет» и «Пан Аполек», ставший впоследствии одним из центральных рассказов конармейского цикла.

---

[1] Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: АН СССР, 1963. С. 475.

[2] Там же. С. 134.

[3] См.: НИОР РГБ. Ф. 138. М. 9585а. Ед. хр. 1. Л. 3.

[4] Рассказы «Начальник конзапаса» («Дьяков») и «Комбриг 2» («Колесников») в «Лефе» опубликованы впервые.

И все же тому, что Бабель считал началом именно лефовскую публикацию, нетрудно найти объяснение. До этого, как принято в периодике, в газетном или журнальном номере давалось по одному, по два, максимум по три (как, например, в «Прожекторе») рассказа, а Бабель всегда стремился к созданию новеллистических циклов и книг. В «Лефе» вышли сразу восемь рассказов. К тому же здесь были помещены шесть новелл из книги «Конармия» (седьмой – «Мой первый гусь» – появился в следующем номере). В истории бабелевских публикаций есть похожий случай: в третьем номере «Красной нови», за апрель–май 1924 г., было опубликовано девять конармейских рассказов, но это произошло немного позднее. Существовала и другая причина, по которой Бабель, написавший «Автобиографию» в ноябре 1924 г., говорил о «Лефе», не упоминая «Красную новь»: к тому времени конармейский цикл вызвал жесткую критику со стороны С.М. Буденного, и под ударом оказались только те рассказы, которые печатались А.К. Воронским в «Красной нови».

Феномен невероятного успеха Бабеля в первой половине 1920-х годов чуть позднее, в 1928-м, объяснил Н.Л. Степанов:

«Бабель вернул нам ощущение новеллы ⟨…⟩

Напряженная, сжатая до 3–4 страниц, новелла Бабеля явилась знаком воскрешения жанров. Успех его новеллы ⟨…⟩ был настолько быстр, что Бабель стал за несколько месяцев популярнейшим писателем, даже не напечатав ни одной книжки.

Актуальность материала, стилистическая яркость и динамика новеллы, новизна самого метода, явившиеся причиной успеха, вместе с тем казались выходом из того бездорожья, в котором блуждала в те годы проза ⟨…⟩

Бабель означал удачу, с него начался перелом в литературе…»[5]

Успех был связан не только с выбранным жанром, но и с «актуальностью материала», т. е. с главной в те годы для писателя темой недавно отгремевшей Гражданской войны, и с необычным раскрытием этой темы. Не случайно статье о Бабеле В.П. Полонский предпослал эпиграф из «Пана Аполека»: «Я подивился искусству живописца, мрачной его выдумке». Критик писал:

«Читаю и перечитываю “Конармию”. Удивительная книга, – едва ли не самая яркая за последние десять лет. Она не потускнеет рядом с выдающимися произведениями европейской литературы, – так прекрасны иные ее страницы. Меня смущает лишь одна мысль: почему книга называется “Конармия”? Разве в самом деле она написана про походы и подвиги буденновцев? Это было первым недоумением, лишь только я пробежал глазами первые ее страницы.

Она очень невелика – эта книга. В ней 168 страниц, включающих 34 рассказа, острых, как спирт, и цветистых, как драгоценные камни»[6].

А далее сам Полонский так ответил на поставленный им в начале статьи вопрос:

---

[5] *Степанов Н.Л.* Новелла Бабеля // И.Э. Бабель: Статьи и материалы. Л.: Academia, 1928. С. 13.
[6] *Полонский В.П.* Критические заметки: О Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 197.

«Остаться “вне схватки” – Бабель не захотел, или не смог. Он оказался среди буденновцев.

“Конармия” была для Бабеля той мифической рекой, из которой он вышел возрожденным 〈...〉 Новая тематика, новые впечатления, новая точка зрения на мир придали некоторую суровость языку, оставив цветистость сравнений 〈...〉 В прославлении революции – над бренностью всего остального, – пафос “Конармии”»[7].

ПОДСТУПЫ К ВОЕННОЙ ТЕМЕ

Первый опыт военной прозы Бабель перенял у французов. В «Критическом романсе» В.Б. Шкловский вспоминал, что после отъезда Бабеля из Петрограда от него «не было никаких слухов», а затем приезжий одессит поведал ему о том, что «Бабель не то переводит с французского, не то делает книгу рассказов из книги анекдотов»[8]. Речь шла о небольшом цикле «На поле чести», напечатанном в июне 1920 г. в первом номере одесского журнала «Лава», выходившего под редакцией В.И. Нарбута. Нельзя исключить, что именно эти четыре маленькие новеллы дали Шкловскому повод высказать несколько эксцентричное и в принципе неверное по отношению к «Конармии» суждение: «Иностранец из Парижа, одного Парижа без Лондона, Бабель увидел Россию так, как мог увидеть ее француз-писатель, прикомандированный к армии Наполеона»[9].

Ранний цикл состоял из четырех новелл: «На поле чести», «Дезертир», «Семейство папаши Мареско» и «Квакер». Бабель предпослал им коротенькое предисловие: «Печатаемые здесь рассказы – начало моих заметок о войне. Содержание их заимствовано из книг, написанных французскими солдатами и офицерами, участниками боев. В некоторых отрывках изменена фабула и форма изложения, в других я старался ближе держаться к оригиналу»[10].

В основе первых трех новелл – фрагменты из книги французского капитана Гастона Видаля «Figures et anecdotes de la Grande guerre»[11], состоящей из 35 очерков. Как установил И.А. Смирин, Бабель использовал два:

---

[7] *Полонский В.П.* Указ. соч. С. 208.

[8] *Шкловский В.Б.* И. Бабель: Критический романс // Леф. 1924. № 2 (6). С. 153.

[9] Там же. С. 154.

[10] Лава. Одесса, 1920. № 1. С. 10.

[11] *Vidal G.* Figures et anecdotes de la grande guerre. P., 1918. Название книги переводится на русский язык как «Персонажи и анекдоты великой войны». Автор книги – Гастон Видаль (1888–1949), французский политический деятель и журналист. Во время Первой мировой войны капитана Видаля называли «асом пехоты», но из-за полученных ранений он был уволен из армии. После войны возглавлял газету «Le Pays», был депутатом Национальной ассамблеи от департамента Алье, помощником заместителя министра (в правительствах А. Бриана и Р. Пуанкаре) по вопросам производственного обучения.

11-й – «Deux actes devant une conscience» («Два поступка перед лицом совести») и 15-й – «Histoire shakespearienne» («История в духе Шекспира»). Первый из названных очерков лег в основу бабелевских новелл «На поле чести» и «Дезертир», второй – «Семейства папаши Мареско»[12]. «Бабель сохранил со всей полнотой деталей описанные Видалем эпизоды фронтовой жизни, – замечает Смирин. – Остались неизменными и сюжетные линии. Многие реплики совпадают текстуально. Особенно близок к первооснове рассказ “Семейство папаши Мареско”, воспринимающийся в большей своей части как перевод. Но изменилась форма изложения»[13].

В центре новеллы, открывающей цикл, два персонажа – деревенский дурачок Селестин Биду, 21 года от роду, прообразом для которого послужил дезертир Бриду из книги Видаля, и капитан Ratin. В 300 метрах от траншеи, на дне ямы от разорвавшегося снаряда, капитан застает солдата за непристойным занятием. Биду признается, что боится воевать и что не может вылезти из канавы. Тогда офицер подвергает его страшному унижению, помочившись прямо ему на лицо: «Биду был дурак, деревенский дурак, но он не перенес обиды. Он закричал нечеловеческим и протяжным криком; этот тоскливый, одинокий, затерявшийся вопль прошел по взбороненным полям; солдат рванулся, заломил руки и бросился бежать полем к немецким траншеям. Неприятельская пуля пробила ему грудь. Ratin двумя выстрелами прикончил его из револьвера. Тело солдата даже не дернулось. Оно осталось на полдороге, между вражескими линиями»[14].

Слова «на поле чести», давшие название всему циклу, в контексте первой новеллы приобретают горько-ироническую окраску. А непосредственно эти слова использованы в следующем рассказе – «Дезертир» – истории двадцатилетнего дезертира Божи и капитана Жемье. Как и Биду, Божи боится смерти, его задерживают при попытке побега с фронта и доставляют под стражей к Жемье. Капитан предлагает дезертиру избежать позора и застрелиться: «Ты умрешь, Божи, но я спасаю тебя в твою последнюю минуту. В мэрии не будет известно о твоем позоре. Матери сообщат, что ты пал на поле чести»[15]. Молодой солдат не в силах покончить с собой, и Жемье убивает его сам.

Рассказ «Семейство папаши Мареско» ведется от первого лица – некоего лейтенанта французской армии. В могильный склеп, где нашел временное убежище лейтенант, приходит папаша Мареско и приносит останки жены и двух дочерей, задохнувшихся в подземелье во время недавнего боя. Мареско просит захоронить прах своих близких в фамильном склепе, где они и ведут диалог.

---

[12] См.: *Смирин И.А.* У истоков военной темы в творчестве И. Бабеля: (И. Бабель и Гастон Видаль) // Смирин И.А. И.Э. Бабель в литературном контексте: Сб. статей. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2005. С. 121–123.

[13] Там же. С. 121.

[14] Лава. 1920. № 1. С. 10.

[15] Там же. С. 11.

«Патетический тон рассказов Видаля, – пишет Смирин, – уступил место манере бесстрастной или язвительно-иронической»[16]. Так, уже в 1920 г. начала формироваться у Бабеля несколько отстраненная и внешне беспристрастная манера повествования о жестокостях жизни, которая свойственна его конармейским рассказам. Но от раннего военного цикла «Конармию» отличают героическая патетика и лиризм.

Четвертый рассказ цикла «На поле чести» не имеет отношения к книге Видаля. Э. Зихер соотносит сюжет «Квакера» с новеллой Ги де Мопассана «Коко»[17]. Действительно, и в «Коко», и в «Квакере» речь идет об отработавшей свой век старой лошади, над которой издевается малолетний конюх – Зидор у Мопассана, Беккер у Бабеля. (Кивок в сторону французского писателя есть и в новелле «На поле чести», где деревенским дурачком выведен именно нормандский крестьянин: Мопассан, как известно, неизменно изображал нормандского крестьянина грубым и невежественным; однако Бабель относится к Биду с бóльшим сочувствием, нежели Мопассан к своим героям.) В отличие от Мопассана, у Бабеля достаточно подробно выведен образ покровителя несчастной лошади – квакера Стона. М.Я. Вайскопф считает, что образ Стона восходит к сердобольному Исролику из повести Менделе Мойхер-Сфорима «Кляча»[18]. Героев же «Квакера» Бабель сделал англичанами.

Цикл «На поле чести» посвящен Первой мировой войне и французской армии, но он явился для писателя своеобразной подготовкой к работе над книгой о Гражданской войне в России. Однако в отличие от ранних новелл, сюжеты которых заимствованы из произведений других авторов, «Конармия» построена на подлинных впечатлениях писателя от польской кампании и его службы в Первой конной.

ПОД ПСЕВДОНИМОМ К. ЛЮТОВ

«В характере моем есть нестерпимая черта одержимости и нереального отношения к действительности»[19], – признавался двадцатичетырехлетний Бабель в письме А.Г. Слоним от 7 декабря 1918 г. Эта «нестерпимая черта» сохранилась в нем на всю жизнь, а проявлялась она в первую очередь в неистребимом писательском любопытстве, нередко подвергавшем его опасности, в стремле-

---

[16] *Смирин И.А.* Указ. соч. С. 122.

[17] См. его примечания к циклу «На поле чести» в кн.: *Бабель И.Э.* Петербург 1918. Ann Arbor: Ardis, 1989. С. 235. См. также: *Sicher E.* Babel in Context: A Study in Cultural Identity. Boston: Academic Studies Press, 2012. P. 166.

[18] См.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. С. 74–75.

[19] *Бабель И.Э.* Соч.: В 2 т. / Вступ. статья Г.А. Белой; Сост. и подгот. текста А.Н. Пирожковой; Коммент. С.Н. Поварцова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 236.

нии находиться в самой гуще событий. Это свойство натуры Бабеля отмечали многие люди, его знавшие. Вот что писал, например, И.Г. Эренбург:

«Очки не могли скрыть его необычайно выразительных глаз, то лукавых, то печальных. Большую роль играл и нос – неутомимо любопытный. Бабелю хотелось все знать ⟨…⟩ мельчайшие детали жизни.

Все ему было интересно, и он не понимал, как могут быть писатели, лишенные аппетита к жизни»[20].

Это качество бросалось в глаза даже тем, кто был мимолетно знаком с Бабелем. Так, видевшийся с ним в Берлине в течение нескольких дней осенью 1928 г. австрийский писатель Элиас Канетти вспоминал:

«Он был очень любознателен и хотел видеть в Берлине всё, но "всем" для него были *люди*, причем люди самые разные ⟨…⟩ Мне еще не приходилось видеть человека, который бы с такой страстью отдавался наблюдению, оставаясь при этом совершенно спокойным. Менялись люди – и беспрерывно менялось выражение его глаз. Он замечал все и ко всему относился с одинаковой серьезностью, ему было интересно и обыденное, и необыкновенное»[21].

Если верить «Автобиографии» Бабеля (а она построена по образу и подобию его «автобиографической» прозы – внешняя документальность тесно переплетается с вымыслом), то отправил его изучать жизнь Горький. В очерке «Начало» Бабель рассказал об этом более подробно:

«Алексей Максимович жил тогда на Кронверкском проспекте. Я приносил ему все, что писал, а писал я по одному рассказу в день (от этой системы мне пришлось впоследствии отказаться, с тем чтобы впасть в противоположную крайность). Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец мы оба устали, и он сказал мне глуховатым своим басом:

– С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом… Ступайте-ка посему в люди ⟨…⟩

Командировка моя длилась семь лет, много дорог было мною исхожено и многих боев я был свидетель. Через семь лет, демобилизовавшись, я сделал вторую попытку печататься и получил от него записку: "Пожалуй, можно начинать…"»[22]

В «Автобиографии», в абзаце о семи годах, проведенных по совету Горького «в людях», Бабель, ограничиваясь простым перечислением через запятую, упоминает о разных по значимости этапах своей жизни, включая те, которым не находится подтверждений: «За это время я был солдатом на Румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в Северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, в Одесском

[20] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. первая, вторая, третья. М.: Текст, 2005. С. 512.

[21] *Канетти Э.* Из книги: Факел в ухе / Пер. В. Седельника // Канетти Э. Человек нашего столетия: Художественная публицистика / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 192.

[22] *Бабель И.Э.* Начало // Год XXI: Альманах. М.: Гослитиздат, 1938. Кн. 13. С. 80–81.

губкоме, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч.»[23]

Если с Первой конной армией, Одесским губкомом (Бабель служил в Губотделе печати), репортерством в Петрограде (в газете «Новая жизнь», выходившей под редакцией Горького) и в Тифлисе (в газете «Заря Востока») все понятно, если от участия «в продовольственных экспедициях» остался самый документированный его рассказ «Иван-да-Марья» (1932), то о Румынском фронте, службе в ЧК и «в Северной армии против Юденича» нам ничего, кроме приведенных строк «Автобиографии», не известно.

По словам сестры писателя, он был призван в армию в октябре 1917 г., но вскоре заболел[24]. Согласно документам, Бабель призывался в «ратники ополчения второго разряда»[25] еще в 1915 г., но как студент Петроградского психоневрологического института получил отсрочку. 21 февраля 1917 г. институтский врач выдал Бабелю справку о том, «что он страдает катаром верхушки правого легкого, вследствие чего нуждается в специальном и длительном лечении в санатории»[26]. Однако ни в воспоминаниях сестры, ни в архивных материалах о пребывании Бабеля на Румынском фронте сведений нет.

Помимо «Автобиографии» единственным и непрямым указанием на участие Бабеля в событиях Первой мировой войны может служить отрывок из процитированного выше письма к Слоним от 7 декабря 1918 г.: «За время моего исчезновения la vie мотала меня на многие лады, я приезжал, уезжал, был болен, призывался»[27]. Вполне возможно, что слова о том, что он «был болен» и «призывался» в реальной жизни имели другую последовательность, что подтверждается свидетельством сестры.

Г.М. Фрейдин считает, что не представляется вероятным и утверждение писателя, что тот «отправился воевать в “Северной армии против Юденича” 〈…〉 “Северной армией” именовалась как раз армия Юденича (точнее, “Северный корпус”) 〈…〉 Вряд ли участник обороны Петрограда мог бы так оговориться»[28].

Продолжению истории о ЧК посвящен рассказ «Дорога» (1932), героя которого «сделали переводчиком при Иностранном отделе». Действие рассказа

---

[23] НИОР РГБ. Ф. 138. М. 9585а. Ед. хр. 1. Л. 3.

[24] См.: *Stora-Sandor J.* Isaac Babel’: L’homme et l’œuvre. P.: Ed. Klincksieck, 1968. P. 25–26.

[25] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 14.

[26] Там же. Л. 16.

[27] *Бабель И.Э.* Соч. Т. 1. С. 236.

[28] *Фрейдин Г.М.* Сидели два нищих, или Как делалась русская еврейская литература: Бабель и Мандельштам // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: Сб. материалов Междунар. науч. конф. в Гос. лит. музее 23–26 июня 2014 г. / Отв. ред. Е.И. Погорельская. М.: Книжники; Лит. музей, 2016. С. 427–428.

относится к 1918 г., но никакого Иностранного отдела в ту пору в ЧК не существовало[29].

В общем ряду мимоходом в «Автобиографии» говорится о пребывании в Первой конной армии, в то время как именно этот опыт дал ему возможность создать его главную книгу. Не зная точно, во что все может вылиться, он пошел в Конармию, движимый все тем же писательским любопытством и страстным желанием создать литературное произведение о Гражданской войне.

Мы не располагаем данными о том, когда именно Бабель вступил в армию Буденного и когда оттуда выбыл, точные сроки нахождения там все еще остаются белым пятном его биографии. В начале апреля он, вероятно, был еще в Одессе. Об этом в какой-то мере свидетельствует помеченное 5 апреля 1920 г. штатное расписание Одесского губернского отделения Всеукраинского издательства (губотдела печати), в котором Бабель числился заведующим редакционно-издательским подотделом[30]. Нам известно также, что по прибытии в Первую конную Бабель какое-то время был прикомандирован к штабу армии, а в двадцатых числах июня перевелся в 6-ю кавалерийскую дивизию. Рассказ «Аргамак», в 1933 г. присоединенный к основному корпусу «Конармии», начинается словами: «Я решил перейти в строй». И далее сообщается о выборе героем 6-й дивизии.

На переход из штаба армии в дивизию косвенно указывает справка Реввоенсовета Первой конной, выписанная в Фастове 26 июня 1920 г.:

«Заведывающему столовой Штарма 1-й Конной.

Прошу исключить с довольствия тов. Бабеля (Лютова) при столовой Штаба с 24 сего июня.

Замсекретарь Реввоенсовета»[31].

Существует версия о том, что Бабель отправился в армию Буденного по совету приехавшего с фронта М.Е. Кольцова, чтобы делать репортажи для ЮгРОСТА (Южного (Одесского) отделения Российского телеграфного агентства). В работах о Бабеле, даже вполне серьезных и основательных, можно прочитать, что удостоверение ЮгРОСТА было выдано на имя Кирилла Васильевича Лютова. А это уже легенда. Во-первых, никакого удостоверения не сохранилось, во-вторых, имя и отчество Лютова встречается лишь однажды – в рассказе «Чесники», так называет его «вздорный казачонок» Степка Дуплищев: «Вот, Кирилл Васильич, обратите маленькое внимание…»[32] Больше нигде – ни в рассказах (там, где он назван по фамилии, он фигурирует как Лютов и Лютыч), ни в подписях

---

[29] См.: *Freidin G.* Two Babels – Two Aphrodites: Autobiography in *Maria* and Babel's Petersburg Myth // The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context. Stanford: Stanford Univ. Press, 2009. P. 30–31.

[30] См.: ГАОО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 222. Л. 8.

[31] РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 464.

[32] Конармейские рассказы, дневник 1920 года, «Планы и наброски к "Конармии"» цитируются по наст. изд.

под газетными публикациями, ни в документах мы не встретим ни имени-отчества, ни даже имени Кирилл. Свои статьи в газете «Красный кавалерист» Бабель подписывал либо полностью: «Военный корреспондент 6 кавдивизии К. Лютов», либо инициалами: К.Л. Следовательно, Кирилл Васильевич Лютов – это герой «Конармии», но не ее автор, а его конармейский псевдоним содержит только один инициал. Разумеется, у Бабеля, когда он отправился к Буденному, был на руках удостоверяющий личность документ, почти наверняка от ЮгРОСТА, но вот на какое имя был выписан документ, нам неизвестно.

Более того, из приведенной справки Реввоенсовета следует, что в Конармии, возможно только поначалу, знали и настоящую фамилию писателя. Своим конармейским псевдонимом «К. Лютов» Бабель воспользуется в 1922 г., помечая им корреспонденции в газете «Заря Востока». Больше он к этому псевдониму не возвращался, а все рассказы конармейского цикла подписывал подлинным именем – И. Бабель.

Фамилия Лютов фигурирует в нескольких документах Первой конной армии. «Военкором Штадива 6» К. Лютовым сделан перевод на русский язык заметки из английской газеты о захвате советского поезда английским летчиком[33]. Сохранилась телеграмма, отправленная из Одессы 10 августа 1920 г., на имя военкора ЮгРОСТА Лютова (копия – «Политотделу Первой Конармии»): «Предписывается вам, оставив при штабе заместителя, немедленно выехать ⟨в⟩ Одессу ⟨в⟩ порядке мобилизации газетных работников, перераспределения их ⟨в⟩ районе действий Южного областного отделения РОСТА»[34]. То ли Бабель не подчинился данному предписанию, то ли телеграмма до него не дошла, но по меньшей мере месяц с лишним после нее он точно оставался в Конармии и стал свидетелем августовских военных операций, нашедших отражение в книге. Еще один важнейший документ, подписанный Лютовым (о нем речь пойдет чуть позже), связан с походным дневником писателя и с теми обязанностями, которые Бабель выполнял, находясь в 6-й кавалерийской дивизии.

Когда после Конармии Бабель вновь оказался в Одессе, тоже точно неизвестно. В сентябре 1975 г. С.Н. Поварцов побеседовал с приехавшей из Брюсселя в Москву сестрой Бабеля М.Э. Шапошниковой. Выяснилось, что Бабель скрыл от родных свое намерение уйти в армию Буденного. «Поздней осенью двадцатого года отец был вызван в редакцию (ЮгРОСТА. – *Е.П.*), где ему сообщили, что сын его погиб… Отец имел мужество сохранить это известие в себе. Жена брата уехала в сторону фронта на розыски, но вскоре брат вернулся, об этом сообщили жене. Он был в ужасном состоянии, весь изъеден насекомыми, в прыщах и часто страдал от приступов астмы, от которых он не избавился до конца своей жизни»[35].

---

[33] См.: РГВА. Ф. 245. Оп. 3. Д. 813. Л. 98.

[34] РГВА. Ф. 245. Оп. 2. Д. 15. Л. 46.

[35] *Поварцов С.Н.* Быть Бабелем. Краснодар: Кубаньпечать, 2012. С. 18.

По версии И.Л. Лившица, школьного друга писателя, «в Конармии Бабелю пришлось не сладко. Едва не убили. Потом болезнь, госпиталь. Отец и жена бросились на поиски, нашли благодаря В.И. Нарбуту»[36].

Имя Бабеля всплывает в документах ЮгРОСТА в январе 1921 г., в ведомости на авансы, согласно которой он получил 15 тысяч рублей[37]. Примерно тогда же он за заведующего столом личного состава заверяет своей подписью удостоверение, выданное художнику подотдела изобразительной агитации Б.В. Косареву, а в феврале подписывает продление этого удостоверения[38].

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К КНИГЕ

Выступая на конференции молодых писателей национальных республик 30 декабря 1938 г., Бабель говорил: «Во время кампании я написал дневник, к сожалению, большая часть его погибла. В дальнейшем я писал, пользуясь этим дневником, – уже больше по воспоминаниям, и отсутствие, может быть, единства или сюжета объясняется отсутствием этого дневника»[39].

С одной стороны, писатель прямо указывает на связь своего походного дневника с книгой «Конармия», с другой – скрывает довольно тесный характер этой связи. Ведь многие записи – какие-то практически целиком, но чаще несколькими переосмысленными деталями, штрихами – послужили основой для рассказов конармейского цикла. Хотя некоторые фрагменты дневника остались за пределами книги и, наоборот, ряд конармейских рассказов к дневнику отношения не имеет.

Дневник дошел до нас не полностью: отсутствует его начало, судя по пагинации сохранившейся части, это 54 страницы. Скорее всего, первые дневниковые записи, находившиеся в другой тетради или на отдельных листах, пропали тогда же, во время польской кампании. Косвенные свидетельства этому находим в самом дневнике. Белев, 11 июля: «Ночевал с солдатами штабного эскадрона, на сене. Спал плохо, думаю о рукописях ⟨...⟩ тоска, рукописи, рукописи, вот что туманит душу»; Белев, 13 июля: «Думаю о доме, о своей работе, летит моя жизнь. Нет рукописей. Тупая тоска, буду превозмогать». Не исключено, что речь шла не только о пропавших дневниковых записях, но и о каких-либо черновых набросках.

Сохранившаяся тетрадь с дневниковыми записями содержит 202 заполненные страницы, поэтому можно говорить, что до нас дошла бóльшая часть днев-

---

[36] *Поварцов С.Н.* Указ. соч. С. 19.

[37] См.: *Зинько Ф.З.* «Мудрый ребе»: Очерки. Одесса: Печатный дом, 2008. С. 36.

[38] См.: *Павлова Т.В., Чечик В.В.* Борис Косарев: 1920ті роки. Від малярства до теа-кіно-фото. Киев: Родовід, 2009. С. 280.

[39] Цит. по: *Лившиц Л.Я.* Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 120.

ника. Единственное событие «Конармии», оставшееся за хронологическими рамками сохранившейся его части, – это взятие Новограда-Волынского 27 июня 1920 г. в открывающем цикл рассказе «Переход через Збруч» (хотя в первой дневниковой записи операция по овладению Новоградом упоминается).

Давно установлено, что даты первых четырех записей, сделанных в Житомире и Ровно (3, 4, 5 и 6-е), помечены Бабелем июнем (арабской цифрой «6») ошибочно и речь идет о тех же числах, но не июня, а июля[40]. События, о которых говорится в этих записях, не могли произойти в начале июня 1920 г. ни в Житомире, ни в Ровно. Об этом свидетельствует сопоставление дневника с реальными военно-историческими событиями.

Оба города в те дни находились в руках белополяков. Части Первой конной армии вошли в Житомир 7 июня: в донесении Д.Д. Коротчаева, тогдашнего начдива четыре, было сказано, что дивизия заняла Житомир после боя у Левкова, в 18 часов. Оставив небольшой отряд для комендантской службы, дивизия покинула город. 8 июня Житомир находился без власти, а 9-го туда вернулись поляки. Частям Конармии удалось вновь войти в город только 12 июня[41]. Не мог Бабель прибыть 3 июня в Житомир на поезде: железная дорога от Фастова (откуда, скорее всего, выехал Бабель) до Житомира проходила через Казатин и Бердичев. Все три города и, соответственно, железнодорожные узлы в начале июня находились в руках поляков. Еврейский погром, учиненный поляками, о котором упоминается в первой и второй записях, происходил с 9 по 11 июня. Интервью с Б.Н. Поллаком об «операции по овладению Новоградом» было невозможно за три с половиной недели до самой операции. 5-го числа Бабель отметил в дневнике: «Получил в поезде сапоги, гимнастерку. Еду на рассвете в Новоград». Разумеется, о такой поездке не могло быть и речи 5 июня. Ровно, где сделана четвертая запись, был взят Красной армией только 4 июля. Оставившее у Бабеля неприятное впечатление семейство Хастов, у которого он квартировал в Ровно, повторно упоминается в дневниковой записи, сделанной в Белеве 11 июля. Через несколько дней он мог возвращаться мыслью к этой семье, а больше, чем через месяц, тем более в такой насыщенной событиями обстановке, – вряд ли. Кроме того, в первой сохранившейся записи говорится о вечере пятницы и кануне субботы, в то время как 3 июня 1920 г. приходилось на четверг, а 3 июля как раз на субботу[42].

---

[40] См.: *Davies N.* Isaak Babel's Konarmia Stories and the Polish-Soviet War // Modern Language Review 67. [1972]. N 4. P. 845–857; *Sicher E.* The «Jewish Cossack»: Isaac Babel in the First Red Cavalry // Studies in Contemporary Jewry. An Annual. IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. Oxford, 1988. P. 131; *Idem.* Babel in Context… P. 257.

[41] См.: *Буденный 2.* С. 115, 118.

[42] Подробно см.: *Левин С.Х., Погорельская Е.И.* «Во время кампании я написал дневник…»: Пространственно-временные координаты в «Конармии» и конармейском дневнике Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 166–202.

Следовательно, пропуска в месяц, как считалось когда-то, в дневнике нет, разрыв между записями составляет только четыре дня, и мы располагаем практически непрерывными дневниковыми заметками писателя за два с половиной месяца. Последняя запись помечена 15 сентября 1920 г. Скорее всего, после этой даты дневник не велся, однако никаких прямых доказательств этого на сегодняшний день нет.

Бабель писал дневник регулярно, записи делались ежедневно. Отсутствуют записи, как было сказано, за четыре дня – с 7 по 10 июля, а с 11 июля по 18 августа включительно не был пропущен ни один день. Нет записей за 19 и 20 августа, точнее Бабель их не выделил, а отображенные за эти дни события помещаются внутри даты 18 августа. С 21 августа по 15 сентября также нет пропусков. Есть в дневнике одна сдвоенная запись – за 23 и 24 августа и одна запись, объединяющая три дня – 3, 4 и 5 сентября. Характер и объем дневниковых записей, а порой и сама возможность сесть и что-то записать нередко зависели от обстановки – походной или бытовой. Например, 5 июля Бабель пометил: «Пишу дневник. Есть лампа». Или, наоборот, 13 августа: «…прервал писанье, в 100 шагах разорвались две бомбы, брошенные с аэроплана».

Конармейский дневник Бабеля не только послужил подготовительным материалом для книги, он является важнейшей частью литературного наследия писателя, самостоятельным произведением, имеющим как документальную, так и художественную ценность. Многие страницы дневника пронизаны образностью, писатель зачастую берет в нем верх над обычным летописцем: «Штаб переходит в Новоселки, 25 верст. Еду с начдивом, штабной эскадрон, скачут кони, леса, дубы, тропинки, красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон – одно тело» (Новоселки, 16 июля); «Перед нами дорога, разбухшая от дождя, пулемет вспыхивает в разных местах, невидимое присутствие неприятеля в этом сером и легком небе» (Гржималовка–Лешнюв, 1 августа); «Все таинственно и просто. Люди молчат и ничего не заметно к⟨а⟩к будто. О, русский человек. Все дышит тайной и грозой» (Комаров, Лабуне, Пневск, 29 августа).

Дневник писался не для посторонних глаз и не предназначался для печати. Во многом этот документ носит исповедальный характер: «И вдруг одиночество, течет передо мною жизнь, а что она обозначает» (Житомир, 4 июля); «У меня тоска, надо все это обдумать, и Галицию, и мировую войну, и собственную судьбу. Жизнь нашей дивизии ⟨…⟩ Я чужой…» (Лешнюв, 26 июля); «Почему у меня непроходящая тоска? П⟨отому⟩ что далек от дома, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ разрушаем, идем к⟨а⟩к вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде» (Хотин, 6 августа).

На страницах дневника Бабель предельно откровенен, он не раз подчеркивает, что рассказывает местному населению «небылицы о большевизме», в которые сам не верит, дает себе весьма нелицеприятные характеристики:

«Я жаден и жалок» (Гржималовка, Лешнюв, 1 августа); «Прихлебательствую» (Адамы, 21 августа); «Пресмыкательствую, зато ем» (Малице, 3–5 сентября). Таким образом, в отличие от рассказов конармейского цикла, от условно автобиографической прозы Бабеля, даже в отличие от его «Автобиографии», до некоторой степени сочиненной, фактам, изложенным в дневнике, можно полностью доверять. Ни о каком другом отрезке жизни Бабеля мы не знаем настолько подробно, как об этих двух с половиной месяцах, проведенных им в 6-й кавалерийской дивизии: о его передвижениях, о быте и круге общения, о переживаниях и духовных поисках, о том, наконец, какие обязанности он выполнял, находясь в Первой конной: он был военным корреспондентом армейской газеты «Красный кавалерист»; вел журнал военных действий, помогал оформлять штабную документацию[43]; сопровождал начдива, вызванного 21 июля командармом на совещание в Козин, а 22 июля делал доклад в Полевом штабе армии; вел учет пленных поляков и переводил при допросах; ему приходилось помогать раненым. Он разделял с конармейцами тяготы походной жизни и напряжение боев: «...беспрерывные бои, я веду боевой образ жизни, совершенно измучен...» (18 августа); «Мой первый бой, видел атаку ⟨...⟩ Настроение перед боем, голод, жара, скачут в атаку...» (там же).

Особое внимание привлекают несколько июльских помет – о важной обязанности, которую выполнял Бабель в Конармии. Белев, 12 июля: «Утром – начал журнал воен⟨ных⟩ дейст⟨вий⟩. Разбираю оперсводки. Журнал – будет интересная штука»; Белев, 13 июля: «Веду свой журнал, будет интересная вещь ⟨...⟩ Об операциях. – Где стоят наши части. – Операция на Луцк. – Состав дивизии, комбриги. – К⟨а⟩к протекает работа штаба – директива, потом приказ, потом о⟨пер⟩св⟨одка⟩, пот⟨ом⟩ разведсв⟨одка⟩, тащим политотдел, ревтрибунал, конский запас»; Белев, 15 июля: «Надо брать оперативные сводки у Лепина...»; Новоселки 17 июля: «Начинаю военный журнал с 16/VII ⟨...⟩ Новая страница – изучаю оперативную науку»; Новоселки – Мал. Дорогостай, 18 июля: «...пишу журнал, дают картошку с маслом». Вполне вероятно, что к ведению журнала относится и помета, сделанная в Лешнюве 26 июля: «Много работы, восстанавливаю прошлое».

Среди бумаг 3-й кавалерийской бригады 6-й дивизии сохранилась машинописная копия составленной начальником полевого штаба армии С.А. Зотовым инструкции по ведению журнала военных действий в Первой конной армии, заверенная К. Лютовым:

---

[43] В штате политотдела Упраформа (Управление по формированию) Первой конной была должность, которая называлась «журналист», в его обязанности входила «запись входящих и исходящих бумаг» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 158).

ИНСТРУКЦИЯ

Чтобы создать историю Военного Искусства Красной Конницы, которая явится ценным источником знаний, форм, способов и приемов конницы для целых поколений, необходимо вести в каждом штабе, начиная от полкового, журналы военных действий по следующему плану.

ПЛАН ВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ШТАБАХ ЧАСТЕЙ КОННОЙ АРМИИ

1) Выписка из директив.
2) Выписка из разведсводок.
3) Выписка из оперсводок с кратким описанием боев по следующей форме:
   а) О месте боя с обозначением рубежей.
   б) Статистическое описание местности хода боя с критикой для противника и для нас.
   в) Кто правее или левее нас.
   г) Время начала и конца боя.
   д) Силы наших частей подробно.
   е) Какие части противника участвовали в бою и сколько их было.
   ж) Сколько было потерь с нашей стороны и противника (обяз⟨ательно⟩ точно).
   з) Какие взяты трофеи.
   и) Результат боя.
   к) Стратегический и тактический разбор хода дела.
4) Разведка⟨,⟩ охранение и связи.
5) Выписка из приказа по части.
6) О работе и настроение реввоенсовета.
7) О деятельности Штаба.
8) Об организации и формировании части.
9) О революционной дисциплине.
10) Об агитации и работе в тылу противника.
11) О жизни фронта конармии и населения.
12) Об отношении кавалеристов к пленным, лошадям и военному имуществу.
13) О работе ком'ячеек, комиссаров, Политработников, командиров и красноармейцев-агитаторов.
14) О красных курсантах и генштабистах.
15) О Политуправлении, просвещении, театрах и спортивных играх.
16) О продовольствии людей и лошадей.
17) Об интендантском снабжении.
18) О работе артиллерии и артиллерийском снабжении.
19) О санитарном снабжении, работе лазаретов и госпиталей.
20) Об инженерном снабжении и деятельности Инженерных частей.
21) О воздухоплавании.
22) О работе революционного трибунала.

ПРИМЕЧАНИЕ: ⟨1⟩ Писать ответы на все вопросы инструкции следует логично, кратко, просто и понятно, чтобы легко было разобраться при составлении очерка ИСТОРИИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ.

2) Для ведения журнала военных действий назначить людей толковых.

3) Начиная с пункта 10 и до конца можно, запросив сведения от ⟨час⟩тей и учреждений, записывать периодически через каждую неделю.

4) Присылать копии журнала военных действий дивизии к 5-му числу каждого месяца за истекший месяц.

5) Инструкцию ввести в жизнь НЕМЕДЛЕННО.

Подпис⟨ано⟩ Начполештарм ЗОТОВ, Военком (подпись неразборчиво), Военкорреспондент (неразборчиво).

В е р н о: *К. Лютов*

На обороте вверху сильно выцветшими черными чернилами рукой Бабеля написано:

«1) Указывать политнастроение
2) В бою отличия частей
3) ” ” бойцов»[44].

Если в царской армии журнал военных действий вел начальник части или, под его руководством, адъютант или кто-либо еще из офицеров, в Советской армии – офицер штаба, то во времена Гражданской войны для ведения журнала в Первой конной из числа служивших в этой армии привлекались «люди толковые». К разряду таких «толковых людей» принадлежал Бабель–Лютов. Однако к моменту появления в Конармии Бабель не обладал необходимым военным опытом. «Оперативную науку», как явствует из дневника, он изучал уже здесь, в Первой конной, и это была для него «новая страница».

По дальнейшим записям сложно определить, как долго писатель вел журнал военных действий. Но даже если он вел его непродолжительное время, то все равно сумел накопить бесценный опыт, так или иначе пригодившийся при создании книги. Неясно также, журнал какого именно подразделения ему поручено было вести – дивизии, бригады или полка. Можно предположить, что он вел журнал 6-й дивизии, так как находился при ее штабе.

Документ не датирован, но сопоставление пункта 5 примечаний к инструкции («Инструкцию ввести в жизнь НЕМЕДЛЕННО») с записью в дневнике Бабеля от 12 июля позволяет датировать выход инструкции не позднее этого числа. И на вопрос о том, когда же именно началось (возобновилось) в Гражданскую войну ведение подобного журнала в Первой конной армии, дает ответ соотнесение приведенного документа с походным дневником Бабеля, что подчеркивает военно-историческую ценность последнего.

Разумеется, Бабель фиксировал в дневнике то, что попадало в его поле зрения, что интересовало его как писателя. И основное направление творческих

[44] РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

поисков он наметил уже тогда, в период польской кампании. В примыкавшем к дневнику неоконченном и неотправленном письме он писал: «Я пережил здесь две недели полного отчаяния, это произошло от свирепой жестокости, не утихающей здесь ни на минуту, и от того, что я ясно понял, к⟨а⟩к непригоден я для дела разрушения, к⟨а⟩к трудно отрываться мне от старины, от стародавнего; от того, что было⟨,⟩ м⟨ожет⟩ б⟨ыть,⟩ худо, но дышало для меня поэзией, как улей медом, я отхожу теперь, ну что же – одни будут делать революцию, а я буду, я буду петь то, что находится сбоку, то, что находится поглубже, я почувствовал, что смогу это сделать, и место будет для этого, и время»[45]. (По упоминанию «опушки леса, что северо-западнее Майданы старые», «аэропланов, швыряющих ⟨…⟩ бомбы», и двух бомб, разорвавшихся полчаса назад, письмо можно датировать 13 августа 1920 г.)

И все-таки в поле зрения будущего автора «Конармии» попадало не так уж мало. Это и боевые действия 6-й дивизии, и смена ее руководства в начале августа 1920 г., и общее положение Конармии на фронте. Он задумывался над стратегией и тактикой ведения войны, его волновала судьба кавалерии. После того как приказом Главкома Вооруженных сил Республики С.С. Каменева Первая конная армия была выведена из состава Юго-Западного фронта и переведена в распоряжение Западного фронта для участия в Варшавской операции, Бабель записал в дневнике: «Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе. Малоудачный бой под Островом, но все же поляки уходят ⟨…⟩ Прошла неделя боев – 21 августа наши части в 4 верст⟨ах⟩ у Львова. Приказ – всей Конармии перейти в распоряжение запфронта. Нас двигают на север – к Люблину. Там наступление. Снимают армию, стоящую в 4 верстах от города, которого добивались столько времени. Нас заменит 14⟨-я⟩ армия. Что это – безумие или невозможность взять город кавалерией? 45⟨-⟩верстый переход из Баршовице в Адамы будет мне памятен всю жизнь» (18 августа).

В силу неудержимого интереса к жизни Бабель стремился в гущу событий. 2 августа он отметил: «…куда ехать, Радзивилов или Броды? – В Радзив⟨илове⟩ должен быть админ⟨истративный⟩ штаб и все обозы, по моему мнению, в Броды ехать интереснее, бой идет за Броды». Оттого, вероятно, в его записях немало подробностей военного характера. Особенно богаты описаниями походной обстановки августовские страницы дневника. Вот, к примеру, запись от 13 августа, сделанная в Нивице: «Ночью приказ – двигаться на Буск – 35 верст восточнее Львова. – Утром выступаем. Все три бригады сосредоточены в одном месте ⟨…⟩ Целый день на коне с начдивом. Хутор Порады. В лесу 4 неприятельск⟨их⟩ аэроплана, пальба залпами. 3 комбрига – Колесников, Корочаев, Книга. Василий Ив⟨анович⟩ хитрит, пошел на Топоров в обход ⟨…⟩ нигде не встретил неприятеля ⟨…⟩ Вместе с наблюдателем на батарее. Наша атака

[45] Цит. по: *Лившиц Л.Я.* Указ. соч. С. 123.

у леска. – Беда – болото, каналы, негде развернуться кавалерии, атаки в пешем строю, вялость, падает ли мораль? Упорный бой и все же легкий (по сравнению с империал⟨истической⟩ бойней) под Топоровым, берут с трех сторон, не могут взять, ураганный огонь (?) нашей артиллерии из двух батарей. – Ночь. Все атаки не удались. На ночь – штаб переезжает в Нивица. Густой туман, пронзительный холод, лошадь – дорога лесами, костры и свечи, сестры на тачанках, тяжелый путь после дня тревог и конечной неудачи. – Целый день по полям и лесам ⟨…⟩ Мы у опушки леса с⟨еверо-⟩зап⟨аднее⟩ Майданы ст⟨арые⟩ ⟨…⟩ наша атака, что-то невидное, нестрашное издали, какие цепочки, всадники ездят по лугу, издалека все это совершается неизвестно для чего, все это не страшно. – Когда вплотную подошли к местечку, началась горячка, момент атаки, момент, когда берут город, тревожная, лихорадочная, возрастающая, доводящая до отчаяния безнадежности трескотня пулеметов, беспрерывные разрывы и над всем этим – тишина сверху и ничего не видно…»

Вместе с тем нельзя не отметить пристальное внимание Бабеля к еврейскому населению Волыни и Галиции. По мнению С.Х. Левина, в книге «еврейская тема подчинена теме конармейской», а в дневнике «она более отчетлива и имеет самостоятельное значение»[46]. Исследователь выделяет здесь «мысль семейную»[47]: несколько раз в дневнике возникает фамилия Хелемская, и Бабель строит гипотезы о ее будущей семейной жизни; подробно описана семья Дувида Ученика, неприятные ему Хасты из Ровно; судьба сталкивает его с семейством Мудрика; не однажды он ночует в доме безногого Фроима и т.д.

В этом плане особое значение приобретает подробная дневниковая запись от 24 июля – о еврейской семье в местечке Демидовка и траурном дне 9 ава (у Бабеля – «9 Аба»): «В Демидовке к вечеру. Евр⟨ейское⟩ местечко, я настораживаюсь. Евреи по степи, все разрушено. Мы в доме, где масса женщин ⟨…⟩ Зубной врач – Дора Ароновна, читает Арцыбашева ⟨…⟩ а вокруг гуляет казачье. Она горда, зла, говорит, что поляки унижали чувство собств⟨енного⟩ достоинства, презирает за плебейство коммунистов, масса дочерей в белых чулках, набожные отец и мать. Каждая дочь – индивидуальность, одна – жалкая, черноволосая, кривоногая, другая – пышная, третья – хозяйственная, и все⟨,⟩ вероятно, старые девы. – Главные раздоры – сегодня суббота. Прищепа заставляет жарить картошку, а завтра пост 9 Аба⟨,⟩ и я молчу, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я русский. Зубной врач, бледная от гордости и чувства собств⟨енного⟩ достоинства, заявляет⟨,⟩ что никто не будет копать картошки, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ праздник. Долго мною сдерживаемый Прищепа прорывается – жиды, мать, весь арсенал, они все, ненавидя нас и меня, копают картошку, боятся в чужом огороде, валят на кресты. Прищепа

---

[46] *Левин С.Х.* «Чужой» среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова // Левин С.Х. С еврейской точки зрения...: Избр. статьи и очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2010. С. 8.

[47] См.: Там же. С. 20.

негодует. К⟨а⟩к все тяжко – и Арцыбашев, и сирота гимназистка из Ровно⟨,⟩ и Прищепа в башлыке. Мать ломает руки – развели огонь в субботу, кругом брань. Здесь был Буденный и уехал. Спор между еврейским юношей и Прищепой. Юноша в очках, черноволос, нервен, алые воспаленные веки, неправильная русская речь. Он верит в Бога, Бог – это идеал, который мы носим в нашей душе, у каждого человека в душе есть свой Бог ⟨…⟩ поступаешь дурно – Бог скорбит, эти глупости высказываются восторженно и с болью ⟨…⟩ 9 Аба. Старуха рыдает, сидя на полу, сын ее, кот⟨орый⟩ обожает мать и говорит, что верит в Бога для того, чтобы сделать ей приятное⟨,⟩ – приятным тенорком поет и объясняет историю разрушения храма. Страшные слова пророков – едят кал, девушки обесчещены, мужья убиты, Израиль подбит, гневные и тоскующие слова. Коптит лампочка, воет старуха, мелодично поет юноша, девушки в белых чулках, за окном Демидовка, ночь, козаки, все к⟨а⟩к тогда, когда разрушали храм».

25 июля Бабель отметил отъезд из Демидовки.

«Материал будущего рассказа сложился, – пишет Левин, – теперь надо выстроить его фабулу и расставить акценты, что Бабель и делает в планах и набросках к рассказу ⟨…⟩ Видно, что Бабель ищет его сюжетную доминанту, сопоставляя различные события – семейную жизнь, войну и 9 Аба (разрушение Храма). Определяет форму (“короткие главы”) и темп повествования (“рассказ стремителен, быстр”)»[48].

Сюжет о Демидовке и 9 ава, который разрабатывался в дневнике и пяти набросках к будущему рассказу, остался за пределами «Конармии», но, по мнению Фрейдина, «пронизал ее насквозь, возникая то в оскверненных костелах, то в разворованных, полуразгромленных дворянских усадьбах, то в разоряемых буденновцами пчелиных ульях»[49].

Конармейский дневник Бабеля обладает цельным внутренним действием, невольно (хотя, конечно, только отчасти) выстроенным по законам художественного произведения. И это еще один аргумент в пользу того, что перед нами бóльшая и главная часть дневника. Поначалу его автор действительно похож скорее на стороннего наблюдателя, постепенно он оказывается внутри перипетий, связанных с 6-й дивизией; с нарастанием боев и передвижений растет напряжение самих дневниковых заметок. Пик приходится на последние числа июля и август. Но под конец постепенно напряжение спадает и в сентябрьских записях как бы сходит на нет: подспудно ощущается усталость автора дневника и его стремление покинуть армию. 2 сентября он записал: «Толки об ослаблении боеспособности армии все увеличиваются. Бегство из армии. Массовые рапорты об отпусках, болезнях. – Главная болячка дивизии – отсутствие комсостава, все командиры из бойцов ⟨…⟩ Эскадронные командуют полками. – Дни

[48] *Левин С.Х.* «Чужой» среди своих... С. 25.
[49] *Фрейдин Г.М.* Сидели два нищих… С. 450.

апатии 〈...〉 Тяжело жить в атмосфере армии, давшей трещину». А 6 сентября признался себе: «Мысль о доме все настойчивее. Впереди нет исхода».

Как и во многом выросшая из него «Конармия», дневник стилистически неоднороден. Несмотря на фрагментарность и некоторую внешнюю хаотичность записей, они в то же время отличаются друг от друга не только развернутостью или сжатостью, но и стилистически, интонационно. Стиль обычно напрямую зависел от конкретной обстановки – он был динамичным, когда речь шла о походах и боевых действиях, или эпически-повествовательным, когда запись делалась в тылу, в относительно мирных условиях. «Стилистические различия дневниковых записей связаны, вероятно, еще и с тем, что многие из них являются как бы заготовками к будущей книге», отдельные фрагменты дневника перешли в рассказы: «Гедали», «Рабби», «Начальник конзапаса», «Чесники» и др.[50] В дневнике часто повторяются слова «описать», «запомнить», «передать». «За этот день – главное – описать красноармейцев и воздух», – помечает Бабель, например, 3 августа.

«Заготовки» из дневника получили предварительное стилистическое и жанровое оформление в «Планах и набросках к “Конармии”»[51]:

«Четырехдневный переход. Дневник. Простое длинное повествование. – Начать – прелестный переход?» (〈1〉); «Просто. Коротко. – Описание сырого вечера. – Описание местечка» (〈2〉); «Главы: Прищепа. – Старуха, молитва, свинья» (〈3〉); «Начало – Описание местечка – синагога – Ламберты. – Прихожу – будем спать. Спор Прищепы с гимназистом. Кишат безмолвные убийства. – Сидят в ряд, – курят. Время действия – продолжение два часа. I. Неудавшееся изнасилование. II. В синагоге. Местечко. – III. Встречаю пулеметчиков, кухня, Грищук, дождь. – Грищук не хочет бежать» (〈5〉); «Главу о Бродах – отдельными отрывками 〈...〉 Стиль – “В Белеве”. – Короткие главы, насыщенные содержанием» (〈10〉); «Никаких рассуждений – Тщательн〈ый〉 выбор слов» (〈12〉); «(Коротко.) Отъезд из Брод. Труп. Поле, усеянное трупами 〈...〉 Воззвания Пильсудского. Бой. Колесников и Гришин. Ухожу. – Раненый взводный, – отдельная вставка» (〈14〉); «Без сравнений и исторических параллелей. – Просто рассказ» (〈17〉); «Описать день. – Рассуждение после рассказа. – Две фазы войны. – Наши победы, бесплодие наших попыток, но неуспеха войны не видно» (〈24〉); «Очень просто, фактическое изложение, без излишних описаний» (〈26〉); «Просмотреть Лашков, Хотин» (〈44〉) и т.д.

При этом видно, что Бабель постоянно обращался к своему дневнику, о чем свидетельствует, в частности, последний из приведенных набросков.

---

[50] *Левин С.Х., Погорельская Е.И.* Указ. соч. С. 180.

[51] Подробно см.: *Коган Э.И.* Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 88–93.

Всего сохранилось 58 таких черновых заметок к будущим рассказам. Не все эти заготовки, как и не все дневниковые записи, были использованы в «Конармии», некоторые из них, предназначавшиеся для одного рассказа, попали в другой. Например, в наброске ⟨25⟩, где разрабатывался сюжет рассказа «Эскадронный Трунов», есть сюжетные и текстуальные совпадения с будущими новеллами «История одной лошади» и «Продолжение истории одной лошади» (в газетных и журнальных публикациях – «Тимошенко и Мельников»), а также названы реальные фамилии персонажей именно этих рассказов:

«На площади перед синагогой. Споры евреев. Козаки роют могилу. Труп Трунова. Тимошенко ⟨...⟩ Евреев разогнал аэроплан, тогда я подошел к Тим⟨ошенко⟩. – Одна фраза из письма Мельникова – и страдания посередь той армии понимаю. –

Порядок: Евреи. Аэроплан. Могила. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют ⟨...⟩

Ортодоксы, раввин из Белза. –

Проиграл я тебя, Саша. –

Религиозное побоище, можно бы подумать восемнадцатый век, Илья-Гаон, Баал-Шем, если бы козаки (описание) не рыли могилы ⟨...⟩ Помните Мельникова, белый жеребец, прошение в армию. Он кланяется и передает вам свою любовь. Тим⟨ошенко⟩ ⟨...⟩ пишет на крышке гроба, полевая книжка».

«Мера разработанности» подготовительных набросков, по словам Смирина, различна: «Одни представлены протокольной записью, фиксирующей какие-то черты будущего характера ⟨...⟩ В других ⟨...⟩ продуман событийный порядок, очерчен сюжетный костяк или же, напротив, акцентированы бессюжетность, философичность, лиризм ⟨...⟩ Третьи доведены до степени полузавершенности, когда сквозь черновой текст проступают и очертания композиции рассказа, и контуры основных действующих лиц, общий смысл целого...»[52]

ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ И ДАТИРОВКА РАССКАЗОВ

В первой и повторной публикациях или в одной из них 26 из 34 новелл цикла, вошедших затем в книгу, были датированы. Даты не стояли под рассказами «Пан Аполек», «Сашка Христос», «Жизнеописание Павличенки, Матвей Родионыча», «Соль», «Эскадронный Трунов», «Иваны», «Измена» и «Чесники».

Еще в 1964 г. Л.Я. Лившиц показал, что даты под рассказами обозначают не время работы над ними, а время действия в них[53]. Сравнивая предвари-

[52] *Смирин И.А.* На пути к «Конармии»: (Литературные искания Бабеля) // Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 481–482.

[53] Однако рассказ «Их было девять» помечен: «Гликсталь, 4.8.23», «Аргамак» – «1924–1930».

тельные наброски с рассказами, в которых они так или иначе использованы, а также опираясь на даты первых публикаций, Лившиц делает вывод о том, что основная работа над конармейским циклом пришлась на 1923 – начало 1925 г. Кроме того, ряд набросков сделан на оборотах выписок из газет конца 1921 г., таким образом, раньше этого срока работа, скорее всего, не могла начаться[54].

Отсутствию дат в названных восьми рассказах можно найти объяснение. Основное действие «Пана Аполека», «Сашки Христа» и «Жизнеописания Павличенки…» не связано непосредственно с событиями польской кампании 1920 г.; «Соль» и «Измена» написаны от лица красноармейца Никиты Балмашева; в «Эскадронном Трунове», «Иванах» и «Чесниках» датировки уходят в текст. В «Эскадронном Трунове» ее заменяет фраза: «Сегодняшних пленных мы взяли на рассвете у станции Завады»; в «Иванах» – «В этот день, двадцать второго июля, поляки быстрым маневром исковеркали тыл нашей армии, они ворвались с налета в местечко Козин и пленили многих бойцов из состава одиннадцатой дивизии» (правда, в первой публикации в «Русском современнике» данного фрагмента нет), «Окоченевший от отчаяния, я встретил их после боя под Хотином»; в «Чесниках» – это окончание новеллы об атаке при Чесниках (в книге время события – 31 августа 1920 г. – конкретизируется в самом начале следующего рассказа – «После боя»: «Тридцать первого числа случилась атака при Чесниках». Наряду с датой указано и место действия: это города и местечки, по которым пролегал путь Первой конной армии во время польского похода. Иногда дата немного запаздывает по сравнению с реальным временем событий. Так, взятие Новограда, о котором говорится в рассказе «Переход через Збруч», произошло 27 июня 1920 г., в первой публикации в «Правде» рассказ датирован: «Новоград-Волынск, 1.7.20»[55], в «Красной нови»[56] и в книге указан только месяц: «Июль 1920 г.»; рассказ «После боя», начинающийся с даты 31 августа, помечен сентябрем 1920-го. Вместе с тем под такой обобщенно-образной новеллой, как «Кладбище в Козине», в первой газетной публикации стояла конкретная дата: «16.7.20»[57] (хотя первое описание еврейского кладбища в дневнике помечено 18 июля).

Проставляя даты, автор тем самым стремился показать прикрепленность каждого из рассказов к конкретному месту и времени события и таким образом создать впечатление документальности и подлинности произведения. Датировки позволяют четко определить пространственно-временные границы цикла: Волынь и Галиция, июнь–сентябрь 1920 г. Более того, сопоставление этих датировок с дневниковыми записями, а также с реальной хроникой

---

[54] См.: *Лившиц Л.Я.* Указ. соч. С. 118–124.
[55] Правда. 1924. 3 авг. С. 4.
[56] *Кр. Н.* 1925. № 3. С. 130.
[57] *ОИ*. 1923. 23 февр. С. 6.

событий, зафиксированной в документах и свидетельствах очевидцев, дает возможность датировать с точностью до конкретного дня или дней действие некоторых конармейских рассказов[58]. Например, действие в рассказах «Гедали» и «Рабби» происходит 2 июля 1920 г., во второй половине дня. Правда, в первых публикациях оба рассказа помечены: «Житомир, июнь 1920»[59]. Это может быть связано с ошибочно проставленными числами первых дневниковых записей, о чем говорилось выше. Кроме того, некоторые даты исторических событий указаны непосредственно в тексте. Помимо приведенных примеров можно назвать рассказ «Афонька Бида»: «Мы вступили в Берестечко 6 августа».

При подготовке отдельного издания «Конармии», когда цикл сформировался окончательно, Бабель снял значительную часть датировок и оставил даты под 12 рассказами: «Переход через Збруч», «Начальник конзапаса», «Путь в Броды», «Смерть Долгушова», «Комбриг 2», «История одной лошади», «Вечер», «У святого Валента», «Продолжение истории одной лошади», «Вдова», «Замостье» и «После боя». Эти даты сохранились во всех полных версиях «Конармии» вплоть до 1936 г. В книге, по сравнению с газетными и журнальными публикациями, по мнению Фрейдина, рассказы «теряют датировки и локализацию», потому что «этим жестом Бабель как бы ослабляет связь “Конармии” с историей и географией, готовя ей место в особом пространстве “поэтической правды” (Аристотель) – художественного мифа, народного, фольклорного сознания»[60].

Действительно, в книге не осталось ни одного конкретного числа, а обозначен лишь месяц. Рассказ «Вечер», сохраняя привязку к месту, датирован только годом: «Ковель, 1920». И все же оставленные в книге датировки 12 рассказов, имеющих отношение к военным эпизодам, отражают время и место событий и должны рассматриваться как часть текста[61].

Видимо, по тем же соображениям (а не только из-за нападок на конармейские рассказы в 1924 – начале 1925 г.), Бабель заменил подлинные фамилии на вымышленные, но в то же время оставил некоторым героям их настоящие имена.

Таким образом, сняв в книге одни датировки и использовав вымышленные имена, Бабель тем самым подчеркнул обобщенно-художественный смысл «Конармии», но оставив другие даты и подлинные имена – указал на ее историчность и документальность.

---

[58] См.: *Левин С.Х., Погорельская Е.И.* Указ. соч. С. 173.

[59] *ОИ.* 1924. 29 июня. С. 3; *Кр. Н.* 1924. № 4. С. 15; *ОИ.* 1924. 9 марта. С. 4.

[60] Цит. по любезно предоставленной автором рукописи в авторском переводе с английского языка.

[61] См.: *Левин С.Х., Погорельская Е.И.* Указ. соч. С. 173–174.

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ «КОНАРМИИ»

В монографии «Теория жанра» Н.Л. Лейдерман пишет о том, что «в русской литературе XIX–XX вв. каждый исторический цикл начинался “выбросом” малых жанров (лирики и новеллистики), затем приходили повесть и поэма, нередко вслед за ними – новеллистические циклы и книги стихов, и лишь после этого актуализировался жанр романа»[62]. В середине 1920-х годов, по мнению исследователя, «наблюдалась подлинная экспансия новеллистических циклов». Причину подобной «экспансии» он находит в «широкой амплитуде способов художественно-завершающего оформления» этого жанра[63]. «...Среди всех новеллистических циклов, увидевших свет в 20-е годы, – отмечал Лейдерман, – “Конармия” Бабеля занимает особое место – его художественная своеобычность, его эстетический пафос, его целостность до сих пор остаются предметом полемики и объектом изучения»[64].

Можно сказать, что «Конармия» выстроена по принципу монтажа, который в 1920-е годы в определенной степени был присущ романам, лишенным сквозного сюжета («Хулио Хуренито» И. Эренбурга, «Голый год» Б. Пильняка, «Россия, кровью умытая» А. Веселого)[65].

Собирая рассказы в книгу, Бабель далеко не всегда следовал хронологии происходящих в них событий и тем более порядку первых публикаций. Например, открывающая «Конармию» новелла «Переход через Збруч» была впервые напечатана в «Правде» в августе 1924 г., а последний, 34-й рассказ – «Сын рабби», появился в № 1 «Красной нови» за 1924 г., вместе с рассказом «Рабби», седьмым в книге.

Монтажность свойственна не только «Конармии» в целом, но и отдельным новеллам, где она проявляется еще отчетливее – в сочетании на небольшом отрезке текста различных жанровых, стилевых и даже тематических элементов, сюжетная связь между которыми не вполне очевидна[66]. Так, «Путь в Броды» включает в себя вступление о разрушении пчелиных ульев, апокриф об Иисусе

---

[62] *Лейдерман Н.Л.* Теория жанра / Ин-т филол. исслед. и образ. стратегий «Словесник» УрО РАО; Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 214.

[63] Там же.

[64] Там же. С. 215.

[65] См.: *Хетени Ж.* Блоки, параллели и концептуальные коды цикла Исаака Бабеля «Конармия» // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 74–75.

[66] К композиции ряда новелл конармейского цикла применим принцип «монтажа аттракционов», разработанный для театра С.М. Эйзенштейном в 1923 г. (см.: Леф. 1923. № 3. С. 70–75), где под аттракционом понимается определенный прием или элемент воздействия на зрителя (в нашем случае – на читателя). Технике монтажа в кинематографических и повествовательных произведениях и ее применению в «Конармии» на разных уровнях текста посвящено специальное исследование, см.: *Схреурс М.* Приемы монтажа в цикле «Конармия» Исаака Бабеля. М., 1992.

и пчеле, песню Афоньки Биды о подъесауле и соловом жеребчике, лирическую картину природы, сопряженную с описанием приближающегося боя. В «Учении о тачанке» даны биография повозочного Грищука, исторический очерк о тачанке, повествование о «радости первого обладания» тачанкой и улучшении состояния лошадей, перетекающее в описание окрестного пейзажа, вдруг прерываемое коллективным портретом галицийских и волынских евреев и их сравнением с южными, «жовиальными» евреями. В «Замостье» после «военного» зачина (отчасти напоминающего начало рассказа «Переход через Збруч») следуют сон Лютова, беседа с мужиком со «свалявшейся бородой», приезд в Ситанец, перипетии с хозяйкой, побег из деревни и, наконец, эпилог о проигранной кампании, контрастирующий с фразой зачина о том, что «начдив ждал донесений о победе». В новелле «Чесники» картина ожидания атаки, с подробным описанием главных действующих лиц (Ворошилова, Буденного, Павличенко), довольно резко (через небольшой «мостик» о стоянке питпункта) сменяется историей о вязке принадлежавшего начдиву племенного жеребца по кличке Ураган, за которым ухаживал Степка Дуплищев, с кобылой медсестры Сашки. И лишь последний короткий абзац возвращает нас к главному событию рассказа: «Ветер прыгал между ветвями, как обезумевший заяц, вторая бригада летела сквозь галицийские дубы, безмятежная пыль канонады восходила над землей, как над мирной хатой. И по знаку начдива мы пошли в атаку, незабываемую атаку при Чесниках».

Принцип монтажа обнаруживает себя в новелле «Эскадронный Трунов». Причем вначале дается событие пóзднее – похороны Трунова, которое является следствием финального эпизода рассказа – гибели эскадронного в неравном бою с вражеской авиацией. А в середине – осмотр Лютовым Сокаля с участием его в религиозных спорах и загадочной фигурой галичанина в «белой холщовой рубахе до пят», а затем ссора Лютова с Труновым из-за пленных. Примечательно, что переход от эпизода расстрела пленных и спора с Лютовым к эпизоду подвига Трунова во время нападения вражеской авиации происходит в пределах двух его реплик:

«– В штабе через несчастную нашу жизнь посмотрят, – ответил Трунов и стал подвигаться ко мне, весь разодранный, охрипший и в дыму, но потом остановился, поднял к небесам окровавленную голову и сказал с горьким упреком: – Гуди, гуди, – сказал он, – эвон еще и другой гудит…

И эскадронный показал нам четыре точки в небе, четыре бомбовоза, заплывавшие за сияющие лебединые облака».

В основе новеллистического жанра лежит событие. На встрече в Союзе писателей 28 сентября 1937 г. Бабель говорил: «В письме Гете к Эккерману я прочитал определение новеллы – небольшого рассказа, того жанра, в котором я себя чувствую более удобно, чем в другом. Его определение новеллы очень просто:

это есть рассказ о необыкновенном происшествии»[67]. Само по себе «необыкновенное происшествие» предполагает развитие сюжета. В. Шмид считает, что «Бабель даже в тех вещах, которые максимально отдаляются от традиционной сюжетной прозы, осуществляя, казалось бы, ассоциативный дескриптивизм, может изображать событие. Правда, событие не просто рассказывается, и это обстоятельство придает рассказам видимость бессюжетности: событие лишь намечено в тексте в нескольких пунктирных штрихах»[68].

На композиционные приемы в новеллистике Бабеля еще в середине 1920-х годов обратил внимание Г.Е. Горбачев:

«Новелла Бабеля всегда читается с большим интересом до конца. Конец же обычно или кладет дополнительный резкий штрих на портреты героев ⟨…⟩ или выясняет окончательно смысл новеллы ⟨…⟩ или дает всей новелле неожиданное освещение ⟨…⟩ “концовкой” бывает обычно или заключительная фраза, жест, действие героя, или сентенция автора, или сопоставление до сих пор рассказанного с чем-либо лежащим в иной плоскости. Развязка сюжетных, а не лирических и не отрывочно мемуарных новелл Бабеля редко совпадает с концом новеллы. Обычно Бабель после развязки дает заключительный эпизод, разговор, описание, сентенцию, подчеркивающие, или меняющие, или разъясняющие смысл развязки ⟨…⟩

Бабель при всей краткости своих новелл ⟨…⟩ очень часто вводит в новеллу сравнительно значительное число почти или совсем посторонних лиц, эпизодов, лирических отступлений, рассуждений. Вообще, действие в новеллах Бабеля всегда перебивается или обрамляется лирически окрашенными (но обычно с пародийным оттенком) описаниями, чаще всего природы или вообще пейзажа, или воспоминаниями»[69].

Несмотря на монтажный принцип, каждая отдельная новелла цикла и «Конармия» в целом обладают единством, внутренней логикой и даже сквозными сюжетными линиями.

В статье Левина «“Чужой” среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова» показано, что эта самоидентификация осуществляется по отношению к двум величинам – конармейской массе и еврейскому населению тех городов

---

[67] *Бабель И.Э.* О творческом пути писателя // Наш современник. 1964. № 4. С. 98. Обсуждая в январе 1827 г. с Эккерманом название нового произведения, Гете сказал ему: «…назовем это просто *Новелла*, потому что “новелла” – это и есть: новое невиданное происшествие. Таково настоящее значение этого слова…» (*Эккерман И.П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Вступ. статья В.Ф. Асмуса; Пер. с нем., примеч. и указ. Е.Т. Рудневой. М.; Л.: Academia, 1934. С. 344).

[68] *Шмид В.* Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: Инапресс, 1998. С. 313.

[69] *Горбачев Г.Е.* О творчестве Бабеля и по поводу его // Звезда. 1925. № 4. С. 276.

и местечек, по которым шла Первая конная армия во время польского похода[70]. Иными словами, в «Конармии» можно выделить две основные сюжетные линии: Лютов и красноармейцы, Лютов и евреи. Эти сюжетные линии не только взаимодействуют между собой, дополняя друг друга, но и образуют главный конфликт конармейского цикла. По мнению Левина, «важнейшим сюжетообразующим фактором всей книги» является «история “невхождения” Лютова в конармейскую массу»[71].

Композиция «Конармии» в немалой степени работает на раскрытие этого сюжета. Характеризуя отношения Бабеля с революцией, Г.А. Белая использовала блоковский образ «нераздельности и неслиянности»[72]. Этими же словами можно определить межеумочное положение Лютова: он оставался чужим и по отношению к конармейцам («я чужой» – это лейтмотив и походного дневника, и «Конармии»); выдавая себя за русского, он не был своим и для евреев.

«Конармия» открывается новеллой «Переход через Збруч», своеобразным зачином со звучным походно-боевым названием и началом, настраивающим читателя на военную тему. Однако, по мнению Шмида, «единственный военный факт» первого абзаца – «взятие Новограда-Волынска, сообщается в косвенной речи, с недостаточной точностью 〈…〉 Вводящие косвенную речь слова 〈…〉 оставляют, как это ни странно, ситуацию донесения, его пространственные и временные координаты и тем самым время самого события совсем неопределенными. Это не стиль военного корреспондента»[73]. Обнаруживая тот факт, что герой-повествователь пользуется чужой, не свойственной ему речью, Шмид приходит к выводу о том, что весь этот отрывок указывает на неудавшуюся попытку «гражданского человека пользоваться языком окружающих его военных. За перенапряженной 〈…〉 попыткой языкового приспособления предстает посторонний человек, отказывающийся от своего “я” и притворяющийся бесчувственным опытным военным»[74].

Приведенное суждение представляется небесспорным, однако военный настрой зачина «Конармии» действительно быстро рассеивается, уступая место другим темам и другому настроению – это еврейская семья с беременной женщиной и ее отцом, убитым поляками, в том же «Переходе через Збруч»; «дыхание невиданного уклада» и «вкрадчивые соблазны» католического собора («Костел в Новограде»); последствия гражданской распри для одной крестьянской семьи («Письмо»). Первые три рассказа, по словам Ж. Хетени, «вводят читателя

---

[70] *Левин С.Х.* «Чужой» среди своих… С. 17.

[71] Там же. С. 30.

[72] *Белая Г.А.* «И мы услышали великое безмолвие рубки» // Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Рос. ун-т, 1993. С. 14.

[73] *Шмид В.* Указ. соч. С. 318.

[74] Там же. С. 319.

в еврейскую, католическую и казацкую среду на фоне военных действий, сразу же оттесняя военную тематику на второй или даже третий, задний план»[75].

Но дело в том, что помимо «Перехода через Збруч» в начале цикла практически нет и этого фона, а только его слабый отсвет: бои не возникают даже на периферии сюжета. Лишь в десятом рассказе книги – «Путь в Броды» – упомянуто сражение: «Вчера был день первого побоища под Бродами»; и ближе к концу рассказа автор дает понять, что идет война: «…у Клекотова нам в лицо звучно лопнул выстрел. Из-за хаты выглянули два польских солдата. Их кони были привязаны к столбам. На пригорок деловито въезжала легкая батарея неприятеля. Пули нитями протянулись по дороге».

В следующих новеллах военный фон проступает все отчетливее («Смерть Долгушова»), перерастая в картину боя («Комбриг 2»). Затем непосредственные события польского похода уступают место вставным эпизодам – нескольким жизнеописаниям (Сашки Христа, Павличенко, Прищепы) и изображению еврейского кладбища («Кладбище в Козине»). В «Истории одной лошади» война вновь проходит только фоном, а в «Конкине» ход битвы передан в изложении ее участника. В дальнейшем повествовании события, показанные на фоне военных действий (например, «Иваны», «Вдова»), чередуются с изображением или упоминанием боев.

Некоторые новеллы объединены общими персонажами, которые встречаются на страницах «Конармии» не менее двух раз. Помимо Буденного, Ворошилова, начдивов Савицкого и Павличенко это: мальчик экспедиции Курдюков, пани Элиза, старьевщик Гедали, сын рабби Илья Брацлавский, Афонька Бида, командир эскадрона Хлебников, Сашка Христос, повозочный Грищук, «дама всех эскадронов» Сашка, холуй начдива Левка, Иван Акинфиев. В ряде новелл присутствует какой-либо сквозной мотив. Это может быть общее для нескольких произведений место действия (Новоград-Волынск – в рассказах «Переход через Збруч», «Костел в Новограде», «Пан Аполек», «Солнце Италии»; Берестечко – в рассказах «Берестечко», «Афонька Бида», «У святого Валента»; Житомир проходит через повествование в рассказах «Гедали», «Рабби» и «Сын рабби»); или, например, состояние страха, испытываемого героями в католической церкви («Костел в Новограде» и «У святого Валента»); или указание на какое-либо реальное событие (смещение начдива 6-й кавдивизии в рассказах «Смерть Долгушова», «История одной лошади» и «Афонька Бида»); «творения» пана Аполека объединяют одноименную новеллу с рассказом «У святого Валента»[76]. Внутри «Конармии» есть минициклы с единой сюжетной линией, где один рассказ

---

[75] *Хетени Ж.* Указ. соч. С. 78.

[76] См. об этом также: *Добренко Е.А.* Логика цикла // Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабеля. С. 33–101.

является продолжением предыдущего, как, например, «Афонька Бида» и «У святого Валента», «Чесники» и «После боя».

Вместе с тем сюжетно-тематическая последовательность повествования соблюдена в книге далеко не везде. Так, новеллы «Рабби» и «Сын рабби» в периодике были напечатаны одна за другой, но, объединенные общими персонажами, эти произведения событийно, во времени, удалены друг от друга, и в книге между ними стоят 24 рассказа. Поэтому «принципиально по-разному рисуется ⟨…⟩ центральный сюжет, последовательно развернутый в обеих новеллах»[77], и образ Ильи, сына цадика. В «Рабби» он «в отчем доме глумится над родной верой, зажигая огонь в субботу», а из второго рассказа, «где он предстает уже красным командиром и священномучеником революции, умирающим в поезде на руках у Лютова, явствует, что в тот субботний вечер четыре месяца назад этот "*непокорный*" наследник вовсе не бунтовал – напротив, вел себя весьма благочестиво, углубившись в Писание»[78].

Рассказы «Иваны» и «После боя», в которых действует Иван Акинфиев, разделены пятью другими новеллами. Поэтому не сразу бросается в глаза различие в описании внешности этого персонажа. В «Иванах» у Акинфиева «ослепительные зубы», в «После боя» он обладатель единственного зуба, качавшегося «как береза на голом большаке»[79].

Такие логические скачки совершаются и в пределах одной новеллы. Так, в зависимости от сиюминутной художественной задачи стремительно меняется внешность второго Ивана – дьякона Агеева. Сначала Акинфиев стреляет у него над ухом, и «о дьяконе говорится, что над "громадой его *лысеющего черепа летал легкий серый волос*". А через пару страниц, в конце новеллы показано, как замученный дьякон ползет на коленях, "*весь опутанный поповским всклоченным волосом*" ⟨…⟩ в первом случае автору важно было педалировать акустический эффект измывательства над злосчастным симулянтом ⟨…⟩ оголив его череп для револьверного грохота, а во втором – подытожить страдальчество коленопреклоненного священнослужителя, придав рисунку житийно-иконописный оттенок»[80].

Из-за временно́й удаленности действия тематическую пару «История одной лошади» и «Продолжение истории одной лошади», в первых публикациях напечатанную под одним названием – «Тимошенко и Мельников», – разделяет восемь новелл.

А вот рассказы «Гедали» и «Рабби» связаны не только тематически, сюжетно, топографически – их действие разворачивается в один день. Однако вперебивку

---

[77] *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 255.
[78] Там же. С. 256.
[79] См.: Там же. С. 262.
[80] Там же.

между ними помещен рассказ «Мой первый гусь», и это сделано не случайно. «Гедали» и «Рабби» посвящены судьбе еврейства и хасидизма в Гражданскую войну и, следовательно, подчинены сюжетной линии: Лютов и евреи. А с рассказа «Мой первый гусь» начинается история попыток Лютова войти в среду казаков, стать для них своим. Эта новелла рассматривается обычно как пример инициации героя[81], его ритуального посвящения в сообщество конармейцев. Поначалу говорится о нежелательности присутствия Лютова в дивизии (начдив Савицкий: «Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки»; квартирьер: «Канитель тута у нас с очками и унять нельзя. Человек высшего отличия – из него здесь душа вон»); красноармейцы издеваются над Лютовым, особенно «молодой парень с льняным висячим волосом и с прекрасным рязанским лицом». Убив гуся и нагрубив хозяйке, Лютов сумел заслужить расположение бойцов. В плане развития сюжетной линии «Лютов и красноармейцы» это история со счастливым концом: «…потом мы пошли спать на сеновал. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга, с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звезды». Но следующая, заключительная фраза новеллы свидетельствует о мнимости благополучного финала: «Я видел сны и женщин во сне, и только сердце мое, обагренное убийством, скрипело и текло».

В целом развитие отношений Лютова с казаками идет то по восходящей, то по нисходящей линии. Вначале Лютов «побеждает», т.е. входит в среду красноармейцев («Парень нам подходящий», – сказал о Лютове один из них в рассказе «Мой первый гусь»), а, получив тачанку и повозочного, он «перестал быть парией среди казаков» («Учение о тачанке»). Но уже в рассказе «Смерть Долгушова» Лютов вновь становится чужим, не сумев выстрелить в умирающего Долгушова (и называет ранее превозносимую тачанку «глупой»: «Грищук со своей глупой тачанкой…»). В новелле «Вечер» герой признается Галину: «…я устал жить в нашей Конармии». В «После боя» вначале начподив шесть Виноградов поручает Лютову собрать разбегающихся бойцов («– Лютов, – крикнул он, завидев меня, – завороти мне бойцов, душа из тебя вон!..»), что свидетельствует об определенном его статусе и положении в Конармии. Затем же Акинфиев упрекает Лютова в том, что он «в драке путается, а патронов в наган не залаживает», а самому Лютову приходится вымаливать «у судьбы простейшее из умений – уменье убить человека».

Как действующее лицо бóльшую активность Лютов проявляет в тех рассказах, в которых говорится о его стремлении слиться с массой, хотя эта масса бывает персонифицирована, и Лютов время от времени взаимодействует с отдельными ее представителями (своим первым другом Афонькой Бидой, Грищуком, который сам не вполне вписывается в массу, и другими). Когда же

[81] См., например: *Щеглов Ю.К.* Мотивы инициации и потустороннего мира в «Конармии» Бабеля // Щеглов Ю.К. Проза. Поэзия. Поэтика. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 275–296.

речь идет о герое-повествователе и еврействе, то здесь он менее активен и всегда имеет дело с отдельными личностями – Гедали, рабби Моталэ Брацлавским, рэбом Мордхэ, наконец, с последним принцем династии, сыном рабби Ильей. (Исключение – массовая сцена религиозных споров в Сокале в рассказе «Эскадронный Трунов».) Бабель внимательно всматривается в каждого из названных героев и сопоставляет свою судьбу с их судьбой, прежде всего с судьбой Ильи, сына рабби. «Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата», – таков финал «Конармии» до присоединения к ней рассказа «Аргамак».

После включения в основной корпус книги этого рассказа композиция «Конармии» в событийно-временном плане замкнулась: в «Аргамаке» упоминаются начдив шесть и взятие Новограда – именно то, с чего начинается «Конармия». Бабель не ставил своей целью отобразить поход Первой конной армии во время польской кампании во всей полноте и в хронологической последовательности, поэтому подобный композиционно-временной возврат к начальной точке воспринимается как закономерный. Став 35-м рассказом цикла, «Аргамак» составил пару восьмому рассказу – «Мой первый гусь». В «Аргамаке» вновь показана «победа», т.е. вхождение Лютова в конармейскую среду, когда герой выучился «тихомоловской посадке»: «Сон мой исполнился. Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь». Но и здесь счастливый финал оказывается мнимым: последнему абзацу «Аргамака» предшествуют слова Баулина, который прогоняет Лютова из своего эскадрона. «– Ты знаешь, что это получается? – сказал он, не управляясь со своим дыханием, – это скука получается… Пошел от нас к трепаной матери…»

Помимо названных в «Конармии» существуют и другие связанные между собой пары рассказов.

На первый взгляд мало общего в идущих один за другим рассказах «Сашка Христос» и «Жизнеописание Павличенки…». Однако им присуще жанровое единство – они представляют собой биографии героев, причем оба героя – бывшие пастухи. В этих рассказах есть еще по крайней мере один очевидный общий мотив. З. Бар-Селла рассмотрел значение и употребление произнесенного Никитинским слова «тараканить» («Жизнеописание Павличенки…») и предположил, что расправа Павличенко с бывшим барином носит сексуальный характер, но при обозначении этой казни употребляются слова «из мира насекомых и пернатых»[82]. Речь идет о признании Матвея Родионыча: «И тогда я потоптал барина моего Никитинского. Я час его топтал или более часу, и за это время я жизнь сполна узнал».

[82] *Бар-Селла З.* Иосиф Ужасный: От текстологии к композиции // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 54–56. В данной работе рассмотрены также мотивы, роднящие «Жизнеописание Павличенки…» с рассказами «Письмо», «История одной лошади» и «Вечер».

«...Применительно к птицам, – пишет Бар-Селла, – глагол “топтать” означает “совокупляться” – наиболее известный контекст: “Петух курицу топчет”»[83].

В предыдущей новелле «Сашка Христос» данный мотив уже намечен. Прозвище Сашкиного отчима – Тараканыч, использована похожая «сексуально-птичья» лексика: «Потом он услышал сопение на Мотиной лежанке и подумал о том, что Тараканыч мнет мать». Кстати, в обоих случаях исход и для барина, и для матери Сашки оказывается печальным: Павличенко насмерть затоптал Никитинского, Мотя подверглась риску заразиться от мужа «дурной болезнью».

Кроме того, опираясь на текст «Жизнеописания Павличенки...» и сравнивая его с Евангелием от Матфея, Бар-Селла показал, что имя Матвей присвоено герою из-за того, что он «переворачивает Иисусову заповедь, и, следовательно, он новый “евангелист”»[84]. Прозвище Сашки из предыдущего рассказа говорит само за себя. В обоих случаях, разумеется, этот мотив носит пародийный характер («– Сашка святитель, – захохотал отчим, – у богородицы сифилис захватил»).

Безусловную пару составляют новеллы «Сашка Христос» и «Песня», и дело не только в общем персонаже – Сашке Коняеве. При этом надо иметь в виду, что в книге их разделяют 18 рассказов. Говоря о мотивных блоках у Бабеля, в качестве «вводной иллюстрации» Вайскопф берет именно «Сашку Христа» и «Песню»: во втором рассказе «сохранены и переставлены ⟨...⟩ все опорные моменты первого сюжета: *похотливая старуха, предложение гостьи (гостя) совокупиться, само соитие, свидетель, мальчик (во втором случае хозяйский сын), сифилис, музыка (песня), звезда, сон*»[85].

Сновидения в этих двух новеллах похожи. В первой из них Сашка «не спал и видел, как бы во сне, хату, звезду в окне и край стола, и хомуты под материной кроватью. Насильственное видение побеждало его, он поддавался мечтам и радовался своему сну наяву» и закрывал глаза, «чтобы не видеть хомутов под материной кроватью». И Лютов в «Песне» старался отгородиться от реальности: «...я попытался заснуть и стал придумывать себе сны, чтобы мне заснуть с хорошими мыслями».

Сны введены в повествование в качестве своего рода аттрактивных элементов в рассказах «Переход через Збруч», «Мой первый гусь», «Сашка Христос», «Замостье» и «Песня». Позднее к ним добавился сон в «Аргамаке». Во всех перечисленных рассказах, кроме «Сашки Христа», сны снятся Лютову. Сон может быть трансформированной в подсознании мечтой или, наоборот, кошмаром, мучением. Это – иная «реальность», иногда похожая на то, что происходит на самом деле, иногда совершенно далекая от действительной жизни.

---

[83] *Бар-Селла З.* Указ. соч. С. 55.
[84] Там же. С. 53.
[85] *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 178–179.

Шмид рассматривает сон в «Переходе через Збруч» как «ступень узнавания смерти ⟨…⟩ Лютов засыпает на “распоротой перине”. Ему снится, что Савицкий, начдив шесть, всаживает комбригу две пули в глаза ⟨…⟩ В первый раз в рассказе убийство человека становится эксплицитным. Сон, обходя строгую цензуру дня, позволяет вытесняемой смерти появиться в сознании»[86]. Разбуженный беременной еврейкой, герой-повествователь узнает о том, что лежит рядом не с уснувшим, а с убитым стариком. В рассказе «Мой первый гусь», по мысли Шмида, сон компрометирует дневное поведение и «опровергает спокойствие дневного сознания»[87].

Мотивы жизни и смерти тесно сплелись в сновидении о таинственной Марго и о совершении над Лютовым (искаженного, как обычно бывает во сне) христианского обряда прощания с покойным («Замостье»). Стоит отметить не сразу бросающуюся в глаза перекличку между этим сном Лютова с упоминанием Иисуса Христа и «плачем» по полковому командиру Шевелеву его «вдовы» Сашки из предыдущего рассказа.

Сны в «Конармии» могут быть соотнесены и с попытками слияния героя-повествователя с красноармейской массой – «покоем и счастьем», не достижимыми наяву, должна была стать реализация этих попыток («Аргамак»). С другой сюжетной линией – самоопределением Лютова по отношению к еврейству – сны в «Конармии» не связаны (к этой теме лишь отсылает окончание рассказа «Мой первый гусь»: «…только сердце мое, обагренное убийством, скрипело и текло»).

Помимо снов Бабель вводит в «Конармию» жизнеописания, воспоминания и документы, причем не только упоминания и короткий пересказ донесений и приказов, но и развернутые письма и заявления. Это расширяет «художественное пространство книги до масштабов всей России и даже выводит за ее пределы (“Солнце Италии”)»[88].

Монтажный принцип, перебивка планов, нелинейность композиции отразились в жанровом разнообразии новеллистического цикла, в сочетании рассказа от первого лица, «современного Бабелю казаче-крестьянского и солдатского сказа», «библейских и апокрифических сказаний и легенд», «газетно-лозунгового языка» и «лирических миниатюр»[89].

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР «КОНАРМИИ»

Отличительной чертой поэтической системы Бабеля, его писательского метода является заостренное сочетание, точнее, необычайный сплав факта и вымысла. Об этом он сам говорил не раз. Вот хрестоматийный фрагмент из его интервью 1936 г. «Комсомольской правде»:

---

[86] *Шмид В.* Указ. соч. С. 322–323.
[87] Там же. С. 323.
[88] *Левин С.Х., Погорельская Е.И.* Указ. соч. С. 177.
[89] Там же. С. 179.

«Литература складывается из трех явлений.

Во-первых: действительная жизнь; необходимо знать действительную жизнь.

Во-вторых: чтобы эту действительную жизнь забыть.

В-третьих: чтобы ее сочинить и чтобы осветить таким ослепительным светом действительную жизнь, чтобы это и была настоящая жизнь»[90].

Или другой, более ранний пример, имеющий непосредственное отношение к «Конармии»: «Полученные от действительности впечатления, образы и краски я забываю. И потом возникает одна мысль, лишенная художественной плоти, одна голая тема... Я начинаю развивать эту тему, фантазировать, облекая ее в плоть и кровь, но не прибегая к помощи памяти... Но удивительное дело! То, что кажется мне фантазией, вымыслом, часто впоследствии оказывается действительностью, надолго забытою и сразу восстановленною этим неестественным и трудным путем. Так была создана "Конармия"»[91].

Почти каждому рассказу Бабель старался придать внешний характер подлинности, документальности, фактографической точности. И почти в каждом из них наряду с достоверным изображением имеет место намеренное искажение реальности, сдвиг фактов, смещение дат и топографии. Однако, свободно играя временем и пространством, Бабель подобной игрой не злоупотребляет. То есть намеренно он смещает, как правило, один-два топонима, одну-две даты. Так и в «Конармии», где речь идет о конкретных событиях советско-польской войны 1920 г., такие смещения находятся рядом с указанием на подлинное место действия, исторический факт или дату. Всякий раз подобная авторская стратегия была направлена на решение определенной художественной задачи.

«Конармия» – в открывающем ее рассказе «Переход через Збруч» – начинается с двух очевидных географических смещений, а точнее, подмен, на которые неоднократно указывали нынешние исследователи[92], но не обратили внимания современники Бабеля (по крайней мере в печати).

«Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынск взят сегодня на рассвете. Штаб выступил из Крапивно, и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, по неувядаемому шоссе, идущему от Бреста до Варшавы и построенному на мужичьих костях Николаем Первым ⟨...⟩

---

[90] Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 529.

[91] Цит. по: *Оль. Ник.* «Я рад закрепить нашу дружбу»: И. Бабель у комсомольцев // Литературная газета. 1932. 5 сент. С. 3.

[92] См., например: *Davies N.* White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919–20, and the «Miracle of Vestula». N. Y.: St. Martin's Press, 1972. P. 847–849; *Sicher E.* The Road to a Red Cavalry: Myth and Mythology in the Works of Isaak Babel' of the 1920's // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. P. 545.

Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд».

В этом фрагменте дано несколько подлинных моментов. Новоград-Волынский был взят частями Первой конной армии действительно на рассвете (27 июня 1920 г.); в Новоградском районе имеется село Крапивна; разрушение моста через реку – исторический факт. В то же время Збруч протекает довольно далеко на юго-западе от Новограда, а сам город стоит на реке Случь. Шоссе «от Бреста до Варшавы», подменившее собой в рассказе освобожденную красными шоссейную дорогу от Житомира до Новограда, также отдалено от места событий расстоянием более трехсот километров к западу.

Вайскопф полагает, что здесь использован прием «стяжения расстояний или телепортации», который распространен в «раввинистической словесности» и «называется “скачком” либо “прыжком пути”», на иврите – *кфицат дерех*[93]. Подобный прием свойственен также эпическому фольклору, где пространство преодолевается намного быстрее, чем в реальности. Именно с эпическим фольклором соотносит произведение Бабеля Фрейдин, а зачин «Конармии» с «перетасовкой рек, армий и дней календаря» (в книге рассказ «Переход через Збруч» помечен июлем 1920 г.) рассматривает как «смелый гомеровский аккорд»[94].

Шоссе, «идущее от Бреста до Варшавы», дано в рассказе как конечная цель похода Первой конной и обобщающий образ тех исторических событий, которым посвящена книга Бабеля. Збруч, по мнению Зихера, появился в рассказе как пограничная река[95]: в 1793–1809 и в 1815–1918 гг. – между Россией и Австрийской империей (с 1867 г. Австро-Венгрия), в 1921–1939 гг. по нему шла советско-польская граница. Когда рассказ появился в печати (1924), Збруч уже был частью советско-польской границы, но по отношению к 1920 г., когда происходит действие «Конармии», это является анахронизмом. Шмид полагает, что здесь важно само понятие границы и факт ее пересечения, а все заложенные в этом смысловые линии «сходятся на одном пункте – на роли революционной России в европейской истории»[96]. В 1937 г. Бабель опубликовал рассказ «Поцелуй», ставший своего рода эпилогом конармейского цикла, и в нем также важнейшим моментом является переход через границу: «В это утро наша бригада прошла бывшую государственную границу Царства Польского». Причем если первый рассказ «Конармии» практически начинается с пересечения границы, то эпилог им заканчивается.

---

[93] *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 243.

[94] Цит. по предоставленной автором рукописи в авторском переводе с английского языка.

[95] См., например: *Sicher E.* Babel in Context... P. 135–136. См. также: *Глейзер А.* Исаак Бабель: На границе факта и вымысла // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 404–405.

[96] *Шмид В.* Указ. соч. С. 316–317.

Телепортацию же, или гиперболизацию времени и пространства Бабель осуществляет не только в «Переходе через Збруч», но и в ряде других произведений. В «Конармии» проявлением «скачка пути» можно считать эпизод из рассказа «Жизнеописание Павличенки...». Используя фольклорные, сказочные приемы, писатель не всегда заботился о соблюдении чисто внешнего, житейского правдоподобия. Старец-вестник является к Матвею Родионычу во второй раз и говорит: «– Матвей, – говорит он, – барин давеча твою жену за все места трогал, он ее достигнет, барин...»

Из этого должно было бы вытекать, что Павличенко с женой Настей живут где-то совсем рядом с усадьбой барина. Однако, прогнав старца, герой отправляется в долгий путь: «...я обошел в тот день моими ногами двадцать верст земли, большой кусок земли обошел я в тот день моими ногами и вечером вырос в усадьбе Лидино, у веселого барина моего Никитинского». (В более ранних версиях было «пятьдесят верст земли»[97].)

Пространственные броски в конармейских рассказах можно наблюдать не только на довольно значительных («Переход через Збруч») и средних («Жизнеописание Павличенки...») географических пространствах, но и на совсем небольшой территории, как, например, городской сад в Сокале в рассказе «Эскадронный Трунов»: «...мы стали подходить к Трунову с последним целованием. Я стоял в задних рядах, я тронул губами прояснившийся лоб, обложенный седлом...»

Что касается названия реки из зачина «Конармии», то помимо всех приведенных выше версий нельзя не учитывать и чисто формальные вещи: бóльшую фонетическую яркость слова *Збруч* (звуки «б», «р», удвоенный звук «з»: «чере*з З*бруч») и мужской род этого существительного, в отличие от *Случь* – не очень благозвучного существительного женского рода.

В «Планах и набросках к "Конармии"» трижды встречается слово «стиль», один раз вместе со словом «размер»; несколько раз (причем в разных набросках) – «поэма в прозе». Позднее, в 1929 г., Бабель признавался в письме Полонскому, что по-прежнему сочиняет «не страницами, а одно слово к другому»[98].

О необычайной важности для Бабеля звукового и ритмически выверенного построения текста вспоминала Т.В. Иванова:

«Все, что писал, Бабель складывал первоначально в уме, как многие поэты (потому-то его проза так близка к vers libre).

Лишь все придумав наизусть, Бабель принимался записывать ⟨...⟩

Бабель вышагивал по комнате часами и днями, вертел в руках четки, веревочку (что придется), выискивая не дававшее ему покоя неудачное слово, которое

---

[97] ОР ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2; *Шк*. 1924. № 8. С. 4; 30 дней. 1925. № 1. С. 24; *Рассказы-1925(1)*. С. 24.

[98] *Бабель И.Э.* Соч. Т. 1. С. 296.

требовалось, по его мнению, заменить в наизусть сложенном, уже записанном, но мысленно все еще проверяемом тексте.

Отыскав наконец нужное слово, он аккуратно зачеркивал то, которое требовало замены, и вписывал над ним вновь найденное ⟨…⟩

Работа кропотливая, ювелирная, для самого творца мучительная ⟨…⟩

Выхаживая километры, писатель обретал замену неудовлетворяющего его слова и новое, ложившееся наконец в ритм, переставало коробить его создателя. Но не всегда. Иногда он, мысленно опять возвращаясь к тому же слову, еще и еще раз менял его ⟨…⟩

Его никак не могло удовлетворить что-либо “приблизительное”. Он упорно искал нужное ему слово. Именно оно, это слово, наконец-то выстраданное, наконец-то найденное, а не какое-то другое, должно было занять свое место в ряду других.

Смысл, ритм, размер. Все эти компоненты были неразрывно для него связаны.

Тем, кто понимает литературу всего-навсего как изложение ряда мыслей, описание определенных событий, людских судеб и характеров, мучительные поиски Бабеля не могут быть понятными.

Для него литература – это не только содержание, но и форма, требующая стопроцентной точности отливки ⟨…⟩

Проза Бабеля близка поэзии, по существу и является поэзией, в самом прямом выражении этого понятия»[99].

Иванова писала о работе Бабеля середины 1920-х годов, но все ею сказанное, наверное, можно отнести и к работе над конармейским циклом.

Ничем, кроме соблюдения нужного ритма и звукописи, иными словами, той самой точно отлитой формы, нельзя объяснить некоторых искажений реальности в «Конармии».

В рассказе «Сашка Христос» названы три брата Буденного, служившие вместе с ним: «Емельян, Лукьян и Денис». Емельян и Денис – настоящие имена, а вот самого младшего Буденного звали Леонид. Бабель не только присвоил ему другое имя, но и перечислил братьев не по старшинству: слово Лукьян созвучно и образует рифму со словом Емельян, а порядок имен точно попадает в найденный писателем ритм.

Один из рассказов назван «Комбриг 2», хотя на самом деле в нем говорится о командире 3-й бригады Иване Колесникове. Бабель не мог этого не помнить, потому что командиром 2-й бригады в то время был ставший вскоре начдивом 6-й кавалерийской дивизии И.Р. Апанасенко. Не назвал Бабель рассказ «Комбриг три», чтобы избежать ненужной в данном случае аллитерации.

---

[99] *Иванова Т.В.* Мои современники, какими я их знала: Очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 272, 274–275.

Наоборот, Конкин, бывший комиссаром 2-й бригады 14-й дивизии, назван в одноименном рассказе комиссаром 3-й бригады: «– Веришь теперь Ваське-эксцентрику, третьей непобедимой кавбригады комиссару?..» В данном случае для сохранения ритма Бабелю понадобилось числительное с ударением на первом слоге.

Рассказ «Конкин» дает наглядный и яркий пример переплавки подлинных фактов и документов в художественную реальность. Он ведется от лица заглавного героя: «Крошили мы шляхту по-за Белой Церковью. Крошили вдосталь, аж деревья гнулись. Я с утра отметину получил, но выкомаривал так себе, подходяще». И далее говорится о схватке Конкина с польским генералом:

«Конь под моим тузом, как купцова дочка, но пристал. Бросает тогда пан генерал поводья, примеряется ко мне маузером и делает мне в ноге дырку ⟨…⟩

Нажал я колеса и вкладываю в коника два заряда ⟨…⟩ туз мой с седла снялся. Подорвал он в сторону, потом еще разок обернулся и еще один сквозняк мне в фигуре сделал. Имею я, значит, при себе три отличия в делах против неприятеля».

Затем Конкин сообщает о пленении польского генерала, а в конце рассказа вступает голос основного повествователя «Конармии» – Лютова: «Эту историю со всегдашним своим шутовством рассказал нам однажды на привале Конкин, политический комиссар N…ской кавбригады и троекратный кавалер ордена Красного Знамени».

Когда в 1924 г. завязалась полемика вокруг конармейских рассказов, печатавшихся на страницах «Красной нови», С.Н. Орловский в связи с рассказом «Конкин» упрекал писателя: «Нам были известны все комиссары частей Конной армии (дивизий, бригад), но такого не было. Если эта фамилия вымышлена, то даже при этом не было в Конармии в то время (да и во всей Красной Армии в 1920 г.) товарища, имевшего три ордена Красного Знамени»[100].

На самом деле такой человек в армии Буденного существовал, правда, звали его не Василий, как в рассказе, а Николай. В сказовой форме довольно точно воспроизводится история подвига политкомиссара Конкина, за который он был награжден орденом Красного Знамени: в рассказе верно указаны три огнестрельных ранения, причем одно из них в ногу, как было в действительности, но изменены место боя и воинское звание противника: бой происходил под селом Староссельцы, а не «по-за Белой Церковью» (вновь пространственная перестановка), убил Конкин не польского генерала, а лейтенанта. Намеренные искажения реальности в данном случае возвышают поступок героя до богатырского подвига, несмотря на его «шутовской» характер: «Помрем за кислый огурец и мировую революцию…» По словам Левина, «перед нами героическая

---

[100] *Орловский С.Н.* На задворках Конармии: (Критический этюд). 1924 // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75. Л. 12.

новелла, но в форме анекдота – из тех, что рассказывают ветераны новичкам на привале»[101].

В полубылинном повествовании Конкина есть еще один «скачок пути» – неожиданно представшее внутреннему взору героя Красное море: «И бес меня взмыл. Генеральские глаза передо мной, как фонари, мигнули. Красное море передо мной открылось. Обида солью вошла мне в рану, потому, вижу, не верит мне дед». По мнению Вайскопфа, перед нами общепринятая идиома, «колоритное выражение» «образов и мотивов Исхода», «упоминание о библейском переходе через Красное море 〈…〉 просто навеянное стрессовой ситуацией – трагикомическим спором, который ведется 〈…〉 на самой кромке смерти»[102].

Работает на возвеличение подвига Конкина и фольклорное число три, причем три ранения, полученные в один день, – реальность, а три ордена Красного Знамени – гипербола, смысловая рифма к этим трем ранениям, неслучайно названным в рассказе «тремя отличиями в делах против неприятеля».

В новелле «Письмо» – в этом случае для создания комического эффекта – количество орденов вообще неисчислимо: «Но только Семен Тимофеич свое взял и доказал, то он есть командир полка и имеет от товарища Буденного все ордена Красного Знамени…»

И прижизненная критика, и современные исследователи отмечали живописность, красочность, игру света в прозе Бабеля. Все это есть в «Конармии». Вот только один пример – первое пейзажное описание в рассказе «Переход через Збруч»: «Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, полуденный ветер играет в желтеющей ржи, девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря. Тихая Волынь изгибается, Волынь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля. Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, и штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу. Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов 〈…〉 Величавая луна лежит на волнах 〈…〉 Река усеяна черными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям».

«Бабель воспринимает природу и жизнь как живописец, – отмечал в 1928 г. П.И. Новицкий. – У него пылающий колорит и яркое освещение, полное блеска и огня. Среди прозаиков нет мастера, равного ему по живописной яркости красок»[103]. Самыми «цветистыми и колористически насыщенными» новеллами Бабеля Новицкий считает «Пана Аполека» и «У святого Валента»: «Красочная

---

[101] *Левин С.Х.* О героическом в «Конармии» И. Бабеля: (Характеры персонажей в свете полемики) // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 93.

[102] *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 117.

[103] *Новицкий П.И.* Бабель // И.Э. Бабель: Статьи и материалы. С. 49.

крепость этих вещей возникла оттого, что самим объектом их словесного изображения являются произведения живописи»[104].

Среди цветовой гаммы «Конармии» важную роль играет красный цвет с его оттенками-синонимами (пурпурный, малиновый, кровавый, пламенный, огненный), который в ряде случаев придает тексту экспрессивную окраску[105]. Согласно Новицкому, основным цветом у Бабеля «является цвет человеческого мяса и человеческой крови: красный и розовый»[106].

А.Н. Пирожкова также писала о красном цвете в произведениях Бабеля: «Необычайная зоркость Бабеля проявлялась, по-моему, и в красочности его рассказов, где в многоцветной палитре создаваемого им изображения особенное место занимал красный цвет со всем разнообразием его оттенков. При этом не возникает ощущения пестроты, а все выдержано в рамках строгого художественного вкуса»[107].

Однако само слово «красный» часто употребляется как атрибут политической принадлежности, т.е. в переносном смысле. Это значение, как правило, особо выделяется в новеллах, написанных в форме сказа. Так, неоднократно и даже нарочито определение «красный» подчеркивается в рассказе «Письмо»: «...я нахожусь в *красной* Конной армии товарища Буденного, а также тут находится ваш кум Никон Васильич, который есть в настоящее время *красный* герой»; «...мужики со своими конями хоронятся от наших *красных* орлов по лесам...»; «Наша *красная* бригада товарища Павличенки наступала на город Ростов...»; «И папаша начали Федю резать, говоря – шкура, *красная* собака, сукин сын и разно...». В «Жизнеописании Павличенки...» герой говорит о себе в третьем лице как о «*красном* генерале». В рассказе «Измена» среди «окопной пехоты» «страдало три *красных* конника», а красноармеец Кустов «в короткой *красной* своей жизни 〈...〉 без края тревожился об измене». В рассказе «Соль» прилагательное «красный» приобретает метафорическое и даже символическое звучание: «...ночь сменилась с своего поста и *красные* барабанщики заиграли зорю на своих *красных* барабанах...»

Трунов не назван красным героем, здесь это слово заменено эпитетом «всемирный». Но зато у могилы эскадронного рассыпали «*красных* цветов целые пригоршни».

Определение «красный» и его синонимы нередко используются в портретной характеристике персонажей: *краснорожий* Дьяков («Начальник конзапаса»), «*красноносое* чиновничество» («Учение о тачанке») «*красные* полосы»

---

[104] *Новицкий П.И.* Указ. соч. С. 50.

[105] Об оттенках красного, а также других цветах в «Конармии» см.: *Флакер А.* Бабель и Малевич: Сопоставление // Флакер А. Живописная литература и литературная живопись / Пер. с хорв. М.: Три квадрата, 2008. С. 281–285.

[106] *Новицкий П.И.* Указ. соч. С. 51.

[107] *Пирожкова А.Н.* Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле – и не только о нем. М.: АСТ, 2013. С. 569.

от неудобного сна на лице командира полка Вытягайченко («Смерть Долгушова»), «пять *красных* юношеских пальцев» Колесникова («Комбриг 2»), «мертвые, *красные* и без дыхания» от быстрого бега Матвей и Настя («Жизнеописание Павличенки...»), Афонька «с лицом сырым и *красным*, как рассеченное мясо» («Афонька Бида»), «*красное* и сердитое» лицо Трунова («Эскадронный Трунов»), «весь *красный*» от волнения лекпом Барсуцкий («Иваны»), «вывороченные *малиновые*» губы начдива Павличенко («Чесники»); а также в описании картин пана Аполека: «*краснощекая* богоматерь»; портрет пани Брайны, нарисованный «*красным* карандашом, карандашом *красным* и мягким, как глина»; «*кровавые*, как раны», морщины у волхвов в росписях Новоградского храма; святые в виде «седобородых, *краснолицых*» старцев («Пан Аполек»); «*огненные* бородавки, *малиновые* бородавки, как редиска в мае», посаженные на подбородки апостолов на иконе Аполека; кровь, вылившаяся «пурпурным током» из руки Иисуса («У святого Валента»).

Многократно употребляется слово «красный» и его синонимы при прямом обозначении цвета в описании одежды людей и снаряжения лошади: «серебряные лампасы вдоль *красных* шаровар» у Дьякова («Начальник конзапаса»), «горящий *пурпур* мантий» на картинах Аполека («Пан Аполек), «*малиновая* шапчонка» и *пурпурные* рейтузы начдива Савицкого («Мой первый гусь»), «*красные* штаны с серебряным лампасом» у Буденного («Комбриг 2»), «*малиновые* потнички» барина Никитинского («Жизнеописание Павличенки...»), «*малиновая* черкеска» Прищепы («Прищепа»), «*пламенные* плащи» апостолов («У святого Валента»), натянутые Левкой «*малиновые* вожжи» и «*красный* шарф», завязанный им на бедрах («Вдова»), штаны «*краснее*, чем человеческая кровь», у генштабистов («Чесники»), «*красный* казакин» начдива («Берестечко» и «Чесники»), «казаки в *красных* шароварах» («Сын рабби»). В «Сыне рабби» дан поэтический образ нарождающейся субботы, которая «кралась вдоль заката, придавливая звезды *красным* каблучком»[108], а свитки Торы были заворочены «в рубашки из *пурпурного* бархата и голубого шелка».

Описание одежды ряда персонажей Бабель взял из жизни. Например, в дневниковой записи от 14 июля он пишет о красных штанах с серебряными лампасами у Дьякова. Начдив Апанасенко составляет единое целое со своим красным казакином или красным башлыком. «Хороший интеллигентный батюшка ⟨...⟩ у него живет Апанасенко в красном казакине», – помечает Бабель в дневнике 10 августа в Лашкове; или о нем же 28 августа: «Вступаем с начдивом,

[108] Вайскопф пишет об амбивалентности этого образа, который, с одной стороны, является «метафорой заката, включенной в общий кровавый спектр» «Конармии», а с другой – сопряжен «с прельщением или манящей женской сексуальностью»; ср., например, с красными башмаками Галины Аполлоновны в «Первой любви» и красными чулками мопассановской Селесты в «Гюи де Мопассане», тогда как в «Признании» самого Мопассана чулки у Селесты синие (*Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 367–368).

красный башлык, в Комаров». А 31 августа в Чесниках записывает: «Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами». Последняя деталь перейдет в описание Буденного в рассказе «Комбриг 2»[109].

В какой-то мере цветовое решение и ритмический рисунок двух отрывков из «Конармии» могли – вольно или невольно – послужить одним из источников сцены первого появления Понтия Пилата в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в открытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

Исследователи находят прообраз булгаковского Пилата в разных литературных произведениях. Например, Вайскопф ведет происхождение «белого плаща с кровавым подбоем» от еще популярного в гимназические годы Булгакова романа М.Н. Загоскина «Искуситель» (1838), в котором в мистическом контексте фигурирует «черный плащ с красным подбоем»[110]. Е.Д. Толстая считает, что «за знаменитой фразой о Понтии Пилате» стоит отрывок из первого романа трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» – «Юлиан Отступник» (1895), «тоже из “римской жизни”, тоже про военных»[111]: «В чистой половине, отделенной занавеской, на единственном ложе, узеньком и продранном, за столом с оловянным кратером и кубками вина возлежал римский военный трибун шестнадцатого легиона девятой когорты Марк Скудило»[112].

Вероятно, можно привести и другие примеры и версии, которые, однако, не исключают переклички булгаковского Пилата с гораздо более близкими по времени рассказами Бабеля: «Начальник конзапаса» («На огненном своем англоарабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса – краснорожий, седоусый, в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар») и «Комбриг 2» («Буденный в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева. Только что убили комбрига 2. На его место командарм назначил Колесникова»). А с учетом «кавалерийской биографии» прокуратора контекст «Конармии» для булгаковского романа представляется более важным: нельзя было обойти вниманием самое известное произведение о современной коннице.

Говоря об особенностях индивидуального стиля Бабеля, Полонский отмечал «гиперболизм» его эпитетов:

---

[109] Красный цвет в одежде символизирует принадлежность к тому или иному казачьему войску, например у донских казаков красные лампасы, кант на погонах и околыш фуражки.

[110] *Вайскопф М.Я.* Черный плащ с красным подбоем: Булгаков и Загоскин // Вайскопф М.Я. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2003. С. 520–524.

[111] *Толстая Е.Д.* Привыкши выковыривать изюм // Новое лит. обозрение. 2005. № 73. С. 232.

[112] *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. I. С. 2.

«Бабель не может без преувеличений. Сравнения его необычайны. Если на страницах “Конармии” появляется жеребец – этот жеребец “невиданной” красоты; если на курганах валяются трупы – трупы эти “чудовищные”, а курган “тысячелетний” ⟨…⟩ Все у Бабеля необыкновенно: рессоры на тачанке “небывалые”; ульи – “неописуемы”, шоссе – “неувядаемое”, блеск луны льется с “неиссякаемой” силой ⟨…⟩ стаи птиц в заповедных водах “несметные”, рыба плодится там в “непередаваемом” изобилии и даже грудь у эскадронной дамы Сашки столь “чудовищная”, что закидывалась за спину ⟨…⟩

Люди у него говорят с “ужасной” силой или с “необыкновенной” силой, и если в “Солнце Италии” рассказчик хочет придавить рукой оплывший огарок свечи, то делает это с “необыкновенной” задумчивостью[113] ⟨…⟩

Гиперболизм ⟨…⟩ сказывается не только на эпитетах, но в характере его пейзажа, в действиях его героев, в самом их характере»[114].

Это качество поэтики Бабеля отмечал и Новицкий: «Всюду он ищет *необычайного, исключительного, экстравагантного*. Можно сказать, что чрезвычайность становится для Бабеля нормой и общим правилом жизни»[115]; «все для него недосягаемо, неописуемо и чудовищно»[116].

Склонность Бабеля к гиперболе проявляется не только в употреблении усиленных эпитетов, сравнений, в игре пространственно-временными координатами, но также в описании ситуаций и, как указывал Полонский, действий персонажей. Такие гиперболизированные моменты даны, например, в новелле «Замостье», посвященной, казалось бы, конкретной военной операции. Привязав к ноге повод голодного коня и завернувшись в плащ, герой-повествователь намеренно «лег в яму, полную воды» (правда, как явствует из дневниковой записи от 30 августа, участники похода действительно лежали на мокрой земле). Подобное действие понадобилось автору для следующей фразы («Размокшая земля открыла мне успокоительные объятия могилы») и загадочного сновидения о Марго. А дальше во вполне реалистическую картину постоя в хате на краю деревни Ситанец вплетается еще одна гиперболическая деталь: «Старуха сидела на полу и кормила из рук спрятанную под кроватью телку».

«Сила художественного внушения ⟨…⟩ какою обладает Бабель, исключительна»[117], – писал Полонский. Потому, наверное, не только живописность стиля, музыкальность ритма, но и гиперболы, всякого рода искажения реальности,

---

[113] Этот жест в «Солнце Италии» принадлежит анархисту Сидорову, а не рассказчику.
[114] *Полонский В.П.* Указ. соч. С. 200.
[115] *Новицкий П.И.* Указ. соч. С. 54.
[116] Там же. С. 57. Вайскопф, опираясь на мнение Дж. Фейлена, отмечает негативную семантику многих таких эпитетов и их «религиозную подоплеку», правда, с учетом «пародийных аспектов» (*Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 135).
[117] *Полонский В.П.* Указ. соч. С. 200.

перестановки в пространстве и времени парадоксальным образом делают художественный мир «Конармии» более убедительным.

Гиперболизм, яркая метафоричность, экспрессивность изложения сочетаются в прозе Бабеля со спокойной, внешне беспристрастной интонацией повествования.

Шкловский писал: «Смысл приема Бабеля состоит в том, что он одним голосом говорит и о звездах, и о триппере»[118]. Действительно, в сравнительно небольшом отрезке текста у Бабеля зачастую переплетены шокирующие физиологические подробности, ирония, лирика и героическая патетика. Яркой иллюстрацией может служить рассказ «Вечер»:

«О, устав РКП! Сквозь кислое тесто русских повестей ты проложил стремительные рельсы. Три холостые сердца с страстями рязанских Иисусов ты обратил в сотрудников газеты "Красный Кавалерист", ты обратил их для того, чтобы каждый день могли они сочинять залихватскую газету, полную мужества и грубого веселья.

Галин с бельмом, чахоточный Слинкин, Сычев с объеденными кишками – они бредут в бесплодной пыли тыла и продирают бунт и огонь своих листовок сквозь строй молодцеватых казаков на покое, резервных жуликов, числящихся польскими переводчиками, и девиц, присланных к нам в поезд политотдела на поправку из Москвы.

Только к ночи бывает готова газета – динамитный шнур, подкладываемый под армию. На небе гаснет косоглазый фонарь провинциального солнца, огни типографии, разлетаясь, пылают неудержимо, как страсть машины. И тогда, к полуночи, из вагона выходит Галин для того, чтобы содрогнуться от укусов неразделенной любви к поездной нашей прачке Ирине».

Или другой фрагмент той же новеллы, в котором проникновенный лиризм сочетается все с теми же неприглядными деталями:

«А против луны, на откосе, у заснувшего пруда сидел я в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами. Смутными поэтическими мозгами переваривал я борьбу классов, когда ко мне подошел Галин в блистающих бельмах.

– Галин, – сказал я, пораженный жалостью и одиночеством, – я болен, мне, видно, конец пришел, Галин, и я устал жить в нашей Конармии...»

Речь же самого Галина, по замечанию Е.А. Добренко, «построена в одном ключе: и когда он рассказывает прачке историю русских императоров, и когда отчитывает Лютова и всю интеллигенцию за "слюнтяйство"»[119].

В новелле «Берестечко» – вновь внешне беспристрастный, ровный голос автора. Но насколько разное впечатление производят отдельные куски, расска-

---

[118] *Шкловский В.Б.* Указ. соч. С. 154.
[119] *Добренко Е.А.* Указ. соч. С. 77.

занные этим «одинаковым» голосом. Вот эпически-повествовательный зачин новеллы:

«Мы делали переход из Хотина в Берестечко. Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелетних курганах. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами. Бурка начдива Павличенки веяла над штабом, как мрачный флаг. Пуховый башлык его был перекинут через бурку, и кривая сабля лежала сбоку, как приклеенная.

Мы проехали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого. Из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел нам про былую казачью славу. Мы прослушали песню молча, потом развернули штандарты и под звуки гремящего марша ворвались в Берестечко».

Затем жутковатая картина казни старика-еврея:

«Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышками. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом он стукнул в закрытую раму.

– Если кто интересуется, – сказал он, – нехай приберет. Это свободно…

И казаки завернули за угол».

Вслед за этим идут столь же внешне бесстрастные описания «выветрившегося» быта Берестечка, его населения и архитектуры, «опустошенного замка графов Рациборских», история сумасшедшей графини и ее сына. И, наконец, митинг в честь Второго конгресса Коминтерна:

«А внизу не умолкает голос военкомдива. Он страстно убеждает озадаченных мещан и обворованных евреев:

– Вы – власть. Все, что здесь, – ваше. Нет панов. Приступаю к выборам Ревкома…»

Сцена митинга дана параллельно ретроспективной картине старого замка, «где нимфы с выколотыми глазами водят старинный хоровод», а «на затоптанном полу» лежит «обрывок пожелтевшего письма» на французском языке, в котором «вылинявшими чернилами» написано о смерти императора Наполеона.

Бабель не дает оценок происходящему, но именно таким способом достигается необходимый эффект. Эту черту писательского метода прекрасно охарактеризовал А.К. Воронский:

«Бабель далек от натурализма и бытовых писаний ⟨…⟩ У Бабеля есть общее с Мопассаном, с Чеховым, с Горьким, но в них он тоже не укладывается. Мопассан – скептик, Чехов грустит, Горький романтик, и это отражается на манере их письма. Бабель эпичен, порой библейски эпичен ⟨…⟩

В своих миниатюрах Бабель бесстрастен, спокоен, медлителен, не торопится и не торопит читателя, тем более он не играет на нервах, не старается, чтобы читатель ломал пальцы. Неспешно тянет он свое скупое, взвешенное, продуманное слово. Он эпичен и в тех случаях, когда становится лириком ⟨…⟩

Бабель старается быть эпичным в рассказах о Конармии Буденного, в рассказах, помеченных 1920 годом. Он пишет о вчерашнем, идет по свежим следам пережитого, в сущности, он пишет о настоящем. Эпос его особый. Он – как только что потухнувший костер: под пеплом горячие угли. Эпичность Бабеля – своеобразный художественный прием, рассчитанный и взвешенный ⟨…⟩ Эпичность сейчас является более верным ходом к читателю; наша эпоха по природе своей эпична. Кроме того, тут вступает в силу закон контраста: повествовать о только что пережитом в муках и в крови, рассказывать о событиях и случаях из ряда вон выходящих, спокойно, ровно, размеренно и деловито – это может подействовать на современного читателя гораздо сильней всяких криков, страшных слов, нервной взвинченности.

На самом деле Бабель совсем не бесстрастен, не равнодушен "к добру и злу" и отнюдь не спокоен. У него есть свое мироощущение, есть определенный подход к эпохе, к людям, к событиям ⟨…⟩ И главное, он понимает, что в подлинном художестве задача не в том, чтобы крепче ударить по нервам, а в том, чтобы дать то "чуть-чуть", о котором писал когда-то Л.Н. Толстой, выделить художественную подробность, обнаруживающую *основное* в вещи, в человеке, в эпизоде»[120].

Полонский подчеркивал в первую очередь гиперболизм эпитетов Бабеля, Воронский – их необычность: «Очень своеобразно, неожиданно и метко соединяет художник прилагательные с существительными, т.е. дает определения: "пламенные плащи", "страстные лохмотья", "пыльная проволока кудрей", "густые просторы ночи" ⟨…⟩ "блещущее небо, невыразимо пустое, как всегда в часы опасности" и т.д. Может быть, эта склонность к определениям придает отчасти вещам его медлительность, неспешность и выразительную плавность повествования»[121].

Список неожиданных эпитетов и метафор, приведенных критиком, можно продолжить, но нельзя не назвать по крайней мере еще нескольких: «Послушные пожары встали на горизонте…» («Вдова»); «…безмятежная пыль канонады восходила над землей, как над мирной хатой» («Чесники»); «…я поплелся в деревню Чесники, поскользнувшуюся на неутомимом галицийском дожде» («После боя»); «Мечта ломала мне кости…» («Песня»); «В городе загремела пренебрежительная канонада победителей» («Сын рабби»).

По мнению Воронского, сопоставление «Конармии» с «Войной и миром» Толстого отражает суть художественной манеры Бабеля: «Толстой дал синтетическую, полную картину русского общества и армии 1812 года снизу доверху, Бабель ограничил себя тем, что из конной армии выбрал и воссоздал ряд типов, лиц, случаев, для того чтобы с их помощью в образах выразить свое художественное мироощущение. Эти лица, случаи, события он описывал не всесторонне, выделяя типическое, а брал их только с одной какой-нибудь стороны. Толстой действовал прежде всего, хотя и не исключительно, как художник-

---

[120] *Воронский А.К.* Литературные силуэты: I.И. Бабель // *Кр. Н.* 1924. № 5. С. 278, 279–280.
[121] Там же. С. 280.

наблюдатель, Бабель – как импрессионист, хотя у него реалистический глаз наблюдателя силен всюду»[122].

Спустя много лет, 18 сентября 1937 г., когда самого Бабеля спросили, почему он, будучи «горячим приверженцем широких масштабов, добротности, реализма», ориентируясь на творчество такого писателя, как Лев Толстой, в собственных произведениях чаще отражает «исключения из правил, исключения, а не типическое», он, говоря о своем авторском методе и выбранном им жанре, заметил: «...для того, чтобы писать типическое таким потоком, как писал Лев Толстой, ни сил, ни данных, ни интереса у меня нет. Мне интересно его читать, но мне неинтересно писать по его методу ⟨...⟩

Дело в том, что у Льва Николаевича Толстого хватало темперамента на то, чтобы описать все двадцать четыре часа в сутках, причем он помнил все, что с ним произошло, а у меня, очевидно, хватает темперамента только на то, чтобы описать самые интересные пять минут, которые я испытал. Отсюда и появился этот жанр новеллы»[123].

КРИТИКА И ПОЛЕМИКА ВОКРУГ КОНАРМЕЙСКИХ РАССКАЗОВ

Процитированная статья А.К. Воронского была одним из первых и наиболее основательных разборов творчества Бабеля, прежде всего «Конармии». Предваряя свои заметки, критик писал: «Бабель начал печататься всерьез совсем недавно: меньше года. У него еще нет ни одного сборника: его вещи разбросаны в разных журналах. Объем напечатанного пока очень невелик. Но едва ли будет преувеличением сказать, что в текущем литературном году художественная проза пройдет под знаком Бабеля. За ним усиленно следят, его усиленно читают. Написано немало критических статей и отзывов, и уже закипают в связи с ними страстные литературные и нелитературные споры. Это вполне естественно: во внимании и в интересе к этому писателю нет ничего подогретого, искусственного ⟨...⟩ Про Бабеля можно сказать лишь одно, что его считают “попутчиком”, – к кружкам он не принадлежит. Говорят и пишут о нем не для рекламирования какого-нибудь кружка, а потому, что он чрезвычайно талантлив, своеобразен, что его произведения несомненно “заражают”»[124].

Воронский выстраивает защиту Бабеля, приводя аргументы, увязывающие послевоенную политическую ситуацию с задачами художественной литературы:

---

[122] *Воронский А.К.* Указ. соч. С. 285.
[123] *Бабель И.Э.* О творческом пути писателя. С. 98.
[124] *Воронский А.К.* Указ. соч. С. 277–278.

«“Конармия” Бабеля не преследует *непосредственно* агитационных целей. О нашей армии писали почти исключительно в митинговом духе. И этот тон был единственный и допустимый в условиях, в которых находилась республика советов. Самая тщательная осмотрительность должна сохраняться и по сию пору, но все же относительно мирный период развития дает некоторые возможности и для иного подхода, когда с художника можно требовать не только любви и горячей преданности к Красной армии, но и художественно-правдивого изображения ее. Агитационный подход верно говорил о нашей армии, но он не углублялся, не изучал художественно быта нашей армии. В “Конармии” Бабеля есть такие бытовые подробности, которые раньше освещались мало: разгром раки св. Валента, Кудря, резавший еврея, эскадронная дама Сашка, мстительный Прищепа, баловство “для смеху” казаков над “пешками” в окопах и т.д. Делать отсюда выводы о политической вредоносности рассказов Бабеля, не вводя эти подробности в общее художественное мировосприятие писателя, значит из-за деревьев не видеть леса ⟨…⟩

“Конармия” Бабеля не есть конармия Буденного. Писатель не имел в виду дать всестороннюю художественно точную эпопею действительности конармии путем выделения основного ее духа и свойств ⟨…⟩ Конармия Бабеля нигде не дерется. Мы не видим ее в боях. Писатель упоминает об атаках, но не показывает их ⟨…⟩ Нет также конармии как массы, нет этих тысяч вооруженных людей, двигающих лавами, с особым, ей только свойственным коллективным духом ⟨…⟩ У Бабеля, в сущности, конармии нет, она у него атомизирована, рассечена ⟨…⟩ Герои Бабеля – сами по себе; они в конармии, но *органически* с ней не связаны ⟨…⟩

Поэтому все указания на то, что в “Конармии” Бабеля нет подлинных коммунистов, сковавших армию пролетарской дисциплиной, что помимо эскадронных дам Сашек в конармии были иные и не дамы, и не эскадронные, а товарищи, что армия не показана в боях и т.д., – все эти и подобные указания могут быть верны, или неверны, или отчасти верны, но бьют мимо цели ⟨…⟩

Типы, изображенные Бабелем в “Конармии”, весьма разнообразны, особенны, свежи. Бабель не повторяет пройденного, не твердит задов, не подновляет старого. Он – новатор, он – самостоятелен. Полной пригоршней берет он из виденного и слышанного. Обрисовки Бабеля ⟨…⟩ импрессионистичны ⟨…⟩ он оттеняет одну-две основных черты в типе, в образе, в картине, оставляя остальное в тени, в стороне, неосвещенным, но подчеркивает он всегда четко»[125].

В то же время из анализа творчества писателя Воронский делает концептуальный для своего времени вывод: «Бабель больше наш, чем многие иные, старательно наклеивающие на свои вещи ответственный ярлык коммунизма и пролетарского искусства»[126].

---

[125] *Воронский А.К.* Указ. соч. С. 284–286.
[126] Там же. С. 289.

Под «нелитературными спорами» критик подразумевал атаку на «Конармию» со стороны бывших руководителей Первой конной. Он писал, что как редактору «Красной нови», где печатались многие конармейские рассказы, ему «пришлось выслушать ряд самых жестоких упреков от некоторых виднейших военных работников в Красной армии ⟨…⟩ Писателю ставили в вину, что в его миниатюрах дана не конная армия, а подлинная махновщина, что местами – это пасквили и поклёп на конармию, что так может писать о нашей армии только белогвардеец и заведомый контрреволюционер и т.д.»[127].

В настоящее время выявлено, что инициаторами полемики вокруг «Конармии» были К.Е. Ворошилов и бывший секретарь Реввоенсовета Первой конной С.Н. Орловский[128], который и стал настоящим автором текстов 1924 и 1928 гг., подписанных С.М. Буденным[129]. Нелитературной критике подверглись только те рассказы, которые печатались на страницах «Красной нови». Следовательно, критика эта была направлена не только против автора «Конармии», но и против редактора журнала[130]. Последний факт подтверждается самим названием помещенной в журнале «Октябрь» заметки Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови”» и ее последним абзацем, обращенным непосредственно к Воронскому. Текст заметки небольшой, выражает квинтэссенцию нападок на конармейские рассказы Бабеля, и потому приводится полностью:

«Под громким, явно спекулятивным названием: “Из книги Конармия”, незадачливый автор попытался изобразить быт, уклад и традиции 1-й Конной Армии в страдную пору ее героической борьбы на польском и других фронтах[131].

Для того, чтобы описать героическую, небывалую еще в истории человечества борьбу классов, нужно прежде всего понимать сущность этой борьбы и природу классов, т.е. быть диалектиком, быть марксистом-художником.

Ни того, ни другого у автора нет.

Поэтому для него не важно, как и почему и за что сражалась, будучи величайшим орудием классовой борьбы, 1-я Конная Красная Армия. Несмотря на то, что автор находился в рядах славной Конной Армии, хотя и в тылу, он не заметил, и это прошло мимо его ушей, глаз и понимания, ни ее героической борьбы, ни ее страшных нечеловеческих страданий и лишений. Будучи от при-

---

[127] *Воронский А.К.* Указ. соч. С. 284.

[128] См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75.

[129] См.: *Орловский С.Н.* На задворках Конармии // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75. Л. 6–16.

[130] Подробно см.: *Парсамов Ю.В.*, *Фельдман Д.М.* Грани скандала: Цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 229–286. Исследователи считают, что атака на Воронского велась как на выдвиженца Л.Д. Троцкого.

[131] Ни на каких «других фронтах» изображения Конармии в рассказах Бабеля нет, есть лишь немногочисленные ретроспективные экскурсы, связанные с судьбой некоторых персонажей.

роды мелкотравчатым и идеологически чуждым нам, он не заметил ее гигантского размаха борьбы.

Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную Армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет.

Громкое название автору, очевидно, понадобилось на то, чтобы ошеломить читателя, заставить его поверить в старые сказки, что наша революция делалась не классом, выросшим до понимания своих классовых интересов и непосредственной борьбы за власть, а кучкой бандитов, грабителей, разбойников и проституток, насильно и нахально захвативших эту власть.

Это старая песня господ Сувориных, Милюковых, Деникиных и пр., которые в свое время до хрипоты кричали, писали и шипели по поводу грубо-оголтелого, вонючего, ненавистного им мужичья, но которые поняли глупость и перестали.

Меня не это удивляет, меня удивляет то, что как мог наш советский художественно-публицистический журнал, с ответственным редактором-коммунистом во главе, в 1924 г. у нас в СССР допускать петь подобные песни, не проверив их идеологического смысла и исторически-правильного содержания.

Гр. Бабель не мог видеть величайших сотрясений классовой борьбы, она ему была чуждой, противной, но зато он видит со страстью больного садиста трясущиеся груди выдуманной им казачки, голые ляжки и т.д. Он смотрит на мир, “как на луг, по которому ходят голые бабы, жеребцы и кобылы”[132].

Да, с таким воображением ничего другого, кроме клеветы на Конармию, – не напишешь.

Для нас все это не ново, что старая, гнилая, дегенеративная интеллигенция грязна и развратна. Ее яркие представители: Куприн, Арцыбашев (Санин) и другие – естественным образом очутились по ту сторону баррикады, а вот Бабель, оставшийся благодаря ли своей трусости или случайным обстоятельствам здесь, рассказывает нам старый бред, который преломился через призму его садизма и дегенерации, и нагло называет это “Из книги Конармия”.

Неужели т. Воронский так любит эти вонючие бабье-бабелевские пикантности, что позволяет печатать безответственные небылицы в столь ответственном журнале; не говорю уже о том, что т. Воронскому отнюдь не безызвестны фамилии тех, кого дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти»[133].

---

[132] Сильно искаженная цитата из рассказа «История одной лошади» («Тимошенко и Мельников»): «Мы оба смотрели на мир как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

[133] *Буденный С.М.* Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197.

Подоплека атаки на писателя со стороны Буденного, доходившая до личных оскорблений, ясна – рассказы Бабеля не укладывались в героическую легенду о Первой конной армии, которая в то время активно формировалась.

Критика литературная встретила «Конармию» куда более благосклонно, в большинстве своем восторженно. По замечанию Ли Су Ен, «“напостовцы” и марксистские критики первоначально оценили “Конармию” прежде всего с идеологической точки зрения, как текст, исполненный революционного пафоса, героизирующий красноармейцев», другие критики, в первую очередь Воронский, «защищали необходимость анализа произведений Бабеля как явлений искусства слова»[134]. Однако и первая группа критиков писала о «Конармии» не только в идеологическом, но и в эстетическом аспекте.

Прижизненные критические отклики на «Конармию» весьма многочисленны, поэтому далее дается обзор наиболее характерных отзывов, появившихся не позднее 1926 г.

Даже напостовец Г. Лелевич с восхищением отзывался о рассказах Бабеля, печатавшихся в московских журналах в 1923 г. Называя их «наиболее интересным и заслуживающим внимания явлением в области попутнической беллетристики», Лелевич писал, что первые вещи Бабеля «выказывают все признаки огромного таланта и мастерства: изумительный лаконизм, умение немногими словами дать законченный, навсегда врезывающийся в память образ, яркая оригинальность, полное, неразрывное соответствие между содержанием и формой, несравненный, красочный, сочный, выразительный народный язык, причем автор пользуется различными жаргонами не как экзотическими прикрасами слога, а как основным словесным материалом»[135].

Одобрение Лелевича вызвало и описание красноармейцев: «Никто не передал еще так в художественной литературе буденновцев с их героизмом, с их инстинктивной революционностью, с их бесшабашным, партизанским, казацким духом. Ни малейшей идеализации. Напротив, сплошь и рядом – тонкая усмешка, и в то же время впечатление огромной революционной мощи»[136].

Но все же в конце посвященного Бабелю фрагмента своих заметок Лелевич делает оговорку: «…пока еще рано признать Бабеля пролетарским писателем. Его “Миниатюры”[137], появившиеся в 7-й книге “Красной Нови” за прошлый год (символично появление этих вещей в этом журнале!), дышат интеллигентской рефлексией и скептицизмом. Не будем гадать, что возьмет верх: редкое чутье революционной действительности или утонченная ирония декадента. Как бы

---

[134] *Ли Су Ен.* Исаак Бабель. «Конармия» и «Одесские рассказы»: Поэтика циклов. СПб.: изд. дом «Міръ», 2005. С. 17.

[135] *Лелевич Г.* 1923 год: Литературные итоги // На посту. 1924. № 1 (5). С. 87.

[136] Там же. С. 87–88.

[137] Речь идет о новеллах «Линия и цвет» и «Пан Аполек».

там ни было, фрагменты из книги "Конармия" останутся навсегда ярким образцом действительной, а не мнимой революционной литературы»[138].

Один из первых критиков Бабеля Як. Бенни (Я.З. Черняк) сосредоточил свое внимание на нескольких конармейских рассказах, напечатанных в «Лефе» и «Красной нови». Он писал:

«Рассказы Бабеля восхищают сжатой своей выразительностью, гибкостью, краткостью, точностью, соединяющими все элементы в живые до жути страницы гражданской войны.

Тема уж сама по себе требует исключительных писательских сил. И та художественная смелость, с которой Бабель этой теме отдает свое дарование, лучше всего доказывает, что перед нами крупный художник.

Бабелю удалось раскрыть одну из труднейших тем нашего времени – тему революционной войны. Впервые художник становится так прямо против жуткой, нечеловеческой по своему напряжению, еще живой истории»[139].

Критик говорит о честном подходе Бабеля к этой теме, противопоставляя его конармейские рассказы псевдореволюционной литературе: «Бабель выступает без увиливаний, платформ, без болтовни и прочего шума, которыми обычно прикрывают современные художники свое внутреннее отступление перед грозными требованиями, предъявляемыми нашим временем к литературе и искусству»[140].

Подобно Воронскому, Бенни видит опасность для творчества в прямой агитации:

«Агитационные срывы низводят искусство, и подлинное агитационное воздействие художественной литературы тем самым поражается в корне. Слишком уж легкой, бутафорской, риторической представляется читателю всепобеждающая революция в изображении современных художников. Революция в душе современного читателя много страшней, существенней, глубже и тише, чем громоподобные охи "революционной" литературы…

Оттого так силен и убедителен Бабель, что он самого себя – "очкастого", "паршивенького", "кандидата прав Петербургского университета", подставляет под огонь столкновений с большевистской Россией. "Сочинитель и интеллигент" в нем самом служат ему средством уяснения коллизий войны и революции»[141].

«Рассказы Бабеля, – продолжает критик, – героические рассказы. Та биографическая, даже автобиографическая правдивость, которая сразу определяет доверие читателей к художнику и его писаниям, составляет их единственную подпочву. Литературное мастерство, богатый и красочный язык и даже самая

---

[138] *Лелевич Г.* Указ. соч. С. 88.
[139] *Бенни Як.* И. Бабель // Печать и революция. 1924. № 3. С. 135.
[140] Там же. С. 135–136.
[141] Там же. С. 136.

выдумка вырастают на основе этой биографической правды так же естественно, как трава и цветы – на лугу. Постоянное – и особенно напряженное во время революции – противоречие, разрывающее художника и жизнь, разрешается Бабелем просто ощущением заложенной в искусстве неизбежности и целесообразности»[142].

Я.М. Шафир в очерке о «Конармии» отталкивается от наличия противоречивых «чувств и стремлений», характерных для постреволюционной эпохи, и от антитезы «жестокость–любовь». «Жестокость к ближнему 〈…〉 во имя “любви к дальнему”» – в этом, по его мнению, заключается «особенность, специфичность революционера», а в «кажущемся противоречии 〈…〉 создается синтез террора и коммунизма»:

«Под этим углом зрения И. Бабель изображает нам “Конармию”. Прежде всего это сказывается в языке, в сочетании эпитетов. Курдюков (“Письмо”) говорит про *родную беспощадную* газету “Красный кавалерист”, “Троцкий есть *отчаянный* сын тамбовского губернатора 〈…〉”

Но больше всего это сказывается в содержании этих рассказов. “Письмо” рассказывает об убийстве отцом сына и убийстве отца сыном. Кошмарнее 〈…〉 страшнее как будто трудно и придумать 〈…〉 А читается *легко*, воспринимается как должное, как героическое, нормальное 〈…〉 как слишком человеческое»[143].

Тему жестокости в произведениях Бабеля подхватывает В.Г. Вешнев – в статье, посвященной «Конармии» и «Одесским рассказам». Несмотря на название – «Поэзия бандитизма» – и некоторую тенденциозность, статья содержит ряд довольно интересных замечаний. Соглашаясь с основными выводами Шафира, Вешнев говорит о том, что «Бабель преимущественно изображает случаи величайшей жестокости нашей гражданской войны. Но эти жестокости освещены полным оправданием тех, кто их совершает»[144].

А начинает он статью с оценки Бабеля как мастера слова: «Бабель – искуснейший новеллист. Его новелла всегда заострена пикантным сюжетом, почти всегда жестоким. Сюжет исчерпывающе развит в крайне ограниченной, строго очерченной словесной рамке 〈…〉 Жестокое содержание воспринимается легко, ибо оно прошито либо иронией, либо тонкой поэтической идеализацией. Оно всегда, кроме того, окантовано вычурным пейзажем, вычурность которого не всегда даже чувствуется, вследствие уменья экономить краски и своеобразного пользования стилевыми средствами»[145].

Затем критик останавливается на специфике реализма писателя:

---

[142] *Бенни Як.* Указ. соч. С. 136.
[143] *Шафир Я.М.* Любовь к дальнему: («Конармия» И. Бабеля) // Журналист. 1924. № 10. С. 30.
[144] *Вешнев В.Г.* Поэзия бандитизма: (И. Бабель) // Молодая гвардия. 1924. № 7–8. С. 277.
[145] Там же. С. 274.

«Бабель – реалист. Но "реализмы" бывают всякие. Во-первых, Бабель предпочитает писать о том, что он сам видел и во что "вчувствовался" ⟨...⟩ во-вторых, он заботится при передаче, чтобы материал не был бы искривлен и попорчен, чтобы дух его оставался девственным и непосредственным. Поэтому он часто прибегает к точности протокола и сохраняет не только типичность, но и специфичность языка персонажей.

Но дальше следуют оговорки. При всем своем реализме он отдает дань субъективности. Это выражается в выборе фабулы, эпизодов, фактов. Материал он развертывает перед собой, как товар, и рассматривает его, выбирает долго, как любитель. И, как любитель, обрабатывает его. Остальной, оставшийся после выбора, утаивает не только от читателя, но и от самого себя ⟨...⟩

Чувствуется присутствие выдумки. Но ее трудно раскрыть: она хитро завуалирована. Она вставлена в гущу фактов, в подлинности которых не сомневаешься, благодаря точности описания, благодаря тому, что сам материал своеобразно легендарен ⟨...⟩ Там вымыслу веришь, как правде, и правда предстоит как вымысел ⟨...⟩

Кроме оригинальности литературно-реалистического воплощения, есть новизна и в пользовании пейзажем. Он служит автору поводом для упражнения в словесном мастерстве. Вот почему он иногда кажется искусственным и приторным, иногда картинкой, наклеенной среди текста. Пейзаж у него никогда не теряется, всегда очеркнут своей выписанностью и, если бы он не был в то же самое время лирически напевным, то он казался бы и лишним, и претенциозным. Но он таким не кажется. Любитель слова готов признать в пейзаже Бабеля мужественную виртуозность языковой образности ⟨...⟩

Бабель любит описывать вещи. Но, склонный к реализму, он не интересуется "вещью в себе", не проникает внутрь ее. У него почти отсутствует наряду с этим так называемый психологизм. Он не заподозривает собственного внешнего свидетельства вещи. Описывая ее, даже безобразную, он украшает ее словами и пользуется ею так же, как и пейзажем, для словесного управления ⟨...⟩ В динамике сюжета вещи, вследствие такого их описательного выдвижения, запоминаются четко и играют как бы самодовлеющую роль ⟨...⟩

Бабель иногда достигает самого трудного – придать слову свежесть, осеребрить его стертость. Он поставит его так, что оно сверкает новизной и непосредственностью. В особенности свежестью отличаются его эпитеты ⟨...⟩

Бабель – явление литературно-серьезное. Он вызывает читателя на содержательное и серьезное размышление»[146].

Г.Е. Горбачев обстоятельно рассматривает творчество Бабеля с двух ракурсов – с точки зрения формы, главным образом стиля и композиции, и с точки зрения тематики и мироощущения. Критик подробно говорит о языковом новаторстве

---

[146] *Вешнев В.Г.* Указ. соч. С. 274–277.

писателя: «Бабель, действительно, прекрасно чувствует и художественно претворяет различные диалекты и жаргоны живого русского языка. В передаче Бабеля на фоне утрированного часто до пародии литературного приподнято-романтического языка великолепно ощущаются: язык крестьянски-солдатский с внедренными в него элементами традиционно-торжественного (“поклон от бела лица до сырой земли”) или сказочного (“я там был, самогон-пиво пил”) народного стиля и вульгаризованного газетно-митингового жаргона (“Письмо”, “Соль”, “Тимошенко и Мельников”); одесский полублатной жаргон налетчиков-евреев; речь талмудистов западного края; переработанная мещанским бытом города крестьянская речь с искаженными отражениями языка церковной поэзии, бульварно-трактирного говора и обыденного интеллигентского жаргона…»[147]

Горбачев замечает, что «искусство всегда более концентрированно и ярко показывает специфическое, чем любой кусок отражаемого им бытия»[148]. Для подтверждения своей мысли критик выбирает наиболее характерные примеры. «Рассказ Балмашева (“Соль”), – пишет он, – понятен насквозь, но языковое мышление этого сознательного буденновского взводного из кубанских землеробов, когда он пишет корреспонденцию в газету, стараясь блеснуть своим стилем, дано с исчерпывающей полнотой и убедительностью. Дано оно чередованием характерных вторжений в его письмо элементов различных языковых стихий (“звезды-каганцы”, “капитал мешочников”, “кланяюсь вам, взвод”, “трудящаяся мать республики”, “белый генерал с вострой шашкой на тысячном коне”, “Балмашев, солдат революции”)»[149].

Критик приходит к выводу:

«Заслуга Бабеля ⟨…⟩ заключается в том, что он ⟨…⟩ показал пример обращения с новыми диалектическими элементами нового слагающегося языка. Этим Бабель ответил на выдвинутую жизнью потребность ⟨…⟩

Умение схватывать дух языка дает Бабелю возможность через специфические особенности последнего лучше, чем через описания действий или рассуждения, передавать психику своих героев ⟨…⟩

Работа Бабеля над языком служит познанию жизни, развитию техники, художественной выразительности, делу творчества языковой культуры…»[150]

Горбачев говорит о Бабеле как о мастере оригинальной композиции и о жанровом своеобразии его прозы: «Новеллу Бабеля характеризуют: чрезвычайная насыщенность эмоциональным, идейным и сюжетным содержанием, представляющим собою или довольно полную характеристику героя через его письмо, рассказ кого-нибудь об его деяниях, или же представляющим собою повество-

---

[147] *Горбачев Г.Е.* Указ. соч. С. 272.
[148] Там же. С. 274.
[149] Там же.
[150] Там же. С. 274–275.

вание об анекдотически-сконцентрированном и характерном случае, в котором несколько героев выявили основные черты свои и своей среды. Реже новелла Бабеля представляет собою как бы беспорядочный и незначительный отрывок из дневника или лирический и резонерский диалог, но в этих случаях бездейственностью видимого содержания подчеркивается значительность и драматичность происходящих рядом и в то же время событий»[151]. «В краткой форме бабелевских новелл ⟨…⟩ вмещается обычно большое содержание»[152], – резюмирует критик.

Наряду с этим он отмечает, что для Бабеля характерно стремление «рассказать непременно необыкновенную историю, описать необыкновенного человека», показать «сочетание в одном лице, группе, акте противоположных свойств», «парадоксальность бытия»[153].

По Горбачеву, однако, творчество Бабеля неприемлемо для пролетариата «по "содержанию", по материалу, восприятию и претворению его, по идеологии», из-за «пассивно-эстетского, скептически-анекдотического подхода» к действительности[154].

В то же время критик писал: «Тов. Буденный напрасно обиделся на Бабеля: случаи, описанные Бабелем, могли быть и были характерны для известной части конармии: буденновцы не были монахами, коммунистам и политработникам не легко приходилось порою в частях Буденного, не вся армия Буденного питалась одним казенным пайком. Это мы все знаем, и скрывать не видим ни возможности, ни надобности. Бабель не мог и не хотел изобразить конармию в целом под коммунистическим руководством: из такой попытки у него ничего бы и не вышло. Бабель изобразил конармию сзади и сбоку, но и это полезно знать; изобразил сквозь свои "очки" и все же сделал понятной частицу сути конармии»[155].

А далее идет в чем-то верная, но в чем-то далеко не бесспорная характеристика автора и героя-повествователя «Конармии»: «…из "Конармии" мы больше всего узнаем о писателе Бабеле, рассказчике и почти постоянном герое "конармейских" новелл, об интеллигенте, давно разочаровавшемся в старых ценностях, скептически отвергшем старые идеологии, любящем необычные положения, яркие проявления жизни, прекрасные, странные и смешные, но обязательно яркие, об авантюристе и любителе "острого", цинике и эстете. Он принял нас и не принял белых и потому, что за нас жизнь, с нами свежесть, сила и молодость, у нас нет старых предрассудков, мы терпимее и шире, и потому, что он с нами оказался в гражданской войне, с нами связал свою судьбу и к нам привык»[156].

---

[151] *Горбачев Г.Е.* Указ. соч. С. 275–276.
[152] Там же. С. 277.
[153] Там же. С. 280.
[154] Там же. С. 278, 285.
[155] Там же. С. 282.
[156] Там же.

В 1925 г. с «Литературными заметками» в «Правде» выступил Н. Осинский (В.В. Оболенский), экономист, государственный и партийный деятель, публицист, но не профессиональный литературный критик. Он считал, что Бабель «раздвоенный интеллигент, но талантливый и добросовестный художник»[157], однако тут же, противореча себе, подверг сомнениям оригинальность его дара, полагая, что «коммунистические поклонники» писателя просто отдают дань современной моде[158], и далее, имея в виду название одного из конармейских рассказов, призывал: «Давайте нам улучшенную, просушенную “Соль”»[159].

А. Лежнев в 1925 г. проследил эволюцию критических оценок произведений Бабеля в течение одного года: «*Начало 1924 г.*: “Соль” и “Письмо” – образцы истинно-революционных произведений. Бабель – замечательный художник. *Лето того же года* – под влиянием Воронского Бабель начинает усиленно выявлять свое дряблое, интеллигентское нутро. Художник он недурной, но с большими недостатками. Сладко поет, да где-то сядет?.. *Осень того же года* – Бабель – декадент, клеветник и пасквилянт. Он грязнит и порочит революцию. У него разнузданное воображение, направленное исключительно в сторону “жеребятины” и женских мяс. Пора предостеречь читателя от этого дегенерата и сомнительного художника! Кстати, хорош и Воронский!»[160]

За последними словами легко угадывается заметка Буденного, направленная против Бабеля и редактора «Красной нови». Лежнев, в свою очередь, настаивает на том, «что никакой пропасти между “Солью” и “Письмом” (напечатанными в “Лефе”. – *Е.П.*) и позднейшими рассказами Бабеля (напечатанными в “Красной нови”. – *Е.П.*) – нет, что “Конармия” представляет собой одно целое, проникнутое одним общим настроением, что никакой заметной эволюции взглядов и симпатий Бабеля за короткий срок в несколько месяцев 〈…〉 не произошло»[161]. Защищая писателя от поспешных выводов критики, отмечая его самобытность, Лежнев продолжал:

«Батальный живописец никогда не получится из Бабеля. Помнится, на каком-то диспуте один из выступавших ораторов упрекал Бабеля за то, что он никогда не изображает моменты сражений, представляющих такой благодарный материал для выявления революционного энтузиазма. Да, этот “недостаток” у Бабеля есть. Он редко (не никогда, а редко) изображает моменты сражений. Одним из наших критиков было уже указано, и совершенно справедливо, что Бабеля интересуют больше будни, изнанка войны. Этим он напоминает Л. Толстого. И если понимать революционность в смысле непременного зарисовыва-

---

[157] *Осинский Н.* Литературные заметки // Правда. 1925. 28 июля. С. 3.
[158] Там же. С. 4.
[159] Там же. С. 5.
[160] *Лежнев А.* Литературные заметки // Печать и революция. 1925. № 4. С. 149.
[161] Там же. С. 149–150.

ния батальных сцен 〈…〉 то Бабель, конечно, не революционен. Но мы отнюдь не думаем, что такое понимание было правильным.

Мы ценим в Бабеле талантливого и добросовестного художника, одного из лучших стилистов в русской литературе, писателя, умеющего видеть мир по-своему и достаточно искреннего, чтобы оставаться самим собой»[162].

Г.В. Якубовский начинает свой очерк о Бабеле сравнением его прозы с поэзией: «Бабель – поэт. Его пряные, изысканно-стильные, музыкальные миниатюры воспринимаются как стихи. Не только по форме, но и по содержанию 〈…〉 Бабель тем и силен, что он воспринимает жизнь по-своему, он оригинален и ни на кого не похож. Такое своеобразие, такую необычность привыкли чаще встречать в поэте, нежели в прозаике»[163].

Нельзя не отметить, что пролетарский критик Якубовский характеризует творчество Бабеля почти исключительно с эстетической точки зрения и оценивает «Конармию» только с положительной стороны. Проза Бабеля, по его мнению, «сгущенная, лаконическая, концентрированная, сверкает меткими образами, убеждающими, вопреки причудливости и неожиданности определений и сравнений. Словесная скупость доведена у Бабеля до высоких пределов, изобличая в нем подлинного мастера, который не станет зря изводить материал»[164]. Критик находит во фразах Бабеля «*соединение противоречий*, удачные словесные решения сложной психологической задачи, точные диалектические формулы»: «Живая действительность, ее цветистая ткань противоречий заключается в словесно сжатое определение, овеществляется 〈…〉 Художественная новизна Бабеля заключается в том, что он ясно поставил задачу и дал первые правильные решения ее – дал образцы *диалектической формы*»[165].

Якубовский считает, что «быт войны придал особенную остроту мировосприятию художника»[166], и завершает свой очерк о Бабеле так:

«Картины из жизни конармии – это большей частью этюды, удачно схваченные, полные тех необычайных положений и неожиданностей, бытовых причуд, какими была полна классовая война. Их ценность в том, что художник заставляет читателя остро почувствовать боевую обстановку, быт и закон войны, неумолимой, как судьба.

Искусство И. Бабеля высокое, как будто художник живет на высокой узкой горе и оттуда наблюдает жизнь. Если классики художественной прозы похожи на большие полноводные реки, медленно катящие могучие волны, проза Бабеля

---

[162] *Лежнев А.* Литературные заметки. С. 150.

[163] *Якубовский Г.В.* Искусство И. Бабеля // Прожектор. 1925. № 19 (65). С. 22.

[164] Там же.

[165] Там же.

[166] Там же.

напоминает горный ручей – водопад, холодный, сверкающий, звонкий, серебряный»[167].

В небольшой заметке, появившейся в газете «Правда» после выхода отдельного издания «Конармии», П. Ионов говорит о Бабеле как о большом мастере, но «с гнилой душой эпигонствующего интеллигента»:

«Разочарованный и пресыщенный эстет, Бабель ищет необычного и острого, иначе жизнь кажется скучной и нудной и не вызывает ответных движений.

Лишь в этом пункте нашел соприкосновение с революцией Бабель-художник 〈…〉

От мировоззрения Бабеля, одного из крупнейших, талантливейших современных писателей, пахнет тлением, как от полуразрушенной раки св. Валента 〈…〉

Дальнейший рост Бабеля-художника возможен лишь при условии окончательного освобождения от мертвой правды истлевших талмудов»[168].

Отдельную статью посвятил выходу первого издания «Конармии» и А. Лежнев. «В наше торопливое время, – отмечает критик, – он (Бабель. – *Е.П.*) один соблюдает традиции Флобера и отделывает свою прозу тщательно, как стихи. Их и читаешь как стихи. Невозможно “Конармию” *просматривать*. Ее нельзя пробегать глазами подряд, переходя без остановки от одного рассказа к другому. В нее можно лишь вчитываться – сосредоточенно и медленно, останавливаясь, возвращаясь к прочитанному. И это не потому, чтоб он писал тяжеловесно или запутанно: среди современных прозаиков он наиболее ясный и четкий; он – мастер отчетливой прозы французской складки, но потому, что его произведения насыщены до предела. Рассказы Бабеля можно перечитывать и два, и три, и четыре раза – и каждый раз вы находите нечто новое, незамеченное прежде, – а это можно сказать про очень немногих писателей-современников»[169].

Лежнев пытается отвлечься от всего уже написанного о Бабеле, хотя писатель, по его словам, «получил если не хорошую, то толковую прессу»: «О нем сказали много умного, тонкого и верного и Горбачев, и Шкловский, и Вешнев»[170]. Но далее критик делает важнейшее замечание: «Но его слишком поторопились расценить, слишком поторопились вынести окончательное суждение. Оттого-то его и схематизировали – каждый по-своему (больше всех схематизировал Шкловский). Живой Бабель в эти схемы не вмещается целиком»[171].

---

[167] *Якубовский Г.В.* Указ. соч. С. 23.
[168] Правда. 1926. 27 июня. С. 7.
[169] *Лежнев А.* И. Бабель: (Заметки к выходу «Конармии») // Печать и революция. 1926. № 6. С. 82.
[170] Там же.
[171] Там же.

Оспаривая тезис Горбачева о том, что Бабель «циник и эстет», Лежнев, приведя несколько примеров – из рассказов «Переход через Збруч», «Эскадронный Трунов», «Жизнеописание Павличенки...», «Смерть Долгушова», задается вопросом, кто это написал: «циник или человек, пронзенный, израненный жестокостью», и отвечает на этот вопрос однозначно: «Жестокость для Бабеля – конечно, не острый материал, нужный парадоксалисту и изощренному эстету. В том, что она подчеркивается, и в том, как она подчеркивается, чувствуется оскорбленная, раздавленная колесами истории гуманность. Его кровь – не бутафорская кровь, его изумление и ужас – не прием»[172].

Подразумевая Афоньку, бьющего поклоны убитому коню («Афонька Бида»), и Акинфиева, повалившегося на землю в припадке («Иваны»), критик пишет, что «кликуши и припадочные ⟨...⟩ вносят первые диссонирующие ноты в изображение тупой жестокости, которая, по словам некоторых недостаточно внимательных и объективных читателей Бабеля, единственно характерна для него»[173]. Критик выявляет несколько причин показа подобных явлений в «Конармии»: «Во-первых, чисто бытовое. Неврозы – порожденье войны. Показывая невротиков, Бабель является верным изобразителем действительности. Но это – не главное. Гораздо важнее вот что: моменты припадка позволяют Бабелю с максимальной убедительностью раскрыть подлинный, внутренний пафос его героев. Они являются как бы прорывами в их внутренний мир ⟨...⟩ Тут и веками передававшаяся от поколения к поколению стихия народной песни (припадочные у Бабеля начинают говорить образами и ритмом народных песен), и любовь к тихой станице, и одушевление участника революционной борьбы ⟨...⟩ При полном почти отсутствии психологизма у Бабеля, такие прорывы бывают ему иногда просто необходимы. Они компенсируют недостаток психологизма. Вместе с тем они дают Бабелю возможность ввести новую стилистическую струю: народной песни[174]. Смысл же этого стилистического приема заключается в *героизации*. Бабель героизирует своих героев, он создает вокруг казаков "Конармии" песенно-былинный ореол»[175].

Какими бы различными ни были мнения критиков, с каких бы разных позиций они ни рассматривали творчество Бабеля и его «Конармию», почти все они оставались едиными в высокой оценке его как выдающегося мастера слова и новатора литературного стиля.

---

[172] *Лежнев А.* И. Бабель... С. 83.

[173] Там же. С. 84.

[174] Лежнев делает сноску и уточняет, что «это – только *один из способов* ввести песенный элемент, который у Бабеля вообще довольно силен и просачивается и другими путями» (Там же).

[175] Там же. С. 84–85.

ГОРЬКИЙ ПРОТИВ БУДЕННОГО

Осенью 1928 г. к откликам на «Конармию» в печати присоединился Горький. 30 сентября газеты «Правда» и «Известия» поместили его статью «Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать», в которой он напомнил о заметке Буденного четырехлетней давности. Подчеркивая романтический пафос «Конармии» и сравнивая ее с ранними произведениями Гоголя, Горький писал: «В повести “Тарас Бульба” он (Гоголь. – *Е.П.*) изобразил запорожцев боголюбивыми рыцарями и силачами, которые поднимают врага на пике, хотя древко пики не может выдержать пятипудовую тяжесть, переломится. Вообще таких запорожцев не было, и рассказ Гоголя о них – красивая неправда. Тут ⟨…⟩ Гоголь – романтик ⟨…⟩ Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабеля, – мне кажется, что это сделано напрасно, – сам т. Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев»[176].

Этим фрагментом Горький спровоцировал продолжение полемики вокруг конармейских рассказов: на его статью «Открытым письмом» в «Правде» откликнулся Буденный. Сохранились прежние риторика и пафос, что и в 1924-м, были и дословные повторения, разве что не упоминался опальный в то время Воронский. «Прежде всего, чтобы лучше знать первоисточники “Конармии” Бабеля, – писал Буденный осенью 1928-го, – я должен оговориться, что Бабель никогда не был и не мог быть подлинным и активным бойцом 1-й Конной армии. Мне только известно, что он где-то плелся с частицей глубоких тылов, отягощавших боевую жизнь 1-й Конной армии, – вернее, Бабель был “на задворках” Конармии»[177].

В 1924 г. Бабель публично отвечал Буденному, сосредоточившись, правда, на образе Тимошенко и на том, что лишь по недосмотру оставил в рассказах подлинную фамилию начдива. Писатель оправдывался тем, что поначалу «собрался писать воспоминания о польской кампании», но «в процессе работы ⟨…⟩ отказался от намерения придать им характер исторической достоверности и решил выразить ⟨…⟩ мысли в художественной беллетристической форме»[178].

В 1928 г. в Госиздате вышло уже третье издание «Конармии», и в печати Бабель на новый выпад Буденного никак не отреагировал, зато в письмах о демарше бывшего командарма упоминал не раз. 28 октября он писал из Киева родным в Бельгию: «Сегодня воскресенье, свободный день. Я выспался, напился в “їдальне” превосходного чаю, закусил горбушкой превосходного черного

---

[176] Известия. 1928. 30 сент. С. 3.

[177] *Буденный С.М.* Открытое письмо Максиму Горькому // Правда. 1928. 26 окт. С. 4.

[178] Октябрь. 1924. № 4. С. 223.

хлеба с маслом, прочитал в Правде письмо Буденного Горькому, возвеселился, даже разбух от удовольствия…»[179]

Бабель рассчитывал, что «Открытое письмо» Буденного подогреет читательский интерес к его книге и сделает возможным новое переиздание, о чем 27 октября 1928 г. писал Слоним: «…читайте “Правду”! В каждой цивилизованной стране такая критика стоит нового издания – т.е. 1100 рублей. Жду с надеждой и тайным сладострастием»[180]. А 31-го числа он написал И.Л. Лившицу еще более определенно: «Я думаю, что письмо Буденного должно способствовать расхождению старой доброй Конармии. Поэтому очень прошу тебя справиться на Главном складе (хорошенько справиться) об оставшихся экземплярах 3⟨-го⟩ изд⟨ания⟩ Конармии и 2-го изд⟨ания⟩ Короля. Если Госиздат откажется их переиздать – я немедленно продам эти книги в другое издательство. Я думаю, что такой дар небес, как письмо Буденного, надо всемерно использовать»[181].

Горький возражал Буденному на страницах «Правды» 27 ноября, вновь беря Бабеля под свою защиту и настаивая на праве писателя на вымысел и художественное обобщение:

«Уважаемый товарищ Буденный!

Не могу согласиться с вами в оценке “Конармии” Бабеля и решительно протестую против вашей квалификации этого талантливого писателя.

Вы говорите, что Бабель “плелся где-то с частицей глубоких тылов”. Это не может порочить ни Бабеля, ни его книгу. Для того, чтобы сварить суп, повар не должен сам сидеть в кастрюле. Автор “Войны и мира” лично не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем.

Вы говорите об “эротомании” автора. Я только что прочитал книжку Бабеля еще раз и не нашел в ней признаков этой болезни у автора, но, разумеется, не отрицаю наличия эротических деталей в его очерках. Это так и должно быть: война всегда возбуждает бешеную эротику, об этом говорит нам всякая война. Это подтверждается поведением немцев в Бельгии, русских в Восточной Пруссии. Я склонен считать это естественным – хотя и ненормальным – повышением “инстинкта продолжения рода”, инстинктом жизни у людей, которые стоят лицом к лицу со смертью.

Читатель внимательный, я не нахожу в книге Бабеля ничего “карикатурно-пасквильного”, наоборот: его книга возбудила у меня к бойцам “Конармии” и любовь, и уважение, показав мне их действительно героями, – бесстрашные, они глубоко чувствуют величие своей борьбы. Такого красочного и живого изображения

---

[179] Здесь и далее письма Бабеля родным цитируются по ксерокопиям с автографа, находящимся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США).

[180] *Бабель И.Э.* Соч. Т. 1. С. 289.

[181] *Бабель И.Э.* Письма другу: Из архива И.Л. Лившица / Подгот. текста и коммент. Е.И. Погорельской. М.: Три квадрата. С. 52–53.

единичных бойцов, которое давало бы мне ясное представление о психике всего коллектива, всей массы “Конармии” и помогло бы мне понять силу, которая позволила ей совершить исторический, изумительный ее поход, – я не знаю в русской литературе. Атака французской кавалерии в “Разгроме” Э. Золя показывает только механические движения массы, механический удар ее.

Не соглашусь с вами и в том, что ваши бойцы – “простые, обыкновенные люди”, я не посчитал бы их такими, даже и не зная очерков Бабеля, который талантливо дополнил мое представление о героизме первой за всю историю армии, которая знает, за что она бьется и ради чего будет биться.

Тов. Буденный, разрешите сказать вам, что резким и неоправданным тоном вашего письма вы наносите молодому писателю оскорбление, не заслуженное им. Писателям переходного момента, живущим в сложнейших условиях, в стране, где не меньше 20 миллионов собственников-индивидуалистов и только два миллиона марксистов, из которых, может быть, половина говорит по Марксу так же сознательно, как попугаи по-человечески, – в этих условиях ко всем писателям нашего времени невозможно предъявлять требования строгой идеологической выдержанности. Противоречива наша действительность и к тому же не так поучительна, как прошлое, легко и быстро учившее нас любить и ненавидеть. Писатель – человек, который живет действительностью, пользуясь красками фантазии для того, чтоб, сделав действительность ярче, понятней, возбудить к ней у читателя отношение активной любви или активной ненависти. Не забудьте, что еще не вымерли люди, воспитанные на религиозном отношении к собственности, и что все несчастья, все драмы жизни и все ее мерзости коренятся в инстинкте собственности, который издревле прославлялся как священная основа государства и главнейший источник счастья личности.

В десяток лет невозможно перевоспитать людей, которые воспитывались тысячелетиями в поклонении золоту, деньгам. Но мы, в наших интересах, обязаны относиться бережно и терпимо ко всякому человеку, который способен помочь нам в борьбе против загнивших, но еще крепких устоев проклятой, позорной старины. Бабель – способен. Нас вовсе не так много, чтобы мы могли беззаботно отталкивать от себя талантливых и полезных людей. Вы не правы, тов. Буденный. Вы ошибаетесь. И вы забыли, что к вашим суждениям прислушиваются не только десятки тысяч ваших бойцов. Для правильной и полезной критики необходимо, чтобы критик был объективен и внимателен к молодым литературным силам.

С полным уважением к вам
М. ГОРЬКИЙ»[182].

---

[182] *Горький М.* Ответ С. Буденному // Правда. 1928. 27 нояб. С. 5.

Бабель отозвался на статью Горького в письме Слоним 29 ноября 1928 г.: «Номера “Правды” с письмом Буденного у меня, к сожалению, нету. Не держу у себя дома таких вонючих документов. Прочитайте ответ Горького. По-моему, он слишком мягко отвечает на этот документ, полный зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма»[183]. В тот же день написал матери: «Может, до тебя дойдет Правда с ответом Горького Буденному. Грустно, что надо тратить бумагу на объяснение таких простых истин».

Окончание письма в черновике Горького было более жестким: «Въехав в литературу на коне и с высоты коня критикуя ее, Вы уподобляете себя тем бесшабашным и безответственным критикам, которые разъезжают в телегах плохо усвоенной теории, а для правильной и полезной критики необходимо, чтоб критик был или культурно выше литератора или, по крайней мере, – стоял на одном уровне с ним»[184].

В ноябре 1929 г. Вс.В. Вишневский закончил пьесу «Первая Конная», которую он расценивал как ответ Бабелю. Пьеса вышла отдельной книгой в издательстве «Федерация» в начале 1930 г. Предисловие, помеченное декабрем 1929 г., подписано Буденным. В нем вновь содержались выпады против Бабеля:

«Мне хочется указать на то, что только пулеметчик Вишневский, товарищ Вишневский, боец Первой конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь – нашу вещь – конармейскую. Без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса, без бабелевского “обозного” вдохновения боец рассказал о бойцах, герой – о героях, конармеец – о конармейцах 〈…〉

Вишневский не только знает, больше того, он понимает Первую конную, и поэтому нарисованная им картина смерти политрука на польском фронте глубоко символична и при всей своей простоте заслоняет в литературе вымученную “Смерть Долгушева” 〈sic!〉»[185].

В таком виде текст предисловия повторялся в изданиях пьесы вплоть до конца 1930-х годов[186]. С 1939 г., после ареста Бабеля, в изданиях «Первой Конной» упреков в его адрес уже не было[187]: видимо, упоминание имени Бабеля оказалось нежелательным даже в негативном контексте.

---

[183] *Бабель И.Э.* Соч. Т. 1. С. 291.

[184] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 18: Письма. Июнь 1928 – март 1929. М.: Наука, 2016. С. 443. В примечании к письму говорится, что «члены редколлегии “Правды” А.Б. Халатов и Г.И. Крумин обратились с Горькому с просьбой изменить последний абзац, который мог быть воспринят адресатом как “личное оскорбление”» (Там же. С. 443).

[185] *Буденный С.М.* [Предисловие] // Вишневский Вс.В. Первая конная. М.: Федерация, 1930. С. 5.

[186] *Вишневский Вс.В.* Первая Конная / Предисл. С. Буденного. М.; Л.: Гослитиздат, 1931. С. 5–6; *Он же.* Поиски трагедии: Драматические произведения / Предисл. С. Буденного к «Первой Конной». [М.]: Худож. лит., 1934. С. 19–20.

[187] См.: *Вишневский Вс.В.* Первая Конная: Пьеса / Предисл. С. Буденного. М.: Искусство, 1939 (стеклографическое издание); *Он же.* Первая Конная. Оптимистическая трагедия. У стен Ленинграда / Предисл. С. Буденного. М.: Искусство, 1949; *Он же.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1: Пьесы. М.: ГИХЛ, 1954 (Предисл. С. Буденного к «Первой Конной». С. 83–84).

23 марта 1930 г. Вишневский послал Горькому свою пьесу с дарственной надписью: «Максиму Горькому – рассказ бойца о подлинной Конармии на память»[188]. Посылку книги он сопроводил письмом:

«Вы участник значительного спора о "Конармии" Бабеля. Моя книга – книга рядового буденновца, до известной степени ответ Бабелю 〈…〉

Я бы хотел, чтобы вы могли глубоко вникнуть в то, что вырвалось у меня из сердца, и сказать – насколько удачна вещь и прав ли был Бабель, когда односторонне, искривленно показал нас, буденновцев.

Я 16 лет на военной (морской) службе – и написал только то, что видел и перенес. Имена в книге настоящие, факты тоже. Все сказано: как бились, как погибали, как делали погромы и как искупали вину. Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлен, испуган, когда попал к нам, и это странно-болезненное впечатление интеллигента от нас отразилось в его "Конармии".

Буденный мог оскорбиться и негодовать. Мы, б〈ывшие〉 рядовые бойцы, тоже. Не то, не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на польском фронте. Да и то не всю ее, а *осколки*.

Верьте бойцу – не такой была наша Конная, как показал Бабель»[189].

Как бы предвидя подобные упреки, Бабель намного раньше отвечал на них – не в печати, а во время первой встречи с Д.А. Фурмановым, 17 декабря 1924 г.: «Что я видел у Буденного – то и дал. А видал много страшного: рубку пленных. Она так часто практиковалась, что с глаз у меня нейдет. Вижу, что не дал я там вовсе политработника, не дал вообще многого о Кр〈асной〉 армии – дам, если сумею, дальше. Но уж не так оно у меня выходит солоно, как то, что дал. Каждому, видно, свое»[190].

Горький же в 1930 г. отвечал Вишневскому, в очередной раз защищая Бабеля и отстаивая свой взгляд на «Конармию» и на задачи художественной литературы:

«Пьесу Вашу, т. Вишневский, я уже прочитал раньше, чем вы прислали мне ее. Хотел написать вам – поздравить: вы написали хорошую вещь 〈…〉 Пьеса очень понравилась мне 〈…〉 "Литературный анализ" вам даст критика, а я – плохой критик и вам – не помощь.

Могу, однако, сказать, что никакого "ответа Бабелю" в пьесе Вашей – нет, – и хороша она именно тем, что написана в повышенном, "героическом" тоне, так же, как "Конармия" Бабеля, как "Тарас Бульба" Гоголя, "Чайковский" Гребенки. Бабеля – плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как Ваша "Первая конная" и "Конармия", нельзя критиковать с высоты коня»[191].

---

[188] Литературное наследство. Т. 70. С. 47.
[189] Там же. С. 46–47.
[190] ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 2.
[191] Литературное наследство. Т. 70. С. 48.

Трудно не согласиться с образным высказыванием Горького о кастрюле и поваре из «Ответа С. Буденному», но в то же время нельзя не сказать о том, что, в отличие от Льва Толстого и Гоголя, Бабель был очевидцем и участником тех событий, которым посвящена «Конармия».

Из дневника Бабеля, фактическая сторона которого нередко совпадает со свидетельствами его главных оппонентов – с мемуарами Буденного и дневником Орловского, из выявленных в последнее время документов стало понятно, что писатель был более активным участником Первой конной, чем считалось раньше. В том-то и состоит мастерство Бабеля, что он сумел создать свой неповторимый художественный мир на основе настоящей жизни и подлинных событий. И вместе с тем на страницах его рассказов гораздо больше исторической правды, чем об этом думали даже поклонники «Конармии».

Когда-то, в конце 1924 г., в беседе с Фурмановым Бабель напророчил себе: «Я туго пишу. И, верно, я человек всего двух-трех книжек! Больше едва ли сумею и успею»[192]. По сути, так оно и случилось. Но «Конармия» остается не только центральной книгой в творчестве Бабеля, она занимает место в ряду лучших произведений русской и мировой литературы XX века.

---

[192] ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 1.

Е.И. Погорельская

«КОНАРМИЯ»: ИСТОРИЯ ТЕКСТА. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

Литературным памятником, несомненно, является первое издание книги: именно в 1926 г. отдельные рассказы конармейского цикла, публиковавшиеся в газетах и журналах, не просто были собраны под одной обложкой, но составленная из разных звеньев «Конармия» превратилась в целостное, единое произведение.

В периодике раньше других был напечатан рассказ «Письмо» – 11 февраля 1923 г., в «Известиях Одесского губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета». Затем на страницах той же газеты, как было обещано в редакционном примечании к «Письму», появились новеллы: «Костел в Новограде» (18 февраля); «Учение о тачанке», «Кладбище в Козине» и «Грищук» (23 февраля). В 1923–1924 гг. их публикация в одесских «Известиях» и приложениях к ним была продолжена. Однако с самого начала Бабелем была задумана книга. «Напечатал для денег в местных Известиях несколько пакостных отрывков, пакостных уже просто потому, что они отрывки»[1], – писал он И.Л. Лившицу 17 апреля 1923 г. «Получил предложения об издании книги от Ингулова, Полянского, Нарбута, – продолжал он то же письмо. – Решение всех этих дел отложил до осени. Осенью приеду в Москву»[2]. (В Москву Бабель попал раньше – в мае или июне, именно тогда он передал Маяковскому для «Лефа» свои новеллы.) С конца 1923 г. рассказы, вошедшие впоследствии в «Конармию», печатались на страницах московских журналов. И в Одессе, и в Москве бо́льшая их часть выходила под рубрикой или с подзаголовком «Из книги “Конармия”». 13 марта 1926 г., почти накануне выхода отдельного издания, в ленинградской «Красной газете» с подзаголовком «Неизданная глава из книги “Конармия”» была опубликована «Измена».

Выход «Конармии» планировался в Госиздате еще в 1924 г., а первым ее редактором стал Д.А. Фурманов. 6 декабря 1924 г. Бабель писал ему: «Очередной припадок графомании держит меня в Сергиевском плену[3] – вырваться никак не могу. Не сетуйте на меня за промедление с “Конармией”. От промедления этого произойдет польза всем трем договаривающимся сторонам – т.е. Госиздату,

---

[1] *Бабель И.Э.* Письма другу: Из архива И.Л. Лившица. М.: Три квадрата, 2007. С. 15.
[2] Там же. С. 16.
[3] Переехав из Одессы, Бабель некоторое время жил в Сергиевом Посаде (тогда – Сергиево) под Москвой.

рукописи, мне. Я рукопись все еще подправляю, кроме задичавших казаков там появились и смирные люди, это меня радует»[4]. 17 декабря Фурманов отметил в дневнике: «Порешили, что до 15 января он даст мне всю книгу. А дело с ней так: глав до 20-ти в общем написано, напечатано; 20 – написано, но не напечатано, эти просто будут звеньями, цементом для других. 10 пишутся – эти главы большие, серьезные, в них будет положительное о коннице, они должны восполнить будут пробел… Всего 50 глав»[5].

Пассаж о десяти больших и серьезных главах, в которых будет «положительное о коннице», видимо, навсегда останется загадкой, тем более что речь шла всего лишь о месячном сроке. Предполагал ли Бабель на самом деле писать эти главы или с его стороны это был всего-навсего тактический ход, неясно. Более вероятным представляется второй вариант. Непонятно также, что имел в виду Бабель, когда говорил про двадцать напечатанных и двадцать ненапечатанных глав. К моменту его встречи с Фурмановым из вошедших в состав книги 34 рассказов неопубликованными оставалось только пять: «Жизнеописание Павличенки…», «Вечер», «Эскадронный Трунов», «Измена» и «Песня». Таким образом, из основного корпуса «Конармии» напечатано было к тому времени 29 новелл.

Обещания сдать рукопись в середине января Бабель не выполнил: выход книги задержался еще на полтора года. Спустя 11 месяцев после первого разговора с Фурмановым, 16 ноября 1925 г., Бабель сообщал сестре, Марии Эммануиловне: «С Конармией я медлю, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ не соглашаюсь на некоторые купюры».

Только в начале 1926 г. работа над книгой была в основном закончена, о чем можно судить по письму Бабеля Фурманову от 4 февраля: «Посылаю Конармию в исправленном виде. Я перенумеровал главы и изменил названия некоторых рассказов. Все твои указания принял к руководству и исполнению, изменения не коснулись только Павличенки и Истории одной лошади. Мне не приходит в голову, чем можно заменить “обвиняемые” фразы. Хорошо бы оставить их в “первобытном состоянии”. Уверяю тебя, Дмитрий Андреич, никто за это к нам не придерется. Опасные места я выбросил даже сверх нормы, напр., в Чесниках и проч. ⟨…⟩ Был бы очень рад, если бы Конармию удалось издать в небольшом формате, обязательно небольшом, шрифт пореже, поля побольше и каждый рассказ с новой страницы»[6].

Из этого письма можно заключить, что существовала первоначальная композиция книги, отличавшаяся от той, которая нам известна сегодня. Перестановка глав была, очевидно, сделана автором «Конармии» не по указанию Фур-

---

[4] ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 3. Ед. хр. 61. Л. 1.

[5] *Фурманов Д.А.* Соч.: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1971. Т. 2. С. 243.

[6] ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 3. Ед. хр. 61. Л. 4.

манова, а по собственной воле. Каковы были перестановки, неизвестно, но композиция оставалась неизменной. Лишь в 1933 г. завершающим рассказом стал «Аргамак», опубликованный годом раньше в «Новом мире».

Какие изменения внес Бабель в рассказы по сравнению с газетными и журнальными публикациями, в частности о каких исправлениях могла идти речь в письме Фурманову?

Были заменены подлинные имена на вымышленные: Тимошенко стал Савицким, Апанасенко – Павличенко, Мельников – Хлебниковым, Гришин – Алмазовым, Винокуров – Виноградовым. Но многим персонажам Бабель оставил их подлинные фамилии: «опальный начдив четыре» Корочаев (правильно – Коротчаев), комбриги Колесников и Книга, политкомиссар Конкин, начальник конзапаса Дьяков, казак Прищепа, командир эскадрона Воробьев. Не мог, конечно же, автор не оставить имена Буденного и Ворошилова, иначе исчезла бы аура исторической достоверности произведения.

Были заменены названия некоторых рассказов: «Дьяков» – на «Начальник конзапаса», «Сидоров» – на «Солнце Италии», «Колесников» – на «Комбриг 2», «Тимошенко и Мельников» – на «История одной лошади» и «Продолжение истории одной лошади», «Галин» – на «Вечер», «Шевелев» – на «Вдова» и «Вечер» – на «Песня». За исключением «Песни», изменения коснулись тех рассказов, которые были названы фамилиями людей. (Новелла «Песня», в свою очередь, была так озаглавлена из-за присвоения названия «Вечер» рассказу «Галин», к тому же слово «песня» лучше соотносится с содержанием и основным пафосом именно данной новеллы.)

К подцензурным купюрам первого издания можно отнести, например, изъятие слов «очень убийственное»[7] про одесское Чека из письма анархиста Сидорова («Солнце Италии»). В словах квартирьера в рассказе «Мой первый гусь» правке подвергся фрагмент о том, как можно было бы Лютову заслужить уважение бойцов: «А builограбь вы мало-мало или испорть даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...»[8] Были выброшены слова: «А пограбь вы мало-мало...», и осталось только: «А испорть вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...» В рассказе «Чесники», который Бабель упомянул в письме Фурманову, смягчено описание Ворошилова. В журнальной публикации было: «– Волыним, начдив шесть, волыним, – повторил Ворошилов, захохотал и разорвал на себе ремни»[9]; в книжной версии осталось: «...сказал Ворошилов и рванул на себе ремни». В этом же рассказе были изъяты фразы: «...потом

[7] *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 10.
[8] Леф. 1924. № 1. С. 49.
[9] *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 23.

он [Ворошилов] обернулся к Буденному и выстрелил в воздух»[10], «Ворошилов стоял на холмике и стрелял из маузера»[11].

25 июня 1925 г. Бабель писал Горькому: «В начале нынешнего года – после полуторагодовой работы – я усомнился в своих писаниях. Я нашел в них вычурность и цветистость»[12].

Работая над книгой, Бабель поправлял многие тексты, делая их более сжатыми и стилистически более простыми. Сохранилась вырезка из одесских «Известий» с рассказом «Костел в Новограде» с авторской пометой: «проще»[13].

В первом рассказе, «Переход через Збруч», ушло избыточное сравнение Волыни с уснувшей кошкой («Тихая Волынь изгибается, как уснувшая кошка…»[14]), ведь и без того вся фраза насыщена метафорами: «Тихая Волынь изгибается, Волынь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля».

Значительное число исправлений внесено в рассказ «Костел в Новограде». В газетной публикации был, например, такой отрывок:

«В отлакированных и красных шкапах я вижу золотое тиснение фолиантов: Краков, 1920. В них певучие повести о Болеславе Храбром, о кипучем меде старой Польши, и гимны последнему ее воскресению, и осанна ясновельможному и пресветлому начальнику панства Иозефу Пильсудскому, многие хвалы, напечатанные на шуршащей, на свежей, как сливочное масло, бумаге.

И вот ночь, и я раскидываю вещевой тюфяк в храме, оставленном священнослужителем»[15].

В книге этот фрагмент стал более отточенным и кратким: «Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову фолианты, в которых напечатана осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику Панства Иозефу Пильсудскому».

Или другой пример из того же рассказа. В газетной публикации: «Черепа, оказавшиеся резьбой церковного катафалка, не пугают меня больше, и все вместе мы продолжаем обыск, потому что это был обыск и обшаривание мощей, предпринятое после того, как в квартире ксендза были найдены груды зимнего военного обмундирования»[16]. В книге лаконичнее: «Черепа, оказавшиеся резьбой церковного катафалка, не пугают меня больше, и все вместе мы продолжаем обыск, потому что это был обыск, начатый после того как в квартире ксендза были найдены груды военного обмундирования».

---

[10] *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 23.
[11] Там же. С. 26.
[12] *Бабель И.Э.* Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 242.
[13] РГАЛИ. Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 13.
[14] Правда. 1924. 3 авг. С. 4.
[15] *ОИ.* 1923. 18 февр. С. 5.
[16] Там же.

Сокращению и стилистической обработке подвергся фрагмент из рассказа «Пан Аполек». В журнале «Красная новь» и в огоньковском сборнике «Рассказы» 1925 г. было: «– Мои деньги! – вскричал Шмерель, когда увидел портрет своей жены. Но постояльцы были уже далеко. Шмерель схватил палку и пустился в погоню. Но по дороге он вспомнил вдруг розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце у него на дворике, и тихий звон гармонии. И Шмерель смутился духом и, отложив палку, вернулся к себе домой»[17]. А вот каким этот фрагмент стал в книге: «– Мои деньги! – вскричал Шмерель, увидев портрет жены. Он схватил палку и пустился за постояльцами в погоню. Но по дороге Шмерель вспомнил розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце на своем дворике, и тихий звон гармоники. Корчмарь смутился духом и, отложив палку, вернулся домой».

В рассказе «Путь в Броды» во всех версиях, предшествующих отдельному изданию, можно было прочитать: «Вчера был клейменный день первого побоища под Бродами»[18]. В книге автор убрал избыточный и немотивированный эпитет «клейменный». Устранил он и эпитет-гиперболу «неописуемые» при слове «испражнения» в рассказе «Иваны»: в первой публикации поле «было усеяно неописуемыми испражнениями»[19].

Значительному сокращению подвергся фрагмент рассказа «Комбриг 2» («Колесников). В «Лефе» было:

«– Есть, – ответил Буденный.

И в это мгновение польский снаряд стал чертить над нами свой завывающий полет.

– Идут рысью, – сказал наблюдатель.

– Есть, – ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза.

Ура, едва слышное, удалялось от нас, как нежная песнь.

– Идут карьером, – сказал наблюдатель, пошевелив ветвями.

Буденный курил, не открывая глаз.

Канонада пылила, разрасталась, сияла молниями, заволакивала своды, ковала их ударами и громом.

– Бригада атакует неприятеля, – пропел наблюдатель там вверху. Ура смолкло»[20].

В книге осталось:

«– Есть, – ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза.

“Ура” смолкло».

---

[17] *Кр. Н.* 1923. № 7. С. 111; *Рассказы-1925(1).* С. 6.

[18] *ОИ (приложение).* 1923. 17 июня. С. 1; Прожектор. 1923. № 21. С. 13; *Рассказы-1925(1).* С. 14.

[19] *РС.* 1924. № 1. С. 155.

[20] Леф. 1923. № 4. С. 71.

В то же время в отдельное издание вставлялись слова и фразы, отсутствовавшие в периодике. Например, в рассказе «Письмо» к фамилии Курдюков добавлено необходимое определение функции данного персонажа в Конармии, которого не было ни в одесских «Известиях», ни в «Лефе»[21]: «Вот письмо на родину, продиктованное мне мальчиком нашей экспедиции Курдюковым». В рассказ «Иваны» в книге был введен важный фрагмент: «В этот день, двадцать второго июля, поляки быстрым маневром исковеркали тыл нашей армии, они ворвались с налета в местечко Козин и пленили многих бойцов из состава одиннадцатой дивизии. Эскадроны шестой дивизии были брошены в район Козина для противодействия противнику. Молниеносное маневрирование частей искромсало движение обозов…» В «Сыне рабби» по сравнению с версией, напечатанной в «Красной нови», удлинена одна фраза. В журнале было: «И чудовищная Россия, неправдоподобная, затопала лаптями по обе стороны вагонов»[22]. В книге более развернуто: «И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов». В том же рассказе в одесских «Известиях»[23] отсутствовал фрагмент: «Тифозное мужичье катило перед собой привычный горб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое ударами прикладов».

При жизни писателя «Конармия» выдержала шесть полных отдельных изданий (два последних – пятое-шестое и седьмое-восьмое – сдвоенные). Также конармейский цикл вошел целиком в сборники рассказов, вышедшие в Гослитиздате в 1934 и 1936 гг. Таким образом, мы располагаем восьмью полными прижизненными версиями «Конармии». Кроме того, в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции, в издательстве «ФОСП» вышло издание «Конармии», в котором было напечатано 13 рассказов: «Переход через Збруч», «Письмо», «Пан Аполек», «Мой первый гусь», «Учение о тачанке», «Смерть Долгушова», «Соль», «Афонька Бида», «Эскадронный Трунов», «После боя», «Замостье», «Измена», «Чесники». Отбор был произведен без ведома автора, ничего не знавшего о готовящейся книге. «Я получил сведения о том, что Федерация (очевидно Федерация сов⟨етских⟩ писателей?), – писал он Лившицу из Парижа 7 марта 1928 г., – выпустила популярное издание Конармии. За это, они, черти, должны платить деньги…»[24]. В сборнике рассказов, выпущенном Гослитиздатом в 1935 г., было помещено 23 новеллы, включая «Аргамак».

От издания к изданию Бабель продолжал работать над своими текстами: иногда менялся порядок слов, убирались лишние эпитеты. Так, хотя и достаточно поздно, в сборнике 1934 г. он освободился от оксюморона «неувядае-

---

[21] См.: *ОИ*. 1923. 11 февр. С. 5; Леф. 1923. № 4. С. 63.
[22] *Кр. Н.* 1924. № 1. С. 70.
[23] См.: *ОИ*. 1924. 9 марта. С. 4.
[24] *Бабель И.Э.* Письма другу... С. 37–38.

мое шоссе» в «Переходе через Збруч». По мнению Шмида, однако, слово «неувядаемое» здесь актуально, ибо начало новеллы звучит как чужая речь и «не подходит ни к военной корреспонденции, ни к рассказчику Бабеля», а «эпитет “неувядаемый”, являющийся в связи с “шоссе” катахрезой, указывает на происхождение чужой речи, на ту сферу, где это выражение, употребляясь, как правило, вместе со словом “слава”, имеет большую частоту, а именно – на революционную агитацию политруков…»[25]. И тем не менее после устранения слов «по неувядаемому шоссе» фраза в зачине «Конармии» стала легче и лаконичнее, обрела иной ритм: «Штаб выступил из Крапивно, и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, идущему от Бреста до Варшавы и построенному на мужичьих костях Николаем Первым»[26].

В 1934 г. Бабель избавился и от определения «неописуемые» при слове «ульи» в рассказе «Путь в Броды»[27]. А в «Чесниках» автор так и оставил эпитет «неоценимая»: «Клинком неоценимой сабли он отдал честь Ворошилову». В том же издании исчез пространственный скачок, который можно воспринимать и как логическую неувязку, в рассказе «Эскадронный Трунов». До 1934 г. было: «…мы стали подходить к Трунову с последним целованием. Я стоял в задних рядах, я тронул губами прояснившийся лоб, обложенный седлом…»; с 1934 г. стало: «…мы стали подходить к Трунову с последним целованием. Я тронул губами прояснившийся лоб, обложенный седлом…»[28]

Однако к улучшению текста вряд ли можно отнести случай с рассказом «Смерть Долгушова»: во фразе «Грищук со своей глупой тачанкой да я – мы остались одни и до вечера мотались между огненных стен» вместо более метафоричных, образных «огненных стен» во втором издании (1927) появилось «между огневых стен»[29], и, таким образом, осталась «простая метафора стрельбы»[30]. Поэтому нельзя точно сказать, кому принадлежит замена «огненные» на «огневые» – Бабелю или редактору.

Вообще, не всегда в последующих изданиях можно отличить авторскую правку от редакторской. Так, в ряде новелл просторечные слова заменены на формы, соответствующие нормам литературного языка, но сделано это непоследовательно. В «Письме» слово «кажные» заменено на «каждые» (как и другие просторечные формы) в третьем издании 1928 г.; в рассказе «Соль» слово «кажный» было заменено на «каждый» в сборнике 1936 г. (правда, вариант «каждый» присутствует в сборниках 1925 и 1927 гг.); а в рассказе «Иваны»

---

[25] *Шмид В.* Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: Инапресс, 1998. С. 318–319.
[26] *Рассказы-1934*. С. 5.
[27] Там же. С. 37.
[28] Там же. С. 89.
[29] *КА-1927*. С. 56.
[30] *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. С. 118.

«кажный» остался и в последнем прижизненном сборнике. В то же время соответствующее устному произношению и шесть раз встречающееся в «Конармии» слово «што» («что») не подверглось исправлению ни в одном из рассказов («Мой первый гусь», «Смерть Долгушова», «Эскадронный Трунов» и трижды в рассказе «Чесники»). Обусловлено такое написание не индивидуальными речевыми особенностями персонажа (тем более что это орфоэпическая норма), а ситуацией, в которой оно говорится: в пяти случаях из шести это обращенный к собеседнику вопрос, которому слово «што» придает стилистическую окраску нарочитой небрежности.

Сложно определить, кому – автору или редактору – принадлежит правка в рассказе «Иваны». В «Конармии» 1926 г. устойчивый оборот «слава богу» употреблен с инверсией: «– Развиднялось, богу слава…», но уже в третьем издании (1928) был восстановлен традиционный порядок слов: «– Развиднялось, слава богу…»[31]

В 1933 г. «Конармия», как и другие произведения советской литературы того времени, подверглась цензурной правке: из рассказов «Письмо», «Соль», «Эскадронный Трунов», «Измена» и «Сын рабби» была изъята фамилия Троцкого; соответственно менялись фразы и целые куски, где эта фамилия присутствовала. Особенно показателен в этом плане рассказ «Соль». В редакциях до цензурных изъятий содержался фрагмент:

«– Я соли своей решилась, я правды не боюсь. Вы за Расею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете…

– За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются. Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя и другого звания, за трудящийся класс. Как присужденные каторжане вытягают они нас – Ленин и Троцкий – на вольную дорогу жизни, а вы, гнусная гражданка, есть более контрреволюционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозится нам на своем тысячном коне…»

С 1933 г. этот отрывок печатался в сильно усеченном виде:

«– Я соли своей решилась, я правды не боюсь. Вы за Расею не думаете, вы жидов спасаете…

– За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются. А вы, гнусная гражданка, есть более контрреволюционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозится нам на своем тысячном коне…»[32]

К купюрам, сделанным, скорее всего, по цензурным соображениям, относится изъятие в четвертом издании (1931) фрагмента из рассказа «Вдова» (со слов «хрустя и задыхаясь»):

---

[31] *КА-1928*. С. 130.

[32] *КА-1933*. С. 74.

«Рядом с ним Левка жевал мясо, хрустя и задыхаясь. Кончив мясо, Левка облизал губы и потащил Сашку в ложбинку.

– Саш, – сказал он, дрожа, отрыгиваясь и вертя руками, – Саш, как перед богом, все одно в грехах, как в репьях… Раз жить, раз подыхать. Поддайся, Саш, отслужу хучь бы кровью… Век его прошел, Саш, а дней у бога не убыло…»

Бабель не раз жаловался на небрежность в публикации своих произведений. Так, 29 февраля 1928 г. он сообщал М. Горькому: «Посылаю Вам мою пьесу “Закат”, чудовищно изданную “Кругом”; грубейшие опечатки совершенно искажают текст»[33]. А 2 января 1932 г. писал родным: «Удивляюсь тому, что в зарубежной прессе пишут о таких пустяках, как Карл Янкель. Рассказ этот неудачен и к тому же чудовищно искажен. Я уже, кажется, писал вам, что его напечатали по невыправленному тексту (черновому) с ошибками, совершенно уничтожающими смысл».

Однако удивительным образом многие «уничтожающие смысл» опечатки, появившиеся в прижизненных изданиях, иногда начиная с первой публикации, писатель впоследствии исправлял довольно поздно или не исправлял вовсе. Найти этому объяснение крайне сложно, вероятно, причина отчасти кроется в постоянных разъездах Бабеля.

Лишь в 1933 г. в рассказе «Мой первый гусь» была исправлена логическая ошибка автора: «Квартирьер нес на плечах мой котелок…» (далее речь идет о сундучке)[34]. В ранних публикациях, включая «Конармию» 1926 г., в рассказе «Эскадронный Трунов» командир полка Пугачев, произнося речь над могилой Трунова, «рыл землю ободранными ногами в серебряных шпорах». В этом случае исправление было внесено гораздо раньше – во втором издании 1927 г.: «…рыл землю ободранными сапогами в серебряных шпорах»[35].

Еще одну неточность встречаем в новелле «Песня». В публикации в «Красной нови» напечатано правильно: «Так было на Кубани и в зеленых походах, так было на Уральских и в Кавказских предгорьях, и вот до сегодняшнего дня»[36]. Однако во всех прочих прижизненных источниках, включая первое издание «Конармии», ошибочно: «…так было на Уральске и в Кавказских предгорьях...»

Чаще всего подобные ошибки не принадлежали Бабелю, а были результатом редакторского недосмотра. Так, в рассказе «Смерть Долгушова» в третьем издании (1928) во фразе «Поляки вошли в Броды и были выбиты контратакой» из слова «поляки» выпала буква «я»: «Полки вошли в Броды и были выбиты контратакой»[37]. Если бы подобное изменение внес писатель, он обязательно

[33] *Бабель И.Э.* Соч. Т. 1. С. 267.
[34] См.: *КА-1933*. С. 32.
[35] *КА-1927*. С. 116.
[36] *Кр. Н.* 1925. № 3. С. 126.
[37] *КА-1928*. С. 58.

обозначил бы, какие полки – по крайней мере польские или наши, а скорее всего назвал бы номера полков. Разумеется, это опечатка и речь в рассказе идет о реальных исторических событиях и именно о поляках, выбитых контратакой из Бродов (см. с. 368 наст. изд.). Однако при дальнейших публикациях писатель эту опечатку не исправил, и она перекочевала почти во все современные издания Бабеля, в том числе переводные. Хотя речь идет о прижизненных публикациях, нельзя не указать на одну курьезную ошибку в первом посмертном сборнике: в рассказе «Эскадронный Трунов» в предложении «Мы обмыли, как умели, лицо мертвеца для того, чтобы вид его был менее ужасен, мы положили кавказское седло у изголовья гроба и вырыли Трунову могилу на торжественном месте, в общественном саду, посреди города, у самого собора» последние слова трансформировались в «у самого забора»[38]. В таком виде окончание этой фразы, как и в случае с «поляками/полками» в «Смерти Долгушова», воспроизводится почти во всех современных изданиях, включая переводы.

* * *

В настоящем издании основной корпус «Конармии» из 34 рассказов дается по книге 1926 г. В разделе «Дополнения» в хронологическом порядке печатаются четыре рассказа, примыкающие к циклу («Грищук», «Их было девять», «Аргамак» и «Поцелуй»); статьи Бабеля из газеты «Красный кавалерист»; дневник 1920 года; «Планы и наброски к “Конармии”».

«Грищук» был опубликован единственный раз и в книгу не включался, новелла «Их было девять» осталась только в рукописи, «Аргамак» в 1933 г. был присоединен Бабелем к основному блоку книги, «Поцелуй» напечатан в 1937 г., после выхода последнего прижизненного сборника писателя.

Существует мнение, что задним числом в «Конармию» (в нашем случае – в раздел «Дополнения») можно помещать рассказы «У батьки нашего Махно» и «Старательная женщина»[39]. Действительно, они будто бы примыкают к конармейскому циклу: «...стоит забыть, что перед нами не красноармейцы, а махновцы, как новеллы эти окажутся частью целого. Тон повествования здесь тот же, что и в “Конармии”, а герои 〈...〉 как бы продолжают галерею буденновских конников. Неадекватность восприятия, например, Кикиным 〈...〉 происходящего очень напоминает многие ситуации “Конармии”. Подобно тому как Курдюков *не понимает*, что является свидетелем сыноубийства и отцеубийства, Кикин

[38] *Бабель И.Э.* Избранное. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 99.

[39] См., например: *Жолковский А.К., Ямпольский М.Б.* Бабель/Babel. М.: Carte Blanche, 1994. С. 16; *Ковский В.Е.* Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 75.

не осознает, *что* говорит он изнасилованной накануне женщине»[40]. Стоит отметить, что еще В. Полонский, анализировавший «Конармию» по отдельному изданию, ставит Кикина в один ряд с персонажами конармейских рассказов: «Даже дегенерат Кикин и угрюмый кретин Курдюков, даже Прищепа с кровавой печатью его подошв и много других, свирепых и жестоких, – даже они – не хула революции»[41]. Рассказ же «Старательная женщина» в значительной степени основан на дневниковой записи Бабеля от 16 июля.

Считается, что Бабель в этих двух новеллах перенес действие в махновскую армию из-за опасения новых обвинений в клевете[42]. Однако необходимо подчеркнуть, что рассказ «У батьки нашего Махно» был напечатан в том же номере «Красной нови» (1924. № 4), что и новелла «Гедали», опубликованная с подзаголовком «Из книги “Конармия”», и подвергся нападкам наряду с конармейскими рассказами, увидевшими свет в этом журнале[43]. О данном рассказе, не называя его, упоминает Буденный в «Открытом письме Максиму Горькому» в «Правде». Нельзя печатать эти рассказы вместе с конармейскими еще и потому, что в сборниках, содержавших полный корпус «Конармии», сам Бабель помещал «У батьки нашего Махно» в раздел «Рассказы». Таким образом, в настоящее издание эти две новеллы не включены.

В 1920–1930-е годы каждый рассказ основного блока «Конармии» был опубликован не менее девяти раз. Завершает раздел «Дополнения» свод разночтений, которые приведены по всем выявленным прижизненным источникам.

Рассказы печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, с исправлением опечаток (опечатки, представляющие собой значимое слово и искажающие смысл, оговариваются в примечаниях).

Однако слова «бог», «богородица» и т.п. печатаются, как в первом издании и последующих прижизненных версиях, со строчной буквы, но в названиях икон и библейских сюжетов строчная буква исправлена на заглавную, например в рассказе «Пан Аполек»: «Потом Аполек закончил Тайную вечерю и Побиение камнями Марии из Магдалы»; «Пятнадцать злотых за Богоматерь, двадцать пять злотых за Святое семейство и пятьдесят злотых за Тайную вечерю с изображением всех родственников заказчика». Единственный раз употребленному в «Конармии» слову «евангелие» оставлена строчная буква, так как речь идет об особом «апокрифическом» евангелии – от пана Аполека. Слово «Тора» в рассказе «Сын рабби» дается, в отличие от первого издания, с прописной буквы, но стоящее рядом то же слово во множественном числе («повисшее над торами безжизненное покорное,

---

[40] *Добренко Е.А.* Логика цикла // Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Рос. ун-т, 1993. С. 95–96.

[41] *Полонский В.П.* Критические заметки: О Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 208.

[42] См.: *Ковский В.Е.* Указ. соч. С. 75.

[43] См.: *Орловский С.Н.* На задворках Конармии: Критический этюд // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75. Л. 9.

прекрасное лицо Ильи»), печатается, как в прижизненных вариантах, со строчной. Подобный случай есть и в рассказе «Гедали»: «О, истлевшие талмуды моего детства!» Слово «Талмуд» в единственном числе напечатано в «Гедали» с заглавной буквы в само́м первом издании. Оставлен вариант имени «Исус» с одной буквой «и», встречающийся в книге 1926 г. 17 раз (но в «Вечере» и «Замостье» в первом издании в этом имени дано два «и»: «Иисус»). В рассказах «Письмо», «Рабби», «Вечер», «Измена» названия газет воспроизводятся без изменений. Оставлено написание фамилии «Пильсудский» с мягким знаком.

Дневник, «Планы и наброски к "Конармии"», новелла «Их было девять», вариант «Их было десять» и черновой набросок к рассказу «Костел в Новограде», не вошедший в окончательный текст (в «Разночтениях») печатаются по автографу, с устранением явных ошибок и в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Вместе с тем, эти тексты публикуются с сохранением ряда авторских особенностей написания. Так, слово «казак» (и производные слова) сохранено в том виде, в котором его пишет Бабель, – и через букву «а», и через «о» – «козак» (украинский вариант).

Сокращенные автором слова, недостающие знаки препинания и т.п. восполняются, по традиции, в угловых скобках. Зачеркнутые автором фрагменты воспроизводятся в квадратных скобках. Неразобранные места (одна или несколько букв) обозначены условным сокращением ⟨*нрзб.*⟩; если непрочитанный текст составляет слово или несколько слов, то в угловых скобках указано их количество, например: ⟨*1 сл. нрзб.*⟩.

Воспроизводятся в соответствии с оригиналом разные варианты написания фамилий: Жолнеркевич и Жолнаркевич, Хилемская и Хелемская, Грищчук и Грищук, Матяш и Матяж. Как в оригинале даются и названия населенных пунктов, например: Радзивилов – с одной буквой «л»; приводятся оба варианта названия одного села – Лешнюв и Лешнев. Сохранены написания отдельных слов с заглавной буквы, которые по правилам должны писаться со строчной, например: Август, Начдив, Командарм, Буденновец, Ровенцы, Волостной и др.

Не подверглись унификации авторские обозначения даты и места записи.

Находясь при штабе 6-й кавалерийской дивизии, ведя журнал военных действий, Бабель усвоил стилистику сводок, донесений, приказов и других военных документов. В дневнике это выразилось в том, что в ряде случаев он, независимо от грамматического управления, употребляет название населенного пункта (когда речь идет о переходе в какое-либо место или о прибытии в него) в именительном падеже. Такая форма сохраняется в настоящем издании. Топонимы в косвенных падежах приводятся в том же виде, что у автора, например: «Бой под Лешнювым», а не «...Лешнювом».

Тире, поставленным после точки, Бабель чаще всего, возможно для экономии места, обозначает абзац. Если в оригинале абзац не выделен, в публикуемом тексте он также не выделяется, при этом сохраняются все знаки тире.

В записи от 8 августа и в наброске к рассказу «Костел в Новограде» воспроизведен знак Z, обозначающий абзац.

Пагинация страниц в дневнике начинается с номера 55. Пропущены страницы 69–88 авторской пагинации (вероятнее всего, это механическая ошибка автора дневника, вместо цифры «69» проставившего «89»), далее пронумерованы страницы до 171-й (причем начиная со страницы 151 нумерация идет по тексту, т.е. эти номера были проставлены позднее, чем сделаны сами записи; а со страницы 156 не проставлены четные номера), последующей пагинации нет. 89-я (на самом деле 69-я) страница чистая, без записей. Авторская пагинация дается без скобок, пагинация составителя (четные номера страниц – со 156 до 170 и далее все номера со 172 до 277) дается в угловых скобках. Знаком || обозначается конец страницы. Некоторые слова в дневнике обведены красным карандашом. В публикуемом тексте эти слова выделены подчеркиванием. Вопросительный знак в угловых скобках ⟨?⟩ указывает на сомнение в правильном прочтении слова.

Особую благодарность за поддержку, понимание и предоставление возможности работать с оригиналом конармейского дневника и другими материалами составитель настоящего издания выражает дочери писателя Л.И. Бабель и его внуку А.А. Малаеву-Бабелю.

За помощь и консультации составитель искренне признателен Н.В. Корниенко, Г.Н. Воронцовой, Е.А. Папковой и сотрудникам отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; а также З. Бар-Селле, Е.В. Бронниковой, М.Я. Вайскопфу, Е.М. Варенцовой, О.И. Гавриловой, А.К. Жолковскому, Э. Зихеру, О.И. Киянской, Т.Ю. Кравченко, Т.Л. Латыповой, С.Х. Левину, И.Е. Лощилову, И.Б. Озёрной, Н.К. Ребровой, Е.Д. Толстой, Д.М. Фельдману, Л.С. Флейшману, Г.М. Фрейдину, В.И. Хазану, А.А. Холикову, А.С. Урюпиной, Т.В. Щуровой, Л.И. Юнивергу и А.Л. Яворской.

ПРИМЕЧАНИЯ

Для комментирования исторических событий советско-польской войны 1920 г., отображенных в рассказах и особенно в походном дневнике писателя, использованы мемуары командарма С.М. Буденного «Пройденный путь» (главным образом вторая книга), исторический очерк начальника штаба Первой конной Л.Л. Клюева «Первая Конная красная армия на польском фронте в 1920 году», дневник секретаря ее Реввоенсовета С.Н. Орловского «Великий год», документы Конармии, хранящиеся в РГВА. В то же время эти источники расширяют представления о событиях, кратко отмеченных в дневнике Бабеля.

Если в книге приведено подлинное имя исторического лица – участника Первой конной армии (например, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, В.И. Книга, И.А. Колесников, Н.А. Конкин), то сведения о нем даются в примечаниях к соответствующим рассказам. Если же тот или иной герой назван вымышленной фамилией (например, Савицкий – С.К. Тимошенко, Павличенко – И.Р. Апанасенко), то справка о реальном человеке перенесена в примечания к дневнику.

КОНАРМИЯ

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЗБРУЧ

Впервые: Правда. 1924. 3 авг. С. 4, под рубрикой «Из дневника»; авторская датировка: «Новоград-Волынск, 1.7.20». Повторно: *Кр. Н.* 1925. № 3. С. 128–130, под рубрикой «Из дневника»; авторская датировка: «Новоград-Волынск, июль 1920 г.».

[1] *...Новоград-Волынск взят сегодня на рассвете.* – Части Первой конной армии вошли в Новоград-Волынский 27 июня 1920 г. Орловский записал в дневнике: «26 июня с рассветом 6-я дивизия форсировала реку в районе Гильска и далее реку Смолку, сбила противника с занимаемых окопов и с рассветом 27-го заняла г. Новоград-Волынск. Преследуемый противник потерял большое количество орудий и пулеметов» (*Орловский.* С. 68). В оперативной сводке полевого штаба Реввоенсовета Республики по Юго-Западному фронту от 28 июня сообщалось: «В Ровненском направлении наша конница, сломав упорное сопротивление противника, 27 июня овладела городом Новоград-Волынском и ведет бой в 10 верстах к западу от него. Южнее наши войска форсируют реку Случ⟨ь⟩» (Известия. 1920. 29 июня. С. 1).

[2] *Штаб выступил из Крапивно...* – На Украине существует несколько сел с таким названием; в рассказе речь идет о селе Крапивна, или Крапивня (*укр.* Кропивна, или Кропивня) в Новоград-Волынском районе Житомирской обл.; оно упоминается в девя-

той главе мемуаров Буденного «Даешь Новоград-Волынский!» (см.: *Буденный 2*. С. 140–167) и в ряде документов Первой конной. Например, в донесении К.К. Жолнеркевича, начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии, отправленном начдиву шесть Тимошенко в 22 часа 23 июня 1920 г., за несколько дней до овладения Новоградом, сообщается, что полевой штаб «переходит ⟨в⟩ Крапивна» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 14. Л. 362).

[3] *...и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе ⟨...⟩ идущему от Бреста до Варшавы...* – Шоссе «от Бреста до Варшавы» находится далеко на западе от Новограда. На самом деле путь штаба дивизии (и обоза) пролегал по освобожденной шоссейной дороге, соединяющей Житомир с Новоградом-Волынским; Орловский 27 июня отметил в дневнике, что «РВС Конармии выехал в тыловой штаб в Бердичев для разрешения целого ряда вопросов снабжения и политработы. Необходимо наладить снабжение армии по открывшейся шоссейной магистрали Житомир–Новоград-Волынск и далее для подвоза огнеприпасов и фуража» (*Орловский*. С. 68).

[4] *...построенному на мужичьих костях Николаем Первым.* – Участок Варшавского шоссе (от Варшавы до Бреста) был пущен в 1823 г., т.е. еще до вступления на престол Николая I, в конце правления Александра I. При Николае I, в 1849 г., был пущен встречный участок, от Москвы до Бреста.

[5] *Почерневший Збруч...* – Новоград-Волынский стоит не на реке Збруч, притоке Днестра, протекающего довольно далеко на юго-западе от этого города, а на реке Случь, притоке Горыни. Бои на реке Збруч во время советско-польской войны происходили примерно через месяц после события, о котором говорится в рассказе Бабеля, но без участия Первой конной армии. В оперсводке от 21 июля сообщается: «В Волочисском районе наши части, переправившиеся на западный берег реки Збруч, севернее Волочиска, ведут успешные для нас бои и теснят противника к западу. В Гусятинском районе наши войска в бою на западном берегу р. Збруч захватили 250 пленных и 4 пулемета» (Известия. 1920. 22 июля. С. 1). Буденный писал, что 29 июля южнее фронта Первой конной «14-я армия форсировала реку Збруч» (*Буденный 2*. С. 243). Збруч как река, протекающая через Новоград, упоминается и в рассказе «Солнце Италии».

[6] *Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд.* – Разрушение моста через реку – исторический факт. 27 июня Орловский записал в дневнике: «Противник занимал чрезвычайно выгодную позицию с двумя линиями укрепленных окопов, расположенных на возвышенности в 3 километрах от города, имея перед собой естественное прикрытие – непроходимую вброд р. Случ⟨ь⟩ ⟨...⟩ Отходя, противник уничтожил мост через реку Случ⟨ь⟩, что затруднило переброску артиллерии и обозов» (*Орловский*. С. 68).

[7] *Я нахожу беременную женщину на отведенной мне квартире и двух рыжих евреев с тонкими шеями; третий спит уже, укрывшись с головой и приткнувшись к стене.* – В какой-то мере здесь использован набросок ⟨31⟩, относящийся к Владимиру-Волынскому: «Копошусь в теплой яме. Горячность еврейской семьи. Сижу, не выхожу в город. Я сплю против беременной женщины».

[8] *...черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году – на Пасху.* – Речь идет о специальной кошерной посуде, которую используют на еврейский праздник Песах (Пасха), в остальное время она хранится отдельно от повседневной посуды.

[9] *...кричит раненому Савицкий, начдив шесть...* – Начальником 6-й кавалерийской дивизии Первой конной армии в это время был С.К. Тимошенко. В отличие от других рассказов конармейского цикла, где в газетных и журнальных публикациях, пред-

шествовавших первому изданию «Конармии», начдив Тимошенко назван настоящим именем, в первой и повторной публикациях рассказа «Переход через Збруч» дана вымышленная фамилия Савицкий. Впрочем, люди с такой фамилией служили в Первой конной, например С. Савицкий – начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии.

О Тимошенко см. примеч. 2 к дневниковой записи от 14 июля.

КОСТЕЛ В НОВОГРАДЕ

Впервые: *ОИ*. 1923. 18 февр. С. 5, под рубрикой «Из книги “Конармия”». Повторно: *Кр. нива*. 1924. № 39. С. 936–937, под рубрикой «Из дневника»; авторская датировка: «Конармия. Новоград-Волынск, июль 1920». В книге датировки нет.

Черновой автограф (набросок без начала и окончания) и вырезка из *ОИ* с авторской правкой и пометой «проще»: РГАЛИ. Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 13.

[1] *Я отправился вчера с докладом к военкому...* – С ноября 1919 г. по август 1920 г. военным комиссаром 6-й кавалерийской дивизии был П.В. Бахтуров.

[2] *Иезуиты*, официальное название – Общество Иисуса, также орден св. Игнатия (по имени основателя) – мужской духовный орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержденный Павлом III в 1540 г. Иезуиты принадлежат к числу регулярных клириков, т. е. представителей тех монашеских орденов католической церкви, которые занимаются пастырской деятельностью, а также образованием и делами милосердия, не находятся в строгом затворе, более ориентированы на общественную деятельность, чем на углубленную духовную работу над собой в монастырях.

[3] *...пергамент папских булл...* – Булла (от *лат.* bulla – печать) – в Средние века основной папский документ, который скреплялся свинцовой (иногда золотой) печатью.

[4] *Речь Посполитая* (Речь Посполита, *польск.* Rzeszpospolita) – традиционное название польского государства с XV в., с 1569 г. – официальное название польско-литовского государства.

[5] *...Начальнику Панства Иозефу Пильсудскому.* – Пилсудский (Pilsudski) Юзеф (1867–1935) – польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства; в 1918 г. был провозглашен Начальником государства (панства), с 1920 г. – Маршал Польши.

[6] *...горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега...* – Радзивиллы и Сапеги – старинные знатные польские княжеские роды; здесь имеются в виду политические деятели XX в. Радзивилл (Radziwiłł) Януш Францишек (1880–1967), один из сторонников Пилсудского, и Сапега (Sapeiha) Евстахий Каетан Владислав (1881–1963), в 1920–1921 гг. министр иностранных дел Польши.

[7] *Святой Петр* – один из двенадцати апостолов (учеников) Иисуса Христа, в католицизме считается первым папой римским; *святой Франциск* – Франциск Ассизский, Бернардоне (Bernardone) Джованни ди Пьетро (1182–1226), католический святой, основатель ордена францисканцев; *святой Винцент* – Викентий (Винсент) де Поль (Vincent de Paul, 1581–1660), католический святой, основатель конгрегаций лазаристов и дочерей милосердия.

ПИСЬМО

Впервые: *ОИ*. 1923. 11 февр. С. 5, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; с примечанием редакции: «Настоящий отрывок – глава из заканчиваемой писателем Бабелем книги “Конармия”, рисующей польскую кампанию 1920 г., которую автор проделал вместе с буденновцами. В дальнейшем в “Известиях” будут напечатаны и другие главы из этой книги». Повторно: Леф. 1923. № 4 (вышел в первых числах января 1924 г.). С. 63–66, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Новоград-Волынск, июнь 1920». Затем: *Рассказы-1925(2)*. С. 67–73. В книге датировки нет.

Машинопись с проставленными от руки местом и датой «Новоград-Волынск, июнь 1920»: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 1–4.

Основой для фабулы рассказа послужил эпизод, записанный Бабелем в дневнике 9 августа: «Переезд из Берестечко в Лашков, Галиция. Экипаж начдива, ординарец начдива Левка – тот самый, что цыганит и гоняет лошадей. Рассказ о том, к⟨а⟩к он плетил соседа Степана, бывшего стражником при Деникине, обижавшего население, возвратившегося в село ⟨…⟩ “Зарезать” не дали, в тюрьме били, разрезали спину, прыгали по нем, танцевали, эпический разговор: хорошо тебе, Степан? Худо. А тем, кого ты обижал – хорошо было? Худо было. А думал ты, что и тебе худо будет. Нет, не думал. А надо было подумать, Степан, вот мы думаем, что ежели попадемся, то зарежете, ну да м.и., а теперь, Степан, будем тебя убивать. Оставили чуть теплого».

Фамилия Курдюков подлинная – она записана на внутренней, 3-й сторонке обложки тетради с дневником – среди других помет (перечня населенных пунктов, боев и передвижений Конармии): из большого круга лиц, с которыми Бабель встречался во время польского похода, там выделены три фамилии: «Курдюков–Мошер–Матяш».

[1] *Московские Известия Цик…* – После переезда большевистского правительства в Москву, с 12 марта 1918 г. газета выходила в Москве под названием «Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов».

[2] *Московская Правда* – речь идет о центральной газете «Правда», так как «Московская правда» в это время (с 18 марта 1920 г.) выходила под названием «Коммунистический труд».

[3] *…родную беспощадную газету Красный Кавалерист…* – Газета «Красный кавалерист» – орган Политотдела Первой конной армии.

[4] *Наша красная бригада товарища Павличенки наступала на город Ростов…* – В то время И.Р. Апанасенко был командиром 2-й кавалерийской бригады 6-й кавалерийской дивизии. 6 января 1920 г. Реввоенсоветом Конармии был издан приказ об овладении Ростовом-на-Дону, согласно которому 6-й дивизии надлежало «7 января занять Большие Салы, Несветай, Генеральский Мост и 8 января во взаимодействии с 4-й кавалерийской и 12-й стрелковой дивизиями овладеть Ростовом, стараясь в целости захватить железнодорожный мост через Дон» (*Буденный 1*. С. 377). Решающие бои на подступах к Ростову начались 8 января, вечером этого дня 4-я кавалерийская дивизия заняла Нахичевань, а 6-я ворвалась в Ростов, где еще находились белые части, не оборонявшие город.

9 января в Ростове и Нахичевани завязались уличные бои, длившиеся весь день. И только 10 января эти города были полностью освобождены от белых (Там же. С. 379–383).

[5] *Деникин* Антон Иванович (1872–1947) – русский военачальник, в годы Гражданской войны один из руководителей Белого движения, в 1918–1919 гг. командующий Добровольческой армией, в 1919–1920 гг. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и заместитель Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака.

[6] *И наша бригада получила приказание идти в город Воронеж пополняться...* – Воронеж был взят 4-й и 6-й дивизиями Конного корпуса Буденного и 12-й стрелковой дивизией 24 октября 1919 г., таким образом, к началу 1920 г. город был уже тылом красных.

[7] *За Воронеж могу вам описать ⟨...⟩ что это городок очень великолепный...* – По замечанию Н.В. Корниенко, А.П. Платонов «дезавуирует содержание рассказа Курдюкова, воссоздавая в “Сокровенном человеке” различные картины и сюжеты о голоде обывателей, рабочих и красноармейцев» в городе Похаринске, прототипом для которого в повести послужил Воронеж (*Корниенко Н.В.* И. Бабель в «Фабрике литературы» А. Платонова // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: Сб. материалов Междунар. науч. конф. в Гос. лит. музее 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники; Лит. музей, 2016. С. 493).

[8] *Потом мы начали гнать генерала Деникина, порезали их тыщи и загнали в Черное море...* – Речь идет о заключительном этапе борьбы с Деникиным, в котором принимала участие Первая конная армия в составе Кавказского фронта, с января по март 1920 г., когда были ликвидированы остатки деникинской армии и освобожден Северный Кавказ.

[9] *...и находился в городе Майкопе...* – Первая конная армия вступила в освобожденный краснопартизанскими отрядами Майкоп 22 марта 1920 г. Сам Бабель побывал в Майкопе девять лет спустя, в 1929 г. 17 августа из Ростова-на-Дону он сообщал матери и сестре: «Сегодня вечером движимый неугасаемым бешенством познания – я мчусь в Майкоп, в лагерь дивизии, в которой я служил в 20 году – так необыкновенна жизнь, что я буду жить в палатке начдива, описанного мною некогда под фамилией Павличенки»; 20 августа – им же: «Только что вернулся из Майкопа, где провел великолепных два дня (купался, между прочим, в горной реке Белой, чистой и холодной, как хрусталь)...»

[10] *...пришел приказ товарища Троцкого не рубать пленных...* – Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – деятель рабочего и коммунистического движения, революционер, теоретик марксизма, лидер внутрипартийной оппозиции; в 1918–1925 гг. народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики.

Было издано два приказа Троцкого о пленных поляках: первый приказ от 10 мая 1920 г., второй – от 17 июля 1920 г. (см. примеч. 8 к рассказу «Эскадронный Трунов»).

В «Письме» речь идет о приказе № 217 от 10 мая, в котором говорилось:

«Щадите пленных и раненых неприятелей. Со всех участков Западного и Юго-Западного фронтов идут вести о неслыханных зверствах, учиняемых белогвардейскими польскими войсками над пленными и ранеными красноармейцами; их истязают, избивают, расстреливают и вешают. Незачем и говорить, что палачи-шляхтичи истребляют всех попавших к ним в руки коммунистов, но та же участь постигает и непартийных

красноармейцев. Мало того, раненые и больные красноармейцы не выходят живыми из рук бесчестных насильников. В сердце каждого воина эти факты вызывают справедливый гнев и желание мести. Такая месть справедлива, но она должна быть направлена на подлинных виновников бесчестного наступления и зверских расправ, на правительство Пилсудского, на польскую шляхту и польскую буржуазию. Было бы, однако, неправильно и недостойно революционных борцов мстить пленным полякам. Нет, к пленному и раненому врагу Красная армия относится великодушно. Пленному польскому легионеру, крестьянину или рабочему мы разъясним преступность его господствующих классов, мы просветим его сознание и сделаем нашим лучшим другом и единомышленником, как поступали мы с германскими, австрийскими, венгерскими, колчаковскими, деникинскими и другими военнопленными. Польские паны знают, что честный красноармеец им смертельный и непримиримый враг, поэтому они истребляют наших воинов, даже взявши их в плен. Мы знаем, что польский крестьянин или рабочий только вследствие своей темноты и силою обмана своего правительства может считать себя нашим врагом в плену. Мы этих несознательных врагов превратим в сознательных друзей. Наша месть за расстрелянных, повешенных и замученных братьев в плену должна выразиться в мужественном и беззаветном натиске на польскую белогвардейщину.

Беспощадность в бою, великодушие к пленному и раненому врагу, таков лозунг Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (Правда. 1920. 12 мая. С. 1; Известия. 1920. 12 мая. С. 1).

Первая конная армия вступила в Майкоп еще до начала польской кампании, и, таким образом, упоминание приказа Троцкого является в данном случае анахронизмом.

[11] *Опосля этого мы получили стоянку в городе в Новороссийском.*– 12 марта 1920 г. части белогвардейцев начали эвакуацию из Новороссийска на пароходах, к 1 мая в городе белых не осталось.

[12] *...и мы там оставалися до самого мая, когда выступили на польский фронт...* – Первая конная армия была переброшена с Северного Кавказа на Украину и вошла в состав Юго-Западного фронта. После разгрома отрядов Нестора Махно в Гуляйполе 6 мая части Первой конной переправились через Днепр к северу от Екатеринослава. 26 мая, после сбора всех частей армии в Умани, она атаковала Казатин, а 5 июня Буденный, нащупав слабое место в польской обороне, прорвал фронт под Самгородком и вышел в тыл польским частям, наступая на Бердичев и Житомир. 10 июня 3-я польская армия Рыдз-Смиглы, опасаясь окружения, оставила Киев и двинулась в район Мазовии. Через два дня Первая конная армия вступила в Киев.

НАЧАЛЬНИК КОНЗАПАСА

Впервые: Леф. 1923. № 4. С. 69–70, под названием «Дьяков», под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Белев, июль, 1920 г.».

Машинопись под названием «Дьяков» с датировкой «Белев, июль, 1920»: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 5–6.

Дьяков – реальный человек, о нем, а также о реквизициях у крестьян лошадей есть несколько записей в дневнике.

Белев, 13 июля: «Начальник конского запаса Дьяков – феерическая картина, кр⟨асные⟩ штаны с серебр⟨яными⟩ лампасами, пояс с насечкой, ставрополец, фигура Аполлона,

короткие седые усы, 45 лет, есть сын и племянник, ругань фантастична, привозят из отд⟨ела⟩ снабж⟨ения⟩, разломал стол, но достал. Дьяков, его любит команда, командир у нас геройский, был атлетом, полуграмотен, теперь "я инспектор кавалерии", генерал, Дьяков – коммунист, смелый старый буденновец. Встретился с миллионером, дама под ручкой, что господин Дьяков, не встречался ли я с вами в клубе? Был в 8 государствах, выйду на сцену, моргну. – Танцор, гармонист, хитрец, враль, живописнейшая фигура. С трудом читает бумажки, кажд⟨ый⟩ раз теряет их, одолела, говорит, канцелярщина, откажусь, что без меня делать будут, ругань, разговор с мужиками, те разинули рты. – Тачанка и пара тощих лошадей, о лошадях. – К Дьякову с требованиями, уф, заморился, раздавать белье, все в затылок, отношения отеческие, "ты будешь (больному) старшим гуртовщиком⟨"⟩».

Белев, 14 июля: «На деревне стон, меняют лошадей, дают одров, травят хлеба, забирают скот, жалобы начальнику штаба».

Новоселки, 16 июля: «Наштадив сидит на лавке – крестьянин захлебывается от негодования, показывает полумертвого одра, которого ему дали взамен хорошей лошади. Приезжает Дьяков, разговор короток, за такую-то лошадь можешь получить 15 тысяч, за такую – 20 тысяч. Ежели поднимется, значит⟨,⟩ это лошадь. – Берут свиней, кур, деревня стонет. Описать наше снабжение».

Существуют документы, в которых говорится о случаях, подобных отображенному в рассказе. Например, распоряжение члена Реввоенсовета Первой конной Е.А. Щаденко от 30 апреля 1920 г.: «По получении вами затребованных Реввоенсоветом от Начальника административного отдела сведений о лошадях предлагаю вам, ввиду крайней необходимости в лошадях и невозможности получить их путем мобилизации и покупкой, произвести смотр лошадей и годных к службе, у кого бы они ни были, взять и использовать для нужд кавалерийской школы» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 217). В штаб армии поступали неоднократные жалобы граждан на то, «что проходящими войсковыми частями 1-й Конармии самовольно производятся обмены и отнятия у них лошадей» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 190).

[1] *Одёр* – старая, изнуренная лошадь (*прост.*).

[2] *Начальник штаба Ж. ...* – Жолнеркевич (Жолнаркевич) Константин Карлович (1879–?), кадровый военный, дворянин, начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии с 16 февраля по 5 августа 1920 г., кавалер ордена Красного Знамени. Он неоднократно упоминается в дневнике Бабеля.

11 июля: «Ночь, работа штаба в Белеве. Что такое Жолнеркевич? Поляк? Его чувства? Трогательная дружба двух братьев. Константин и Михайло. – Ж. – старый служака, точный, работоспособный без надрыва, энергичный без шума, польские усы, польские тонкие ноги. Штаб – это Ж. еще 3 писаря, заматывающихся к ночи».

13 июля: «Работа шт⟨аба⟩ в Белеве. Хорошо налаженная машина, прекрасный нач⟨альник⟩ штаба, машинная работа и живой человек. Открытие – поляк ⟨...⟩ убрали его, по требованию Начдива вернули, любим всеми, хорошо живет с начдивом, что он чувствует. И не коммунист, и поляк, и служит верно, как цепная собака, разбери ⟨...⟩ К⟨а⟩к протекает работа штаба – директива, потом приказ, по⟨том⟩ о⟨пер⟩св⟨одка⟩, пот⟨ом⟩ разведсв⟨одка⟩, тащим политотдел, ревтрибунал, конск⟨ий⟩ запас».

18 июля: «Огоньки в штабе. Всегда огоньки в штабе. Ко⟨н⟩ст⟨антин⟩ Карлович диктует приказание наизусть, никогда ничего не забывает, понурив головы, сидят телефонисты. К.К. служил в Варшаве».

ПАН АПОЛЕК

Впервые: *Кр. Н.* 1923. № 7. С. 110–115, под рубрикой «Миниатюры». Повторно: *Рассказы-1925(1)*. С. 3–13.

[1] *...висела высоко на стене икона. На ней была надпись: «Смерть Крестителя».* – Имеется в виду икона «Усекновение главы Иоанна Крестителя». Иоанн Креститель (Предтеча) – один из самых почитаемых святых в христианстве, сын священника Захарии из рода Аарона. Согласно Евангелиям, ближайший предшественник Иисуса Христа, предсказавший пришествие Мессии; крестил Иисуса Христа в водах Иордана; был обезглавлен по наущению иудейской царевны Иродиады. Считается исторической фигурой, упоминается в рукописях Иосифа Флавия. Об «иконах» Аполека см. также рассказ «У святого Валента».

[2] *Из оскаленного рта его, цветисто сияя чешуей, свисало крохотное туловище змеи. Ее головка, нежно-розовая, полная оживления, могущественно оттеняла глубокий фон плаща.* – Ср. с описанием галичанина, одетого «как бы для погребения или для причастия», из рассказа «Эскадронный Трунов»: «На гигантское его туловище была посажена подвижная крохотная пробритая головка змеи, она была прикрыта широкополой шляпой из деревенской соломы и пошатывалась». О символике змеи см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. С. 278.

[3] *Звуки гейдельбергских песен...* – Гейдельберг – старинный немецкий город, с которым связано литературное течение гейдельбергских романтиков.

[4] *...из костела святой Индегильды...* – Среди католических святых такой святой не значится.

[5] *Коричневые рубища францисканцев...* – Францисканцы – монахи ордена Франциска Ассизского.

[6] *...старушечье личико Льва XIII...* – Лев (Leo) XIII (1810–1903) – папа римский в 1878–1903 гг.

[7] *Потом Аполек закончил Тайную вечерю и Побиение камнями Марии из Магдалы.* – «Тайная вечеря» – икона, изображающая последнюю трапезу Иисуса Христа с апостолами. Мария Магдалина (Maria Magdalena) – христианская святая, мироносица, последовательница Иисуса Христа, согласно евангельским текстам, повсюду следовала за ним, была свидетельницей его распятия и воскрешения. Однако евангельский сюжет о «побиении камнями», когда Христос спасает грешницу-блудницу, не всегда связывают именно с этой святой.

[8] *...узнали в апостоле Павле Янека, хромого выкреста, и в Марии Магдалине – еврейскую девушку Эльку, дочь неведомых родителей и мать многих подзаборных детей.* – Апостол Павел (Савл, Саул) не входил в число двенадцати апостолов и в юности участвовал в преследовании христиан; обратился в христианство после встречи с уже воскресшим Иисусом Христом. Послания Павла составляют значительную часть Нового

Завета и являются одним из главных текстов христианского богословия. По замечанию Э. Зихера, выбор натуры Аполеком не случаен: «Апостол Павел был обращенным (крестившимся) иудеем, Мария Магдалина – грешница (раскаявшаяся под влиянием проповедей Иисуса)» (*Бабель И.Э.* «Детство» и другие рассказы. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1979. С. 367–368).

[9] *Иуда Искариот* – один из апостолов Иисуса Христа, предавший его.

[10] *Викарий* – от *лат.* vicarious – заместитель, наместник; епископ, не имеющий своей епархии и помогающий в управлении епархиальному епископу.

[11] *...о художнике Луке дель-Роббио...* – Лука делла Роббиа (Robbia, 1399–1482) – итальянский скульптор и ювелир эпохи Возрождения.

[12] *...и о семье плотника из Вифлеема.* – Речь идет о Святом семействе (Иосифе Обручнике, Деве Марии и Иисусе). *Вифлеем* (Бейт-Лехем) – место, где родился Иисус Христос.

[13] *– Имею сказать пану писарю...* – В переводе с польского языка слово «писарь» (pisarz) означает «писатель» (см.: *Batuman E.* Pan Pisar': Clerkship in Babel's First-Person Narration // The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context. Stanford: Stanford Univ. Press, 2009. P. 157), в этом значении и нужно понимать здесь данное слово. А собственно писарем Бабель–Лютов не был, хотя и находился вначале при штабе армии, а затем при штабе 6-й дивизии.

[14] *Марк* и Левий *Матфей* (один из двенадцати апостолов) – авторы двух Евангелий Нового Завета.

[15] *...под видом блаженного Франциска...* – См. примеч. 7 к рассказу «Костел в Новограде».

[16] *...история о браке Исуса и Деборы.* – Библейское имя Дебора (в идишской версии Двойра – именно так звали сестру Бени Крика в рассказах «Король», «Закат» и в пьесе «Закат») на иврите означает «пчела»; далее в тексте рассказа сказано об Иисусе: «...пчела скорби укусила его в сердце» (см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 202–203). Таким образом, в «Конармии» два апокрифа о Христе (апокриф пана Аполека об Иисусе и Деборе и апокриф Афоньки Биды об Иисусе и пчеле в рассказе «Путь в Броды», открывающемся фразой «Я скорблю о пчелах») связаны между собой.

[17] *Ее жених был молодой израильтянин, торговавший слоновыми бивнями.* – Вайскопф, основываясь на фрагменте из статьи К.Г. Паустовского «Несколько слов о Бабеле» – об отношении Бабеля к Артюру Рембо, полагает, что экзотическая профессия жениха Деборы позаимствована из биографии Рембо (см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 199). Действительно, в последние годы жизни Рембо работал в торговой фирме «Вианне, Бард и К°», продававшей кофе, кожу, слоновьи бивни.

[18] *...удалился в пустынную страну, на восток от Иудеи, где ждал его Иоанн.* – Речь идет о реке Иордан, в которой Иоанн крестил Иисуса.

СОЛНЦЕ ИТАЛИИ

Впервые: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 8–10, под названием «Сидоров», под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Новоград, июль 1920». В книге датировки нет.

Исправлена опечатка, допущенная в *КА-1926*: «...госпитательные сиделки...» на «...госпитальные сиделки...».

[1] *Внизу у обрыва бесшумный Збруч катил стеклянную темную волну.* – См. примеч. 5 к рассказу «Переход через Збруч».

[2] *Я проделал трехмесячный махновский поход...* – Махно Нестор Иванович (1888–1934) – предводитель крестьянского повстанческого движения на юге Украины, во время Гражданской войны – командующий революционной Повстанческой армией Украины. Под трехмесячным походом, вероятно, подразумеваются события лета и осени 1919 г., в том числе так называемый уманский прорыв в сентябре, когда, зажатый между белыми и петлюровцами, Махно повернул свою армию на восток и, опрокинув противника, занял обширную территорию Приазовья, перерезав пути снабжения наступавшему на Москву Деникину, что, по мнению ряда историков, предопределило поражение и отступление последнего к Черному морю.

[3] *Волин рядится в апостольские ризы и карабкается в Ленины от анархизма.* – Волин (наст. фам. Эйхенбаум) Всеволод Михайлович (1882–1945) – анархист, участник революционного движения; с августа 1919 г. ближайший сподвижник Махно, председатель Военно-революционного совета и один из идеологов махновского движения; в 1922 г. был выслан за границу. Родной брат литературоведа Б.М. Эйхенбаума.

[4] *...made in Харьков, в самодельной столице.* – В 1919 г. Харьков был объявлен столицей УССР и имел этот статус до 1934 г.

[5] *В Совете встретился потом с горсточкой анархистов.* – Военно-революционный совет Повстанческой армии Махно, возглавляемый анархистами, председатель – В.М. Волин.

[6] *...Виктория, невеста, которая никогда не будет женой.* – Аллюзия на роман К. Гамсуна «Виктория» (1898), героиня которого «невеста ⟨...⟩ никогда не выйдет замуж; а герой, спасаясь от своей любви к ней, надолго уезжает в Италию» (*Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 198); ср. с записью в дневнике от 4 июля: «Читаю Гамсуна». Имя Виктория рифмуется также с упомянутым далее именем короля Италии (см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 198).

[7] *...приветливый тщедушный король Виктор-Эммануил...* – Виктор Эммануил (Vittorio Emanuele) III (1869–1947) – король Италии (1900–1946), отрекся от престола.

[8] *...наследным принцем Умберто...* – Умберто II (1904–1983) – четвертый и последний король Италии (из Савойской династии), маршал Италии. Получил прозвище Майский король, так как занимал престол чуть больше месяца – с 9 мая по 12 июня 1946 г., между отречением своего отца Виктора Эммануила III и победой республиканского строя (объявлением итогов референдума об отмене монархии).

ГЕДАЛИ

Впервые: *ОИ.* 1924. 29 июня. С. 3, с подзаголовком «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Житомир, июнь 1920». Повторно: *Кр. Н.* 1924. № 4. С. 13–15, под рубрикой: «Рассказы», с той же датой. В книге датировки нет.

В основе рассказа дневниковая запись от 3 июля: «Базар в Житомире, старый сапож⟨ник,⟩ синька, мел, шнурки. Здания синагог, старинная архитектура, к⟨а⟩к все это берет меня за душу. – Стекло к часам 1200 р⟨ублей⟩. Рынок. Маленький еврей философ. Невообразимая лавка – Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия⟨:⟩ все говорят, что они воюют за правду и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе.

Замечател⟨ьные⟩ слова, бороденка, разговариваем, чай и три пирожка с яблоками – 750 р⟨ублей⟩».

Действие рассказа можно точно датировать 2 июля 1920 г., пятницей, второй половиной дня.

Имя героя рассказа Гедали, возможно, восходит к имени Гедалии бен Ахикама, последнего наместника Иудеи, поставленного Навуходоносором после разрушения Первого Храма. Слово «Гедалия» означает «Бог велик».

[1] *Когда-то в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзра.* – Дед Бабеля по отцовской линии Лейб-Ицхок Бобель (настоящая фамилия семьи) умер в июне 1893 г., за год до рождения внука Исаака; Бабель также упоминает его в рассказе «История моей голубятни» и пишет о нем как о живом в рассказах «Первая любовь» и «В подвале». Ибн Эзра Авраам бен Меир (1089–1167) – средневековый еврейский философ, поэт, математик, астроном и лингвист; здесь речь идет о его комментариях к Торе.

[2] *Старуха моя в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала.* – Имеется в виду бабушка Бабеля по отцовской линии Миндля Ароновна; ей посвящен неоконченный набросок «Детство. У бабушки» (1915).

[3] *Детское сердце раскачивалось в эти вечера, как кораблик на заколдованных волнах.* – Возможно, аллюзия на предпоследнюю строфу стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль»:

Si je désire une eau d'Europe, c'est la flache
Noir et froide où vers le crépuscule embaumé
Un enfant accroupi plein de tristesses, lâche
Un bateau frêle comme un papillon de mai.

(«Если мне нужна какая-нибудь вода Европы – то это лужа, / Черная и холодная, в которой в благоуханные сумерки / Ребенок, полон грусти, на корточках пускает / Кораблик хрупкий, как майская бабочка»; подстрочный перевод Э.Ю. Ермакова).

Впоследствии метафору «пьяного корабля» Бабель воплотит в рассказе «Иван-да-Марья» (1932); подробнее см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 198–199, 361–362.

[4] *О, истлевшие талмуды моего детства!* – Ср. с «Автобиографией»: «По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, Библию, Талмуд» (НИОР РГБ. Ф. 138. М. 9585а. Ед. хр. 1. Л. 1). *Талмуд* – многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, содержащий толкование и обсуждение Закона, устные предания, научные сведения и т.д.; предмет еврейского религиозного образования.

[5] *Диккенс, где была в тот день твоя ласковая тень? Ты увидел бы в этой лавке древностей...* – Имеется в виду роман Чарльза Диккенса (1812–1870) «Лавка древностей» (1840–1841).

[6] *...так начинает Гедали и обвивает меня шелковыми ремнями своих дымчатых глаз.* – Здесь содержится указание на то, что Гедали – человек, внимательно изучающий Талмуд, иначе говоря «шелковый человек», на идише: а зайдэнер ментш (см.: *Зихер Э.* Шабос-нахаму в Петрограде: Бабель и Шолом-Алейхем // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 471).

[7] – *Поляк закрыл мне глаза ⟨...⟩ – поляк, злая собака. Он берет еврея и вырывает ему бороду...* – Эти слова в рассказе навеяны конкретным событием – погромом, учиненным поляками в Житомире с 9 по 11 июня 1920 г. Ср. с дневниковой записью от 3 июля: «После появления наших передовых частей поляки вошли в город на 3 дня, евр⟨ейский⟩ погром, резали бороды, это обычно, собрали на ⟨...⟩ рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли 6 домов, дом Конюховского на Кафедральной – осматриваю, кто спасал – из пулеметов, дворнику⟨,⟩ на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца, – прикололи, ксендз приставил к задней стене – лестницу, таким способом спасались».

[8] *Раше* (правильнее – *Раши*) – аббревиатура из инициалов Рабби Шломо Иицхаки (1040–1105), комментатора Библии и Талмуда. *Маймонид*, Моше бен Маймон (1135–1204), известный под именем Рамбам, – средневековый еврейский философ, врач и теолог.

[9] *И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на голос...* – «Парафраз, восходящий к Торе, в которой оборот “падаем на лицо свое” встречается неоднократно» (*Либерман Я.Л.* Исаак Бабель глазами еврея. Екатеринбург: изд-во Уральского гос. ун-та, 1996. С. 77).

[10] *И вот она взошла на свое кресло из синей тьмы, юная суббота.* – Субботу (шабат, шабес) – в иудаизме седьмой день недели, когда евреи должны пребывать в покое и не осуществлять никакого воздействия на материальный мир, – встречают в пятницу вечером, с заходом солнца. В комментарии к этому рассказу Зихер заметил, что автор «использовал здесь древний поэтический образ субботы как королевы и невесты в субботней молитве» (*Бабель И.Э.* «Детство» и другие рассказы. С. 370). Ср. с началом рассказа «Сын рабби»: «...Помнишь ли ты Житомир, Василий? Помнишь ли ты Тетерев, Василий, и ту ночь, когда суббота, юная суббота кралась вдоль заката, придавливая звезды красным каблучком?» Ср. также с описанием субботы в рассказе «Справедливость в скобках»: «И был день пятый. И был день шестой. День субботний и будет для отдыха. И было утро и был вечер. Суббота, румяная суббота в белой и шелковой капоте, прошлась по молдаванским улицам» (На помощь! Однодневная газета в пользу голодающих Одесского профсоюза полиграфического производства. 1921. 15 авг. С. 2).

[11] *...поплескал водицы на мягкие ладони...* – Иудеи совершают омовение рук до и после еды и перед молитвой.

МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ

Впервые: *ОИ.* 1924. 4 мая. С. 4, с подзаголовком «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Июль 1920 г.». Повторно: Леф. 1924. № 1 (номер вышел после 21 мая 1924 г.). С. 48–50, с подзаголовком «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Июль, 1920 г.». В книге датировки нет.

Автограф с авторской датировкой «Июль, 1920 г.»: РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1455.

[1] *Савицкий, начдив шесть, встал, завидев меня, и я удивился красоте гигантского его тела.* – В ранних редакциях рассказа дана подлинная фамилия начдива – Тимошенко. Ср. с дневниковой записью от 14 июля: «Колоритная фигура. Колосс, красные

полукожаные штаны, красная фуражка, строен, был пулеметчиком, арт⟨иллерийский⟩ прапорщик в прошлом». Ср. также с наброском «⟨41⟩ Тимошенко»: «C'est superbe! – Декоративный начдив. – Переезд, красная фуражка, белый жеребец. – Спокойный, точный, чистоплотный авантюрист».

[2] *...в направлении Чугунов – Добрыводка...* – Добрыводка дважды упоминается в дневнике. 20 июля: «Обход через Бокуйку на Пелча. Сведения, в 10 ч⟨асов⟩ взята Добрыводка, в 12 ч⟨асов⟩ после ничтожного сопротивления Козин»; 21 июля: «Выезжаем в Боратин – через Добрыводка, леса, поля, тихие очертания, дубы, опять музыка и начдив, и сбоку – война».

[3] *...возлагаю на ответственность того же Чеснокова вплоть до высшей меры, которого и шлепну на месте...* – Ср. с записью в дневнике от 1 августа: «Книга апатичен, Тим⟨ошенко⟩: если не выбьет – расстреляю, передай на словах, все же начдив усмехается».

[4] *Потом он прочитал бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии.* – Бабель был переведен из штаба армии в 6-ю дивизию с 24 июня 1920 г., накануне взятия Новограда-Волынского и примерно за месяц до событий, с которых начинается рассказ «Мой первый гусь».

[5] *– Грамотный, – ответил я, завидуя железу и цветам этой юности, – кандидат прав Петербургского университета...* – В реальной жизни Бабель был старше Тимошенко всего на семь месяцев. Возможно, здесь кроется аллюзия на еврейскую пословицу: «Каждый еврейский ребенок рождается старым евреем» (см.: *Либерман Я.Л.* Исаак Бабель глазами еврея. С. 76). Ср. с окончанием рассказа «Сын рабби»: «И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата».

Бабель учился на юридическом факультете Психоневрологического института в Петрограде, но окончил он Киевский коммерческий институт; решением Совета института от 16 марта 1917 г. был удостоен звания «кандидата экономических наук второго разряда» (ГАК. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239. Л. 13). Ср. также с рассказом «Поцелуй»: «– К вашему сведению, – сказал я, встретив Томилину в коридоре, – к вашему сведению должен сообщить, что я окончил юридический факультет и принадлежу к так называемым интеллигентным людям...»

[6] *Ты из киндербальзамов...* – Киндербальзам – буквально в переводе с немецкого: детский бальзам, смесь из шести масел с добавлением китайской корицы и кудрявой мяты, настоянных на спирту. Здесь пренебрежительно: неженка, маменькин сынок.

[7] *...чтобы прочесть в «Правде» речь Ленина на Втором конгрессе Коминтерна.* – Коминтерн – Коммунистический (Третий) интернационал, объединявший коммунистические партии разных стран в 1919–1943 гг. Второй конгресс Коминтерна проходил с 19 июля по 7 августа 1920 г. Конгресс открылся в Петрограде, с 22 июля продолжил свою работу в Москве. Начало речи В.И. Ленина на первом заседании конгресса 19 июля было опубликовано в «Правде» 22 июля (с. 1), полный текст напечатан в «Правде» 24 июля 1920 г. (с. 1–2).

О Втором конгрессе Коминтерна и о выводах, сделанных Бабелем из газетных сообщений, есть запись в дневнике от 8 августа: «Газеты Московск⟨ие⟩ от 29/VII. Открытие II конгресса III Инт⟨ернационала⟩, наконец осуществленное единение народов, все ясно: два мира и объявлена война. Мы будем воевать бесконечно. Россия бросила вызов. Пойдем в Европу, покорять мир. Красная Армия сделалась мировым фактором».

[8] *Белая шея была разостлана в навозе, и крылья заходили над убитой птицей.* – Ср. с записью в дневнике, помеченной 18 августа, но вобравшей в себя впечатления за несколько предыдущих и последующих дней: «Праздник Спаса – 19 Авг⟨уста⟩ – в Баршовице, убиваемая, но еще дышащая деревня, покой, луга, масса гусей (с ними потом распорядились, Сидоренко или Егор рубят шашкой гусей по доске), мы едим вареного гуся, в тот день, белые, они украшают деревню, на зеленых ⟨лугах⟩, население праздничное, но хилое, призрачное, едва вылезшее из хижин, молчаливое ⟨…⟩ странное, изумленное и совсем согнутое. – В этом празднике есть что-то тихое и придавленное».

[9] *...Ленин пишет, что во всем у нас недостача...* – В действительности на первом заседании Ленин выступил с докладом о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала. Он остановился на экономических отношениях империализма как основе политического положения в мире и экономических корнях мирового кризиса, на проблеме военных долгов, рабочем оппортунизме, революционной ситуации и распространении Советов в колониальных странах и на Востоке.

[10] *Я читал и ликовал и подстерегал, ликуя, таинственную кривую ленинской прямой.* – М. Горький писал о Ленине: «Он – политик. Он в совершенстве обладал тою искусственно, но четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия» (*Горький М.* Владимир Ленин // *РС.* 1924. № 1. С. 235). Сохранилась датированная 28 сентября 1924 г. заметка Троцкого, полемичная по отношению к очерку Горького, которую он собирался включить в новое издание книги статей, очерков и эссе о Ленине. Возражая Горькому, Троцкий по памяти цитирует фразу из рассказа «Мой первый гусь»: «Мне вспоминается такое, примерно, выражение беллетриста Бабеля: “Сложная кривая ленинской прямой”. Вот это определение, несмотря на свою внешнюю противоречивость и некоторую вычурность, гораздо правильнее горьковской “прямолинейности”» (*Троцкий Л.Д.* Верное и фальшивое о Ленине / Публ. В. Сазонова // Время и мы. Нью-Йорк, 1993. № 119. С. 252). Ср. также с репликой Галина из конармейского рассказа «Вечер»: «Кривая революции бросила в первый ряд казачью вольницу…»

[11] *...взводный штабного эскадрона, и потом мы пошли спать на сеновал.* – Ср. с дневниковой записью от 11 июля: «Ночевал с солдатами штабного эскадрона, на сене».

[12] *...под дырявой крышей, пропускавшей звезды.* – По мысли Вайскопфа, этот образ представляет собой «слегка замаскированный символ ⟨…⟩ чужбины», это «непременная, предписанная каноном особенность походного шалаша, или *сукки*, который евреям полагалось строить на Праздник кущей в память об их странствиях по пустыне на пути к Земле обетованной» (*Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 123).

РАББИ

Впервые: *ОИ.* 1924. 9 марта. С. 4, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Житомир, июнь 1920». Одновременно: *Кр. Н.* 1924. № 1. С. 68–69, под рубрикой «Из книги “Конармия”». В журнале и в книге датировки нет.

Список с проставленными автором местом и датой «Житомир, июнь, 1920», без начала (начинается со слов «как гречишные поля»): РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–5.

Исправлена ошибка, допущенная в *Кр. Н.* и в *КА-1926*: «Откуда приехал, еврей?» на «Откуда приехал еврей?»

Так же как и рассказ «Гедали», новелла «Рабби» основана на записи в дневнике от 3 июля, сделанной в Житомире: «Заходит суббота. От тестя идем к цадику. Имени не разобрал. Потрясающая для меня картина, хотя совершенно ясно видно умирание и полный декаданс. Сам цадик⟨,⟩ его широкоплечая, тощая фигурка. Сын – благородный мальчик в капотике, видны мещанские, но просторные комнаты. Все чинно, жена – обыкновенная еврейка, даже типа модерн. – Лица старых евреев. – Разговоры в углу о дороговизне. – Я путаюсь в молитвеннике ⟨…⟩ Вместо свечи – коптилка. – Я счастлив, огромные лица, горбатые носы, черные с проседью бороды, о многом думаю, до свиданья, мертвецы, лицо цадика, никелевое пенсне, откуда вы, молодой человек. Из Одессы. К⟨а⟩к там живут. Там люди живы. – А здесь ужас. – Короткий разговор. – Ухожу потрясенный».

Действие рассказа «Рабби», как и действие рассказа «Гедали», происходит вечером 2 июля.

[1] *Рабби* (*идиш* ребе, букв.: учитель) – духовный руководитель группы хасидов (см. также: «цадик», примеч. 8 к этому рассказу).

[2] *Хасидизм* – широкораспространенное религиозное течение, возникшее в восточноевропейском иудаизме во второй половине XVIII в. Подробно о хасидизме в произведениях Бабеля см.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Бабель и хасидизм: Оправдание революции // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 78–83).

[3] *…к рабби Моталэ, к последнему рабби из Чернобыльской династии.* – Место рабби переходит по наследству, как правило, к старшему сыну (см. также рассказ «Сын рабби»). Чернобыльская династия не прекратила своего существования во время Гражданской войны, она пережила холокост, хотя в годы Второй мировой войны погибли многие ее представители, и существует в настоящее время в Израиле и США. Представителю чернобыльских хасидов Бабель присвоил фамилию Брацлавский, но так обозначается другое известное течение хасидизма, основанное Нахманом из Брацлава в конце XVIII в. Не исключено, однако, что фамилия персонажа возникла просто по топонимической ассоциации с Брацлавским уездом (подробнее см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 257–258).

[4] *На нем была соболья шапка и белый халат, стянутый веревкой.* – Помимо кипы (традиционного мужского головного убора религиозных евреев) многие хасиды носят меховые шапки. «Халат тоже часть хасидской одежды, однако белый халат обычно носят только ребе в некоторых хасидских группах. Во время молитвы хасиды подпоясываются ремнем. Этим традициям приписывается мистическое значение» (*Зихер Э.* Примечание к рассказу «Рабби» // Бабель И.Э. «Детство» и другие рассказы. С. 373–374).

[5] *Откуда приехал еврей?* – Этот и последующие вопросы рабби Моталэ являются принятыми обращениями на идише.

[6] *Благочестивый город…* – Ироническое высказывание: Одесса прославилась именно как центр Гаскалы, еврейского светского просвещения.

[7] *Я перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя.* – Герш из Острополя, или Гершеле Остраполер (1757–1811) – еврей из Острополя, народный балагур

и острослов, прославился своими остроумными выходками и насмешками над бездельниками и богачами, стал одним из главных героев шуток и анекдотов восточноевропейских евреев. Гершеле Остополер был шойхетом (мясником), осуществлявшим ритуальный забой скота и птицы. Из-за нужды он стал много путешествовать. Во время одного из путешествий он попал в Меджибож, к известному цадику Боруху Тульчинскому, и стал при нем шутом-советником. О Гершеле Бабель упоминает в дневниковой записи от 23 июля: «Синагоги ⟨–⟩ приземистые старинные зеленые и синие домишки, хасидская, внутри – архитектуры никакой. Иду в хасидскую. Пятница. Какие изуродованные фигурки, какие изможденные лица, все воскресло для меня, что было 300 лет, старики бегают по синагоге – воя нет, почему-то все ходят из угла в угол, молитва самая непринужденная. Вероятно, здесь скопились самые отвратительные на вид евреи Дубно. Я молюсь, вернее, почти молюсь и думаю о Гершеле, как бы описать». Похождениям Гершеле посвящен ранний рассказ Бабеля «Шабос-нахаму» (1918).

[8] *Цадик* – в иудаизме (особенно в хасидизме) благочестивый, безгрешный человек (святой), духовный лидер хасидской общины.

[9] *Спиноза* (Spinoza) Барух (Бенедикт, 1632–1677) – нидерландский философ еврейского происхождения, первый мыслитель Нового времени. Спинозе посвящен фрагмент рассказа Бабеля «В подвале» (1931).

[10] *Он курил и вздрагивал...* – Иудеям категорически запрещено зажигать огонь и курить в субботу. Также противоречит иудейской традиции жест реба Мордхэ, вырвавшего изо рта у Ильи зажженную папиросу.

[11] *Я дал старику денег...* – В субботу иудеям категорически запрещено прикасаться к деньгам.

[12] *Там, на вокзале, в агитпоезде 1-й Конной армии меня ждало сияние сотен огней, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин в типографии и недописанная статья в газету «Красный Кавалерист».* – Ср. с окончанием дневниковой записи от 3 июля: «А потом ночь, поезд, разрисованные лозунги коммунизма (контраст с тем, что я видел у старых евреев). Стук машин, своя электрическая станция, свои газеты, идет сеанс синематографа, поезд сияет, грохочет...»

ПУТЬ В БРОДЫ

Впервые: *ОИ (приложение).* 1923. 17 июня. С. 1, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Броды, август 1920 г.». Повторно: Прожектор. 1923. № 21. С. 13–14, вместе с рассказами «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине», под рубрикой «Три рассказа». Затем: *Рассказы-1925(1).* С. 14–16.

26 июля 1920 г., после трехдневных ожесточенных боев, в Броды вступили части 45-й стрелковой дивизии и кавалерия во главе с командующим Первой конной армией Буденным и членом ее Реввоенсовета К.Е. Ворошиловым. Однако бои за Броды продолжались (см. примеч. 7 к рассказу «Смерть Долгушова»). Броды неоднократно упоминаются в дневниковых записях Бабеля в конце июля – начале августа. 3 августа он записал: «Ночь в поле, двигаемся с линейкой в Броды. Город переходит из рук в руки». На некоторое время Броды стали местом расположения штаба Первой конной.

К этому рассказу, а также к рассказу «Их было девять» (см. «Дополнения») относится дневниковая запись от 31 августа: «Совещание с комбригами. Фольварк. Тенистая

лужайка. Разрушение полное. Даже вещей не осталось. Овес растаскиваем до основания. Фруктовый сад, пасека, разрушение пчельника, страшно, пчелы жужжат в отчаянии, взрывают порохом 〈…〉 обматываются шинелями и идут в наступление на улей, вакханалия, тащат рамки на саблях, мед стекает на землю, пчелы жалят, их выкуривают смолистыми тряпками, зажженными тряпками 〈…〉 В пасеке – хаос и полное разрушение, дымятся развалины. – Я пишу в саду, лужайка, цветы, больно за все это».

[1] *И то же самое летает вокруг Христа пчела.* – См. примеч. 16 к рассказу «Пан Аполек».

[2] *...в день Усекновения главы.* – Христианский праздник – день Усекновения главы Иоанна Предтечи (по новому стилю отмечается 11 сентября).

[3] *За перевалом нас ждало видение мертвенных и зубчатых Брод.* – Ср. с записью в дневнике от 26 июля: «На рассвете Броды, все это ужасно – везде проволока, обгоревшие трубы, малокровный город, пресные дома...»

[4] *Но у Клекотова нам в лицо звучно лопнул выстрел.* – Ср. с дневниковой записью от 3 августа: «Говорят, что начдив в Клекотове, пробыли в опустошенных, предчувствующих Бродах часа два, чай в парикмахерской 〈…〉 Ехать или не ехать. Едем на Клекотов, сворачиваем с Лешнювского шоссе, неизвестность, поляки или мы, едем на ощупь, лошади замучены, хромает все сильнее, едим в селе картошку, показываются бригады, неизъяснимая красота, грозная сила двигается, бесконечные ряды...»

УЧЕНИЕ О ТАЧАНКЕ

Впервые: *ОИ.* 1923. 23 февр. С. 6, под рубрикой «Из книги “Конармия”», авторская датировка: «Белев. 15.7.20». Повторно: Прожектор. 1923. № 21. С. 14, вместе с рассказами «Путь в Броды» и «Кладбище в Козине», под рубрикой «Три рассказа». Затем: *Рассказы-1925(1).* С. 17–20. В журнальной публикации и в книге датировки нет.

[1] *Фамилия его Грищук. Ему тридцать девять лет. История его ужасна.* – Ср. с дневниковыми записями от 14 июля: «Свыкаюсь со штабом, у меня повозочный 39-летн〈ий〉 Гришчук, 6 лет в плену в Германии, 50 верст от дому (он из Кременецкого у〈езда〉) не пускают, молчит» и от 19 июля: «Что такое Грищук, покорность, тишина бесконечная, вялость беспредельная. 50 верст от дому, 6 л〈ет〉 не был дома, не убегает. – Знает, что такое начальство, немцы научили». Грищук неоднократно упоминается в дневнике, ему посвящен не включенный в книгу рассказ, в котором подробнее говорится об «истории» повозочного в германском плену (см. разд. «Дополнения»).

[2] *Таков Махно, упразднивший пехоту, артиллерию и даже конницу и взамен этих неуклюжих громад привинтивший к бричкам триста пулеметов.* – Широкое применение тачанок отличало махновскую армию от других армий во время Гражданской войны. «Тачанки, оборудованные пулеметами, составляли ее ядро. Подобный вид Повстанческая армия обрела уже в 1919 г., когда она в полной мере проявила свою боеспособность. Аналогичная ситуация сложилась и в 1920 г., когда ее не удалось разгромить карательным отрядам красных и она успешно действовала и на врангелевском фронте 〈…〉 Продемонстрированные махновцами в Крыму навыки применения боевых тачанок дают основания предполагать, что именно махновцам принадлежит приоритет изобретения пулеметной тачанки...» (*Шанин Т., Кондрашин В., Тархова Н.* Введение //

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 17).

[3] *Клуня* – молотильный сарай, амбар.

[4] *...по развороченному волынскому шляху.* – Шлях – на Украине и на юге России в XVI–XVII вв. – степная дорога около южных границ; большая наезженная дорога, тракт.

[5] *Святая Урсула* – католическая святая-мученица, жившая, согласно легенде, в IV в.

[6] *Фольварк* – польское название помещичьего хозяйства.

[7] *И в памяти зажигается образ южных евреев, жовиальных, пузатых, пузырящихся, как дешевое вино. Несравнима с ними горькая надменность этих длинных и костлявых спин, этих желтых и трагических бород.* – Ср. с дневниковой записью от 21 июля: «Евреи – портреты, длинные, молчаливые, длиннобородые, не наши толстые и jovial. Высокие старики, шатающиеся без дела».

[8] *...польские жолнеры...* – Здесь: польские солдаты. Жолнеры (или жалонеры) – в старой Польше наемные пешие солдаты. Также этим словом обозначаются нижние военные чины со специальными значками на штыках, которые высылаются вперед остального войска для обозначения своим частям места расположения или построения.

СМЕРТЬ ДОЛГУШОВА

Впервые: *ОИ.* 1923. 1 мая. С. 5, с подзаголовком «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Броды, август, 1920 г.». Повторно: Огонек. 1923. № 9. С. [1–2], без даты, с подзаголовком «Из книги “Конармия” И. Бабеля»; Леф. 1923. № 4. С. 66–68, без даты, под рубрикой «Из книги “Конармия”». Перепечатано из «Лефа», в старой орфографии: газета «Звено» (Париж, 1924. 1 дек., вместе с рассказом «Соль» и предисловием К.В. Мочульского «Два рассказа из книги “Конармия”»). Затем: *Рассказы-1925(2).* С. 77–82.

Машинопись с проставленными от руки местом и датой «Броды, август, 1920»: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 8–10.

Действие рассказа, по всей вероятности, объединяет события 22–23 июля и 3 августа 1920 г. 22 июля Бабель записал в дневнике: «Дорога леском, тревога. Грищук туп и страшен. Я на тяжелой лошади Соколова. Я один на дороге. Светло, прозрачно, не жарко, легкая теплота. Фурманка впереди, пять человек, похожих на поляков. Игра, едем, останавливаемся, откуда? Взаимный страх и тревога. У Хотина видны наши, въезжаем, стрельба. Дикая скачка назад, тащу коня на поводу. Пули жужжат, воют. Арт⟨иллерийский⟩ огонь. Грищук то несется с мрачной и молчаливой энергией, то в опасные минуты – непонятен, вял, черен, заросшая челюсть. В Боратине уже никого нет. Обоз за Боратиным, начинается каша. Обозная эпопея, отвращение и мерзость ⟨...⟩ Стоим полночи у Козина, стрельба ⟨...⟩ Засыпаю на полчаса, говорят ⟨,⟩ была перестрелка, наши выслали цепь. Двигаемся дальше. Лошади измучены, ужасная ночь, двигаемся колоссальным обозом в непроглядной тьме, неизвестно⟨,⟩ через какие деревни, пожарище где-то сбоку, пересекают дорогу другие обозы – потрясен фронт или обозная паника? – Ночь тянется бесконечно, попадаем в яму. Грищук странно правит, нас бьют сзади дышлом, крики где-то вдали, останавливаемся через каждые полверсты и стоим томительно, бесцельно, долго. – У нас рвется вожжа, тачанка не повинуется, отъезжаем в поле, ночь,

у Грищука припадок звериного, тупого, безнадежного и бесящего меня отчаяния: о, сгорили б те вожжи, о, – сгори, да сгори. Он слеп, он признается в этом, Грищук, он ничего не видит ночью. Обоз нас оставляет, дороги тяжелы, черная грязь, Грищук, хватаясь за обрывок вожжи⟨,⟩ – неожиданным своим звенящим тенорком – пропадем, поляк догонит, канонада отовсюду, обозные – мы в кругу. Едем на авось с порванной вожжой ⟨…⟩ Тачанка визжит, тяжелый мутный рассвет вдали, мокрые поля». См. также примеч. 4 к рассказу «Путь в Броды».

[1] *В полдень пролетел мимо нас Корочаев в черной бурке – опальный начдив четыре…* – Коротчаев Дмитрий Дмитриевич в начале мая 1920 г. принял командование 4-й кавдивизией, однако в середине июня чуть не попал в окружение, за что был понижен в должности до комбрига. Но фактически бригадой, куда был направлен Коротчаев, продолжал командовать прежний комбриг, назначенный командиром дивизии. Буденный писал, что после боя за село Лопатин командира 2-й бригады 6-й дивизии Коротчаева, не выполнившего задачу по захвату переправы в Станиславчике, решили предать суду военного трибунала. Однако вечером 18 августа (во время боев за Львов, проходивших в 6–9 километрах от него) «начдив 6 донес, что командир 2-й бригады Д.Д. Коротчаев ранен и отправлен в Буск, но что ранение, хотя и тяжелое, для жизни опасности не представляет. И.Р. Апанасенко отмечал мужество Д.Д. Коротчаева, умелое командование бригадой, точное выполнение всех приказов и распоряжений» (*Буденный 2.* С. 327). «Мы с К.Е. Ворошиловым и С.А. Зотовым посоветовались, – продолжает Буденный, – и решили прекратить следствие по делу о допущенной Коротчаевым ошибке в бою под Лопатином и за проявленный героизм наградить его орденом Красного Знамени» (Там же).

О Коротчаеве см. также запись в дневнике Бабеля от 8 августа.

[2] *…Радзивиллов и Броды в огне!..* – Ср. с записью в дневнике от 23 июля: «Идет операция на Броды, Радзивилов вперед и одной бригадой на тыл. 6⟨-я⟩ див⟨изия⟩ в тяжких боях».

[3] *– Набили нам ряжку.* – Значение слова «ряжка» кажется очевидным: уменьшительная форма от «ряха» (грубое обозначение лица), поэтому скорее должно быть «ряшка». Однако во всех прижизненных источниках, включая машинопись с авторской правкой, именно так: ряжка (см.: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 8). В словаре Даля семантика слова иная: «ряжка», как, впрочем, и «ряшка», обозначает «лохань, помойницу, банную шайку, ведерко, черпак» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 126).

[4] *Есть думка за начдива, смещают.* – О смене руководства 6-й дивизии говорится в нескольких дневниковых записях, относящихся к первым числам августа. Ср., например, с записью от 3 августа: «Я двигаюсь, слухи об отозвании начдива». Решением Реввоенсовета Первой конной армии начальник 6-й кавдивизии Тимошенко и начальник штаба дивизии Жолнеркевич были отстранены от занимаемых должностей и с 5 августа 1920 г. отправлены в резерв. Временно исполняющим должность начдива шесть был назначен Апанасенко. См. также рассказ «История одной лошади» и примеч. 1 к дневниковой записи от 5 августа.

[5] *– Тарас Григорьевич, я есть делегат. Видать, вроде того, что останемся мы…* – Ср. с наброском «⟨27⟩ *Смерть Трунова*»: «…казак из могилы – долаживаю вам, тов. начдив, возможная вещь, что здесь и останемся».

[6] *...мы остались одни и до вечера мотались между огненных стен.* – Вероятно, «безотчетная реминисценция библейского пророчества об Иерусалиме: “И Я буду для него, говорит Господь, огненною стеною вокруг него… Эй, эй! Бегите из северной страны, говорит Господь; ибо по четырем ветрам небесным Я рассеял вас” (Зах., 2:5–6)» (*Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 118).

[7] *Поляки вошли в Броды и были выбиты контратакой.* – Части польской армии с конца июля 1920 г. неоднократно пытались вернуть Броды.

3 августа Орловский записал в дневнике, что после полудня Ф.М. Литунов, начдив 4, «обнаружил двигающуюся от переправы кавалерию противника в направлении Броды через лес, что в 4 км севернее Броды. Немедленно была двинута 2-я бригада и подготовлена 3-я бригада с артиллерией 〈…〉

К вечеру пришли сведения о захвате противником г. Брод обходом с юга. Комбригу 2 около 14 час. приказано было выслать разъезды в Броды и в случае наличия противника – выбить его оттуда. Бригада приказание выполнила, зарубив занявший Броды разъезд противника в 120 кавалеристов. Однако противник вторично повел наступление на Броды. Подошедшая наша 3-я бригада оттеснила его к Берлино на переправу, захваченную 1-й бригадой. К наступлению темноты противник остался в одной части г. Броды, а наши части отошли в его предместье – дер. Дедковцы» (*Орловский.* С. 82–83).

4 августа, на рассвете, части Первой конной вновь начали наступление на Броды. «Около 12 часов на наш участок приехал К.Е. Ворошилов, – записал в дневнике Орловский. – Последний передал категорическое приказание командному и политическому составу, под угрозой расстрела виновных в бездействии, вести наступление на Броды и выбить противника» (Там же. С. 83).

В тот день части Первой конной вели наступление на Броды с трех направлений: с севера, северо-востока и юга, при поддержке огня с трех бронепоездов. Однако наступление не увенчалось успехом. После небольшой передышки, с 10 августа вновь предпринимались попытки овладеть Бродами. Но только 16 августа 11-й кавдивизии удалось без боя занять город.

[8] *– Пропадаем! – воскликнул я, охваченный гибельным восторгом, – пропадаем, отец!* – В уста героя-повествователя Лютова Бабель вложил видоизмененную фразу, на самом деле принадлежавшую повозочному; ср. с дневниковой записью от 22 июля: «…Грищук, хватаясь за обрывок вожжи〈,〉 – неожиданным своим звенящим тенорком – пропадем, поляк догонит…»

КОМБРИГ 2

Впервые: Леф. 1923. № 4. С. 70–72, под названием «Колесников», под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Броды, август, 1920».

Машинопись под названием «Колесников» с авторской датировкой «Броды, август, 1920»: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 11–12.

30 июля 1920 г. командир 35-го кавалерийского полка Иван Андреевич Колесников сменил не комбрига два (комбригом два на тот момент был Апанасенко), а тяжело раненного командира 3-й бригады И.П. Колесова.

Событиям, описанным в рассказе, соответствует дневниковая запись от 3 августа: «Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный

бой – остановим польское наступление или нет, Буденный Колесникову и Гришину – расстреляю, они уходят бледные пешком».

Этот эпизод в «отретушированном» виде есть и в воспоминаниях Буденного:

«Комбриг подошел, поправляя на ходу портупею. Шагах в трех от нас остановился, приложил к кубанке руку с растопыренными узловатыми пальцами и, глядя на меня сверху вниз, пробасил:

– Командир третьей бригады Иван Колесников.

– Видите неприятельскую пехоту?

– Вижу!

– Приказываю атаковать ее правый фланг, отрезать от леса и уничтожить. Не сделаете этого, считайте, что вы не комбриг. Задача ясна? – строго посмотрел я на Колесникова.

– Понятно. Значит, атаковать и уничтожить» (*Буденный 2*. С. 263).

Далее Буденный рассказал о самом бое, в отдельных деталях его рассказ близок к описанию Бабеля.

«Мы сели на коней, – вспоминал Буденный, – и, сопровождаемые эскадроном Реввоенсовета, подъехали к уже выстроенной в редколесье бригаде. По рядам бойцов прошел приглушенный говорок.

– Все видите пехоту противника? – привстав на стременах и сдерживая своего заволновавшегося коня, спросил я.

– Видим, – прозвучал дружный ответ.

– Шашки к бою! За мной, в атаку – марш, марш! 〈…〉

– Ура-а-а! – грохнул у меня за спиной и разлился, как морской прибой, боевой клич красноармейцев.

Впереди желто-бурое поле с редкими крестцами снопов и рассыпанными, перекатывающимися, словно горох, серыми фигурками польских солдат. По сторонам слышится всхрапывание лошадей моих боевых друзей и соратников. Слева вижу, скачет Климент Ефремович Ворошилов. Бок о бок с ним – комиссар 3-й бригады Петр Капитонович Гришин. Справа, склонившись к шее коня, весь устремился вперед комбриг Иван Андреевич Колесников 〈…〉

Позади на все голоса гремит, вздымает тучи пыли лава всадников с обнаженными клинками 〈…〉

Засвистели одиночные пули. Но это продолжалось какие-то секунды. А потом разом ударили десятки вражеских пулеметов. Перед глазами поднялся вал пыли 〈…〉

Я оглянулся назад. Бригада продолжала карьером катиться по полю, потрясая воздух мощным “ура”, которое сливалось с треском пулеметов и разносившимся по лесу эхом» (Там же. С. 264).

[1] *Тот растопырил у козырька пять красных юношеских пальцев…* – Ср. с воспоминаниями Буденного: «Комбриг 〈…〉 приложил к кубанке руку с растопыренными узловатыми пальцами…» (*Буденный 2*. С. 263). Существует мнение, что Буденный не мог помнить подобную деталь в течение сорока с лишним лет и позаимствовал ее из рассказа Бабеля (см.: *Абрагам К.* По следам героев И.Э. Бабеля // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М.: Дом еврейской книги, 2012. Вып. 12. С. 107).

[2] *...прославленного Книги...* – Ср. с дневниковой записью от 19 июля: «...знаменитый Книга, чем он знаменит...» Книга Василий Иванович (1883–1961) – советский военачальник, в годы Гражданской войны – один из организаторов краснопартизанских отрядов на Ставрополье, в Первой конной армии командовал 1-й кавалерийской бригадой 6-й дивизии. В.И. Книга неоднократно упоминается в дневнике Бабеля.

САШКА ХРИСТОС

Впервые: *ОИ*. 1924. 10 февр. С. 4, под рубрикой «Из книги “Конармия”». Одновременно: *Кр. Н.* 1924. № 1. С. 64–67, под рубрикой «Из книги “Конармия”». Затем: *Рассказы-1925(2)*. С. 85–92.

[1] *Колыска* – люлька, колыбель, *устар.* качель.

[2] *Сашку подбили идти в станицу Платовскую...* – Станица Платовская (ныне станица Буденновская Ростовской области) – родина Буденного.

[3] *Выслужившийся вахмистр – Семен Михайлович Буденный...* – Вахмистр – воинское звание унтер-офицерского состава в кавалерии и артиллерии ряда европейских стран, а также в русской царской армии – в кавалерии, казачьих войсках и Отдельном корпусе жандармов. В 1907 г. Буденный, служивший в Приморском драгунском полку, был направлен в Петербургскую школу наездников. «В школе мне присвоили звание младшего унтер-офицера. Вернувшись в полк, я занял должность наездника и вскоре получил звание старшего унтер-офицера. По должности я пользовался правами вахмистра», – вспоминал впоследствии Буденный (*Буденный 1*. С. 11). В чине старшего унтер-офицера он служил в Первую мировую войну.

[4] *...при нем были три брата: Емельян, Лукьян и Денис.* – Младшего из братьев звали не Лукьян, а Леонид. Три брата Буденного командовали эскадронами. Денис Буденный погиб в 1919 г.

[5] *Он ходил выручать героический Царицын...* – Конный корпус Буденного успешно действовал под Царицыном в 1918 – начале 1919 г.

[6] *...соединялся с десятой армией Ворошилова...* – Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский военачальник, государственный и партийный деятель, один из первых маршалов Советского Союза; нарком по военным и морским делам (1925–1934), председатель Реввоенсовета СССР, затем нарком обороны СССР (1934–1940). В годы Гражданской войны – командующий Царицынской группой войск, заместитель командующего и член Военного совета Южного фронта, командующий 10-й армией, нарком внутренних дел Украины, командующий Харьковским военным округом, командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. Один из организаторов и член Реввоенсовета Первой конной армии. 10-я армия была создана приказом Реввоенсовета Южного фронта от 3 октября 1918 г. (на основании директивы Реввоенсовета Республики от 11 сентября 1918 г.) из войсковых соединений, действовавших в районе Царицына и Камышина. 10 мая 1920 г. была переименована в 10-ю Терскую армию. С 1 октября 1919 г. – в составе Юго-Восточного фронта, с 16 января 1920 г. – в составе Кавказского фронта. Расформирована в июле 1920 г. Ворошилов командовал 10-й армией с 3 октября по 18 декабря 1918 г.

[7] *...бился под Воронежем, под Касторной и у Генеральского моста на Донце.* – В ноябре 1919 г. Конный корпус Буденного составил одну из ударных групп Южного фронта; в ходе Воронежско-Касторненской операции нанес поражение белогвардейской коннице, затем сыграл решающую роль в Донбасской операции.

[8] *Нередко встречали мы утреннюю зорю...* – Зóря – в армии утренний сигнал к сбору.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАВЛИЧЕНКИ, МАТВЕЙ РОДИОНЫЧА

Впервые: *Шк*. 1924. № 8. С. 4–5, с посвящением Д.А. Шмидту. Повторно: 30 дней. 1925. № 1. С. 20–26, с посвящением Д.А. Шмидту. Затем: *Рассказы-1925(1)*. С. 22–29, с посвящением Д.А. Шмидту.

В журнале «30 дней» рассказ сопровождался редакционным примечанием: «Произведения Бабеля возбудили сейчас вокруг себя горячие споры и почти единодушное признание. Бабель описывает революцию, не прикрашивая ее, и в то же время дает картины, полные революционного пафоса. Чрезвычайно важно отметить, что хотя Бабель выступил на литературном поприще уже около десяти лет, только песня революции оказалась песней достаточно громкой и полной для его голоса» (30 дней. 1925. № 1. С. 20).

Машинопись с подписью и с посвящением Д.А. Шмидту: ОР ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 2.

Исправлена печатка, допущенная в машинописи, в журнале «30 дней» и в *КА-1926*: «Не писаря летали в те дни по Кубани...» на «Не писаря летели в те дни по Кубани...»

В ряде конармейских рассказов, где действующим лицом является Павличенко, в публикациях в периодике дается его настоящая фамилия – Апанасенко. В «Жизнеописании...» вымышленная фамилия Павличенко дана уже в первой публикации.

В дневнике 12 августа помечено: «Надо писать в газету и жизнеописание Апанасенки». Ср. также с наброском:

«⟨39⟩ Жизнеописание Апанасенки.

Унтер-офицер. 4 Георгия. Сын свинопаса. – Собрал деревню. Действовал на свой страх и риск. – Соединился с Буденным. – Астраханский поход. – Послание к полякам, которое начинается так: Сволочи. Составить послание».

Бабель изменил фамилию и имя героя, но сохранил его подлинное отчество.

Воплощая замысел «Жизнеописания...», автор, вероятнее всего, воспользовался написанной зав. политотделом 6-й дивизии В.И. Берловым газетной заметкой о начдиве: «Тов. Апанасенко Иосиф Родионович, уроженец Ставропольской губ., Благодаринского уезда, села Митрофановки, родился в бедной крестьянской семье, и до призывного возраста ему приходилось работать на помещиков и деревенских кулаков: пасти овец, лошадей и т.д., перенося всякие оскорбления вплоть до мордобития ⟨...⟩ учения тов. Апанасенко никакого не проходил, если не считать внешкольного образования, которое ему пришлось получить до призывного возраста от какого-то малограмотного родственника» (*КК*. 1920. 9 апр. С. 3).

В то же время сказовая форма новеллы отделяет героя от прототипа. Однако весьма нелицеприятные характеристики Апанасенко встречаются как в других рассказах (см., например, новеллу «Чесники»), так и в дневнике. 5 августа: «...Апанасенко, новая и яркая фигура, некрасив, коряв, страстен, самолюбив, честолюбив, написал воззвание

в Ставрополь и на Дон о непорядках тыла, для того, чтобы сообщить в родные места, что он начдив»; 10 августа: «Апанасенко в красном казакине, в черной бурке, гладко выбритое лицо – страшное явление, атаман», 11 августа: «Ненависть Апанасенки к богатым, к интеллигентам, неугасимая ненависть», 18 августа: «Апанасенко говорит всегда – сестру зарезать, поляков зарезать».

Об И.Р. Апанасенко см. примеч. 2 к дневниковой записи от 4 августа.

[1] *...настелил на пол малиновых потничков...* – Потник – часть снаряжения лошади: кусок ткани в форме седла, подкладывается под седло или прикрепляется к нему с внутренней стороны.

[2] *...лежал тогда на крови под Прикумском...* – Здесь допущен анахронизм: до 28 декабря 1921 г. город Прикумск носил название Святой Крест, постановлением ЦИК СССР от 29 апреля 1935 г. Прикумск переименован в Буденновск, затем 14 ноября 1957 г., в связи с выходом постановления о запрете называть населенные пункты в честь здравствующих вождей, город вновь был назван Прикумском; после смерти Буденного постановлением Верховного Совета РСФСР от 30 ноября 1973 г. ему было возвращено название Буденновск.

КЛАДБИЩЕ В КОЗИНЕ

Впервые: *ОИ*. 1923. 23 февр. С. 6, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «16.7.20». Повторно: Прожектор. 1923. № 21. С. 14, вместе с рассказами «Путь в Броды» и «Учение о тачанке», под рубрикой «Три рассказа». Затем: *Рассказы-1925(1)*. С. 21. В журнале и в книге датировки нет.

Описания еврейских кладбищ, легшие в основу новеллы, встречаются в дневнике.

18 июля (Новоселки–Мал. Дорогостай): «Еврейское кладбище за Малиным, сотни лет, камни повалились, почти все одной формы ⟨...⟩ овальные сверху, кладбище заросло травой, оно видело Хмельницкого, теперь Буденного, несчастное евр⟨ейское⟩ население, все повторяется, теперь эта история – поляки – казаки – евреи – с поразительной точностью повторяется, новое – коммунизм».

21 июля (Пелча–Боратин): «Кладбище, разрушенный домик рабби Азриила, три поколения, памятник под выросшим над ним деревом, эти старые камни, все одинаковой формы, одного содержания...»

24 июля: «...несчастный Козин. – Кладбище, круглые камни».

«Кладбище в Козине» называют стихотворением в прозе. Новелла действительно отличается от других рассказов цикла не только стилистическим и ритмическим своеобразием, но и совсем небольшим объемом. В «Планах и набросках к “Конармии”» есть запись: «Стиль, размер. – Кладбище в Козине» (⟨58⟩). В новелле дано не конкретное, а скорее обобщенно-поэтическое изображение еврейского кладбища, куда вплетаются и христианские символы («изображение рыбы и овцы»), и калька с христианской реалии («раввин краковский и пражский», ср. в рассказе «Пан Аполек»: «викарий дубенский и новоконстантиновский»), и молитва бедуина.

[1] *Изображение рыбы...* – Например, древняя монограмма (акроним) имени Иисуса Христа Ихтис (в переводе с древнегреческого: рыба) часто аллегорически изображалась в виде рыбы.

[2] *Изображения раввинов в меховых шапках. Раввины подпоясаны ремнем на узких чреслах.* – Раввин – в иудаизме звание, которое присваивается духовным и ученым лидерам. Однако в иудаизме недопустимо изображение людей на памятниках. Об одежде раввинов см. примеч. 4 к рассказу «Рабби».

[3] *...убитого казаками Богдана Хмельницкого.* – Хмельницкий Богдан (Зиновий Богдан) Михайлович (1595–1657) – гетман Войска Запорожского, украинский полководец, политический и государственный деятель; возглавил восстание против Речи Посполитой, в результате которого в 1654 г. произошло воссоединение Украины с Россией. Восстание под предводительством Хмельницкого сопровождалось особой жестокостью в отношении жителей захваченных городов, в первую очередь к католическим священникам, монахам и особенно к евреям, которые истреблялись поголовно. В ходе восстания были уничтожены сотни еврейских общин.

[4]*...зазеленевшие скрижали поют о них...* – Скрижали – две каменные плиты, на которых были выбиты десять заповедей; в данном случае надгробья с надписями. В иудаизме нет запретов и ограничений на надгробные надписи.

ПРИЩЕПА

Впервые: *ОИ (приложение).* 1923. 17 июня. С. 1, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Демидовка, июль, 1920». Повторно: Леф. 1923. № 4. С. 72, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Демидовка, июль, 1920». В книге датировки нет.

Машинопись с датировкой «Демидовка, июль, 1920»: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 7.

Прищепа – реальный человек, служивший в Первой конной армии. Эта фамилия встречается в дневнике. Наиболее подробно о Прищепе см. дневниковую запись от 24 июля.

Заметки к рассказу есть также в «Планах и набросках к “Конармии”».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Впервые: *ОИ.* 1924. 13 апр. С. 2, вместе с «Продолжением истории одной лошади» под общим названием «Тимошенко и Мельников», под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Июнь, 1920». Повторно: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 10–13, под тем же названием, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Радзивиллов, июль 1920 г.».

Рассказ основан на реальных событиях. В архиве редакции «Красной нови» сохранилась копия письма Бабелю от 4 июля 1924 г., написанного прототипом героя рассказа С. Мельниковым, бывшим бойцом Первой конной армии, командиром эскадрона, а в те дни служащим советского торгпредства в Берлине: «...мне никогда и в голову не приходило, что после затишья на красных фронтах кто-нибудь скажет несколько слов про жизнь скромного бойца командира ⟨...⟩ Тов. Бабель, если Вы еще не закончили писать книгу о Конармии и Вам нужны материалы, то напишите мне или, вернее, в письме поставьте ряд вопросов, которые Вас интересуют, и я с большим удовольствием на них по возможности отвечу». Однако Мельников просит внести в рассказ одно исправле-

ние: «А теперь, уважаемый тов. БАБЕЛЬ, прошу Вас исправить вкравшуюся ошибку в Вашей книге, ибо указание, что я подал военкому заявление о выходе из РКП(б), не соответствует истине, подобного заявления я военкому не подавал, были только горячие споры о том, что начдив, коммунист, отнимая у своего подчиненного командира коня, злоупотребляет властью и делает преступление, что и было указано в рапорте, поданном мною в штаб армии, на каковом и была действительно положена резолюция: "Возвратить белого коня командиру 1-го эскадрона МЕЛЬНИКОВУ"». Примечательна и концовка письма: «Эх, тов. Бабель, славная, красивая и полная героизма была жизнь и работа, хотя и полна опасности в нашей непобедимой, прославленной Конармии, а белого коня не забуду, пока буду жив» (РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1718).

Почти одновременно с письмом в редакцию «Красной нови», 8 июля 1924 г., имя Мельникова всплывает в письме Горькому от М.Ф. Андреевой, работавшей в ту пору зав. фотокиноподотделом советского торгпредства в Берлине и занимавшейся просмотром и отбором фильмов для приобретения и показа в СССР. Об одном из таких просмотров – американского кинофильма «Король степей» – Андреева и написала Горькому:

«Был у меня на днях случай – пожалела я очень, что тебя при нем не было.

Принесли мне на просмотр картину: главное действующее лицо – великолепнейший черный конь. Будто он вовсе дикий. Показано, как он свой косяк блюдет, как дерется с таким же диким конем белым, отбивая своих маток, причем драка настоящая, в кровь! Как он прячет свой косяк от покушений поймать со стороны людей и опять-таки – играет конь так, что полная иллюзия настоящей дикой лошадиной жизни, в горах, в лесу, в огромных долинах 〈…〉

Кончается картина тем, что человек благодарит коня за дружбу, за помощь, целует его в морду и отпускает на свободу. Конь бежит, ржет, лётом мчится к горам, стоит высоко-высоко на скале, ржет… Осматривается, поворачивает голову влево… вправо… И вдруг внизу, в долине видит своего друга. Опять ты ясно видишь, что конь думает, что в нем происходит борьба, и вдруг – он решается, он бежит к человеку, который сумел заставить его полюбить себя, которому он поверил.

Прибегает, кладет морду человеку на плечо, а у человека все лицо озаряется счастьем.

Кончилась картина. Смотрю, когда зажгли свет в просмотровой комнате, сидит за мной наш служащий Мельников, лицо залито слезами, и весь он дрожит, как конь этот черный.

– Что вы? – говорю ему. – Милый, что вы?

– Ох, М.Ф., голубушка, родная вы моя! Ведь вот этот конь совсем как мой… которого отняли у меня… Только мой – белый был…

И рассказывает потом, как нашли они, солдаты Буденного, в каком-то помещичьем угодье под Польшей замурованными в погребе две лошади; одна кобыла, а другая – вот этот белый конь. Только окошечко оставлено им было. Как они, солдаты, увидели свежую штукатурку, отбили ее. Как он, Мельников, сразу влюбился в коня и вымолил его себе. Как в один месяц выдрессировал его, тот слова слушался. Какой это был изумительный конь! Чистый конь – никогда не ляжет, если ему чистой соломы не постелили, как голубь белый. Сам его чистил, никого к нему не подпускал.

И вдруг случилось “несчастье” – об этом “несчастье” ты, должно быть, читал у Бабеля в “Красной нови”? Это тот самый Мельников, чудесный малый. Сейчас он, конечно, пообтесался немного, даже по-немецки говорит. Славная морда, такая круглая, русская. Волосы кудрявые, русые.

Всхлипывает, рассказывая, и – конфузится, басит, а у самого подбородок с ямочкой дрожит. Лет ему теперь, должно быть, 24–25.

– Вот четыре года прошло, а вспомнить не могу! Ведь какой конь, а он, Тимошенко, третирует его! Даже бил – один раз даже укусил его за это конь мой… Слава богу – убили его под Тимошенко, недолго он им владел!.. Разбередили вы меня картиной вашей, Мария Федоровна, опять душа болит! Будто не четыре года, а четыре дня прошло, ох господи!

Вот тебе и коммунист!» (Мария Федоровна Андреева: Переписка, воспоминания, статьи, документы, воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968. С. 363–364).

В 1930 г. Мельников опубликовал воспоминания, в которых вернулся к эпизоду, описанному в рассказе Бабеля:

«У меня был конь лучший в дивизии. Начальник дивизии давно на него зарился и не раз предлагал мне обмен.

– Не согласен! – коротко, но твердо отвечал я ему.

Тогда под предлогом, что его кони измучены большим переходом, начдив взял у меня моего коня на несколько часов – и не вернул, а прислал двух своих коней.

Все мои усилия получить коня обратно были напрасны, и я не могу описать, до какой степени я страдал.

Я не мог забыть этой потери. Но рассказ Бабеля (в его “Конармии”) о том, будто я под влиянием этого случая подал заявление о выходе из партии, – неверен» (*Мельников С.* Первая Конная: Из воспоминаний бойца // *Кр. нива.* 1930. № 6. С. 7).

В первой и повторной публикациях подлинные фамилии сохраняются не только в названии, но и в тексте рассказа. Начиная с *КА-1926* эти фамилии заменены вымышленными – Савицкий и Хлебников.

Бабелю, отвечавшему на заметку Буденного в № 3 журнала «Октябрь» за 1924 г., пришлось оправдываться: «Начдивом 6-й был тогда т. Тимошенко. Я с восхищением наблюдал его героическую, боевую и революционную работу. Прекрасный, цельный, этот образ долго владел моим воображением, и когда я собрался писать воспоминания о польской кампании, я часто возвращался мыслью к любимому моему начдиву. Но в процессе работы над моими записками я скоро отказался от намерения придать им характер исторической достоверности и решил выразить мои мысли в художественной беллетристической форме. От первоначальных замыслов в моих очерках осталось только несколько подлинных фамилий. По непростительной моей рассеянности, я не удосужился их вымарать, и вот, к величайшему моему огорчению, – подлинные фамилии сохранились случайно и в очерке “Тимошенко и Мельников”, помещенном в 3-й книге журнала “Красная новь” за 1924 г. 〈…〉 Излишне говорить о том, что тов. Тимошенко не имеет ничего общего с персонажами из моего очерка. Это ясно для всех, кто сталкивался хотя бы однажды с бывшим начдивом 6-й, одним из самых мужественных и самоотверженных наших красных командиров» (Октябрь. 1924. № 4. С. 223).

[1] *После июльских неудачных боев, когда Савицкого сместили и заслали в резерв чинов командного запаса...* – О смене руководства 6-й дивизии см. примеч. 4 к рассказу «Смерть Долгушова» и примеч. 1 к дневниковой записи от 5 августа.

[2] *Лизуны из штабов удили жареных куриц в улыбках командарма, и, холопствуя, они отвернулись от прославленного начдива.* – Ср. с дневниковой записью от 4 августа: «Еще впечатление – и тяжкое и незабываемое – приезд на белой лошади Начдива с ординарцами. Вся штабная сволочь, бегущая с курицами для командарма, относятся покровительственно, хамски, Шеко – высокомерен, спрашивает об операциях, тот объясняет, улыбается, великолепная, статная фигура и отчаяние».

[3] *Облитый духами и похожий на Петра Великого, он жил в опале, с казачкой Павлой, отбитой им у еврея интенданта...* – Ср. с отрывком «Жена Бахтурова» из наброска ⟨44⟩: «Сегодня Бахтуров женат. – Среди села – он как помещик. – Заглядываю внутрь двора. – Ночью – он выходит, почесывается. – Стройная, в шали, – высокие ноги, хозяйство. – Жена или наложница».

[4] *За это время нас перегнали на стоянку в Дубенские леса. Мы разбили там палатки и жили хорошо.* – Основное действие рассказа относится к первой половине августа, однако дорогу в Дубно и дубенские леса Бабель упоминает в дневниковой записи от 23 июля: «Дорога на Дубно ⟨...⟩ Леса, великолепные старинные тенистые леса. Жара, в лесах тень. Много вырублено для военных надобностей, будь они прокляты, голые опушки с торчащими пнями. Древние Волынские Дубенские леса ⟨...⟩ После обеда сплю под деревьями – тихий ⟨...⟩ тенистый откос, качели летают перед глазами. Перед глазами – тихие зеленые ⟨...⟩ и желтые холмы, облитые солнцем, и леса, Дубенские леса. Сплю часа три. Потом в Дубно».

КОНКИН

Впервые: *ОИ*. 1924. 6 апр. С. 4, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Дубно, август, 1920». Повторно: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 21–23, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Дубно, август 1920». В книге датировки нет.

Николай Александрович Конкин – военком 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии, кавалер ордена боевого Красного Знамени. Фамилии Конкин нет в дневнике, но она шесть раз встречается в «Планах и набросках к “Конармии”». В одном из набросков рядом с фамилией Конкин названы Нижний Новгород, «карточка клоуна» и Василий Рыбочкин; в рассказе Конкина зовут Васей. В другом наброске приведены пословицы и поговорки Конкина: «Бог не захочет, пузырь не вскочит. – По бороде – Авраам, а по делам хам. – В грехах, к⟨а⟩к репьях. – Кусают и комары до поры. – Своя рогожа – чужой рожи дороже» (⟨12⟩).

Орден Красного Знамени № 1032 Конкин, как сказано в протоколе заседания Реввоенсовета Первой конной армии от 27 июня 1920 г., получил за то, что «в бою 14 июня 1920 г. под селом Старосельцы, будучи в пешем строю и находясь в передней цепи, которой было получено приказание перейти в наступление, повел сам лично правый фланг 31-го кавполка, который сделал сильный натиск на противника, которого обратил в бегство, сел на коня, бросился преследовать противника, получив 3 (три) огнестрельных раны в левую и правую руки и правую ногу, несмотря на свое изнеможение, истекая кровью, наносил смертельные удары противнику, во время которых сам лично

убил лейтенанта. Этим примером он подымал дух красных бойцов и, исполнив боевую задачу, остался в строю без перевязки до наступления темноты, с наступлением каковой, сделав перевязки, снова вернулся в строй» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 16. Л. 26). Подвигу Конкина посвящена заметка в «Красном кавалеристе» от 4 июля 1920 г., которую, по всей видимости, читал Бабель.

Таким образом, в рассказе точно указаны три огнестрельных ранения, причем одно из них в ногу, как и было на самом деле, но изменены место боя и воинское звание противника: вместо села Старосельцы – Белая Церковь, вместо лейтенанта (в польской армии – поручик, *porucznik*) – генерал.

[1] *...ведет в штаб Духонина для проверки документов.* – Духонин Николай Николаевич (1876–1917) – русский военачальник, генерал-лейтенант, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего русской армией в ноябре 1917 г., был убит матросами в Могилеве 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Выражение «отправить в штаб к Духонину» появилось во время Гражданской войны и означало «убить», «расстрелять».

[2] *...третьей непобедимой кавбригады комиссару?..* – Далее в тексте Конкин назван комиссаром N...ской кавбригады.

БЕРЕСТЕЧКО

Впервые: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 19–21, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Берестечко, август 1920». В книге датировки нет.

Рассказ основан на дневниковой записи от 7 августа:

«Памятный день. Утром – из Хотина в Берестечко 〈...〉 Берестечко переходило несколько раз из рук в руки. Исторические поля под Берестечком, казачьи могилы. И вот главное, все повторяется – казаки против поляков, больше – хлоп против пана. – Местечко не забуду, дворы крытые, длинные, узкие, вонючие, всему этому 100–200 лет, население крепче, чем в других местах, главное – архитектура, белые водянисто-голубые домики, улички, синагоги, крестьянки. Жизнь едва-едва налаживается. Здесь было здорово жить – ценное еврейство, богатые хохлы, ярмарки по воскресеньям, особый класс русских мещан – кожевников, торговля с Австрией, контрабанда. – Евреи здесь менее фанатичны, более нарядны, ядрены, к〈а〉к будто даже веселее, старые старики, капоты, старушки, все дышит стариной, традицией 〈...〉 местечко насыщено кровавой историей еврейско-польского гетто. Ненависть к полякам единодушна 〈...〉

Вечер в местечке. Костел закрыт. Перед вечером иду в замок графов Рациборовских. 70〈-〉летний старик и его мать 90 лет. Их было всего двое, сумасшедшие〈,〉 говорят в народе. Описать эту пару. Графский, старинный польский дом, наверное б〈ольше〉 100 лет, рога, старинная светлая плафонная живопись, остатки рогов, маленькие комнаты для дворецких вверх, плиты, переходы, экскременты на полу, еврейские мальчишки, рояль Стейнвей, диваны вскрыты до пружин, припомнить белые легкие и дубовые двери, французские письма 1820 г〈ода〉, notre petit héros achève 7 semaines. Боже, кто писал, когда писали, растоптанные письма, взял реликвии, столетие, мать – графиня – Рояль Стейнвей, парк, пруд. – Не могу отделаться – вспоминаю Гауптмана, Эльгу. –

Митинг в парке замка, евреи Берестечка, тупой Винокуров, бегает детвора, выбирают Ревком...»

Берестечко упоминается также в рассказах «Афонька Бида» и «У святого Валента».

[1] *Мы проехали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого.* – 18 (28) июня – 30 июня (10 июля) 1651 г. произошло сражение между армией Речи Посполитой и казацко-крымским войском, во главе которого стояли Богдан Хмельницкий и крымский хан Ислям III Герай. Войска Хмельницкого потерпели поражение от поляков.

[2] *Квартира мне попалась у рыжей вдовы, пропахшей вдовьим горем.* – Ср. с записью в дневнике от 8 августа: «Живу у содержательницы постоялого двора 〈…〉 рыжая тощая сволочь».

[3] *На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о втором конгрессе Коминтерна.* – Настоящая фамилия комиссара 6-й кавдивизии, сменившего в начале августа на этом посту П.В. Бахтурова, Винокуров. 6 августа Бабель записал в дневнике: «Утром уезжает Бахтуров, за ним свита 〈…〉 слежу за работой нового военкома, тупой, но обтесавшийся московский рабочий…» О Втором конгрессе Коминтерна см. примеч. 7 к рассказу «Мой первый гусь».

[4] *Мальчики в капотиках все еще топтали вековую дорогу к хасидскому хедеру…* – Капот, или капота – одежда наподобие халата. Хéдер – начальная еврейская религиозная школа.

СОЛЬ

Впервые: *ОИ (лит.-худ. приложение)*. 1923. 25 нояб. С. 1, под рубрикой «Из книги “Конармия”». Повторно: Леф. 1923. № 4. С. 73–75, под рубрикой «Из книги “Конармия”». Перепечатано из *ОИ* (лит.-худ. приложение): журнал «Бурав» (Николаев, 1924. № 8. С. 2–3, без окончания, обрывается на словах: «…а вы точите, точите, точите…»). Перепечатано из «Лефа» в старой орфографии: газета «Звено» (Париж, 1924. 1 дек., вместе с рассказом «Смерть Долгушова» и предисловием Мочульского «Два рассказа из книги “Конармия”»). Затем: *Рассказы-1925(2)*. С. 95–99.

Машинопись с авторской правкой: РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 13–16.

Исправлена опечатка, допущенная в *КА-1926*: «…хотя тебе…» на «…хотя тебя…».

Рассказ «Соль» пользовался особой популярностью среди современников Бабеля. По воспоминаниям Вадима Андреева, сына Л.Н. Андреева, на одном из выступлений В.В. Маяковского в Берлине в начале сентября 1923 г. произошло следующее: «На сцене Маяковский был один и весь вечер 〈…〉 заполнил чтением своих стихов и разговорами с аудиторией, стараясь сломать неприязнь, что ему не всегда удавалось. Он начал свое выступление словами: “Прежде чем нападать на Советский Союз, надо вам послушать, как у нас пишут. Так вот – слушайте”, – и он превосходно прочел замечательный рассказ Бабеля “Соль”. Впечатление от этого рассказа было огромное» (цит. по: *Катанян В.А.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. / Под ред. А.Е. Парниса. М., 1985. М.: Сов. писатель, 1985. С. 257). В повести «Алмазный мой венец» В.П. Катаев изложил свою версию: «Он (Бабель, у Катаева – конармеец. – *Сост.*) сразу же и первый среди нас прославился и был признан лучшим прозаиком не только правыми, но и левыми. “Леф” напечатал его рассказ “Соль”, и сам Командор (Маяковский. – *Сост.*) на своих поэтических вечерах читал этот рассказ наизусть и своим баритональным басом прославлял его автора перед аудиторией Политехнического

музея, что воспринималось как высшая литературная почесть…» (*Катаев В.П.* Алмазный мой венец: Повести. М.: Сов. писатель, 1981. С. 210). Н.В. Резникова, помощница А.М. Ремизова, вспоминала: «В 1924 году Ремизову впервые попался перепечатанный в какой-то зарубежной газете рассказ Бабеля “Соль”. Для А.М. это было совсем новое и очень понравилось ему. Я помню, как в этот период мы пришли к Ремизовым вчетвером: моя мать, мои сестры и я. А.М. усадил нас на диван и прочел нам “Соль” с большим подъемом и пафосом, как героическую поэму. На нас это чтение произвело большое впечатление. По мнению А.М., тон рассказа требовал такого чтения» (*Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 124). Вырезку из газеты «Звено» от 1 декабря 1924 г., по которой он читал «Соль» собравшимся у него в тот вечер, Ремизов сохранил до конца жизни.

«Соль» – один из двух конармейских рассказов, написанных от лица Никиты Балмашева (второй – «Измена»).

В Гражданскую войну, когда в результате политики военного коммунизма в стране наступил голод, мешочники занимались мелкой торговлей продовольствием. Они передвигались, как правило, в товарных поездах, и зачастую возникали ситуации, подобные описанной в начале рассказа. Это зафиксировано в некоторых документах. Например, в фонде управления Первой конной армии имеется дело «О происшествиях и незаконных действиях лиц и частей армии» (РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Д. 22), в котором упоминаются мешочники. В одном из документов говорится о приказе по Юго-Западному фронту № 117 от 14 июня 1920 г. о разрешении привлекать на железнодорожных станциях для очистки путей и дворов от нечистот «местную буржуазию, безбилетных, спекулянтов и мешочников» (л. 200). В телеграмме полевого штаба армии командарму Буденному от 14 ноября 1920 г. сообщалось о «буйстве» раненых конармейцев, в частности говорилось о том, что «24 сентября сего года на ст. Конотоп легко раненные красноармейцы 1 Конной Армии, следовавшие Санпоездом № 215/332, избили агента Черниговского Опродкомармап ⟨…⟩ и отобрали у Продотряда пулемет. Кроме того, легко ранеными буденновцами того же числа сброшен с крыши вагона красноармеец первой роты 314 батальона, очищавший крышу от мешочников» (л. 228).

[1] *…звезды-каганцы…* – Каганец – «плошка, жирник, лампадка, ночник» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 71).

[2] *…красные барабанщики заиграли зорю…* – См. примеч. 8 к рассказу «Сашка Христос».

[3] *…жидов Ленина и Троцкого…* – Еврейского происхождения был прадед Ленина по материнской линии Дмитрий (Мошко) Бланк. Подробно см.: *Петровский-Штерн Й.* Еврейский вопрос к Ленину / Авториз. пер. с англ. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2012.

[4] *…за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя и другого звания, за трудящийся класс.* – На самом деле Троцкий происходил из семьи богатых землевладельцев-арендодателей из числа еврейских колонистов земледельческого хутора неподалеку от села Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Ср. с отрывком из автобиографии Троцкого:

«Белые пытались ⟨…⟩ использовать в своей агитации внутри красной армии антисемитские мотивы, но успеха не имели. Об этом есть немало свидетельств в самой белой печати. В издающемся в Берлине “Архиве русской революции” автор-белогвардеец рассказывает следующий красочный эпизод: “Заехавший к нам повидаться казак, кем-то умышленно уязвленный тем, что ныне служит и идет на бой под командой жида – Троцкого, горячо и убежденно возразил: “Ничего подобного!.. Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш… Русский… А вот Ленин, тот коммунист… жид, а Троцкий наш… боевой… Русский… Наш!”

Подобный же мотив можно найти у Бабеля, талантливейшего из наших молодых писателей, в его “Конармии”» (*Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 2. С. 86).

[5] *…несчетная гражданка…* – Несчетный – «неисчислимый, бесчисленный, несочтимый, бессчетный» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 538).

ВЕЧЕР

Впервые: *Кр. Н.* 1925. № 3. С. 127–128, под названием «Галин», под рубрикой «Из дневника»; авторская датировка: «Ковель, 1920».

[1] *…расстрел Николая Кровавого, казненного екатеринбургским пролетариатом.* – Николай Кровавый – прозвище последнего российского императора Николая II (1868–1918), данное ему из-за гибели людей на Ходынском поле в Москве во время народного праздника по случаю его коронации 18 мая 1896 г.; вместе с семьей и слугами был расстрелян большевиками в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

[2] *Петра Третьего задушил Орлов, любовник его жены.* – Император Петр III (1728–1762) был свергнут через полгода правления в результате дворцового переворота, открывшего путь к престолу его жене Екатерине II (1729–1796). Петр III убит в Ропше Алексеем Григорьевичем Орловым (1737–1808).

[3] *Павла растерзали придворные и собственный сын.* – Император Павел I (1754–1801), сын Петра III и Екатерины II, убит во время дворцового переворота 11 марта 1801 г. Его старший сын, следующий российский император Александр I (1777–1825), видимо, догадывался о готовившемся заговоре, но его непосредственное участие в заговоре не подтверждено.

[4] *Николай Палкин отравился…* – Прозвище императора Николая I (1796–1855), полученное за существовавшие при нем жестокие телесные наказания в армии; версия о его самоубийстве из-за поражения в Крымской войне, скорее всего, легенда.

[5] *…его сын пал 1-го марта…* – Император Александр II (1818–1881) был убит народовольцами 1 марта (по старому стилю) 1881 г.

[6] *…его внук умер от пьянства…* – Речь идет об императоре Александре III (1845–1894), слухи о его злоупотреблении алкоголем научно не подкреплены.

[7] *…о цивильном листе разных королей…* – Цивильный лист – в монархиях часть государственного бюджета, которая предоставляется в личное распоряжение монарха.

[8] *…дверь в кухне свистнула и приоткрылась. Четыре ноги с толстыми пятками высунулись в прохладу, и мы увидели любящие икры Ирины и большой палец Василия…* –

Ср. с дневниковой записью от 3 июля: «Кухня в поезде, толстые солдаты с налитыми кровью лицами, сырые туши, удушливый зной в кухне, каша, полдень, пот, прачки толстоногие, апатичные бабы-станки – описать солдат и баб, толстых, сытых, сонных. – Любовь на кухне».

[9] *...Конармия есть социальный фокус, производимый ЦК нашей партии. Кривая революции бросила в первый ряд казачью вольницу, пропитанную многими предрассудками...* – Ср. с дневниковой записью от 21 августа: «Разговор с комартдивизионом Максимовым, наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы. – Это просто средство, которым не брезгует партия». См. также примеч. 10 к рассказу «Мой первый гусь».

АФОНЬКА БИДА

Впервые: *ОИ*. 1924. 2 марта. С. 4, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Берестечко, август 1920». Одновременно: *Кр. Н.* 1924. № 1. С. 60–64, под рубрикой «Из книги “Конармия”». В журнале и в книге датировки нет.

Исправлена опечатка, допущенная в *Кр. Н.*, *КА-1926*, *КА-1927*: «...вел за начдивом заводную кобылицу» на «...вел за начдивом заводскую кобылицу». Ср., однако, с дневниковой записью от 23–24 августа: «Галицийские дороги, нескончаемые обозы, заводные лошади...». В дневнике это слово употреблено в переносном значении. Также исправлена опечатка, допущенная в *КА-1926*, *КА-1927* и *КА-1928*: «...по Бродскому шляхту...» на «...по Бродскому шляху...».

Имени Афоньки Биды нет в дневнике, в «Планах и набросках к “Конармии”» это имя встречается один раз: «Рев⟨олюционная⟩ глава. – Аф⟨онька⟩ Бида» (⟨36⟩).

[1] *Фронт под Лешнювом держала пехота.* – Село Лешнюв (Лешнев) неоднократно упоминается в дневнике в двадцатых числах июля и в начале августа. 1 августа Бабель записал: «Бой под Лешнювым. Наша пешка в окопах, это замечательно, волынские босые, полуидиотические парни – русская деревня, и они действительно сражаются против поляков, против притеснявших панов ⟨...⟩ Нет ружей, патроны не подходят, эти мальчики слоняются по облитым зноем окопам, их перемещают с одной опушки на другую».

[2] *...подслеповатый еврейский юноша, с чахлым и сосредоточенным лицом талмудиста.* – Ср. с описанием Ильи Брацлавского в рассказе «Рабби»: «И вдруг я увидел юношу за спиной Гедали, юношу с лицом Спинозы, с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини».

[3] *...цветистые эскадроны Маслака.* – Маслаков Григорий Савельевич (1877–1921), крестьянин Ставропольской губернии; в царской армии служил артиллеристом. С 1919 г. в Первой конной армии; в начале 1920 г. командовал 11-й кавалерийской дивизией. В ноябре 1920 г. Маслаков стал начдивом 4-й кавдивизии. Однако уже через месяц за проявление недовольства и непокорность был понижен до комбрига и командовал 1-й бригадой 4-й дивизии. В феврале 1921 г. провозгласил себя партизаном и сторонником Махно и перешел к нему с частью своей бригады.

[4] *Бедная пешка побежала, но поздно.* – Случаи издевательства над пехотой со стороны кавалерии имели место в Конармии. Например, в рапорте командира 2-го батальона

130-го полка 44-й стрелковой дивизии говорится о том, что «стоящие в Мельникове кавалеристы 1-й Конной армии напиваются пьяными, обнажают шашки и собираются рубить пехоту, что повторяется довольно часто» (РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Д. 22. Л. 254).

[5] *Мы вступили в Берестечко 6 августа.* – В публикации рассказа в одесских «Известиях» днем вступления в Берестечко названо 8 августа. Ср. с записью в дневнике, помеченной 7 августа: «Теперь вечер 8⟨-го⟩ ⟨…⟩ Памятный день. Утром – из Хотина в Берестечко ⟨…⟩ Берестечко переходило несколько раз из рук в руки». В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 6 августа сообщалось: «В Бродском районе наша конница, разбив противника в районе 12–20 верстах ⟨sic!⟩ северо-восточнее Броды и захватив богатые трофеи, выдвинулась в районе местечка Лешнюв, достигнув передовыми частями местечка Берестечко» (Правда. 1920. 7 авг. С. 1).

[6] *...азиатский бешмет и красный казакин нового начдива.* – Бешмет – распашной, обычно стеганый полукафтан с глухой застежкой, плотно облегающий грудь и талию, доходящий, как правило, до колен, с невысоким воротником-стойкой и рукавами из парчи и бархата. Надевался на рубаху и под халат, хотя в быту мог носиться самостоятельно. Бешмет утвержденного по цвету и покрою образца входил в состав форменной одежды всех казачьих войск; во внеслужебное время казаки могли носить бешметы любого цвета и материала. Бешметы использовались как в качестве уличной, так и домашней одежды. Казаки́н – верхняя распашная одежда, разновидность короткого кафтана с широкой баской, невысоким стоячим прямым воротником, застегивался на крючки.

У СВЯТОГО ВАЛЕНТА

Впервые: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 13–16, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Берестечко, август 1920».

Святой Валентин (Валент, Уалент) – один из самых загадочных святых в истории христианства. Речь может идти о римском священнике, обезглавленном около 269 г., или о епископе Интерамны (современной Терни), который был известен чудесными исцелениями и казнен за обращение в христианство сына градоначальника.

В основе рассказа – дневниковая запись от 7 августа: «Древний костел, могилы польских офицеров в ограде, свежие холмы, давность – 10 дней, белые березовые кресты, все это ужасно, дом ксендза уничтожен, я нахожу старинные книги, драгоценнейшие рукописи латинские. Ксендз Тузинкевич – я нахожу его карточку, толстый и короткий, трудился здесь 45 лет, жил на одном месте, схоластик, подбор книг, много латыни, издания 1860 г⟨ода⟩, вот когда жил Тузинкевич, квартира старинная, огромная, темные картины, снимки со съездов прелатов в Житомире, портреты папы Пия X, хорошее лицо, изумительный портрет Сенкевича – вот он экстракт нации ⟨…⟩ К⟨а⟩к это ново для меня – книги, душа католического патера, иезуита, я ловлю душу и сердце Тузинкевича и я ее поймал ⟨…⟩ Ужасное событие – разграбление костела, рвут ризы, драгоценные сияющие материи разодраны, на полу, сестра милосердия утащила три тюка, рвут подкладку, свечи забраны, ящики выломаны, буллы выкинуты, деньги забраны, великолепный храм – 200 лет, что он видел (рукописи Тузинкевича), сколько графов и хлопов, великолепная ит⟨альянская⟩ живопись, розовые патеры, качающие младенца Христа, великолепный темный Христос, Рембрандт, Мадонна под Мурильо, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ Мурильо, и главное – эти святые упитанные иезуиты, фигурка китайская жуткая

за покрывалом, в малиновом кунтуше ⟨...⟩ бородатый еврейчик, лавочка, сломанная рака, фигура св⟨ятого⟩ Валента. Служитель трепещет, к⟨а⟩к птица, корчится; мешает русскую речь с польской, мне нельзя прикоснуться, рыдает. Зверье, они пришли, чтобы грабить, это так ясно, разрушаются старые боги».

[1] *Прелат* – общий исторический термин для лиц, занимавших высокие должности в Римской католической церкви: кардиналы, архиепископы, епископы и др.

[2] *...разбирал донесение обходной колонны нашей, ведшей разведку на Львов в районе Радзихова.* – Ср. с дневниковой записью, сделанной в Берестечке 8 августа: «Ведем разведку на Львов ⟨...⟩ Бой у Радзихова, Апанасенко ведет себя молодцом – мгновенная распланировка войск, чуть не расстрелял отступившую 14⟨-ю⟩ дивизию. Приближаемся к Радзихову».

[3] *Там хозяйничала Сашка, сестра 31-го полка. Она копалась в шелках, брошенных кем-то на пол.* – Ср. с фрагментом дневниковой записи от 18 августа: «О женщинах в Конармии можно написать том. Эскадроны в бой, пыль, грохот, обнаженные шашки, неистовая ругань, они с задравшимися юбками скачут впереди, пыльные, толстогрудые, все бл⟨яди⟩, но товарищи, и бл⟨яди,⟩ п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ товарищи, это самое важное, обслуживают всем⟨,⟩ чем могут, героини, и тут же презрение к ним, поят коней ⟨...⟩ тащут сено, чинят сбрую, крадут в костелах вещи и у населения».

[4] *...в кардинальских тиарах...* – Головной убор тиара (тройная корона) являлся принадлежностью облачения папы римского.

[5] *В этом храме святые шли на казнь с картинностью итальянских певцов, и черные волосы палачей лоснились, как борода Олоферна.* – Олоферн – библейский персонаж, согласно Книге Юдифи, полководец ассирийского царя Навуходоносора, вторгшийся в Иудею и обезглавленный прославившейся своим благочестием, знатной, богатой и красивой вдовой Юдифью, спасшей тем самым свой родной город Ветилую. В 1863 г. на этот библейский сюжет композитор А.Н. Серов написал оперу «Юдифь». Роль Олоферна позднее исполнял Ф.И. Шаляпин. В 1908 г. Шаляпин в этой роли запечатлен на холсте А.Я. Головина; на этом портрете выделяется черная борода. Оперу «Юдифь» с Шаляпиным Бабель упоминает в рассказе «Гюи де Мопассан» (1932).

[6] *Кунтуш* – род верхней мужской одежды, со шнурами и откидными рукавами; польский мужской кафтан.

ЭСКАДРОННЫЙ ТРУНОВ

Впервые: *Кр. Н.* 1925. № 2. С. 3–8, с подзаголовком «Из книги “Конармия”». Одновременно: *Шк.* 1925. № 13. С. 4–6. Затем: *ЛК.* С. 27–36.

13 августа 1920 г. в «Красном кавалеристе» за подписью: «Военный корреспондент 6-й кавдивизии К. Лютов» была напечатана статья-некролог «Побольше таких Труновых!» – о подвиге Константина Архиповича Трунова. Однако герой рассказа «Эскадронный Трунов» не имеет ничего общего с К.А. Труновым, которому посвящена эта статья. Реальный Трунов был командиром полка, а не эскадрона, похоронен он в Дубно, а не в Сокале; изменены также место и обстоятельства гибели (см. примеч. к статье «Побольше таких Труновых!»).

В рассказе использованы дневниковая запись от 30 августа (см. примеч. к рассказу «Их было девять») и несколько набросков:

«⟨25⟩ Сокаль. 1.

На площади перед синагогой. Споры евреев. Козаки роют могилу. Труп Трунова. Тимошенко. Аэроплан (?) – Евреев разогнал аэроплан, тогда я подошел к Тим⟨ошенко⟩ ⟨...⟩

Порядок: Евреи. Аэроплан. Могила. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют. –

Ортодоксы, раввин из Белза ⟨...⟩

Религиозное побоище, можно бы подумать⟨,⟩ восемнадцатый век, Илья-Гаон, Бал-Шем, если бы козаки (описание) не рыли могилы. – Униатский поп, нога дугой. –

Униатский поп, потрава, потрава, говорю я, есть дела поважнее, сейчас аэроплан, точка вдали, козаки – и выходить не надо будет ⟨...⟩

⟨26⟩ Сокаль 2.

Убирайтесь к свиньям с вашей потравой, тут дела поважнее есть. –

Тело Трунова с приставленными ногами, начищенные сапоги. – Голова на седле, стремена вокруг груди, –

Проиграл я тебя, Пава, –

Очень просто, фактическое изложение, без излишних описаний. –

Стать смирно. Хороним Павла Трунова. Военком, скажи слово. И военком произнес речь о власти советов, о конституции СССР и о блокаде. –

Прошедшее время.

Помню, сказал Тимош⟨енко⟩, вот бы он теперь пригодился. –

Хороним Павла Трунова, всемирного героя. – Военком, помяни героя перед бойцами.

⟨27⟩ Смерть Трунова.

И я поверил бы в воскресенье Илии, если бы не аэроплан, который заплывал и т. д. Он бросал с мягким шумом бомбы, артиллер⟨ийские⟩ запряжки ⟨...⟩ Ясно – и пошел оправлять убитого. Седло, стремя, оркестры и делегации от полков. –

Хороним Трунова, всемирного героя, слово для выражения имеет военком».

Слова о Конституции СССР из наброска ⟨26⟩, по мнению Э.И. Когана, свидетельствуют о более позднем времени написания рассказа: Советский Союз был создан в декабре 1922 г., а его Конституция принята в январе 1924-го. Этот набросок, полагает исследователь, должен был быть написан через некоторое время после принятия Конституции, когда «событие утеряло конкретный смысл и выродилось в голый идеологический знак, который автор ошибочно вкладывает в уста комиссара Гражданской войны» (*Коган Э.И.* Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 88). Л.Я. Лившиц полагал, что работа над рассказом шла летом 1923 г., когда «вопрос о Конституции СССР был животрепещущим и популярным в общественной и политической жизни страны» (*Лившиц Л.Я.* Материалы к творческой биографии Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 122). Вайскопф считает, что подразумевалась Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г. (см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 249). Однако аббревиатура «СССР» могла быть употреблена не ранее конца декабря 1922 г., а скорее не ранее начала января 1923 г. Сюжетная и текстуальная перекличка «Эскадронного Трунова»

с новеллой «Их было девять», датированной августом 1923 г., также позволяет говорить о том, что первоначальная работа над рассказом «Эскадронный Трунов» шла в 1923 г.

О расстреле пленных, которому посвящен эпизод в рассказе «Эскадронный Трунов», говорится и в наброске «Их было девять».

[1] *...мы положили кавказское седло у изголовья гроба и вырыли Трунову могилу...* – Вайскопф отметил, что фамилия Трунов происходит от слова «труна», а по-украински «труну» и означает гроб (см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 193).

[2] *Евреи в рваных лапсердаках бранились на этой площади и в непонятном ослеплении таскали друг друга.* – О религиозных спорах есть дневниковая запись от 26 августа: «Осмотр города с молодым сионистом. Синагоги – хасидская, потрясающее зрелище, 300 лет т⟨ому⟩ н⟨азад⟩, бледные красивые мальчики с пейсами, синагога, что была 200 лет т⟨ому⟩ назад, те же фигурки в капотах, двигаются, размахивают руками, воют. Это партия ортодоксов – они за Белзского раввина, знаменитый Белзский раввин, удравший в ⟨...⟩ Вену. Умеренные за Гусятинского раввина. Их синагога. Красота алтаря, сделанного каким-то ремесленником, великолепие зеленоватых люстр, изъеденные столики, Белзская синагога – видение старины».

[3] *Одни из них – ортодоксы, превозносили учение Адасии, раввина из Белза...* – Зихер в примечании к этому фрагменту в трехтомнике Бабеля на иврите указывает на неточность, допущенную автором: «Адасия» означает не имя, а слово «религия» на иврите (ha-дат), но в ашкеназийском произношении (ha-дас); под «учением Адасии» следует понимать *махзекей ha-дат*, крупное движение ультрарелигиозных евреев в Восточной Европе, которое отождествлялось с лагерем ортодоксов внутри хасидизма. Белзским раввином в те годы был Иссахар-Дов Рокеах (1851 или 1852–1926) (см.: *Бабель И.Э.* Кол гактавим (Собр. соч.): В 3 т. / Пер. на иврит и послесл. Х. Бар-Йосеф; Предисл. и примеч. Э. Зихера. Иерусалим: Кармэл, 2008. Т. 1. С. 204). А основателем хасидской династии в Белзе был Шолом Рокеах (1781–1855), известный под именем Сар Шалом (с 1817 г. – раввин в Белзе). Ошибка Бабеля, скорее всего, намеренная: это проявление характерной для него игры смыслами и словами.

[4] *...за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, ученики гусятинского раввина Иуды.* – Гусятинским раввином в это время был Исраель Фридман (1846–1949).

[5] *Каббала* – мистико-философское учение в иудаизме.

[6] *...имя Илии, виленского гаона, гонителя хасидов.* – Имеется в виду виленский гаон Элияху бен Шломо Залман (1720–1797) – раввин, талмудист, общественный деятель, основатель миснагедского (литовского) направления в иудаизме. Гаоны («гаон» – букв.: величие, гордость, *ивр.* гений) – выдающиеся раввины, мудрецы, талмудисты.

[7] *...самое имя Илии, виленского первосвященника...* – Первосвященник, или главный священник, – в иудаизме священнослужитель, возглавлявший службу в Скинии, а затем в Первом и Втором Иерусалимском храме. Первым первосвященником был старший брат пророка Моисея Аарон. Синагога же не приравнивается к храму, а раввин не является священнослужителем. Существовал, однако, первосвященник с созвучным именем Илий (*др.-евр.* Эли), герой Первой книги Царств.

[8] *...Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет...* – О приказе № 217 от 10 мая 1920 г. см. примеч. 10 к рассказу «Письмо». 17 июля 1920 г. по войскам Западного

и Юго-Западного фронтов был издан повторный приказ за № 231 председателя Реввоенсовета Республики Троцкого об отношении к пленным полякам:

«Польская буржуазная печать, на которой лежит огромная доля ответственности за бесчестное нападение шляхетской Польши на Украину и Россию, ныне неистово обвиняет наши победоносные красные войска в жестоком обращении с пленными польскими солдатами, даже с больными и ранеными.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что подавляющее обвинение польской печати, польского телеграфного агентства, польского общества Красного Креста и пр. представляет собой отвратительную шовинистическую клевету. Но возможны отдельные случаи, когда более отсталые, т.е. менее проникнутые освободительной идеей коммунизма красноармейцы срывают сердце на взятом в плен польском солдате. Разнузданные, совершенно небывалые насилия и зверства, какие польские белогвардейцы учиняли в оккупированных областях над коммунистами, украинскими, белорусскими, великорусскими, еврейскими рабочими и крестьянами, бессмысленные по своей чудовищности разрушения, какие были произведены ими в Киеве, Борисове, Бобруйске и других местах, все эти факты способны в отдельных случаях затемнять сознание красноармейцев и толкать их на путь неосмысленной мести по отношению к отдельным захваченным в плен легионерам, невольникам польской буржуазии и шляхты.

Тем важнее сейчас, когда под нашими ударами армия буржуазно-шляхетской Польши распадается и число пленных все более возрастает, принять самые решительные и тщательные меры к тому, чтобы приказ № 217 о человечном и товарищеском обращении с пленными польскими солдатами проводился в жизнь со всей строгостью и без всяких изъятий.

Посему приказываю:

1. В устной и печатной форме неутомимо и повторно разъяснять красным войскам и в частности свежим формированиям, что польские солдаты сами являются бессильными жертвами польской и англо-французской буржуазии и что наш долг поэтому требует от нас принимать пленных польских солдат как заблуждающихся или обманутых братьев, чтобы затем вернуть их в освобожденную польскую отчизну как братьев просветленных.

2. Строжайшим образом проверять все слухи, сведения и донесения о жестокостях по отношению к польским пленным, а равно и к местному населению, – из какого бы источника эти сведения ни исходили.

3. Твердо напомнить командному и комиссарскому составу его ответственность за строжайшее исполнение настоящего приказа» (Известия. 1920. 18 июля. С. 1).

[9] *Это были машины из воздушной эскадрильи майора Фаунт-Ле-Ро, просторные бронированные машины.* – Ср. с воспоминаниями Буденного: «Попытки врага наступать на луцком направлении окончились неудачей. Бойцы 2-й бригады 6-й дивизии сбили четыре аэроплана и захватили в плен летчика американца Фаунда Леро» (*Буденный 2*. С. 208–209).

Фаунт-Ле-Ро Седрик Э. – командир эскадрильи польской авиации, в составе которой были американские добровольцы, в середине июля 1920 г. перешел в 6-ю польскую армию. О неприятельских летчиках есть в дневниковой записи от 14 июля: «Франк Мошер. Сбитый летчик американец, босой, но элегантен, шея, к⟨а⟩к колонна, ослепителен, белые зубы, костюм в масле и грязи. С тревогой спрашивает меня, неужели

я совершил преступление, воюя с Сов⟨етской⟩ Россией. Сильно наше дело. Ах, как запахло Европой, кафе, цивилизацией, силой, старой культурой, много мыслей, смотрю, не отпускаю. Письмо майора Фонт-Ле-Ро – в Польше плохо, нет конституции, большевики сильны, социалисты в центре внимания, но не у власти. Надо учиться новым способам войны. Что говорят з⟨ападно⟩евр⟨опейским⟩ солдатам? Русский империализм, хотят уничтожить национальности, обычаи – вот главное, захватить все славянские земли, какие старые слова. Нескончаемый разговор с Мошером, погружаюсь в старое, растрясут тебя, Мошер, эх, Конан Дойль, письма в Нью-Йорк. Лукавит Мошер или нет – судорожно добивается, что такое большевизм. Грустное и сладостное впечатление». Об этом же упоминается в дневниковой записи от 18 августа: «Новое применение авиации, вспоминаю Мошера, капитан Фонт-ле-Ро во Львове…»

[10] *…отдаю командование Семену Голову, взводному…* – Голов – основное действующее лицо в новелле «Их было девять».

ИВАНЫ

Впервые: *РС*. 1924. № 1. С. 151–156, с подзаголовком «Из книги “Конармия”».

Фамилия одного из Иванов – Акинфиев – встречается в «Планах и набросках к “Конармии”». Акинфиев является также персонажем рассказов «Чесники» и «После боя».

[1] *Главком Каменев…* – Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) – советский военачальник, до революции офицер царской армии, в 1919–1924 гг. – Главнокомандующий Вооруженными силами Республики.

[2] *Маршевая рота*, как и другие маршевые воинские подразделения, – временно сформированная рота, направляющаяся маршем во время военных действий на фронт для пополнения армии.

[3] *– Своя рогожа чужой рожи дороже…* – Поговорка приведена в наброске «⟨12⟩ Бой под Бр⟨одами⟩» как поговорка Конкина.

[4] *В этот день, двадцать второго июля, поляки быстрым маневром исковеркали тыл нашей армии, они ворвались с налета в местечко Козин и пленили многих бойцов из состава одиннадцатой дивизии.* – Ср. с дневниковой записью от 23 июля: «…слухи тяжелые и⟨,⟩ вероятно⟨,⟩ нелепые⟨,⟩ и эти слухи – несмотря на цепь наших побед. Две бригады 11⟨-й⟩ дивизии в плену, поляки захватили Козин, несчастный Козин, что там будет».

[5] *…я встретил их после боя под Хотином.* – Ср. с дневниковой записью от 24 июля: «6⟨-я⟩ дивиз⟨ия⟩ ликвидирует пр⟨отивни⟩ка, напавшего на нас в Хотине, район боев Хотин–Козин…»

[6] *…обернулся и увидел на земле труп поляка, залитый моей мочой.* – Ср. с дневниковой записью от 7 августа: «Труп убитого поляка, страшный труп, вздутый и голый. Чудовищно». Использован набросок «⟨13⟩ Бой под Бр⟨одами⟩»: «Выхожу по естественной нужде… Труп. Блещущий день… Все усеяно трупами, совершенно незаметными среди ржи».

[7] *Записная книжка и обрывки воззваний Пильсудского валялись рядом с трупом.* – Ср. с дневниковой записью от 3 августа: «…страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые

нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, солдатские книжки, Евангелия ⟨...⟩ тела в жите».

[8] *Он вынул из кармана пузырек с лекарством, шприц Тарновского...* – Тарновский Вениамин Михайлович (1837–1906) – врач-венеролог. 28 июля Бабель записал в дневнике: «Страшная правда – все солдаты больны сифилисом ⟨...⟩ Солдатская язва. Российская язва – страшно. Едят толченый хрусталь, пьют не то карболку, размолоченное стекло. Все бойцы – бархатн⟨ые⟩ фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис. Галиция заражена сплошь».

[9] *В местечке сгрудились в то утро неисчислимые обозы ⟨...⟩ Казаки ходили по дворам, собирали полотенца и ели неспелые сливы.* – Ср. с дневниковой записью от 23 июля: «В Вербе. Евреи, не спавшие ночь, стоят жалкие, к⟨а⟩к птицы, синие, взлохмаченные, в жилетах и без носков. Мокрый безрадостный рассвет, вся Верба забита обозами, тысячи повозок, все возницы на одно лицо, перевязочные отряды, штаб 45⟨-й⟩ дивизии ⟨...⟩ Ждем на дороге из Вербы. Стоим два часа ⟨...⟩ Все едят – хлеб с соломой, зеленые яблоки, грязными пальцами, вонючими ртами – грязную, отвратительную пищу. Едем дальше. Изумительно – остановки через каждые 5 шагов, нескончаемые линии ⟨...⟩ обозов 45⟨-й⟩ и 11⟨-й⟩ див⟨изий⟩, мы то теряем наш обоз, то находим его...»

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛОШАДИ

Впервые: *ОИ*. 1924. 13 апр. С. 2, вместе с «Историей одной лошади», под общим названием «Тимошенко и Мельников», под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Галиция, сентябрь 1920 г.». Повторно: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 28–29, под названием «Тимошенко и Мельников», под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Галиция, сентябрь 1920».

Исправлена опечатка, допущенная в *Кр. Н.* и *КА-1926*: «...выступал из коммунистической нашей партии большевиков» на «выступил из коммунистической нашей партии большевиков».

В рассказе использован набросок «⟨25⟩ Сокаль. 1»: «Помните Мельникова, белый жеребец, прошение в армию. Он кланяется и передает вам свою любовь. Тим⟨ошенко⟩ ⟨...⟩ пишет на крышке гроба, полевая книжка».

[1] *...страдания мои посередь той армии понимаю...* – Ср. с наброском ⟨25⟩: «Одна фраза из письма Мельникова – и страдания посередь той армии понимаю».

[2] *Уревком* – уездный революционный комитет.

[3] *Коммунистическая наша партия есть, товарищ Хлебников, железная шеренга бойцов ⟨...⟩ победа или смерть.* – Использован набросок «⟨27⟩ Смерть Трунова»: «Тов⟨арищи⟩, – ком⟨мунистическая⟩ партия есть железная шеренга, бессчетно отдающая свою кровь в первом ряду. И когда из железа текет кровь, то это вам, товарищи ⟨...⟩ не шутки, – а победа или смерть».

[4] *...убит Трунов...* – См. преамбулу к примеч. к рассказу «Эскадронный Трунов» и к статье «Побольше таких Труновых!»

ВДОВА

Впервые: *ОИ (лит.-худ. приложение).* 1923. 15 июля. С. 4, под названием «Шевелев», под рубрикой «Из книги "Конармия"»; авторская датировка: «Галиция, август 1920 г.». Повторно: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 16–19, под тем же названием и с той же датой, под рубрикой «Из книги "Конармия"».

Название рассказа было изменено в *КА-1926*, однако в сборниках *ИМГ* и *КСИ* сохранено название «Шевелев».

В основе рассказа – дневниковая запись от 9 августа: «Другой рассказ о сестре милосердия Шурке. Ночь, бой, полки строятся, Левка в фаэтоне, сожитель Шуркин тяжело ранен, отдает Левке лошадь, они отвозят раненого, возвращаются к бою. Ах, Шура, раз жить, раз помирать. Ну да ладно. Она была в заведении в Ростове, скачет в строю на лошади, может отпустить пятнадцать. А теперь, Шурка, поедем, отступаем, лошади запутались в проволоке, проскакал 4 версты, село, сидит, рубит проволоку, проходит полк, Шура выезжает из рядов, Левка готовит ужинать, жрать охота, поужинали, поговорили, идем, Шура, еще разок. Ну, ладно. А где? – Ускакала за полком, пошел спать. Если жена приедет – убью».

[1] *Парфорсная езда* – от *франц.* par force (силой), вид цирковой езды стоя на лошади с выполнением прыжков через различные препятствия.

[2] *...в грехах, как в репьях...* – Поговорка приведена в наброске ⟨12⟩ как поговорка Конкина.

[3] *...а он, гляди, четырнадцатую дивизию погнал...* – Возможно, подразумеваются события 8 августа, когда «14-я и 6-я кавдивизии вели упорный бой с противником за выход в район Стоянов–Радзихов–Лопатин–Станиславчик. Противник оказывал упорное сопротивление, особенно в районе м. Радзихов, где его части семь раз переходили в атаку против I бригады 14-й кавдивизии» (*Клюев.* С. 114). Однако не исключено, что Бабель совместил в рассказе бои первой половины августа с событиями конца июля, о которых Л.Л. Клюев писал: «Особенно сильный бой произошел в районе нашей 14-й кавдивизии, где начдив 1-й легионеров по собственной инициативе в ночь на 31 июля повел наступление на части 14-й дивизии, расположившейся в Роговно–Волковые на ночлег, и отбросил их в район Пелча. Во время этого наступления противник совершенно окружил III бригаду, которая после нескольких атак прорвалась и вышла на соединение с главными силами 14-й дивизии» (*Клюев.* С. 105).

[4] *Послушные пожары встали на горизонте, тяжелые птицы канонады вылетели из огня. Буск горел...* – Ср. с дневниковыми записями от 14 августа: «Центр операций – взятие Буска и переправа через Буг. Целый день атака на Топоров, нет, отставили. Опять нерешительный день» и от 15 августа: «Бои у Буска. Штаб в Буске. Форсировать Буг. Пожар на той стороне. Буденный в Буске».

[5] *Там, в десяти верстах от города, шел бой с савинковскими казаками.* – Савинков Борис Викторович (1879–1925) – политический деятель, террорист, руководитель Боевой организации партии эсеров, участник Белого движения, писатель. Во время советско-польской войны 1920 г. был председателем Русского политического комитета в Варшаве, куда приехал по приглашению Пилсудского, участвовал в подготовке военных отрядов под командованием С.Н. Булак-Балаховича, воевавших на стороне поляков.

[6] *Предатели сражались под командой есаула Яковлева, передавшегося полякам.* – В середине июня 1920 г. есаул Вадим Яковлев организовал бригаду казаков-добровольцев из числа военнопленных и интернированных в польских лагерях. См. также рассказ «После боя» и примеч. 2 к нему.

ЗАМОСТЬЕ

Впервые: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 26–28, под рубрикой «Из книги "Конармия"»; авторская датировка: «Сокаль, сентябрь 1920». Повторно: *Рассказы-1925(2)*. С. 103–108.

Исправлена опечатка, допущенная в *КА-1926*: «– Вы женат, Лютов?» на «– Вы женаты, Лютов?».

Операция на Замостье нашла отражение в нескольких дневниковых записях Бабеля, отдельные детали использованы в рассказе.

29 августа: «Операция на Замостье. Мы в 10 в⟨ерстах⟩ от З⟨амостья⟩ ⟨...⟩ Операция, к⟨а⟩к всегда, несложна, обойти с запада и с севера и взять ⟨...⟩ Подходим к Замостью. Страшный день. Дождь-победитель не затихает ⟨ни⟩ на минуту. Лошади едва вытягивают. Описать этот непереносимый дождь. Мотаемся до глубокой ночи. Промокли, устали до жути, красный башлык Апанасенки. Обходим Замостье, части в 3–4 верстах от него. Не подпускают бронепоезда, кроют нас артогнем. Мы сидим на полях, ждем донесений, несутся мутные потоки ⟨...⟩ Ничего не можем сделать с бронепоездами. Выяснилось, что мы не знали, что здесь есть ж⟨елезная⟩ дорога, на карте не отмечена, конфуз, вот наша разведка. – Мотаемся, все ждем, что возьмут Замостье. Черта с два. Поляки дерутся все лучше. Лошади и люди дрожат».

30 августа: «Операция на Замостье продолжается. Погода по-прежнему ужасная, дождь, слякоть, дороги непроходимы, почти не спали, на полу, на соломе, в сапогах, будь готов ⟨...⟩ Едем к начдиву, он при 1⟨-й⟩ и 2⟨-й⟩ бригадах. Все время находимся в виду Замостья, видны его трубы, дома, пытаемся взять его со всех сторон. Подготовляется ночная атака. Мы в 3 верстах от Замостья, ждем взятия города, будем там ночевать. Поле, ночь, дождь, пронизывающий холод, лежим на мокрой земле, лошадям нечего дать, темно, едут с донесениями. Наступление будет вести 1⟨-я⟩ и 3⟨-я⟩ бригады ⟨...⟩ Усталость, апатия, неистребимая жажда сна, почти отчаяние. В темноте идет цепь, спешена целая бригада. Возле нас – пушка. Через час – пошла потеха. Наша пушка стреляет беспрерывно, мягкий, лопающийся звук, огни в ночи, поляки пускают ракеты, ожесточеннейшая стрельба, ружейная и пулеметная, ад, мы ждем, 3 часа ночи. Бой затихает. Ничего не вышло. Все чаще и чаще у нас ничего не выходит. Что это? Армия поддается? – Едем на ночлег верст за 10 в Ситанец. Дождь усиливается. Усталость непередаваема. Одна мечта ⟨–⟩ квартира. Мечта осуществляется. Старый растерянный поляк со старухой. Солдаты, конечно, растаскивают его. Испуг чрезвычайный, все сидели в погребах. Масса молока, масла, лапша, блаженство. Я каждый раз вытаскиваю новую пищу. Замученная хорошая старушка. Восхитительное топленое масло. Вдруг обстрел, пули свистят у конюшен, у ног лошадей. Снимаемся. Отчаяние. Едем в другую ⟨...⟩ окраину села. Три часа сна, прерываемого донесениями, расспросами, тревогой».

31 августа: «Армприказ – оставить ⟨...⟩ Замостье, идти на выручку 14⟨-й⟩ дивизии, теснимой со стороны Комарова».

[1] *Приказ по армии требовал, чтобы мы ночевали в Замостье, и начдив ждал донесений о победе.* – Были изданы оперативные приказы Первой конной армии № 0108 и № 0109 об овладении Замостьем. Но, вероятнее всего, в рассказе содержится своего рода парафраз приказа не по армии, а по 6-й кавалерийской дивизии № 147 от 28 августа 1920 г., подписанного Апанасенко. В одном из параграфов приказа говорилось: «Я (т. е. начдив. – *Сост.*) буду находиться при 1-й бригаде, куда присылать донесения через каждые два часа». В приказе содержались также указания отдельным бригадам «сосредоточиться на ночлег» в определенных населенных пунктах, хотя Замостье среди них не упоминалось (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 378). Ср. с дневниковой записью от 30 августа: «Мы в 3 верстах от Замостья, ждем взятия города, будем там ночевать».

[2] *...тебя спалю и твою краденую телку.* – Ср. с более ранней дневниковой записью – от 20 июля: «Опять село, хозяйка длинная, скучно – немае 〈...〉 очень чисто, сын был в солдатах, дает нам яиц, молока нет, в хате невыносимо душно 〈...〉 Целый день сижу в хате 〈...〉 тепло, там дождь за окном. К〈а〉к скучна и пресна для меня эта жизнь – цыплята, спрятанная корова, грязь, тупость».

[3] *– Мы проиграли кампанию...* – Рейд Первой конной армии на Замостье в конце августа – начале сентября 1920 г. закончился неудачей: армия не смогла взять город и попала в окружение, из которого вырвалась с большими потерями. Сначала она была выведена в резерв, а затем направлена на Южный фронт для сражений против белогвардейских войск генерала Врангеля.

ИЗМЕНА

Впервые: *Кр. газ.* 1926. 13 марта (веч. вып.). С. 2, с редакционным примечанием «Неизданная глава из книги “Конармия”». Повторно: *Пролетарий.* С. 129–133.

Сохранился целый ряд документов, свидетельствующих о сложной ситуации с ранеными красноармейцами, находившимися на лечении в госпиталях или отправленными в тыл. Так, например, в срочной телеграмме ревтройки города Черкассы Реввоенсовету Первой конной армии от 15 июля 1920 г. говорилось: «Больные и раненые красноармейцы Первой Конной армии, прибывающие в Черкассы, вносят полную дезорганизацию в работу Советвласти, руганью и угрозами оружия терроризируют ответственных работников как в учреждениях, так равно и на улицах, театрах, госпиталях, не считаясь с нашими заявлениями и угрозами, врываются на фабрики и хозяйственные организации и самовольно берут, делают, что им заблагорассудится. Местная власть не в силах прекратить подобные явления и просит принять надлежащие меры» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 24. Л. 612).

10 августа в Житомире по распоряжению Реввоенсовета Первой конной армии от 9 августа 1920 г. было издано два приказа. Один из них, № 34, адресован войсковым частям и учреждениям Волынского губернского военного комиссариата:

«Несмотря на неоднократные приказы военкомам госпиталей и красноармейцам, находящимся на излечении в госпиталях гор. Житомира, сдать оружие, приказ ни красноармейцами, ни военкомами госпиталей в жизнь не проводился. Считаем такое явление ненормальным, так как каждый боец Красной Армии обязан тотчас исполнять все приказы, ибо всякое неисполнение таковых вносит разруху в строительство рабоче-крестьянской власти.

А потому на основании предыдущих приказов и приказа членов Реввоенсовета Ворошилова и Минина приказываем военкомам и старшим врачам госпиталей предложить всем красноармейцам, находящимся на излечении в госпиталях, в течение 24 часов с момента получения сего приказа сдать имеющееся у них на руках оружие, как холодное, так и огнестрельное, на хранение военкомам госпиталей, и, где таковых нет, старшим врачам, и при выписке красноармейцев на фронт выдавать таковое.

Всем военкомам и старшим врачам разъяснить больным красноармейцам недопустимость неисполнения приказов и хранения при себе оружия. По истечении указанного срока военкомам госпиталей и старшим врачам предлагается донести об исполнении сего, а равно и всех случаях неисполнения. Предупреждаем, что неисполнение настоящего приказа со стороны военкомов, старших врачей госпиталей и красноармейцев повлечет за собою самое строгое наказание, вплоть до предания суду по законам военного времени» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 45. Л. 8).

Второй – секретный – приказ по житомирскому гарнизону – о разоружении в ночь с 11 на 12 августа больных и раненых красноармейцев, находящихся на лечении в госпиталях Житомира. Приказом разрабатывались оперативные мероприятия по изъятию оружия, для чего создавались отряды красноармейцев, в каждый из которых входили уполномоченный и пять агентов Чрезвычайной комиссии; в операции должны были участвовать военкомы госпиталей, в случае их отсутствия – главные врачи. В приказе, в частности, говорилось, что отряд, назначенный в определенный госпиталь, «при военкоме госпиталя отправляется к месту назначения в 4 часа утра в боевом порядке и, прибыв на место назначения, окружает здание госпиталя, заняв все входы и выходы. Уполномоченный, агенты, военком госпиталя с незначительной частью из отряда входят в госпиталь и в вежливой форме находящимся там больным предлагают выдать имеющееся у них оружие, как огнестрельное, так и холодное, и, несмотря на сдачу, уполномоченному и имеющимся в его распоряжении агентам произвести тщательный обыск в помещении красноармейцев для изъятия как оружия, так и всего незаконно хранящегося.

В случае неисполнения приказа о сдаче и сопротивления начальник отряда принимает все меры к предотвращению применения оружия и, в крайнем случае, под личной ответственностью как строевого начальника отряда, уполномоченного и военкома госпиталя принять карательные меры по изъятию сопротивляющихся ⟨sic!⟩» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 45. Л. 7).

Последний приказ был выполнен, о чем свидетельствует, в частности, «Резолюция раненых бойцов 1-го хирургического госпиталя имени тов. Буденного», направленная в Реввоенсовет (эта резолюция может служить иллюстрацией к рассказу «Измена»):

«Мы, раненые бойцы, просим обратить внимание Реввоенсовета на следующие возмутительные явления, выразившиеся со стороны местных властей. 12 августа с/г в 3 часа ночи вдруг без всякого предупреждения военкома или политрука был оцеплен госпиталь войсками. Выставлены были пулеметы, а также выставлены были часовые у дверей каждой палаты. Во время обстрела госпиталей раненые красноармейцы, не зная, откуда производится стрельба, стали бросаться к дверям. Но часовые силой оружия заставили обратно войти их в палаты. Такой случай был со стороны красного офицера, который также наставлял револьвер к груди раненого красноармейца. Расспра-

шивая часовых, что это происходит, некоторые из них говорили, что на город Житомир напали бандиты. Спустя несколько минут они стали производить обыск оружия, переворачивая матрацы под ранеными, которые, растревоженные этим, начали стонать от боли ран. А на втором этаже раненые, услышав эти стоны, стали волноваться, думая, что внизу убивают их товарищей. Несмотря на все угрозы часовых, начали бежать на низ ⟨sic!⟩ по направлению к улице, дабы спасти свою жизнь.

Общее собрание ранбольных бойцов признает этот порядок неорганизованным и незаконным, нарушающим спокойствие госпиталя. Подобный поступок мог повести ⟨к⟩ весьма нежелательным результатам, к столкновению обеих сторон.

А потому просим Реввоенсовет 1-й Конной армии произвести строжайшее расследование по поводу этих действий и привлечь виновников произвола к ответственности и что⟨бы⟩ впредь таких случаев действий над ранеными бойцами не было.

Общее собрание признает, что подобные явления могут отразиться на фронте» (РГВА. Ф. 245. Оп. 19. Д. 4. Л. 1).

[1] *Товарищ следователь Бурденко.* – Вероятно, отсылка к имени знаменитого хирурга Николая Ниловича Бурденко (1876–1946).

[2] *Пуанкаре* (Poincaré) Раймон (1860–1931) – французский политический и государственный деятель, в 1913–1920 гг. президент Франции.

[3] *...палача германской революции Эберта-Носке...* – Объединены два имени немецких политических и государственных деятелей: Эберт (Ebert) Фридрих (1871–1925) – один из ведущих деятелей социал-демократической партии Германии, первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919–1920); Носке (Noske) Густав (1868–1946) – социал-демократ, в 1919–1920 гг. рейхсминистр обороны Германии.

[4] *Цейхгауз* – «военная кладовая для оружия или амуниции» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 573).

[5] *Предуревком* – председатель уездного революционного комитета.

ЧЕСНИКИ

Впервые: *Кр. Н.* 1924. № 3. С. 23–26, под рубрикой «Из книги “Конармия”».

Рассказ связан с рейдом на Замостье. Село Чесники упоминается в приказе по 6-й кавалерийской дивизии от 28 августа 1920 г. (см. примеч. 1 к рассказу «Замостье»).

Рассказ основан на дневниковой записи от 31 августа: «Предстоит атака. Бригады накапливаются в лесу – версты 2 от Чесники. – Ворошилов и Буденный все время с нами ⟨...⟩ Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку, почему не подходит 2⟨-я⟩ бригада. Ждем подхода 2⟨-й⟩ бригады. Время тянется мучительно долго. Не торопить меня, т⟨оварищ⟩ Ворошилов. Ворошилов – все погибло к и м. – Буденный молчит, иногда улыбается, показывая ослепительные белые зубы. Надо сначала пустить бригаду, потом полк. Ворошилову не терпится, он пускает в атаку всех, кто есть под рукой. Полк проходит перед Ворош⟨иловым⟩ и Буд⟨енным⟩. Ворош⟨илов⟩ вытянул огромный револьвер, не давать панам пощады, возглас принимается с удовольствием. Полк выле-

тает нестройно. Ура, даешь, один скачет, другой задерживает, третий рысью, кони не идут, котелки и ковры. Наш эскадрон идет в атаку. Скачем версты четыре. Они колоннами ждут нас на холме. Чудо – никто не пошевелился. Выдержка, дисциплина. Офицер с черной бородой. Я под пулями. Мои ощущения. Бегство. Военкомы заворачивают. Ничего не помогает. К счастью⟨,⟩ они не преследуют, иначе была бы катастрофа. Стараются собрать бригаду для второй атаки, ничего не получается».

[1] *Нетель* – ни разу не рожавшая самка крупного рогатого скота.

[2] *Очески* – остатки, отходы при очесывании льна, хлопка, шерсти и т. п.

ПОСЛЕ БОЯ

Впервые: Прожектор. 1924. № 20. С. 12 и 14, с подзаголовком «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Галиция, сентябрь, 1920». Повторно: *ОИ*. 1924. 2 нояб. С. 3, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Галиция, сентябрь 1920».

[1] *Тридцать первого числа случилась атака при Чесниках.* – См. рассказ «Чесники» и преамбулу к примеч.

[2] *Это были казаки, изменившие нам в начале польских боев и сведенные в бригаду есаулом Яковлевым.* – О есауле Яковлеве см. примеч. 6 к рассказу «Вдова».

Ряд подробностей об этом, в чем-то отличающихся от рассказа «После боя» и дневника Бабеля, есть в дневниковой записи Орловского от 28 августа:

«За Комаровым у Зубовице в этот день Конармия вела бой с “казачьей” бригадой, которой командовал есаул Яковлев. С первого же столкновения бригада была разорвана на части и уничтожена. Остатки разбежались по лесу. У одного из убитых командиров был найден подлинный приказ Яковлева с обозначением соседних частей противника и черновик договора бригады с польским командованием. В этом проекте договора деникинцы уже отказываются от былого лозунга борьбы “за единую и неделимую”, а идут под лозунгом борьбы против большевиков и большевизма. Сам Яковлев живым в плен не отдался и застрелился. В плен взята его жена.

Бригада Яковлева, называвшаяся почему-то казачьей, на самом деле состояла из незначительного количества казаков под командованием одного небезызвестного деникинского орла, генерала Бредова, а большая ее часть сформировалась в Калише из белополяков, впервые брошенных на фронт» (*Орловский*. С. 95).

О комаровском погроме говорится и в статье Бабеля «Недобитые убийцы», напечатанной в «Красном кавалеристе» 17 сентября 1920 г.

[3] *...где встретил нас Виноградов, начподив шесть.* – Начподив – начальника политотдела дивизии. В книжной версии рассказа «Берестечко» фамилию Виноградов носит комиссар 6-й дивизии (подлинная фамилия военкома – Винокуров), начальником политотдела дивизии был Яковлев.

[4] *...пока не встретил Воробьева, командира первого эскадрона.* – Воробьев – реальный человек, служивший в Первой конной. Его имя несколько раз упомянуто в дневнике, в том числе в связи с боем у Чесников. Адамы, 21 августа: «Воробьев принял 2⟨-й⟩ эскадрон. – Солдаты довольны»; Витков, 23–24 августа: «...бывший комендант Воробьев ⟨...⟩ неизменно веселый и, кажется, глупый человек»; Чесники, 31 августа:

«Веселый дураковатый Воробьев, рассказывает о своих подвигах, подскочил, 4 выстрела в упор. Апанас⟨енко⟩ неожиданно оборачивается, ты сорвал атаку, мерзавец»; Теребин, 1 сентября: «Бесконечные разговоры о вчерашней атаке, вранье, искреннее сожаление, бойцы молчат. Дурак Воробьев звонит. Его оборвал Начдив. – Начало конца 1⟨-й⟩ Конной».

[5] *– Стрелять, – с отчаянием сказала Сашка и сорвала с рукава госпитальную повязку, – этим, что ли, стрелять мне?* – Ср. с дневниковой записью от 31 августа: «Рассказ сестры – есть сестры, которые только симпатию устраивают, мы помогаем бойцу, все тяготы с ним, стреляла бы в таких, да чем стрелять будешь, х-м, да и того нет».

[6] *Молокане* – религиозная христианская секта, признающая служение Богу только «в духе и в истине» и отрицающая церковную иерархию, иконы, обряды богослужения в православии; молокане отказываются от военной службы и ношения оружия. Ср. с рассказом Бабеля «Первая любовь» (1925):

«– На молокан должна быть похожа наша жизнь, – бормотал он и пошатывался на подворачивающихся ногах, – вроде молокан должна быть наша жизнь, но только без бога этого сталоверского, от него евреям выгода, другому никому…

И Власов с отчаянием закричал о сталоверском боге, пожалевшем одних евреев» (*ИМГ*. С. 32).

ПЕСНЯ

Впервые: *Кр. Н.* 1925. № 3. С. 125–127, под названием «Вечер», под рубрикой «Из дневника»; авторская датировка: «Сокаль, VIII, 1920 г.». Одновременно: *Шк.* 1925. № 15. С. 14–15, под названием «Вечер». В книге датировки нет.

Исправлена опечатка, допущенная в *Кр. Н.*, *Шк.* и в *КА-1926*: «Песня летала…» на «Песня летела…» и опечатка, допущенная в *Кр. Н.* и в *КА-1926*: «…отодвинула к стене немного мальчика…» на «…отодвинула к стене немого мальчика…».

Некоторые детали – хозяйский сын с большой головой, поведение самой хозяйки и героя-повествователя – перешли в рассказ из дневниковой записи от 28 июля, сделанной в Хотине: «Я живу в бедной хате, где сын с большой головой играет на скрипке. Терроризирую хозяйку, она ничего не дает ⟨…⟩ Хозяйка прячет свиней и корову».

[1] *«Звезда полей, – запел он, – звезда полей над отчим домом, и матери моей печальная рука…»* – Эта народная песня, возможно, вдохновила Н.М. Рубцова на создание стихотворения «Звезда полей» (1964). А в 1963 г. В.Н. Соколов написал стихотворение с тем же названием, скорее всего, под влиянием рассказа Бабеля.

[2] *…он и я – услышали ее в первый раз в девятнадцатом году в гирлах Дона, у станицы Кагальницкой.* – Бои у Кагальницкой шли в январе–феврале 1920 г.

[3] *…и в зеленых походах…* – Имеются в виду походы против нерегулярных вооруженных, преимущественно крестьянских и казачьих, формирований, противостоявших и большевикам, и белогвардейцам. «Зеленые повстанцы», или «зеленые партизаны», скрывались в основном в лесах, за что и получили свое название.

[4] *Кожух* – тулуп из овчины.

СЫН РАББИ

Впервые: *ОИ.* 1924. 9 марта. С. 4, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «Бердичев, сентябрь 1920». Одновременно: *Кр. Н.* 1924. № 1. С. 69–71, под рубрикой «Из книги “Конармия”». В журнале и в книге датировки нет.

Список с подписью автора, местом и датой «Киверцы, сентябрь, 1920» рукой Бабеля, без начала (начинается со слов: «стены. Потом раздвинулась...»): РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6–9.

В рассказе переосмыслена дневниковая запись от 12 сентября, сделанная в Киверцах: «Поезд отправляется быстро, солдаты и обозы бегут, раненые с искаженными лицами скачут к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого упали штаны, еврей с тонким просвечивающим лицом, м⟨ожет⟩ б⟨ыть,⟩ хитрый еврей ⟨...⟩ вскакивают дезертиры с сломанными руками, больные из санлетучки».

[1] *Смешной Гедали, основатель IV Интернационала...* – Имеется в виду «Интернационал добрых людей» из рассказа «Гедали».

[2] *...и старый шут чернобыльских цадиков звякал медяшками в изодранном кармане...* – Речь идет о ребе Мордхэ из рассказа «Рабби»; в субботу по религиозному Закону евреям запрещено брать деньги в руки.

[3] *Талес* (*ивр.* талит) – специальное покрывало, которое религиозные евреи накидывают поверх одежды во время молитвы.

[4] *Потом раздвинулась завеса шкапа, и в похоронном блеске свечей мы увидели свитки Торы, завороченные в рубашки из пурпурного бархата и голубого шелка...* – Обернутые в специальные украшенные покрывала свитки Торы хранятся в синагоге в особом шкафу – Ковчеге Торы (*ивр.* арон а-кодеш). Обряд субботнего богослужения описан в рассказе неточно – шкаф со свитками Торы в канун субботы не открывается (см.: *Бабель И.Э.* «Детство» и другие рассказы. С. 390). Тора – в широком смысле совокупность традиционного иудейского религиозного закона, в узком смысле – пятикнижие Моисея.

[5] *...прекрасное лицо Ильи, сына рабби, последнего принца в династии...* – О династии у хасидских цадиков см. примеч. 3 к рассказу «Рабби».

[6] *...полки двенадцатой армии открыли фронт у Ковеля.* – Ср. с дневниковой записью от 12 сентября: «Заведение, которое называется 12⟨-й⟩ армией. На одного бойца – 4 тыловика, 2 дамы, 2 сундука с вещами, да и этот единственный боец не дерется. Двенадцатая армия губит фронт и Конармию, открывает наши фланги, заставляет затыкать собой все дыры. У них сдался в плен, открыли фронт...» Клюев так характеризовал обстановку на фронте 12 и 13 сентября:

«С рассветом 12-го противник переправился на восточный берег р. Зап. Буг у д. Выгоданка против г. Грубешова и повел ожесточенные атаки на расположение 4-й и 6-й кавдивизий с целью выйти на Владимир-Волынск.

Ввиду наличия у противника большого количества артиллерии, контратаки 4-й и 6-й кавдивизий успеха не имели ⟨...⟩

В этот же день под давлением противника малобоеспособные части 12-й армии отходили на г. Ковель ⟨...⟩

Утром 13 сентября после упорного боя с превосходными силами противника 14-я кавдивизия оставила г. Владимир-Волынск.

В этот же день противник с налета занял г. Ковель, продолжая наседать на части 12-й армии» (*Клюев*. С. 131–132).

[7] *...я швырнул в них грудой листовок Троцкого.* – Листовки выпускались редакцией газеты «Красный кавалерист», поэтому тиражи листовок могли находиться в поезде Политотдела. Ср. с письмом начальника Политотдела Первой конной в редакцию: «При сем препровождается телеграмма Реввоенсовета Югзапа с отношением Редвоенсовета 1-й Конной № 727 для составления соответствующей листовки и отпечатания листовки тов. Троцкого (щадите пленных)» (РГВА. Ф. 245. Оп. 2. Д. 15. Л. 68).

[8] *Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом.* – О Маймониде см. примеч. 8 к рассказу «Гедали».

[9] *Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии...* – VI съезд РСДРП(б) проходил с 26 июля (8 августа) по 3 (16) августа 1917 г. в Петрограде. В версии рассказа в *ОИ* речь шла о VII съезде, который состоялся 6–8 марта 1918 г. и на котором Российская социал-демократическая рабочая партия была переименована в Российскую коммунистическую партию. Главным вопросом на съезде был вопрос о войне и мире. Съезд проходил в обстановке строгой конспирации, а его материалы были напечатаны только в 1923 г. Поэтому указание на «книжку постановлений VII-го съезда партии» в *ОИ* по отношению ко времени действия рассказа являлось анахронизмом.

[10] *Песнь песней* – 30-я часть Танаха (Священного Писания на иврите), 4-я книга Ктувим (третьего раздела еврейской Библии), каноническая книга Ветхого Завета; приписывается царю Соломону.

[11] – *Четыре месяца тому назад, в пятницу вечером, старьевщик Гедали привел меня к вашему отцу...* – На самом деле между событиями, описанными в рассказах «Рабби» и «Сын рабби», прошло менее двух с половиной месяцев.

[12] *Филактерии*, или тфилин – элемент религиозного облачения еврея: две коробочки из выкрашенной черной краской кожи кошерных животных, внутри которых помещены написанные на пергаменте отрывки из Торы; во время утренней молитвы филактерии укрепляются специальными кожаными черными ремешками на лбу и на руке.

ДОПОЛНЕНИЯ

РАССКАЗЫ

ГРИЩУК

Впервые: *ОИ*. 1923. 23 февр. С. 6, под рубрикой «Из книги “Конармия”»; авторская датировка: «16.7.20». Републиковано: Звезда Востока. Ташкент, 1967. № 3, публ. Е.А. Краснощековой.

Грищук упоминается в дневнике (впервые в записи от 14 июля), в рассказах «Учение о тачанке» и «Смерть Долгушова».

[1] *После германской революции...* – Имеется в виду Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, в результате которой установился режим парламентской демократии, известный как Веймарская республика.

ИХ БЫЛО ДЕВЯТЬ

Впервые: Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 95. С. 16–20, публ. Н.И. Бабель-Браун; впервые в СССР: Огонек. 1989. № 4. С. 10–11, публ. А.Н. Пирожковой; авторская датировка: «Гликсталь, 4.8.23». Набросок «Их было десять» впервые: *Бабель И.Э.* Петербург 1918 / Под ред. Э. Зихера. Ann Arbor: Ardis, 1989. С. 246–247.

Гликсталь – немецкая колония Тираспольского района Херсонской губернии.

Оба автографа – «Их было девять» и «Их было десять» – сделаны карандашом на полосках, оторванных от бланков фирмы отца писателя, Э.И. Бабеля, в Одессе. В неоконченном наброске рядом с названием «Их было десять» чернилами написано другое название – «Чесники» – и зачеркнуто карандашом.

Рассказ «Их было девять», как и набросок «Их было десять» в разделе «Разночтения в рассказах», печатается по автографу (частное собрание, США).

Основу рассказа составляет запись в дневнике от 30 августа: «Взяли станцию. Едем к полотну ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩. 10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана? Офицер. Кровь идет из рта. Густая красная кровь в комьях, заливает все лицо, оно ужасно, красное, покрыто густым слоем крови. Пленные все раздеты. У командира эскадрона через седло перекинуты штаны. Шеко заставляет отдать. Пленных одевают, ничего не одели. Офицерская фуражка. “Их было девять”. Вокруг них грязные слова. Хотят убить. Лысый хромающий еврей в кальсонах, не поспевающий за лошадью, страшное лицо, наверное, офицер ⟨...⟩ надоедает всем, не может идти, все они в животном страхе, жалкие, несчастные люди, польские пролетарии, другой поляк – статный, спокойный, с бачками, в вязаной фуфайке, держит себя с достоинством, все допытываются – не офицер ли. Их хотят рубить. Над евреем собирается гроза. Неистовый путиловский рабочий ⟨...⟩ рубать их всех надо⟨,⟩ гадов, еврей прыгает за нами, мы тащим с собой пленных все время, потом отдаем на ответственность конвоиров. Что с ними будет. Ярость путиловского рабочего, пена брызжет, шашка, порубаю гадов и отвечать не буду».

В связи с пленными есть также более ранние записи в дневнике. Совсем кратко Бабель записывает 16 августа: «Еду опрашивать пленных» и 17 августа: «Рубка пленных». Ср. также с записью от 18 августа: «Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы, маленький полячок с полированными ногтями трет себе розовую голову с редкими волосами, отвечает уклончиво, виляя, “мекая” ну, да, Ш⟨еко⟩ воодушевленный и бледный, отвечай, кто ты – я, мнется – вроде прапорщика, мы отъезжаем, его ведут дальше, парень с хорошим лицом за его спиной заряжает, я кричу – Яков Васильевич, он делает вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление ⟨...⟩ Гонят пленных, их раздевают, странная картина – они раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, маленькая неловкость, тут же – командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого “вроде” прапорщика, предательски убитого».

Эпизод расстрела пленных вошел в рассказ «Эскадронный Трунов»; вероятно, поэтому Бабель не стал дорабатывать данный набросок и готовить его к печати.

[1] *Десяти пленных нет в живых.* – Эта фраза как рефрен повторена в рассказе трижды. В рукописи именно так: «Десяти пленных...». Почти во всех публикациях рассказа:

«Девяти пленных нет в живых». Видимо, публикаторы посчитали число «десять» алогичным по отношению к названию. Однако пленных изначально было действительно десять: в рассказе упоминается «длинный поляк», которого убил Голов.

[2] *Я стал записывать о взводном и десяти покойниках...* – Во всех публикациях: «девяти покойниках». Так изначально было и в рукописи, но буква «в» в числительном исправлена Бабелем на «с».

АРГАМАК

Впервые: Новый мир. 1932. № 3. С. 125–127, с подзаголовком: «Ненапечатанная глава из “Конармии”»; авторская датировка: «1924–1930».

Печатается по первой публикации.

Автор включил «Аргамак» в *КА-1933* и в последующие издания (*Рассказы-1934*, *Рассказы-1936*), соответственно основной корпус «Конармии» в них составил 35 рассказов.

[1] *Я решил перейти в строй. ⟨...⟩ Выбор мой пал на самую боевую дивизию – шестую.* – Рассказ начинается с логической инверсии: сперва упоминается начдив, надо полагать, начдив шесть, а затем сообщается о том, что герой выбрал 6-ю дивизию. Подобная инверсия может быть связана с толкованием Раши и его последователями библейских анахронизмов, о котором Бабель, несомненно, знал (комментарии Раши упоминаются в рассказе «Гедали»): «...главенствующим сюжетным принципом в Торе является переход от общего понятия к частному ⟨...⟩ В Торе нет “ранее” и “позднее” – иными словами, нет хронологической упорядоченности действий ⟨...⟩ установка “от общего к частному” раскрывается в двух аспектах: ахронном, собственно сюжетном ⟨...⟩ и фабульно-хронологическом, когда исходное положение представляет собой как бы нерасчлененный, целостный прообраз последующих событий» (*Вайскопф М.Я.* О сюжете Пятикнижия // Народ и земля. Иерусалим, 1984. № 1. С. 198). Такого рода инверсия может быть соотнесена и «с циклическим восприятием времени у Бабеля» в целом, которое, по мнению Вайскопфа, являет «ярчайший пример адаптации религиозного восприятия к литературной работе. Историософия Бабеля циклична, как в Экклезиасте и ахронна, как в Талмуде» (*Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 238–239).

Ср. также с рассуждениями Д.С. Лихачева о древнерусской литературе: «Когда время в произведении течет “открыто” и связано с историческим временем, тогда в произведении легко могут совмещаться несколько временных рядов и последовательность событий может переставляться (сперва может рассказываться более позднее событие, а потом более раннее). Ведь все перестановки и все временные ряды совершаются на фоне исторического времени ⟨...⟩ События имеют некоторую прикрепленность к реальному времени; за последовательностью событий в произведении стоит последовательность историческая. Эта-то последняя и “освобождает” первую» (*Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1967. С. 259).

Из штаба армии Бабель перевелся в 6-ю кавалерийскую дивизию с 24 июня 1920 г.

[2] *Эскадроном командовал слесарь Брянского завода Баулин, по годам мальчик.* – Ср. с дневниковой записью от 6 августа: «...обязательно описать прихрамывающего Губанова, грозу полка, отчаянного рубаку, молодого 23-хлет⟨него⟩ юношу...»

[3] *Аргамак* – «рослая и дорогая азиатская лошадь» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 21).

[4] *Конная армия атаковала Ровно. Город был взят. Мы пробыли в нем двое суток. На следующую ночь поляки оттеснили нас.* – Ровно был взят поздно вечером 4 июля, однако ранним утром 9 июля поляки вошли в город, вечером того же дня части 6-й кавдивизии выбили противника из Ровно.

[5] *В ночном этом бою пал серб Дундич, храбрейший из людей.* – Дундич (Дундић) Олеко (1896 или 1897–1920) – сербский революционер, участник Первой мировой и Гражданской войн в России. Погиб 7 июля (по другим источникам, 8 июля) 1920 г. в бою под Ровно.

ПОЦЕЛУЙ

Впервые: *Кр. Н.* 1937. № 7. С. 49–51.

«Поцелуй», тематически связанный с «Конармией», но написанный позднее, стилистически отличается от других конармейских рассказов. Эту разницу почувствовал А.К. Гладков, записавший в своем дневнике 29 августа 1937 г. после прочтения новеллы: «Новый рассказ Бабеля “Поцелуй” примыкает к конармейскому циклу, но менее живописен, суше, реалистически точнее, и внутренний лиризм его спрятан глубоко под поверхностью повествования» (*Гладков А.К.* Поздние вечера. М.: Сов. писатель, 1986. С. 297).

Нельзя не уловить в этом произведении чеховских интонаций (например, несбыточная мечта о переезде в Москву), а также аллюзии на одноименный рассказ А.П. Чехова.

«Поцелуй» выделяется среди других рассказов о Первой конной повышением «статуса» героя-повествователя: у него есть ординарец – Суровцев. Хотя о достаточно высоком положении Лютова говорится в рассказах «Учение о тачанке» и «Смерть Долгушова», в которых он является «обладателем тачанки» и повозочного к ней. (В реальной жизни у Бабеля–Лютова был даже не один повозочный: Грищука сменил поляк Говинский.)

В селе Будятичи, где разворачивается основное действие рассказа, Бабель, судя по дневнику, находился в начале сентября, однако дневниковые записи, послужившие, возможно, импульсом к написанию «Поцелуя», имеют с содержанием этого произведения мало общего. Ср. 6 сентября: «Будятичи занято 44⟨-й⟩ див⟨изией⟩. Столкновения. Они поражены дикой ордой, накинувшейся на них. Орлов – даешь, катись. – Сестра гордая, туповатая, красивая сестра плачет, д⟨окто⟩р возмущен тем, что кричат – бей жидов, спасай Россию. Они ошеломлены, начхоза избили нагайкой, лазарет выбрасывают, реквизируют и тянут свиней без всякого учета, а у них есть порядок, всякие уполномоченные с жалобами у Шеко. Вот и буденновцы. – Гордая сестра, каких мы никогда не видали – в белых башмаках и чулках, стройная полная нога, у них организация, уважение человеческого достоинства, быстрая, тщательная работа. – Живем у евреев. – Мысль о доме все настойчивее. Впереди нет исхода»; 7 сентября: «Мы занимаем две комнаты. Кухня полна евреями. Есть беженцы из Крылова, жалкая куча людей с лицами пророков. Спят вповалку. Целый день варят и пекут, еврейка работает, как каторжная, шьет, стирает. Тут же – молятся. Дети, барышни. Хамы – холуи жрут беспрерывно, пьют водку, хохочут, жиреют, икают от желания женщины. – Едим через каждые два часа».

По свидетельству А.Н. Пирожковой, Бабель собирался включить «Поцелуй», опубликованный после выхода однотомника 1936 г., в основной блок книги. В составленном ею двухтомнике этот рассказ завершает конармейский цикл (см.: *Бабель И.Э.* Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. С. 136–140, 561).

[1] *В начале августа штаб армии отправил нас для переформирования в Будятичи.* – Переезд в Будятичи Бабель отмечает в дневниковой записи за 3–5 сентября: «Пр⟨отивни⟩к наступает. Мы взяли Лотов, отдаем его, он нас отжимает, ни одно наше наступление не удается, отправляем обозы, я еду в Теребин ⟨...⟩ дальше – дождь, слякоть, тоска, переезжаем Буг, Будятичи. Итак, решено отдать линию Буга». Будятичи упоминаются в рассказах «Песня» и «Аргамак».

[2] *Ремиз* – «в некоторых карточных играх недобор установленного числа взяток, а также штраф за такой недобор» (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. язык, 1984. С. 588).

[3] *...к вашему сведению должен сообщить, что я окончил юридический факультет...* – Ср. с рассказом «Мой первый гусь», где Лютов представляется: «...кандидат прав Петербургского университета». См. примеч. 5 к рассказу «Мой первый гусь».

[4] *...что поляки прорвали фронт под Люблином и что нам поручена обходная операция.* – Ср. с дневниковой записью от 18 августа: «Приказ – всей Конармии перейти в распоряжение запфронта. Нас двигают на север – к Люблину».

[5] *Располагаясь на ночлег в Гощенской церкви, я и не подумал, что мы находимся в девяти верстах от Будятичей.* – В единственной прижизненной публикации рассказа, как и почти во всех последующих публикациях, по-видимому, ошибочно напечатано: «Тощенской церкви», но речь идет скорее всего об одном из церковных зданий на территории Гощи, которая упоминается в дневниковых записях от 5 и 6 июля. Однако Гоща находится в Ровненской области и соответственно восточнее Будятичей Волынской области, а расстояние между ними составляет свыше двухсот километров.

[6] *В это утро наша бригада прошла бывшую государственную границу Царства Польского.* – Финал носит символический характер, поскольку Царством Польским называлась часть Польши, которая в 1815–1915 гг. входила в состав Российской империи.

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ»

ПОБОЛЬШЕ ТАКИХ ТРУНОВЫХ!

Впервые: *КК*. 1920. 13 авг. С. 3, за подписью «Военный корреспондент 6 Кавдивизии К. Лютов».

Трунов Константин Архипович (1866–1920) – участник Первой мировой (вахмистр, полный георгиевский кавалер) и Гражданской войн. Один из организаторов краснопартизанских отрядов на Ставропольщине. После их переформирования в регулярные части был назначен командиром 4-го стрелкового полка 1-й Ставропольской стрелковой дивизии, впоследствии переименованной в 4-ю. После введения для всех дивизий РККА общей нумерации стал командиром 1-й бригады 32-й дивизии 10-й армии. Летом 1919 г. был отстранен от должности и стал одним из организаторов партизанского

отряда для действия в тылах Добровольческой армии. Затем Трунов был назначен командиром 34-го кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии Первой конной армии, участвовал во многих боях. Погиб 3 августа 1920 г. на польском фронте.

Под общим заголовком «Памяти тов. Трунова» статья-некролог Лютова была помещена рядом с заметкой П.В. Бахтурова «Проводы тела павшего к-ра 34 кавполка тов. Трунова»:

«3-го августа 1920 года в бою под К. был убит один из самых храбрых и уважаемых полком командиров – это к-р 34 кавполка герой т. Трунов.

Пуля противника насмерть сразила героя, который в лихой атаке уже успел за себя свалить семь польских всадников и, не имея больше пуль в своем нагане, кинулся на улепетывавших на одной лошади 2-х польских офицеров. Храбрецу хотелось свалить их польские головы своей острой саблей, которой он не впервые рубил белогвардейскую свору от Воронежа до Черного моря и здесь на западном фронте вплоть до села К. Но один из негодяев-белогвардейцев выстрелил прямо в упор из маузера в тов. подлетевшего к-ра, и пуля попала прямо в висок, и вмиг не стало героя т. Трунова, отца к-ра, как говорит полк.

Умер ты, славный и бесстрашный храбрый командир, но ты жив для своего полка, всегда в лихих атаках, ты как был впереди, так и будешь перед глазами своих бойцов.

Бойцы клянутся за тебя одного уничтожить сотни польских шляхтичей. Да это уже и сделано твоими сынами. Вражеский полк 17 уланский весь был загнан ими в болото, где и нашел себе место успокоения. Месть почти как будто уже свершилась. Но нет, они еще будут мстить за тебя до конца потому, что они тебя любят, ты всегда с ними.

Умер ты, дорогой товарищ, на своем посту. На том месте, где сразила тебя вражеская пуля, где ты оросил своей кровью Клекотовскую Ниву, взойдут красные цветы, говорящие пролетариату о том, что умер здесь один из тех, кто отдал душу свою за народ.

Как заботливые и любящие чада, бойцы подобрали тело своего уважаемого к-ра и вместе с собой по пути боя довезли до х⟨утора⟩ Барятина.

Был куплен гроб у священника, собрано бойцами 25000 р. для того, чтобы построить памятник на могиле героя к-ра, который умер за святые идеи освобождения трудящихся от цепей рабства.

5-го августа 1920 г. 34 кавполк надел траур, провожая тело своего к-ра в г. Дубно.

Со слезами на глазах все до единого смотрят на дороги, которые увозят родного к-ра далеко, далеко и безвозвратно от тех, кого он также храбро научил умирать, как и умер сам.

Оркестр и тот плачет, исполняя похоронный марш. Лица суровые, сосредоточенные, так и горят местью, так и говорят, что мы тебе, шляхта, никогда не простим.

Далеко тянется вереница, и никак не хочется никому отставать, так все бы полком и шли до самого Дубно, где и зарыли бы тело своего тов. к-ра.

Так было и в боях. 34 кавполк со своим лихим к-ром все разрушал на своем пути, все преграды польских панов разлетались вдребезги.

Да, умер наш один из славных к-ров, но идея, за которую он умер, она жива. Имя его будет золотыми буквами записано в истории, и пролетариат веками будет чтить своих героев, своей жизнью купивших ему свободу.

К могиле твоей, т. Трунов, не зарастет народная тропа, и она всегда будет утопать в цветах.

Спи, дорогой товарищ, да будет тебе земля пухом.

Над гробом твоим бойцы клянутся, что за тебя одного тысяча ясновельможных будут загнаны в гроб.

Смерть твоя ничуть не расстроила наших рядов. Революция героев не хоронит, а нарождает. Поэтому мы еще сильнее и сплоченнее, памятуя о тебе, пойдем в лихие атаки, и пощады от наших атак польским панам не будет.

Прощай, товарищ! ты умер на своем посту, но ты жив и будешь жить для 34 кавполка и никогда не умрешь.

Бойцы умеют ценить своих героев к-ров» (*КК*. 1920. 13 авг. С. 3).

Из заметки Бахтурова явствует, что Трунов погиб у села Клекотов под Бродами. Однако в связи с событиями 3 августа возникает и второе село, неподалеку от Бродов, – Конюшков. Кратко о гибели Трунова вспоминает Буденный. Он пишет о том, что его адъютант П.П. Зеленский «по своей инициативе решил один полк направить к Конюшкову, а вторым атаковать неприятельскую кавалерию. И сам принял участие в бою» (*Буденный 2*. С. 273).

«Первую атаку противник отбил, – продолжает Буденный. – В этом бою смертью храбрых пал командир полка К.А. Трунов, один из прославленных героев Конармии 〈…〉

Полк, потеряв командира, отпрянул к лесу и готовился отбить контратаку противника, которая могла последовать. Но тут в рядах неприятеля началось непонятное движение. Наши сообразили, в чем дело, когда увидели, как фланг и тыл врага со стороны Клекотова стала охватывать красная конница 〈…〉

Воспользовавшись замешательством противника, снова перешел в наступление полк покойного Трунова. Конармейцы с двух сторон врезались в смешавшиеся ряды улан и прижали их к болоту севернее Клекотова и Швырева. Противник понес большие потери» (Там же. С. 273–274).

РЫЦАРИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Впервые: *КК*. 1920. 14 авг. С. 2, за подписью «К. Л.».

Событие, которому посвящена статья, нашло отражение в дневнике – в двух записях, сделанных в Берестечке. 7 августа: «Ненависть к полякам единодушна. Они грабили, мучили, аптекарю раскаленным железом к телу, иголки под ногти, выщипывали волосы за то, что стреляли в польск〈ого〉 офицера〈,〉 – идиотизм. Поляки сошли с ума, они губят себя»; 8 августа: «История с аптекарем, которому поляки запускали под ногти булавки, обезумевшие люди».

ГЕРОИНЯ-САНИТАРКА

Впервые: *КК*. 1920. 31 авг. С. 3, за подписью «Л-в».

Эта заметка была выявлена и атрибутирована как текст Бабеля С.Х. Левиным в 1970-е годы. Ранее не републиковалась.

[1] *В бою под станицей Егорлыкской, когда три сотни кадет прорвались в тыл наших цепей 〈...〉 метким выстрелом из револьвера она уложила белогвардейского офицера.* – Егорлыкское сражение Первой конной армии против конной группы генерала

А. А. Павлова датируется 25 февраля – 2 марта 1920 г. Буденный вспоминал: «Геройский подвиг совершила медицинская сестра Таисия Плотникова, спасая раненых конармейцев. Когда конный полк белых прорвался в тылы 4-й дивизии, она, вскочив на коня, повела бойцов в контратаку и первая, ворвавшись в ряды противника, застрелила офицера» (*Буденный 1*. С. 432).

[2] *...Наградить санитарку Плотникову орденом «Красного Знамени» и золотыми дамскими часами.* – Орловский 12 августа записал в дневнике: «Награждены орденами Красного знамени военкомдив 4 т. Берлов и медицинская сестра 4-й дивизии Плотникова» (*Орловский*. С. 87).

НЕДОБИТЫЕ УБИЙЦЫ

Впервые: *КК*. 1920. 17 сент. С. 2, за подписью «Военный корреспондент 6 кавдивизии К. Лютов».

28 августа в Комарове Бабель записал в дневнике: «Мне рассказывают. Скрытно в хате, боятся, чтобы не вернулись поляки. Здесь вчера были казаки есаула Яковлева. Погром. Семья Давида Зиса, в квартирах, голый, едва дышащий старик-пророк, зарубленная старуха, ребенок с отрубленными пальцами, многие еще дышат, смрадный запах крови, все перевернуто, хаос ⟨...⟩ мать над зарубленным сыном, старуха, свернувшаяся калачиком, 4 человека в одной хижине, грязь, кровь под черной бородой, так в крови и лежат. Евреи на площади, измученный еврей, показывающий мне все, его сменяет высокий еврей. Раввин спрятался: у него все разворочено, до вечера не вылез из норы. Убито человек 15 – Хусид Ицка Галер – 70 л⟨ет⟩, Давид Зис – прислужник в синагоге – 45 л⟨ет⟩, жена и дочь – 15 л⟨ет⟩, Давид Трост, жена – резник».

Ср. с записью от той же даты в дневнике Орловского: «Путь этой бригады знаменовался погромом еврейских местечек и глумлением над еврейскими женщинами. Так, в м. Комарове мы похоронили 30 еврейских семей, вырезанных этими “борцами”. В этом же местечке ими было изнасиловано до 100 женщин и девушек. Все это было засвидетельствовано актами 11-й дивизии, хоронившей жертвы и подававшей медицинскую помощь пострадавшему населению» (*Орловский*. С. 95–96).

ЕЕ ДЕНЬ

Впервые *КК*. 1920. 18 сент. С. 2, за подписью: «К. Лютов».

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ»

Впервые: *КК*. 1920. 11 сент. С. 4.

Зданевич Владимир Прохорович (1893 или 1894–1922), псевдонимы Артем Кубанец, В. Дарский, – редактор и автор многочисленных статей, в том числе передовиц, в «Красном кавалеристе».

В том же номере газеты, рядом с письмом Лютова, под общим заголовком: «Экспедиция, подтянись!» был помещен ответ Зданевича:

«Никакого основания я не имею не верить тов. Лютову, а потому ставлю вопрос, где причина этого возмутительного явления? Где причина того, что 6 кавдивизия не получала нашей газеты? Виновата ли экспедиция Поарма или вина за это лежит на дивизионных экспедициях? Оставить это так нельзя. Это большое преступление. Тем более это преступно, что каждая газета наша там охотно читается и является для бойца лучшим другом.

Наверное, наши товарищи, которым надлежит снабжать бойцов газетами, забыли, что газета так же необходима для армии, как и всякое оружие. И если мы при всяких условиях снабжаем армию патронами, винтовками, то также при всяких условиях нужно и снабжать газетой. Отсутствие газеты порождает целую кучу вздорных слухов и разговоров. Отсутствие газеты совершенно изолирует бойца от мира, не говоря уже о том, что наши бойцы без “Красного кавалериста” просто скучают.

Наконец, не получая газеты, боец, посылавший письма, прекращает дальнейшую посылку их, думая, что его письма или не доходят, или не годятся для газеты.

Возмутительное явление, которое, к сожалению, стало фактом, требует немедленного расследования и самой суровой кары для тех, кто повинен в этом.

Артем Кубанец (Зданевич)».

ДНЕВНИК 1920 ГОДА

Впервые дневник упомянут в предисловии И.Г. Эренбурга к кн.: *Бабель И.Э.* Избранное. М.: Гослитиздат, 1957. С. 5–6. Процитирован в статье Л.Я. Лившица «Материалы к творческой биографии Исаака Бабеля» (Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 110–135) и в статье И.А. Смирина (готовилась в соавторстве с А.Д. Синявским): На пути к «Конармии»: (Литературные искания Бабеля) // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 74. С. 467–482.

Дневник сохранила киевская переводчица М.Я. Овруцкая, у которой Бабель иногда останавливался, бывая в Киеве. Вполне возможно, что он оставил ей дневник, уезжая за границу в 1927 г. Впоследствии, получив тетрадь у Овруцкой, Т.О. Стах, киевская писательница и друг семьи Бабеля, переслала ее жене писателя А.Н. Пирожковой, которой принадлежит расшифровка автографа дневника. Вместе с дневником из Киева были присланы «Планы и наброски к “Конармии”», наброски «Их было девять» и «Их было десять» и еще несколько автографов.

Впервые дневник напечатан в отрывках: Первая конная в боях и походах / Публ. А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцова // Литературная газета. 1971. 3 нояб. С. 6–7; «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля / Вступ. статья Г.А. Белой, публ. А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцова; Коммент. С.Н. Поварцова // Дружба народов. 1989. № 4. С. 242–252; № 5. С. 247–260. Впервые полностью: *Бабель И.Э.* Конармия: рассказы, дневники, публицистика. М.: Правда, 1990. С. 127–207; *Бабель И.Э.* Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 362–435.

Печатается по автографу (частное собрание, США).

Дневник писался в общей тетради, которая в настоящее время распадается на блоки. Выпадают и отдельные листы, но никаких следов вырванных листов нет. Примерно

половина тетради заполнена коричневыми чернилами и фиолетовым карандашом, есть текст, записанный черными чернилами, во второй части тетради перемежаются простой карандаш и фиолетовые чернила. Пагинация рукой Бабеля проставлена в верхнем углу страниц начиная с номера 55.

В конце тетради незаполненными остались примерно полторы страницы, а завершающая дневник помета «Ужин у Гасниковой» отстает от очень лаконичного и как будто обрывающегося текста записи за 15 сентября на несколько тетрадных линеек. Сзади, на внутренней стороне тетрадной обложки, – наброски, похожие на заготовки к развернутым дневниковым записям: перечень населенных пунктов, боев и передвижений – часть маршрута Конармии (судя по названиям населенных пунктов, пометы относятся к концу июля – началу августа).

ЖИТОМИР, 3 ⟨ИЮЛЯ⟩

[1] Об ошибочной авторской датировке первых четырех записей дневника см. в статье «“Конармия” Исаака Бабеля» (с. 281 наст. изд.).

[2] *Утром в поезд⟨е⟩, приехал за гимнастеркой и сапогами.* – Речь идет о поезде Политотдела Первой конной армии.

[3] *Жуков, Топольник* – сотрудники редакции газеты «Красный кавалерист». В именном списке комсостава Политпоезда и Поарма Реввоенсовета Первой конной от 20 октября 1920 г. Жуков числится сотрудником редакционно-издательского отдела (см.: РГВА. Ф. 245. Оп. 2. Д. 20. Л. 2 об.).

[4] *Югроста* (ЮгРОСТА) – Южное (Одесское) отделение Российского телеграфного агентства.

[5] *...интервью с Поллаком...* – Борис Николаевич Поллак в течение очень непродолжительного времени – с 8 по 26 августа 1920 г. – был начальником штаба 11-й кавалерийской дивизии. В тот момент, о котором идет речь в дневниковой записи, как явствует из одной из оперативных сводок, он был командиром разведывательного отряда (см.: РГВА. Ф. 245. Оп. 10. Д. 8. Л. 79, 79 об.). Второй раз в дневнике Поллак упоминается 3 августа, там же говорится о начальнике полевого штаба армии С.А. Зотове, поэтому нельзя исключить, что какое-то время Поллак служил в Полештарме.

[6] *...операция по овладению Новоградом...* – Операция разрабатывалась главным образом в начале двадцатых чисел июня. Так, например, в оперативном приказе № 19 3-й бригаде 6-й кавалерийской дивизии от 22 июня 1920 г., подписанном командиром бригады И.П. Колесовым, говорилось:

«Пр⟨отивни⟩к на фронте нашей армии под давлением 12-й оставил Коростень и отходит к Новоград-Волынск. Нашей армии приказано преследовать пр⟨отивни⟩ка, уничтожить его живую силу, не давая ему переправиться через реку Случь. Нашей и 11-й кавдивизии приказано уничтожить, преследовать противника, прикрывающего свои ⟨...⟩ части.

Нашей дивизии приказано во что бы то ни стало овладеть Новоград-Волынском и переправами Новоград-Волынск – Чижовка. Наша 4-я дивизия развивает энергичное наступление на Кулеши–Цецилевка. 2-я кавбригада ведет наступление в полосе

от шоссе Житомир–Новоград-Волынск включительно до бывшей дороги Житомир–Новоград-Волынск включительно. 1-я кавбригада от большой дороги Новоград-Волынск включительно до Гута–Пулинская–Рудия–Тупольцы–сл. Романовская–Жарковка, все пункты включительно. Нашей бригаде по дороге на Чернявка–Тесновка–Сосновка–Федоровка–Ужачин–Галлы–Александровка, все пункты включительно, и во время движения выслать разъезды на Александровка, на Чижовка, на Стеклянный Завод и речку Вершница.

На нашу бригаду возложена задача поддержания связи с 11-й кавдивизией во время наступления. Взятие Новоград-Волынска представляется так: 2-я кавбригада производит демонстрацию – взятие города в лоб, 1-я кавбригада наносит удар с восточной стороны и 3-я кавбригада, обходя Новоград-Волынск с севера, передовыми своими частями должна быстро форсировать переправу на реке Случь в районе Новоград-Волынск–Александровка и одновременно с этим помогая бригадам занятию Новоград-Волынска с севера…» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 91).

[7] *Житомирский погром, устроен⟨ный⟩ поляками…* – 7 июня 1920 г. 4-я дивизия овладела Житомиром, однако, оставив в городе один отряд, покинула его. Поляки вернулись туда 9 июня, около 10 часов утра, и затем, под предлогом того, что во время их отхода из Житомира 7 июня и во время их возвращения 9 июня евреи в них стреляли, учинили еврейский погром. После окончательного овладения городом частями Первой конной (12 июня) была создана Комиссия по расследованию зверств, произведенных белополяками в Житомире. Комиссия пришла к следующим выводам:

«1. Погром был заранее подготовленный и организованный польскими военными частями, вступившими в город Житомир 9-го июня.

2. Погром был произведен исключительно польскими воинскими частями под руководством начальствующих лиц.

3. Главными виновниками и попустителями являются: комендант капитан Шуйский, начальник гарнизона полковник Седльницкий и комендант майор Ганич, в руках которых была вся власть в эти дни.

4. Никаких выступлений местного населения еврейского против польских солдат не было, и все обвинения подобного рода, которыми пытались “польские рыцари” оправдать свои действия, являются сплошной провокацией.

5. Безусловно являются доказанными факты провокации польских воинских частей, как то: провокационная стрельба, легенда о ранении польского офицера и др.

6. Погром этот по своему характеру сопровождался мучениями и зверствами над убиваемыми жертвами» («Акт по расследованию зверств, произведенных польскими войсками в г. Житомир» от 11 августа 1920 г. // РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 59. Л. 8).

[8] *…по⟨том⟩, конечно, казаками.* – Находившийся короткое время, с 25 июня по 15 июля 1920 г., в должности заместителя начальника Политотдела Первой конной С.Н. Фези-Жилинский составил сводку о состоянии политработы в армии. В частности, о 6-й кавалерийской дивизии в сводке говорилось: «В дивизию всосался вредный элемент, под влиянием агитации которого наблюдается усиленная травля евреев, рост бандитизма и насилия по отношению к мирному населению ⟨…⟩ Снаборганы не работают, что вынуждает бойцов самоснабжаться. Последнее является главной причиной грубого произвола и бандитизма частей» (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 72. Л. 16).

[9] *...резали бороды, это обычно...* – Комиссия зафиксировала, например, «утонченные мучения» в отношении сторожа Талмуд-Торы (религиозное учебное заведение для мальчиков) Гиледя Таненбаума: «Рвали бороду, заставляли есть вырванные клочья волос бороды, поджигали спичками» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 59. Л. 2).

[10] *...собрали на ⟨...⟩ рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания ⟨...⟩ ксендз приставил к задней стене – лестницу, таким способом спасались.* – Реалии, отмеченные Бабелем в дневнике, несколько отличаются от официального расследования:

«Жертвы уводились большей частью группами и там, после истязаний и издевательств, с ними кончали, частью застреливали, некоторых зарубали шашками. В материалах комиссии имеется много указаний относительно того, как производились эти насилия и в чем состояли. На Петроградской улице была забрана из квартир целая группа евреев ⟨...⟩ которые были сначала доставлены в 11-й милицейский район, но немедленно же, без всяких следствий и расспросов, они были забраны оттуда и увезены на Сенную площадь, где всех зверским образом убили.

Доставляемых на Сенную площадь отправляли в казарму, где помещалась польская воинская часть. Там над ними проделывались самые гнусные издевательства и зверские истязания. Некоторых из убиваемых держали в течение одного-двух часов в казармах, заставляли их танцевать, петь, избивали прикладами и саблями.

Вакханалия на Сенной пл⟨ощади⟩ прекратилась лишь вечером. Общее число убитых там составляло 30 человек.

Относительно арестованных, содержавшихся в здании комендатуры, имеются следующие показания.

В среду и четверг, 10 и 11 июня туда доставлялись задержанные польскими солдатами местные граждане, русские и евреи, всего 28 человек. По отношению к арестованным проявлялись насилия и истязания самые варварские и бесчеловечные. Все евреи и один русский молодой парень – полоумный, принятый за "буденовского казака", подверглись избиениям прикладами и нагайками. Били до потери сознания ⟨...⟩ Все три дня 9–11 арестованным не давали ни есть, ни пить. Наиболее изощрялись в этом "благородные офицеры" ⟨...⟩ Имеется также факт добития раненого еврея ⟨...⟩

Помимо убитых, избиениям и насилиям подверглись много граждан евреев, некоторых истязали розгами по 25 штук» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–3, 5). В акте приведен список убитых евреев – всего 42 человека (Там же. Л. 5).

ЖИТОМИР, 4 ⟨ИЮЛЯ⟩

[1] *Утром – пакеты в Югроста, сообщение о жит⟨омирском⟩ погроме...* – Судя по предыдущей дневниковой записи, Бабель вел собственное журналистское расследование житомирского погрома. Было ли опубликовано его «сообщение», неизвестно.

[2] *Нарбут* Владимир Иванович (1888–1938) – поэт, критик, в 1920 г. возглавлял ЮгРОСТА, редактировал одесские журналы «Лава» и «Облава», в 1921–1922 гг. – заведующий УкРОСТА в Харькове. Позднее в Москве основал и возглавил издательство «Земля и фабрика», вместе с В.А. Регининым основал ежемесячный журнал «30 дней».

В 1920-е годы был также заместителем заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б) и одним из руководителей ВАПП.

[3] *Гамсун* Кнут (1859–1952) – норвежский писатель.

[4] *Новая рукопись Іова...* – Иов – главный персонаж библейской Книги Иова.

[5] *Хилемская* – правильно: Хелемская, делопроизводитель Политотдела Первой конной армии.

ЖИТОМИР, 5 ⟨ИЮЛЯ⟩

[1] *Thornicroft* (точнее, Thornycroft) – армейские грузовики крупнейшей британской фирмы по производству небольших паровых судов и грузовых автомобилей.

[2] *Штаб уехал на Корец.* – Речь идет о полевом штабе армии. 2 июля 1920 г., в 23 часа 50 минут, был издан приказ по полевому штабу, в первом параграфе которого говорилось: «Полевому штабу со всеми его учреждениями и обозами завтра 3 июля перейти и расположиться ⟨в⟩ Корец, для чего к 9 часам построиться на западной окраине Новоград-Волынск у шоссе, откуда следовать за полком Особого назначения в порядке, указанном ранее» (РГВА. Ф. 7946. Оп. 1. Д. 2. Л. 92).

3 июля Орловский записал в дневнике:

«Полевой штаб перешел в Корец ⟨...⟩

Положение полештарма было неважное, так как особый полк, находящийся в резерве армейского командования, накануне послан на правый фланг 45-й дивизии ⟨...⟩ Для ликвидации наступления белополяков на Корец отозваны 2 бригады 4-й дивизии, которые должны выйти в район Речки. Обозы полештарма выдвинуты в направлении Гоща» (*Орловский*. С. 69, 70).

[3] *Ешиве бохер* – учащийся ешивы, высшего учебного религиозного заведения для иудеев; бохер – «парень, юноша» (*ивр.*).

[4] *Магнето* – магнитоэлектрическая машина, преобразующая механическую энергию в электрическую, применяемая в генераторах для некоторых двигателей внутреннего сгорания.

[5] *Зотов* Степан Андреевич (1882–1938) – советский военачальник, в 1920 г. – начальник полевого штаба Первой конной армии.

[6] *Гоща ограблена, в Гоще чисто. Гоща молчит ⟨...⟩ здесь был бой перед Ровно.* – В оперативной сводке Юго-Западного фронта от 4 июля говорилось: «В ровненском направлении наша конница, развивая успех, с боем заняла м. Гоща и линию селений в 8–22 верстах северо-восточнее местечка Гоща» (Известия. 1920. 6 июля. С. 1).

[7] *Я им сказал, что у меня мать еврейка, история, Б⟨елая⟩ Церковь, раввин.* – На самом деле раввином из Белой Церкви был дед писателя по отцовской, а не по материнской линии. Ср. с отрывком из рассказа «История моей голубятни»: «Мой дед был раввином когда-то в Белой Церкви, его прогнали оттуда за кощунство, и он с шумом и скудно прожил еще сорок лет, изучал иностранные языки и стал сходить с ума на восьмидесятом году жизни» (*ИМГ*. С. 9). Фурманов записал в дневнике рассказ Бабеля: «Дед мой – раввин-расстрига, умнейший, честнейший человек, атеист серьезный и глубокий» (ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 2). См. также примеч. 1 к рассказу «Гедали».

РОВНО, 6 ⟨ИЮЛЯ⟩

4 июля Орловский записал в дневнике: «В 23 часа пал г. Ровно» (*Орловский*. С. 71). Ср. с телеграммой, подписанной в Ровно 5 июля 1920 г. членами Реввоенсовета Первой конной Ворошиловым и Буденным: «Гор. Ровны ⟨sic!⟩ 4 июля в 23 часа взят доблестными войсками конной армии. Враг остави⟨л⟩ много убитыми и пленными, а также и трофеи. Под ударом наших частей поляки отступили в панике в северном и западном направлениях» (Известия. 1920. 7 июля. С. 1).

[1] *Наштадив* – начальник штаба дивизии.

[2] *Сенкевич* Генрик (1846–1916) – польский писатель, автор исторических романов, лауреат Нобелевской премии по литературе 1905 г.

БЕЛЕВ, 11 ИЮЛЯ

[1] *Наши разъезды появились на линии – шоссе Ровно⟨–⟩Луцк ⟨...⟩ Луцк эвакуируется. – 8–12⟨-го⟩ тяжелые бои...* – Ср. с воспоминаниями Буденного: «...ставя задачи дивизиям на 8 июля, мы стремились выполнить требования директивы (Реввоенсовета Юго-Западного фронта. – *Сост.*) и в то же время уделить внимание удержанию Ровно. В боях за него необходимо было разгромить 2-ю польскую армию вместе с пришедшими ей на помощь 1-й дивизией легионеров и 18-й пехотной дивизией ⟨...⟩ Тимошенко должен был частью сил удерживать занимаемый район, не допуская прорыва противника со стороны Луцка. Две его бригады получили задачу прикрывать Ровно с севера в готовности отбросить за Горынь рвавшиеся к Луцкому шоссе части 2-й польской армии ⟨...⟩

Весь день 6-я дивизия вела кровопролитный бой в 10–15 километрах севернее Ровно. Смелыми контратаками в конном строю конармейцы неоднократно отбрасывали пытавшегося наступать противника. И все же наведенные на Горыни переправы белополяки удержали и даже несколько расширили плацдарм ⟨...⟩

В целом, день 9 июля закончился неудачно ⟨...⟩ Ровно удержать не удалось. Сказывалось распыление сил ⟨...⟩

Мы полагали, что вражеские войска задержатся в Ровно, и решили на следующий день атаковать город с разных направлений ⟨...⟩

Однако к утру наша разведка обнаружила, что крупные колонны противника стали отходить по шоссе на Луцк. Части С.К. Тимошенко сразу же перешли в наступление и захватили большое число пленных, обозы. Днем при содействии бригады 4-й дивизии они овладели Ровно» (*Буденный 2*. С. 193–194, 199).

В оперсводке 3-й бригады 6-й дивизии, направленной из местечка Клевань начальнику штаба дивизии и командирам 1-й и 2-й бригад, также сообщалось: «В 4 часа 10-7 части 3-й кавбригады, выбив противника из окопов, заняли гор. Ровно. В час бригада сосредоточилась в Ровно на шоссе Ровно–Луцк, начала преследовать отступающего противника» (РГВА. Ф. 7673. Оп. 1. Д. 14. Л. 430).

[2] *...о ноте Вильсону...* – Вильсон Вудро (Вильсон Томас Вудро, 1856–1924), 28-й президент США (1913–1921); историк, политолог; лауреат Нобелевской премии мира 1919 г. 12 декабря 1916 г. Германия опубликовала ноту, в которой предлагала союзникам начать переговоры о мире. Неделю спустя Вильсон выступил с ответной нотой, призывая воюющие страны обнародовать их цели в войне. Немцы отказались

признавать роль Америки в каких бы то ни было переговорах о мире. В то же время в поддержку американской ноты выступили Швейцария, Швеция, Норвегия и Дания. 22 января 1917 г., выступая в сенате, Вильсон выдвинул план по прекращению Первой мировой войны на условиях «мира без победы».

[3] *Войт* – староста, в Галиции глава сельской общины.

[4] *Говорим об армии, о Брусилове, если Брусилов пошел, чего же нам думать.* – Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), русский и советский военачальник и военный педагог; в царской армии – генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Считается лучшим русским генералом времен Первой мировой войны, его именем названа одна из стратегических операций – «Брусиловский прорыв». В ходе Февральской революции поддержал свержение Николая II и Временное правительство. В Красной армии с 1920 г., возглавлял Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами Советской республики; в 1923–1924 гг. – главный инспектор кавалерии РККА.

[5] *Ночь, работа штаба в Белеве. Что такое Жолнеркевич? Поляк?* – Жолнеркевич (Жолнаркевич) Константин Карлович (1879–?), кадровый военный, дворянин, в 1901 г. окончил Тверское юнкерское кавалерийское училище, в 1912 г. – офицерскую кавалерийскую школу. В царской армии начал службу рядовым, дослужился до звания полковника. Добровольно вступил в ряды РККА 1 июня 1918 г. Кавалер ордена Красного Знамени. С 16 февраля по 5 августа 1920 г. начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии, с 23 августа 1920 г. – начальник административного управления штаба Первой конной (с 25 октября 1920 г. – административно-хозяйственное управление). После окончания Гражданской войны служил помощником начальника Высшей кавалерийской школы, затем помощником начальника и позднее начальником учебной части Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школы. Буденный писал о Жолнеркевиче: «Мне нравился этот трудолюбивый и честный поляк. Бывший полковник царской армии, он с первых дней революции перешел на сторону Советской власти. Кстати сказать, таких поляков, сражавшихся плечо к плечу с русскими, было у нас немало» (*Буденный 2.* С. 152). В одной из личных учетных карточек Жолнеркевича, в графе «национальность», однако, указано: «Великоросс», в другой стоит вопросительный знак (см.: РГВА. Ф. 40895).

[6] *Плетарм* – расшифровка данной аббревиатуры не выявлена; не исключено, что это еще более сокращенное обозначение Полештарма – Полевого штаба армии.

[7] *Ночь, сплю на сене рядом с Лепиным, латышом...* – Лепин Рейнгольд – помощник начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии по оперативной части. См. также примеч. 1 к наброску ⟨38⟩.

БЕЛЕВ, 12 ИЮЛЯ

[1] *Утром – начал журнал воен⟨ных⟩ дейст⟨вий⟩. Разбираю оперсводки. Журнал – будет интересная штука.* – Журнал военных действий – отчетный документ, который ведется во время военных кампаний в войсковых подразделениях действующей регулярной армии и служит важным источником для военной истории. В царской армии это «перечень в последовательном порядке всех военных событий, относящихся до данных

войсковых частей военных учреждений или управлений. Он содержит лишь фактическую сторону описания, без суждений и оценки действий отдельных лиц и событий. Запись в журнале начинается с первого дня мобилизации и ведется до приведения части на мирное положение начальником части или под его непосредственным руководством и ответственностью, адъютантом или другим офицером» (Военная энциклопедия: [В 18 т.]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. X. С. 409). В Красной, позднее Советской армии журнал стал называться журналом боевых действий и представлял собой «отчетно-информационный документ, в котором отражаются подготовка и ход боевых действий. Используется для изучения и обобщения боевого опыта, составления отчетов и справок о действиях войск (сил), при заполнении исторических формуляров (журналов), а также для последующей военной научно-исследовательской работы. Ведется в части, соединении и объединении, а также на кораблях 1–3 ранга одним из назначенных офицеров штаба (корабля) в течение всего времени в составе действующих армии и флота» (Советская военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1976–1980. Т. 3. С. 349).

[2] *Соколов* – как и Лепин, помощник начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии по оперативной части.

[3] *...больного возвратным тифом...* – Не совсем ясно, к кому относятся эти слова и последующая характеристика – к Соколову или его ординарцу, скорее к первому: через десять дней, 22 июля, Бабель пишет в дневнике об отправке в госпиталь больного Соколова.

[4] *...в эту страшную ночь оставления Ровно, весь был залит водой...* – Речь идет о ночи с 8 на 9 июля. Л.Л. Клюев писал о том, что 8 июля «полки 6-й кавдивизии несколько раз переходили в контратаки, но к ночи с 8 на 9 июля вынуждены были отойти на северо-западную окраину г. Ровно, ведя бой с наседавшим противником» (*Клюев*. С. 74); «Около 21 часа 8 июля разразилась сильная буря с ливнем и градом. Наступившая темнота была настолько сильной, что на близком расстоянии ничего нельзя было различать. Невзирая на бурную погоду, бой продолжался всю ночь с 8 на 9 июля» (Там же). Ср. также с записью в дневнике Орловского от 9–10 июля:

«Под утро 9 июля около 5 час. утра на краю города, где были выставлены заставы от эскадрона связи, послышался треск пулеметов. Приехавшие два конноармейца донесли, что поляки входят в город. Быстро свернули аппараты, и полештарм в 6 часов отошел в направлении ст. Коростово к юго-зап. от Ровно 〈...〉

Вечером 9 июля части 6-й кавдивизии выбили противника из Ровно, и 10-го полевой штаб вернулся обратно» (*Орловский*. С. 73).

[5] *Шпаков* – у Бабеля именно такое написание, в отличие от «Шпанов» у Клюева (см.: *Клюев*. С. 74) и Буденного (см.: *Буденный 2*. С. 95). Шпанов (*укр.* Шпанів) – село в Ровненской области. Там же есть села Великий Шпаков (*укр.* Великий Шпаків) и Малый Шпаков (*укр.* Малий Шпаків).

[6] *Опродком* – Особая продовольственная комиссия.

[7] *...иду спать рядом с Лепиным. Он латыш, морда туповатая 〈...〉 поросячья...* – В какой-то мере Лепин послужил прототипом для латыша Ларсона в рассказе «Иван-да-Марья» (1932), ср.: «Ларсон снова запрокинул поросячью свою голову и резко захохотал» (*Рассказы-1934*. С. 261).

БЕЛЕВ, 13 ИЮЛЯ

[1] *Я именинник. 26 лет.* – Бабель родился 12 июля (по старому стилю – 30 июня) 1894 г. (см.: ГАОО. Ф. 39. Оп. 5. Д. 71), но в XX в. всегда отмечал свой день рождения 13 июля.

[2] *Операция на Луцк. Ведет 2-я бригада, пока не взяли.* – Ср. с дневниковой записью от 14 июля: «...2⟨-я⟩ бригада атакует Луцк, к вечеру отошла...» Клюев писал: «В районе 4-й и 6-й кавдивизий 13–14 июля было спокойно за исключением попытки наступать на Луцк II бригадой 4-й дивизии, которая противником была отбита» (*Клюев*. С. 83–84).

БЕЛЕВ, 14 ИЮЛЯ

[1] *Франк Мошер. Сбитый летчик американец...* – Ср. с записью Орловского от 17 июля: «Нашими частями за период с 1 по 15 июля сбиты в разных районах 3 неприятельских аэроплана, причем на одном взят американский летчик с важными документами» (*Орловский*. С. 74–75). Франк (Фрэнк) Мошер – воинский псевдоним Купера (Cooper) Мериана Колдуэлла (1893–1973), американского военного летчика, впоследствии кинорежиссера, продюсера, сценариста и оператора; наибольшую популярность принес ему фильм «Кинг-Конг» (1933). С 1919 г. находился среди добровольцев американской воздушной эскадрильи, которая воевала в рядах польских военно-воздушных сил против Советской России во время советско-польской войны. После того как в июле 1920 г. его самолет был сбит, Купер провел девять месяцев в советском лагере для военнопленных.

[2] *Тимошенко* Семен Константинович (1895–1970) – советский военачальник, маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза; с мая 1940 по июль 1941 г. народный комиссар обороны СССР. Был призван в армию в декабре 1914 г., в 1915-м окончил полковую пулеметную школу. Участвовал в Первой мировой войне, был пулеметчиком в составе 4-й кавалерийской дивизии Юго-Западного и Западного фронтов. Награжден за храбрость Георгиевскими крестами трех степеней. В рядах РККА с 1918 г. В августе 1918 г. во главе кавалерийского полка принимал участие в обороне Царицына; с ноября 1918 г. командир кавалерийской бригады (с июня 1919 г. – в корпусе Буденного). С 3 ноября 1919 по 5 августа 1920 г. – начальник 6-й кавалерийской дивизии Первой конной армии, затем был снят с должности и отправлен в резерв (см. примеч. 1 к дневниковой записи от 5 августа); после гибели начдива четыре Ф.М. Литунова возглавил 4-ю кавалерийскую дивизию (с 23 августа 1920 г.).

[3] *...пр⟨отив⟩н⟨ик⟩ контратакует, большие силы, хочет пробиться на Дубно. Дубно занято нами.* – Ср. с записью Орловского от 17 июля: «Тов. Ворошилов и Буденный выехали на фронт к частям, проводящим у Дубно операцию по ликвидации дубненской группы противника, единственной активно выступающей против нас ⟨...⟩ По разведывательным сводкам, численность неприятельской группы у Дубно – 10000 пехоты и 2000 кавалерии» (*Орловский*. С. 74–75).

БЕЛЕВ, 15 ИЮЛЯ

[1] *Любопытный у нас комиссар – Бахтуров...* – Бахтуров Павел Васильевич (1889–1920), политкомиссар времен Гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени. С 12 февраля по 5 августа 1920 г. был комиссаром 6-й кавалерийской дивизии,

с 8 августа по 3 октября 1920 г. – 11-й кавалерийской дивизии. 31 октября 1920 г. был смертельно ранен в бою около Агаймана Таврической губ.

[2] *Завтра именины сестры.* – Речь идет о дне рождения младшей сестры Бабеля Марии Эммануиловны Бабель (в замужестве Шапошниковой, 1897–1987). Она родилась в Николаеве, согласно книге Николаевского раввината, 13 июля (по старому стилю) 1897 г. (см.: ГАНО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1482). Следовательно, по новому стилю ее день рождения приходился на 25 июля, однако в семье этот день отмечали 16 июля.

[3] *Наши части в $1^1/_2$ верстах от Луцка.* – В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 17 июля сообщалось: «В Дубно-Ровненском районе наши части вышли на линию селений в 15–25 верстах восточнее и юго-восточнее города Луцка и ведут бой с передовыми частями противника в одной версте восточнее города Луцка» (Правда. 1920. 18 июля. С. 1).

НОВОСЕЛКИ, 16 ИЮЛЯ

[1] *Получен приказ армии – захватить переправы на р. Стыри на участке Рожище⟨–⟩ Яловичи.* – Буденный писал: «15 июля поступила директива от командующего фронтом. Отмечая, что противник производит перегруппировку для перехода в общее наступление, А.И. Егоров приказывал армиям решительно продвигаться на запад и этим сорвать его намерение. Нашей конной ставилась задача к 20 июля выйти в район Грубешов–Сокаль» (*Буденный 2*. С. 213); «6-я дивизия получила задачу удерживать рубеж на Стыри от Рожище до Торговица и прикрыть наступавшие соединения от ударов с северо-запада» (Там же. С. 215). Клюев свидетельствовал, что «на решающем луцком направлении оставлялась одна 6-я кавдивизия с задачей захвата переправ через реку Стырь на 30-км участке Рожище–Яловичи (ее II бригада располагалась в районе Поддубцы–Копче, а остальные переходили в район Новоселки–Малин–Острожец); разведка ее должна была переброситься на левый берег Стыри до м. Торчин» (*Клюев*. С. 85). См. далее примеч. к записям от 18 и 19 июля.

[2] *Страшный случай, солдатская любовь ⟨...⟩ денег не заплатили, слишком была старательная.* – Этот эпизод лег в основу рассказа Бабеля «Старательная женщина» (1928).

[3] *Кондотьеры* (от *итал.* condotta – жалованье за военную службу по найму) – предводители военных отрядов (кампаний) в Италии в XIV–XVI вв., находившиеся на службе у отдельных государей и у папы римского. До конца XIV в. вербовались в основном из иностранных рыцарей, позднее – из итальянцев. Кондотьеры, широко используя маневрирование и избегая кровопролития, часто стремились к затягиванию военных конфликтов, дававших им средства существования; предпринимали многочисленные марши, во время которых грабили мирных жителей, что делало войсковые формирования похожими на шайки разбойников.

[4] *Приказ по ⟨...⟩ дивизии выполняется, сильная колонна двигается из Луцка на Дубно, эвакуация Луцка, очевидно, отменяется, туда прибывают войска и техника.* – Оперативным приказом по Первой конной армии № 87 от 16 июля 1920 г. предписывалось «начдиву 6-й кавалерийской, оставив вторую кавбригаду в районе Поддубцы–Кропче–Томашевка, остальными бригадами с рассветом 16/7 перейти и расположиться в районе Новоселки ⟨...⟩ Передовыми частями захватить в свои руки переправы через реку

Стырь на участке Рожище–Яловичи. Разведку вести в направлении Чолки–Сакуль и направить разъезды на левый берег реки Стырь, которым проникнуть в район Торчин» (РГВА. Ф. 7946. Оп. 1. Д. 1. Л. 10).

В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 17 июля сообщалось, что «наши части, оставившие Дубно, вновь заняли этот город, отбросив противника с большими потерями к юго-западу, и выдвинулись на линию селений в 10–8 верстах северо-восточнее и западнее города Дубно» (Правда. 1920. 18 июля. С. 1). В сводке от 18 июля говорилось: «В Дубно-Ровненском районе наши части продолжают выдвижение на линию селений восточнее и южнее Луцка. Под городом Дубной ⟨sic!⟩ противник крупными силами пытался овладеть городом, нашей контратакой был отброшен с большими для него потерями» (Правда. 1920. 20 июля. С. 1). Буденный вспоминал, что с утра 16 июля «на всем фронте Конармии развернулись встречные бои. На луцком направлении войска 2-й польской армии, стремясь прорваться на юго-восток, переправились через Стырь и атаковали 4-ю и 6-ю кавдивизии. До глубокой ночи конармейцы сдерживали яростный натиск врага. Противник понес огромные потери, особенно от нашего артиллерийского и пулеметного огня, и вынужден был отступить на западный берег Стыри» (*Буденный 2*. С. 214).

НОВОСЕЛКИ, 17 ИЮЛЯ

[1] *Яковлев* – начальник политотдела 6-й кавалерийской дивизии; см. дневниковые записи от 11, 12, 18 августа и 11 сентября.

НОВОСЕЛКИ–МАЛ. ДОРОГОСТАЙ, 18 ИЮЛЯ

[1] *Польская армия сосредоточивается в районе Дубно–Кременец для решит⟨ельного⟩ наступления. Мы парализуем маневр, предупредим.*– Буденный так описал положение на фронте в эти дни:

«По-прежнему тяжелая обстановка была в районе Дубно–Кременец. Перед рассветом (17 июля. – *Сост.*) 18-я пехотная дивизия перешла в наступление на Дубно. Кровопролитный бой длился 20 часов. Пересеченная местность благоприятствовала действиям пехоты и крайне затрудняла маневр конницы. В конце концов противнику, превосходившему нас по силе и огню, удалось снова овладеть Дубно. Кременец также остался в его руках ⟨…⟩

До глубокой ночи мы с К.Е. Ворошиловым и С.А. Зотовым анализировали положение армии ⟨…⟩ И все время наши мысли и разговоры возвращались к дубно-кременецкой группировке противника. Уже четверо суток мы отвлекали крупные силы на ее разгром, но безуспешно. Нам не удалось не только разбить, даже отбросить противника, и он продолжал висеть на левом фланге армии.

Конечно, можно было бы оторваться от неприятеля и все соединения двинуть к Луцку. Но тогда образовывалась 90-километровая брешь, закрыть которую 45-я стрелковая дивизия была не в состоянии, а сильная и активная группа противника получила свободу действий в тылу Конной и 12-й армий.

Взвесив все это, мы пришли к выводу, что успешно наступать в луцком направлении сможем, только разделавшись с дубно-кременецкой группировкой противника.

Свои соображения телеграммой донесли командующему фронтом. Попросили его, чтобы для содействия нам левофланговые соединения 12-й армии не позднее вечера 18 июля вышли к реке Стырь на участке Чарторийск–Колки–Рожище, а правофланговые дивизии 14-й армии развили стремительное наступление в направлении Почаев, Радзивиллов и совместно с нами участвовали в разгроме противника в районе Полча–Дубно–Верба–Кременец» (*Буденный 2*. С. 214–215).

[2] *...наша дивизия в арм⟨ейском⟩ резерве. Наша задача – захватывать переправы через Стырь в районе Луцка.* – Клюев писал: «Оценивая общее положение фронта, 16 июля командарм Конной в своей телеграмме ⟨...⟩ командующему Юго-Западного фронта высказывал следующие соображения: чтобы разбить группу противника, оперирующего в районе Пелча–Дубно–Вербы–Кременец–Козин, необходимо назначить три кавалерийские дивизии (4-ю, 11-ю, 14-ю); кроме того, достаточная конная группа должна быть выделена для захвата Радзивиллова. Вся эта операция должна быть обеспечена 6-й кавдивизией, которая обязана остаться на переправах через Стырь, на участке Рожище–Торговица» (*Клюев*. С. 87). Далее говорилось о том, что 6-я дивизия «должна оставаться главными силами в занимаемом районе на луцком направлении, обеспечивая за собой переправы через р. Стырь на участке Рожище–Торговица» (Там же).

[3] *К.К. служил в Варшаве.* – Документальных подтверждений о службе Жолнеркевича в Варшаве не найдено.

М. ДОРОГОСТАЙ–СМОРДВА–БЕРЕЖЦЫ, 19 ИЮЛЯ

[1] *Пр⟨о⟩т⟨ивник⟩ атакует на уч⟨астке⟩ Млынов–Дубно. Мы ворвались в Радзивилов. Сегодня на рассвете решительное наступление всех дивизий ⟨...⟩ 5-я, 6⟨-я⟩ див⟨изии⟩ сосредоточены в Смордве ⟨...⟩ Берем, значит, на юг.* – «5-я дивизия» – вероятно, описка: в составе Первой конной армии не было дивизии с таким номером, и речь, скорее всего, идет о 4-й кавалерийской дивизии.

Эта запись подтверждается фрагментом книги Клюева, писавшего, в частности, о 6-й дивизии, которой надлежало: «временно оставить II бригаду против г. Луцка; остальными силами на рассвете сосредоточиться в районе Смордва, откуда совместно с 14-й дивизией перейти в решительное наступление на Пелча и далее на Козин, уничтожая живую силу противника, захватывая технику и действуя в связи с 4-й и 14-й кавдивизиями» (*Клюев*. С. 89).

На следующий день, 20 июля, было выпущено приказание № 100 по 6-й кавалерийской дивизии, в котором говорилось: «1-й кавбригаде к рассвету сосредоточиться в балке, что у леса юго-восточнее дер. Смордва. По сосредоточении всей бригады комбригу лично явиться с докладом ⟨к⟩ начальнику дивизии о сосредоточении бригады в указанном месте, откуда бригада двинется на Пелча для сосредоточения с 3-й кавбригадой» (РГВА. Ф 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 187). Ср. также с воспоминаниями Буденного:

«По разработанному нами плану разгром противника предполагалось осуществить путем концентрического наступления трех кавдивизий с севера, востока и юго-востока. При этом двум бригадам 4-й дивизии предстояло захватить Радзивиллов и отрезать пути отхода неприятелю на запад, а одной бригаде прикрыть переправу через Стырь на участке Красное–Берестечко. 11-я и 14-я кавалерийские наносили удар из района Дубно–Хорупань ⟨...⟩

Чуть свет загрохотала артиллерия. И тут же на фронте 11-й и 14-й кавдивизий начались яростные атаки противника, переходившие в рукопашные схватки.

Та и другая стороны дрались с большим ожесточением. 18-я польская пехотная дивизия стремилась во что бы то ни стало прорваться к Млинову, куда, как показывали пленные, навстречу им должна была выдвинуться 3-я пехотная дивизия легионеров 2-й армии. Соединения же Конармии рвались к югу, на Козин.

Весь день мы провели в боевых порядках 14-й, а затем 11-й дивизий. Бои здесь не прекращались ни на час ⟨...⟩

К вечеру разразилась гроза ⟨...⟩

К тому времени дивизия Ф.М. Литунова внезапным налетом овладела городом Радзивиллов в тылу противника, разрушила железную дорогу и связь, захватила пленных и обозы. Этот успех мог сыграть решающую роль в операции, удержи 4-я дивизия Радзивиллов. Но, к сожалению, в тылу у нее противник форсировал Стырь, и Литунов был вынужден двинуться назад в район Берестечко.

К исходу дня противник сохранил за собой выгодные рубежи обороны и отступил лишь на некоторых участках. Стало очевидным, что после ухода бригад Литунова из Радзивиллова наши ослабленные боем 11-я и 14-я дивизии не смогут сломить сопротивления неприятельской пехоты. Требовались новые усилия и маневр, подобный проведенному 4-й дивизией. Я принял решение на следующий день использовать для этого 6-ю кавдивизию, которую на луцком направлении сменяла подходившая 24-я стрелковая дивизия. С.К. Тимошенко получил задачу к утру сосредоточить две бригады в районе Смордвы, за правым флангом 14-й дивизии. Одну бригаду приходилось оставить у Луцка до полного сосредоточения там стрелковой дивизии» (*Буденный 2*. С. 215–216).

[2] *Колесов* Иван Петрович (1880–1921), в это время командир 3-й кавалерийской бригады 6-й кавалерийской дивизии.

[3] *Начдив 14 пожиже...* – Начальником 14-й кавалерийской дивизии в это время был Александр Яковлевич Пархоменко (1886–1921).

[4] *Приезжают Буденный и Ворошилов.* – В эти дни Буденный и Ворошилов все время находились на позициях дивизий Первой конной. После того как Тимошенко приехал к ним в Ужинец и доложил о том, что части 6-й дивизии подошли к Смордве, перед ним была поставлена задача после начала атаки Пархоменко обойти противника слева и захватить Полчу (Пелчу) и Козин. Затем, как вспоминает Буденный, он вместе с Тимошенко выехал в расположение 6-й дивизии в Смордву, а Ворошилов отправился в 14-ю дивизию (см.: *Буденный 2*. С. 216–217).

ВЫСОТЫ У СМОРДВЫ. ПЕЛЧА, 20 ИЮЛЯ

[1] *Операция идет успешно, наш начдив верно указал путь обхода, продолжаем загибать. Промокли, лесные дорожки. Обход через Бокуйку на Пелча.* – Ср. с воспоминаниями Буденного:

«Наступление началось. Лишь только части А.Я. Пархоменко завязали артиллерийскую и пулеметную дуэль с противником, 6-я дивизия выступила на юг, но неожиданно была остановлена сильным огнем. Оказывается, враг успел за ночь выдвинуть на свой левый фланг пехотный полк. Головная бригада спешилась и завязала огневой бой.

А в это время другая бригада С.К. Тимошенко, отклонившись к юго-западу, лесом обошла фланг противника. После этого здесь наметился успех. И когда за лесом скрылись эскадроны 6-й дивизии, уходившие в тыл врага, я поехал к А.Я. Пархоменко 〈...〉

Бой гремел долго. Отдельные позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. Перелом наступил лишь к вечеру, когда 3-я бригада 6-й дивизии захватила село Полчу в тылу неприятеля» (*Буденный 2*. С. 217–218).

[2] *Изучаю фауну...* – Явная описка: далее речь идет о деревьях.

[3] *Узнали о том, что Англия предложила мир Сов. России с Польшей, неужели скоро кончим?* – См. также дневниковую запись от 27 июля и примеч. 2 к ней.

Ср. с записью в дневнике Орловского от 23 июля: «Поступил ряд информационных сообщений с фронта и записка от т. Сталина К.Е. Ворошилову. Тов. Сталин сообщает, что наше правительство, отклонив посредничество Англии в переговорах с Польшей о мире, получило непосредственно от Польши предложение дать ответ об установлении перемирия к 30 июля. Правительство согласно с этим и думает послать удовлетворительный ответ об установлении перемирия к 30 июля» (*Орловский*. С. 76).

18 июля центральные газеты поместили перевод радиотелеграммы министра иностранных дел Великобритании Дж.Н. Керзона народному комиссару по иностранным делам Г.В. Чичерину от 12 июля 1920 г. и ответной радиотелеграммы от 17 июля, подписанной Чичериным. «Правда» напечатала эти материалы под общим заголовком «Англия предлагает посредничество», «Известия» – «Ультиматум Англии и наш ответ».

Предлагая посредничество Великобритании в заключении перемирия между Советской Россией и Польшей и в немедленном приостановлении военных действий, Керзон выдвинул ряд условий. С одной стороны, отступление польской армии на линию, намеченную мирной конференцией 1919 г., – восточную границу области, где Польша имеет право вводить польскую администрацию. «Линия эта, – говорилось в телеграмме, – приблизительно проходит так: Гродно–Валовка–Немиров–Брест-Литовск–Доргуск–Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля, до Карпат; севернее Гродно граница с литовцами идет вдоль железной дороги Гродно–Вильно и затем на Двинск. С другой стороны, в условия перемирия надлежало бы включить, что войска Советской России остановятся на расстоянии пятидесяти километров к востоку от этой линии. В Восточной Галиции обе стороны останутся на линии, занятой ими ко дню подписания перемирия». После этого намечалось в кратчайший срок созвать в Лондоне конференцию «под покровительством Мирной Конференции из представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии для переговоров об окончательном мире между Россией и ее соседями. Представители Восточной Галиции должны быть равным образом приглашены в Лондон для защиты своих интересов». Кроме того, Британия предлагала подписать «перемирие между армиями Советской России и генералом Врангелем при условии немедленного отступления сил генерала Врангеля в Крым с тем, чтобы на время перемирия перешеек был нейтральной зоной и чтобы генерал Врангель был приглашен в Лондон для обсуждения судьбы своих войск и беженцев, но не как член конференции» (Правда. 1920. 18 июля. С. 1).

В телефонограмме Ленина Сталину в Харьков от 12 или 13 июля говорилось:

«Получена нота от Керзона. Керзон предлагает перемирие с Польшей на условиях удаления польской армии за линию, назначенн〈ую〉 ей мирной конференцией в прошлом году 〈...〉

Нам дается недельный срок для ответа ⟨…⟩

Я прошу Сталина:

1) ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления;

2) сообщить мне его, Сталина, мнение.

Я же лично думаю, что это сплошное жульничество ради аннексии Крыма, которая нагло выдвигается в ноте. У нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу» (*Директивы*. С. 215).

В ответной телеграмме Керзону нарком иностранных дел Чичерин заявил об отказе Советского правительства от предложения Великобритании на том основании, что перемирие и мир с Польшей могут быть достигнуты только при непосредственном контакте двух заинтересованных сторон, без посредничества третьей державы (см.: Правда. 1920. 18 июля. С. 1).

ПЕЛЧА–БОРАТИН, 21 ИЮЛЯ

[1] *Нами взят Дубно. Сопротивление⟨,⟩ несмотря на то что мы говорим⟨,⟩ – ничтожное.* – В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 21 июля сообщалось: «В Дубненском районе наши войска после упорных боев под гор. Дубной ⟨sic!⟩ вынудили противника к отходу от этого города» (Известия. 1920. 22 июля. С. 1). В сводке от 24 июля говорилось: «В Дубненском районе вновь завязались упорные бои с переходящими в наступление поляками в 40 верстах западнее и 25 верстах юго-западнее Дубны ⟨sic!⟩. 22 июля в этом районе нами занят гор. Кременец» (Правда. 1920. 25 июля. С. 1). Ср. также с записью в дневнике Орловского от 19–20 июля: «Идут упорные бои у Дубно. 20 июля взят Дубно и форт Тараканов, что в 4 км от Дубно» (*Орловский*. С. 75) и воспоминаниями Буденного: «К исходу 21 июля Дубно-Кременецкий район был полностью очищен от противника» (*Буденный 2*. С. 221).

[2] *Командарм вызывает начдива на совещание в Козин.* – Возможно, речь идет о совещании, отмеченном в дневнике Орловского 22 июля: «Созванное РВС армии совещание начдивов, военкомдивов и наштадивов затянулось до 4 час. РВС, рассматривая последние операции, подытоживая их недочеты, требовал более энергичных, уничтожающих живую силу противника действий обходными маневрами, а не атаками в лоб. Совещание закончилось награждением за операции на юге бойцов и командиров Конармии орденами Красного знамени» (*Орловский*. С. 76).

БОРАТИН, 22 ИЮЛЯ

[1] *Штаб выезжает в Лешнев…* – В дневнике встречаются оба написания – *Лешнев* (*укр*. Лешнiв) и *Лешнюв*; село в Бродовском районе Львовской обл.

[2] *Фурманка* – небольшая фура, фургон.

[3] *У Хотина видны наши, въезжаем, стрельба.* – Буденный вспоминал: «Я направил к С.К. Тимошенко посыльного с распоряжением срочно перебросить в район Хотына последнюю бригаду. Он должен был возглавить ее и вместе с 31-м кавполком атаковать противника во фланг. Военкому дивизии П.В. Бахтурову предстояло с тремя полками – 32, 35, 36-м – наступать в южном направлении и овладеть городом Броды» (*Буденный 2*. С. 224).

В ВЕРБЕ, 23 ИЮЛЯ

[1] *...слухи тяжелые и⟨,⟩ вероятно⟨,⟩ нелепые⟨,⟩ и эти слухи – несмотря на цепь наших побед.* – Возможно, речь идет о директиве командующего Юго-Западным фронтом, в которой говорилось:

«Перед армиями Запфронта противник в полном отступлении. Части Западного фронта, по сведениям, заняли Гродно, форсировали р. Шара, заняли Слоним и подходят к Пинску. Перед армиями Югзапфронта противник оказывает весьма сильное сопротивление, при этом особенное упорство проявляет на путях к Львову. В целях окончательного разгрома польской армии, в связи с задачами, данными армиям Запфронта, приказываю:

1. 12 армии, овладев в кратчайший срок Ковелем и выставив заслон в сторону Бреста, развивать главный удар самым решительным образом в общем направлении Холм–Красник–Аннополь. Холм занять не позднее 4 августа и переправы через Вислу и Сан в районе Аннополя и Низко – 15 августа.

2. 1 Конной армии, разгромив окончательно дубно-кременецкую группу противника, стремительным рейдом главной массы конницы овладеть не позднее 29 июля районом Львов–Рава-Русская, выбросив передовые части для захвата переправ через Сан в район Синява–Перемышль.

3. 14 армии, учитывая задачу Конной армии сломить сопротивление противника на линии р. Збруч и силами ударной своей группы решительно наступать в общем направлении Тарнополь–Перемышляны–Городок» (*Директивы*. С. 227).

Таким образом, главный удар Юго-Западного фронта переносился в Восточную Галицию, но буквально до этого дня главной задачей Конармии, по словам Буденного, «было наступление на северо-запад в направлении Грубешова для совместных действий против основной – варшавской – группы противника», именно с этой целью удерживались «переправы через Стырь от Луцка до Берестечко» (*Буденный 2*. С. 225).

[2] *Две бригады 11⟨-й⟩ дивизии в плену, поляки захватили Козин...* – Клюев писал о том, что 22 июля «на линии Баранья–Крупец около 13 часов I и II бригады 11-й кавдивизии столкнулись с 35-й пехбригадой 18-й дивизии; III бригада 11-й дивизии в это время двигалась на Подзамче (в 10 км юго-восточнее Радзивиллова). Произошел упорный встречный бой, который продолжался почти до 17 часов. В результате 11-я дивизия отошла на Козин»; «Местечко Козин было занято противником – 35-й пехбригадой – только с рассветом 23 июля после короткого упорного боя. 11-я кавдивизия отошла в район Каменная Верба – Яновка...» (*Клюев*. С. 92). О пленении двух бригад 11-й дивизии в книге Клюева не сообщается.

[3] *Стратегическое положение любопытное ⟨...⟩ 6⟨-я⟩ д⟨ивизия⟩ в Лешневе, поляки в Козине, в Боратине, в тылу...* – Клюев писал о том, что к вечеру 22 июля главные силы 6-й кавалерийской дивизии сосредоточились в районе Лешнюва (см.: *Клюев*. С. 92). О Козине см. предыд. примеч.

[4] *...думаю о Гершеле...* – См. примеч. 7 к рассказу «Рабби».

[5] *Идет операция на Броды, Радзивилов вперед и одной бригадой на тыл. 6⟨-я⟩ див⟨изия⟩ в тяжких боях.* – Ср. с записями в дневнике Орловского от 24 июля: «На фронте Конармии 6-я дивизия ведет операцию на участке Броды–Радзивиллов. Остальные дивизии наступают на противника на своих участках. Получена директива комфронта,

сообщающая о перенесении операции с севера на Львовское направление», и от 25 июля: «4-я дивизия совместно с 14-й решительными действиями на фланге противника сбила его с переправ. 6-я дивизия получила приказ взять Радзивиллов и Броды 〈...〉 К.Е. Ворошиловым получена телеграмма от т. Сталина, в которой он предлагает принять все меры к тому, чтобы к 31 июля Конармия заняла Львов 〈...〉 Противник, разгромленный у Козина и Ситно, спешно отступает за Броды» (*Орловский*. С. 77).

24 ИЮЛЯ

[1] *Штарм* – штаб армии.

[2] *6〈-я〉 дивиз〈ия〉 ликвидирует пр〈отивни〉ка, напавшего на нас в Хотине, район боев Хотин–Козин...* – Клюев писал о событиях в районе Хотина: «...I бригада 6-й кавдивизии выступила вечером 23-го из района Лешнюв через Редьков на Хотин, и на рассвете 〈...〉 к северу от ф. Гоноратка эта бригада столкнулась с 42-м пехполком 35-й бригады 18-й польской дивизии. Эта последняя двигалась в направлениях: 42-й пехполк с тремя батареями – из Ивашуки на Хотин 〈...〉 I кавбригада в спешенном строю в течение 4 часов сдерживала натиск 42-го пехполка и только с подходом II бригады своей дивизии перешла в атаку, обходя левый фланг противника» (*Клюев*. С. 94).

После директивы об изменении направления боев Юго-Западного фронта в пределы Галиции, в ночь на 24 июля, был издан приказ по Первой конной армии о ликвидации радзивилловской группировки противника как главного препятствия на пути ко Львову.

По свидетельству Буденного, «обстановка в районе Радзивиллов–Броды к тому времени была напряженной. За ночь враг укрепился в Боратине, Жабокриках, Козине, на станции Рудня Почаевская и оборонялся с исключительным упорством.

Но наши войска уже охватывали фланги противника. Кавгруппа А.М. Осадчего вела бои с бригадой генерала Шиманьского юго-восточнее Радзивиллова. К участку железной дороги Рудня Почаевская – Радзивиллов подошли полки 45-й стрелковой, а в районе Корытно–Хотын–Сестратин сосредоточились 4-я кавдивизия и три полка 6-й. 3-я бригада и 32-й полк дивизии С.К. Тимошенко обходили город Броды с северо-запада.

Главный удар намечался из района Хотына вдоль реки Пляшевка 〈...〉

На опушке леса, раскинувшегося между Хотыном и Боратином 〈...〉 находилась 2-я бригада 6-й кавдивизии. Комбриг И.Р. Апанасенко готовил ее к атаке в конном строю.

Неожиданно из-за высотки к югу от Боратина начали выходить колонны неприятельской пехоты. Они двигались вдоль леса на северо-запад, словно специально подставляя себя под удар. Лучшего момента для атаки нельзя было и придумать. Я приказал Апанасенко немедленно атаковать врага.

Одновременно ударили 1-я и 2-я бригады 4-й дивизии. Несколько минут рубки, и противник 〈...〉 смятый натиском конармейцев, побежал к Жабокрикам, бросая артиллерию, винтовки и обозы» (*Буденный 2*. С. 227–228).

В этом бою обе стороны понесли значительные потери. См. далее примеч. 2 к записи от 25 июля.

[3] *Семья Ляхецких, Швехвелей, нет⟨,⟩ это не Одесса.* – Швехвель – девичья фамилия матери Бабеля Фейги (Фени) Ароновны, а ее младшая сестра Катя (Гитл) была замужем за Иосифом Моисеевичем Ляхецким.

[4] *Арцыбашев* Михаил Петрович (1878–1927) – писатель, драматург, публицист. Его скандально известный роман «Санин» (1907) вызвал многочисленные дискуссии и судебные процессы по обвинению в порнографии.

[5] *Главные раздоры – сегодня суббота.* – О субботе у евреев см. примеч. 10 к рассказу «Гедали».

[6] *Прищепа заставляет жарить картошку, а завтра пост 9 Аба...* – Траур и строгий пост, предписанный религиозным евреям, 9 аба (точнее, 9 ава) установлен в память о трагических событиях еврейской истории, в первую очередь о разрушениях Первого Храма вавилонянами в 3338 г. от Сотворения мира (586 г. до н.э.), после чего последовал семидесятилетний вавилонский плен, и Второго Храма – римлянами после осады Иерусалима в 3828 г. (70 г. н.э.). Кроме того, в этот день в разное время произошли другие трагические события. 9 ава 2449 г. (1312 г. до н.э.) вернулись разведчики, посланные Моисеем, и произвели панику среди евреев, доложив о сложностях завоевания Ханаана. Народ испугался, заплакал и отказался войти в Землю Израиля. За это Бог разгневался на народ и установил, что в Землю обетованную удостоится зайти только следующее поколение 40 лет спустя. 9 ава 3892 г. (132 г. н.э.) по приказу римского наместника Храмовая гора в Иерусалиме была распахана в знак поругания. Это событие послужило одной из причин восстания Бар-Кохбы, которое продолжалось три года. 9 ава 3895 г. (135 г. н.э.) римляне захватили Бейтар, последний оплот восставших при восстании Бар-Кохбы, после чего началось массовое изгнание евреев из Земли Израиля. День 9 ава попадает на летние месяцы, июль или август. Траур начинается накануне, вечером 8 ава и продолжается до появления первой звезды на небе вечером 9 ава. Последняя трапеза перед постом должна состоять не более чем из одного блюда, без мяса и вина.

Ср. название дня 9 Аба в дневнике с именем шамеса (служки) из рассказа Бабеля «Первая любовь» (1925) – «ужасный этот еврей Аба» (см.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 399).

[7] *...еврей – 6 классов Ровенск⟨ой⟩ гимназии – говорит по Платонову...* – Вероятно, речь идет о древнегреческом философе Платоне (ок. 427–347 до н.э.).

[8] *...ревельск⟨ая⟩ делегация...* – По всей видимости, речь идет о подписании 2 февраля 1920 г. в Тарту мирного договора между Эстонией и РСФСР, согласно которому Советская Россия признала независимость Эстонии и выплатила ей контрибуцию.

[9] *...венец – рассказ о китайцах...* – Скорее всего, Бабель говорил хозяевам дома «о китайцах» в том же ключе, что и Шкловский: «Бабель писал мало, но упорно. Все одну и ту же повесть о двух китайцах в публичном доме» (*Шкловский В.Б.* И. Бабель: Критический романс. С. 153). Замысел был отчасти реализован Бабелем в рассказе «Ходя» (1923), подобный мотив присутствует в рассказе «Дорога» (1932).

25 ИЮЛЯ

[1] *Плевицкая* (урожд. Винникова) Надежда Васильевна (1884–1940) – певица, исполнительница русских народных песен и романсов, после революции – в эмиграции.

[2] *Идет бой под Бродами...* – К вечеру 24 июля отдельные части польской армии под личным руководством командира 18-й пехотной дивизии генерала Ф. Крайовского отступили на Радзивиллов, а ночью отошли в Броды. Буденный так описывал бой:

«Несмотря на сильную усталость бойцов и особенно лошадей, соединения армии всю ночь преследовали отходившего противника. К утру две бригады 4-й, 6-я и 11-я дивизии со всех сторон обложили засевшую в Бродах 18-ю польскую пехотную дивизию, группы генерала Шиманьского и полковника Ясинского.

Противник, занявший круговую оборону, молчал. Лишь когда наши разведывательные подразделения приближались к окраинам города, неприятель открывал пулеметный огонь.

Решили в 12 часов атаковать противника.

И вот в установленное время загрохотала наша артиллерия 〈...〉 А когда оборвался гул артиллерийской канонады, многотысячная лава конницы, поддержанная огнем пулеметов с тачанок, с криком "ура" со всех сторон покатилась на окопы противника.

Казалось, ничто не может остановить этот безудержно мчащийся поток, способный все разрушить на своем пути, как ураган или как горная река в половодье. Однако неприятель не дрогнул и проявил удивительную стойкость. Он встретил наши части сильнейшим огнем. Конармейцы не выдержали и отпрянули в исходное положение. А потом вторая, третья... пятая атаки в конном и пешем строю. Мы маневрировали полками, бригадами, стремились найти более слабое место в неприятельской обороне, и все напрасно. Противник везде дрался с огромным упорством.

Весь день не умолкая шел тяжелый бой. Докрасна накалялись стволы пулеметов. Падали убитые, раненые и просто изнуренные бойцы. Напряжение было выше всяких сил.

К сумеркам вражеское сопротивление ослабло. Но и наши уже не в состоянии были атаковать. Пришлось дать войскам отдых, чтобы с утра предпринять новое наступление.

Ночь мы провели в селе Крупец, куда переместился наш полевой штаб. Проснулся я рано утром в хорошем настроении. Противник находился в плотном кольце, и оставалось совсем немного до его полного разгрома. Но каково же было мое разочарование, когда я узнал, что наши расчеты на ликвидацию неприятеля в Бродах не оправдались. А получилось так. Утомленные дневным боем, разморенные убаюкивающей украинской ночью, бойцы не могли бороться со сном, валились прямо к ногам лошадей и засыпали. Некоторые командиры и комиссары, считая, что судьба неприятеля уже решена, забыли о бдительности, ослабили внимание к охранению. Эта беспечность позволила противнику внезапным нападением захватить мост через реку и вырваться из города. Темнота и лес южнее Бродов послужили ему хорошим укрытием. За ночь колонны противника ушли из зоны, занятой Конармией. Только одинокая наша пулеметная тачанка, по рассказам пленных, как привидение, до рассвета металась вокруг польских частей, появляясь то там, то здесь и расстреливая противника с короткого расстояния.

26 июля мы заняли Броды. Дорого достался нам этот разрушенный еще в годы первой мировой войны, исстрадавшийся за последние дни город» (*Буденный 2*. С. 229–230).

ЛЕШНЮВ, 26 ИЮЛЯ

[1] *Врангель не ликвидирован.* – Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, в годы Гражданской войны один из лидеров Белого движения, в 1920 г. – главнокомандующий Русской

армии в Крыму и Польше. Войска Русской армии были эвакуированы из Крыма только в середине ноября 1920 г., после успешного наступления красных (с участием Первой конной армии).

2 *Махно делает набеги в Екатеринославской и Полтавск⟨ой⟩ губ⟨ерниях⟩.* – Вероятно, речь идет о трех рейдах армии Махно «по Левобережной Украине общей протяженностью 1400 верст, борьба с ними оттягивала значительные силы Красной армии, была малоэффективна: красноармейцы часто переходили на сторону повстанцев» (*Шанин Т., Кондрашин В., Тархова Н.* Указ. соч. С. 24).

3 *Сегодня утром взяты Броды...* – В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 26 июля сообщалось: «В Дубно-Бродском районе наши войска в результате упорных 3-дневных боев с противником, переходившим в настойчивые контратаки для охвата нашей выдвинувшейся вперед конницы, разбили поляков под городом Броды, захватив 1000 пленных, 19 орудий, 43 пулемета и другие трофеи. Город Броды и местечко Радзивиллов взяты нами» (Правда. 1920. 27 июля. С. 1). См. также примеч. 2 к записи от 25 июля.

4 *Итальянский фронт* – один из фронтов Первой мировой войны, на котором сражались войска Италии и союзных ей государств (английские, французские и американские), боевые действия продолжались с мая 1915 по ноябрь 1918 г.

5 *Вечером паника, пр⟨отивни⟩к потеснил нас из Чуровице, был $1^1/_2$ в верстах от Лешнюва.* – Ср. с депешей начальника штаба 6-й дивизии Жолнеркевича командиру 3-й бригады, отправленной из Лешнюва 26 июля в 20 часов 15 минут: «Начдив приказал вам принять все меры к тому, чтобы ликвидировать противника до наступления темноты ⟨...⟩ Еще раз по приказанию Начдива подтверждаю об удержании переправы у ЧУРОВИЦЫ в своих руках» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 225).

6 *...говорят, здесь есть товары, наши не преминут...* – Ср. с записью в дневнике Орловского от 28 июля: «Замечательно, что население начало открывать магазины в Бродах. Появился товар, цены дешевые. Советские деньги берут охотно» (*Орловский.* С. 78).

ХОТИН, 27 ИЮЛЯ

1 *Хотин – та самая деревня, где нас обстреляли.* – См. примеч. 2 к записи от 24 июля.

2 *Вот заслуга коммунизма – нет хоть проповеди вражды к врагам, только, впрочем, к польским солдатам.* – Ср. с приказами Троцкого от 10 мая и 17 июля 1920 г., которые призывали к милосердию только по отношению к польским солдатам – рабочим и крестьянам.

3 *Носятся поразительные слухи – 30 начинают переговоры о перемирии.* – Эти переговоры не были завершены. В сообщении от народного комиссара по иностранным делам говорилось: «После отказа России от английского заступничества, польское правительство предложило 22 июля российскому правительству заключить немедленное перемирие с открытием мирных переговоров, очевидно, сознавая, что для советского правительства невозможно заключить перемирие без достаточных гарантий, из которых важнейшей является одновременное подписание и перемирия, и некоторых основных условий мира. Российское правительство предложило Польше послать представителей, снабженных достаточными полномочиями, на линию фронта 30 июля для открытия

переговоров о мире и перемирии» (Правда. 1920. 3 авг. С. 1). Однако польская делегация имела мандат лишь на ведение переговоров о перемирии и 2 августа отбыла обратно в Варшаву. Только «7 августа Советским правительством получено было в Москве радио польского министра иностранных дел Сапеги, уведомлявшее о согласии польского правительства начать переговоры о перемирии и о мире» (Правда. 1920. 13 авг. С. 1). Мирные переговоры между Советской Россией и Польшей начались в Минске 17 августа 1920 г. (см.: Правда. 1920. 19 авг. С. 1; 20 авг. С. 1) и продолжились в Риге 21 сентября (см.: Правда. 1920. 23 сент. С. 1) на фоне польского наступления на Волыни и в Белоруссии. В начале октября польская делегация выдвинула свое требование по установлению границы: линия Дисна–Вилейка – западнее Минска–Лунинец–Сарны–Ровно – по реке Збруч; восточнее этой линии должна быть нейтральная полоса шириной 30–40 километров. Советская делегация после некоторых протестов приняла эти условия, и 12 октября в Риге был подписан договор о перемирии между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей – с другой (см.: Правда. 1920. 14 окт. С. 1). С 18 октября прекратились боевые действия Красной армии на польском фронте, с 19 октября прекратили боевые действия и польские войска. Мирный договор РСФСР и Украины с Польшей был подписан в Риге 18 марта 1921 г. (см.: Правда. 1921. 20 марта. С. 2) и вступил в силу после обмена ратификационными грамотами в Минске 30 апреля 1921 г.

ХОТИН, 28 ИЮЛЯ

[1] *Бой за переправу у Чуровице. 2⟨-я⟩ бригада в присутствии Буденного – истекает кровью. Весь пехотн⟨ый⟩ батальон – ранен, избит почти весь.* – Буденный писал о том, что в сложное положение у этой переправы (у него – Шуровичи) накануне, 27 июля, попала 1-я кавбригада 6-й дивизии:

«В ночь на 27-е четыре кавалерийских полка противника переправились через Стырь и отбросили 1-ю бригаду от Шуровичей. Положение особенно осложнялось тем, что бригада находилась на 15–20 километров в отрыве от главных сил дивизии.

Все же комбриг В.И. Книга сумел перегруппировать свои полки и бросить их в контратаку против вдвое превосходящего противника. Первоначально наши добились успеха, потеснив улан к переправам. Но в конце концов численное превосходство сказалось, и польская кавалерия стала теснить бригаду на восток. Подоспевший на помощь полк 14-й дивизии помог остановить врага, но решительного перелома в ход боя не внес. Одиннадцать атак врага отбили конармейцы, семь раз контратаковали сами, а переправа в Шуровичах и плацдарм на восточном берегу Стыри все же остались в руках противника. Больше того, к ночи 1-я бригада вынуждена была отойти в район Редково–Комаровка.

Подводя итоги боя 27 июля, мы сделали малоутешительный вывод: ударной группе армии не удалось форсировать реку Стырь и обойти с фланга луцкую группировку противника ⟨...⟩

В такой обстановке Реввоенсовет признал необходимым продолжать ранее намеченный удар по флангу и тылу 2-й польской армии и этим сорвать ее перегруппировку. Задачи соединениям оставались прежними. Только 4-й дивизии после форсирования реки Стырь у Станиславчика предстояло наступать в направлении Радехов, Сокаль,

которое предназначалось 6-й дивизии. А последняя должна была овладеть переправой у Шуровичей и развивать успех на Стоянов–Милятин на направлении, определенном прежде 4-й дивизии» (*Буденный 2.* С. 235–236).

28 июля, утром, пришло приказание Первой конной армии от командующего Юго-Западным фронтом, которое оставляло в силе план овладения Львовом 29 июля. Скорее всего, Бабель имел в виду события, последовавшие за этим приказанием. Буденный далее вспоминал:

«Опять сильные бои развернулись в центре фронта Конармии, особенно на участке С.К. Тимошенко. Ее передовые части попытались форсировать реку у Шуровичей, но на подходе к переправам были встречены ураганным огнем артиллерии и пулеметов из бетонированных блиндажей.

Несколько атак в пешем строю успеха не принесли. Попытались обойти Шуровичи севернее или южнее, но бродов там не оказалось, а берега реки были топкими.

Тогда начдив подтянул всю артиллерию в боевые порядки, выдвинул на фланги снятые с тачанок пулеметы и при поддержке их огня бросил в атаку главные силы. Почувствовав мощную поддержку, конармейцы начали шаг за шагом теснить яростно сопротивлявшегося противника. Дрались все, начиная от штабных командиров и кончая медицинскими сестрами» (*Буденный 2.* С. 237–238).

[2] *Письмо Жене...* – Речь идет о Бабель (урожд. Гронфайн) Евгении Борисовне (1896–1957), первой жене писателя.

[3] *Приказ Буденного. – Мы в четвертый раз выпустили пр⟨отивни⟩ка, под Бродами был совершенно окружен.* – Ср. с записью в дневнике Орловского от 28 июля: «Наши части утомлены последними погонями за противником. По сведениям, 6-я кавдивизия нарвалась на свежие силы противника, который оттеснил ее за переправу. 4-я дивизия, по оценке С.М. Буденного, теряет активность» (*Орловский.* С. 77).

ЛЕШНЮВ, 29 ИЮЛЯ

[1] *Славяне – навоз истории?* – Скорее всего, слова, от кого-то услышанные Бабелем.

[2] *Поляки прорвали расположение 14⟨-й⟩ див⟨изии⟩ правее нас, вновь заняли Берестечко. Сведений никаких, кадриль, они заходят нам в тыл, мы – им.*– Ср. с более поздней записью в дневнике Орловского от 31 июля: «14-я кавдивизия к 12 часам отскочила от линии Стырь к востоку и остановилась в районе южной окраины дер. Лишня–Вербень–Пляшево–Гулище и по р. Стырь в сторону Хриники. 6-я дивизия продвинулась к Берестечко. 4-я кавдивизия вышла без особого боя в район Радзихов и сбила фланг противника на участке Лайков–Радзихов. Противник отошел в район Горохов–Стоянов–Витков, построив фланги по реке Судаловка и группируя главные силы у Берестечко» (*Орловский.* С. 79). По воспоминаниям Буденного, 29 июля «активно действовали неприятельские войска на фронте 14-й и 6-й кавалерийских дивизий. Еще на рассвете крупные силы пехоты, поддержанные артиллерийским и пулеметным огнем, атаковали в районе Малено два эскадрона 14-й кавдивизии, отбросили их и, переправившись через Стырь, повели наступление на юг и юго-восток. 14-я дивизия занимала широкий фронт, и А.Я. Пархоменко не смог своевременно перебросить достаточно сил на угрожаемый участок. Направленная им бригада подошла с опозданием, когда противник

уже продвинулся на семь-восемь километров от реки и овладел деревнями Княгинино и Дубляны. Только здесь его удалось остановить» (*Буденный* 2. С. 241).

БРОДЫ, 30 ИЮЛЯ

[1] *Униаты* – последователи церковной Брестской унии 1596 г. об объединении православной и католической церквей с подчинением папе римскому, но с сохранением православных обрядов.

[2] *Койдеш* (или кодеш) – букв.: священный (*ивр.*).

[3] *Шамес* – служитель в синагоге.

[4] *Это евр. город...* – По контексту не совсем ясно, еврейский или европейский город имел в виду Бабель.

[5] *Одесская гостиница Гальперина...* – Возможно, Бабель вспомнил о гостинице и магазинах в «Пассаже» на Преображенской улице в Одессе, среди которых была и галантерея Я. Гальперина.

[6] *...пр⟨отивни⟩к наступает.*– 30 июля Орловский записал в дневнике: «По сведениям, полученным из перехваченного приказа противника, последний стремится к началу мирных переговоров возвратить Броды» (*Орловский*. С. 79); 31 июля он продолжил: «Противник все время пытается перейти в наступление на Броды» (Там же).

БРОДЫ, ЛЕШНЮВ, 31 ⟨ИЮЛЯ⟩

[1] *...история всех Болеславов...* – Речь идет о представителях династии Пястов: Болеслав I Храбрый, или Болеслав Великий (965, или 966, или 967–1025) – князь (992–1025) и первый король Польши (1025), князь Чехии (1003–1004), и Болеслав II Смелый, или Болеслав Щедрый (ок. 1042–1081) – польский князь (1058–1076) и король Польши (1076–1079).

[2] *Тетмайер* (Пшерва-Тетмайер) Казимеж (1865–1940) – польский поэт, прозаик и драматург.

[3] *...она служила по Чрезвычайкам...* – Видимо, местные отделения Чрезвычайной комиссии.

[4] *Пр⟨отивни⟩к обошел нас ⟨...⟩ от переправы оттеснил, зловещие слухи о прорыве в расположении 14⟨-й⟩ дивизии...* – Буденный вспоминал:

«На правом нашем фланге 1-я дивизия легионеров форсировала Стырь и теснила бригады А.Я. Пархоменко ⟨...⟩

На центральном участке мы добились крупного успеха. Зато на флангах армии, особенно на правом, положение складывалось явно не в нашу пользу. Под ударами 1-й польской дивизии легионеров части А.Я. Пархоменко отошли от Стыри на 10–12 километров. Противник занял Демидовку и угрожал Козину. На помощь 14-й дивизии пришлось срочно двинуть наш резерв – Особую кавбригаду ⟨...⟩

В общем, за 31 июля положение армии ухудшилось. 11-я и 4-я кавдивизии отошли к Стыри. Атаки 6-й кавалерийской не имели успеха, а 14-я, сбитая дивизией легионеров, отступила в Козин. Лишь правофланговая 24-я и левофланговая 45-я стрелковые дивизии удерживали свои рубежи.

Дальнейшее продвижение 1-й дивизии легионеров на юго-восток грозило нам очень неприятными последствиями. Поэтому в 14-ю кавдивизию мы направили начальника штаба армии Л.Л. Клюева. Он должен был поставить А.Я. Пархоменко задачу восстановить утраченное положение и помочь организовать взаимодействие с 24-й стрелковой дивизией.

Прошла ночь. Рано утром поступило донесение из 4-й дивизии. Ф.М. Литунов сообщал, что ⟨...⟩ генерал Крайовский под покровом темноты бросил в атаку на деревню Майдан два батальона. Наши бойцы прижали неприятельскую пехоту своим огнем, а затем бросились в контратаку. Враг в беспорядке отступил. Не теряя времени, начдив поднял по тревоге всю дивизию и начал преследовать противника, охватывая Топоров с северо-запада.

Тем временем перешла в наступление и 11-я дивизия. Разгромив в районе Турья до батальона пехоты, она продвинулась на Яблоновку и Соколовку, обошла Топоров и отрезала противнику пути отхода к реке Западный Буг.

Успехи 4-й и 11-й дивизий не могли не радовать. Благополучно обстояли дела и в 45-й стрелковой дивизии ⟨...⟩ Только не было донесений из 6-й и 14-й кавалерийских, как раз с самого опасного направления ⟨...⟩

Но вот наконец у трубки Клюев. Он доложил, что 14-я дивизия не смогла своевременно перейти в наступление. Противник упредил ее, двинулся на Козин и, отбросив передовые эскадроны, занял район Теслугова. Правда, к моменту нашего разговора неприятеля удалось остановить, и 14-я кавалерийская совместно с бригадой 24-й стрелковой дивизии уже начала наступление» (*Буденный 2.* С. 247, 249, 256–257).

ГРЖИМАЛОВКА, ЛЕШНЮВ, 1 АВГУСТА

[1] *Дела на фронте ухудшаются. Выстрелы у самой деревни. Нас вытесняют с переправы.* – Ср. с записью из дневника Орловского от 2 августа: «На фронте Конармии положение все более ухудшается: наши дивизии топчутся на одном месте, и противник вырывает у нас инициативу» (*Орловский.* С. 81). Буденный писал, что 31 июля, во второй половине дня, Тимошенко «доложил, что неприятельская конница прорвалась в его тылы – в Лашков и стремится захватить переправу в Шуровичах. Пришлось бросить туда один полк, а это еще больше снизило наступательные возможности дивизии. К ночи, так и не взяв Берестечко, две бригады 6-й кавалерийской дивизии отошли в Завидче и Шуровичи, а бригада В.И. Книги после безуспешного наступления расположилась в деревне Редков на восточном берегу Стыри» (*Буденный 2.* С. 255). Далее Буденный резюмировал: «В общем за 31 июля положение армии ухудшилось. 11-я и 4-я кавдивизии отошли к Стыри. Атаки 6-й кавалерийской не имели успеха, а 14-я, сбитая дивизией легионеров, отступила в Козин. Лишь правофланговая 24-я и левофланговая 45-я стрелковые дивизии удерживали свои рубежи» (Там же. С. 256); «результаты боя за 1 августа тоже были неутешительными. Правда, 4-я и 11-я кавалерийские дивизии окружили крупные неприятельские силы в Топорове. Однако разгромить или пленить противника им пока не удалось. На флангах армии положение оставалось без перемен. В центре же обстановка резко изменилась в пользу неприятеля. Дивизия С.К. Тимошенко оставила западный берег Стыри и отошла в район Лешнева северо-западнее от Бродов» (Там же. С. 258–259).

[2] *Бой под Лешнювым. Наша пешка в окопах...* – В оперативном приказании 6-й кавалерийской дивизии № 110, составленном в селе Гржималовка 31 июля 1920 г.

в 23 часа, в частности, говорилось: «Пешему эскадрону 2-й кавбригады расположиться Лешнюв, имея сторожевую заставу Пяски, которой взять под охрану мосты у Лешнюва» (РГВА. Ф.7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 241 об.).

[3] *...точная, неторопливая, техническая работа.* – Вверху на с. 163 над первой строкой перечеркнутый текст: «Михаил Цыбуля, 1 [шт.] эск⟨адрона⟩ 6⟨-й⟩ див⟨изии⟩ Ставр⟨опольской⟩ губ. 24 лет. – Убит 1/VIII под Лешнювым, единствен⟨ный⟩ сын; [ста] престарелый отец [мать] Жена и двое детей – С начала революции 18 в Кр⟨асной⟩ Арм⟨ии⟩ [переходил Астрах] был командиром роты в 10⟨-м⟩ полку ставроп⟨ольском⟩. – Астраханский поход, ранен в кавалерии, прошел степи и пустыни весь Деникинский поход до Черного моря, 2 раза ранен, поддерживал Соввласть, был пом⟨ощником⟩ взводн⟨ого⟩ командира».

БЕЛАВЦЫ, 2 АВГУСТА

[1] *Приезжают Буденный, Ворошилов, будет решит⟨ельный⟩ бой, ни шагу дальше ⟨...⟩ начался бой...* – 2 августа 1920 г. в Белавцах был издан оперативный приказ № 127 начальника 6-й кавалерийской дивизии, в котором говорилось:

«Противник занимает на левом берегу реки Стырь на участке 6-й кавдивизии район Лопатин–Чуровицы, на правом берегу Чуровицы–Мытница–Лешнюв–Гаевцы–Теслугов и окопался на высотах, что севернее Лешнюва ⟨...⟩ Задача дивизии: 2–8 в тесной связи с 47 стрелдивизией, выступая двумя бригадами по правому берегу реки Стырь, действуя на левом фланге с 47 стрелдивизией, во что бы то ни стало забрать в плен всю живую силу противника, а в случае со стороны последнего будет сопротивление ⟨sic!⟩, то вырубить все части противника, не дав ни одному польскому солдату ускользнуть на левый берег реки Стырь. После чего переброситься на левый берег реки Стырь, разгромить резервные части противника ⟨...⟩ Одной же бригадой вести энергичное наступление по левому берегу реки Стырь в общем направлении Берестечко–Узень и к вечеру 2–8 выйти на линию реки Судиловка.

Для выполнения задачи приказываю:

1-й кавбригаде совместными действиями с 3-й кавбригадой и 47 стрелдивизией с 418 ее полком, действуя на левом фланге, решительным и энергичным ударом уничтожить противника, нажимая ⟨sic!⟩ его к реке Стырь, на участке Лешнюв–Берестечко. Разведку вести Редьков–Мытница–Королевка. Держать связь с 1-й сводной пехдивизией и 47 стрелдивизией. Разделавшись с противником на правой стороне реки, переброситься на левый, где уничтожить резервы противника ⟨...⟩

3-й кавбригаде, выступив с получением сего, сосредоточиться ⟨в⟩ Пяски, откуда совместными действиями с 1-й кавбригадой и 47 стрелдивизией уничтожить противника на правом берегу реки Стырь, после чего переброситься на левый берег и уничтожить резервы противника. Разведку вести на Королевка–Сучко–Мерва. Иметь тесную связь с 1-й кавбригадой, с 47 стрелдивизией и со 2-й кавбригадой нашей дивизии.

2-й кавбригаде решительным и энергичным наступлением по левому берегу реки Стырь в направлении Берестечко – Узень, находясь в тесной связи и сообразуясь с действиями 1 и 3-й кавбригад и 47 стрелдивизии, к вечеру 2–8 выйти на линию реки Судиловка, оставив на переправе у Станиславчик два эскадрона при пулеметах и одном орудии ⟨...⟩

Штабу дивизии расположиться в Белавцы ⟨...⟩

Всем учреждениям дивизии расположиться частью в Белавцы, частью у Белавцы бивуаком ⟨...⟩

Я буду находиться во время операции при действующих частях 1-й и 3-й кавбригад, во время стоянки – при штабе дивизии» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 248–248 об.).

Буденный, в свою очередь, вспоминал:

«2 августа на всем фронте армии бои разгорелись с новой силой. Особенно напряженными они были в центре.

Части С.К. Тимошенко с утра перешли в наступление, но были контратакованы 6-й польской пехотной и 1-й кавалерийской дивизиями. Под натиском превосходящих сил они попятились на юго-восток, к Бродам. Их отход создал угрозу тылу 4-й кавалерийской, а отступление последней, в свою очередь, поставило в трудное положение 11-ю дивизию, оголив ее правый фланг ⟨...⟩

К полудню инициатива полностью перешла к противнику. Только 45-я стрелковая дивизия еще отражала неприятельские атаки и удерживала свои позиции, а правофланговые части 14-й дивизии даже немного продвинулись на запад. Но в центре противник теснил наши войска и уже овладел районом Козин–Жабокрики–Лешнев. Остановить и разбить его главную ударную группировку должны были ⟨...⟩ 24-я и 47-я стрелковые, 14-я и 6-я кавалерийские дивизии.

Из полештарма помчались мотоциклисты, поскакали конные связные с распоряжениями начдивам ⟨...⟩ С.К. Тимошенко получил приказание одну бригаду двинуть для помощи 14-й дивизии, чтобы нанести удар противнику в направлении Жабокрики, Глубокая Долина, Демидовка и отрезать неприятельские части, прорвавшиеся к Радзивиллову ⟨...⟩

Вскоре после отъезда связных мы с К.Е. Ворошиловым и адъютантом П.П. Зеленским в сопровождении эскадрона Реввоенсовета поскакали по шоссе на север в 6-ю дивизию, где сложилась наиболее тяжелая обстановка. Не успели отъехать и двух километров от Бродов, как над городом появились неприятельские аэропланы. Тут же послышались взрывы бомб, треск пулеметов.

Вражеские летчики действовали нахально, снижались так, что летали чуть выше крыш, обстреливали из пулеметов улицы города. Обидно было за нашу беспомощность. В последнее время налеты авиации противника участились, а мы, к сожалению, не могли с этим эффективно бороться. Зенитной артиллерии у нас не было, а большая часть аэропланов авиагруппы Конармии пришла в негодность. Лишь несколько машин использовались для разведывательных полетов» (*Буденный 2*. С. 260–262).

3 АВГУСТА

[1] *Ночь в поле, двигаемся с линейкой в Броды. Город переходит из рук в руки.* – В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 3 августа коротко сообщалось: «В Бродском районе идут упорные бои с переменным успехом, причем нами захвачены пленные, пулеметы и 300 лошадей» (Правда. 1920. 4 авг. С. 1).

Ср. с записью в дневнике Орловского от 3 августа: «К вечеру пришли сведения о захвате противником г. Брод обходом с юга. Комбригу 2 (командир 2-й бригады 4-й кавдивизии И.В. Тюленев. – *Сост.*) около 14 час. приказано было выслать разъезды в Броды и в случае наличия противника – выбить его оттуда. Бригада приказание выполнила,

зарубив занявший Броды разъезд противника в 120 кавалеристов. Однако противник вторично повел наступление на Броды. Подошедшая наша 3-я бригада оттеснила его к Берлино на переправу, захваченную 1-й бригадой. К наступлению темноты противник остался в одной части г. Броды, а наши части отошли в его предместье – дер. Дедковцы» (*Орловский*. С. 82–83).

[2] *Поле сражения, встречаю начдива, где штаб, потеряли Жолнаркевича.* – По свидетельству Буденного, штаб 6-й дивизии отходил в Конюшков (см.: *Буденный 2*. С. 262).

[3] *Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный бой ⟨...⟩ уходят бледные пешком.* – См. преамбулу примеч. к рассказу «Комбриг 2».

[4] *Квазимодо ⟨...⟩ этот горбатый кучер...* – Квазимодо – герой романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831).

[5] *Въезжаем в лес, обстрел, снаряды в 100 шагах, бесконечное кружение по опушкам.* – Ср. с воспоминаниями Буденного, непосредственно участвовавшего в этом бою:

«Из-за леса ударила неприятельская артиллерия, открыли огонь минометы. Но мины и снаряды рвались позади нас, не причиняя пока вреда.

Огонь нарастал. Пулеметы захлебывались и вновь стучали зло и надрывно. Теперь рой пуль летел над нашими головами. Никогда до этого на польском фронте я не встречал, не ощущал такого плотного огня» (*Буденный 2*. С. 264–265).

4 АВГУСТА

[1] *...барышни, группа из гимназии Бухтеевой, Одесса...* – Речь идет о Женском коммерческом училище в Одессе, основанном в 1870-х годах Елизаветой Александровной Бухтеевой.

[2] *Апанасенко* Иосиф Родионович (1890–1943) – советский военачальник, генерал армии (1941). На военной службе с 1911 г., участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 г. Во время Гражданской войны был командиром 2-й Ставропольской пехотной дивизии, затем 1-й кавалерийской дивизии ставропольских партизан, которая позже была переименована в 6-ю кавалерийскую дивизию и вошла в состав кавалерийского корпуса Буденного, затем в состав Первой конной армии. В 1919–1920 гг. Апанасенко занимал должность начальника 6-й кавдивизии несколько раз: с 26 марта по 24 апреля, с 15 по 17 июля, с 3 октября по 3 ноября 1919 г. Последний, самый длительный срок его пребывания в этой должности – с 5 августа по 12 октября 1920 г.

Дивизия под командованием Апанасенко проявила себя с лучшей стороны в целом ряде боев, в том числе под Бродами и Львовом. Однако в последний период пребывания Апанасенко начдивом шесть в дивизии имели место случаи мародерства, насилия над мирным населением и еврейские погромы. 12 октября 1920 г. был издан приказ Реввоенсовета Первой конной армии № 90-а, в котором говорилось: «Врид. начдива 6 Кавалерийской Апанасенко за преступное систематическое попустительство и бездействие власти, выразившееся в том, что, как выяснилось дознанием Чрезвычайной следственной комиссии РВС и доклад⟨ом⟩ целого ряда ответственных работников, а также личным впечатлением Реввоенсовета, частями вверенной ему дивизии в течение почти 3-х недель производились грабежи, убийства, насилия и др. преступные действия – им, Апанасенко, не было принято никаких серьезных мер к предупреждению и пресечению указанных тягчайших преступлений. Отстранить от должности, немедленно арестовать и предать суду революционного военного трибунала» (РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Ед. хр. 1. Л. 87).

Апанасенко погиб во время Великой Отечественной войны, 5 августа 1943 г.: был смертельно ранен в Белгороде, во время налета вражеской авиации.

[3] *Шеко* Яков Васильевич (1893–1938) – военачальник, участник Первой мировой войны. В Красной армии с июня 1918 г. В августе–сентябре 1920 г. – начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии; перед назначением на эту должность только что приехал в Первую конную после окончания Академии Генштаба. Кавалер двух орденов Красного Знамени. 10 августа 1937 г. был арестован, 5 июня 1938 г. приговорен к высшей мере, в тот же день расстрелян; реабилитирован 18 июля 1956 г.

[4] *Еще впечатление – и тяжкое и незабываемое – приезд на белой лошади Начдива с ординарцами.* – Речь идет об уже смещенном с должности начдиве Тимошенко (см. примеч. 1 к записи от 5 августа). Не исключено, что белая лошадь – это отобранный у командира эскадрона Мельникова конь, о котором говорится в рассказах «История одной лошади» и «Продолжение истории одной лошади».

[5] *Вчерашний бой – блестящий успех 6-й дивизии – 1000 лошадей, 3 полка загнаны в окопы, пр⟨отивни⟩к разгромлен, отброшен, штаб дивизии в Хотине.*– 4 августа 1920 г. в 23 часа в Хотине временно исполняющим должность начдива Апанасенко был подписан приказ № 128 6-й кавалерийской дивизии. В нем говорилось:

«3-го августа 1920 года обнаглевший противник повел ожесточенные атаки со всех сторон, дабы разбить доблестные полки 1-й конной армии.

Ничуть не растерявшись, славные орлы 2-й и 3-й кавбригад, получив приказание изрубить и забрать противника и его технику, лихо бросились в атаку. Часть противника была изрублена, а остальные потоплены в болоте. Захвачено 4 орудия, пулеметы трех неприятельских полков, до 600 лошадей, радиотелеграфная станция и обозы» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 264).

[6] *Хмельницкий* Рафаил Павлович (1898–1964) – военный, генерал-лейтенант. В Красной армии с 1919 г., в период советско-польской войны – адъютант Ворошилова.

[7] *Бой за Броды.* – По всей видимости, Бабель собирался отметить еще что-то в дневнике, так как после этих слов оставлено место. Орловский записал 4 августа: «На рассвете мы повели наступление на Броды. Не хватало патронов и снарядов. Люди очень устали ⟨…⟩ Около 12 часов на наш участок приехал К.Е. Ворошилов. Последний передал категорическое приказание командному и политическому составу, под угрозой расстрела виновных в бездействии, вести наступление на Броды и выбить противника» (*Орловский*. С. 83). Броды, однако, продолжали оставаться в руках поляков. В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 4 августа отмечалось: «В Бродском районе продолжаются упорные бои с значительными силами противника» (Правда. 1920. 5 авг. С. 1).

ХОТИН, 5 АВГУСТА

[1] *Главное – внутренние перемены, все перевернуто. – Начдива жалко до боли…* – 3 августа 1920 г. на заседании Реввоенсовета Первой конной было принято решение «за неоднократное упущение в командовании дивизией» отстранить от занимаемых должностей начдива шесть Тимошенко и начальника штаба дивизии Жолнеркевича и «временно до результатов расследования прикомандировать ⟨их⟩ к резерву чинов Полештарма с 5 августа 1920 г.» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 об.).

Последнее «упущение» в начале августа состояло в том, что Тимошенко не выполнил распоряжения командарма и Реввоенсовета армии, несмотря ни на какие трудности двигаться в обход леса по болотистым местам, а свернул на шоссе. «На моих глазах, – писал о Тимошенко Буденный, – он рос как хороший командир, дисциплинированный и умелый организатор боя. В сложных условиях Тимошенко отлично управлял дивизией, мог сплотить бойцов, направить их волю к единой цели. Не раз и не два видел я, как, воодушевляя конармейцев, он водил их в атаку и проявлял храбрость, достойную восхищения. Но в последнее время он, видно, очень устал и допускал ошибки» (*Буденный 2*. С. 269–270). И далее, задним числом упрощая и смягчая ситуацию, Буденный так описывает обстоятельства смены руководства 6-й дивизии:

«Посоветовавшись, мы с К.Е. Ворошиловым решили отстранить С.К. Тимошенко от командования дивизией.

Для нас это был непростой шаг. Тяжело сознавать, что подвергаешь наказанию боевого заслуженного командира. Но мы считали, что наше решение пойдет на пользу и самому Семену Константиновичу, и другим командирам. Пусть каждый знает, что никакие прежние заслуги не оправдывают малейшего уклонения от выполнения приказов и распоряжений Реввоенсовета. А Тимошенко мы убережем от бесшабашного, рискованного личного участия в атаках, в чем иногда по молодости замечались командиры и комиссары, огорченные строгим разговором с начальниками. К тому же, зачисляя его в резерв, дадим возможность отдохнуть после серьезного физического и морального напряжения» (*Буденный 2*. С. 270).

ХОТИН, 6 АВГУСТА

[1] *Утром уезжает Бахтуров, за ним свита ⟨...⟩ слежу за работой нового военкома, тупой, но обтесавшийся московский рабочий...* – Фамилия нового военкома Винокуров, он находился в этой должности до 4 сентября 1920 г. Орловский записал в дневнике: «Освобожден от должности военкомдива 6 т. Бахтуров, на его место назначен т. Винокуров» (*Орловский*. С. 87).

[2] *Ширяев* Иван был временно исполняющим должность военного комиссара 6-й кавалерийской дивизии с 6 по 13 сентября и с 5 по 18 декабря 1920 г. Он также назван в письме Политотдела Первой конной армии Председателю Ставропольского губисполкома от 21 августа 1920 г. в числе делегатов 6-й кавалерийской дивизии, отправляющихся в Ставрополье для обследования обеспечения семей красноармейцев (см.: РГВА. Оп. 2. Д. 15. Л. 32). Его имя упомянуто в наброске «⟨42⟩ Три военкома».

[3] *Гришин* Петр Капитонович – военный комиссар 3-й кавалерийской бригады 6-й кавалерийской дивизии, кавалер ордена Красного Знамени.

[4] *У всех есть золото, все набрали в Ростове...* – После взятия Ростова красными в городе начались грабежи. 14 января 1920 г. Орловский записал в дневнике:

«Грабежи по городу и пьянство продолжаются. При получении сведения о начавшемся погроме опечатанных магазинов К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный решили лично выехать на место происшествия ⟨...⟩

Приказом РВС Конармии расстреляны 10 бойцов, пойманных с поличным при грабежах. Приказ о расстреле, как и все приказы о восстановлении порядка в городе, широко публикуются для всеобщего сведения» (*Орловский*. С. 36–37).

БЕРЕСТЕЧКО, 7 АВГУСТА

[1] *Русский менаде.* – Возможно, от ивритского слова *менадев*: тот, кто дает деньги, меценат.

[2] *Пий X* (Сарто Джузеппе Мелькиоре; 1835–1914) – папа римский с 4 августа 1903 по 20 августа 1914 г.

[3] *Рембрандт* (Rembrandt) Харменс ван Рейн (1606–1669) – голландский художник.

[4] *Мурильо* (Murillo) Бартоломе Эстебан (1617–1682) – испанский живописец.

[5] *Стейнвей* (Steinway) – всемирно известная марка фортепиано.

[6] *...notre petit héros achève 7 semaines.* – См. рассказ «Берестечко».

[7] *...вспоминаю Гауптмана, Эльгу.* – Гауптман (Hauptmann) Герхарт Иоганн Роберт (1862–1946) – немецкий драматург; «Эльга» – драма Гауптмана (1896).

[8] *...о восстании в Индии.* – Речь идет об антианглийских волнениях в Индии, проходивших с 1919 г.; 26 июля 1920 г. «Индийская революционная партия обратилась с воззванием к английскому пролетариату, в котором она призывает помочь ей освободиться от ярма английских капиталистов» (Известия. 1920. 4 авг. С. 2).

БЕРЕСТЕЧКО, 8 АВГУСТА

[1] *«Журнал для всех»* – ежемесячный научно-популярный и литературный журнал, выходивший в Петербурге в 1895–1906 гг.

[2] *Ведем разведку на Львов.* – В оперативном приказе № 132 по 6-й кавалерийской дивизии, изданном в Берестечке 8 августа в 13 часов и подписанном Апанасенко, говорилось: «Конармии поставлена задача: уничтожить противника и в наикратчайший срок овладеть Львовом» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 273).

[3] *Бой у Радзихова...* – Радзихов – от *польск.* Radziechów. Современное название Радехов (*укр.* Раде́хів). В оперативном приказе по 6-й кавалерийской дивизии № 130 от 6 августа, подписанном Апанасенко, командиру 3-й кавалерийской бригады ставилась задача «двумя эскадронами при пулеметах занять Чуровицы и выслать усиленную разведку не менее одного эскадрона с пулеметами на Лашков–Радзихов. Разведке действовать энергично: уничтожить на пути разъезды противника, осветить указанные пункты и во что бы то ни стало войти в соприкосновение с противником, не прекращая вести наблюдение за ним» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 270).

Буденный вспоминал, что 8 августа «кровопролитные схватки разгорелись на правом фланге армии, где наступали 6-я и 14-я кавалерийские дивизии. Противник упорно сопротивлялся, предпринимал яростные контратаки. Вначале успех сопутствовал нашим войскам, и они прорвались к Радехову. Но в 17 часов до четырех неприятельских конных полков начали теснить 14-ю кавалерийскую дивизию.

Бой длился до глубокой ночи. Атаки противника сменялись контратаками наших частей. Наконец враг не выдержал, начал пятиться, а затем побежал» (*Буденный 2.* С. 285).

[4] *Газеты Московск⟨ие⟩ от 29/VII. Открытие II конгресса III Инт⟨ернационала⟩, наконец осуществленное единение народов, все ясно: два мира и объявлена война.* – Открытие Второго конгресса Коминтерна, состоявшееся 19 июля 1920 г. в Петрограде, освещалось центральными газетами на следующий день, 20 июля. 29 июля «Правда»

и «Известия» поместили материалы о празднествах, состоявшихся в честь конгресса в Москве 27 июля. В период работы конгресса в качестве приложения к газете «Правда» выходил «Вестник 2-го конгресса Коммунистического интернационала», в котором 29 июля были напечатаны статьи К. Радека «Организованная масса», Х. Раковского «Коммунистическое движение в Румынии», обзор заседания конгресса 28 июля, речь Г.Е. Зиновьева и другие материалы.

[5] См. с. 347 наст. изд.

ЛАШКОВ, 10 АВГУСТА

[1] *Разведка на Радзихов, Соколовку, Стоянов, все к Львову.* – В оперативном приказе № 133 по 6-й кавалерийской дивизии, подписанном Апанасенко в Лашкове 10 августа 1920 г., названы Радзихов, Соколовка и другие населенные пункты; в приказе говорилось: «Конармия выполняет задачу в наикратчайший срок овладеть городом Львовом» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 281).

[2] *Получено известие, что взят Александровск...* – Согласно оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 6 августа, Александровск был взят войсками Красной армии 4 августа 1920 г. (см.: Известия. 1920. 7 авг. С. 2).

[3] *Четьи-Минеи* – сборники житий святых, изложенные в порядке празднования их памяти по церковному православному календарю, на все дни года; предназначались, как правило, для домашнего чтения.

[4] *...портрет графа Андрея Шептицкого, митрополита Галицкого...* – Митрополит Андрей (в миру Роман Мария Александр Шептицкий, *укр.* Роман Марія Олександр Шептицький; 1865–1944) – предстоятель Украинской греко-католической церкви (1900–1944), митрополит Галицкий, блюститель Киевского митрополичьего престола.

[5] *Думенко* Борис Мокеевич (1888–1920) – командир конного корпуса Красной армии в период Гражданской войны, один из организаторов кавалерии на Дону; кавалер ордена Красного Знамени. Был осужден и расстрелян 11 мая 1920 г. по обвинению в организации антисоветского мятежа и убийстве комиссара корпуса. В 1964 г. Военная коллегия Верховного суда СССР квалифицировала приговор как необоснованный.

[6] *Ин⟨ститут⟩ он кончит – Апанасенко...* – Действительно, после Гражданской войны, в 1923 г., Апанасенко окончил Военно-академические курсы, в 1932 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе.

ЛАШКОВ, 11 АВГУСТА

[1] *...ночуют кубанцы, странно – смирные и воинственные, домовитые и немолодые крестьяне ясного украинского происхождения. – О кубанцах. Содружество, всегда своей компанией...* – Ср. с воспоминаниями С. Мельникова: «Кубанцы пели протяжно, стройно, мелодично. Пение их, однако, порою смахивало на церковный хор. Донцы пели лихо, с гиканьем и присвистом. Но особенно выразительно и очень своеобразно пели ставропольцы. Они вообще держались особняком, по-семейному» (*Мельников С.* Первая Конная: Из воспоминаний бойца // *Кр. нива.* 1930. С. 7). См. также запись в дневнике Бабеля от 3–5 сентября: «1⟨-й⟩ взвод 1⟨-го⟩ эскадрона. Кубанцы. Поют песни. Степенные. Улыбаются. Не шумят».

[2] *Уточкин* Сергей Исаевич (1876–1916) – один из первых русских авиаторов, футболист, вело-, авто- и мотогонщик; уроженец Одессы; владелец одного из первых автомобилей в Одессе. Выступал с демонстрационными полетами во многих российских городах. Уточкин упомянут в очерке Бабеля «Одесса» (1916), в его рассказах «Справедливость в скобках» (1921) и «Ди Грассо» (1937).

[3] *Шкуро* (наст. фам. Шкура) Андрей Григорьевич (1887–1947) – военный, кубанский казак, участник Первой мировой войны, в годы Гражданской войны – один из руководителей Белого движения. В мае–июне 1918 г. совершал налеты на занимаемые красными Ставрополь, Ессентуки и Кисловодск; в июне 1918 г. отряд Шкуро занял Ставрополь, где соединился с подошедшей Добровольческой армией генерала Деникина. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, группенфюрер СС.

[4] *Мамонтов* (Мамантов) Константин Константинович (1869–1920) – военачальник Русской императорской армии и Донской армии Всевеликого Войска Донского, а также Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), генерал-лейтенант. В январе 1918 г. сформировал партизанский отряд и пробился с ним в Новочеркасск. Неоднократно брал верх над нарождавшимися конными отрядами Буденного и Думенко. После образования ВСЮР и переформирования Донской армии, с 23 февраля 1919 г. – командующий 1-й Донской армией. Затем командир 2-го сводного казачьего корпуса. В июле 1919 г. назначен командиром 4-го Донского конного корпуса. Осенью 1919 г. получил назначение на пост командующего конной группы, в состав которой входили 4-й конный корпус Мамонтова, остатки 3-го конного корпуса Шкуро и сводная кавалерийская дивизия. В декабре группа была передана в распоряжение командующего Кавказской армией барона Врангеля, который отобрал командование группой у Мамонтова, оставив его командиром 4-го конного корпуса и подчинив младшему по службе генералу С.Г. Улагаю. В январе 1920 г. в Екатеринодаре Мамонтов заболел тифом, 1 февраля умер.

ЛАШКОВ, 12 АВГУСТА

[1] *…сваренный ребенок…* – Вероятно, имеется в виду «вареный, вялый, безжизненный».

[2] *Пишу – все о трубках, о давно забытых вещах…* – Этот замысел времен польской кампании был воплощен Бабелем в 1931 г., в рассказе «В подвале». См. примеч. 6 к наброску «⟨54⟩ Чехи».

НИВИЦА, 13 АВГУСТА

[1] *Ночью приказ – двигаться на Буск – 35 верст восточнее Львова. – Утром выступаем. Все три бригады сосредоточены в одном месте.* – Директива командующего Юго-Западным фронтом ставила задачу Первой конной армии «в кратчайший срок мощным стремительным ударом уничтожить противника на правом берегу реки Буг, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов» (*Буденный 2.* С. 294).

«Планируя операцию, – вспоминал Буденный, – мы решили на первом этапе главный удар нанести тремя кавалерийскими дивизиями в стык между 3-й и 6-й польски-

ми армиями. После разгрома противостоящих войск намечалось выйти к переправам от Добротвора до Буска, форсировать Буг и занять плацдарм на западном берегу» (*Буденный 2.* С. 194). В полдень 12 августа был подписан оперативный приказ № 100 по Конармии, согласно которому «правофланговая 14-я кавалерийская дивизия получила задачу овладеть районом Радехов–Холоюв, а ее передовым частям предстояло захватить переправы через Западный Буг на участке Добротвор–Соколь. 6-я дивизия должна была взять Буск, форсировать Буг и захватить плацдарм. В затылок ей для поддержки и развития успеха выдвигалась 4-я дивизия. После выхода к реке Западный Буг она должна была овладеть переправами от Буска до местечка Белый Камень. 11-й кавалерийской дивизии следовало при содействии бронепоездов выбить противника из города Броды, а затем стремительно наступать на Буск вслед за 4-й дивизией» (*Буденный 2.* С. 294–295).

Поздно вечером части вышли в указанные районы, начдивы получили приказ и готовы были с утра перейти в наступление (Там же. С. 295).

[2] *Упорный бой и все же легкий (по сравнению с империал⟨истической⟩ бойней) под Топоровым, берут с трех сторон, не могут взять...* – Буденный вспоминал: «На направлении нашего главного удара 6-я кавалерийская уже к середине дня вышла на рубеж реки Родостовка, овладела селами Полоничная, Пустельники, Нивицы и завязала бой за сильно укрепленный Топоров, охватывая его с севера-запада и севера-востока. Вечером 2-я бригада даже ворвалась на северную окраину Топорова, но полностью овладеть селом ей не удалось» (*Буденный 2.* С. 296).

[3] *...прервал писанье, в 100 шагах разорвались две бомбы, брошенные с аэроплана. Мы у опушки леса с⟨еверо-⟩зап⟨аднее⟩ Майданы ст⟨арые⟩...* – Ср. с неоконченным и неотправленным письмом, адресованным, вероятнее всего, жене Евгении Борисовне:

«В заголовке мне сегодня надо писать так: опушка леса, что северо-западнее Майданы старые. Здесь в лесу вместе со штабными эскадронами стоит штаб дивизии с утра… Целые дни мы ездим из одной бригады в другую, смотрим на бои, пишем сводки, ночуем у ⟨*нрзб.*⟩ в лесах, утекаем от аэропланов, швыряющих в нас бомбы. Над нами пленительные небеса, нежаркое солнце, вокруг дышит сосна, фыркают сотни степных коней, тут бы жить, а наши все мысли направлены к убийству ⟨…⟩

⟨*Нрзб.*⟩ очнулся, в груди бушует сто лошадиных сил, я снова думаю свою думку и черта-два, то есть две бомбы, которые разорвались полчаса т⟨ому⟩ н⟨азад⟩ в ста шагах от нас, не могут помешать мне» (цит. по: *Ливщиц Л.Я.* Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 123).

Ср. также с воспоминаниями Буденного об этих днях: «Противник ⟨…⟩ имел много артиллерии и пулеметов. К тому же достаточно хлопот доставляла нам польская авиация. Группами по 4–5 аэропланов она бомбила и обстреливала из пулеметов наши наступавшие части» (*Буденный 2.* С. 297).

14 АВГУСТА

[1] *Пр⟨отивни⟩ком взят Лопатин. – К вечеру выбили.* – Накануне вечером, 13 августа, в село Лопатин перешли Особая кавбригада, Реввоенсовет и полевой штаб армии, там же находились Буденный и Ворошилов. Пользуясь густым туманом, в ночь на 14 августа противник вплотную подошел к заставе, выставленной Первой конной, и к 9 часам утра

(по другим сведениям, к 11 часам) занял село. Вечером 14 августа частями 4-й кавалерийской дивизии поляки были выбиты из Лопатина (подробнее см.: *Буденный 2*. С. 297–303; *Орловский*. С. 88–90).

17 ⟨АВГУСТА⟩

[1] *Ночевка в Задвурдзе.* – Именно так название населенного пункта неоднократно дается в дневнике. Скорее всего здесь и далее речь идет о селе Задворье Бусского района.

18 АВГУСТА

В этой дневниковой записи отражены события, произошедшие с 13 по 21 августа.

[1] *Атака на Топоров в лоб, Колесников в атаку, болото, я на наблюдательном пункте, к вечеру ураганный огонь из двух батарей.* – Буденный вспоминал, что 13 августа Первая конная «начала наступление лишь утром. 14-я и 6-я кавдивизии находились восточнее Радехова–Топорова и только завязали бой с арьергардами противника, отходившего за Буг» (*Буденный 2*. С. 310). В оперативной сводке 3-й кавалерийской бригады 6-й дивизии от 14 августа 1920 г., составленной в Нивице, сообщалось: «В 7 часов 13 августа части бригады, согласно оперативного приказа по 6-й дивизии № 136, выступили с мест своих стоянок и в 8 часов 30 мин. сосредоточились на южной окраине сел. Лопатин, откуда двинулись на сборный пункт дивизии в сел. Троица. По прибытии в Троица в 11 час. 30 мин. была выслана бригадная разведка при 2-х пулеметах по дороге на Топоров; не доходя двух верст до Топоров разведка встретилась с противником, который стал ее обстреливать ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем ⟨...⟩ В 14 часов 30 мин. был выслан заслон влево против Лясове, который обнаружил разъезды противника в Лясове–Базаны. В 15 часов 30 мин. было пущено в цепь еще два эскадрона пеших, которые совместно с двумя ранее посланными эскадронами перешли в решительное наступление при поддержке ураганного артиллерийского огня нашей 2-й батареи. Противник, подпустив наши цепи до северо-восточной окраины болота (что возле Топоров), открыл ураганный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь из 6-ти орудий, принудил наши части отойти в исходное положение. В 18 часов был спешен весь 33-й кавполк при всех имеющихся в этом полку батареях, а также один эскадрон 34-го кавполка и снова при поддержке огня нашей батареи, была попытка занять Топоров, но и эта попытка, как и прежняя, не имела успеха, ввиду неблагоприятной для нас местности и удобной позиции для противника» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 14. Л. 619).

[2] *Там надо произвести главную операцию – переправиться через Буг.* К этому времени поступило распоряжение главкома о переподчинении Первой конной Западному фронту (см. примеч. 15 к наст. записи). Буденный вспоминал: «...Первая Конная и 12-я армии подчиняются командзапу с целью координации действий всех советских войск на польском фронте, а задача наша остается прежней. Мы отдали распоряжение дивизиям продолжить наступление и форсировать Западный Буг» (*Буденный 2*. С. 311).

[3] *Мы на опушке леса, кони жуют, герои дня аэропланы, авдеятельность все усиливается, атака аэропланов, беспрерывно курсируют по 5–6 шт⟨ук⟩, бомбы*

в 100 шагах... – Ср. с воспоминаниями Буденного: «С утра 15 августа Конная армия продолжала развивать наступление. Противник упорно сопротивлялся на заранее подготовленных оборонительных позициях. Начальники 4-й и 6-й дивизий доносили, что польские аэропланы постоянно висят в воздухе и обстреливают наши войска из пулеметов, забрасывают их бомбами, нанося потери, особенно конскому составу» (*Буденный 2*. С. 313).

[4] *...книжки Бебеля – Женщина и социализм.* – Бебель Август (1840–1913) – деятель германского и международного рабочего движения, марксист, социал-демократ, один из основателей и руководителей социал-демократической партии Германии, один из инициаторов создания и лидеров Второго интернационала. «Женщина и социализм» (1878) Бебеля – одна из наиболее известных книг марксистской литературы.

[5] *Из Топорова – леса, дороги, штаб у дороги, ординарцы, комбриги, мы влетаем на рысях в Буск ⟨...⟩ в его восточную половину.* – По воспоминаниям Буденного, к вечеру 15 августа «14-я дивизия, преодолев большой лесисто-болотистый массив, отбросила конницу противника на левый берег Западного Буга в Добротвор. Южнее бригады 6-й кавалерийской ворвались в Буск и вели там ожесточенный бой. 4-я дивизия, оказывая поддержку 6-й и ликвидируя оставшиеся в тылу разбитые группы противника, заняла район в 6–7 километрах северо-восточнее Буска» (*Буденный 2*. С. 313–314).

[6] *...идет совещание с Буденным, выходит Реввоенсовет...* – Реввоенсовет и полевой штаб армии рано утром 16 августа перешли в село Адамы, где и проходило совещание о дальнейшем ходе операций (см.: *Буденный 2*. С. 314–315; *Орловский*. С. 90–91).

[7] *Буск в лоб не взяли...* – По свидетельству Буденного, «все попытки форсировать Буг на плечах отступавшего неприятеля не увенчались успехом ни в Добротворе, ни в Буске. Западный берег Буга был более высоким. К тому же у мостов и бродов противник сильно укрепился. Основу его обороны составляли построенные еще в годы мировой войны бетонированные пулеметные гнезда, державшие переправы под пулеметным огнем» (*Буденный 2*. С. 314).

[8] *1⟨-я⟩ бриг⟨ада⟩ нашла брод и переправилась через Буг у Поборжаны.* – Буденный вспоминал о том, что, услышав артиллерийскую канонаду, собирался ехать к тому месту, где вела бой 6-я дивизия. Однако в этот момент начальник полештарма С.А. Зотов сообщил о донесении, полученном из дивизии о форсировании вплавь реки в районе села Поборжаны (Побужаны) и продолжении боя на западном берегу Буга (см.: *Буденный 2*. С. 315).

[9] *...как напомнили они мне сестер Шапиро из Николаева...* – В Николаеве Бабель в детстве прожил примерно десять лет: родители увезли его из Одессы не позднее осени 1895 г., вернулся он в Одессу в конце 1905 г. Будущий писатель начал свое обучение в Николаевском коммерческом училище и окончил там первый класс.

[10] *Гонят пленных, их раздевают...* – 22 августа 1920 г. был издан приказ № 81 Реввоенсовета Первой конной армии, в котором говорилось:

«Несмотря на категорический приказ РВС прекратить раздевание пленных польских солдат, несмотря на приказ Председателя Революционного Военного Совета Республики тов. Троцкого о товарищеском отношении к пленным, в армии имеют место случаи раздевания пленных.

Больные от холода, раздетые до белья, голодные, идут они в тыл молчаливыми свидетелями творящихся безобразий в армии. Товарищи, вы знаете, что советская власть не может допустить, чтобы польские солдаты, завтрашние строители советской Польши,

ходили бы в тылу раздетые ⟨...⟩ Вы знаете, что мы боремся с польскими помещиками и магнатами за освобождение польских рабочих и крестьян, за торжество рабоче-крестьянской власти советской Польши ⟨...⟩

Как же вы, зная это, позволяете на ваших глазах проделывать дело, позорящее вас, армию и Республику. Это раздевание раз навсегда нужно бросить не завтра, а сегодня ⟨...⟩

Сражаясь с нами в последнем бою за свои хищнические интересы, польские помещики и капиталисты палочной дисциплиной, при содействии своих капралов и сержантов ведут против нас обманутых своих польских рабочих и крестьян.

Польский пролетариат, удушаемый сейчас польскими белогвардейцами, еще слишком слаб для того, чтобы самостоятельно сбросить с себя цепи рабства, и в этом вы, славные бойцы, ему помогаете.

В устранение замеченных безобразий РВС обращается с призывом к вам, красные бойцы, прекратить этот позор, и в последний раз комиссарам приказывает:

1) Рассматривать лично или через ответственное лицо пленных, взятых своей частью, при отправлении их в штаб высшего командования.

2) Назначать при сопровождении надежный караул и одно ответственное лицо, коему давать сведения о состоянии одежды пленных, бывшей на них в момент взятия в плен.

3) Штаб⟨ам⟩ высшего командования при приеме пленных обязательно требовать от сопровождающего сведения об одежде и в приемной расписке указать целость или недостаток такового.

4) Ввиду того, что означенные случаи раздевания пленных за линией огня красноармейцами обозов, немедленно принимать меры к аресту и задержанию лиц, виновных в этом, взыскивая за недосмотр с сопровождающего пленных.

5) Предавать суду и карать мерами полной дисциплинарной власти тех, кто будет замечен в невыполнении настоящего приказа, посылая именные сведения на виновных ⟨в⟩ Политотдел для заведения на черную доску. Это требу⟨ю⟩т интересы Революции и славное имя Конармии.

Настоящий приказ прочитать во всех полках, батареях, эскадронах и взводах. Поарму опубликовать для широкого распространения ⟨в⟩ отдельной листовке» (РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Д. 1. Л. 76 об., 77, 77а, 77а об.).

[11] *...поляки, гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩, защищаются аэропланами ⟨...⟩ Новое применение авиации, вспоминаю Мошера, капитан Фонт-Ле-Ро во Львове...* – Ср. с записью в дневнике Орловского от 21 августа: «Наши потери у Львова громадны. Особенно велики потери от аэропланов, эскадрильи которых с утра до вечера бомбили части и их обозы. К.Е. Ворошилов передавал, что можно было видеть, как аэропланы, израсходовав запас бомб, возвращались во Львов и через непродолжительное время вновь начинали бомбежку частей. Средства для борьбы против аэропланов у Конармии ничтожны. Запфронт обещает прислать зенитные батареи» (*Орловский*. С. 94). См. также примеч. 1 к дневниковой записи от 14 июля и примеч. 9 к рассказу «Эскадронный Трунов».

[12] *Бои за Баршовице. После дня колебаний к вечеру поляки колоннами пробиваются к Львову ⟨...⟩ Болото с одной стороны, губительный огонь с другой.* – Речь, по всей видимости, идет о событиях 18 августа, о которых Буденный вспоминал:

«...4-й и 6-й дивизиям неприятель оказывал ожесточенное сопротивление. Свыше двадцати аэропланов беспрерывно летали над полем боя и бомбили, обстреливали наши боевые порядки. Большую опасность представляли польские бронепоезда. Под прикрытием их огня пехота противника настойчиво пыталась вклиниться в стык между 6-й и 4-й дивизиями. Чтобы ликвидировать эту угрозу и поддержать наступление передовых наших соединений, мы решили ввести в бой Особую кавалерийскую бригаду. Я вызвал комбрига К.И. Степного-Спижарного и приказал ему наступать вдоль железной дороги на Борщовичи.

Через полчаса бригада выступила. В голове колонны Сибирского полка двинулись и мы вместе с эскадроном Реввоенсовета.

Трудно было красноармейцам пробираться вдоль железнодорожной насыпи. Укрывшийся в выемке бронепоезд обстреливал подступы к станции и деревне, прикрывая засевшую в окопах пехоту.

Попытка обойти станцию с юга в конном строю кончилась неудачно – лошади вязли в болоте. Тогда я посоветовал комбригу спешить Сибирский полк и направить его севернее дороги, а для поддержки наступления подтянуть артиллерию и боевые порядки.

Маскируясь кустарником, бойцы Сибирского полка подобрались к выемке и залегли. Вскоре подошла батарея. После первого выстрела вражеский паровоз зачихал и дал задний ход. Воспользовавшись этим, конармейцы бросились в атаку и овладели станцией.

В это же время Особый полк атаковал в конном строю и захватил деревню Борщовичи. Преследуя отступающего противника, бригада захватила поврежденный бронепоезд, взяла пленных. А к 16 часам сходу овладела деревней Прусы, всего в 7 километрах от Львова ⟨...⟩

Южнее шел бой. Вела огонь артиллерия, к небу поднимались черные столбы дыма. Там наступала 6-я дивизия. Успех особой кавбригады озадачил противника, и, опасаясь флангового удара со стороны Прусы, под прикрытием бронепоездов он начал отходить к Львову» (*Буденный 2*. С. 325–326).

[13] *Праздник Спаса – 19 Авг⟨уста⟩...* – 19 августа христиане отмечают один из первых праздников урожая – Яблочный Спас, означающий, по народным поверьям, наступление осени и преображение природы. У восточных славян только с этого дня позволялось есть яблоки и блюда, приготовленные из плодов нового урожая; в этот день они освящаются в церкви.

[14] *Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе.* – По свидетельству Буденного, штурм Львова был назначен на 19 августа:

«11-я и 6-я дивизия теснили противника к Львову. 4-я уже прижимала неприятельские войска к северо-восточным окраинам города.

Труднее было контратакованным 14-й дивизии и Особой бригаде ⟨...⟩

Разобравшись в обстановке, мы приказали начдиву 6 И.Р. Апанасенко одну бригаду оставить на занимаемом рубеже, а главные силы двинуть в Борщовичи. Оттуда вместе с особой бригадой наступать через Прусы и овладеть восточной окраиной Львова. 11-й дивизии и оставшейся бригаде 6-й кавалерийской ставилась задача овладеть Львовом ударом с юго-востока. Части Ф.М. Литунова должны были охватить город с северо-востока ⟨...⟩

Весь день продолжался штурм ближайших подступов к Львову. Бои отличались невиданным ожесточением и кровопролитностью. Конармейцы потеряли счет своим атакам. Но противник держался очень упорно и, не считаясь с потерями, отстаивал каждую позицию.

Обе стороны несли тяжелые потери. У нас выбыло из строя много командиров и комиссаров. Из всех дивизий тянулись повозки, перегруженные ранеными. В полештарм пришла горькая весть о гибели прославленного начальника 4-й кавалерийской дивизии Ф.М. Литунова ⟨…⟩

19 августа под стенами Львова погиб и другой верный сын нашей партии, заместитель начальника политотдела Конармии, главный редактор газеты "Красный кавалерист" И.Д. Перельсон» (*Буденный 2*. С. 331–332, 333).

[15] *Приказ – всей Конармии перейти в распоряжение запфронта. Нас двигают на север – к Люблину.* ⟨...⟩ *Нас заменит 14⟨-я⟩ армия.*– 12 августа командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров направил главкому С.С. Каменеву докладную записку, в которой говорилось:

«Складывающаяся боевая и военно-политическая обстановка вызывает необходимость рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании 1 Конармии. Считаю вполне возможным:

1. Боевой участок, занимаемый ныне 1 Конармией, передать 14 армии вместе с частями 45, 47 стрелковых и 8 кавалерийской дивизий.

2. 1 Конармию без одной кавдивизии сосредоточить немедленно в районе Проскурова, где она, оставаясь в резерве фронта, составит маневренную группу для действий на случай выступления Румынии. Наиболее вероятным районом первоначальных действий румын можно считать участок Днестра Хотин–Сороки.

3. С другой стороны, сосредоточение 1 Конармии в резерв фронта позволяет базироваться на ней как на ближайшем источнике для усиления конницей Крымского участка.

4. Одну из кавдивизий (желательно 6-ю) нахожу необходимым начать перебрасывать по железной дороге в район Каховки безотлагательно» (*Директивы*. С. 251–252).

В записке речь шла не о переподчинении Первой конной, а об изменении ее боевого участка. И тем не менее 13 августа директивой главкома Каменева армия передавалась в распоряжение командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского, который рассчитывал направить ее для разгрома люблинской группировки противника, угрожавшей его левому флангу. В тот же день, 13 августа, была издана директива по Юго-Западному фронту о передаче 12-й и Первой конной армий в подчинение командованию Западного фронта (см.: *Директивы*. С. 254). Однако на деле Первая конная продолжала находиться в составе Юго-Западного фронта. Против переподчинения Первой конной Западному фронту выступали Сталин и Егоров. Еще 8 августа Орловский записал в дневнике: «Ночью прибыли в Бердичев. Из переговоров с т. Сталиным выяснилось, что нашу армию сначала хотели подчинить Запфронту, но затем решили оставить в распоряжении главкома, не давая ей определенного боевого участка» (*Орловский*. С. 85). В докладной записке командования Юго-Западного фронта от 13 августа 1920 г., подписанной в г. Александровске командующим фронтом Егоровым и членом Реввоенсовета Республики Сталиным, говорилось: «Армии Югзапфронта выполняют основную задачу овладения район⟨ами⟩ Львов – Рава Русская и втянуты уже в дело» (*Директивы*. С. 253). Командованию Первой конной стало известно о распоряжении главкома только

14 августа (см.: *Буденный 2.* С. 303; *Директивы.* С. 255–256). Ср. также с более поздними записями в дневнике Орловского:

«*17 августа.* Сегодня по Конармии издан приказ 101/оп., в котором частям ставилась задача овладеть Львовом. Для выполнения этой задачи Конармия разделена на две группы, действующие в разных направлениях: с северной и северо-западной стороны противника должна преследовать на Яворов 4-я кавдивизия, а с юго-восточной стороны на Городок – 6-я дивизия. 14-й кавдивизии приказано переправиться через р. Буг, прикрывая с севера операции 4-й кавдивизии. 11-я кавдивизия должна идти уступом за 6-й дивизией, двигаясь на Ушики-Виннички, что в 10 км юго-восточнее Львова. Кавбригада т. Степного – сосредоточиться в Поборжаны и ожидать там распоряжений о движении на Львов по шоссе. Комгруппы Львовского направления т. Якиру – решительным наступлением в направлении Бобрка в кратчайший срок приказывалось овладеть линией Львов–Бобрка–Стржелиска, где, закрепившись, войти в подчинение командарму 14.

Сегодня получена директива от командующего Запфронтом т. Тухачевского, в силу которой армия, не доходя до Львова, должна произвести перегруппировку и идти в направлении Владимир-Волынский. Это обстоятельство вызывается тем, что в районе Люблина появилась вновь сформированная армия противника ⟨...⟩ потеснившая части 12-й армии, оставившей г. Грубешов. РВС Конармии, поставленный в полную невозможность произвести перегруппировку, решил закончить Львовскую операцию и тогда начать движение в указанном директивой фронта направлении ⟨...⟩

Противник потеснил 2 бригады 4-й кавдивизии и накопил довольно значительные силы на нашем левом фланге, задавшись целью отрезать Конармию от переправ на Буг. Львов и Варшава, по-видимому, падут одновременно ⟨...⟩

18 августа. Все дивизии заняты проведением операции по взятию Львова. 4-я кавдивизия сбила противника и находится в 8–10 км от Львова. Противник усиленно обороняется на подступах к нему, пытаясь вернуть себе инициативу ⟨...⟩ Лозунг "даешь Львов" стал за последние дни самым популярным в армии ⟨...⟩

19 августа. Передовые части Конармии находятся от Львова в 5 км. Подробных сведений об операции нет. К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный все еще на фронте. Сегодня поступило сообщение фронта, что Троцкий требует ускорения выполнения директивы фронта о движении Конармии на Владимир-Волынский, даже если бы и не удалось взять Львов. Сегодня издан предварительный приказ по Конармии об отходе ее с позиции с рассветом 20-го. В этом же приказе объявлялась благодарность РВС Конармии 45-й стр⟨елковой⟩ дивизии, отходящей к 14-й армии.

Благополучно ли пройдет обнажение львовского направления Конармией? Противник непрерывно гвоздит по наступающим частям Конармии артиллерийским и пулеметным огнем и бомбами с аэропланов. Потери от огня значительные. РВС Конармии стоит на той точке зрения, что нет никакого смысла не брать теперь Львов, когда затрачено так много усилий и жертв на подготовку и начало этой операции. Кроме того, ясно, что директива фронта явно запоздала и теперь ее несомненно трудно выполнить. РВС опасается, что отвод частей из-под Львова подорвет политико-моральное состояние армии. Но с другой стороны, РВС сознает необходимость спешного движения навстречу Люблинской группе, зная, что последствия промедления Конармии будут возложены на нее.

20 августа. Наша армия все еще стоит у Львова. После безуспешных попыток взять его с северной и южной сторон командармом была направлена 11-я кавдивизия

в обход, чтобы взять Львов с западной стороны. К вечеру дивизия достигла передовыми разъездами д. Зарневка, что в 3 км к юго-зап. от Львова.

С фронта приехали К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный ⟨…⟩ Издан приказ по Конармии о движении частей за р. Буг, в район Владимира-Волынского с таким расчетом, чтобы в 3–4 перехода сосредоточиться там» (*Орловский*. С. 91–93).

Буденный писал об этом так: «В сложившейся к 19 августа обстановке, по нашему твердому убеждению, единственно правильным решением было продолжать наступление на Львов и какой угодно ценой овладеть им. Это привело бы к разгрому львовской группировки неприятеля и укреплению Юго-Западного фронта. Больше того, захват Львова создавал угрозу правому флангу и глубокому тылу противника, оперировавшего против наших армий на варшавском направлении. В этом случае белопольское командование неизбежно вынуждалось на переброску значительных сил в Львовский район с севера, что, безусловно, должно было облегчить положение отступавших соединений Западного фронта» (*Буденный 2*. С. 335–336).

АДАМЫ, 21 АВГУСТА

[1] *Русины* – «…употребляемое преимущественно поляками и немцами название русского населения австро-венгерских земель, в отличие от русских (русских подданных)…» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVII. С. 296).

[2] *Комартдивизион* – командир артиллерийского дивизиона.

[3] *Опрвоенком* – вероятно, военный комиссар продовольственного отряда.

[4] *Что отец? Неужели все отобрали?* – Отец писателя Эммануил Исаакович Бабель до революции был предпринимателем, торговал сельскохозяйственной техникой. В книге Одесского ЗАГСа за 1924 г., в записи о его смерти от 3 марта, в графе «Род занятия умершего» значится: «Кустарь-одиночка» (ГАОО. Ф. 39. Оп. 5. Д. 70).

АДАМЫ, 22 АВГУСТА

[1] *Муравьев* Михаил Артемьевич (1880–1918) – офицер Русской императорской армии, революционер (эсер). После Октябрьской революции предложил свои услуги большевистскому правительству; в годы Гражданской войны командир отрядов Красной гвардии и Красной армии. 13 июня 1918 г. был назначен командующим Восточным фронтом; 10 июля того же года поднял антибольшевистский мятеж. Погиб 11 июля при задержании, оказав сопротивление (по другим версиям, покончил с собой).

[2] *Каптёр* – то же, что каптенармус, унтер-офицерский чин, воинское звание и воинская должность в ряде армий и флотов, ответственный за хранение и выдачу имущества и продовольствия.

[3] *Фуражир* – нижний чин в армии, заведующий фуражом.

ВИТКОВ, 23–24 АВГУСТА

[1] *Идем в район Красностав–Люблин. Взяли армию, находивш⟨уюся⟩ в 4 верстах от Львова.* – По свидетельству Буденного, отход армии от Львова сильно ударил по моральному состоянию конармейцев: «До последнего дня наши приказы требовали

полного напряжения сил для овладения Львовом. Командиры, комиссары и коммунисты сумели поднять бойцов на выполнение этой трудной задачи. Было много сделано, наступление к Львову стоило нам больших жертв. Но когда город вот-вот уже должен был пасть, поступил приказ на отход. Конармейцы сразу не могли осознать, почему мы сами отдаем инициативу в руки противнику» (*Буденный 2*. С. 343). См. также примеч. 15 к дневниковой записи от 18 августа.

[2] *Дорога в Витков.* – Для выполнения директивы командующего Западным фронтом командарм Первой конной поставил дивизиям оперативные задачи, в частности 6-я дивизия к 13 часам 23 августа должна была «сосредоточиться в районе Корчин–Витков (в 20 км южнее г. Сокаль) и передовыми частями захватить переправы через р. Зап. Буг на участке Кристинополь–Селец–Беньков» (*Клюев*. С. 125).

[3] *...армприказ комбригу 1, 2, 3...* – Скорее всего, речь идет о приказах не по армии, а по 6-й кавалерийской дивизии, в которых трем бригадам ставились определенные оперативные задачи.

СОКАЛЬ, 25 АВГУСТА

[1] *... посылает его к и м...* – Сокращенное Бабелем нецензурное выражение.

[2] *...juden.* – Вероятно, описка, – надо: jüdisch («еврейские»).

СОКАЛЬ, 26 АВГУСТА

[1] *...знаменитый Белзский раввин...* – См. примеч. 3 к рассказу «Эскадронный Трунов».

[2] *Умеренные за Гусятинского раввина.* – См. примеч. 4 к рассказу «Эскадронный Трунов».

[3] *Сестра – 26 и 1.* – Вероятно, аллюзия на произведение Горького «Двадцать шесть и одна» (1899).

27 АВГУСТА

[1] *Едем на северо-запад. Полдня в обозе. Движение на Лащов, Комаров. Утром выехали из Сокаля.* – По свидетельству Клюева, «26 августа Конармия ввиду сильного дождя задержалась в районе Варенж–Сокаль–Витков и только утром 27-го выступила на Тышовцы–Лащев. Дороги для движения были чрезвычайно тяжелы» (*Клюев*. С. 126).

КОМАРОВ, 28 АВГУСТА

[1] *Льох* – традиционные в этих краях способ и место хранения продуктов: вырытое в земле углубление, без четкой формы и размера, своего рода аналог норы или берлоги животного.

[2] *Вступаем с начдивом, красный башлык, в Комаров.* – Буденный писал о сложившейся на тот момент оперативной обстановке: «В центре две самые крупные и наиболее опытные дивизии – 4-я и 6-я – должны были наступать на северо-запад и к исходу 28 августа овладеть Чесниками и Комаровом, в 15–20 километрах восточнее Замостья» (*Буденный 2*. С. 352).

[3] *Здесь вчера были казаки есаула Яковлева. Погром.* – Буденный вспоминал, что 29 августа в Комарове окружившие их с Ворошиловым жители «наперебой рассказывали о страшных злодеяниях, чинимых белогвардейцами из бригады есаула Яковлева. Казаки устроили в Комарове жестокий погром. Они изнасиловали большинство женщин и девушек, вырезали 30 еврейских семей» (*Буденный 2*. С. 355).

КОМАРОВ, ЛАБУНЕ, ПНЕВСК, 29 АВГУСТА

[1] *Тефилин* (или тфилин) – см. примеч. 12 к рассказу «Сын рабби».

[2] *Солтыс* – в западных губерниях низший полицейский служитель, сотский; в Польше выборное лицо в сельском сходе.

[3] *Операция на Замостье. Мы в 10 в⟨ерстах⟩ от З⟨амостья⟩.* – Клюев писал:

«28 августа армия с боями (по приказу № 0108/оп.) продвинулась на г. Замостье; к ночи на 29 августа она достигла линии Котлице–Комаров–Рахане; за день были захвачены пленные 2-го и 4-го полков 2-й дивизии легионеров, 1-го Терского и 2-го Донского полков казачьей бригады Яковлева, 30-го полка 10-й пехдивизии.

Перед фронтом Конармии в районе г. Замостье действовали части 10-й пехдивизии и 2-й дивизии польских легионеров; остатки разбитой казачьей бригады отходили к Замостью ⟨...⟩

С рассветом 29 августа (по приказу № 0109/оп.) Конармия должна была двинуться двумя колоннами: правой – 14-я и 4-я кавдивизии – восточнее шоссе Замостье–Красностав, а левой – в составе 6-й и 11-й – по шоссе на Замостье» (*Клюев*. С. 127).

Вечером 29 августа начальник полевого штаба армии Зотов сообщил Буденному и Ворошилову о том, «что 6-я дивизия вышла на подступы к Замостью, но овладеть им не смогла» (*Буденный 2*. С. 356). Однако, как резюмировал Буденный, 6-я и 11-я дивизии «выполнили задачу дня и вышли в район Замостья» (Там же).

[4] *Тревожные новости с запфронта. Поляки взяли Белосток.*– 28 июля 1920 г. Белосток был занят Красной армией, примерно через месяц, 23 августа, возвращен под свой контроль Польшей.

[5] *Разграбленное поместье Кулачковского у Лабуньки.* – В оперативном приказе № 147, изданном в селе Василове 28 августа и подписанном Апанасенко (см. примеч. 1 к рассказу «Замостье»), значится населенный пункт Лабунки: «Сторожевое охранение выставить на линии Лабунки–Раходоще–Красноброд–Шароволя – Вепржов...» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 378).

[6] *...конституция, утвержденная сеймом в начале 18 в⟨ека⟩...* – Вероятно, описка, и речь, скорее всего, идет о конституции конца XVIII в., принятой Четырехлетним сеймом (1788–1792) и ратифицированной 3 мая 1791 г.

30 АВГУСТА

[1] *Операция на Замостье продолжается.* – «30 августа, – писал Клюев, – после упорных боев с наступавшим противником Конармия заняла район, прилегавший с юга, юго-востока и севера к г. Замостью, перерезав железную дорогу Замостье–Белгорай у ст. Завады, захватила бронепоезд противника и взяла 200 пленных» (*Клюев*. С. 127). Однако в это время группа генерала Юзефа Галлера (Халлера) «перешла в наступление с юга и к вечеру 30 августа заняла район Комаров–Тышовце, отрезав Конармии пути отхода

к югу. С северо-востока районом м. Грабовец овладела 2-я пехотная дивизия легионеров. При дальнейшем движении к северу Конармия могла быть зажата в кольцо» (Там же).

[2] *Погода по-прежнему ужасная, дождь, слякоть, дороги непроходимы...* – Клюев свидетельствовал: «Конармия за время действий на польском фронте второй раз очутилась в тылу у противника, но между прорывом майским (на Житомир–Бердичев) и августовским была большая разница. Там был прорван фронт противника, здесь же армия очутилась среди наступавших частей противника, получившего свежие подкрепления, отлично снабженные техникой при обилии огнеприпасов. Кроме того, этот рейд армии пришлось совершать в условиях разбушевавшейся стихии, которая непрерывными дождями 30 и 31 августа сделала весь лесисто-болотистый район непролазной грязью, чем сильно затруднялось маневрирование армии» (*Клюев*. С. 128).

[3] *Мы в 3 верстах от Замостья, ждем взятия города...* – 30 августа начальник 6-й дивизии Апанасенко находился на хуторе Пневек, куда к нему приехали Буденный и Ворошилов. Все три бригады наступали на Замостье, но безрезультатно. «Упорная оборона противника в Замостье, появление неприятельской пехоты южнее его и вероятное ее движение на соединение с замостьевским гарнизоном создавали угрозу изоляции 6-й дивизии от главных сил армии» (*Буденный 2*. С. 358). Командарм приказал Апанасенко «оттянуть находившиеся за Замостьем две бригады, закрепиться на рубеже восточнее местечка и войти в огневую связь с 4-й кавдивизией» (Там же. С. 359).

[4] *Левда* Яков Антонович – организатор и командир добровольных кавалерийских отрядов в Белгородском уезде, впоследствии влившихся в Первую конную армию. С 10 по 27 марта 1920 г. был временно исполняющим должность начальника 14-й кавалерийской дивизии, в августе 1920 г., как явствует из дневниковой записи Бабеля, Левда был командиром 3-й бригады 6-й кавалерийской дивизии.

ЧЕСНИКИ, 31 АВГУСТА

[1] *Армприказ – оставить ⟨...⟩ Замостье, идти на выручку 14⟨-й⟩ дивизии, теснимой со стороны Комарова.* – По свидетельству Буденного, «приказ предписывал 14-й дивизии сменить 4-ю южнее Грабовца, а 11-й вместо 6-й занять рубеж восточнее и северо-восточнее Замостья. Затем 6-я дивизия из района Замостья, а 4-я от Грабовца должны были нанести одновременный удар по Комарову. Особая бригада имела задачу удерживать позиции севернее Комарова, чтобы прикрыть развертывание 4-й дивизии» (*Буденный 2*. С. 360–361).

[2] *Предстоит атака. Бригады накапливаются в лесу – версты 2 от Чесники.* – Буденный вспоминал: «Обнаружив отход 11-й дивизии, противник сбил оставленные ею заслоны, захватил Чесники и продолжал распространяться к дороге Замостье–Грубешов. Дальнейшее продвижение его на север грозило разрезать армию на две части, изолировать 6-ю и 11-ю дивизии от 4-й и 14-й. Этого нельзя было допустить. Удар в направлении Чесники, Невирков, Котлице и освобождение этих пунктов от противника мы возложили на 6-ю дивизию» (*Буденный 2*. С. 365).

ТЕРЕБИН, 1 СЕНТЯБРЯ

[1] *Армприказ – отступать, мы окружены, потеряли связь с 12⟨-й⟩ армией, связи ни с кем.* – Ср. с воспоминаниями Буденного:

«Попытки противника расчленить Конармию и разгромить по частям успеха не имели. Но положение оставалось угрожающим. Наши дивизии оказались зажатыми между двумя вражескими группировками в коридоре шириной всего 12–15 километров в районе Свидники–Хорышов-Польский–Чесники–Невирков–Хорышов-Русский. Причем польские войска нажимали не только с юга и севера, но и с запада, со стороны Замостья. А на востоке, захватив переправы на реке Хучва, противник отрезал нас от войск Западного фронта.

Надежда на помощь 12-й армии окончательно испарилась, мы даже не представляли, где она находится. Связь с нашим основным штабом и с командованием фронта установить не удавалось.

Ожесточенные бои 30 и 31 августа принесли большие потери и измотали Конармию. Люди выбились из сил. Лошади настолько устали, что буквально валились с ног. Обозы были переполнены ранеными, боеприпасы кончались, медикаментов и перевязочных средств вообще не осталось.

В таких условиях продолжать наступление на Красностав–Люблин против превосходящих сил противника означало обрекать Конармию на верную гибель. Обстановка властно требовала отводить ее на соединение с войсками Западного фронта. И Реввоенсовет отдал приказ с утра 1 сентября начать отход в общем направлении на Грубешов» (*Буденный 2*. С. 370).

[2] *Армию спасает 4⟨-я⟩ див⟨изия⟩. Вот и предатель – Тимошенко.* – По свидетельству Буденного, 4-й дивизии, которой в это время командовал Тимошенко, «отводилась самая ответственная роль» (*Буденный 2*. С. 371). «В голове Конармии, – писал впоследствии Клюев, – двигалась 4-я кавдивизия. После ряда атак она сбила с позиций по линии Молодятыче–Гостинное (в 15 км к западу от Грубешова) и пробилась к р. Гучве у Вержбковице; противник, оправившись, перешел в наступление и сбил ее с переправы. В 12 часов дивизия вновь перешла в наступление и в комбинированном бою уничтожила части 30-го пехполка 10-й польской дивизии, изрубив поголовно два эскадрона казачьей конницы; при дальнейшем движении она столкнулась с частями 2-й пехдивизии, двигавшимися на Грубешов. Это был 4-й полк легионеров, получивший задачу занять г. Грубешов. Полк этот потерял в бою с нами 68 % своего состава, а 30-й пехполк – 50 %. 4-я кавдивизия в этих боях захватила до 1000 человек пленных, 2 орудия, много пулеметов. К ночи 4-я кавдивизия достигла линии Монатыче–Неледов (в 5–8 км к северу от Грубешова). Под прикрытием 4-й кавдивизии были выведены из-под удара противника все армейские обозы» (*Клюев*. С. 128–129).

Ср. также с воспоминаниями Буденного:

«Вышибая по пути неприятельские “пробки”, части 4-й дивизии вышли к Хучве и захватили Вербковице. Бежавший противник не успел разрушить мост, и дивизия, а за ней обозы и полештарм перешли на восточный берег реки. Армия выходила из окружения ⟨...⟩

4-я кавдивизия вновь доказала свою высокую боеспособность, а С.К. Тимошенко подтвердил репутацию толкового военачальника. Несмотря на усталость, после того как они протаранили кольцо окружения, две бригады рысью двинулись к Грубешову и с ходу навалились на противника. Враг обратился в бегство» (*Буденный 2*. С. 374–375, 376).

ТЕРЕБИН–МЕТЕЛИН, 2 СЕНТЯБРЯ

[1] *Армприказ – сдерживать пр⟨отивни⟩ка, стремящегося к Бугу...* – Клюев писал о чуть более поздних датах:

«4 и 5 сентября противник продолжал упорно нажимать как на Конармию, так и на соседние 12-ю и 14-ю армии, которые начали отходить за реку Зап. Буг. Противник стремился сжать Конармию в кольцо в районе Грубешова с целью отрезать ее от переправы.

Чтобы не дать возможности отрезать армию от переправ через реку Зап. Буг у Грубешова и вывести ее из-под фланговых ударов противника, командарм приказал (приказ № 0112/оп/5 IX) главным силам армии отойти в район г. Владимир-Волынск, оставив на переправах через р. Зап. Буг передовые части (на фронте Устилуг–Литовиж)» (*Клюев*. С. 131).

Ср. также с записью в дневнике Орловского от 6 сентября: «Сегодня пытаемся отодвинуться на Владимир-Волынский. Противник напирает на Грубешов. Наши части отводятся за реку Буг и ставят своей задачей – не дать противнику переправиться» (*Орловский*. С. 99).

[2] *Эскадронные командуют полками.* – Ср. с записью в дневнике Орловского от 2 сентября: «Положение армии плачевное. В последних выматывающих боях потеряно $^1/_3$ комсостава и политработников. Убиты военком 14-й кавдивизии и три комбрига. Сплошь да рядом во главе взводов ставились рядовые бойцы. Инициативность понижена. Зачастую командарм и К.Е. Ворошилов, составив оперативный приказ, разъезжались в разные стороны лично руководить частями по его выполнению. Нередко были случаи, когда командование дивизии, не имея сведений о численности противника, бросало на него целую бригаду, тогда как его можно было бы разбить одним полком. Части, разбрасываемые таким образом, выматывались основательно. Требовались срочные пополнения. РВС решил отправить на Дон и Кубань людей для вербовки пополнений» (*Орловский*. С. 98).

МАЛИЦЕ, 3, 4, 5 СЕНТЯБРЯ

[1] *Новый помнаштадив – Орлов.* – Орлов Леонид Александрович, новый помощник начальника штаба дивизии. 17 сентября 1920 г. Орлов был направлен Реввоенсоветом Первой конной армии на Дон, Кубань и в Старобельский уезд Харьковской губ. для вербовки добровольцев в ряды Первой конной (см.: РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 154).

[2] *Гоголевская фигура. Патологический враль, язык без костей...* – Намек на Хлестакова из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».

[3] *Мы взяли Лотов...* – Деревня Лотов была занята 1-й кавбригадой 4-й дивизии: «...21-й полк во главе с комбригом И.В. Тюленевым и командиром полка В.В. Коробковым в конном сомкнутом строю бросился через дамбу и, несмотря на губительный огонь польских пулеметов, ворвался в деревню» (*Буденный 2*. С. 373).

БУДЯТИЧИ, 6 СЕНТЯБРЯ

[1] *Будятичи занято 44⟨-й⟩ див⟨изией⟩.* – Речь идет о 44-й дивизии 12-й армии.

БУДЯТИЧИ, 7 СЕНТЯБРЯ

[1] *Пр⟨отивни⟩к пытается перейти на нашу сторону Буга, 14⟨-я⟩ дивизия⟨,⟩ спешившись⟨,⟩ отбила его.* – Ср. с воспоминаниями Буденного:

«…2 сентября, подтянув свежие силы, при поддержке большого количества артиллерии и авиации противник начал наступление, особенно настойчивое на флангах. Три дня шли ожесточенные бои. Наши дивизии не только сдержали натиск, но и отбросили польские войска, захватив ряд населенных пунктов на западном берегу Хучвы.

Но соединения 12-й армии под давлением белополяков отошли за Буг. Неприятель охватывал наши фланги. Севернее нас он овладел переправой в Городило и развил наступление на юго-восток, а южнее польская кавалерия двинулась к Крылову.

Опасность оказаться отрезанной от переправ и зажатой между реками Хучва и Буг заставила нас отходить. 6 сентября под прикрытием сильных заслонов дивизии двинулись на восток, чтобы к рассвету следующего дня переправиться за Буг и занять оборону по его правому берегу» (*Буденный 2.* С. 377).

КОВЕЛЬ, 10 СЕНТЯБРЯ

[1] *Поарм* – политический отдел армии.

[2] *Ужин у Зданевича…* – О В.П. Зданевиче см. примеч. к письму К. Лютова Зданевичу, помещенному в «Красном кавалеристе» 11 сентября 1920 г. (с. 404 наст. изд.).

КОВЕЛЬ, 11 СЕНТЯБРЯ

[1] *…старики у синагоги, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ парики…* – По религиозной традиции, замужние еврейки носят парики.

[2] *Армупроста* – армейское управление Российского телеграфного агентства.

[3] *Кузьмин* Николай Николаевич (1883–1938) – военный и партийный деятель, временно исполнял должность командующего 12-й армией (с 20 августа по 26 октября 1920 г.). В мае 1937 г. арестован, в феврале 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

КИВЕРЦЫ, 12 СЕНТЯБРЯ

[1] *Двенадцатая армия губит фронт и Конармию, открывает наши фланги, заставляет затыкать собой все дыры.* – Ср. с записями в дневнике Орловского:

«*11 сентября* ⟨…⟩ Получена телеграмма от командарма 12 т. Кузьмина, предлагающая для поддержки операции 12-й армии на Влодаву бросить вдоль р. Буга одну из дивизий Конармии. С.М. Буденный ответил отказом, разъяснив невозможность сделать это, так как, во-первых, дивизию придется флангом поставить под обстрел противника, во-вторых, вся армия, согласно директивы командарма, должна отдыхать, смененная частями 12-й армии.

По мнению К.Е. Ворошилова, 12-я армия, из-за неудачного плана, едва ли проведет эту операцию благополучно и поставит под угрозу Ковель ⟨…⟩

12 сентября ⟨…⟩ Командарм 12 прислал две телеграммы с просьбой о направлении одной дивизии на Ковель, так как по линии Брест-Литовск–Майдан прорвались

6 бронепоездов и угрожают обстрелом Ковелю. РВС Конармии отказал в поддержке командарму, указав, что план, выработанный 12-й армией, привел к тому, что командование 12-й армии оттянуло свой резерв слишком далеко и вместо концентрации кулака у Ковеля распылило свои части» (*Орловский*. С. 102–103).

КИВЕРЦЫ, 13 СЕНТЯБРЯ

[1] *Евр⟨ейский⟩ Новый Год.* – Рош-а-Шана, или еврейский Новый год, празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь).

[2] *Ишас хаил угощает меня хлебом с маслом.* – Бабель употребляет идишистский вариант (точнее, «эшес хаиль») библейской цитаты об «“эшет хаиль” (Притч. [Соломона] 12:14 и 31:10) – буквально “мужественная женщина”, метафорически – крепкая, настоящая хозяйка, опора семьи, оплот благополучия» (*Петровский-Штерн Й.* Одиссей среди кентавров // Егупец: Альманах. Киев, 2001. Вып. 9. С. 222).

КЛЕВАНЬ, 15 СЕНТЯБРЯ

[1] *Ужин у Гасниковой.* – После этой фразы оставлено примерно полторы чистые страницы. На третьей сторонке обложки тетради сделаны наброски:

«ИЭ ⟨?⟩
30 Броды
31 Лешнюв–Гржималовка
1 Лешнюв – Бой под Лешнювым
Под Белавцами
2 Белавцы тачанки нет Бой под Бродами. Едем
на Радзивилов. Паника на мосту. Ночь в лесу. Питпункт.
3 В Броды. Дивизия под Клекотовым. Бой
под Клекотов. [отор] Питпункт. Обстрел.
О полн⟨…⟩ и про⟨…⟩
КАУЛЬ КАУЛЬ КАУЛЬ
14. Ночуем в Нивице – КАУЛЬ Яблоновка
⟨*нрзб.*⟩
15. Взятие Топорова. Формиров. У Буска.
16. Из Яблоновки к Ракобутам. Переправились.
Еду опрашив⟨ать⟩ пленных. Потерял. Нов. Милятин. –
17. Выступаем к Лиски, Задвурдзе. –

Хотин. – Курдюков – Мошер – Матяш. –
Лешнюв – Задвурдзе. –

21–22 – Адамы
22–23 – Витков
24–25 – Сокаль
26 – Василов

25–26 – Сокаль
27 – Сокаль–Василов
28 – Василов–Комаров
29 – Из Комарова-Лабуне. Пневск
30 Пневск–Ситанец
31 Теребин».

Сохранились также закладки к дневнику: «Замок Кулачковского», «Лабуне», «На перевязке», «Ночь под Замостьем», «Ужин manqué».

ПЛАНЫ И НАБРОСКИ К «КОНАРМИИ»

Впервые в отрывках: Литературное наследство. Т. 74. С. 490–499 (публ. И.А. Смирина). Впервые полностью: Литературное обозрение. 1995. № 2. С. 49–66 (публ. Э.И. Когана).

Печатается по автографу (частное собрание, США).

Наброски сделаны на разрозненных листах, не датированы и не пронумерованы. Нумерация дается в угловых скобках в соответствии с нумерацией и систематизацией набросков в первой полной публикации. На самом деле набросок «⟨6⟩ Демид⟨овка⟩ 4» является продолжением наброска «⟨5⟩ Демид⟨овка⟩ 3», но, чтобы не нарушать сложившуюся традицию публикаций и нумерацию, они воспроизводятся как два самостоятельных наброска с указанием в конце первого из них: «⟨*продолжение на следующей странице*⟩».

Четыре наброска сделаны на оборотах листов с текстами, представляющими собой, по всей вероятности, фрагменты выписок из газет о международном положении. На обороте наброска «⟨29⟩ Теребин» упомянуто: «Temps от 1/X»; на обороте наброска «⟨30⟩ Будятичи» говорится о правительстве Бриана, надо понимать, о седьмом правительстве, правившем с 16 января 1921 г. по 12 января 1922 г.; на обороте наброска «⟨31⟩ Владимир⟨-⟩Вол⟨ынский⟩ дважды дана ссылка: «Stamboul, 2.10.21»; наконец, оборот наброска «⟨43⟩ Три военкома» содержит ссылку: «Temps 1.10.21». Вероятно, бóльшая часть планов и набросков относится к осени 1921 и к 1922 г.

Листы с набросками ⟨22⟩, ⟨32⟩, ⟨33⟩, ⟨34⟩ дошли до нас со значительными утратами текста (были разорваны пополам). Печатаются в том виде, в котором сохранились.

⟨1⟩ БЕЛЕВ–БОРАТИН

В наброске использованы дневниковые записи 16–19 июля.

[1] *...переход в лесах с начдивом...* – Ср. с дневниковой записью от 16 июля: «Еду с начдивом, штабной эскадрон, скачут кони, леса, дубы, тропинки, красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон – одно тело».

⟨2⟩ ДЕМИДОВКА

В этом наброске, как и в последующих – с ⟨3⟩ по ⟨6⟩, использованы в основном дневниковые записи от 24 и 25 июля, а также более ранняя запись от 19 июля.

[1] *9 Аба. – Разрушение Ерусалима.* – См. примеч. 6 к дневниковой записи от 24 июля.

[2] *Описание девушки из Кременца.* – Ср. с дневниковой записью от 24 июля: «Прищепа ухаживает за еврейкой из Кременца, хорошенькая, полная, в гладком платье. Она нежно краснеет, кривой тесть сидит неподалеку, она цветет, с Прищепой можно поговорить, она цветет и жеманится…»

[3] *«Три сестры»* – пьеса А.П. Чехова (1900).

[4] *Плач Иеремии.* – У христиан книга Ветхого Завета, у иудеев – 32-я часть Танаха (Священного Писания), 6-я книга Ктувим (3-го раздела Священного Писания), представляющая собой плачевную песнь, в которой выражается скорбь о бедствии, постигшем израильский народ в 586 г. до н.э., когда вавилонский царь Навуходоносор разрушил Иерусалим. Автором книги традиционно считается пророк Иеремия (ок. 655 до н.э. – после 586 до н.э.).

[5] *Гордость Иды Ароновны сломлена.* – Ср. в этом же наброске: «Дора Ароновна – у нас праздник – бледнеет от гордости».

⟨3⟩ ДЕМИДОВКА

[1] *…отец мой в Бродской синагоге, окруженный купцами на хорах.* – Бродская синагога в Одессе – первая хоральная синагога в России, названа по имени города Броды, откуда в основном происходили евреи, построившие ее за свой счет; была широко известна не только в России, но и в Европе. По всей видимости, отец писателя Э.И. Бабель ходил в Бродскую синагогу (современный адрес – ул. Жуковского, 18), она располагалась неподалеку от их дома по Ришельевской, 17. В настоящее время в здании бывшей Бродской синагоги помещается Государственный архив Одесской области.

⟨4⟩ ДЕМИД⟨ОВКА⟩

[1] *«Русское богатство»* – ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 г. В разные годы имел различную политическую направленность. Так, с 1892 г. журнал выражал взгляды народников, после революции 1905 г. (возглавлялся в эти годы В.Г. Короленко) перешел на либеральные позиции. В 1906 г. «Русское богатство» было закрыто правительством и выходило под именем «Современные записки» и «Современность»; с мая 1906 г. прежнее название было возвращено. С сентября 1914 до марта 1917 г. журнал назывался «Русские записки». Во время Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. Коллектив журнала враждебно встретил Октябрьскую революцию 1917 г., в связи с чем в 1918 г. был закрыт окончательно.

В комментарии к данному наброску Коган отмечает, что в дневнике Бабеля у Доры Ароновны иные литературные пристрастия (см.: Планы и наброски к «Конармии» // Литературное обозрение. 1995. № 2. С. 57); ср. с дневниковой записью от 24 июля: «Зубной врач – Дора Ароновна, читает Арцыбашева ⟨…⟩ а вокруг гуляет казачье».

⟨5⟩ ДЕМИД⟨ОВКА⟩

[1] *Грищук не хочет бежать.* – Ср. с дневниковыми записями от 19 июля: «50 верст от дому, 6 л⟨ет⟩ не был дома, не убегает» и от 23 июля: «Грищуку 50 верст от дому. Он не убегает».

[2] *Польский замок графа Ледоховского.* – Ср. с дневниковой записью от 19 июля: «Против нас – особняк гр⟨афа⟩ Ледоховского, белое здание над озером, невысокое, некричащее, полное благородства…»

[3] *...знаменитые медные зеленоватые семисвечники...* – Речь идет о подсвечнике менора, одном из древнейших атрибутов иудаизма, символизирующем золотой семиствольный светильник, который, согласно Библии, находился в Скинии Собрания во время скитания евреев по пустыне, а затем в Иерусалимском Храме, вплоть до разрушения Второго Храма.

⟨7⟩

Весь набросок перечеркнут.

[1] *Грищук. – Голод его.* – Имеется в виду голод Грищука в германском плену.

⟨8⟩ ЛЕШНЮВ. 29.7.20.

В наброске переработана дневниковая запись от 29 июля.

[1] *Дождь-победитель, галиц⟨ийское⟩ местечко – сквозь сетку дождя.* – Ср. с дневниковой записью: «Вот и начинается могущественный дождь, истинный победитель. – Шлепаем по грязи, пронизывающий мелкий дождь».

[2] *Ночь у Фроима.* – Ср. с дневниковой записью: «Утром уезжаем в Лешнюв. Снова у ⟨…⟩ прежнего хозяина – чернобородого, безногого Фроима».

[3] *Говинский и Грищук.* – Ср. с дневниковой записью: «У меня новый кучер – поляк Говинский, высокий, проворный, говорливый, суетливый и, конечно, наглый парень. – Грищук идет домой ⟨…⟩ Говинский и Грищук спят – злоба…»

⟨9⟩

[1] *Гржималовка, починок из двадцати-тридцати хат...* – Ср. с дневниковой записью от 31 августа: «К вечеру – в Гржималовку (сев⟨ернее⟩ Чуровице – разоренная деревня⟨)⟩…» Починок – здесь: выселки, новоселок.

[2] *...приснопамятную Чуровицкую переправу.* – Переправа у Чуровице упоминается в дневниковых записях от 25, 26, 28 и 31 июля.

⟨10⟩ 3 АВГУСТА. БОЙ ПОД БР⟨ОДАМИ⟩

[1] *Визит Конст⟨антина⟩ Карл⟨овича⟩ и Тимошенки. Бой кончился сменой комсостава.* – О смене руководства 6-й дивизии см. примеч. 1 к дневниковой записи от 5 августа.

[2] *Чего тебе, Масейка.* – «Шепелявый Мойсейка» станет персонажем рассказа «Как это делалось в Одессе» (1923).

⟨11⟩ БОЙ ПОД БР⟨ОДАМИ⟩

[1] *Убитые, зарубленные, солнце, пшеница, солдатские книжки, листки Евангелия.* – См. примеч. 7 к рассказу «Иваны».

⟨12⟩ БОЙ ПОД БР⟨ОДАМИ⟩

[1] *В грехах, к⟨а⟩к репьях.* – Поговорка использована в рассказе «Вдова».

[2] *Своя рогожа – чужой рожи дороже.* – Поговорка использована в первой (*ОИ*) и повторной (*Кр. Н.*) публикациях рассказа «Конкин» и в рассказе «Иваны».

⟨13⟩ БОЙ ПОД БР⟨ОДАМИ⟩

Набросок перекликается с дневниковой записью от 2 августа.

[1] *Я перевязываю.* – Ср. с более ранней дневниковой записью от 6 июля: «Я медик».

⟨14⟩ БОЙ ПОД БР⟨ОДАМИ⟩

[1] *Воззвания Пильсудского.* – Ср. с дневниковой записью от 15 июля: «Взяли воззвание Пильсудского – Воины Речи Посполитой. Трогательное воззвание».

[2] *Колесников и Гришин.* – См. преамбулу примеч. к рассказу «Комбриг 2».

[3] *Конкин.* – См. преамбулу примеч. к рассказу «Конкин».

[4] *Левка* – ординарец Апанасенко, один из персонажей рассказа «Вдова»; упоминается также в рассказе «Афонька Бида».

⟨15⟩ БОЙ ПОД БР⟨ОДАМИ⟩. II

[1] *Броды или Радзивилов.* – Ср. с дневниковой записью от 2 августа: «В ⟨...⟩ Радзив⟨илове⟩ должен быть админ⟨истративный⟩ штаб и все обозы, по моему мнению, в Броды ехать интереснее, бой идет за Броды».

[2] *Простокваша tanque.* – Ср. с наброском ⟨13⟩: «Жалко простокваши».

[3]*Плутания с 4⟨-й⟩ дивиз⟨ией⟩.* – Ср. с дневниковой записью от 3 августа: «...на шоссе обстреляли, свист снарядов, разрывы в 20 шагах, чувство безнадежности, обозы скачут, я прибился к 20⟨-му⟩ полку 4⟨-й⟩ див⟨изии⟩, раненые, вздорный командир ⟨...⟩ Кухня, разговоры, сидим на траве, полк вдруг выступает, мне нужно к Радзивилову, полк идет к Лешнюву, и я бессилен, боюсь оторваться. Бесконечное путешествие, пыльные дороги ⟨...⟩ Едем, у меня ужасное чувство – я отдаляюсь от дивизии».

[4] *Я с евреем не разговариваю.* – Ср. с дневниковой записью от 3 августа: «...я прошу хлеба у красноармейца, он мне отвечает – с евреями не имею дело, я чужой...»

[5] *Наши герои – ужасные люди.* – Эти слова принадлежат медсестре, оказавшейся в начале августа попутчицей Бабеля–Лютова; ср. с дневниковой записью от 3 августа: «Лошадь мучает, я гоняюсь за ней, пристал к сестре, спим на тачанке, сестра – старая, лысая, вероятно еврейка, мученица, эта невыносимая брань, повозочный ее сталкивает, лошади путаются, повозочного не разбудишь, он груб и ругается, она говорит – наши

герои – ужасные люди. Она ⟨…⟩ укрывает его, они спят обнявшись, несчастная, старая сестра…»

[6] *Затем – у нас на тачанке, мертвецы.* – Ср. с дневниковой записью от 3 августа: «Опять назад, я думаю, что не выдержу, еще и рысью ⟨…⟩ сначала еду с командиром, потом пристаю к обозам ⟨…⟩ хочу пересесть на телегу, у всех один ответ – пристали кони, ну, скинь меня и садись сам, сядь, дорогой, только здесь убитые, я смотрю на рядно, под ним убитые».

[7] *В Радзивилове. К⟨онстантин⟩ Карлов⟨ич⟩ – Шеко.* – Ср. с дневниковой записью от 4 августа: «Приезжает Жолнеркевич с эскадроном, он жалок ⟨…⟩ У него жар, он говорит то, чего говорить не следовало, перебранка с Шеко, тот сразу поднял тон, нач⟨альник⟩ штаба приказал вам явиться в штаб, мне сдавать нечего, я не мальчик, чтобы шляться по штабам, оставил эскадрон и уехал».

⟨16⟩ ДИАЛОГИ. БОЙ ПОД БРОДАМИ

[1] *Украли уздечку.* – Ср. с дневниковой записью от 3 августа: «Просыпаюсь через два часа – украли уздечку. Отчаяние. Рассвет».

⟨17⟩ БРОДЫ

Ср. данный набросок с фрагментами из рассказа «Путь в Броды»: «За перевалом нас ждало видение мертвенных и зубчатых Брод»; «О Броды! Мумии твоих раздавленных страстей дышали на меня непреоборимым ядом. Я ощущал уже смертельный холод глазниц, налитых стынувшей слезой. И вот – трясущийся галоп уносит меня от выщербленного камня твоих синагог…» Ср. также с дневниковой записью от 30 июля: «Город разрушен, ограблен. Город огромного интереса. Польская культура. Старинное, богатое, своеобразное евр⟨ейское⟩ поселение».

[1] *Бродская синагога в Одессе…* – См. примеч. 1 к наброску ⟨3⟩.

[2] *Хасидизм с вытекшими глазницами.* – Эти слова использованы в рассказе «Рабби», во фразе, произнесенной Гедали: «С вытекшими глазницами хасидизм все еще стоит на перекрестке яростных ветров истории».

[3] *Видение старины – за Белзского раввина и за Гусятинского.* – См. примеч. 2, 3 и 4 к рассказу «Эскадронный Трунов».

[4] *В щелочку.* – «В щелочку» – название одного из ранних рассказов Бабеля (1917).

⟨18⟩ ПОЖАР В ЛАШКОВЕ

В наброске использована дневниковая запись, сделанная в Лашкове 10 августа: «Наши козаки, тяжкое зрелище, тащат с заднего крыльца, глаза горят, у всех неловкость, стеснение, неискоренима эта т⟨ак⟩ наз⟨ываемая⟩ привычка. Все хоругви, старинные Четьи-Минеи, иконы вынесены, странные раскрашенные бело-розовые, бело-голубые фигурки, уродливые, плосколицые, китайские или буддийские, масса бумажных цветов, загорится ли церковь, крестьянки в молчании ломают руки, население, испуганное и молчаливое, бегает босичком, каждый садится у своей хаты с ведром. Они апатичны,

прибиты, нечувствительны – необычайно, они бросились бы даже тушить 〈...〉 портрет графа Андрея Шептицкого, митрополита Галицкого, мужественный магнат с черным перстнем на большой и породистой 〈руке〉. У старого священника〈,〉 35 лет прослужившего в Лашкове〈,〉 трепещет все время нижняя губа, он рассказывает мне о Шептицком, тот не “выхован” в польском духе, из русинских вельмож “граф на Шептицах”, потом ушли к полякам, брат – главнокомандующий польск〈ими〉 войсками, Андрей вернулся к русинам. Своя давняя культура, тихая и прочная. Хороший интеллигентный батюшка, припасший мучку, курицу, хочет поговорить об университетах, о русинах, несчастный, у него живет Апанасенко в красном казакине. – Ночью – необыкновенное зрелище 〈...〉 ярко догорает шоссе, моя комната освещена, я работаю, горит лампочка, покой...»

1 *Апанасенко на пожаре, похож на Уточкина.* – Похожесть Апанасенко на Уточкина Бабель отмечает в дневнике; см. примеч. 2 к дневниковой записи от 11 августа.

〈19〉 МИЛЯТЫН

1 *Ксендз. Похороны. – Полька.* – Ср. с дневниковой записью от 18 августа: «В ст. Милатине церковь, квартира ксендза, ксендз в роскошной квартире – это незабываемо – он ежеминутно жмет мне руку, отправляется хоронить мертвого поляка, приседает, спрашивает – хороший ли начальник, лицо типично – иезуитское, бритое, серые глаза бегают〈,〉 и к〈а〉к это хорошо, плачущая полька, племянница, просящая, чтобы ей вернули телку, слезы и кокетливая улыбка, совсем по-польски».

2 *Разжалованный начдив. – Потом звезда Корочаева – еврей, помощн〈ик〉 командира эскадрона.* – Речь идет о Д.Д. Коротчаеве (см. примеч. 1 к рассказу «Смерть Долгушова») и его «оруженосце-еврее» (дневниковая запись от 8 августа).

3 *Высокий неподвижный человек, грузный, как инспектор у Короленки...* – Имеётся в виду инспектор (а затем директор) гимназии в Ровно Степан Яковлевич Рущевич из автобиографического произведения Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) «История моего современника»: «Это была тоже характерная, почти символическая фигура. Огромный, грузный, в широком мундире и широчайших брюках, – это был какой-то чиновничий массив, с лицом, точно вырубленным из дуба и обрамленным двумя седоватыми чиновничьими бакенбардами. Голос у него был тоже огромный, грузный, и на всех этих количественных преимуществах покоился его педагогический авторитет» (*Короленко В.Г.* История моего современника. Л.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 161).

4 *...базилианский монастырь...* – Базилиане (василиане) – общее название нескольких католических монашеских орденов византийского обряда, следующих общежительному уставу, который приписывается св. Василию Великому.

5 *Сидят друг против друга – выпу〈чив〉 глаза...* – Слева на полях, внизу помета Бабеля: «Од〈есские〉 рассказы Д〈*нрзб.*〉».

〈21〉 ЗАДВУРДЗЕ

1 *Письмо к Шепелеву?* – В публикации в «Литературном обозрении» неверно: «Письмо к Шевелеву?» (Шевелев – герой рассказа «Вдова»). Возможно, использована фамилия Шепелева Георгия Георгиевича, который с 13 по 28 сентября 1920 г. был

военным комиссаром 6-й кавалерийской дивизии; 28 сентября зверски убит конармейцами-погромщиками за то, что, выполняя свой долг, защищал мирное население в селе Новое Место. В ряде других набросков действительно дана фамилия Шевелев.

⟨22⟩ ЗАДВУРДЗЕ. 17.8.20

В наброске использована дневниковая запись от 18 августа: «Н. Милатин. С военкомом в стран⟨н⟩оприим⟨нице⟩, какое-то подворье, сараи, ночь, своды, прислужница ксендза, мрачно, грязно, мириады мух, усталость ни с чем не сравнимая, усталость фронта. – Рассвет ⟨…⟩ выезжаем, должны прорвать ж⟨елезную⟩ д⟨орогу⟩ (все это происходит 17/VIII), ж⟨елезную⟩ д⟨орогу⟩ Броды⟨–⟩Львов. – Мой первый бой, видел атаку, собираются у кустов, к Апанасенке ездят комбриги – осторожный Книга, хитрит ⟨…⟩ приезжает, забросает словами, тычут пальцами в бугры – по⟨-⟩под лесом, по⟨-⟩над лощиной, открыли неприятеля, полки несутся в атаку, шашки на солнце, бледные командиры, твердые ноги Апанасенки, ура ⟨…⟩ Что было? Поле, пыль, штаб у равнины, неистово ругающийся Апанасенко, комбриг – уничтожить эту сволочь в… бандяги. – Настроение перед боем, голод, жара, скачут в атаку сестры».

⟨24⟩ ПОЛЬСКАЯ АВИАЦИЯ. БОЙ ПОД ЛЬВОВОМ

См. примеч. 9 к рассказу «Эскадронный Трунов», а также примеч. 1 к дневниковой записи от 14 июля и примеч. 11 к дневниковой записи от 18 августа.

⟨25⟩ СОКАЛЬ. 1

См. примеч. к рассказу «Эскадронный Трунов».

1 *…и страдания посередь той армии понимаю.* – Фраза использована в рассказе «Продолжение истории одной лошади».

2 *Порядок: Евреи. Аэроплан. Могила. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют.* – Тимошенко (Савицкий) не стал героем рассказа «Эскадронный Трунов», к которому сделан этот набросок. Ср. также со следующим наброском: «Помню, сказал Тимош⟨енко⟩, вот бы он теперь пригодился».

3 *Проиграл я тебя, Саша.* – Эти слова использованы в рассказе «История одной лошади», в реплике Хлебникова: «…проиграл ты меня, военком». Ср. также со следующим наброском: «Проиграл я тебя, Пава…»

4 *Илья-Гаон* – См. примеч. 6 и 7 к рассказу «Эскадронный Трунов».

5 *Баал-Шем* (или Баал-Шем-Тов) – букв.: владеющий именем Божиим. Так в Средние века и позднее называли мудрецов, владевших тайными обозначениями Бога и обладавших чудодейственной силой. Здесь, вероятно, речь идет о рабби Исраэле бен Элиэзире Баал-Шем-Тове (ок. 1700–1760), основателе хасидизма.

⟨26⟩ СОКАЛЬ 2

1 *…о конституции СССР…* – См. преамбулу примеч. к рассказу «Эскадронный Трунов».

⟨27⟩ СМЕРТЬ ТРУНОВА

[1] *...казак из могилы – долаживаю вам, тов. начдив, возможная вещь, что здесь и останемся.* – Этот набросок переработан в рассказе «Смерть Долгушова»; см. примеч. 5 к этому рассказу.

[2] *...ком⟨мунистическая⟩ партия есть железная шеренга, бессчетно отдающая свою кровь в первом ряду. И когда из железа текет кровь, то это вам, товарищи, не ⟨...⟩ шутки, – а победа или смерть.* – Этот набросок использован в рассказе «Продолжение истории одной лошади»; см. примеч. 3 к этому рассказу.

⟨28⟩ ЛАБУНЕ

[1] *Все пьяные.* – В дневниковой записи от 29 августа есть указание: «Лабуне. Водочный завод. 8 т⟨ысяч⟩ ведер спирта».

[2] *Усадьба Кулачковских.* – В дневниковой записи от 29 августа есть об этом имении: «Разграбленное поместье Кулачковского у Лабуньки. Белые колонны. Пленительное, хоть и барское устройство. Разрушение невообразимое». См. также набросок ⟨58⟩.

⟨29⟩ ТЕРЕБИН

[1] *Обстановка после поражения.* – Ср. с дневниковой записью от 31 августа: «Комсостав подавлен, грозные призраки разложения армии ⟨...⟩ Ап⟨анасенко⟩ мрачен, Ш⟨еко⟩ жалок. – Разговоры о том, что армия не та, пора на отдых. Что дальше. Ночуем в Чесники – смерзли, устали, молчим, непролазная, засасывающая грязь, осень, дороги разбиты, тоска. Впереди мрачные перспективы».

⟨30⟩ БУДЯТИЧИ

[1] *Встреча с 44⟨-й⟩ див⟨изией⟩.* – Ср. с дневниковой записью от 6 сентября: «Будятичи занято 44⟨-й⟩ див⟨изией⟩».

⟨31⟩ ВЛАДИМИР⟨-⟩ВОЛ⟨ЫНСКИЙ⟩

В основе наброска дневниковая запись, сделанная во Владимире-Волынском 8 сентября: «Приезжаем ночью. Мотня с квартирой, холодная комната у вдовы. Евреи – лавочники. Папаша и мамаша – старики. – Где ты, бабушка? Чернобородый, мягкий муж. Рыжая беременная еврейка моет ноги. У девочки – понос. Теснота, но электричество, тепло. – Ужин – клецки с подсолнечным маслом – благодать. Вот она – густота еврейская. Думают, что я не понимаю по[русски]-еврейски, хитрые, к⟨а⟩к мухи. Город – нищ. – Спим с Бородиным на перине».

⟨32⟩

[1] *Шевелев* – герой рассказа «Вдова», первоначально названного его именем.

⟨33⟩, ⟨34⟩

Наброски к рассказу «Прищепа».

⟨35⟩ ГРИЩУК

[1] *Уехал шесть лет тому назад.* – Ср. о Грищуке в дневниковой записи от 19 июля: «50 верст от дому, 6 л⟨ет⟩ не был дома, не убегает». Однако в рассказе «Учение о тачанке» сказано: «Он не был дома пять лет и два месяца».

⟨36⟩ ГОВИНСКИЙ

О Говинском впервые говорится в дневниковой записи от 29 июля: «У меня новый кучер – поляк Говинский, высокий, проворный, говорливый, суетливый и, конечно, наглый парень». Он также упомянут в записях от 30, 31 июля и 1, 2 августа.

[1] *Афонька Бида* – герой одноименного рассказа, а также персонаж рассказов «Путь в Броды», «Смерть Долгушова», «У святого Валента».

⟨37⟩ КОРОЧАЕВ И ЕВРЕЙ

В дневниковой записи от 8 августа говорится: «...Корочаев, разжалованный Начдив, со своим оруженосцем-евреем. Корочаев был предчека где-то в Астрахани, поковырять его, оттуда посыплется. Дружба с евреем».

[1] *Смерть еврея.* – Смерть «оруженосца» Коротчаева (см. с. 338 наст. изд.) отмечена в дневниковой записи от 18 августа: «Колоссальные потери в комсоставе: ранен тяжело Корочаев, убит его помощник – еврей убит…»

⟨38⟩ ЛЕПИН

[1] *Бунт души. Захотел к латышам. – Его прошения.* – Речь идет о помощнике начальника штаба 6-й дивизии Рейнгольде Лепине (см. примеч. 7 к дневниковой записи от 11 июля) и его рапорте от 7 сентября 1920 г. в Реввоенсовет и начальнику штаба Первой конной армии: «Так как я по происхождению латыш, нравы и быт которых резко отличаются от свойственных составу 1-й конной, то мне многое является не под силу понять в жизни ея, вследствие чего не раз приходится бывать в положении, когда над тобой издеваются, или ты должен делать поневоле то же самое, что больно оскорбляет мое сознание, мешая также прямо или косвенно делу службы. Поэтому ⟨…⟩ прошу ВАШЕГО распоряжения о переводе меня в ЛАТЫШСКУЮ СОВЕТСКУЮ дивизию, где служат как рядовыми бойцами, так и ответственными работниками мои бывшие товарищи по службе, соотечественники, а также и родной брат» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 108).

⟨39⟩ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АПАНАСЕНКИ

Ср. с дневниковой записью от 12 августа: «Свободный день, хорошее дело – корреспондентство, ежели его не запускать. – Надо писать в газету и жизнеописание

Апанасенки». См. также преамбулу примеч. к рассказу «Жизнеописание Павличенки...» и примеч. 2 к дневниковой записи от 4 августа.

⟨40⟩ АП⟨АНАСЕНКО⟩ И ВИНОКУРОВ

[1] *Случай с Яковлевым...* – Яковлев – начальник политотдела 6-й кавалерийской дивизии – несколько раз упоминается в дневнике, см. примеч. 1 к дневниковой записи от 17 июля.

[2] *Винокуров гнет свою линию.* – Ср. с дневниковой записью от 12 августа: «Трения военкома с начдивом, тот встал и вышел с Книгой в то время, когда Яковлев, начподив, делал доклад, Апанасенко пришел к военкому. – Винокуров – типичный военком, гнет свою линию, хочет исправлять 6⟨-ю⟩ дивизию, борьба с партизанщиной, тяжелодум, морит меня речами, иногда груб, всем на ты».

[3] *Инцидент с сестрой.* – Ср. с дневниковой записью от 11 августа: «Сестра приехала, к⟨а⟩к все ясно, это надо описать, она стерта, хочет уезжать, там все были – комендант, эти по крайней мере говорят, Яковлев, и ужас, Гусев. Она жалка, хочет уходить, грустна, говорит непонятно, хочет о чем-то со мною поговорить и смотрит на меня доверчивыми глазами, мол, я друг, а остальные, остальные слезни? Как быстро уничтожили человека, принизили, сделали некрасивым»; а также с дневниковой записью от 18 августа: «Интрига с сестрой. Апан⟨асенко⟩ сделал ей с места в карьер гнусн⟨ое⟩ предл⟨ожение⟩, она, к⟨а⟩к говорят, ночевала, теперь говорит о нем с омерзением, но ей нравится Шеко, а она нравится военкомдиву, который маскирует свой интерес к ней тем, что она, мол, беззащитна, нет средств передвижения, нет защитников. Она рассказывает, к⟨а⟩к за ней ухаживал Конст⟨антин⟩ Карлов⟨ич⟩, кормил, запрещал писать ей письма, а писали ей бесконечно. Яковлев ей страшно нравился, начальник регистрационного отдела (⟨...⟩ белокурый мальчик в красн⟨ой⟩ фуражке⟨)⟩ просил руку и сердце и рыдал, как дитя ⟨...⟩ Была еще какая-то история, но я об ней ничего не узнал. Эпопея с сестрой – и главное, о ней много говорят и ее все презирают, собственный кучер не разговаривает с ней, ее ботиночки, передники, она оделяет⟨,⟩ книжки Бебеля – Женщина и социализм».

[4] *Регистрод* – регистрационный отдел.

⟨41⟩ ТИМОШЕНКО

О Тимошенко (в книге – Савицкий) см. примеч. 1 к рассказу «Мой первый гусь» и примеч. 2 к дневниковой записи от 14 июля.

[1] *...белый жеребец.* – См. примеч. 4 к дневниковой записи от 4 августа.

⟨43⟩ ТРИ ВОЕНКОМА

Ср. с дневниковой записью от 6 августа: «Утром уезжает Бахтуров, за ним свита ⟨...⟩ слежу за работой нового военкома, тупой, но обтесавшийся московский рабочий, вот в чем сила – шаблонные, но великие пути, три военкома – обязательно описать прихрамывающего Губанова, грозу полка, отчаянного рубаку, молодого 23-хлет⟨него⟩ юношу,

скромный Ширяев, хитрый Гришин. Сидят в садку, военком выспрашивает, сплетничают, высокопарно говорят о мировой революции...»

⟨44⟩ ПОРЯДОК

[1] *Шурка Гусевская...* – Ср. с дневниковой записью от 23 июля: «Вакханалия. Сдобная Гусевская Шурка со свитой, красноармейцы – дрянь, обозники, все это топчется на кухне, сыплет картошку, ветчину, пекут коржи».

⟨46⟩ ПРИЕЗ⟨Д⟩ ЖЕНЫ

Во фрагменте дневниковой записи от 9 августа, легшем в основу рассказа «Вдова», есть фраза, по контексту принадлежащая Левке: «Если жена приедет – убью».

⟨47⟩ СЫН АПАНАСЕНКИ

[1] *О мальчиках в армии. – Сын атамана...* – О нем идет речь в дневниковой записи от 11 августа: «...приемыш Володя – маленький козак с старческим лицом, ругается, как большой».

[2] *Александра Вас⟨ильевна⟩. – Очаровательно ⟨...⟩ Глупа. – ЧК и любовь.* – Ср. с дневниковой записью от 11 августа: «Она наивна, глупа, восприимчива даже к революционной фразе, и чудачка, много говорит о революции, служила в Культпросвете ЧК, сколько мужских влияний».

[3] *История про бабу.* – Ср. с названием рассказа Бабеля «Сказка про бабу» (1923).

⟨48⟩ ЗА СТЕНОЙ

В наброске переработана дневниковая запись от 30 июля: «Ночь в гостинице, рядом супруги и разговоры, и слова и... в устах женщины, о русские люди, к⟨а⟩к отвратительно вы проводите ваши ночи и какие голоса стали у ваших женщин. Я слушаю⟨,⟩ затаив дыхание, и мне тяжко».

⟨49⟩ МОЛЧАНИЕ

[1] *Получили телеграмму – Красностав, Холм.* – Речь идет о директиве главнокомандующего С.С. Каменева о переподчинении Первой конной армии Западному фронту. См. примеч. 15 к дневниковой записи от 18 августа и примеч. 1 к дневниковой записи от 23–24 августа.

⟨50⟩ МАНУЙЛОВ И БОГУСЛ⟨АВСКИЙ⟩

21 августа Бабель записал в дневнике: «Два одессита – Мануйлов и Богуславский, опрвоенком авиации, Париж, Лондон, красивый еврей, болтун, статья в евр⟨опейском⟩ журнале, помнаштадив, евреи в Конармии, я ввожу их в корень. Одет во френч – излишки одесской буржуазии, тяжкие сведения об Одессе».

[1] Орлов. *Его разговоры.* – Речь идет о Л.А. Орлове, ставшем в начале сентября 1920 г. помощником начальника штаба 6-й дивизии.

⟨51⟩ ВАРЕНИКИ С ВИШНЯМИ

[1] *К⟨онстантин⟩ Карлов⟨ич⟩ ⟨...⟩ Он рассказывает о хитром фельдшере...* – Ср. с дневниковой записью от 16 июля: «Рассказ Жолнаркевича о хитром фельдшере. Две женщины, надо справиться ⟨...⟩ Дал одной касторки, когда ее схватило – направился к другой. – Страшный случай, солдатская любовь, двое здоровых козаков сторговались с одной – выдержишь, выдержу, один три раза, другой полез – она завертелась по комнате и загадила весь пол, ее выгнали, денег не заплатили, слишком была старательная».

⟨52⟩ ЖИТОМ⟨ИРСКИЙ⟩ НАРКОМ

[1] *...я видел в Финляндии...* – В Финляндии Бабель был в начале 1917 г.: в студенческом деле Петроградского психоневрологического института есть отметка паспортного отдела гельсингфорсской полиции о посещении им Гельсингфорса 8 января 1917 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 19). Судя по всему, он был в Финляндии и весной 1918 г., в командировке от газеты «Новая жизнь», по материалам которой написан очерк «Финны», напечатанный в газете 11 июня 1918 г.

[2] *Сюжет для Андреева.* – Имеется в виду писатель Леонид Николаевич Андреев (1871–1919).

[3] *Фамилии – Уваров, Бартенев.* – Не совсем ясно, предполагал ли Бабель дать эти фамилии персонажам, либо встретил людей с такими фамилиями в реальной жизни. Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – антиковед и государственный деятель. Бартенев Петр Иванович (1829–1912) – историк и литературовед.

⟨53⟩ КОММУНИСТ И КАЗАКИ

[1] *Начальство, стоило кровь проливать.* – Ср. также с дневниковой записью от 26 августа: «Сапожник, сокальский сапожник, пролетарий. Фигура подмастерья, рыжий хасид-сапожник. – Сапожник ждал Советскую власть – он видит жидоедов и грабителей⟨,⟩ и не будет заработку, он потрясен и смотрит недоверчиво». В комментарии к данной записи Коган пишет, что эта фраза, «скорее всего, выражает чувства галицийских евреев к своим освободителям-конармейцам» (Планы и наброски к «Конармии» // Литературное обозрение. 1995. № 2. С. 65).

⟨54⟩ ЧЕХИ

[1] *Поехал в Шпаков.* – Чешская колония в Шпакове упоминается в дневниковой записи от 12 июля.

[2] *Плохой из меня козак.* – Ср. с дневниковой записью от 12 июля: «Ничего не взял, хотя и мог, плохой из меня буденновец».

[3] *Главное – благолепие чешского села.* – Ср. с дневниковой записью от 12 июля: «С восхищением вглядываюсь в нерусскую, чистую, крепкую жизнь чехов».

[4] *Концерт в Катариненштадте.*– «Концерт в Катериненштадте» – так назывался очерк Бабеля, напечатанный в петроградской газете «Жизнь искусства» 13 ноября 1918 г., под рубрикой «Дневник».

[5] *Ингулов* (Рейзер) Сергей Борисович (1893–1938) – в начале 1920-х годов ответственный секретарь Одесского губкома КП(б) Украины и член коллегии одесской ЧК, с 1920 г. член редколлегии газеты «Одесский коммунист»; видный одесский публицист. Впоследствии, в 1935–1937 гг., возглавлял Главлит.

[6] *Тракт⟨ат⟩ о трубке.* – Ср. с дневниковой записью от 12 августа: «Пишу – все о трубках, о давно забытых вещах…»

Курительной трубке посвящен фрагмент в рассказе Бабеля «Пробуждение» (1931):

«Неманов таскал меня с собой потому, что я повиновался ему молча. Он покупал у мистера Троттибэрна трубки, провозимые контрабандой. Эти трубки точил в Линкольне брат старого матроса.

– Джентльмены, – говорил нам мистер Троттибэрн, – помяните мое слово, детей надо делать собственноручно… Курить фабричную трубку – это то же, что вставлять себе в рот клистир… Знаете ли вы, кто такое был Бенвенуто Челлини?.. Это был мастер. Мой брат в Линкольне мог бы рассказать вам о нем. Мой брат никому не мешает жить. Он только убежден в том, что детей надо делать своими руками, а не чужими… Мы не можем не согласиться с ним, джентльмены ⟨…⟩

Трубки линкольнского мастера дышали поэзией. В каждую из них была уложена мысль, капля вечности. В их мундштуке светился желтый глазок, футляры были выложены атласом» (*Рассказы-1934.* С. 251).

[7] *…встречаю Акинфиева…* – Иван Акинфиев – герой двух конармейских рассказов: «Иваны» и «После боя».

⟨58⟩ КНИГИ

[1] *Имение Кулачковского, лошади в гостиной – перечень книг…* – Ср. с дневниковыми записями от 25 августа: «Книги, я увидел книги» и от 29 августа: «Драгоценнейшие книги в сундуке, не успели вывезти – конституция, утвержденная сеймом в начале 18 в⟨ека⟩, старинные фолианты Николая I⟨,⟩ свод польских законов, драгоценные переплеты, польские манускрипты 16 в⟨ека⟩, записки монахов, старинные французские романы».

[2] *Элоиза и Абеляр.* – Абеляр (Abélard) Пьер (1079–1142) – французский философ, теолог, поэт и музыкант. Элоиза – ученица и возлюбленная Абеляра. Возможно, имеется в виду автобиография Абеляра «История моих бедствий», написанная на латинском языке, или переписка Элоизы и Абеляра, переложенная на французский язык в конце XIII в.

[3] *Пьетро Аретино* (Aretino; 1492–1556) – итальянский писатель, публицист и драматург.

[4] *Наполеон* I Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769–1821) – французский император (1804–1815), полководец и государственный деятель. Вероятно, речь идет о сочинении Наполеона или книге о нем.

[5] *Анатоль Франс* (France; 1844–1924) – французский писатель.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФРОНТИСПИС

АЛЬБОМ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ БАБЕЛЯ

Избранные рассказы – Бабель И.Э. Избранные рассказы. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. (Б-ка «Огонек»; № 47 (962))
ИМГ – Бабель И.Э. История моей голубятни: Рассказы. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926
КА-1926 – Бабель И.Э. Конармия. М.; Л.: Госиздат, 1926
КА-1927– Бабель И.Э. Конармия. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1927
КА-1927(Ф) – Бабель И.Э. Конармия. 3-е изд. М.: Федерация объединений советских писателей, 1927
КА-1928 – Бабель И.Э. Конармия. 3-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1928
КА-1930 – Бабель И.Э. Конармия. 4-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1930
КА-1931 – Бабель И.Э. Конармия. V–VI изд., испр. М.; Л.: Гослитиздат, 1931
КА-1933 – Бабель И.Э. Конармия. VII–VIII изд., доп. М.; Л.: Гослитиздат, 1933
КСИ – Бабель И.Э. Конец св. Ипатия. М.; Л.: Земля и фабрика, 1927
ЛК – Бабель И.Э. Любка Козак. М.: Огонек, 1925. (Б-ка «Огонек»)
Рассказы-1925(1) – Бабель И.Э. Рассказы. М.: Огонек, 1925. (Б-ка «Огонек»; № 5)
Рассказы-1925(2) – Бабель И.Э. Рассказы. М.; Л.: Госиздат, 1925
Рассказы-1927 – Бабель И.Э. Рассказы. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1927
Рассказы-1934 – Бабель И.Э. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1934
Рассказы-1935 – Бабель И.Э. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1935
Рассказы-1936 – Бабель И.Э. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1936

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, КНИГИ И ПЕРИОДИКА

Автограф – беловой автограф (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1455)
Буденный 1 – Буденный С.М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1958. Кн. 1
Буденный 2 – Буденный С.М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1965. Кн. 2
Директивы – Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. документов. В 4 т. Т. 3: Апрель 1920 г. – 1922 г. М.: Воениздат, 1974
Клюев – Клюев Л.Л. Первая Конная красная армия на польском фронте в 1920 году. М.: Воениздат, 1932
КК – газета «Красный кавалерист», орган Политотдела Первой конной армии
Кр. газ. – Красная газета (Петроград, Ленинград)
Кр. Н. – журнал «Красная новь» (Москва)
Кр. нива – журнал «Красная нива», приложение к газете «Известия» (Москва)

Машинопись – машинописный экземпляр с авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403; ОР ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 2)
ОИ – газета «Известия Одесского губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета»
ОИ (лит.-худ. приложение) – Литературно-художественное приложение к газете «Известия Одесского губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета»
ОИ (приложение) – Литературно-научное приложение к газете «Известия Одесского губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета»
Орловский – *Орловский С.Н.* Великий год: Дневник конноармейца. М.; Л.: Госиздат, 1930
Пролетарий – литературно-художественный альманах (Харьков, 1926)
РС – журнал «Русский современник» (Ленинград)
Список – список рукой неустановленного лица с авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 4)
Шк. – журнал «Шквал» (Одесса)

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ГАК – Государственный архив Киева
ГАНО – Государственный архив Николаевской области
ГАОО – Государственный архив Одесской области
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР ИМЛИ – отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

КОНАРМИЯ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Бабель И.Э.

Конармия / подгот. Е.И. Погорельская; [отв. ред. Н.В. Корниенко]. – М.: Наука, 2018. – 470 с. – (Литературные памятники). – ISBN 978-5-02-040097-9

«Конармия» – главное произведение И.Э. Бабеля. Оно посвящено польскому походу Первой конной армии в 1920 г. Книга печатается по первому отдельному изданию, выпущенному Госиздатом в 1926 г. и включавшему 34 рассказа. В «Дополнения» вошли четыре рассказа, которые примыкают к конармейскому циклу, статьи из газеты «Красный кавалерист», дневник 1920 года, «Планы и наброски к “Конармии”», «Разночтения в рассказах». В примечаниях сопоставлены упомянутые в «Конармии» и в дневнике Бабеля исторические реалии с мемуарами С.М. Буденного и свидетельствами других участников событий, а также с подлинными документами периода советско-польской войны 1920 г. Среди иллюстраций фотографии Бабеля и его окружения, автографы писателя и другие уникальные материалы.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ БАБЕЛЬ

КОНАРМИЯ

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор *М.Л. Береснева*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Г.А. Терентьева,*
Л.М. Федорова

Подписано к печати 01.11.2018.
Формат 70 × $90^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная
Усл.печ.л. 34,5. Уч.-изд.л. 33,0
Тип. зак. 1112

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: info@naukaran.com
naukapublishers.ru

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040097-9

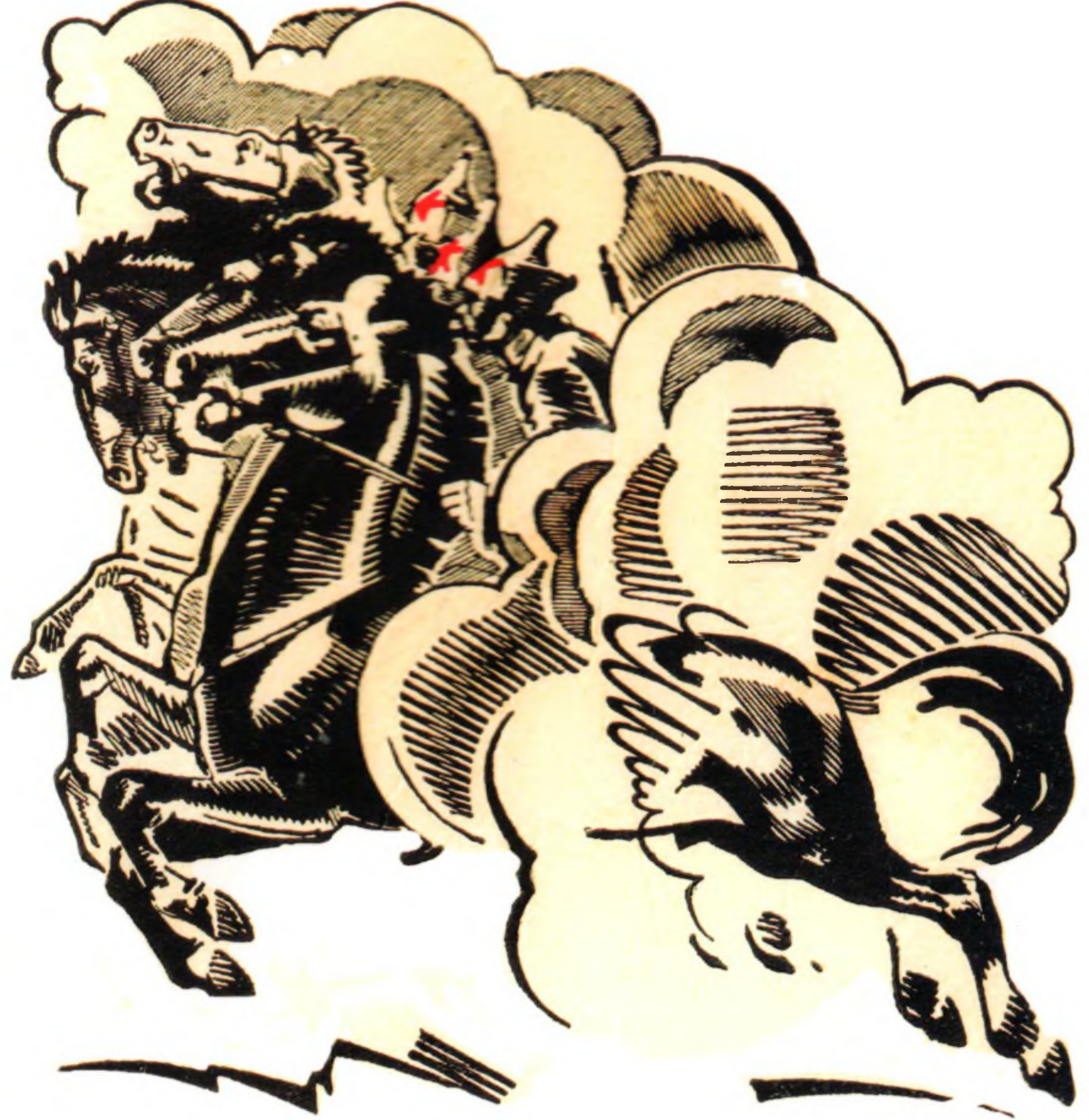
9 785020 400979

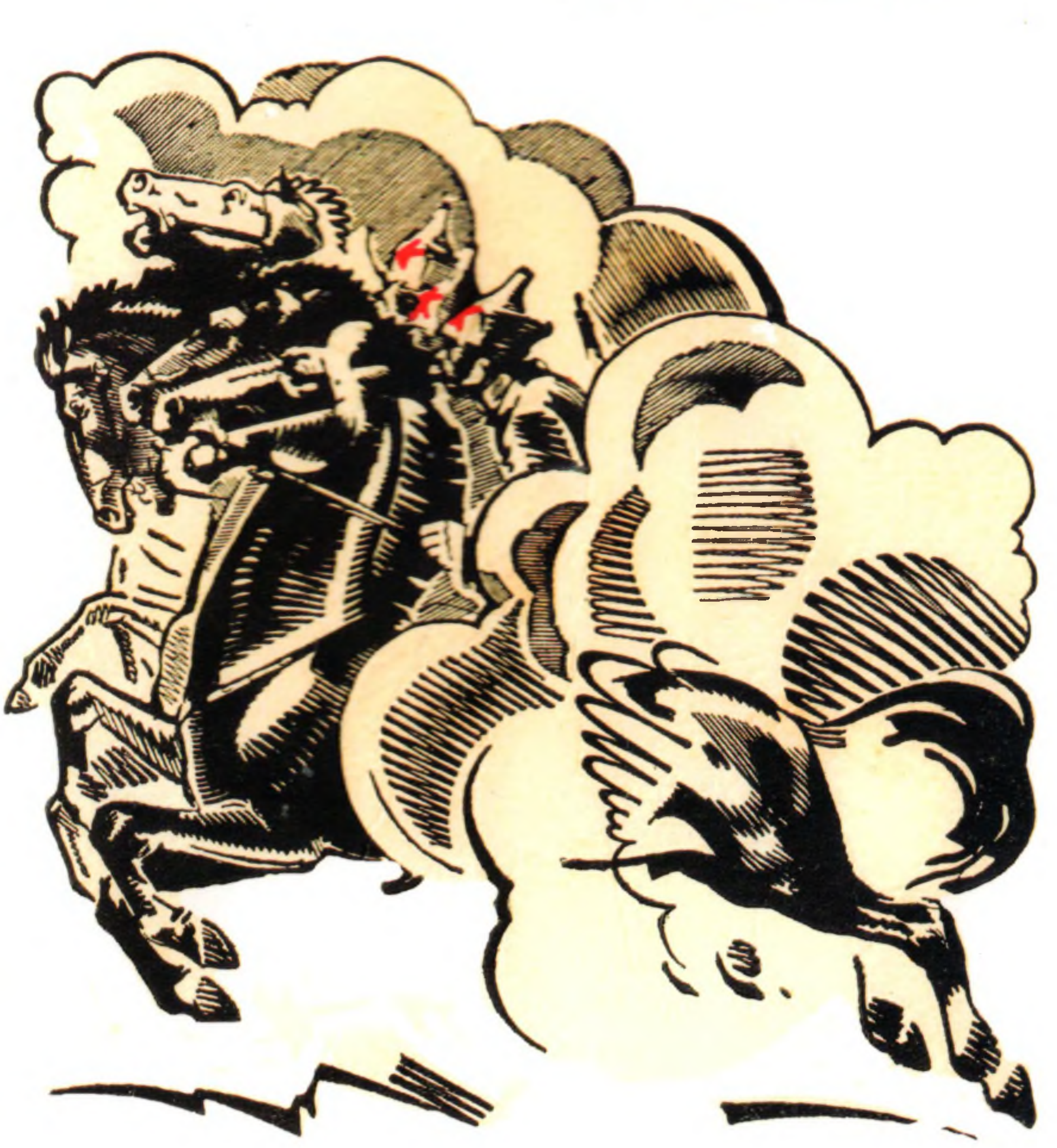
Рисунок
П. А. Алякринского
с обложки первого издания
«Конармии», 1926
(фрагмент)

ISBN 978-5-02-040097-9

NAUKA

И. БАБЕЛЬ
Конармия

И. БАБЕЛЬ ◆ КОНАРМИЯ

НАУКА